ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

1892.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1893.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *В. Дружининъ.*

Фототип. А. И. Вильборгъ

С.-Петербургъ, Мѣщ. 19

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

Списокъ рецензированныхъ книгъ [1]*):*

а) На русскомъ языкѣ.

---

1) Въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ или заглавій. Фамиліи рецензентовъ поставлены въ скобкахъ.

б) На иностранныхъ языкахъ.

ТАБЛИЦЫ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 13 февраля 1892 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: о. Алексѣй (Виноградовъ), В. Г. Васильевскій, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, О. Э. Леммъ, Ю. Б. Иверсенъ, Д. Ѳ. Кобеко, А. В. Комаровъ, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, г. Пападопуло-Керамевсъ, Г. Н. Потанинъ, князь П. А. Путятинъ, А. М. Позднѣевъ, В. В. Радловъ, П. А. Сырку, А. И. Савельевъ, гр. И. И. Толстой, А. А. Цагарели и А. Н. Щукаревъ.

Гости: Ю. Д. Батюшковъ, Я. И. Смирновъ, С. В. Ларіоновъ, К. Н. Лишинъ, П. Н. Николаевскій и кн. Э. Э. Ухтомскій.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что въ библіотеку Общества поступили въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères etc. VII.

А. К. Марковъ. Неизданныя арсакидскія монеты. 1892.
The Indian Antiquary. Aug.—Dec. 1891.

III.

Г. Пападопуло-Керамевсъ принесъ въ даръ Обществу 6 томовъ сочиненій Эпаминонда Стаматіадиса по исторіи и древностямъ острова Самоса на греческомъ языкѣ.

IV.

В. В. Радловъ сдѣлалъ сообщеніе о совершенной имъ лѣтомъ минувшаго 1891 года ученой экспедиціи въ мѣстонахожденіе развалинъ города Каракорума на р. Орхонѣ и о произведенныхъ имъ тамъ научныхъ изысканіяхъ.

V.

Баронъ В. Р. Розенъ, А. Я. Гаркави и А. М. Позднѣевъ сдѣлали отдѣльныя замѣчанія въ разъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся частностей предыдущаго сообщенія.

Засѣданіе 19 марта 1892 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: о. Алексѣй (Виноградовъ), Н. И. Веселовскій, В. Г. Дружининъ, Е. М. Гаршинъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. О. Ивановскій, Д. Ѳ. Кобеко, А. В. Комаровъ, И. П. Корниловъ, О. Э. Леммъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, К. Т. Никольскій, С. Ѳ. Ольденбургъ, г. Пападопуло-Керамевсъ, А. М. Позднѣевъ, кн. П. А. Путятинъ и А. И. Соболевскій.

Гости: Ю. Д. Батюшковъ, А. В. Блиновъ, Д. Н. Кудрявскій, С. В. Ларіоновъ, К. Н. Лишинъ, М. М. Лыткинъ, Г. Н. Мандельштамъ, П. М. Меліоранскій, А. Я. Миллеръ и Г. Н. Потанинъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемь доложилъ, что въ библіотеку Общества поступили въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

Dîwân al-Aḫṭal etc., publié par le P. A. Salhani. Fasc. 2.
Giornale della Società Asiatica Italiana, vol. V. 1891.

III.

Г. Пападопуло-Керамевсъ представилъ еще нѣкоторыя изданія г. Эпаминонда Стаматіадиса[1]).

IV.

Управляющій Отдѣленіемъ прочиталъ отвѣтъ консула въ Кашгарѣ, Н. Ѳ. Петровскаго, на сдѣланный ему со стороны Восточнаго Отдѣленія запросъ касательно остатковъ древностей въ Кашгаріи[2]). Къ письму Н. Ѳ. Петровскаго было приложено нѣсколько фотографій, изображающихъ нѣкоторыя замѣчательныя въ археологическомъ отношеніи мѣстности.

V.

С. Ѳ. Ольденбургъ далъ отзывъ о ранѣе присланномъ Н. Ѳ. Петровскимъ рукописномъ фрагментѣ въ томъ смыслѣ, что по характеру письма этотъ фрагментъ долженъ быть индійскаго, но по языку можетъ оказаться и иного какого-либо происхожденія[3]).

VI.

Баронъ В. Р. Розенъ сдѣлалъ сообщеніе о бабидахъ на основаніи недавно вышедшей книги E. G. Browne'а подъ заглавіемъ A Traveller's Narrative, written to illustrate the Episode of the Báb.

VII.

А. В. Комаровъ припомнилъ нѣкоторыя свои наблюденія, сдѣланныя имъ надъ вѣроученіемъ, бытомъ и дѣятельностью бабидовъ, проживающихъ въ Асхабадѣ.

Засѣданіе 28 апрѣля 1892 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ,

---

1) Списокъ этихъ изданій, равно какъ и представленныхъ въ засѣданіи 13 февраля, будетъ напечатанъ въ общихъ Запискахъ И. Р. А. О.

2) См. Записки Вост. Отд. И. Р. А. О., т. VI, стр. X, протоколъ засѣданія 28 ноября 1891, § III.

3) См. теперь ниже, стр. 81.

В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. О. Ивановскій, Н. П. Кондаковъ, Х. М. Лопаревъ, О. Э. Леммъ, К. Н. Лишинъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, В. В. Радловъ, С. Л. Степановъ, П. А. Сырку, П. С. Толстой и Г. Ѳ. Челищевъ.

Гости: Ѳ. Д. Батюшковъ, Ѳ. Е. Коршъ, С. В. Ларіоновъ и П. М. Меліоранскій.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что въ библіотеку Общества поступили въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

The Indian Antiquary. Jan.—March. 1892.

The Babylonian and Oriental Record. May—Nov. 1891.

قفقاسيه قبيلەلرينك علامات وامرالرينك بعض حكايات و واقعەلرى Булакъ ١٨٩٢ = ١٣٠٩ (отъ Якуба Артинъ-Паши).

III.

В. А. Жуковскій сдѣлалъ сообщеніе о персидской версіи легенды объ Іисусѣ и черепѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Джумъ-джума-намэ»[1]).

IV.

С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ рефератъ о трехъ слѣдующихъ книгахъ и статьяхъ:

Rockhill, W. W. The land of the Lamas. Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet. London 1891. VIII + 399 in 8⁰.

Holtzmann, A. Zur Geschichte und Kritik des Mahābhārata. Kiel 1892, pp. 196 in 8⁰.

Bloomfield, M. Contributions to the interpretation of the Veda. Third Series. J. A. O. S. XV, 143—188 (1891).

V.

Баронъ В. Р. Розенъ сдѣлалъ сообщеніе о новомъ бабидскомъ «откровеніи» لوح بشارات, полученномъ изъ Асхабада[2]), а также объ автографѣ-брошюркѣ исфаганскаго бабида Абу-ль-Фазля, живущаго въ Самаркандѣ,

---

1) См. ниже, стр. 63—72.

2) См. ниже, стр. 183—192 и 311—316.

описывающей процедуру слѣдствія по дѣлу убійства бабида Ризы шіитами въ Асхабадѣ въ 1889 г.

Засѣданіе 29 сентября 1892 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. О. Ивановскій, Д. Ѳ. Кобеко, А. В. Комаровъ, О. Э. Леммъ, Х. М. Лопаревъ, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, П. А. Сырку и гр. И. И. Толстой.

Гости: В. В. Бартольдъ, А. А. Васильевъ, М. М. Лыткинъ, П. М. Меліоранскій, А. Я. Миллеръ и И. С. Ястребовъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ, баронъ В. Р. Розенъ, довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что 31 августа (12 сентября) скончался въ Галле иностранный членъ-сотрудникъ И. Р. Арх. О., профессоръ А. Мюллеръ, и прочиталъ некрологъ. Собраніе почтило память усопшаго вставаніемъ.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что за лѣто получены Обществомъ, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

Giornale della Società Asiatica Italiana. Vol. I. II. IV[1]).

Pubblicazioni della Società Asiatica Italiana. Vol. II Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης. Quattro recensioni della versione greca del كتاب كليله ودمنه pubblicate da Vittorio Puntoni. Roma-Firenze-Torino 1889.

Ztschr. d. d. Morgenl. Ges. 45-ter Bd. Heft 4.

The Indian Antiquary. Apr.—Sept. 1892.

---

1) Vol. III и V получены были раньше. См. Записки В. О., т. V, стр. V и выше стр. III, проток. засѣданія 19 марта 1892, § II.

Epigraphia Indica. Vol. I. II. Calcutta 1892.

Bibliotheca Indica. New Series. №№ 806—820, 822.

Catalogue of the Persian Books and Manuscripts in the Library of the Asiatic Society of Bengal. Compiled by Maulavi Mirza Ashraf Ali etc. Fascic. I. II. Calcutta 1892.

Index of Names of Persons and Geographical Names occurring in the Akbar Námah, vol. III. By Abul Fazl i Mubáraki Allámi. Published by the Asiatic Society of Bengal By Maulavi Abdur-Rahim. Calc. 1887.

Diwân al-Aḫṭal. Texte arabe publié pour la première fois d'après le mscr. de St. Pétersbourg et annoté par le P. A. Salhani S. I. Fascic. 3 — 4. Beyrouth. Imprim. Cathol. 1891 — 92.

IV.

Управляющій Отдѣленіемъ заявилъ о выходѣ въ свѣтъ XXI-го тома Трудовъ Вост. Отдѣленія.

V.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о полученныхъ имъ письмахъ Н. Ѳ. Петровскаго. Н. Ѳ. Петровскій прислалъ еще 12 листковъ, покрытыхъ такими же письменами, какъ и раньше присланный имъ листъ, статью «о загадочныхъ яркендскихъ монетахъ»[1]) съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ съ нихъ и негативовъ и другую — объ одномъ изслѣдованномъ имъ буддійскомъ памятникѣ не далеко отъ Кашгара[2]).

VI.

С. Ѳ. Ольденбургъ прочиталъ присланную Н. Ѳ. Петровскимъ статью о буддійскомъ памятникѣ недалеко отъ Кашгара и демонстрировалъ Собранію 12 новыхъ листковъ съ письменами, упомянутыхъ въ § V.

VII.

Баронъ В. Р. Розенъ прочиталъ присланную А. Г. Туманскимъ статью «Послѣднее слово Беха́-Уллы»[3]).

---

1) См. теперь ниже, стр. 307—310.
2) См. ниже, стр. 298—301.
3) См. ниже, стр. 193—203.

Засѣданіе 30 октября 1892 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, К. Т. Никольскій, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, В. А. Жуковскій, А. О. Ивановскій, Ю. Б. Иверсенъ, А. В. Комаровъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, П. А. Сырку и В. А. Тепловъ.

Гости: В. В. Бартольдъ, С. В. Ларіоновъ и А. И. Щербатской.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій доложилъ собранію о слѣдующихъ текущихъ дѣлахъ:

а) Консулъ въ Кашгарѣ, Н. Ѳ. Петровскій, прислалъ письмо съ извѣщеніемъ о присылкѣ имъ 17 пакетовъ съ 87 листками и обрывками старыхъ рукописей, полученныхъ имъ опять изъ Кучи̂.

б) Другое письмо отъ него же съ описаніемъ археологическаго обозрѣнія буддійской пещеры. При немъ препровожденъ и листокъ на персидскомъ языкѣ — подлинный приказъ Ша-Мурадъ-Хана бухарскаго ташкентскому владѣтелю Юнусъ-Ходжѣ.

III.

С. Ѳ. Ольденбургъ сообщилъ о рукописныхъ листкахъ и обрывкахъ, присланныхъ Н. Ѳ. Петровскимъ и писанныхъ на березовой корѣ, кожѣ и бумагѣ. Языкъ текста этихъ отрывковъ санскритскій въ смѣси съ пракритскими формами, какъ и въ той рукописи, которая была пріобрѣтена Bower'омъ.

Въ виду важности послѣднихъ археологическихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ Кучѣ и вышеназваннымъ англійскимъ офицеромъ и нашимъ Консуломъ въ Кашгарѣ, возникла мысль о необходимости болѣе обстоятельнаго научнаго обслѣдованія этой мѣстности съ археологической точки зрѣнія. Съ этою цѣлію Восточное Отдѣленіе пришло къ рѣшенію возбудить вопросъ о командированіи туда одного изъ своихъ сочленовъ, а именно С. Ѳ. Ольденбурга, при содѣйствіи какого либо правительственнаго учрежденія.

IV.

В. Д. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе о современной лубочной литературѣ турецкой, съ демонстрированіемъ коллекціи лубочныхъ картинъ, собранной имъ во время своей лѣтней командировки въ Турцію.

Засѣданіе 22 декабря 1892 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Н. И. Барсовъ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, А. О. Ивановскій, Д. Ѳ. Кобеко, А. В. Комаровъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, К. Т. Никольскій, П. А. Сырку.

Гости: В. В. Бартольдъ, г. Беренштамъ, П. М. Меліоранскій, А. Я. Миллеръ, Я. И. Смирновъ, А. И. Щербатской.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о полученномъ имъ письмѣ отъ Н. Ѳ. Петровскаго, сообщающемъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ, принимаемыхъ имъ къ собиранію древнихъ рукописей и предметовъ древности.

III.

Н. Я. Марръ сдѣлалъ сообщеніе объ экспедиціи своей въ Арменію, совершенной имъ нынѣшнимъ лѣтомъ по порученію Имп. Археологической Коммиссіи.

Калмыцкія сказки.

VI.

[illegible]

ᠵᠠᠪᡩᠠᠨᡳ ᠵᡳᡥᡝᠩᡤᡝ ᠰᠠᡳᠨ ᠪᠠᡳᡨᠠ ᡤᡝᠮᡠ ᠠᠯᡳᠪᡠᡥᠠᠩᡤᡝ᠉ ᠰᠠᡳᠴᡠᠩᡤᠠ

ᠰᡳᠮᡝᡵᡝᠩᡤᡝ ᠰᠣᡵᡳᠪᡠᠮᡝ ᡨᡠᡵᡤᡠᠨ ᠪᡝ ᠠᡳᠨᡠ ᡳᠨᡠ᠉ ᠰᡝ ᠠᡴᡡ

ᡤᡝᡵᡤᡝᠨ ᡝᠮᡠ ᡝᠵᡝᡴᡠ᠉ ᠮᡝᠨᡩᡝ ᡩᠣᡵᡤᡳ ᡥᡝᠨᡩᡠᡵᡝ ᡳᠨᡠ᠉ ᡩᡝᡵᡤᡳ᠉

ᠪᡝᡵᡝᠨ᠉ ᠠᠯᡳᡥᠠ ᡤᡝᠮᡠ ᠰᠠᠮᠪᡳ᠉ ᡤᡝᡵᡳᡴᡝ᠉ ᠪᡳᡥᡝ ᡳᠨᡠ ᠪᡳᡥᡝ ᠮᡠᡨᡝᠮᡝ

ᠠᠯᡳᠨ ᡳᠨᡠ ᠪᡝᠰᡝᠮᡝ᠉ ᠰᡝᡵᡝᠩᡤᡝ ᠪᡝᠰᡝ ᠮᡠᠰᡝᡳ ᡳᠨᡠ ᠠᡴᡡ᠉ ᡤᡝᡵᡝ

ᠰᡝᡥᡝ ᠠᠯᡳᡴᡝ ᠰᡝᠮᠪᡳ ᡳᠨᡠ ᠠᡳ ᠮᡠᡩᠠᠨ ᠪᡳᠵᡝᠯᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠩᡤᡝ ᡳᠨᡠ᠉

ᡤᡝᡵᡝᠨ ᡳᠨᡠᡳ ᡤᡝᠮᡠ ᠪᡠᡨᡝᠮᡝ ᡩᡝ ᠮᡠᠨᡳᠩᡤᠠ ᡩᡝ ᡤᡝᡵᡳ᠉ ᠪᡝᡵᡝ ᡨᡝᡵᡝᠨᡝ ᠠᠯᡳᠨᡳ

ᠠᠯᡳᠨᠠᡳᡵᡝ ᡨᡠᠸᠠᠮᡝ ᡤᡝᠮᡠ ᠠᠯᡳᡴᡝ᠉ ᠰᡝᠮᡝ ᠠᠯᡳᠨ᠉ ᠰᡝᠮᡝ ᠪᡝᡩᡝᠨ

ᠪᡝᡥᡝ ᡳᠨᡠ ᠪᡝᡵᡝᠨᡝ᠉ ᠮᡠᡩᠠᠨ ᡳᠨᡠ ᠠᠯᡳᠨ ᠰᡝᡵᡝ ᠪᡝᡵᡝᠨᡝ᠉ ᡝᡵᡝ

ᠪᡝᡩᡝ ᠰᡝᡵᡝ ᠠᠯᡳᠨᠠ ᠮᡠᡵᡝᡥᡝ ᠠᠯᡳᠨᠠ ᠪᡝᡩᡝ ᡳᠨᡠ ᠪᡝᡵᡝᠨᡝ᠉

ᡩᠣᠪᡳ ᠮᡠᡵᡤᡝᠨᡩᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡳᠨ ᠮᡠᠰᡝᠮᡝ ᠪᡝᡵᡝᠮᡝ ᡩᠣᠪᡳ ᠮᡠᠰᡝᡵᡝᠩᡤᡝ

ᠮᡝᠨᡩᡝ ᡝᠮᡠ ᠮᡠᠰᡝᡵᡝᠩᡤᡝ᠉ ᠮᡝᠨᡩᡝ ᠠᠯᡳᠨᡳ ᠪᡝᡥᡝ ᠪᡝᡵᡝ ᡤᡝᡵᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡳ

ᠰᡠᠰᡝᠨᡳ ᠮᡠᠰᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠨᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠰᡝᡵᡝᠮᡝ᠉ ᡩᡝᡵᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡳ ᡤᡝᡵᡳ ᡝᠮᡠ

ᡩᡝᡵᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡳᡥᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᡴᡝ ᡩᡝᡵᡝ ᡤᡝᡵᡳ ᠮᡠᠰᡝᡵᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡳᠩᡤᡝ ᠮᡠᡨᡝᠮᡝ

ᡩᡝᡵᡝᠨᡳ᠉ ᠰᡝᡥᡝᠩᡤᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠮᡠᠰᡝᠮᡝ ᡩᡝᡵᡝᠨᡳ᠉ ᡝᠮᡠ ᡤᡝᡵᡳᠩᡤᡝ ᡝᠮᡠ ᠪᡝᠰᡝᡵᡝ

ᡤᡝᡵᡳᠨ ᠰᡝᡥᡝ ᡩᡝᡵᡝᠨᡝ ᠮᡠᡵᡝᡥᡝ ᡩᡝᡵᡝᠨᡳ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠮᡝ ᡤᡝᠮᡠ ᡝᡵᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡳᡴᡝ

ᠠᠯᡳᠨ᠉ ᡤᡝᠮᡠ ᡤᡝᡵᡝᠨᡝ ᠪᡝᡩᡝ ᡝᠮᡠ ᠠᠯᡳᡴᡝ ᠮᡝᠨᡩᡝ ᠪᡝᡵᡝᠮᡝ᠉

ᡤᡝᡵᡝ ᠰᡝᡵᡝᠩᡤᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝᡵᡝᡥᡝ ᡩᡝᡵᡝᠨᡳ᠉ ᠮᡝᠨᡩᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠠᠯᡳᠨ ᡝᠮᡠ ᡤᡝᡵᡳᠨᡝ

ᡝᠮᡠ ᠠᠯᡳᠨ ᡤᡝᡵᡳᠩᡤᡝ ᠮᡠᠰᡝᡵᡝᠩᡤᡝ ᠠᠯᡳᠨ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᡝᠮᡠ᠉ ᡩᡝᡵᡝᠮᡝ

ᡳᠨᡠ ᠪᡝᡵᡝᠮᡝ᠉ ᡩᡝᡵᡝᠨᡳ ᠪᡝᡵᡝᠨᡝ ᠠᠯᡳᠨ ᡤᡝᡵᡳᠩᡤᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠮᡝ ᠮᡝᠨᡩᡝ

ᠰᡳᠨᡳᠩᡤᡝ ᠠᠯᡳᠨᡳ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᡝᠮᡠ᠉ ᠮᡝᠨᡩᡝ ᡩᡝᡵᡝᠨᡳ ᡤᡝᡵᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡳᠨ ᠪᡝᡵᡝᠮᡝ

ᠠᠯᡳᠪᡠᡥᠠᠩᡤᡝ᠉ ᠪᡝ ᠰᡝᡵᡝᠩᡤᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠠᠯᡳᡴᡝ ᡤᡝᡵᡳᠨ ᡤᡝᡵᡝᠮᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡳᡴᡝ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ ᠭᠡᠷᠲᠦ ᠪᠢᠴᠢᠭᠳᠡᠭ᠃ ᠪᠢ ᠨᠠᠰᠤᠨᠳᠤ ᠪᠠᠨ ᠰᠤᠷᠤᠭᠴᠢ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠢᠯᠡ᠃

ᠰᠠᠶᠢᠨ ᠪᠣᠯᠪᠠ ᠭᠡᠷᠲᠦ ᠪᠢᠴᠢᠭᠳᠡᠭ ᠰᠤᠷᠤᠭᠴᠢ ᠪᠢᠯᠡ᠃ ᠲᠡᠷᠡ ᠪᠣᠯᠪᠠ᠃ ᠮᠡᠳᠡᠨ᠎ᠡ᠃

ᠬᠦᠮᠦᠨ ᠪᠣᠯᠪᠠ ᠭᠡᠷᠲᠦ ᠪᠢᠴᠢᠭᠳᠡᠭ ᠪᠣᠯᠪᠠ᠃ ᠭᠡᠷᠲᠦ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠢᠯᠡ᠃

ᠮᠣᠷᠢ ᠮᠡᠳᠡᠨ᠎ᠡ ᠪᠣᠯᠪᠠ᠃ ᠬᠦᠮᠦᠨ ᠲᠡᠷᠡ ᠰᠠᠶᠢᠨ ᠪᠣᠯᠪᠠ᠃

ᠪᠢ ᠮᠡᠳᠡᠨ᠎ᠡ᠃ ᠲᠡᠷᠡ ᠪᠣᠯᠪᠠ ᠭᠡᠷᠲᠦ ᠪᠢᠴᠢᠭᠳᠡᠭ ᠪᠣᠯᠪᠠ᠃

ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡩᡝ :: ᠠᡵᠠᠮᠪᡳ ᠪᡳᡨᡥᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠰᡝ ᠠᡳᠰᡳᠯᠠᠮᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ

ᡝᠰᡝ ᠠᡳᠰᡳᠯᠠᠮᠪᡳ ᠪᡝ ᠪᡠᠮᠪᡳ ᠪᡠᡥᡝ ᡝᠰᡝ ᠠᡵᠠᠮᠪᡳ ᠠᡳᠰᡳᠯᠠᠮᡝ

ᠪᡝᠶᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠰᡝ ᡝᠰᡝᠩᡤᡝ :: ᠪᡳ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠠᡵᠠᠮᠪᡳ ᠠᠪᡴᠠ

ᠪᡠᠶᡝᠮᠪᡳ ᠠᡵᠠᠮᠪᡳ :: ᡝᠰᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠯᡩᡝᠩᡤᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᡵᡝ

ᡝᠰᡝᡳᠩᡤᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠯᡩᡝᠩᡤᡝ ᠪᡝ ᠠᠮᠪᠠᠯᡳᠩᡤᡡ ᠠᠨᠠ

ᠪᡳᡨᡥᡝᡳ ᠪᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᠠᡳᡨᠠ ᠪᠠᡳᡨᠠ ᡳ ᠪᡳᡨᡥᡝ :: ᠪᡳ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠯᡩᡝ

ᠠᠯᠠᠮᠪᡳ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᠠᡳᡨᠠ ᠪᡳᡨᡥᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᡳ ᠠᡴᡡ

ᠠᠮᠠᠯᠠ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠠᠯᡳᡶᡳ ᠠᠮᠪᠠᠯᡳᠩᡤᡡ ᠠᠮᠠᠯᠠ ᠪᡳᡨᡥᡝ

ᠠᠮᠠ ᠪᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ :: ᠠᠮᠠ ᠪᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ :: ᠠᠯᡳᠮᠪᡳ ᠠᠮᠠ

ᡝᠰᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠰᡝᡳᠩᡤᡝ ᡝᠯᡳ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᡝ :: ᠠᠮᠪᠠᠯᡳᠩᡤᡡ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠠᠮᠪᠠ

ᡝᠰᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠰᡝᡳᠩᡤᡝ ᡝᠯᡩᡝᠩᡤᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠰᡝᠩᡤᡝ

ᠪᡳᡨᡥᡝᠪᡠᠮᡝ ᠠᠮᠠᠯᠠ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠠᠮᠪᠠ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠰᡝ

ᠠᠮᠪᠠᠯᡳᠩᡤᡡ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠯᡩᡝᠩᡤᡝ ᠠᠮᠠᠯᠠ ᠪᡳᡨᡥᡝ :: ᠪᡳᡨᡥᡝ ᡝᠰᡝᠩᡤᡝ ᠪᡝ ᡝᠰᡝ

ᡝᠰᡝᡳᠩᡤᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝᠪᡠᠮᠪᡳ ᠠᠮᠪᠠᠯᡳᠩᡤᡡ ᡝᠰᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝᠪᡠᡥᡝ ᠠᠮᠪᠠ

ᠠᠮᠠ ᡝᠰᡝᡳᠩᡤᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝᡳ ᠪᡝ ᠪᡳᡨᡥᡝ :: ᠠᠮᠠ ᡝᠰᡝ ᡝᠯᡝ ᡝᠰᡝᠩᡤᡝ ᠠᠮᠠᠯᠠ ::

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ᡤᡝᠮᡠ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᠰᠣᡵᡳ ᠰᡠᠩᡤᡳᠶᡝᠨ ᡨᡝ ᡨᡝᡵᡝ᠉ ᠰᡝᠮᡝᡴᡝ ᡨᡠᠴᡳᠮᡝ ᠰᡝᠴᡳ ᡨᡠᡵᡤᡠᠨ
ᡤᡝᠯᡝᡵᡝ᠉ ᡨᡠᠮᡝᠨ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᠵᡠᠯᡝᡵᡤᡳ᠉ ᠮᡝᠨᡳ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠰᡳᠮᡝᡴᡝᠴᡳ᠉ ᡤᡝᡵᡝ ᠪᡝ ᡤᡠᠸᠠ
ᡠᡩᡠ ᠨᡳᠮᡝᡵᡝ ᠪᡝᠶᡝ ᠨᡳᡵᡤᡝᠮᡝ᠉ ᠪᡝ ᠮᡠᠰᡝ ᠪᡝ ᠨᡳᡵᡤᡝᠮᡝ᠉ ᠰᡝᡵᡤᡝ ᠪᡝ᠉ ᠰᡠᠸᡝᠨ ᠪᡝ᠉
ᠪᡝᠯᡝᡨᡝᡵᡝ ᡠᡩᡠ ᠪᡝᠶᡝᡵᡝ ᠪᡝᠶᡝ᠈ ᡨᡝᠰᡝ᠈ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝ᠉ ᡝᠩᡤᡝᠯᡝᠮᡝ ᡳᠰᡳᠮᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝ᠉
ᡤᡝᡵᡝᠨᡤᡝ ᠪᡝᠶᡝ ᠪᡝᠶᡝ᠉ ᡨᡝᡵᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ᠉ ᠰᡝᠮᡝ ᡝᠨᡝᡥᡝ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨᡤᡝ᠉
ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝ᠉ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᠰᡝᠮᡝ ᠪᡝ ᠨᡝᡵᡝ᠉ ᠪᡝᠶᡝ ᡳᠰᡳᡵᡝ᠉ ᠨᡝᡳᡵᡝ ᠨᡳᡵᡤᡝᠮᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝ
ᡨᡝᡵᡝ ᠨᡳᡵᡤᡝᠮᡝ᠉ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝ᠈ ᠰᡝᡵᡝ᠉ ᠪᡝᡨᡝᡵᡝ᠉ ᡳᠰᡳᠮᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠨ᠉
ᡨᡝᡵᡝᠮᡝ ᠪᡝ ᠰᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ᠉ ᠪᡝᡳᡝᠨ ᠰᡝᠮᡝ ᠪᡝ ᠨᡳᡵᡤᡝᠮᡝ ᠪᡝᠶᡝ᠉ ᡝᠮᡝ ᡨᡝᡵᡝ᠉
ᠨᡳᡵᡤᡝᠮᡝ ᠪᡝ᠉ ᠪᡝᡵᡝ ᠪᡝᠶᡝ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᠨᡝᡵᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᡳᠰᡳᠮᡝ᠉ ᠠᠮᠪᠠᠰᠠ ᠪᡝ᠉ ᡨᡝᡵᡝ᠉
ᠨᡳᡵᡤᡝᠮᡝ ᠪᡝ᠉ ᠪᡝ ᡤᡝᡵᡝ ᠪᡝ ᠪᡝᠶᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝ ᠨᡳᡵᡤᡝᠮᡝ᠈ ᡤᡝᡵᡝ᠉ ᡨᡝᡵᡝ᠉
ᡤᡝᡵᡝᠨᡤᡝ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝᠶᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝ ᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨᡤᡝ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᡨᡝᡵᡝ
ᡨᡝᡵᡝ ᡳᠰᡳᠮᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝ ᡤᡝᡵᡝ᠉ ᠰᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ᠉ ᠪᡝ᠉ ᡨᡝᡵᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᡳᠰᡳᠮᡝ
ᠪᡝᠶᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᠰᡝᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ᠉ ᠪᡝ ᡤᡝᡵᡝ ᠪᡝ᠉ ᡨᡝᡵᡝᠮᡝ᠉ ᡤᡝᡵᡝ ᠪᡝᠶᡝ᠉ ᡨᡝᡵᡝ
ᠪᡝᠶᡝᡵᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᠪᡝ᠉ ᡝᠨᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨᡤᡝ ᠪᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ᠉ ᡳᠰᡳᠮᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨ
ᠠᠮᠪᠠᠰᠠ ᡳᠰᡳᠮᡝᡴᡝ ᠪᡝᠶᡝ ᡤᡝᡵᡝᠨᡤᡝ ᠪᡝ᠉ ᠪᡝᡵᡝᠨ ᡨᡝᡵᡝᠨ ᡤᡝᡵᡝᠨ ᠪᡝᡩᡝ

ᠨᠡᠢᠢᠲᠡ᠃ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠯ ᠠᠷᠠᠳᠤᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ᠎ᠠ᠃ ᠰᠤᠷᠭᠠᠭᠤᠯᠢ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠩᠭᠤᠢ ᠠᠮᠤᠷᠠ᠃
ᠬᠢᠯ ᠡᠳᠡᠭᠡᠭᠡᠢ ᠦᠨᠳᠦᠰᠦᠨ ᠪᠡᠯᠡᠳᠬᠡᠯ᠎ᠡ᠃ ᠲᠡᠭᠡ ᠡᠷᠭᠢᠯᠲᠡ ᠪᠡᠯᠡᠳᠬᠡᠯ᠎ᠡ᠃
ᠡᠷᠳᠡᠮ ᠪᠣᠯ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠡᠯᠡᠰᠡᠭᠡᠳ ᠮᠥᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠩᠭᠤᠢ ᠠᠷᠠᠳ ᠤᠨ
ᠮᠥᠨ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠡᠭᠦᠰᠬᠡᠭᠦᠯᠦᠭᠰᠡᠨ ᠮᠥᠨ᠃ ᠡᠢᠮᠦ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠳᠡᠭᠡᠳ ᠮᠥᠨ ᠤᠷᠢᠳ᠃
ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠮᠥᠨ᠃ ᠡᠢᠮᠦ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠮᠥᠨ ᠡᠬᠡᠨ ᠦ ᠮᠥᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃
ᠡᠷᠬᠡᠲᠡᠢ ᠠᠷᠠᠳ ᠤᠨ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠡᠨᠡ ᠡᠷᠬᠡᠲᠡᠢ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠠᠷᠠᠳ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ᠃
ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠯ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠡᠷᠬᠡᠰ ᠪᠣᠯ᠃ ᠠᠷᠠᠳᠴᠢᠯᠠᠯ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ᠃
ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠡᠷᠬᠡᠰ ᠪᠣᠯ ᠡᠨᠡ ᠡᠷᠳᠡᠮ ᠤᠨ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠮᠥᠨ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃
ᠮᠥᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃ ᠡᠨᠡ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠯ ᠮᠥᠨ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ᠃
ᠡᠷᠬᠡ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠯ ᠡᠨᠡ ᠮᠥᠨ᠃ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ ᠡᠷᠬᠡᠰ᠃
ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠡᠷᠬᠡᠰ ᠪᠣᠯ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ᠃ ᠡᠨᠡ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠮᠥᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃
ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠯ ᠡᠷᠬᠡᠲᠡᠢ ᠡᠨᠡ ᠪᠣᠯ᠃ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ᠃ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠡᠷᠬᠡᠰ᠃
ᠡᠷᠬᠡᠰ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠮᠥᠨ᠃ ᠡᠨᠡ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠯ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠡᠷᠬᠡ᠃
ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠡᠷᠬᠡᠲᠡᠢ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ᠃ ᠡᠨᠡ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠮᠥᠨ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ᠃ ᠡᠷᠬᠡᠰ᠃
ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠯ ᠡᠷᠬᠡᠰ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃ ᠡᠨᠡ ᠡᠷᠬᠡᠲᠡᠢ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠭ᠎ᠠ ᠮᠥᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃
ᠡᠷᠬᠡᠰ ᠠᠮᠤᠳᠤᠷᠠᠯ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ ᠡᠨᠡ ᠮᠥᠨ᠃ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠯ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠡᠷᠬᠡᠰ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠎ᠠ᠃

Калмыцкія сказки.

VI.

Сказка про Харадай мэргэна, сына Тангатъ мэргэнъ хана.

Встарину жилъ былъ нѣкій, владѣвшій царствомъ ханъ, называвшійся Тангáтъ мэргэнъ, съ тремя сыновьями; имя старшаго его сына было Улāдай мэргэнъ, средняго сына — Шарāдай мэргэнъ, а младшаго сына — Харāдай мэргэнъ. Женилъ онъ своихъ двухъ старшихъ сыновей, хотѣлъ пріискивать невѣстку за своего младшаго сына, вдругъ глаза хана потеряли зрѣніе и онъ пересталъ что-либо видѣть. Собрали тогда лекарей и начетчиковъ, лечили, но пользы не было; показывали ворожеямъ и знахарямъ, но никто изъ нихъ не нашелъ никакого средства. Тогда чиновники, сановники и старшины кочевьевъ, собравшись, доложили хану: «Какое же теперь будетъ средство для вашихъ глазъ?» Говоритъ ханъ: «для моихъ глазъ средства нѣтъ; есть одно средство, но какъ дѣти мои плохи, то это средство не выполнимо». — «Скажите его», докладываютъ чиновники, «можетъ быть найдется это средство?» Говоритъ ханъ: «если родившійся отъ меня сынъ увидитъ страну, которой я не видалъ, то мои глаза придутъ въ прежнее положеніе, а если нѣтъ, — такъ нѣтъ». Тогда, услыхавши такія рѣчи, старшій сынъ, Улāдай мэргэнъ, «я пойду», говоритъ; надѣлъ свои лучшія одежды, пристягнулъ свое лучшее оружіе, приказалъ ѣхать за собою тысячѣ лучшихъ молодцовъ, взялъ на каждаго по двѣ лошади, навьючилъ на слона провьянту и поѣхалъ по направленію на западъ. Ѣхалъ онъ близко къ тому, что изнурилось у нихъ по одной лошади и началъ оканчиваться провьянтъ и доѣхалъ дотуда, гдѣ было дерево въ шестьдесятъ развилинъ и люди о шестидесяти языкахъ. «Вѣроятно, мой батюшка этой мѣстности не видывалъ», думаетъ, и воротился. Потомъ истощился у нихъ забранный провьянтъ; нѣкоторыя лошади изнурились, подохли. Утомившись и изнемогая, доѣхалъ Улāдай мэргэнъ, входитъ, слѣпой отецъ его сидитъ въ томъ же положеніи. Когда онъ поздоровался: «батюшка», говоритъ, «здорово ли, благополучно ли живете?» Ханъ: «живу», говоритъ, «ты, дитятко, здорово ли ходилъ, докуда доѣхалъ и подъ какимъ названіемъ землю видѣлъ?» Сынъ:

«доѣхалъ», говоритъ, «до дерева о шестидесяти развилинахъ, видѣлъ людей о шестидесяти языкахъ». — «Это вѣдь страна, въ которой я былъ ханомъ въ шестидесятомъ году!» сказалъ ханъ. Потомъ средній сынъ: «я пойду», говоритъ; опять собрался ѣхать какъ Уладай мэргэнъ, выѣхалъ и поѣхалъ. Доѣхалъ до дерева о шестидесяти развилинахъ и до народа о шестидесяти языкахъ; думаетъ: «сюда вѣдь пріѣзжалъ мой старшій братецъ!» Ѣдетъ еще дальше, доѣзжаетъ до дерева, у котораго было семьдесятъ развилинъ, и до народа о семидесяти языкахъ и думаетъ: «Эту мѣстность мой батюшка, по всей вѣроятности, не видѣлъ; а хоть бы и видѣлъ, такъ подводы изнурились, провьянтъ истощился, дальше ѣхать нельзя!»—воротился. Опять изнемогая, изнурившись, пѣшкомъ и почти голый поклонился и поздоровался со своимъ отцемъ Шарадай мэргэнъ. Поздоровался и отецъ съ нимъ: «докуда ты дошелъ и подъ какимъ названіемъ землю видѣлъ?» спрашиваетъ.— «Миновалъ я дерево о шестидесяти развилинахъ и народъ о шестидесяти языкахъ и воротился, доѣхавъ до дерева о семидесяти развилинахъ и до народа о семидесяти языкахъ», — отвѣчалъ сынъ. — «Это вѣдь страна, въ которой я сидѣлъ ханомъ въ семидесятомъ году!» сказалъ ханъ.

Послѣ такихъ рѣчей сказалъ: «я пойду!» младшій сынъ, Харадай мэргэнъ. Онъ сдѣлалъ и одѣлъ желѣзныя сандаліи, взялъ желѣзный посохъ, провьянту взялъ одну связку сушенаго творога, вышелъ и пошелъ. Идетъ онъ оттуда, дошелъ до дерева о шестидесяти развилинахъ и до народа о шестидесяти языкахъ,—думаетъ: «по всей вѣроятности, сюда приходилъ мой старшій братецъ»; идетъ еще дальше, дошелъ до дерева о семидесяти развилинахъ и до народа о семидесяти языкахъ, — думаетъ: «по всей вѣроятности, сюда приходилъ мой средній братецъ»; идетъ еще дальше, дошелъ до дерева о восьмидесяти развилинахъ и до народа о восьмидесяти языкахъ,— думаетъ: «вѣроятно и это видѣлъ мой батюшка!» Идучи еще дальше, потерялъ онъ счетъ, сколько сутокъ и сколько мѣсяцевъ было его ходьбы. Пока онъ шелъ, продиравились подошвы его желѣзныхъ сандалій, силы и крѣпость его истощились. Идетъ и приходитъ на границу кочевьевъ одного хана. Захотѣлось ему повидаться съ проходившимъ пастухомъ, который караулилъ десять тысячъ рыжихъ овецъ, и, въ ту пору какъ проходилъ онъ сбоку овечьяго стада, видитъ, что громадная, черная змѣя стала глотать съ задней части тѣла барана, у котораго были рога, какъ у большаго аргали; но рога барана застряли по угламъ рта змѣи: и дальше не входитъ, и назадъ не выходитъ,—оба (и змѣя, и баранъ) умираютъ. Молодецъ посмотрѣлъ на нихъ съ состраданіемъ, потянулъ и вытащилъ. Баранъ, выскочивъ, побѣжалъ въ сторону своего стада, а змѣя ожила, обвила молодца своимъ тѣломъ и не пускаетъ. Испугался молодецъ и, не будучи въ состояніи высвободиться, ду-

маетъ,—что бы могло ему помочь. Змѣя выставила свое жало и всунула его въ ротъ молодцу. Молодецъ испугался, думаетъ: «какъ бы сдѣлать получше;» полизалъ змѣиное жало и стало понятно молодцу все, что говорятъ змѣи. Говоритъ тогда змѣя: «я человѣкъ изъ подземнаго царства, имѣющій способность превращаться въ змѣю; такъ какъ ты оказалъ услугу для моей жизни, то поди и будь у насъ гостемъ; чтобы отплатить тебѣ за благодѣяніе, я дамъ тебѣ три вещи, которыя ты попросишь». — У молодца на умѣ: «мнѣ нужно увидать страну, которую не видалъ еще мой отецъ», думаетъ онъ, «а подземное царство, по всей вѣроятности, есть именно такая страна, которой мой отецъ не видывалъ; тѣмъ не менѣе, отправившись туда, какимъ способомъ я выйду оттуда?» И говоритъ онъ змѣѣ: «у меня вовсе не было намѣренія доставлять тебѣ благодѣяніе; а когда два существа были при смерти, я, правда, разъединилъ ихъ; ты просишь, говоришь: «пойдемъ къ намъ»; я бы, пожалуй, и пошелъ, по твоему желанію, да боюсь, раздумываю, какъ я ворочусь назадъ». — «Этого не бойся», говоритъ змѣя, — «я не только выведу тебя назадъ, но и доставлю тебя въ мѣсто, куда только ты пожелаешь идти!» Молодецъ: «ладно!» говоритъ, и когда сѣлъ верхомъ на змѣю, то змѣя, при своемъ движеніи оттуда, черезъ горы переваливаетъ, черезъ воды переправляется, не знать—летитъ, не знать—по землѣ идетъ; въ силу быстроты ея, молодецъ по временамъ смотритъ глазами, по временамъ зажмурится. Движутся они такимъ образомъ, пролѣзли въ скважину какой-то необычайно громадной горы, шли, шли и какъ ступили на нижнюю ступеньку, змѣя предстала, превратившись въ подстароватаго человѣка. Говоритъ тогда старикъ молодцу: «вотъ и мой домъ, входи сюда!» — вошелъ въ свой домъ и молодецъ вошелъ въ слѣдъ за нимъ. Смотритъ на правую сторону — лежитъ бѣлая змѣя, на лѣвой сторонѣ — лежитъ черная змѣя. Вошелъ старикъ въ свой домъ, «старуха и дочка, вставайте!»—говоритъ, «приготовляйте кушанье и питье!» Встряхнулась бѣлая змѣя и встала, сдѣлавшись хорошенькой дѣвушкой; встряхнулась черная змѣя и встала, превратившись въ старуху. Разказалъ старикъ старухѣ и дѣвушкѣ подробно о томъ, что этотъ молодецъ сдѣлалъ ему благодѣяніе и сталъ веселить молодца кушаньями, напитками, всякими пирами и играми. Молодецъ прожилъ тамъ три мѣсяца и сказалъ дѣвушкѣ, что теперь намѣренъ уже возвращаться назадъ. Говоритъ тогда дѣвушка: «теперь, когда мой батюшка скажетъ вамъ, — проси у меня три вещи, что вы возьмете?» — «Я не знаю, что брать!» — говоритъ молодецъ, — «Я ханскій сынъ, — мнѣ ничего не надобно; только бы теперь подняться на верхъ въ свое царство и довольно!» Дѣвушка говоритъ ему: «когда батюшка скажетъ вамъ, — проси три вещи, то вы должны просить вотъ что: дай, говорите, свой черный оселокъ, который

лежитъ въ сундукѣ; дай, говорите, своего чернаго коня Хамбарыйнъ, который находится въ табунѣ; затѣмъ, что просить третье, сами знайте!» Потомъ говоритъ молодецъ старику: «я ворочусь!»—Сказалъ ему и обстоятельства, при которыхъ пришелъ, и основательныя причины, по которымъ долженъ возвратиться. Говоритъ старикъ: «проси у меня три вещи; такъ какъ ты помогъ моей жизни, то я не могу забыть своего слова, которое сказалъ прежде». Молодецъ: «что же», говоритъ, —«я буду просить у васъ въ такомъ случаѣ? Вотъ вещи, которыя вы дадите мнѣ: дайте свой черный оселокъ, который лежитъ въ сундукѣ; дайте своего чернаго коня Хамбарыйнъ, который находится въ табунѣ!» — Старикъ отвернется назадъ — заплачетъ, посмотритъ прямо — засмѣется: «Старуха», говоритъ, «вынь и дай свой черный оселокъ; молодцу, оказавшему благодѣяніе, нельзя не дать того, что онъ проситъ!» — взялъ узду и пошелъ въ свой табунъ. Говоритъ тогда старуха: «если отдать черный оселокъ, который лежитъ въ сундукѣ, то лопнутъ и остатки нашей казны; если отдать чернаго коня Хамбарыйнъ, который находится въ табунѣ, пропадутъ и остатки нашего табуна!» Такъ говоря, отвернется она назадъ—заплачетъ, посмотритъ прямо—засмѣется, вытащила свой черный оселокъ и отдала. Потомъ старикъ привелъ своего чернаго коня Хамбарыйнъ, осѣдлалъ его: «старуха», говоритъ, — «свари хорошій чай, а я въ послѣдній разъ проѣдусь изъ своего дома и пріѣду!» Съ этими словами онъ сѣлъ и поѣхалъ. Старуха и дѣвушка сварили тогда чай, заправили его молокомъ, процѣдили и какъ начали подкладывать масла, старикъ пріѣхалъ, слѣзъ съ коня и говоритъ: «Побѣжка чернаго Хамбарыйнъ немножко пошла на убыль: прежде бывало, пока взъѣдешь на вершину высокой горы, да пріѣдешь, только заправляли молокомъ; а теперь когда я пріѣхалъ, подкладываютъ масло!» Потомъ попили чай. «А ну-ка я», говоритъ молодецъ, «попробую ѣхать!». Сѣлъ на лошадь, выѣхалъ, поднялся вверхъ по той скважинѣ, по которой прошли они внизъ, да какъ стегнулъ чернаго коня Хамбарыйнъ, то вслѣдствіе быстроты лошади не могъ смотрѣть и глазами. Пробѣжалъ онъ нѣкоторое пространство и едва едва, затянувши удила, могъ остановить. Посмотрѣлъ онъ, показался ему въ отдаленіи какой-то громадный предметъ. Поѣхалъ онъ по направленію къ тому предмету и вотъ подъ прекраснымъ тополемъ, достигающимъ до неба, шелеститъ травка зеленаго луга, журчитъ вода холоднаго ключа. Слѣзъ молодецъ съ коня, напился воды, сталъ умываться, глядь, — лежитъ прекрасное золотоцвѣтное перо. Молодецъ, — хвать; только что взялъ его, а лошадь говоритъ: «не бери этого пера; отъ этого пера будетъ бѣда, а въ несчастномъ случаѣ, такъ и до жизни дѣло дойдетъ!» — Молодецъ бросилъ. Потомъ, когда лошадь ходила и ѣла, онъ взялъ тайкомъ отъ лошади это перо, завернулъ

его въ шелковый платокъ, положилъ въ боковой карманъ, сѣлъ и поѣхалъ. Ѣдетъ онъ, передъ нимъ кочевье какого-то хана; подъѣзжаетъ къ ханской юртѣ, на приколѣ стоитъ кроваво-рыжая лошадь и воткнуто окровавленное красное копье. Сравнилъ молодецъ съ его лошадью свою лошадь, его лошадь отъ бедеръ выше; сравнилъ съ его копьемъ свое копье, его копье отъ желѣзка выше. Думаетъ молодецъ: «его лошадь больше моей лошади, его копье выше моего копья, должно быть и самъ онъ будетъ больше меня!» Смотритъ,—ни снаружи, ни внутри не видно ни одного прохожаго человѣка. Слѣзъ тогда молодецъ съ своей лошади, входитъ въ ханскую юрту,—никого другаго нѣтъ, одинъ только бѣлолицый ханъ сидитъ на престолѣ, передъ нимъ стоятъ шахматы и онъ разставляетъ шашки. Вошелъ молодецъ, сѣлъ. Говоритъ тогда ханъ: «что ты за молодецъ, откуда и куда ѣдешь?» Отвѣчаетъ молодецъ: «я — ни кого, и ни чей, а я — сирота. Дадутъ много — переночую, дадутъ мало — пополдничаю,—вотъ какъ проживаю я».—Спрашиваетъ ханъ: «ты, молодецъ, можешь играть въ шахматы?»—«Могу!» говоритъ. «Ну такъ садись сюда», говоритъ, — «съиграемъ вдвоемъ!»—Подошелъ молодецъ, сѣлъ.—«Ты, молодецъ, вѣроятно, знаешь мою ставку?!» спрашиваетъ ханъ. Молодецъ: «вашей ставки я не знаю; какая ваша ставка?» говоритъ.— «Моя ставка», говоритъ,—«если ты мнѣ сдѣлаешь матъ, ты меня убьешь; а если я тебѣ сдѣлаю матъ,—я тебя убью».—«Въ такомъ случаѣ я играть не буду: мнѣ нѣтъ нужды играть, выставляя на ставку свою жизнь!»—говоритъ молодецъ.— А ханъ: «ты развѣ не слыхалъ обо мнѣ молвы?» говоритъ,—«я убиваю тѣхъ, кто игралъ со мною въ шахматы; около меня нѣтъ ни одного человѣка; ты безъ отговорокъ ставь со мною шашки! Я выйду и сейчасъ приду!» съ этими словами онъ вышелъ. Тогда молодецъ началъ разставлять шашки, да какъ посчиталъ ихъ всѣ, оказывается, одинъ рядъ противъ законной доски лишній. Сидитъ молодецъ, понявъ его обманъ, и когда ханъ пришелъ и начали играть въ шахматы, молодецъ далъ матъ. Какъ только далъ матъ, выхватилъ свой мечъ, «теперь, ханъ, а далъ вамъ матъ!» говоритъ.—«Постой, молодецъ», говоритъ ханъ, «поставимъ еще на одинъ разъ, я недоволенъ!» Поставили опять. Опять молодецъ далъ матъ. «Теперь я васъ убью!» говоритъ и обнажилъ свой мечъ. Тогда ханъ: «постой молодецъ»,— говоритъ,— «Въ шахматахъ . . . . . [1]). Когда начали играть въ третій разъ, опять молодецъ далъ матъ, взялъ свой мечъ, всталъ, хотѣлъ рубить, а ханъ говоритъ: «погоди, молодецъ, пощади мою жизнь: съ этой

1) Слова: [illegible] » составляютъ, по всей вѣроятности, какое нибудь техническое выраженіе принятыхъ у калмыковъ условій шахматной игры. Смыслъ этихъ словъ намъ неизвѣстенъ.

поры я и играть въ шахматы брошу, и людей убивать брошу; буду считать тебя все равно какъ своего роднаго брата; пощади мою жизнь!» Съ этими словами онъ поклонился ему. «Ну, коли такъ, такъ пусть будетъ такъ!» — сказалъ молодецъ и не убилъ его.

Потомъ ханъ и молодецъ, какъ родные братья, начали веселиться, кушать вкусныя яства и напитки; собрались тогда и прежде бѣжавшіе (отъ хана) хурӯлъ и духовенство, чиновники и сановники, ханскіе прислужники и молодцы, и всѣ они зажили въ спокойствіи и довольствѣ. Въ ту пору сталъ ханъ жаловать молодца Харāдай мэргэна и Харāдай мэргэнъ велъ своими руками все гражданское и духовное правленіе: онъ хранилъ у себя всѣ замки и ключи отъ казны; тѣхъ, которые ему нравились, поселялъ при ханской юртѣ, а тѣхъ, которые не нравились,—прогонялъ; короче сказать, не ханъ сталъ ханомъ, а сталъ ханомъ Харāдай мэргэнъ. Всѣ начали завидовать Харāдай мэргэну и думали о томъ, чтобы пріискать средство возбудить противъ него непріязненныя чувства въ ханѣ. Въ ту пору молодецъ однажды вынулъ и поднесъ хану свое прежде найденное перо. Ханъ взялъ, удивлялся тому перу и еще больше началъ жаловать молодца. Молодецъ, вошедши во вкусъ ханскихъ милостей, мало-по-малу поднялъ свое самомнѣніе. Тогда народъ, посовѣщавшись, (порѣшилъ) на мнѣніи, что средство-де возбудить противъ него непріязненныя чувства (у хана) знаетъ нашъ Йолгӯ-абагāй и послалъ человѣка съ порученіемъ отправиться къ нему и спросить средство. Отправился тотъ человѣкъ къ Йолгӯ-абагāю и въ подробности разсказалъ ему о тѣхъ обстоятельствахъ. Абагāй говоритъ: «такъ какъ онъ умирилъ хана, то и ханъ сталъ спокоенъ, и вы всѣ, и всѣ подданные стали наслаждаться тишиною. Коли жалуетъ его ханъ, то и вы, и мы,— всѣ должны благодарить его и чествовать. Напротивъ, будьте благодарны и почтительны къ нему!» съ такими словами отправилъ онъ посла назадъ. Тотъ пришелъ и передалъ оставашемуся народу то, что приказалъ Йолгӯ-абагāй. Разсердился народъ на посла: «ты», говоритъ, «не могъ передать просьбы!» — «Ну такъ ступайте сами», отвѣчалъ посолъ. Отправились они толпою и склонили Йолгӯ-абагāя на свою сторону: «Онъ», говорятъ, «не выдаетъ намъ провьянту, не даетъ намъ ничего, наказываетъ насъ; пожалуй, скажи намъ средство!» Спрашиваетъ Абагāй: «по какой же причинѣ жалуетъ его ханъ?» — Они отвѣчаютъ: «онъ поднесъ перо какой-то прекрасной птицы, ханъ обрадовался и началъ его жаловать.» — «Какое же это перо?» спрашиваетъ Йолгӯ-абагāй. — Они разказали примѣты.— «Въ такомъ случаѣ», говоритъ, «вы, когда ханъ будетъ одинъ, доложите ему, будто этотъ Харāдай мэргэнъ говоритъ, что ханъ — безмозглый дуралей: я де поднесъ ему такое хорошее перо, что же онъ не старается получить черезъ меня

птицу съ такими перьями?! такъ и доложите!»—Съ этими словами онъ отпустилъ ихъ назадъ. Потомъ пришли они и, когда Харāдай мэргэна не было, доложили настоящія рѣчи хану. Ханъ: «и этакъ можно!» говоритъ, призвалъ Харāдай мэргэна и спрашиваетъ: «Откуда ты взялъ это перо и отъ какой птицы это перо?» Молодецъ: «я нашелъ», говоритъ, «на землѣ; а какой птицы это перо я не знаю».— Тогда ханъ, «ты», говоритъ, «злословилъ меня, говорилъ: почему ханъ, безмозглый дуралей, не старается получить черезъ меня птицу этого пера?» — Молодецъ: «я не говорилъ», говоритъ; но хотя клялся и божился, ханъ не вѣрилъ и сказалъ: «непремѣнно принеси птицу съ такими перьями; а если ты убѣжишь, то хоть бы ты взошелъ на небо, или скрылся подъ землю, я разыщу и убью тебя». Харāдай мэргэнъ взялъ свою узду, пришелъ къ своему вороному коню Хамбарыйнъ и началъ его уздать. Говоритъ тогда лошадь: «куда ты на мнѣ хочешь ѣхать?»—«Тайкомъ отъ тебя», отвѣчаетъ молодецъ, «я взялъ то перо, которое ты не приказывала брать и подарилъ его хану; теперь онъ говоритъ, принеси птицу съ такими перьями, а если не достанешь, я казню тебя. Есть ли средство?» Говоритъ лошадь: «если бы ты прежде слушался меня, были бы мы спокойны; а теперь это дѣло еще не опасно, послѣ этого выйдетъ еще страшнѣе,— боюсь я!» говоритъ. «Теперь ты ступай къ хану и проси у него десять ведеръ крѣпкаго, три раза перегнаннаго вина; возьми корытце, въ которое можно влить это вино; возьми сѣть, величиною въ сто маховыхъ саженей; да возьми черную бурку; все это ты навьючь на меня и поѣзжай самъ». Харāдай мэргэнъ привелъ своего воронаго коня Хамбарыйнъ, пошелъ къ хану, доложилъ, навьючилъ все, что говорила лошадь и поѣхалъ. Потомъ, какъ пустилъ онъ воронаго коня Хамбарыйнъ, такъ, при быстротѣ бѣга воронаго Хамбарыйнъ, отъ гривы и хвоста его звучали звуки скрипки и ятаги, изъ подъ четырехъ черныхъ копытъ его сыпался огонь, изъ ноздрей клубился дымъ, и, при бѣгѣ его, ѣхалъ молодецъ, закрывши глаза и держась за гриву. Пробѣжала нѣсколько лошадь и вдругъ стала. Открылъ тогда молодецъ глаза и вотъ пріѣхалъ и стоитъ онъ на большой черной сопкѣ, находящейся среди большой равнины въ густомъ лѣсу. Говоритъ тогда лошадь: «Сними и положи мое сѣдло; засимъ у подножія этой сопки поставь корытце и вылей въ него десять ведеръ вина, самъ же ты прикройся черною буркой и сиди на сѣдлѣ; кромѣ того на задней сторонѣ горы вколоти колья и разставь стосаженную сѣть. Эта сопка», говоритъ, «есть сопка, на которой живетъ птица ханъ-гарида; а это перо есть перо злой птицы, называемой дӯдхáлъ; будь остороженъ по отношенію къ себѣ!» такъ она сказала и убѣжала. Исполнилъ онъ все, что говорила лошадь и сѣлъ. Сидитъ онъ такимъ образомъ и вотъ собрались всѣ птицы вселенной, кла-

няются и уходятъ; напослѣдокъ приходитъ эта птица, называемая дӯдхáлъ; видъ ея—красный какъ огонь, блистаетъ золотымъ цвѣтомъ. Пришла она, поклонилась и стала перепрыгивать около сѣти; напилась вина, которое стояло въ корытцѣ; закружилась у ней голова, ходитъ, опьянѣла, начала писать мыслете, потомъ, запутавшись въ сѣть, стала биться, и, запутавшись вплотную, потеряла возможность шевельнуться. Думаетъ тогда молодецъ: что я теперь буду дѣлать, и въ ту пору прибѣгаетъ его вороной конь. Осѣдлавъ, онъ посадилъ птицу въ торока и поѣхалъ. Вороной конь—жикъ!—полетѣлъ; а молодецъ тѣмъ же порядкомъ закрылъ глаза и держится за гриву. Когда прошло примѣрно нѣсколько дней и ночей, лошадь остановилась;—глядь, стоитъ она на дворѣ у хана. Вышелъ тогда ханъ, радуется, бьетъ себя по ляжкамъ, смѣется до хохоту. Приказалъ сдѣлать шапочку на голову птицѣ, приказалъ сдѣлать ей браслетки на ноги, посадилъ ее на подставочку, молодца наградилъ, подалъ ему питье и кушанье, повеселилъ и молодецъ сдѣлался еще больше прежняго въ милости. Тогда тотъ народъ, ища средства поставить его въ непріязненныя отношенія, отправился къ Йолгӯ-абáгаю и, говоря, «вотъ что сталось», сполна разказалъ ему объ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ сталъ любимцемъ. Йолгӯ-абáгай: «въ такомъ случаѣ», говоритъ, «доложите хану, будто онъ говорилъ, каково было бы, если бы ханъ постарался получить черезъ меня прекраснѣйшую дѣвушку въ мірѣ, и женился на ней?! Если это будетъ такъ и если онъ пойдетъ за нею, то погибнетъ».—Тогда они пришли и доложили объ этомъ хану, а ханъ, призвавши молодца, говоритъ ему: «приведи мнѣ прекраснѣйшую дѣвушку въ мірѣ!» — «Я не знаю, гдѣ находится прекраснѣйшая дѣвушка въ мірѣ!»—отвѣчалъ молодецъ. На такой отвѣтъ, ханъ,—«ты хвасталъ этимъ людямъ», говоритъ, «безъ отговорокъ,—приведи!» и такъ послалъ его. Взялъ молодецъ узду, отправился къ своему вороному коню Хамбарыйнъ и разказалъ, что случилось. Говоритъ лошадь: «теперь дѣлать нечего; бери у хана мѣшокъ, въ величину съ человѣка, мелко искрошенныхъ пряженцовъ, и поѣзжай». Молодецъ привелъ лошадь, осѣдлалъ, взялъ мѣшокъ мелко искрошенныхъ пряженцовъ и поѣхалъ. Потомъ черная лошадь полетѣла, скакала, не считая день за день и ночь за ночь и вдругъ остановилась. Какъ глянулъ онъ на мѣсто,—видитъ,—стоитъ на берегу великаго моря Тэнгѝсъ. Посреди этого моря стоитъ прекрасный дворецъ; а по берегу того моря множество людей, которые стоятъ, привязавъ за луку сѣдлà своихъ лошадей и держа ихъ за чумбуры. Говоритъ лошадь: «видишь ли ты это множество людей? Все это сыновья хановъ и князей; они приходили съ намѣреніемъ взять прекраснѣйшую дѣвушку въ мірѣ и всѣ сполна и сами и съ лошадьми превратились въ каменныхъ истукановъ. Теперь посчитай ихъ:

если дошло до ста человѣкъ, ну, такъ твое счастье; а если не дошло еще до ста, такъ и мы также точно превратимся въ каменныхъ истукановъ». Посчиталъ онъ, — ровно сто человѣкъ. Говоритъ тогда лошадь: «теперь, помолясь, становись съ краю этихъ людей, также точно какъ эти люди, и трижды крикни: «прекраснѣйшая дѣвушка въ мірѣ, я пріѣхалъ приглашать васъ!» — Когда она такъ сказала, молодецъ подъѣхалъ къ краю, слѣзъ, привязалъ своего коня за луку, взялъ его за чумбуръ и насколько было силы крикнулъ: «прекраснѣйшая дѣвушка въ мірѣ, я пріѣхалъ приглашать васъ!» По колѣна превратился въ камень. Посмотрѣлъ на своего коня, и онъ до колѣнъ сталъ камнемъ. Какъ крикнулъ во второй разъ, превратился въ камень по поясницу и лошадь его также на половину стала камнемъ. Тогда лошадь: «теперь», говоритъ, «дѣлать нечего, — кричи поскорѣе еще разъ!» Какъ крикнулъ онъ еще разъ, тотчасъ же открылось окно во дворцѣ и прекраснѣйшая дѣвушка въ мірѣ, высунувшись по поясъ, брызнула на него чашкой воды. Долетѣла та вода до молодца, оросила его и окамѣненіе молодца уничтожилось, — онъ принялъ прежній видъ. Въ ту пору лошадь говоритъ: «теперь поскорѣе снимай сапоги, бери мѣшокъ искрошенныхъ пряженцевъ и бѣги. Это бѣлѣющееся не вода, а стекло. Какъ перебѣжишь ты черезъ него, отворишь дверь, которая обращена на востокъ, да войдешь, на встрѣчу тебѣ выйдетъ старуха — хошъ-хубаракъ, изсохшая, сѣдая, костлявая (öлэ шимэ-уга) и спроситъ, что ты за человѣкъ, который самонадѣянно пришелъ въ этотъ дворецъ? Тогда ты скажи: матушка, я принесъ вамъ подарокъ, раскрой свой мѣшокъ и поставь передъ нею; потомъ дальше открой и входи въ тѣ двери, въ которыя вышла старуха; дальше еще покажутся однѣ двери; какъ откроешь и войдешь въ нихъ, такъ и будетъ сидѣть прекраснѣйшая дѣвушка въ мірѣ. Какъ возьмешь ты ее молчкомъ, да будешь выходить, то сзади тебя старуха будетъ говорить, — «постой»! будетъ заставлять оглянуться назадъ, будетъ кричать много словъ, но ты безъ оглядки бѣги ко мнѣ!» Пошелъ молодецъ по словамъ лошади, взялъ дѣвушку и пришелъ. «Ну, теперь садись!» говоритъ. Сѣлъ онъ верхомъ, дѣвушку положилъ и пустилъ воронаго коня. Вороной конь бѣжалъ, бѣжалъ и вдругъ остановился. Глядь, онъ стоитъ передъ дверями хана. Выходитъ тогда ханъ, увидалъ дѣвицу, безгранично обрадовался, снялъ дѣвушку, устроилъ безъ счета радостныхъ пировъ и, когда хотѣлъ онъ жениться на ней, говоритъ дѣвушка: «если ты хочешь жениться на мнѣ, то пригони мой дойный табунъ; а нѣтъ, такъ я не буду твоею женою».— «Гдѣ-же находится твой табунъ?» сказалъ ханъ. А дѣвушка: «человѣкъ, который привелъ меня, найдетъ и мой табунъ», говоритъ. Тогда ханъ призвалъ молодца Харāдай мэргэна и говоритъ: «пригони дойный табунъ этой

прекраснѣйшей дѣвушки въ мірѣ!»—«Я не знаю гдѣ онъ находится!» отвѣчалъ молодецъ. Говоритъ на эти слова ханъ: «ты постоянно говорилъ, что не знаешь и доставалъ все, что я приказывалъ; не говори много отговорокъ, а скорѣе ступай и пригони!» Съ этими словами онъ выслалъ его. Тогда молодецъ взялъ узду, пришелъ къ своему вороному Хамбарыйнъ и, надѣвая на него уздечку, говоритъ: «приказываютъ пригнать дойный табунъ прекраснѣйшей дѣвушки въ мірѣ; какъ теперь быть получше?» Отвѣчаетъ лошадь: «теперь возьми ты у хана телѣгу холста, возьми телѣгу желтаго рыбьяго клея, да возьми котелъ, въ которомъ можно растопить клей; потомъ навьючь все это на меня и поѣзжай; теперь и я могу издохнуть, и ты можешь погибнуть!» — «Что бы ни было, выхода нѣтъ!» сказалъ молодецъ; взялъ сполна все, что говорила лошадь и поѣхалъ. Потомъ, оттуда добрался онъ до мѣста, на которомъ остановилась лошадь, глядь,— стоитъ онъ на отвѣсномъ бѣломъ яру рѣки Ганга. Говоритъ тогда лошадь: «теперь слѣзай, вари клей, а сваривши, намазывай на меня, потомъ обвертывай меня полотномъ; опять намазывай и опять обвертывай; такъ намазывай и обвертывай по всему моему тѣлу, сплошь, пока покончишь все полотно и клей; затѣмъ поищи пещеру въ скалѣ, заляжь въ ней и смотри: мы вдвоемъ будемъ бороться; если покажется красная пыль, говори—«умеръ мой вороной!» и какъ тебѣ быть,—самъ знай; а если покажется черная пыль,—говори: «побѣдилъ мой вороной!» и бѣги, привязывай на веревку!» Послѣ такихъ словъ молодецъ сдѣлалъ сполна все, что говорила лошадь, связалъ въ связку свое сѣдло, и, нашедши пещеру въ нѣкоей скалѣ, залегъ въ ней. Тогда вороной конь началъ бѣгать вверхъ и внизъ по теченію рѣки-моря Ганга и какъ трижды проржалъ, вышелъ со дна морскаго соловый жеребецъ какъ гора и погналъ вороного коня. Погналъ, догоняетъ и рветъ его. Вороной конь уклоняется туда, сюда, и когда кончилось полотно и дошло до тѣла, онъ обернулся назадъ и началъ бороться. Отъ пыли, поднявшейся съ земли, стало темно и нельзя было узнать день, или ночь. Потомъ въ одинъ день, вдругъ,— пыртъ! — взвилась къ небу черная пыль! Молодецъ: «вороной мой, кажется, побѣдилъ!» говоритъ, побѣжалъ; подбѣгаетъ, а вороной конь придавилъ соловаго жеребца навзничь своими четырьмя ногами, захватилъ въ три раза своими золотистыми какъ хадакъ клыками его красное горло и визжитъ. Подбѣжалъ тогда молодецъ, заарканилъ соловаго жеребца, осѣдлалъ своего вороного Хамбарыйнъ, сѣлъ на него, а соловаго жеребца повелъ въ поводу. Соловый жеребецъ бьется, упирается, неидетъ. Сталъ его бить молодецъ своею черною плетью «арастинъ» по обѣимъ сторонамъ позвонковъ, пока обвисли (куски мяса); и въ ту пору соловый жеребецъ, оглянувшись назадъ, проржалъ три раза такъ, что земля заколыхалась. И вотъ сзади его, со

дна морскаго выходятъ двѣнадцать соловыхъ кобылъ, съ двѣнадцатью соловыми жеребятами, у которыхъ золотая веревочка для привязи, золотыя оброти, золотыя палочки для привязыванія, золотые колышки да золотая колотушка. Послѣ этого, какъ повели жеребца и они пошли въ слѣдъ. Скакали они оттуда, не считая день за день и ночь за ночь, и какъ доѣхали, дѣвушка, увидавши свой табунъ, повѣсила на локти два большихъ ведра, подошла, изловила, при помощи молодца, жеребятъ съ привязанными веревочками, укрѣпила веревочку на колышкахъ, стала при помощи молодца припускать жеребятъ къ кобыламъ и надоила молока два ведра полностью. Тутъ же въ землѣ выкопала она печь, поставила большой котелъ, развела огонь, вылила молоко въ тотъ котелъ, стала кипятить и говоритъ хану: «если искупаешься въ этомъ молокѣ, пойду замужъ; а не искупаешься—не пойду». Ханъ испугался: «Какъ же я полѣзу?» говоритъ, «пускай вмѣсто меня лѣзетъ этотъ мой молодецъ Харāдай мэргэ̄нъ. Влѣзъ тогда молодецъ, а какъ вылѣзъ, то и сталъ прекраснѣйшимъ молодцемъ въ мірѣ. Увидалъ это ханъ, «и я полѣзу!» говоритъ,—бултыхъ! Но молоко это, коль скоро влѣзалъ въ него человѣкъ, превращалось въ ядъ, поэтому ханъ влѣзъ и умеръ. Потомъ молодецъ взялъ за себя ту дѣвушку, а какъ въ томъ царствѣ не было никого съ нимъ равнаго, то онъ вступилъ на ханскій престолъ, провозгласилъ себя ханскимъ титуломъ и сдѣлался ханомъ. Послѣ того молодецъ поручилъ управленіе и всѣ дѣла того кочевья одному рачительному чиновнику, приказалъ вносить ему подати и повинности, взялъ дѣвушку, собралъ ея табунъ и поѣхалъ назадъ. Какъ пришелъ онъ и представился своему царственному родителю, ханъ спрашиваетъ: «здорово-ли ѣздилъ, докуда доѣхалъ и что за страну видѣлъ? «А молодецъ въ своемъ докладѣ говоритъ: «ѣздилъ я въ подземное царство; привезъ черный оселокъ, да воронаго коня Хамбарыйнъ, принадлежавшіе старику, имѣющему способность превращаться въ змѣю. По дорогѣ въ наше царство заѣзжалъ къ хану—шахматному игроку и привезъ прекраснѣйшую дѣвушку въ мірѣ и ея дойный табунъ. Изъ за этой прекраснѣйшей дѣвушки ханъ, шахматный игрокъ, умеръ, а я овладѣлъ его кочевьями. И такъ, предполагая, что, по всей вѣроятности, я видѣлъ ту страну, которой вы не видывали, я воротился». — Говоритъ ханъ: «Ну ладно! Мои глаза и не ослѣпали; я только сказалъ, что ослѣпъ, чтобы видѣть, хороши или дурны мои сыновья! Теперь ты, повидимому, не погубишь мое имя!» Съ этими словами устроилъ онъ несказанный, радостный пиръ, возвелъ на престолъ молодца Харāдай мэргэ̄на, провозгласилъ его ханскимъ титуломъ и сдѣлалъ ханомъ. Сдѣлался тогда Харāдай мэргэ̄нъ ханомъ и доставилъ миръ и довольство своимъ подданнымъ, заботясь о нихъ по божескимъ законамъ.

А. Позднѣевъ.

Киргизскія пословицы и загадки.

Предлагаемыя пословицы и загадки записаны мною со словъ самихъ киргизовъ во время пребыванія моего въ степи лѣтомъ 1890 года. Іюль-мѣсяцъ я прожилъ тогда недалеко отъ города Орска, сначала на рѣчкѣ Мингдебаѣ, а потомъ на Ори въ аулѣ у младшаго помощника тамошняго уѣзднаго начальника, богатаго и вліятельнаго бія Дербисали Беркимбаева. Благодаря его богатству, гостепріимству, оффиціальному положенію и уваженію, которымъ онъ пользуется у киргизовъ, у него всегда бывало очень много народа: одна партія гостей смѣняла другую, наѣзжали торговцы, муллы, путешественники, просители и т. п., нерѣдко прибывавшіе издалека. Со всѣми этими лицами я старался знакомиться, вступалъ въ разговоры и записывалъ со словъ ихъ пословицы, загадки, пѣсенки и т. п. О прибытіи какого нибудь «шешена» мнѣ обыкновенно сообщали, и, большею частью, прежде чѣмъ приступить къ записыванію сообщаемыхъ имъ текстовъ, я прочитывалъ ему уже записанные мною прежде, причемъ нерѣдко ихъ приходилось исправлять, а главное дополнять. Такимъ образомъ большая часть длинныхъ пословицъ и поговорокъ или такихъ, въ которыхъ замѣчается параллелизмъ, составлена мною со словъ нѣсколькихъ лицъ. Смыслъ нѣкоторыхъ пословицъ для не-киргиза былъ нерѣдко тёменъ; въ такихъ случаяхъ я старался путемъ разспросовъ выяснить, что̀ собственно хочетъ сказать киргизъ той или другой пословицей или при какихъ обстоятельствахъ она употребляется. Результаты такихъ разспросовъ я счелъ нелишнимъ помѣстить въ видѣ объясненій къ нѣкоторымъ изъ предлагаемыхъ пословицъ.

Казактың макалы.	Киргизскія пословицы[1]).
1) Атаңда џоk арђымаk Анаңда џоk арђымаk Сађан не керек Шал корадан карђымаk	1) Между твоими предками съ отцовской стороны нѣтъ аргамаковъ; между твоими предками по женской линіи то-же. Что-же тебѣ нужно? «Выпрыгнуть изъ плетенаго закута».

Смыслъ этой поговорки тотъ, что человѣку безъ славныхъ предковъ не отличиться, не возвыситься надъ окружающей его средой.

2) Еlдің іші алтын бесік-еlде тўlкў аштан ölмöс	2) Внутренность, середина народа—что золотая люлька; въ народѣ и лисица не умретъ съ голоду.
3) Іт атасын танымас	3) Собака не узнаетъ своего отца.

Т. е. дурной человѣкъ не уважаетъ родителей.

4) Џаманђа мал‿ бітсе џакынын танымас	4) Если дурной человѣкъ пріобрѣтетъ богатство, то онъ *притворяется* не узнающимъ своего близкаго.
5) Џаңђыз џўрўп џöн тапканша кöп ксі мен адас	5) Чѣмъ въ одиночествѣ найти (хотя-бы) и истинный путь, лучше плутай съ большинствомъ.
6) Ашылђанның аібы џоk öзў біліп џапкан сон	6) Нѣтъ бѣды въ томъ, что что-нибудь открылось, если самъ, замѣтивъ это, запрешь.

Т. е. нѣтъ бѣды въ ошибкахъ, которыя самому удалось исправить. Ср. Лютшъ, хрестом., стр. 3, № 1.

7) Аузуң менен сöіlöгöн сöз кулађыңда есітпеіді	7) Слово, которое ты произносишь, даже и ухо твое не слышитъ.

Говорится про необдуманную рѣчь.

8) Маі џесе кöкрöк џаі болады—ет џесе арык болады	8) Если ѣсть жиръ, то грудь будетъ широкая, а если мясо — тощая.
9) Атадан ул тўс' іге	9) Если у отца родится сынъ — хорошо.

---

1) Киргизскія пословицы въ текстѣ и переводѣ помѣщены еще въ грамматикѣ киргизскаго языка Терентьева; киргизскія пословицы въ текстѣ есть въ Киргизской Хрестоматіи Лютша; только въ переводѣ пословицы есть у Гродекова въ соч. Киргизы Сыръ-Дарьинской области, т. I, и въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, («Туркестанскія Вѣдомости» «Акмолинскія Вѣдомости» «Оренбургскій Листокъ» «Ежегодникъ») гдѣ особенно много ихъ помѣщалъ Ибрагимовъ. Разсѣянно ихъ можно найти въ словарѣ Будагова.

Атаныӊ џолуну kўс̓ іге	Если пойдетъ по отцовской дорогѣ — хорошо.
Беііне садаk бўс̓ іге	Если привяжетъ къ поясу колчанъ — хорошо.
Бетіне кеlер уjатын	Если позоръ, могущій прійти ему на лицо, (постигнуть его),
Öзў біlіп џўс̓ іге	Самъ сознавъ, смоетъ — хорошо.
Öзў біlіп џўмаса	Если-же самъ сознавъ, не смоетъ, то
Бäрінінде џоk іге	Лучше-бы его (сына) и вовсе не было.
10) Ауру астан Дау kарындастан Таз таныстан Котур kамыстан	10) Болѣзнь — отъ пищи Тяжба — отъ родни Плѣшь — отъ знакомаго Парша — отъ камыша.
11) Атыӊ џаман болса арманыӊ кетер--балаӊ џаман болса бäрменіӊ кетер цылаі цылаі ђöмрўн öтöр	11) Если твоя лошадь будетъ плоха, то ты будешь жалѣть; если твое дитя будетъ дурно, твоя крѣпость уйдетъ; въ плачѣ проведетъ оно жизнь.
12) Аjађын кöрўп асын іш	12) Глядя по чашкѣ, ѣшь кушанье.
13) Асыkkан есі зіјанђа кетер	13) Дѣло торопливаго не удается.

Ср. Лютшъ, хрест., стр. 3, № 17; стр. 4, № 26.

14) Тўö ölгöн џерде џўгў kалар	14) На мѣстѣ, гдѣ палъ верблюдъ, останется его вьюкъ.
15) Џаксы кісіден џаман бала тўса емі табылмас	15) Родится дурное дитя у хорошаго человѣка — не найти средства (исправить это);
џаманнан џаксы бала тўса теӊі табылмас	родится у дурного хорошее—не найдется ему ровни.
16) Џаманнан џаксы тўмак ђадет— џаксыдан џаман тўмаk ђажап	16) То, что у дурного человѣка родится хорошій ребенокъ — обыкновенно; а то, что у хорошаго — дурной — удивительно.
17) Сабыртўбў сары алтын—сарђаіђан џетер муратkа, сабырсыз kалар уjатkа	17) Основаніе терпѣнія — желтое золото; пожелтѣвшій (отъ томительнаго выжиданія) достигнетъ цѣли, нетерпѣливый посрамится.
18) Акырын акырын мінсе болар тор̓ атkа	18) Кто помаленьку садится на лошадь, будетъ на гнѣдой;

акырындап барып џетсе болар муратка

кто потихоньку идетъ, достигнетъ цѣли.

19) Кӧп біледі деген кўлӧдў—ӧзўм білемін деген бўлӧдў

19) Говорящій: «Большинство знаетъ» смѣючись живетъ; говорящій: «Я самъ знаю» попадаетъ въ просакъ.

Т. е. рекомендуется сообразоваться съ мнѣніемъ большинства. Ср. № 5.

20) Даул болмаі џаун болмас
Шуак болмаі каун болмас
Іт балалап саун болмас
Екі дау акыры аул болмас
Аул болсада теўр болмас
Ӧзўңнӧн тўмаі ул болмас
Сатып алмаі кул болмас

20) Безъ бури — не будетъ дождя.
Безъ тепла не будетъ дыни.
Если собака ощенится — не будетъ удоя.
Конецъ двухъ тяжбъ не создастъ аула.
А коли и будетъ аулъ, то плохой.
Если самъ не родишь, не будетъ сына.
Если не купишь, не будетъ раба.

21) Біік тӧбӧгӧ шыксаң кӧзўң ашылады
џаксы менен сӧілӧссӧң кӧңўлўң ашылады

21) Если войдешь на высокій холмъ, кругозоръ расширится;
если поговоришь съ добрымъ человѣкомъ, сердце твое откроется.

Т. е. ты хорошо себя почувствуешь.

22) Ўіўңдӧ екі катының болса уіран болар—екі сырың болса аіран болар

22) Если у тебя въ домѣ будутъ 2 жены, будетъ скандалъ; если будутъ 2 коровы, будетъ айранъ.

23) Каірымсыз болса каннан без
Ӧткӧлсўз болса судан без
Асўсуз болса таудан без
Паідасыз болса баідан без
Панасыз болса саідан без

23) Избѣгай немилостиваго хана, рѣки безъ брода, горы безъ прохода, богача безъ щедрости, рва безъ изгороди.

24) Баідан џуђар баідан тамар

24) Отъ богача пристанетъ, отъ богача капнетъ (т. е. хоть что нибудь да получишь).

25) Ађасы бардың џађасы бар

25) У имѣющаго старшаго брата есть защита.

26) Ердің асылын т'сўнўн та-

26) Благородство мужа узнаю по

нымын — ajалдың асылын т'сінін танымын

его лицу; благородство женщины узнаю по зубамъ.

27) Казаннан kakпak кетсе, іттен уіаты кетер

27) Если съ котла упадетъ крышка, то съ собаки соскочитъ стыдъ.

28) Муртуна kараі іскегі—сабасына kараі піскегі

28) По усамъ щипчики (для вырыванія волосъ), по сабѣ пискекъ.

Саба — большой мѣхъ съ кумысомъ; пискекъ — инструментъ, которымъ взбалтываютъ кумысъ.

29) Кан шаңраk kалыk уk—кан ҕаділ болса, kарашы оҕан џук

29) Ханъ—шангракъ (верхнее отверстіе въ кибиткѣ), народъ—палки (поддерживающія его). Если ханъ справедливъ, то простой человѣкъ ему близокъ.

30) Соkур кӧргӧнӱн џазбас

30) Слѣпой не записываетъ того, что̀ увидитъ.

Смыслъ этой пословицы тотъ, что, если человѣкъ вообще глупый или мало свѣдущій какимъ-бы то ни было образомъ узнаетъ или вѣрнѣе учуетъ что-нибудь, то при бѣдности своихъ умственныхъ способностей и знаній онъ уцѣпится за это и будетъ твердо увѣренъ въ истинности своего взгляда на вещь.

31) Соkурдуң kолуна тӱспӧ—саңраудың астына тӱспӧ

31) Не попадайся въ руки слѣпому; не попадайся подъ глухого.

32) Кӧшӧ білмес џамандар кӧшшӧ кӱlӱк ӧlтӱрӧр—сӧilӧi білмес џамандар сӧздӱ ӧзӱнӧ кеlтірер

32) Не умѣющій кочевать дурной человѣкъ, если закочуетъ, сморитъ свой вьючный скотъ; не умѣющій говорить дурной человѣкъ на себя же навлечетъ нареканія.

33) Касапшыҕа маі керек—kар' ешкігe џан керек

33) Мяснику нуженъ жиръ; черной козѣ нужна жизнь.

34) Ӧтрӱк сӧз џанҕа kас—ӧтпӧс пшаk kынҕа kас

34) Лживое слово — врагъ души. Тупой ножъ—врагъ ножнамъ.

35) Дос табылса ас табылмаіды
Ас табылса дос табылмаіды

35) Когда есть другъ, не найти угощенія; когда есть угощеніе, не найти друга.

36) Џаkын кӧргӧн досуң мен џарты kурт тапсаң џарып џе бір kурт тапсаң бӧlӱп џе

36) Съ другомъ, котораго считаешь близкимъ, разломи кусокъ, если найдешь и полсыра, а найдешь цѣлый — раздѣли пополамъ.

37) Талтаңдасаң талтаңда акшаң болса калтаңда

37) Пожалуй, кобенься[1]) себѣ, были-бы деньги въ карманѣ.

38) Акшасы бардың öзӯ оінар— акшасыздың кöзӯ оінар

38) У кого есть деньги, самъ играетъ; у кого ихъ нѣтъ, того глаза играютъ.

39) Цапалак кöрсöң атыб-ал — цаманнан басың сатып ал

39) Если увидишь сову, застрѣли ее; отъ злого человѣка выкупи свою голову.

40) Ер тарыкпаі молукпас

40) Никто не разбогатѣетъ, не побѣдствовавши.

41) Барыңда батып іш — цоѕыңда сатып іш

41) То что есть, ѣшь-себѣ; то чего нѣтъ, ѣшь покупая.

Киргизы питаются непокупной провизіей, и «*купить*» можетъ не всякій.

42) Цаксы менен цолдас болсаң алуа менен шекер — цаман менен цолдас болсаң абруіуңду тӯкӯрöр

42) Итти по одной дорогѣ съ добрымъ, все равно что ѣсть халву съ сахаромъ, а пойдешь со злымъ, онъ наплюетъ на твое доброе имя.

43) Алты кӯн атан болѕанша бір кӯн бура бол

43) Чѣмъ быть шесть дней мериномъ, лучше будь одинъ день жеребцомъ (верблюдомъ).

44) Боларың-да болуп öт
Боз цорѕадаі цеіiп öт
Боларыңды білмесең
Болѕан ердің косун цек

44) Если то, *что по твоимъ разсчетамъ* должно случиться, случилось, то проходи, — проходи быстро подобно бѣлому иноходцу; если-же не знаешь какъ быть, то запрягай караванъ вышедшаго въ люди (т. е. служа, учись у него).

45) Акыл цастан шыѕар
Цӯрӯк аттан шыѕар
Акыл карттан шыѕар
Асыл тастан шыѕар

45) Умъ исходитъ отъ молодого какъ отъ рѣзвой лошади; умъ исходитъ отъ старика, какъ отъ благороднаго камня.

46) Цумарт ер цоктуѕун білмеіді — цӯрӯк ат токтуѕун білмеіді

46) Щедрый мужъ не знаетъ отказа, рѣзвый конь не знаетъ сытости.

47) Хäкімге карсы болма — кӯнӯцö кемшілік болар

47) Не иди противъ судьи, — это будетъ умаленіемъ твоей жизни.

Молдаѕа карсы болма — дініце кемшілік болар

Не иди противъ муллы, — это будетъ умаленіемъ твоей вѣры.

---

1) «талтаңда» значитъ собственно «итти, раскоряча ноги», — такая походка считается признакомъ гордости дурнаго тона.

48) Ашӯлу да аkыл болмас—аkыл köп болса ашӯ неiтер	48) У сердитаго не будетъ ума; если у кого много ума, что сдѣлаетъ съ нимъ гнѣвъ?
49) Арђымаk бiрде цалды бiрде цалсыз—äр цiгiт бiрде малды бiрде малсыз	49) Аргамакъ бываетъ то съ гривой, то безъ гривы; всякiй юноша то при деньгахъ, то безъ денегъ.
50) Арђымаk аттың kуiруђу äрi цiбек äрi kыл kас мырзаның белгiсi äрi мырза äрi kул	50) У настоящаго аргамака хвостъ — то шелкъ, то волосъ: Знакъ истиннаго мирзы то, что онъ то мирза, то рабъ.

Т. е истинный мирза не чванится, а держитъ себя просто и скромно.

51) Цiбек асрылмаса цӯн болады—kызды асрамаса kӯң болады	51) Если не беречь шелка, станетъ шерстью; если не беречь дочь, станетъ рабыней.
52) Köрӯп алсаң köрӯктӯн' ал—köрмöi алсаң тектiн' ал—табалсаң таспа сыртты kубан' ал—jеңтаппасаң азбас тозбас kаран' ал	52) Если берешь (невѣсту) посмотрѣвъ, бери красивую; если берешь не глядя, бери знатную; если можешь найти, бери блѣдную съ тальей подобной ремню; а ужъ если не найдешь, то бери простую, которая не худѣетъ и не устаетъ (собств. не «носится»).
53) Оiлаi берсең оi да köп сана да köп—оiнаi берсең оi да цоk сана да цоk	53) Если начнешь думать, то явится много мыслей и предметовъ для размышленiя; начнешь играть — нѣтъ ни мыслей ни предметовъ для размышленiя.
54) Бiек цӯсады, арыс аусады	54) Руки (собств. части рукъ отъ локтя до пальцевъ) сближаются, счастье мѣняется.
55) Цаксыдан тiер шерепет-цаманнан тiер кесепет	55) Отъ добраго придетъ почетъ; отъ злого будетъ бѣдствiе.
56) Цаксы цаксы церге цатсаң Цаксы цаксы тӯс köрöрсӯн Цаман цаман церге цатсаң Цаман цаман тӯс köрöрсӯн	56) Если будешь спать на хорошемъ мѣстѣ, То увидишь хорошiй сонъ; Если-жъ будешь спать на дурномъ мѣстѣ, То увидишь дурной сонъ.
57) Кошkар болар kозунуң маң	57) У ягненка, обѣщающаго быть

даілары дөң болады—цаксы болар цігіттің төңөрөгӯ кең болады

(племеннымъ) бараномъ, лобъ крутой; у юноши, обѣщающаго стать хорошимъ человѣкомъ, кругозоръ широкъ.

58) Сөз сөздөн тӯар—сөілөмөссөң неден тӯар

58) Слово родится отъ слова; если не будешь говорить, то откуда ему взяться?

59) Баі ксі балпаң келер-царлы ксі цалтаң келер

59) Богатый человѣкъ ходитъ размашисто (важно); бѣдный человѣкъ идетъ, ковыляя.

60) Ашӯ келсе акыл кетер—ашӯдан акыл көп болса ашу неітер

60) Когда загорается (приходитъ) гнѣвъ, то разумъ уходитъ; если разума больше чѣмъ гнѣва, то что сдѣлаетъ гнѣвъ?

61) Есің ак болса көпкө сал—цорҕаң катты болса төскө сал

61) Если твое дѣло правое, сообщай его многимъ; если твой иноходецъ силенъ, пускай его по спуску.

62) Семіздің ajaҕы сегіздеі тентектің ajaҕы сегіз

62) У жирнаго какъ-бы восемь ногъ и у дурака — восемь.

Смыслъ тотъ, что ногамъ одинаково трудно носить жирнаго и глупаго человѣка.

63) Кудаіның іштен цүрткөнүнө болмаса бенденің сырттан сүрткөнү цакпаіды

63) Тщетны усилія человѣка втереть что-нибудь извнѣ, если оно не подходитъ къ вложенному Богомъ извнутри.

64) Акылдыҕа ішарат
Акмакка тajak

64) Умному — указаніе,
Дураку — палка.

65) Аз бергенді көп көрүп
Көп бергенді көргөнмүн
Карындасты кас көрүп топ көргөндү көргөнмүн

65) Видѣвъ много людей, мало дававшихъ,
Я видѣлъ и дающихъ много.
Я видѣлъ какъ считавшій врагомъ свою родню принужденъ былъ обращаться къ народу (собств. видѣлъ народъ).

Разорвать связь со своей родней и обращаться къ чужимъ считается большимъ несчастьемъ.

66) Тӯө ала-тын церімнен
ат алҕанмын

66) Гдѣ можно было взять верблюда,
я бралъ лошадь.

Ат ала-тын џерімнен
таі алђанмын
Таі ала-тын џерімнен
koi алђанмын
Кoi ала-тын џерімнен
ешк̓ алђанмын
Ешк̓ ала-тын џерімнен
лаk алђанмын
Лаk ала-тынъ џерімнен
мат̓ алђанмын
Мен сöітӳп сапалы ат алђанмын

Гдѣ можно было взять лошадь,
я бралъ жеребенка.
Гдѣ можно было взять жеребенка,
я бралъ овцу.
Гдѣ можно было взять овцу,
я бралъ козу.
Гдѣ можно было взять козу,
я бралъ козленка.
Гдѣ можно было взять козленка,
я бралъ выбойку.
Такъ-то поступая, я пріобрѣлъ доброе имя.

67) Іт тересі ӳі болмас

67) Изъ собачьей шкуры не выйдетъ дома.

Тokалдан тӳђан бī болмас бī болсада оңдурмас

Родившійся отъ младшей жены не будетъ княземъ, а, коли и будетъ, такъ не настоящимъ.

68) Етекті кессең џең болмас

68) Если обрѣзать полу, то не выйдетъ рукава.

69) Е kудаіым бала бер
Бала берсең тана бер
Егер тана бермесең
Іптіп сіптіп ала-бер

69) О Боже! дай дѣтей,
И, если дашь, то разумныхъ.
А если не дашь разумныхъ,
То мало-по-малу прибери ихъ!

70) Барма kанђа öзӳ kelер малђа—барма біге öзӳ kelер ӳігö

70) Не иди къ хану: онъ самъ подберется къ стаду; не ходи къ князю, онъ самъ придетъ въ домъ.

71) Бī болмасаң бī болма
Бī т'сö-тӳн ӳі бол

71) Пожалуй, не будь бекомъ,
Но имѣй домъ, гдѣ могъ-бы остановиться бекъ.

72) Џӳрӳктöн акыл сурасаң
Артыңнан џетер kӳђандаі
Хäкімнен акыл сурасаң
Алд̓ артыңды бӳђандаі

72) Если спросишь совѣта у торопливаго, то онъ пойдетъ сзади тебя, какъ-бы слѣдуя за тобой; если спросишь совѣта у умнаго, то онъ и спереди и сзади тебя какъ-бы свяжетъ.

73) Сӳңгӳнӳң џарасы бітер—тілдің џарасы бітпес

73) Рана отъ копья заживетъ, рана отъ языка не заживетъ.

74) Кум џілып тас болмас—тас туспан kас болмас

74) Песокъ, собравшись (въ кучку), не составитъ камня; настоящій

врагъ не превратится въ (мелкаго) неблагопріятеля.

75) Білгеннің білгені kaiсы білмемегенді кешірмегенсон

75) Что за знаніе у такого мудреца, который не прощаетъ незнающему!

76) Сöйлöі білмеген ксініц аузуна боk

76) Не умѣющему говорить человѣку *пусть попадетъ* въ ротъ навозъ.

77) Ісек семірген кӱнӱ iесін тебер

77) Оселъ, раздобрѣвъ, лягнетъ хозяина.

78) Цаман адамђа цаксы хӱрмет цараспас

78) Дурному человѣку не идетъ хорошій почетъ.

79) Шамның царыђы тӱбӱнö тӱспöс

цаксының kадры цакынына білінбес

79) Свѣтъ свѣчи не падаетъ на *ея основаніе;*

достоинство хорошаго человѣка незамѣтно для близкихъ.

80) Батсаның баласы кöпӱр болса аjађыңмен басып öтпö — öзӱ болђан цігітке тесіп öтпö

80) Если сынъ падишаха станетъ мостомъ, то не проходи по нему, топча его ногой; молодца, самъ по себѣ ставшаго молодцомъ, не кори (тѣмъ, что предки его незнатны).

81) Есігіңнің алдында тöбö болса ертеп kоiђан аттаі болсун

81) Если передъ твоей дверью будетъ холмъ, пусть будетъ вмѣсто осѣдланной лошади.

Благопожеланіе это относится еще къ періоду безпрестанной баранты, когда съ холма *или* съ осѣдланной лошади вооруженные пастухи должны были высматривать враговъ.

82) Корkканның тӱбӱ цаман
kоркпађанның тӱбӱ цаман

82) Основаніе труса — дурно;
основаніе небоящагося — дурно.

Т. е. ни излишняя боязливость, ни излишнее безстрашіе не рекомендуются.

83) Алыстан kара кöрӱнсö kаша бер—kаша берсең амансын—некеп некеп kоімаса kаірылмасаң цамансын

83) Если издали покажется нѣчто черное, пускайся бѣжать: побѣжишь, цѣлъ будешь. Но если (врагъ) не перестанетъ тебя преслѣдовать, а ты не (обернешься) для отпора, то ты плохъ!

84) Ертен турсаң арысың артар

84) Если будешь вставать утромъ, твое счастье увеличится.

85) Катының цаман болса міманың кетер—міман кетсе буђа буђа кетерсін

85) Если твоя жена дурна, гость уйдетъ; а если гость уйдетъ, то ты скрючишься.

86) Арђымакkа оk тўсӧ местіктеі туламас—сыпаіђа оk тўсӧ цамандаі шуламас

86) Попадетъ стрѣла въ аргамака, онъ не станетъ бѣситься, какъ кляча; попадетъ стрѣла въ героя, — онъ не станетъ ревѣть, какъ дурной человѣкъ.

87) Карђа баласынапађым деіді—кірпі баласын цумсађым деіді

87) Ворона говоритъ про своихъ дѣтей, что они бѣлёшеньки; ежъ говоритъ про своихъ дѣтей, что мягки.

88) Баі мен аітыспа балуан мен кўрӧспӧ

88) Не тягайся съ богатымъ, не борись съ богатыремъ.

89) Акырын цўрсӧң алыска кетерсін.

89) Тихо поѣдешь, далеко уѣдешь.

90) Мактађан цеткізер шаkkан ӧлтўрӧр

90) Хвалящій проведетъ (куда слѣдуетъ), клевещущій убьетъ.

91) Білмеген мың бӓлеге тутлар

91) Не знающій попадетъ въ тысячу бѣдъ.

Казактың цымбађы.

Киргизскія загадки.

1) Цымбађым цутулду суђа kараі kутулду (kуіун)

1) Моя загадка была проглочена и спаслась по направленію къ рѣкѣ (вихрь).

2) Ађаштан аты темірден заты бір kудаідың kўдрӧтў ксінің ўстўндӧ міндеті (kаик)

2) Изъ дерева лошадь, изъ желѣза самая суть (его), сила Бога [1]), обязанность его вести на себѣ человѣка (лодка).

3) Ертен турдум екі аірык цолђа тўстўм (шалбар)

3) Утромъ всталъ и пошелъ по двумъ разнымъ дорогамъ (шаровары).

4) Ертен турдум алып урдум (есік)

4) Утромъ всталъ и взявъ хлопнулъ (дверь).

5) Ӧзў тоk кўlӧңкӧсў цоk (ура)

5) Самъ полненькій, тѣни не даетъ (шишка).

6) Кішкентаі емпек мі цеген тентек (біт)

6) Маленькій сосунъ, ѣдящій мозгъ наглецъ (вошь).

1) Слова «бір Кудаідың kўдрӧтў» стоятъ просто для риѳмы.

7) Кара ўідö kабан kўркрöр (тышkан)	7) Въ черномъ домѣ ворчитъ кабанъ (мышь).
8) Цылт цылт етер тiлшiкке keiiп кетер (kiiт)	8) Блеститъ, блеститъ, въ язычекъ входитъ и уходитъ (ключъ).
9) Алтын сараі iшiнде kаныӊ kызы kўӊўрўнöр (самобар)	9) Въ золотомъ дворцѣ вопитъ ханская дочь (самоваръ).
10) Алпыс кемпiр ат ўстўндö цетпiс кемпiр цер тiстеб отур (кереги басы менен ајаҕы)	10) Шестьдесятъ старухъ верхомъ на лошади, 70 старухъ землю кусаютъ (верхъ и низъ переплета кибитки).
11) Кара текем секiрер	11) Мой черный козелъ прыгаетъ (блоха).
12) Караӊг ўідö царык kылҕан (лампа)	12) Дѣлающій свѣтъ въ темномъ домѣ (лампа).
13) Каудар kаудар царҕаҕым kартаiҕанша köрмöдўм (kулаk)	13) Скрипитъ-поскрипываетъ мой тулупъ, до старости (я его) не видалъ (ухо).
14) Кара суда суат цоk kалыӊ талда бутаk цоk (кöз бен кiрпiк)	14) Въ черной водѣ нѣтъ водопоя, въ густомъ ивнякѣ нѣтъ вѣтвей (глазъ и рѣсницы).
15) Тöсöк арасында маiлы kаiс (цылан)	15) Посреди тюфяка, масляный ремень (змѣя).
16) Тöсöк арасында тöрт баурсаk (сыiрдыӊ тöртемшегi)	16) Посреди тюфяка четыре баурсака (четыре соска у коровы).

Баурсакъ — хлѣбъ изъ просяной муки съ масломъ, формою напоминаетъ кулёкъ.

17) Еl цатсада, енекем цатпаiды (сыiрдыӊ мўiзў)	17) Если народъ ляжетъ спать, моя матушка не спитъ (рога у коровы).
18) Есiкте екеу отур ölöмўн деп тöрдö тöртöў отур тöрöмўн деп (екi босаҕа, кебеценiӊ тöрт kулаҕы).	18) У двери сидятъ двое, говоря: «я умираю»; на почетномъ мѣстѣ сидятъ четверо, говоря: «я — судья» (два косяка, четыре ручки у шкапчика).
19) Кiшкентаiҕана öзў бар мыӊнанда köп кöзў бар (тўкўрўк)	19) Самъ-то малюсенькій, а глазъ больше тысячи (плевокъ).
20) Аk кўшўгўм ўі аiналап буаз болду (уршуk)	20) Бѣлый мой щенокъ, кружась по дому, забеременѣлъ (веретено).
21) Екi ўiгö бiр кöсöў (сыiрдыӊ тiлi)	21) На два дома одна кочерга (языкъ у коровы).

П. Меліоранскій.

Вторая пѣсня о бывшемъ Кокандскомъ ханѣ Сяйидъ Мухаммадъ Худоярѣ.

Первая пѣсня, сложенная про Худояръ-хана, по удаленіи его изъ Ферганы, напечатана въ Запискахъ Восточнаго Отд. Импер. Русск. Археолог. Общ. (т. II, стр. 189—194). Послѣ того мнѣ удалось достать еще двѣ пѣсни, сложенныя также въ Ферганѣ и имѣющія предметомъ покойнаго хана Худояра. Очевидно, народное чувство мусульманскаго населенія Ферганы было глубоко потрясено совершившимся въ 1875 году политическимъ переворотомъ, такъ что появилась не одна пѣсня относительно этого. И пѣсни эти распространены въ народѣ: онѣ распѣваются преимущественно во время ночей Рамазана, при многолюдныхъ собраніяхъ. Поются онѣ и въ частныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ въ домахъ состоятельныхъ жителей. При этомъ употребляется и музыкальный инструментъ.

Настоящая пѣсня сложена жителемъ гор. Коканда Муллой Сыддыкомъ «Кятибомъ» и доставлена мнѣ кокандскимъ поэтомъ Закиръ-джаномъ Фиркатомъ. Переводъ и нѣкоторыя объясненія къ переводу сдѣланы мною при помощи г. Саттаръ-хана Абдулъ-Гафарова, бывшаго кокандскаго казія. Переводъ сдѣланъ дословный, насколько это было возможно [1]).

1) [Просимъ внимательнаго читателя имѣть въ виду тѣ замѣчанія относительно нестрогаго соблюденія размѣра, которыя Н. П. Остроумовъ сообщилъ въ Зап. В. О., т. IV, стр. 280 и сл.—Іамбическій размѣръ настоящей пѣсни по своему характеру прямо противуположенъ трохаическому размѣру пѣсни объ Урман-бекѣ, но въ немъ при пѣніи очевидно такъ-же должны скрадываться и сглаживаться разные недочеты какъ и въ той пѣснѣ. Примѣняясь къ арабско-персидской метрической системѣ мы можемъ назвать размѣръ настоящей пѣсни هزج'омъ, такъ что скандировка будетъ такъ:

⏑ –́ ⏒ – | ⏑ –́ ⏒ – | ⏑ –́ ⏒ – | ⏑ –́ ⏒ – |

Му са́л ман ла́р | ба ра́ дар ла́р | би зэ́ кай да́г | зам а́н ол ды́. — Въ самомъ текстѣ мы

١

مسلمانلار برادرلار بیزه قیداغ زمان اولدی
خدایار خاندین ایریلدوك انی هجری یمان اولدی
توشوب بیزلارغه کلفت غیر مردُم شادمان اولدی
شریعت بوستانین گلستانیغه خزان اولدی
بو حسرت دین دیانتپیشه اهلی بغری قان اولدی

٢

خدایار خان ایدی بیزکا همه اجدادی کیلکان خان
شکوهٔ سلطنت برله باریسی اوتکاریب دَوران
خزینه هم دفینه کوب یَراغ جبدوغ یغیب چندان
همه اقلیمغه شهرت یتکوروب تا روم ایله خاقان
بو فرغانه ایلیغه نیچه یللار حکمران اولدی

٣

بو خانغه بر وزیرِ خاص عیشی اولیا ایردی
کورارغه با صلاحیّت ولی باطن قرا ایردی
همه مفسد شرارت پیشهلارغه مقتدا ایردی
الیب خان عقلینی هر ایش که قیلسه خان رضا ایردی
فقیر اهلیغه شفقت ایلامای نامهربان اولدی

٤

کیریب خان یانیغه بر نیچه بدعت آشکار ایتّی
بو شوم مکرینی خان بیلمای اوزین بدعتکا یار ایتّی
وثیقه منسوخ ایلاب مصطفی شرعینی خار ایتّی
یغیب هیچکیمغه بیرمای پُل خزینه بیشمار ایتّی
سپاه برله رعیّت حالیغه خان هم کران اولدی

встрѣтили нѣсколько выраженій оставшихся для насъ загадочными, не смотря на переводъ. Они отмѣчены ниже въ примѣчаніяхъ, стоящихъ между [ ] и обозначенныхъ нашими иниціалами. Мы были бы весьма благодарны Н. П. Остроумову за разъясненія нашихъ сомнѣній. *В. Р.*]

٥

ینه آفتابه‌چی قپچاغ‌دیـــن ایردی بـــر وزیـــرِ خـــاص
ایکاوی ایردیلار جمله وزیرلار ایچره خـــاص الخـــاص
حکومت نافشوروب خان ایکی‌سیغه ایـلابـان اخلاص
بولارغه اعتماد ایلاب یوروب خان اوزلاری بی خاص
الاردین بـــی نهایت فتنه‌لار آخـــر عـیـان اولدی

٦

بـنـاگاه ایکیسی اوز خانلاریـدیـن یـــوز اوکوردیلار
خیانت‌پیشه ایـلاب فتنه‌لیك راهـــی غـــه یوردیلار
بو خان فرزندی نصر الدّین‌نی زور ایـلاب کیتوردیلار
خـیـــالِ خام اِیله اوز جـاغـیـده دَولـت نی سوردیلار
دیدیلار تا تیریك مـیـز بیزکا دولت جاودان اولدی

٧

نمك حقّین ایکیسی ساخلامس‌دیـن یومدیلار کـــوز نی
قیلیب خان اوغلینی خان قیتاریب اوز خانیدین یوز نی
باقیب لـشـکـر ایـکاوی قولیغه بر قیلدیـلار سوز نی
خدایار خـــان قـاچیب انـده خجندکا آلدیلار اوز نی
اتا تختیغه نصر الدّین اوتوردی یـنـکـی خان اولدی

٨

کورونك اول کور نمك شوم اَولیانی بـولـدی مینکباشی
ینه آفتابه‌چـــی اوروس اُوروشیغه چـــریـــك باشی
سیُوندیلار بو ایشقه عـقـلی یـوق مردُم نی بـی باشی
فراست اهلی کیتّی مُلك دیب کـویـدی ایچی تاشی
خلل اسلامه بیتکای دیـب بـوراکی توله قان اولدی

٩

بو ایکی کور نمك شوم قیلمغان ایشقه اوروب کـوب لاف
بهادرلیغده ایلاب هیچ اوروش قیلمای اوزین اَوصاف
دیدیلار رُوبَرو بولکام اوروس خیلین قیلورمـیـز صاف

بو يلغان شهرتين عالمغه يايب قافدين تا قاف
بو لاف برله ابا مسلم كبى صاحبقران اولدى

١٠

بناكاه خصم بولدى اوز ايچيدين بار ايكان تقدير
قيليب بر نيچه مكر وحيله لار كوب ايلادى تزوير
نيچه حرب ايلادى مونكا رواجى بولمادى توفير
مدارا ايلادى آخر انكا صرف ايلابان تدبير
اوروش برله مونى دفع ايلاماق خانغه گمان اولدى

١١

خزينه آچتى كيلكاج تنكه طلّاغه چاچلارنى
چيقارديلار خزينه دين حسابى يوق سناجلارنى
يغيب لاف اورغوچى‌دين نان تاپالماى قارنى آچلارنى
عَلم باغلاب كوتاريب توغ بَيراغلار يغاجلارنى
اوروس مالين آلورميز ديب خجند سارى روان اولدى

١٢

اوروس سلّاتى چيقتى باش بولوب انكا كبورناطير
اوروش ميدانى ساز اولدى قنى جنك قيلغالى شاطير
كوروب آلدى يراققه اوزلارين لاف اورغوچى باطير
خطر خوفى بيلان هيچ كيمسه ده جمع اولمادى خاطر
مسلمان اهليغه محنت اوشل كون بيكران اولدى

١٣

مدد تيكورمادى آفتابه‌چى جنك اهلى كوب شاشتى
يراق يرده اوروشماس‌دين اوشال توركانيچه[1] قاچتى
اوروس سلّاتى باستوردى مسلمان جاييدين آشتى
اوزين درياغه تاشلاب كوب كيشى دريا تولوب تاشتى
اوزين درياغه آتكانى خلق بى نام نشان اولدى

---

1) [? B. P.].

۱۴

قاچیب اندین چیدالمای بر یتیم قیرغیزنی تاپتیلار
فولات خان آت قویوب القصّه آنی خان کوتاردیلار
اوروس غه رو برو کیلمای همه خلوت ده چاپتیلار
کیمی کورسه انی سن بوزجه دیب یکباره سویدیلار
بو بُهتان برله ناحق قان توکولدی نیچه جان اولدی

۱۵

اخیری بو ایکاو اسلام اهلینی باشیغه یتّی [1]
خوقند تختی بوزولدی مملکت رُوس اهلیغه اوتّی
بو ایکّی کور نمك شوم نیچه لار برله سیبیر کیتّی
قیو نیّت ده بولسه حق انی اوزیغه کورساتّی
اخیری اوز فعالی برله رسوای جهان اولدی

۱۶

بولارغه تبعیت قیلغان بیری محمد امین تَربوز
ینه ایردی بریسی ذوالفقار بیك اوسوراق قونغوز
بیریسی ایردی فج لج [2] کور نمك تُردی علی تونغوز
فسادُ فتنه قوزغاب بی دیانت فرقهٔ بی توز
باریسی مثل شیطان تیر لعنتکا نشان اولدی

۱۷

عزیزلار پایمالُ بدکهرلار بولدیلار خُرّم
مسلمانلار ارا بربرغه شفقت نی یریب بَرهم
بو ایکّی کورنمك هیچ یرده آرام آلمسون بر دم
شُکر الحمد لله اهل اسلام دور همه دلجمع
بو ایکی کورنمکنی نامیغه بر داستان اولدی

---

1) باشیغه یتماك значитъ: погубить. *Н. О.*

2) فج لنج вялый, мямля. О *палау* говоритъ لنج بولدی когда долго стоитъ и превратился въ размазню, а فج употребляется о дурныхъ словахъ. *Н. О.* [Въ текстѣ, писанномъ туземцемъ ясно начертано لج. Н. П. Остроумовъ столь-же ясно пишетъ لنج. Не находя этого выраженія въ словаряхъ, мы лишены возможности рѣшить, какое произношеніе вѣрнѣе. *В. Р.*].

١٨

بو بزرك حادثه تاريخى املاك ضرر بولدى
خطر آنلارغه يتّى واوروس صاحب ظفر بولدى
كروه كورغنكلار حالى بر بردين بتر بولدى
مسافر هر ولايتده كدايك در بدر بولدى
وطن نى آرزو ايلاب ايشى آه فغان اولدى

١٩

بو دور اجمالى سوزلار كوب ايرور كر ايلاسم تفصيل
بارين كنجايش ايتماس بو مخمس تاپقوسى تطويل
سخن كفتارينى نظميله كيلتورسه تاپار تكميل
بوسوزنى نظم الفاظيغه كاتب ايلادى تبديل
خدايار خانغه دلسوزليق اوچون سوزلار بيان اولدى

ПЕРЕВОДЪ.

I.

1. Братья-мусульмане! Какое настало для насъ время!
2. Мы разлучились съ Худояръ-ханомъ. Его бѣгство было несчастное...
3. Намъ выпало огорченіе, а чужестранцы [1]) были рады.
4. Для цвѣтника въ саду шаріата насталъ осенній листопадъ.
5. Отъ этой скорби сердце религіозныхъ людей обагрилось кровью.

II.

1. Худояръ-ханъ былъ для насъ ханомъ наслѣдственнымъ, отъ прадѣдовъ:
2. Они всѣ провели свой вѣкъ въ величіи власти.
3. У него было собрано много казны и запасовъ, оружія и сбруи;
4. Слава его достигала до всѣхъ странъ, до Китая и Рума.
5. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ правителемъ для Ферганскаго населенія.

---

1) Собственно: нелюди, т. е. русскіе.

III.

1. Былъ у этого хана одинъ приближенный министръ—Иса-аулія[1]).

2. Посмотрѣть — такъ онъ благочестивый, но душа у него была черная.

3. Онъ былъ руководителемъ всѣхъ злоумышленниковъ и законопреступниковъ.

4. Овладѣлъ онъ умомъ хана и что̀ бы ни дѣлалъ, ханъ соглашался.

5. Онъ не оказывалъ милости бѣднымъ, былъ не сострадателенъ.

IV.

1. Войдя въ близость къ хану, онъ обнародовалъ нѣсколько нововведеній (противныхъ закону мусульманскому).

2. Ханъ, не зная его дурныхъ замысловъ, сдѣлался участникомъ этихъ нововведеній.

3. Отмѣнивъ значеніе документовъ[2]), онъ оказалъ презрѣніе къ закону Избраннаго[3]).

4. Собирая безчисленную казну, онъ никому не выдавалъ денегъ:

5. И былъ ханъ тяжолъ для воиновъ и для подданныхъ[4]).

V.

1. Еще былъ у хана приближенный министръ изъ кыпчаковъ — *Афтабачи*[5]).

2. Эти двое и были самыми близкими въ числѣ министровъ.

3. Поручивъ имъ управленіе, ханъ имъ двоимъ особенно довѣрялъ;

4. Но оказывая имъ довѣріе, ханъ самъ остался безъ близкихъ...

5. Наконецъ съ ихъ стороны[6]) обнаружились необычайныя возмущенія:

---

1) Иса-аулія, по присоединеніи Ферганы къ русскимъ владѣніямъ, былъ сосланъ Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ фонъ-Кауфманомъ въ гор. Архангельскъ, но потомъ былъ возвращенъ изъ ссылки и въ настоящее время живетъ въ селеніи Ассаке (недалеко отъ Коканда) и занимается сельскимъ хозяйствомъ.

2) Разумѣются духовныя завѣщанія, которыя Худояръ-ханъ, по совѣту Иса-ауліи приказалъ отобрать и уничтожить, а затѣмъ раздѣлъ имущества былъ произведенъ вновь по рѣшенію казіевъ, на общемъ основаніи.

3) Т. е. Мухаммеда, основателя ислама.

4) Скупость Худояръ-хана была отличительною чертою его характера.

5) Такъ называлась придворная должность, соединенная съ обязанностію подавать въ кувшинѣ воду хану для умовенія и омовеній, какъ показываетъ самое названіе «Афтаба-чи». Въ такой должности находился Афтабачи въ молодости, а потомъ былъ назначенъ министромъ.

6) Т. е. со стороны Иса-ауліи и Афтабачи.

VI.

1. Оба они вдругъ отвратили свое лицо отъ хана (т. е. отложились);

2. Устроивъ измѣну, они вступили на путь возмущенія:

3. Насильственнымъ способомъ они привели ханова сына Насруддина[1] —

4. И съ незрѣлыми мыслями правили тогда[2]) государствомъ.

5. Они говорили: «пока мы будемъ живы, власть будетъ при насъ».

VII.

1. Не сохранивъ залога соли[3]), они оба зажмурили свои глаза (отъ стыда);

2. Отвративъ свое лицо отъ хана, они сдѣлали ханомъ ханова сына...

3. Войско подчинилось имъ двоимъ, и они дѣйствовали въ одно слово.—

4. Тогда Худояръ-ханъ, убѣжавъ, переселился въ Ходжентъ,

5. А на престолъ отца сѣлъ Насруддинъ и сталъ новымъ ханомъ.

VIII.

1. Смотрите-ка: вотъ хитрый Аулія, не помнящій соли[4]), сдѣлался тысяцкимъ,

2. А Аѳтабачи — главнокомандующимъ въ сраженіи съ русскими...

3. Обрадовались этому люди безумные, безголовые.

4. Но люди разсудительные (отъ негодованія) пылали внутри и снаружи, говоря: «пропало государство!».

5. Они[5]) говорили: «будетъ утѣсненіе исламу!» и сердце ихъ наполнялось кровью.

IX.

1. Эти два хитреца, не помнящіе соли, похвалялись тѣмъ, что еще не было сдѣлано:

---

1) Т. е. объявили его ханомъ.

2) [Собств.: «въ свое время اوز جاغیده. *В. Р.*].

3) У туземцевъ Туркестанскаго края ѣсть у кого-нибудь *соль* значитъ то же, что у русскихъ ѣсть чей-нибудь *хлѣбъ:* соль поэтому обязываетъ къ благодарности. Есть пословица у туземцевъ: بر کون توز ایچکان برکا قرق کون سلام,— сорокъ дней кланяйся тому дому, въ которомъ одинъ день ѣлъ соль.

4) Буквально: слѣпой въ отношеніи къ соли, т. е. закрывшій глаза отъ обязательства быть благодарнымъ за соль.

5) Т. е. люди разсудительные.

2. Они хвалились своимъ богатырствомъ, не давъ ни одного сраженія.

3. Они говорили: «мы уничтожимъ русскій отрядъ, какъ только сойдемся лицомъ къ лицу»...

4. Распространяя эту лживую похвальбу отъ края свѣта до края[1]),

5. Они такимъ хвастовствомъ думали уподобиться «счастливому завоевателю» Абу-Муслиму.

X.

1. Вдругъ—таково предопредѣленіе!—между ними оказался врагъ[2]).

2. Совершивъ нѣсколько обмановъ и хитростей, они сдѣлали много мерзостей;

3. Они дали нѣсколько сраженій, а успокоительнаго успѣха[3]) не было.

4. Наконецъ они притворно пустили въ расходъ уступчивость:

5. Ханъ не надѣялся покончить дѣло сраженіемъ.

XI.

1. Прибывъ (изъ Оша), они раскрыли казну и расточали серебро и золото,

2. Вынесли изъ казнохранилища безчисленное множество кожаныхъ мѣшечковъ,

3. Собрали голодныхъ хвастунишекъ, не находившихъ себѣ хлѣба,

4. Навязали и подняли знамена и значки и копья съ конскими хвостами,

5. Говоря: «мы овладѣемъ имуществомъ русскихъ», и отправились къ Ходженту.

XII.

1. Выступили и русскіе солдаты съ губернаторомъ[4]) во главѣ.

2. Поле сраженія было готово. Но гдѣ передовые бойцы сражающихся?

3. Увидѣвъ русскихъ, хвастливые богатыри далеко отступили.

---

1) Буквально: отъ Кафа до Кафа. Такъ называются у древнихъ восточныхъ писателей горы, находившіяся по ихъ представленіямъ на границахъ земли.

2) Разумѣется полковникъ Скобелевъ. [Слово ایچیدین какъ будто указываетъ на то, что врагъ показался «*изъ* ихъ среды». Въ такомъ случаѣ пришлось бы отнести слѣдующіе стихи къ этимъ «внутреннимъ» врагамъ. *В. Р.*].

3) [Въ текстѣ ясно رواجی. Не слѣдуетъ-ли перевести такъ: «... а много сбыта не было», т. дѣла шли плохо. *В. Р.*].

4) Генералъ-Губернаторъ фонъ-Кауфманъ. Рѣчь идетъ о битвѣ подъ Махрамомъ.

4. Никто не былъ спокоенъ отъ страха предъ опасностью.

5. Въ этотъ день мусульманскому народу было много мученій.

XIII.

1. Афтабачи не подалъ помощи и сражавшіеся очень растерялись.

2. Находясь въ отдаленномъ мѣстѣ, онъ бѣжалъ безъ сраженія[1]).

3. Русскіе солдаты одержали верхъ, а мусульмане отступили.

4. Многіе бросались въ Дарью, такъ что Дарья переполнилась и вышла изъ береговъ.

5. Отъ бросившихся въ Дарью не осталось ни имени, ни признаковъ...

XIV.

1. Не выдержавъ (натиска), убѣжали оттуда и нашли одного сироту кыргыза[2]),

2. Дали ему имя «Пулатъ-ханъ» и провозгласили его ханомъ.

3. Не сходясь съ русскими лицомъ къ лицу, всѣ скакали въ уединенномъ мѣстѣ[3]).

4. И если кого видѣли, то говорили: «ты — лазутчикъ!»[4]) и потомъ рѣзали его.

5. Отъ такой клеветы проливалась невинная кровь: нѣсколько душъ погибли.

XV.

1. Наконецъ эти двое погубили народъ ислама.

2. Кокандскій престолъ былъ раззоренъ, государство перешло къ русскому народу.

3. Эти два хитреца, не помнящіе соли, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими ушли въ Сибирь[5]).

4. Какое бы намѣреніе у нихъ ни было, но Богъ показалъ имъ самимъ свое опредѣленіе.

5. Наконецъ они были посрамлены въ мірѣ собственными дѣлами.

---

1) [Слова اوشال توركانيچه оставлены безъ перевода. *В. Р.*].

2) Т. е. кара-киргиза. Просто киргизъ называется «казакъ».

3) Какъ бы готовились къ бою и отъ радости гарцовали.

4) [بوزچه = тур. بوزيجى? *В. Р.*].

5) Т. е. въ ссылку. Туземцы мало знакомы съ географіей Россіи и всякую ссылку считаютъ Сибирью.

XVI.

1. Одинъ изъ ихъ послѣдователей—Мухаммадъ-Аминъ Тарбузъ[1];

2. Еще одинъ изъ нихъ былъ Зуль-Фукаръ Бекъ[2]), навозный жукъ,

3. И еще одинъ—размазня, не помнящій соли, Турды-Али свинья[3])...

4. Эта компанія безъ вѣры (все равно, что пища), безъ соли возбуждали смятеніе и возмущеніе[4]).

5. Они всѣ, подобно діаволу, сдѣлались мишенью для стрѣлъ проклятія.

XVII.

1. Люди почтенные оказались (послѣ всего этого) униженными, а дурные радовались;

2. Между мусульманами взаимное расположеніе исчезло.

3. Пусть нигдѣ не найдутъ покоя эти двое, не помнящіе соли!

4. Но слава, хвала Богу! Всѣ мусульмане спокойны[5]).

5. Разсказъ этотъ сложенъ на имя тѣхъ двоихъ, не помнящихъ соли[6]).

XVIII.

1. Со времени[7]) этого важнаго событія, владѣніямъ (Худояра) причинился вредъ;

2. Ихъ постигла опасность, а русскіе овладѣли побѣдой.

3. Положеніе партіи не помнящихъ соли сдѣлалось хуже:

4. Они странствовали по всѣмъ областямъ, подобно нищимъ-попрошайкамъ, (толкающимся) изъ двери въ дверь.

5. При желаніи (возвратиться) въ свое отечество, ихъ удѣломъ были стоны и вздохи.

---

1) Прозвище «Тарбузъ» дано ему за то, что онъ былъ маленькаго роста, кругленькій, какъ арбузъ.

2) Зуль-Фукаръ былъ при Худоярѣ-ханѣ Наманганскимъ бекомъ.

3) Слово «свинья» вставлено и для рифмы, и для выраженія презрѣнія.

4) [بی توز въ этомъ стихѣ повидимому равняется выраженію کور نمك такъ что едва ли нужно дополненіе «все равно, что пища».—Любопыто, что для полноты размѣра слово فرقهٔ снабженъ *тенвиномъ*, и именно *тенвиномъ фатхи*, единственнымъ, который и въ новоарабск. яз. еще иногда употребляется. *В. Р.*].

5) Можетъ быть авторъ хотѣлъ сказать, что подъ русскимъ управленіемъ мусульмане живутъ покойно.

6) [Не значитъ ли этотъ стихъ скорѣе, что эти двое стали «притчею во языцѣхъ»? В. Р.].

7) [Не слѣдуетъ-ли сообразно съ этимъ переводомъ читать въ текстѣ تاریخی دان вм. تاریخی. В. Р.].

XIX.

1. Таковъ результатъ: словъ много, если бы я вошелъ въ подробности.

2. Всего не вмѣститъ это пятистрофное стихотвореніе, — оно удлинилось бы...

3. Если слова высказываются въ стихахъ, то они пріобрѣтаютъ красоту;

4. Поэтому и Кятибъ [1]) придалъ своимъ словамъ форму стиховъ.

5. По сердечному сочувствію къ Худояръ-хану онъ высказалъ эти слова (т. е. сложилъ настоящее стихотвореніе).

---

1) Прозвище автора настоящей пѣсни.

Н. Остроумовъ.

10 іюля 1891 года. Гор. Ташкентъ.

جمجمه نامه

Легенда объ Іисусѣ и черепѣ въ персидскомъ стихотворномъ сказѣ Аттара.

Феридэддинъ Аттаръ († 1230 г.) одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей-поэтовъ Персіи: историко-литературныя справки приписываютъ ему 114 отдѣльныхъ произведеній, изъ которыхъ лишь весьма незначительная сравнительно часть извѣстна съ точными заглавіями, сохранилась въ манускриптахъ европейскихъ и азіятскихъ книгохранилищъ и пріобрѣла большее или меньшее распространеніе и популярность на востокѣ и западѣ. Остающаяся бóльшая часть литературнаго наслѣдія Аттара досталась намъ такимъ образомъ для розысковъ въ массѣ, безъ болѣе опредѣленныхъ какихъ либо представленій; поэтому всякое, хотя бы мелкое, свѣдѣніе о ней, въ достаточной степени обоснованное, никогда не можетъ быть лишнимъ для характеристики и исторіи Аттара, а слѣдовательно и исторіи персидской литературы вообще. Въ области такихъ свѣдѣній мало извѣстныя рукописныя сокровища нашей Императорской Публичной Библіотеки будутъ долго и долго представлять пріятнѣйшіе сюрпризы изслѣдователямъ, — какъ напр. манускриптъ III. 1. 31 (изъ коллекціи Кауфмана № 16), названный كلّيات عطّار. Будучи далеко не *кулліят*'омъ, списокъ этотъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно интересенъ, такъ какъ на ряду съ извѣстными трудами Аттара 1) جوهر الذات 2) لسان الغيب 3) مصيبت نامه 4) اسرار نامه 5) منطق الطير 6) پند نامه 7) مختار نامه 8) بلبل نامه . 10) اشتر نامه 10) وصلت نامه 11) بيسر نامه содержитъ на fol. 672ᵇ — 673ᵃ и 12) جمجمه نامه, о которомъ, какъ объ аттаровскомъ, до сихъ поръ, судя по каталогамъ, рѣшительно ничего не было извѣстно. Въ Гота'ской библіотекѣ въ одномъ сборникѣ, содержащемъ по преимуществу сочиненія Кâтибӣ находится персидскій раз-

сказъ о Джумджумэ (حکایت جمجمه[1]); авторъ разсказа не названъ, но къ концу его прибавлена приписка изъ مصیبت نامه Аттара (Pertsch, Die persischen Handschriften... zu Gotha, стр. 78); затѣмъ въ Лейпцигскомъ каталогѣ Флейшера (№ CCCXV, 6) сообщено содержаніе этого разсказа въ турецкой обработкѣ, — но и здѣсь авторъ неизвѣстенъ. Независимо отъ рукописи Публичной Библіотеки персидская стихотворная обработка легенды объ Іисусѣ и черепѣ приписывается Аттару и въ лубочной книжкѣ для народа, изданной въ Тегеранѣ въ 1299 г. Г.[2]), съ картинками, такого содержанія: 1) حکایت ابن ملجم ملعون 2) مهمانی سنگتراش خدایرا 3) مشرّف شدن زنان قریش خدمت پیغمبر و بردن فاطمه‌را بعروسی 4) در بیان حکایت سلطان جمجمه (стр. 20—25) 5) در بیان قربانی کردن حضرت ابراهیم اسمعیل را 6) مهمانی شبان خدارا 7) حکایت پیر گبر و پیغام دادن بموسی 8) حکایت مرد لر که زندان اورا فریب دادند (Библіотека СПБ. Университета, шифръ O I 383).

Въ этой книжкѣ авторство Аттара не вызываетъ никакихъ сомнѣній, потому что въ заключительномъ стихѣ прямо сказано: «Боже, помилуй Аттара, который сложилъ эти стихи». На основаніи этихъ двухъ редакцій جمجمه نامه — рукописной и печатной-лубочной — печатается ниже текстъ. Въ основу положено чтеніе лубочное по тремъ соображеніямъ: 1) со стороны языка и смысла оно въ общемъ гораздо правильнѣе; 2) со стороны дѣйствія, развитія и послѣдовательности разсказа, выдержанности его и цѣльности оно полнѣе, что видно наглядно изъ того, что въ рукописной редакціи нѣтъ цѣлаго эпизода, изложеннаго въ стихахъ 53—66 лубочнаго изданія[3]); 3) рукопись наша не отличается древностію: написанная однимъ почеркомъ, она общей даты не имѣетъ, но послѣ третьяго сочиненія есть помѣтка 5 Рамазана 1021 г. Г. = 30 окт. 1612 г. Всѣ стихи, неимѣющіеся въ рукописной редакціи, отмѣчены звѣздочкой, а варіанты изъ нея приведены подъ строкою.

Взаимное соотношеніе нашихъ редакцій остается невыясненнымъ: я полагалъ, что въ этомъ мнѣ поможетъ содержащаяся въ одной изъ рукописей Азіятскаго Музея (№ 319[c], стр. 1—14 verso) турецкая версія[4]),

1) Начальный стихъ его тотъ же, какъ и въ приводимомъ нами ниже текстѣ.

2) Есть также изданіе и 1301 г. Г. (имѣющееся въ библіотекѣ Учебн. Отд. Восточныхъ языковъ); отъ нашего оно не представляетъ никакихъ отступленій, даже варіянтовъ.

3) Эпизодъ этотъ ни по языку, ни по стилю и связи съ разсказомъ не вызываетъ подозрѣнія въ его болѣе позднемъ (послѣ Аттара) происхожденіи. Только стихъ 59, какъ тавтологія съ 60-мъ, можетъ быть приписанъ излишнему усердію одного изъ переписчиковъ.

4) Она составлена, какъ значится въ концѣ ея, какимъ то Хусамомъ Катибомъ (حصام کاتب) въ 770 году Г. Не беремся судить, соотвѣтствуетъ ли она версіи, о которой говоритъ Флейшеръ: его пересказъ слишкомъ краткокъ.

которую мнѣ любезно сообщилъ К. Г. Залеманъ, но она оказалась не переводомъ съ персидскаго, а самостоятельной, болѣе полной передѣлкой легенды, съ большею дозою чисто мусульманской окраски, чего у насъ не замѣчается.

Помимо спеціальнаго значенія для оріенталистовъ, Аттаровъ сказъ легенды объ Іисусѣ и черепѣ, можетъ быть, представитъ нѣкоторый интересъ для лицъ, занимающихся всеобщей литературой, какъ новый матеріалъ для сравнительнаго изученія легенды, общей Востоку и Западу [1]).

ناگهان روزی بتقدیرِ خدا * کارساز و[2]) صانعِ ارض و سما
میگذشت عیسی کنارِ دجلهٔ * دید در صحرا فتاده کلّهٔ
کلّهٔ پوسیدهٔ از هم جدا[3]) * گوشت و پوست و[4]) مغزِ او گشته فنا
عقدِ دندانها ز هم بگسیخته[5]) * مغزِ او با خاك و گل آمیخته
مسکنِ زنبور و[6]) جای موریان * همچو برف اسفید[7]) گشته استخوان
کاسهٔ چشمش پر از خاكِ سیاه[8]) * هر دو گوشش کرده مار و مور جا[9])
کرد عیسی سویِ ان کلّه نگاه * در تعجّب ماند و[10]) گفتا یا اله[11])
بار الها[12]) حقِّ بیچون ذاتِ تو * حقِّ بیتِ عصمت[13]) و آیاتِ تو
برگشا برمن تو این احوالِ راز[14]) * حقِّ ذاتِ[15]) پاكِ تو ای بی‌نیاز[16])
تا بدانم حالِ این سرگشته چیست * این‌که بوده است اورا[17]) احوال چیست
جبرئیل آمد بفرمانِ خدا[18]) * گفت یا عیسی چه میباید ترا[19])
گفت میخواهم که[20]) این پوسیده سر * باز گوید حالِ خودرا[21]) سر بسر
گفت یا عیسی بخواه از وی سخن * تا بگوید حال و[22]) احوالِ کهن
رفت عیسی سوی آن کلّه فراز * گفت ای کلّه بحقِّ بی‌نیاز

1) См. Ѳ. Батюшковъ, Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы, СПБ. 1891, стр. 24, 281.

2) Рукопись опускаетъ. 3) Рук. کلّهٔ افتاده بود از تن جدا. 4) Рук. опуск. 5) Рук. همه بر ریخته. 6) Рук. опуск. 7) Рук. نرمی آب. 8) Для риѳмы съ جا слѣдующаго полустишія лучше читать سیا. 9) Рук. راه. 10) Рук. опуск. 11) Рукоп. добавляетъ стихъ: آفریدی خلق را از نورِ پاك * اینچنین افگندهٔ اورا بخاك 12) Рук. یا الهی. 13) Рук. حقِّ صنعِ قدرت. 14) Рук. باز. 15) Рук. نام. 16) Рук. переставляетъ эти полустишія. 17) Рук. تاچه بودست حال این. 18) Рук. اله. 19) Рук. میخواهی بخواه. 20) Рук. از. 21) Рук. حال خود بمن بگوید. 22) Рук. опуск.

حال و احوالِ خودت‌را (1 باز گو * زشتخو بودی تو یا مردِ نکو (2
جنّتی بودی تو یا خود دوزخی * بخل ورزیدی تو یا بودی سخی (3
کلّه آمد (4 پیشِ عیسی در سخن * گفت یا عیسی منم (5 مردِ کهن
پادشه بودم بملكِ مصر و شام * رفته بود از شرق تا غربم پیام (6
هفت کشور (7 بود در فرمانِ من * مشتری میتافت بر (8 ایوانِ من
صد هزارم بندهٔ زنگی (9 بنام * صد هزارم چاکرِ رومی غلام (10
* صد هزارم حاجبِ درگاه بود * صد هزارم بندهٔ چون ماه بود
صد هزارم تركِ اطلس‌پوش بود * صد (11 هزارم بنده دُر در گوش بود
صد (12 هزارم بود مردِ پهلوان * يك بيك بگزيده بودم در جهان (13
صد هزارم اشترانِ ماده بود (14 * هر يكی در زيرِ بار استاده بود (15
زانكه افزون بود و بيش از مور و مار * كس سپاهم‌را نيارستی شمار (16
مطبخم در كار بودی صبح (17 و (18 شام * صد (19 هزارم مطبخی بودی غلام (20
جمله مسكينانِ درويشانِ (21 شهر * از طعامِ مطبخم بردند بهر (22
* مرغ و ماهی و مسمّی صد هزار * بود در مجلس هميشه بی شمار
* چارصد (23 گنج نهانی داشتم * از سفيد و زر و گوهر (24 داشتم
* صد هزارم مردمانِ كار بود * صد هزارم گبر و آذر يار (25 بود
پانصدم (26 سگ بود وقتِ صيدِ باز * مشتری ميبود چرغ صيد باز (?) (27
* چارصد زن بود در فرمانِ من * هر يكی در عقد و در پيمانِ من

---

1) Рук. حال خودرا جمله از سر. 2) Рук. خوبرو بودی تو خود یا زشت‌رو. 3) Рук. (?) جنّتی بودی تو یا مردِ سخی * مدخلی تو بودی یا خود متّبعی (?). Послѣ этого добавляетъ стихъ: پادشاه بودی تو یا مرد گدا * محتشم بودی تو خود یا بینوا. 4) Рук. سر در آمد. 5) Рук. بدم. 6) Рук. مشرق و مغرب گرفتم جمله تام. 7) Рук. پیکر. 8) Рук. در. 9) Рук. رومی. 10) Рук. بنده زنگی بنام. 11) Рук. چل. 12) Рук. چل. 13) Рук. послѣ этого стиха ставитъ 31-й. 14) Рук. اشتر بررو سیاه. 15) Рук. جلگی در بار بودند سال و ماه. 16) Рук. этотъ стихъ читаетъ کس ندانستی سپاهم‌را شمار * زانکه بیحد بود مثل مور و مار и ставитъ его послѣ 22-го. 17) Рук. روز. 18) Рук. опуск. 19) Рук. چل. 20) Рук. بنام. 21) Рук. درویشان و مسکینان. 22) Рук. بردی بدهر. 23) Здѣсь и въ стихѣ 32-мъ изданіе имѣетъ چهار صد, что не допускается метромъ. 24) Для соблюденія риѳмы слѣдуетъ читать کانی; смыслъ остается тотъ-же. 25) Мое чтеніе; въ изданіи نار. 26) Рук. نهصدم. 27) Рук. یك هزارم بود چرغ و یوز و باز.

* هفتصد سال است تا من مرده‌ام * همچنین در زهرِ مرگ آغشته ام
نام من بوده‌است سلطان جمجمه * من شبان بودم همه عالم رمه
اینَ چنین شاهی بکردم(1 در جهان * یا نبی الله چگویم شرح آن(2
* گفت عیسی جان بجانان دادهٔ * آبِ زهرِ مرگ چون بنهادهٔ(3
* حالتِ سختیٔ جان کندن بگو * هم در آن دم جان بدر رفتن بگو
گفت روزی(4 من ز صیدِ آهوان * باز گشتم سوی قصرِ(5 خود روان
چترِ شاهی بر سرم افراشته * طوقِ اطلس در برم بگماشته(6
چون(7 رسیدم بر سریر و جایِ خود(8 * لرزهٔ بگرفت سر تا پایِ خود(9
جانِ(10 من در آتش و تاب(11 اوفتاد * هفت اندامم بغرقاب اوفتاد(12
از حکیمان و طبیبانِ(13 جهان * جلگی حاضر شدند اندر زمان(14
* یك بیك می آمدندی از وفا * چاره می جستند نمیدیدند شفا(15
* هاتفی میگفت از رویِ هوا * حکم یزدان‌را نمیباشد شفا
شربتِ مرگست میباید چشید * مرگ‌را درمان نمیباشد(16 پدید
چون بر(17 آمد هفت روزی آنزمان(18 * صورتی آمد پدید از آسمان(19
صورتی منکر(20 ولیکن(21 چار دست * چار دست او مرا از کار بست(22
چنگها بودش(23 چو چنگالِ پلنگ * در زمان افگند بر من بیدرنگ(24
* نوبتِ اوّل زبانم‌را گرفت * دست برد و ریشهٔ جانم گرفت

---

1) Рук. که بودم. 2) Рук. حال من اینست یا عیسی بدان. 3) Вмѣсто этого и слѣдующаго стиха рукопись имѣетъ:

گفت عیسی چند سالست اینچنین * گشته با آب و گلی تو همنشین
نهصد و پنجاه سالست اینچنین * گشته‌ام با اهل دوزخ همنشین
گفت عیسی مرگ‌را چون دیدهٔ * لب بزهر گور چون آلودهٔ

4) Рук. روز. 5) Рук. مصر. 6) Рук. صوف و اطلس در تنم انداخته. 7) Рук. تا. 8) Рук. بر سر من جای من. 9) Рук. من. 10) Рук. جای. 11) Рук. سوزان. 12) Рук. بلرزه در فتاد. 13) Рук. پس طبیبان و حکیمان. 14) Рук. چارها کردند ندیدند پس امان. 15) Это полустишіе грѣшитъ противъ метра. 16) Рук. کجا آید. 17) Рук. در. 18) Рук. пропускаетъ. 19) Рук. چون آر и пропускъ. 20) Рук. پیکر. 21) Рук. ولی کس. 22) Рук. چار دستش بود اکنون نیز هست. 23) Рук. دارد. 24) Рук. چنگها بر من فکندش (Чрезвычайно любопытная въ языкѣ Аттара форма; см. Залеманъ и Жуковскій, Краткая грамматика новоперсидскаго яз., стр. 44, прим. 1) بی درنگ.

می کشید از ناخن پایم چنان * یا نبی الله شرح او کی توان[1]
* گر زبانم باز بودی آنزمان * می شنیدی نعرهٔ من اسمان
* پس بصد سوز و بصد جور و جفا * جانم از تن رفت با رنج و عنا
* عیسیٔ مریم بگفت ای جمجمه * باز گو احوالِ گورت‌را همه
* تاچه دیدی اندر آن دار القرار * از عذابِ گور و از بیمِ شمار
* گفت چون بر مرکبِ چوبین روان * سوی گورستان ببردند آنزمان
* عالمی اندر پیم زاری‌کنان * تا بلشکرگاهِ جمله مردگان
* چون مرا اندر لحد انداختند * بر سرِ گورم عمارت ساختند
* دو فرشته بود گویا در کمین * هر یکی با یك عمودی آتشین
* قالبم‌را از لحد بر داشتند * وانگهی از من حکایت خواستند
* صورتم اندر لحد چو یافتند * یك بیك از فعلِ من در خواستند
* گفت ربّت‌را تو اوّل باز گو * وانگهی پیغمبرِ خودرا بجو
* نه خدا دانسته[2] نه دین داشتم * نه رهِ پیغمبری بر داشتم
* زد عمودی بر سرِ من آنچنان * گشت چون خشخاش مغز و استخوان
* کور بودی تو ز صنع کردگار * می ندیدی قدرتِ پروردگار
* آسمان‌را بیستون افراشته * ماه و خورشید اندرو بگماشته
* این بگفت و زد عمودی بر سرم * تا بقهرِ دوزخ افگند بیکرم[3]
* در میانِ آتش افگندند مرا[4] * یا نبی الله چگویم من ترا
* آتش اندر جانِ پر دردم فتاد * عیشِ دنیایم همی آمد بیاد
صد هزارم مار و عقرب میگزید * صد هزارم شیرِ غرّان میدرید[5]
* هفصد و پنجاه سالست این چنین * گشته‌ام با خاك و با گل همنشین
پس عنایت کرد آخر رهبرم[6] * همچو تو پیغمبر آمد در برم[7]
* سر برهنه عیسی آمد در زمان * گفت ای پروردگارِ انس و جان
هیج مومن‌را بقهرِ خود مسوز * پردهٔ مومن تو از لطفت[8] بدوز

1) Это полустишіе грѣшитъ противъ метра. Рукопись весь стихъ читаетъ такъ: می کشید از پای تا سر از میان * یا نبی الله چگویم شرح آن. 2) См. Залеманъ и Жуковскій, Краткая граммат. новоперсид. яз., стр. 44, пр. 1. 3) Стихъ грѣшитъ противъ метра. 4) Это полустишіе грѣшитъ противъ метра. 5) Рук. صد هزام بار افزون انش افروختند میگزند; передъ этимъ добавленъ стихъ: صد هزارم مار و کژدم میگزند * هر زمان صد جان همیدارم همان من در میان. 6) Рук. برسرم. 7) Рук. پیغمبری آمد برم. Послѣ этого читается стихъ 75-й. 8) Рук. بلطف خود.

* افریدی خلقرا از صنع پاك * پس ذلیل افگندهٔ بر روی خاك
عیسئ مریم بشد از خویش باز[1] * چون بخود[2] آمد بگفت ای کارساز[3]
لطف کن بر پای دار این مردهرا * زنده گردان این سرِ پوسیده را[4]
* از دعای عیسی آندم بیگمان * زنده کرد اورا خداوندِ جهان
حکمِ فرمانِ[5] خداوندِ ودود[6] * همچو جان اندر بدن آمد وجود[7]
* بود توفیقِ خدای ذو المنن * تا که اورا پرده بگشاید سخن
در سجود افتاد آنسر[8] بر[9] زمین * گفت آمنّا بربّ العالمین[10]
* جمجمه در حال ایمان آورید * گشت مومن دینِ عیسی برگزید
* روز بد در طاعتِ حق در سجود * یکزمان از یادِ حق غافل نبود
دایما در روزه[11] بودی صبح و شام * هر[12] چهل روز اندکی خوردی طعام[13]
* جملهرا در طاعت و فرمان برفت * عاقبت با دین و با ایمان برفت
* این حکایت من از آن کردم بیان * تا بیادِ حق گذارم این زمان
* بار الها حقِّ انفاسِ مسیح * درگذر تو از گناهانِ فصیح
* پس بیامرزی دگر عطّاررا * کو بنظم آورد این اشعاررا

Однажды по предопредѣленію Господа, дѣлъ устроителя, творца неба и земли, проходилъ Іисусъ по берегу Тигра и увидѣлъ, — въ полѣ валяется какая-то голова. Голова истлѣвшая, развалившаяся: мясо, кожа и мозгъ ея превратились въ тлѣнъ; ряды зубовъ разложились, мозгъ ея смѣшался съ землею и грязью. Она была обиталищемъ пчелъ и мѣстомъ муравьевъ; кость сдѣлалась бѣлою какъ снѣгъ; глазныя впадины въ ней были наполнены черною землею; оба уха ея заняли змѣи и муравьи. Іисусъ взглянулъ на ту голову, удивился и сказалъ: «Господи-Боже! именемъ твоего непре-

---

1) Рук. چو آمد هوش باز. 2) Рук. بهوش. 3) Рук. بی نیاز. 4) Рук. زنده گردان بعد از ین مردهرا * می توانی زنده کردن مردهرا. 5) Рук. من بفرمان. 6) Рук. درود. 7) Рук. جمجمه تا جان در آمد ز وجود. 8) Рук. عیسی. 9) Рук. در. 10) Рук. گشت کاندر دین عیسی اینچنین. 11) Рук. در نماز و روز. 12) Рук. در. 13) Рук. послѣдніе четыре стиха замѣняетъ слѣдующими:

مدتی چون راه یزدانی گرفت * بعد از آن هم دین ایمانی گرفت
جمجمه آورد این و در سخن * و این حکایت کرده اسرار کهن
نسبت او با حسین کربلاست * دوستدار اهل بیت مصطفی است

ложнаго естества, именемъ «дома непорочности» [1]) и чудесъ твоихъ, раскрой предо мною ты эту тайну во имя твоего чистаго существа, о ни въ чемъ Ненуждающійся, — чтобы узналъ я обстоятельства этого безчувственнаго: кто онъ былъ и каково его положеніе». Явился по приказу Божію Гавріилъ и сказалъ: «Что тебѣ нужно, Іисусъ?» «Я хочу», сказалъ послѣдній, «чтобы эта истлѣвшая голова разсказала о себѣ отъ начала до конца».—«Потребуй», сказалъ, «о Іисусъ, отъ нея слова, чтобы она разсказала о положеніи и старинныхъ обстоятельствахъ». Іисусъ направился къ той головѣ и сказалъ: «о голова! заклинаю тебя ни въ чемъ Ненуждающимся: изложи твое положеніе и обстоятельства. Была ты злонравна или была хорошимъ человѣкомъ? Была ты рае-или же адожителемъ? Изощрялась ли ты въ скупости или была щедра?» Голова заговорила предъ Іисусомъ и сказала: «О Іисусъ! я — человѣкъ древній [2]); я была государемъ въ царствахъ Египетскомъ и Сирійскомъ и вѣсть обо мнѣ проходила отъ востока до запада. Семь земель было подъ моимъ приказомъ и надъ моимъ чертогомъ блисталъ Юпитеръ. У меня было сто тысячъ черныхъ рабовъ и сто тысячъ византійскихъ невольниковъ были мнѣ прислужниками. У меня было сто тысячъ дворцовыхъ слугъ и сто тысячъ рабынь похожихъ на луну. У меня было сто тысячъ Турковъ, одѣтыхъ въ атласъ, и сто тысячъ невольницъ съ перлами въ ушахъ. У меня было сто тысячъ мужей-богатырей: одного къ одному я выбралъ ихъ въ мірѣ. У меня было сто тысячъ верблюдицъ, — каждая стояла подъ вьюкомъ. Никто не дерзалъ сосчитать моей рати, такъ какъ она была больше и многочисленнѣе муравьевъ и змѣй. Моя кухня работала утро и вечеръ и служили мнѣ сто тысячъ поваровъ. Всѣ бѣдняки и дервиши въ городѣ получали долю изъ кушаній моей кухни. Птица, рыба и соусы — сотни тысячъ были постоянно въ моей трапезѣ, безъ числа. Я имѣлъ четыреста тайныхъ сокровищницъ — золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ. У меня было сто тысячъ ремесленниковъ, сто тысячъ огнепоклонниковъ и «огней». У меня было пятьсотъ собакъ во время соколиной охоты. У меня была тысяча ястребовъ, охотничьихъ пантеръ и соколовъ [3]). У меня было подъ приказомъ четыреста женъ, — каждая въ союзѣ и договорѣ со мною. Семьсотъ лѣтъ, какъ я умеръ и такъ вотъ омоченъ ядомъ смерти. Имя мое было Султанъ Джумджуме («Черепъ»), я былъ пастырь, а весь міръ — стадо. Такъ-то я властвовалъ въ мірѣ, о пророкъ

1) Дѣва Марія? Вар. рукописи: твореніемъ всемогущества.

2) Послѣ этого стиха помѣщена картинка: подъ деревомъ сидящая (на колѣняхъ) фигура Іисуса; голова въ сіяніи, лицо не написано, какъ обыкновенно у святыхъ и пророковъ; предъ нимъ на краю могилы, выложенной кирпичемъ, черепъ.

3) Переводъ по варіанту рукописи.

Божій! Что мнѣ говорить въ объясненіе того»! Іисусъ сказалъ: «ты отдалъ Богу (собств. «душенькѣ») душу: какъ вкусилъ (?) ты ядовитой влаги смерти? Разскажи о мукахъ разставанія души, и скажи также объ отлетаніи души въ тотъ моментъ». Голова сказала: «Однажды я возвращался въ свой дворецъ съ охоты на ланей: надъ головой моей былъ поднятъ царскій зонтикъ, на мнѣ были надѣты ожерелье и атласъ. Когда я достигъ трона своего и мѣста, меня объяла дрожь съ головы до ногъ. Душа моя впала въ огнь и жаръ, мои семь членовъ попали въ водоворотъ. Врачи и лѣкари міра всѣ собрались въ одинъ моментъ: одинъ за однимъ они приходили съ вѣрностью, искали средства, но не находили исцѣленія. Какой-то голосъ говорилъ съ неба: «противъ рѣшенія Господня нѣтъ исцѣленія: это напитокъ смерти, его нужно отвѣдать — отъ смерти не можетъ появиться лѣкарства». Когда прошло семь дней, тогда появился съ неба нѣкій образъ (фигура). Образъ Мункира, только съ четырьмя руками; четыре руки его оторвали меня отъ дѣла. У него были пальцы какъ когти леопарда; тотчасъ же не медля онъ впустилъ ихъ въ меня. Въ первый разъ онъ схватилъ меня за языкъ, занесъ руку и схватилъ корень моей души; онъ такъ вытягивалъ ногти изъ ногъ моихъ! О пророкъ божій! можно ли объяснить это?! Если бы у меня въ то время былъ языкъ, мои крики услышало бы небо. Затѣмъ въ сотнѣ огней, въ сотнѣ насилій и жестокостей душа моя вышла изъ тѣла съ муками и страданіями». Іисусъ, сынъ Маріи, сказалъ: «О Джумджуме! Разскажи все о положеніи твоемъ въ могилѣ: что ты видѣлъ въ томъ мѣстопребываніи изъ мученій могилы и страха суднаго дня?» — Сказалъ: «Когда меня на «деревянномъ конѣ» (носилкахъ) понесли на кладбище, народъ вслѣдъ за мною съ рыданіями шелъ до стана всѣхъ мертвецовъ. Когда меня бросили въ яму, надъ могилою моею возвели мавзолей. Два ангела были уже въ засадѣ, — каждый съ огненною палицею. Подняли они мое тѣло изъ ямы и потомъ стали меня допрашивать. Когда они нашли мое тѣло въ ямѣ, спросили одно за однимъ о моихъ дѣлахъ. (Ангелъ) сказалъ: «Сначала скажи о твоемъ Господѣ, а потомъ поищи твоего пророка». — (Я сказалъ:) «Я не зналъ Бога, не имѣлъ вѣры, и не шествовалъ по пути какого либо пророка». Онъ сильно ударилъ одинъ разъ палицею меня по головѣ: мозгъ и кость превратились въ макъ. «Что ты» (сказалъ онъ) «былъ слѣпъ къ творенію Господа? Не видѣлъ всемогущества Создателя? Онъ безъ столповъ высоко вознесъ небеса и на нихъ водрузилъ мѣсяцъ и солнце». Сказалъ это и ударилъ меня по головѣ палицею и ввергъ меня безжалостно въ кару адскую. Меня бросили въ огонь. О пророкъ божій, что мнѣ говорить тебѣ?! Въ душу мою полную скорби палъ огонь, и приходили мнѣ на память услады жизни. Сто тысячъ змѣй и скорпіоновъ жалили меня, сто

тысячъ свирѣпыхъ львовъ терзали меня. И вотъ семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ какъ я соединенъ съ прахомъ и землею. Наконецъ Вожатый мой смилостивился — ко мнѣ пришелъ тебѣ подобный пророкъ». Тотчасъ Іисусъ обнажилъ (свою) голову и сказалъ: «о создатель людей и духовъ! не сожигай никакого правовѣрнаго гнѣвомъ твоимъ: сошивай милостію твоею завѣсу правовѣрнаго. Ты создалъ тварь твореніемъ чистымъ, а потомъ презрѣнно бросилъ во прахъ!» Іисусъ, сынъ Маріи, «вышелъ изъ себя»; когда пришелъ въ себя, сказалъ: «о дѣлъ устроитель! окажи милость, поставь на ноги этого мертвеца, оживи эту истлѣвшую голову!» Безъ сомнѣнія по молитвѣ Іисуса въ тотъ же моментъ воскресилъ его владыка міра. По приказу и повелѣнію Господа - Многолюбящаго въ тѣло его, какъ душа, вошло бытіе. Было содѣйствіе многомилостиваго Бога, чтобы проявилась въ немъ рѣчь.

Въ преклоненіи пала та голова на землю и сказала: «я увѣровала, во имя Господа міровъ!» Джумджуме тотчасъ же принялъ вѣру, сталъ правовѣрнымъ: избралъ вѣру Іисуса. Днемъ онъ простирался въ поклоненіи Богу и ни на одинъ мигъ не забывалъ памятовать о Господѣ. Онъ постоянно соблюдалъ постъ утромъ и вечеромъ и каждые сорокъ дней мало вкушалъ пищи. Словомъ, онъ отошелъ (изъ этого міра) въ поклоненіи и покорности, умеръ съ вѣрою и религіею.

Этотъ разсказъ я изложилъ для того, чтобы провести это время въ памяти о Господѣ. Боже! во имя дыханія Мессіи прости ты грѣхи краснорѣчивца [1]) и затѣмъ помилуй *Аттара*, который сложилъ эти стихи.

---

[1]) Полагаю, что Аттаръ разумѣетъ здѣсь разсказчика, передатчика легенды.

В. Жуковскій.

Замѣтки по армянскому языку.

1. Въ рецензіи на Историческую Грамматику А. Томсона (Зап. Вост. Отд., V т.) я указалъ на выдающееся значеніе соотвѣтствія армянскихъ плавныхъ иранскимъ зубнымъ (стр. 316—321, отд. оттискъ, стр. 10—15), къ чему я еще разъ возвращусь въ свое время, чтобы значительно увеличить число приведенныхъ уже примѣровъ; теперь же обращу вниманіе на то, что туда же должны быть отнесены случаи соотвѣтствія иранскимъ зубнымъ армянскаго звука խ (ղ) х, насколько послѣдній, уже на армянской почвѣ, является ослабленіемъ плавнаго р при посредствующемъ ղ ѓ: такъ зенд. dav и dab *обманывать* — խաբել хаб-ел[1]); دود *дымъ* — ծուխ ц̆ух, *дымъ* и թուխ т̆ух, *черный*.

2. Одновременно въ цитованной статьѣ, l. c., стр. 318, отт., стр. 12, высказана мысль, что полное армянское окончаніе неопредѣленнаго наклоненія լո› ло, есть эквивалентъ персидскаго dan. Кромѣ примѣровъ соотвѣтствія армянскаго р иранскимъ зубнымъ, точкою опоры для подобнаго отожествленія мнѣ послужилъ рядъ примѣровъ соотвѣтствія армянскаго о иранскому ан, причемъ звукъ л въ этомъ армянскомъ окончаніи я счелъ позднѣйшимъ армянскимъ ослабленіемъ первоначальнаго р[2]).

1) Этотъ же корень непочато сохранился въ заимствованномъ դաւել, дав-ел и производныхъ отъ него.

2) Замѣтимъ, что это р обнаруживаютъ въ данной формѣ живые говоры, такъ напр. внас ч'і га*р* вм. га*л*, не *произойдетъ вредъ*, мэкъ ч'і ъсе*р* вм. ъсе*л*, *никто не скажетъ* и т. п. (см. Առածք աշխարհիկ խմբագրեաց Հ. Սիմոն Վ. Ճուղարեան. Վենետիկ 1880, p. 75). Это же р усматриваю я въ отрицательной формѣ повелительнаго наклоненія, которая есть ничто иное, какъ отрицаніе + неопр. наклоненіе: մի խոկար *не разсуждай* (соб. не разсуждать!), մի ասեր *не говори* и т. п. Вмѣсто լ л обнаруживаютъ ր р армянскія нарѣчія, какъ извѣстно, и въ прич. прошедшаго времени: եալ еал = եր ер.

3. Въ армянскомъ языкѣ то же окончаніе неопредѣленнаго наклоненія сохранилось въ болѣе цѣльномъ видѣ, хотя и исключительно въ роли окончаній служащихъ для выраженія отвлеченныхъ понятій. Явленіе общеизвѣстное, что такъ называемыя окаменѣлыя формы представляютъ собою обыкновенно наименѣе измѣнившіяся древнѣйшія формы. Прежде чѣмъ указать на нихъ, надлежитъ уяснить одно обстоятельство, касающееся армянскихъ позднѣйшихъ эквивалентовъ древнѣйшаго â, исторія котораго въ армянскомъ языкѣ идетъ по двумъ направленіямъ: a) {աւ = ո = ու; av = o = y} и b) {եա = ե {+ յ, + ւ} = ի.; ea = e {+ й, + v} = i.}

a) Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно собственно второе движеніе, и по первому удовольствуемся двумя, тремя примѣрами: α) з. sâta, part. perf. отъ sâ, *острить* — սուր сур, *острый; мечъ;* β) dâta, part. perf. отъ dâ, *дать*[1]) — տուր тур, *подарокъ;* γ) древн. перс. nâma, зенд. nāman — *անուն имя*, полная оспова անուան а-нovан; δ) с. pâda з. pâdha, *нога* — ոտն (вм. վատն), вотн, род. мн. вотан-ц, въ діал., такъ напр. въ тифл. վուտ вут[2]).

b) По второму же движенію, куда относится между прочимъ соотвѣтствіе формативному کار въ армянскомъ կեար или կեր какъ напр. աղօթ-կեար аҕоткеар, и աղօթկեր аҕоткер, *проситель*, *посланникъ*, укажемъ на тѣ случаи, когда за этимъ â непосредственно слѣдуетъ n, то есть когда дѣло имѣемъ со слогомъ ân. Въ армянскомъ въ такомъ случаѣ мы должны ожидать եան еан, и потому: α) соотвѣтственно съ персидскимъ окончаніемъ множ. числа ân въ армянскомъ находимъ եան еан, такъ խոզ-եան хоз-еан, *свиньи*, բերդեան берд-еан, *крѣпости*, գործ-եան горц́-еан, *дѣла* и др.[3]). β) Соотвѣтственно съ перс. ân patronymicum въ армянскомъ находимъ եան еан, такъ Մամիկոնեան Мамиконеан, Համազասպեան hΛмазаспеан и др.

4. Послѣ вышеизложеннаго есть основаніе заключить, что армянское полное окончаніе і-леан есть позднѣйшій эквивалентъ болѣе древняго і-lān, которымъ вполнѣ покрывается персидское окончаніе неопредѣленнаго на-

1) Вѣроятно, для дифференцированія тождественная форма прич. dāta, но отъ dā, *класть*, въ армянскомъ имѣетъ эквивалентъ դիր дір, *положеніе*, т. е. по движенію еа = ev (iv) = i; слово դիր дір въ сложеніи встрѣчается и въ формѣ *դիւր дівр, такъ մտադիւրութիւն мтадівруті́вн (въ смыслѣ մտադրութիւն) *вниманіе*, собс. *приложеніе мыслей*. Есть и къ dāta глагола dā, *давать* въ армянскомъ эквивалентъ съ гласнымъ ի i, ослабленіемъ եա еа, вм. ā, но въ немъ, звучащемъ ձիր ζір, *даръ*, зубной д не сохраненъ, какъ въ դիր. Опять таки, какъ кажется, вслѣдствіе стремленія къ дифференцированію.

2) Աւսու ըը վրայ էկաւ, Г. Тэръ-Александрянъ, Թիֆլիսեցոց մտաւոր կեանքը, I, p. 313 et pass.

3) Такъ какъ приводимые тутъ примѣры обнимаютъ цѣлый извѣстный классъ словъ, то я довольствуюсь немногими образчиками; болѣе подробный, хотя, конечно, все же не полный, списокъ ихъ можно найти въ любой пространной грамматикѣ арм. яз., такъ у Арс. Багратуни, Cirbied'а и др.

клоненія î-dan съ его другими иранскими эквивалентами; окончаніе же і-леан въ арм. мы видимъ въ словахъ, какъ տեսիլ род. տեսլեան слѣд. полная основа տեսիլեան тес-і-леан, *видѣніе*.

5. Затѣмъ рядомъ съ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія tan = dan въ иранскихъ языкахъ имѣется окончаніе istan. Я имѣю въ виду, конечно, не тѣ случаи, когда подобное окончаніе въ неопредѣленномъ наклоненіи получается изъ-за присутствія зубного звука въ исходѣ глагольной основы; рѣчь идетъ объ окончаніи istan независимаго отъ глагольной основы происхожденія; оно встрѣчается въ ограниченномъ количествѣ глаголовъ въ персидскомъ и пехлевійскомъ языкахъ, какъ напр. دانستن и dubâristan. Его эквивалентъ въ армянскомъ, сообразно съ a = *â = ea (եա), звучитъ իստեան істеан, такъ հանգիստ род. հանգստեան полная форма hанг-іс-теан, *успеніе*.

6. Но, какъ извѣстно (J. Darmesteter, Ét. ir. I, § 173, pp. 210—212), окончаніе istan есть собственно то же самое, что tan + основа вспомогательнаго глагола is, соотвѣтствующая санскрит. as и зенд. ah. Если примемъ во вниманіе, что первоначальное a въ армянскомъ при промежуточномъ â развивалось по двумъ направленіямъ[1]) a) եա = ե = ի и b) ա = ո = ու которыя, можетъ быть, являютъ собою особенности двухъ главныхъ діалектическихъ группъ, впослѣдствіи проникшія въ книжный (грабар) языкъ на *болѣе или менѣе равныхъ правахъ*, то станетъ понятнымъ, почему эквивалентами того же istan (собс. *astan = *âstân) въ армянскомъ мы находимъ одновременно съ указаннымъ істеан и другія формы, какъ-то на естеан, напр. գովեստ гов-ест, *хвала*, твор. пад. գովեստեամբ, слѣдовательно полная основа гов-естеан, равно на устеан, напр. կորուստ кор-уст, *гибель*, род. կորստեան, слѣдовательно полная основа кор-устеан.

7. Сдѣланныя отожествленія обнаруживаютъ сохранность свистящаго элемента существительнаго глагола въ арм. языкѣ, правда, въ исключительныхъ формахъ.

Обыкновенно же армянскій существительный глаголъ вмѣсто свистящаго s, въ аор. и производныхъ отъ него, обнаруживаетъ ց ц (եցի, իցեմ, ացի и пр.), въ настоящемъ же и въ производныхъ отъ него—придыхательное h[2]), подобно зендскому ah, но только въ видѣ յ й, между гласными,

---

1) Въ дальнѣйшей части Замѣтокъ мы подробно разберемъ истоки a въ армянскомъ языкѣ и затѣмъ, въ связи съ ними, главные типы армянскаго эквивалента сущ. глагола as, на сочетаніи коихъ съ глагольной основою, въ той или иной причастной формѣ, и зиждется все армянское спряженіе.

2) По нашему мнѣнію, проф. Фр. Мюллеръ напрасно отказался отъ прежняго своего объясненія формы imperf.'а въ армянскомъ (Ueber das armen. Imperfectum, p. 448, ср. Bei-

напр. прош. несов. էր (вм. եյ-ր), էիր (вм. եյ-իր) и т. д., въ остальныхъ же положеніяхъ s существительнаго глагола опускается безслѣдно и такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ отъ первоначальной основы глагола as=*âs въ армянскомъ языкѣ остается лишь гласный элементъ a = *â въ видѣ его армянскихъ эквивалентовъ, т. е. опять таки ա, եա (ե, ի) или ո (ու).

8. Понятно, отъ существительнаго глагола съ основою на ու (о = у) первоначальная форма неопредѣленнаго наклоненія должна быть u-+-tân = ու-+-թեան что̀ и имѣемъ мы въ отвлеченныхъ именахъ на ու-թիւն, полная основа[1]) которыхъ, являющаяся въ сильныхъ падежахъ, оканчивается на ութեան ўтеан, напр. բարութիւն бар-ўтîюн *благо*, род. и одновременно полная основа — բարութեան бар-ўтеан и др.

9. Есть категорія словъ съ другимъ эквивалентомъ того же окончанія *us-tân, именно ուրդեան урдеан, какъ ժողովուրդ жоѓовурд, *собраніе, народъ*, род. ժողովրդեան полн. осн. жогов-урдеан; въ этомъ случаѣ вмѣсто свистящаго находимъ плавное ր р, что̀ вполнѣ гармонируетъ съ тѣмъ, что̀ частью уже высказано нами въ предыдущемъ въ отношеніи этого звука, частью же будетъ изложено въ дальнѣйшихъ замѣткахъ. Заслуживаетъ кромѣ того вниманія, что слова этой категоріи имѣютъ двѣ основы: 1) указанную уже основу съ конечнымъ եան еан — жоѓов-(у)рдеан и 2) основу съ о — жоѓов-(у)рдо; двоякая форма, можетъ быть также находящаяся въ связи съ существованіемъ различныхъ діалектовъ въ классическій періодъ, во всякомъ случаѣ находитъ себѣ объясненіе въ происхожденіи этого суффикса, ибо если ан первоначальнаго tan при промежуточномъ ân (*us-tân) даетъ եան еан, то съ другой стороны, какъ мы видѣли въ Зап. Вост. Отд. V, стр. 317, 14 и еще часто будемъ имѣть случаи видѣть, слогу же ан въ армянскомъ соотвѣтствуетъ о (աւ = о и ո).

10. Въ качествѣ окаменѣлыхъ формъ въ армянскомъ сохранилось много интереснаго; къ числу ихъ относится окончаніе причастія настоящаго времени, которое мы находимъ, главнымъ образомъ, въ качествѣ суффикса для образованія nominum agentis, такъ напр.

a. իշխել iшх-ел, *мочь, быть властнымъ*. իշխան iшх-ан, *князь*.

b. ասել ас-ел, *говорить, сказывать*. վիպասան вiп-ас-ан, *«сказитель», пьвецъ (разсказчикъ народнаго эпоса)*.

---

träge zur Conjugation des armenischen Verbums, p. 333) и это наше мнѣніе мы постараемся обосновать въ свое время.

1) Дальнѣйшее изслѣдованіе намъ покажетъ, есть ли звукъ թ въ данномъ окончаніи самостоятельное развитіе первоначальнаго t, или онъ является продуктомъ ht, т. е. сліянія съ исходомъ глагола հ (ah) начала окончанія t (tean): uh -+- tean = uhtean (ութեան).

11. Впрочемъ даннымъ окончаніемъ образуется въ армянскомъ и причастіе, но исключительно въ спряженіи, когда тема извѣстнаго спрягаемаго глагола находится повидимому въ неразрывной связи съ вспомогательнымъ глаголомъ; такъ времена наст., прош. несов., сослаг. накл. и неопред. отъ многочисленной группы глаголовъ образуются присоединеніемъ существительнаго глагола въ требуемой формѣ къ этому причастному образованію спрягаемаго глагола, напр. отъ глагольной основы տես тес, *видѣть*, неопр. накл. тес*ан*-ел, наст. вр. тес*ан*-ем, тес*ан*-ес и т. д., прош. несов. тес*ан*-эі и т. д. и сосл. накл. тес*ан*-іцем, тес*ан*-іцес и т. д.

12. Съ полностью это окончаніе обнаруживается въ сильныхъ падежахъ именъ, образованныхъ при его посредствѣ, именно род. мн. իշխանաց ишхана-ц намъ открываетъ, что полная форма этого суффикса гласитъ *ана* и тожественна съ окон. прич. наст. общ. залога — ana въ зендскомъ и ân (вм. *âna) въ персидскомъ.

13. Есть основаніе предполагать, что при помощи этого причастнаго окончанія настоящее время образовывало первоначально еще большее количество глаголовъ, чѣмъ мы находимъ даже въ древнихъ памятникахъ, и главнымъ образомъ глаголовъ съ общимъ аористомъ, слѣдовательно, раньше всего глаголовъ съ основою о (у), напр. արգելում аргел-ум, которые отчасти и обнаруживаютъ это въ образованіи страдательныхъ формъ, какъ արգելանիմ аргел*ан*-ім; затѣмъ нѣкоторые изъ глаголовъ съ основою е, видимо, впослѣдствіи лишились того-же окончанія: ածեմ ацем, *веду* съ общ. аор. ածի аҫ-і первоначально настоящее образовывало при посредствѣ того же оҫончанія ан — аҫ*ан*-ем, что̀ явствуетъ изъ глагола տարածանեմ тараҫ*ан*-ем[1]), *распространяю*, въ составъ котораго онъ входитъ. Причастное окончаніе ан особенно легко забывалось въ тѣхъ случаяхъ, когда сама глагольная основа оканчивалась на ан: такъ въ нынѣшнихъ діалектахъ и еще раньше—въ памятникахъ средневѣковой литературы—мы имѣемъ սպանել спан-ел, *убивать* вм. классическаго սպանանել спан-ан-ел, хотя уже въ классическомъ мы встрѣчаемъ հանել һан-ел вм. ожидаемой формы հանանել һан-ан-ел, при которой только и понятенъ его общій аористъ հանի һан-і, *я извлекъ* и т. д.

14. Извѣстно, что живые діалекты окончаніе ан ослабили, и въ письмѣ сохранился лишь согласный элементъ, т. е. ն н; такъ տեսանեմ тес-ан-ем, діал. կըտեսնեմ къ тес-н-ем или տեսնում եմ тес-н-ум ем. Но если присмотримся внимательно къ глагольнымъ видамъ въ классическомъ языкѣ, то и тамъ уже замѣтимъ подобное же сокращеніе причастнаго суффикса

1) Рядомъ съ տարածեմ тар-аҫ-ем.

ան въ рядѣ глаголовъ, обыкновенно относимыхъ въ число исключительныхъ, таковы *բառնամ* бар̗-н-ам, *подымаю*, *դառնամ* дар̗-н-ам, *возвращаюсь* и т. п. Эти глаголы имѣютъ по двѣ основы, одну, съ зубнымъ конечнымъ, для аориста и производныхъ отъ аориста, другую, съ придыхательнымъ конечнымъ, для настоящаго и производныхъ отъ него; такъ въ глаголѣ *բառնամ* бар̗нам въ сочетаніи съ причастнымъ суффиксомъ *ն* н + наст. врем. вспомогательнаго глагола *ամ* ам имѣемъ основу *բառ* бар̗, т. е. ḃarh. Придыхательный звукъ h, слѣдующій непосредственно за согласнымъ, въ аористѣ является въ видѣ зубнаго *ձ* ζ какъ въ данномъ случаѣ *բարձի* барζ-і, *я поднялъ* и потому въ аористѣ мы уже не имѣемъ аспированнаго р, т. е. *ռ*.

15. Въ другихъ случаяхъ конечный придыхательный звукъ совершенно исчезаетъ въ основѣ настоящаго времени, и именно тогда, когда онъ оказывается между предшествующимъ гласнымъ и послѣдующимъ согласнымъ (форматива или личнаго окончанія). Такое исчезновеніе *հ* =*յ* h намъ извѣстно по другимъ фактамъ, какъ напр. въ настоящемъ времени существительнаго глагола *եմ* ем, *есмь* вм. еһм; но для насъ въ настоящее время болѣе важнымъ является то, что мы замѣчаемъ въ живыхъ діалектахъ при спряженіи глагола *տեսանել* тес-ан-ел, *видѣть*. Я только что замѣтилъ (14), что въ діалектахъ этотъ глаголъ сократилъ причастный суффиксъ и звучитъ *տեսնել* тес-н-ел; мало того, въ діалектахъ же вм. звука с находимъ h, но это h слышно всегда лишь между гласными, такъ въ аор. *տեհաւ* теhаᵛ, *онъ увидѣлъ*, въ настоящемъ же времени h между гласнымъ основы и согласнымъ причастнаго суффикса *ն* н исчезаетъ и *онъ видитъ*, напр. на Араратскомъ нарѣчіи[1]), гласитъ *տենում է* те-н-ум э вм. теh-н-ум э. То же самое явленіе мы замѣчаемъ въ рядѣ глаголовъ и въ классическомъ языкѣ съ той понятной разницей, что классическій армянскій въ аористѣ въ такихъ случаяхъ послѣдовательно обнаруживаетъ зубной *ց* (а въ сочетаніи съ согласнымъ, какъ мы видѣли, ζ, какъ *բարձի* барζ-і, и др.). Такъ напр. корень существительнаго глагола *ահ* аh, эквивалента санскр. as, принимая ослабленное причастное окончаніе *ն* н, наст. времени, представляетъ основу *ան* ан вм. аhн, которая въ соединеніи съ требуемыми формами вспомогательнаго глагола имѣетъ настоящее *անամ* ан-ам вм. аhн-ам, *անաս* ан-ас вм. аhн-ас и т. д., въ аористѣ же основа возстанавливаетъ свой зубной звукъ и съ отпаденіемъ форматива настоящаго причастія получаемъ *ացայ* ац-ай, *ացար* ац-ар и т. д. Форма *անամ* анам какъ и параллельная ей *ենամ* енам вм. еhнам,

---

1) Т. Навасардянцъ, Народныя армянскія сказки, VII, 1891, стр. 3: *Մյ որդեք, սասում ա, տենում էք ձերացէ եւն* et pass.

является лишь въ сложеніи, какъ *մօտ* мот, *близкій* — *մօտենալ* мот-енал, *становиться близкимъ, приближаться*, аор. 3 л. *մօտեցաւ* мот-ецаѵ, *մարդ* мард, *человѣкъ* — *մարդանալ* марданал, *стать человѣкомъ, вочеловѣчиться*, аор. *մարդացաւ* мардацаѵ и т. д. Сюда же относится глаголъ *բանամ* ба-н-ам вм. баһ-н-ам, *открываю*, аор. *բացի* бац-і, *я открылъ*, *ընթանամ* ън́та-н-ам вм. ън́таһ-н-ам, *бѣгу*, аор. *ընթացի* ън́тац-і; *լնում* лнум вм. лһ-н-ум, аор. *լցի* лц-і[1]), третье лице аор. *ելից* е-ліц и т. д.: въ нихъ звукъ, являющійся въ аористѣ зубнымъ *ց*, а въ настоящемъ — *бѣглымъ* или *скрытымъ* аспиратомъ (*հ* = *յ*), есть, конечно, коренной.

1) Не слѣдуетъ забывать, что транскрипція моя не есть фонетическая, иначе данный глаголъ слѣдовало бы писать: лъ-н-ум, лъһ-н-ум, лъц-і и т. д. Кстати, замѣчу, что русскою ѵ я передаю армянскій полугласный звукъ *ւ* въ отличіе отъ согласнаго *վ* в.

Н. Марръ.

Кашгарская рукопись Н. Ѳ. Петровскаго.

Въ засѣданіи 28 ноября 1891 г. Восточное Отдѣленіе Императорскаго Археологическаго Общества постановило снестись съ русскимъ консуломъ въ Кашгарѣ Н. Ѳ. Петровскимъ и просить его сообщить: не имѣются ли или не могутъ ли быть получены въ консульствѣ путемъ распросовъ свѣдѣнія объ остаткахъ древности въ Кучѣ или иныхъ мѣстахъ Кашгаріи. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ отъ Н. Ѳ. Петровскаго было получено письмо[1]) въ которомъ онъ сообщалъ объ извѣстныхъ ему остаткахъ древности въ Кашгаріи и обѣщалъ еще и дальнѣйшія свѣдѣнія. Къ этому письму онъ приложилъ пріобрѣтенную имъ около двухъ лѣтъ тому назадъ отъ туземца рукопись (одинъ листъ), точное воспроизведеніе которой въ величину оригинала и прилагается къ настоящей замѣткѣ.

Характеръ письма рукописи несомнѣнно указываетъ на сѣверо-индійское происхожденіе ея и представляетъ архаичныя формы; сама рукопись бумажная (песочнаго цвѣта) и потому по всей вѣроятности не можетъ считаться особенно древнею. Несмотря на сходство формъ отдѣльныхъ буквъ съ извѣстными намъ образцами сѣверо-индійскихъ письменъ, рукопись Н. Ѳ. Петровскаго заключаетъ въ себѣ новый, доселѣ не встрѣчавшійся алфавитъ, объясненіе котораго является въ высшей степени жела-

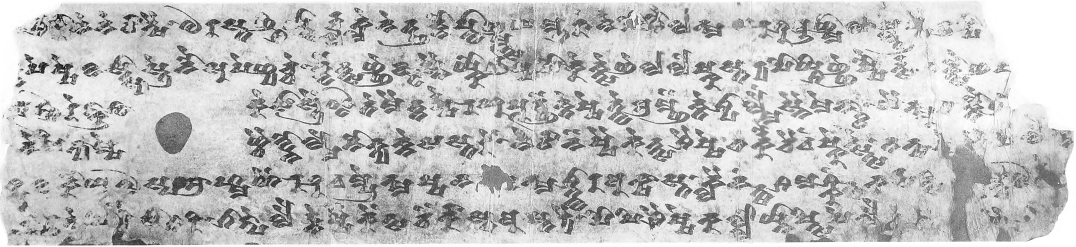
1) Выдержки изъ этого письма будутъ напечатаны ниже.

тельнымъ и можетъ внести совершенно новыя и интересныя данныя въ область индійской палеографіи. Такъ какъ наши попытки разобрать рукопись не привели пока къ удовлетворительнымъ результатамъ, то мы и спѣшимъ сдѣлать ее въ точномъ снимкѣ доступною спеціалистамъ въ надеждѣ увидать вскорѣ объясненіе ея содержанія.

С. Ольденбургъ.

СПБ. Май 1892.

Таб. I.

ХУДОЖ. ФОТОТИП. А. И. ВИЛЬБОРГЪ, СПБ. МѢЩ. 19.

Основы арабскаго стихосложенія.

I.

Стихосложеніе — искусство и наука; оно становится искусствомъ, когда служитъ облаченіемъ для поэзіи; оно переходитъ въ науку, когда, предоставленное самому себѣ, оно раскрываетъ передъ изслѣдователемъ тайны своего развитія, законы своего бытія.

Какъ всякое искусство, стихосложеніе поражаетъ непосвященнаго внѣшними признаками, а дѣйствуетъ на него силою сокровенныхъ свойствъ; поэты относятся къ нимъ чутко, какъ музыканты къ гармоніи, но имъ не нужно давать себѣ яснаго отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Поэты пользуются внѣшними признаками стихосложенія какъ удобною рамкою; стихотворцы принимаютъ ихъ за законы стихосложенія и дѣлаются просто риѳмоплетами. Пушкинъ не примѣнялъ къ своимъ чуднымъ созданіямъ другихъ стихотворныхъ правилъ, чѣмъ Третьяковскій, а послѣдній, хоть и самъ пересадилъ ихъ на русскую почву, не съумѣлъ изъ нихъ выжать ни одного порядочнаго стиха. Но искусство не всякому дано, между тѣмъ какъ всякому доступна наука.

Наука же стихосложенія состоитъ въ изученіи не правилъ, которыя выражаютъ собою выводы эмпиризма, а законовъ стихосложенія, которые, вытекая изъ самого состава языка, проявляются въ поэтическихъ твореніяхъ настоящихъ поэтовъ и зиждутся на непоколебимыхъ основаніяхъ человѣческой рѣчи, человѣческаго чувства и человѣческаго разумѣнія. Основанія ихъ непоколебимы, но ихъ проявленія весьма различны; разумѣніе, чувство, рѣчь подвержены постояннымъ измѣненіямъ, — а съ ними и стихосло-

женіе принимаетъ все новые и новые виды, смотря по развитію языка, историческимъ обстоятельствамъ и музыкальнымъ способностямъ народа или его лучшихъ представителей.

Арабское стихосложеніе зависитъ, конечно, отъ особенностей арабскаго языка и отъ историческихъ случайностей, при которыхъ происходило возникновеніе арабской поэзіи. Въ настоящемъ очеркѣ я намѣренъ освѣтить тѣ начала, на которыхъ оно развилось, и изслѣдовать причины его образованія въ томъ видѣ, въ которомъ Халиль засталъ его, когда впервые попытался его разобрать.

Если мой очеркъ, какъ надѣюсь, броситъ нѣкоторый новый свѣтъ на вторую часть задачи, то читатель долженъ знать, что живою нитью по нему проходитъ *творческая мысль* покойнаго Stanislas Guyard, которому я всецѣло обязанъ доводами, составляющими рѣшеніе первой части задачи. Его «новая теорія арабской метрики», задуманная имъ, когда онъ, въ тяжелую зиму осады Парижа, стоялъ на часахъ подъ ружьемъ, возвѣщенная ученому міру въ Journal Asiatique за 1875 и получившая окончательную форму въ 1876 г., была сперва подъ именемъ Théorie Nouvelle de la Métrique arabe, précédée de considérations générales sur le rhythme du langage напечатана въ J. As., а затѣмъ, по тисненіи отдѣльнаго изданія въ 1877 г., дополнена двумя важными статьями, которыя можно читать или въ J. As. за 1877 г. и 1878 г. или въ видѣ одной брошюры и одного летучаго листка[1]). Она не получила должнаго распространенія, потому что признать ее — значило бы отказаться отъ затверженныхъ давно уроковъ и установившихся во всѣхъ университетахъ привычекъ. Самъ Guyard считалъ свое дѣло недоконченнымъ; онъ мечталъ завершить его въ другомъ трудѣ, для котораго онъ собиралъ матеріалы относительно звуковъ арабскаго языка, переливовъ голоса въ словахъ, искусственнаго составленія новыхъ размѣровъ, переноса арабскаго стихосложенія на чужую почву съ примѣненіемъ къ иностранной рѣчи, — преждевременная смерть скосила его во цвѣтѣ лѣтъ, и ученый міръ лишился книги, которая вѣроятно произвела бы цѣлый переворотъ въ наукѣ. Но его опытъ останется краеугольнымъ камнемъ науки стихосложенія всѣхъ народовъ и временъ. Его другъ Palmer слишкомъ рано погибъ, чтобы проложить путь успѣху его теоріи. Я былъ бы несказанно радъ, если-бы мнѣ, ученику St. Guyard'a, удалось показать всю правду и глубину созданной имъ науки.

---

1) Note sur la métrique arabe, Supplément à la théorie nouvelle de la métrique arabe. Paris. Impr. Nat. 1878 (Extr. du Journ. As.) и Note sur une particularité de la métrique arabe moderne (Extr. du Journ. As.). Paris. Impr. Nat. 1879.

Она опирается на тождественность законовъ стихосложенія съ законами ритма и законовъ ритма съ законами музыки. Самъ Guyard не подозрѣвалъ, что онъ воскрешаетъ прерванное въ теченіе долгихъ вѣковъ преданіе эллинской науки, облекая его въ современную одежду, доставленную знаменитымъ Helmholtz'емъ. Небезъинтересно будетъ, по ознакомленіи читателя съ ученіемъ Guyard'а, провести параллель между нимъ и школою Аристоксена. Но любопытнѣе всего то обстоятельство, что онъ просто воспроизвелъ въ строго-научномъ видѣ невполнѣ точное ученіе арабовъ, и что его предшественники, авторитетъ которыхъ мѣшаетъ донынѣ распространенію его теоріи, были убѣждены въ несостоятельности своей собственной системы и смутно сознавали, что сами арабы считали стихосложеніе плодомъ музыки.

Ewald, въ 1825 г., обнародовалъ свои De Metris Carminum Arabicorum libri duo, замѣчательные непризнаніемъ обыкновеннаго раздѣленія стиха на долгіе и короткіе слоги съ произвольною замѣною однихъ другими; онъ понялъ, что все вращается около такта, и что главное различіе между составными частями стиха состоитъ въ поперемѣнныхъ ἄρσις и θέσις, — сильныхъ и слабыхъ доляхъ такта. Но Guyard упрекаетъ Ewald'а въ непослѣдовательности; дѣйствительно, онъ въ концѣ концовъ удовлетворяется перетасовываніемъ стихотворныхъ размѣровъ, и вмѣсто естественнаго порядка 16-ти видовъ, прибѣгаетъ къ новому распредѣленію, остроумная основа котораго обольстила Wright'а (A Grammar of the Arabic Language, II[3] 1875, p. 389—390); но стоитъ лишь сравнить изложеніе Wright'а съ трактатомъ S. de Sacy'а (Grammaire arabe, II[2] 1831, p. 615—661), чтобы убѣдиться въ безсодержательности нововведенія Ewald'а: Wright даже проглядѣлъ единственную его заслугу, именно потому, что она не повліяла на общій ходъ разсужденія; остается между школою Ewald'а и другою, представителемъ которой объявилъ себя Sacy, разница въ распредѣленіи размѣровъ. Sacy же не вникъ вовсе въ дѣло и лишь мелькомъ, въ примѣчаніи, говоритъ: Quant aux paradigmes techniques des six éléments primitifs de la versification (تن, تنن и т. д.), il paraît que Khalîl, auteur du système métrique des Arabes, les avait empruntés à leur système musical (p. 619). Онъ, впрочемъ, смотритъ на стихосложеніе съ чисто грамматической точки зрѣнія и въ заключеніе отсылаетъ лицъ интересующихся просодіею «au Traité de Samuel Leclerc, ou à celui de M. Freytag: ce dernier ouvrage leur offrira tout ce qu'elles pourront désirer» (p. 661).

И точно, всѣ черпали у Freytag'а свои познанія объ арабскихъ стихахъ; что-же предлагаетъ Freytag? Прежде всего онъ возстаетъ противъ опыта Ewald'а: «Der letzte unter allen wollte im Vertrauen auf sein Talent ein

neues Licht in dieser Wissenschaft verbreiten und verirrte sich dahin, dass er neue Gesetze zu erfinden sich bemühte und einige Gesetze aus der Griech. Metrik auf die Arabische anwendete. Dass aus diesem Streben der Sache bedeutender Schaden hervorgegangen sey, werden die einsehen, welche frei von Vorurtheil dieses mit gehöriger Sachkenntniss beurtheilen»[1]). Нельзя удивляться строгому сужденію Freytag'a; греческая метрика подвинулась значительно впередъ подъ руководствомъ Hermann'a, но ея законы все еще оставались за семью печатями, пока не явился Westphal, который, проработавъ 35 лѣтъ, установилъ свои воззрѣнія въ болѣе или менѣе *окончательномъ* видѣ четыре года тому назадъ[2]). До него безумно было прибѣгать къ *правиламъ* греческой просодіи для объясненія *правилъ* арабскаго стихосложенія, *началъ* котораго Ewald, правда, коснулся, но не провелъ своей мысли до осязательныхъ выводовъ, почему Freytag былъ въ правѣ сказать, что онъ бросилъ бы собственную долголѣтнюю работу, «wenn jenes Buch theils in der Vollständigkeit des Stoffes, theils in der Bearbeitung und Darstellung desselben den Forderungen nur irgend genügt hätte, welche, прибавляетъ онъ, ich an mich zu machen für Pflicht hielt[3])». Онъ самъ ставилъ себѣ задачею «die Gesetze anzugeben, nach welchen die Wörter Füsse bilden, welche zusammengestellt einen Vers ausmachen»[4]); однако, онъ зналъ, что *законы* стихосложенія — невѣдомая для него тайна: «Die Arabische Metrik, welche bloss das Vorhandene behandelt, bekümmert sich nicht um den Grund dieser Gesetze und um den Wohlklang der Verse; sondern betrachtet nur die dem Versmaasse zum Grunde liegenden Gesetze, ohne die Richtigkeit derselben von Seiten des Wohlklangs in Zweifel zu ziehen»[5]). Между тѣмъ, «Musik und Poesie sind enge verwandt und waren in den ältesten Zeiten wohl kaum getrennt»[6]), замѣчаетъ онъ, и онъ до того увѣренъ въ тождествѣ метрики съ музыкою, что онъ присовокупляетъ: «Wegen der Verwandtschaft der Musik mit der Verskunst kann man wohl von den Eigenschaften der Metra auf die musikalischen Anlagen des Volkes schliessen, so dass, wenn seine Metra ausgebildet und wohlklingend sind, man dem Volke musikalische Anlagen zutrauen darf... Wenn nun jemand sagen wollte, diese Behauptung würde durch die Araber widerlegt, denn, obgleich ihre Metra wohlklingend, ausgebildet und von ihnen selbst

---

1) Ar. Verskunst, p. 33, Anmerkung.

2) Theorie d. Musischen Künste d. Hellenen, III, 1^3, 1887. — Надо еще платить дань справедливости W. Christ'y, котораго Metrik d. Griechen u. Römer впервые появилась въ 1879 г.

3) Ar. Versk., p. VI. 4) Ib., p. 2. 5) Ib., p. 3. Anmerkung.

6) Ib., p. 12.

erfunden wären, hätten sie doch keine Fortschritte in der Musik gemacht, so scheint dieses dem Vorhergesagten zu widersprechen; allein den Fortschritten in der Musik standen bei den Arabern unwegräumbare Hindernisse in dem Wege»[1]). Freytag проникнутъ этою мыслью: «Gelehrte Araber», сообщаетъ онъ дальше[2]), «sind der Meinung, dass Chalîl ben Ahmed durch die Kenntniss des Tactes und der Melodien, deren Verwandtschaft mit dem Versmaasse auch die Araber anerkennen, zur Auffindung der Metra geführt worden sey». Что изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, для открытія законовъ арабскаго стихосложенія, нужно обращаться къ музыкѣ: тактъ и ритмъ раскроютъ предъ нами тайники богатаго арабскаго стихосложенія. Но мы у Freytag'а узнаемъ еще точнѣе, на чемъ оно основано: «Während ihn», говоритъ онъ о Халилѣ[3]), «einige für den Erfinder der Metrik überhaupt halten, so giebt ihn Ebn-Wasel mit Recht nur für den Erfinder der Metrik unter den Arabern aus, denn, sagt er, lange vor ihm sey von den Griechen diese Wissenschaft behandelt, es seien von diesen Werke geschrieben, worin von dem Rhythmus geredet und die Versarten von einander unterschieden seyen». Freytag отлично понимаетъ, что тактъ и ритмъ — не пустыя здѣсь слова; онъ свидѣтельствуетъ о большомъ значеніи, которое Арабы имъ придавали въ дѣлѣ стихосложенія: «So sagt[4]) der Verfasser des Buches الدرّ النضيد فى شرح القصيد folgendes: النظر فى العروض مشاكل للنظر فى علم الايقاع «Die Untersuchung über die Metrik ist ähnlich der Untersuchung über die Wissenschaft des Taktes» und an einer andern Stelle giebt er folgende Definition der Metrik هو علم يتعرف منه صحيح اوزان الشعر وفاسدها «Sie ist eine Wissenschaft, durch welche man die richtigen Messungen des Gedichtes von ihren falschen unterscheiden lernt» und sagt darauf وانما خصصنا الاوزان بالشعر ليخرج عنه علم الايقاع الذى هو احد فنى الموسيقى لانه نظر فى الوزن لا من حيث هو متقيد بالشعر «Und wir haben den Ausdruck اوزان durch das Wort الشعر näher bestimmt, damit davon ausgeschlossen würde die Wissenschaft des Taktes, welcher einer von den beiden Theilen der Musik ist, weil sie sich auch mit dem Zeitmaasse beschäftigt, insofern es nicht am Gedichte gebunden ist». Значитъ, просодія уже очень близко подходитъ къ ученію о музыкальномъ тактѣ, если необходимо предварять читателя, что имѣется въ виду изъ τὰ ῥυθμιζόμενα прослѣдить pondera — اوزان — поэзіи (λέξις), а не простой мелодіи (μέλος). Freytag сожалѣетъ, что «es mangelt ihnen blos an einer Entwickelung der Sache und an der Angabe der Ursachen, wodurch das Zeitmaass in den Theilen des Versfusses bestimmt wird»[5]). Онъ

1) Ib., p. 12—13. Anm. 2) Ib., p. 17. 3) Ib. ib. 4) Ib., p. 62. Anm.
5) Ib., p. 62—63.

чувствуетъ, что, говоря о долгихъ и короткихъ слогахъ[1]) — «ist dieses nicht so zu verstehn, dass alle langen Sylben gleich lang, und alle kurzen gleich kurz ausgesprochen werden müssen... es muss hier zugleich bemerkt werden, dass die Araber... nicht von langen und kurzen Sylben sprechen; sondern dass sie ohne Beziehung auf die Sylben die Versfüsse nach ihren ruhenden und bewegten Buchstaben bestimmen». Онъ ясно видитъ, что у него нѣтъ ключа къ уразумѣнію арабской метрики; онъ передаетъ ученіе Халиля, потому что[2]) «In jener Zeit konnte er aus dem Gesange der Dichter den Rhythmus kennen lernen, aus welchem allein sich mit Sicherheit das Versmaass und die Abtheilung der Füsse bestimmen lässt»; но онъ не умѣетъ судить о немъ[3]): «Aus diesem Grunde dürfen wir es uns nicht einfallen lassen, die Füsse der Metra anders abtheilen zu wollen, weil wir nicht wie Chalil und dessen Nachfolger im Stande sind, den musikalischen Takt in den Gedichten der Araber zu fühlen». Всякій согласится со мною, что подобная передача, — безъ сомнѣнія полезный, добросовѣстный, требующій много начитанности и большаго самопожертвованія трудъ, — есть дѣло эрудиціи, но ничего общаго съ наукою не имѣетъ. Freytag просто признаетъ свое безсиліе, когда онъ ставитъ на одну доску

$$
\begin{array}{llll}
- \smile - & - \smile - & - \smile - & - \smile -, \\
- - & - - & - - & - -, \\
- - & - - & - \smile - & - -\ ^{4});
\end{array}
$$

или

$$
\begin{array}{llll}
\smile - - & \smile - - - & \smile - - & \smile - - -, \\
- - & \smile - - \smile & \smile - - & \smile - \smile -, \\
\smile - - & \smile - - \smile & \smile - - & \smile - - -, \\
\smile - \smile & \smile - - - & \smile - - & \smile - -\ ^{5}).
\end{array}
$$

Нигдѣ онъ не можетъ объяснить, почему стихъ принимаетъ ту или иную форму, почему онъ подвергается тому или другому измѣненію и почему онъ не выноситъ того или другаго преобразованія. Это — не система, а сводъ метрическихъ правилъ безъ всякой между ними связи. До теоріи Guyard'a и внѣ ея, никакая система не существовала и не существуетъ понынѣ. Теорія G.'a ничего не разрушаетъ и ничего собою не замѣняетъ, такъ какъ нечего ей противоставить. Противники ея не могутъ предпочесть ей что либо другое, они только имѣютъ право доказать, что она несостоятельна.

---

1) Ib., p. 45. Anm.

2) Ib., p. 30. Онъ говоритъ еще (p. 73, Anm.): Wir glauben vielmehr, dass er die Versfüsse dem Takte des lebendigen Gesanges anpasste, und diese dann zu erklären suchte.

3) Ib., ib. 4) Ib., p. 290—292. 5) Ib., p. 162—176.

Но, если она объясняетъ всѣ правила стихосложенія, если всѣ исключенія вытекаютъ изъ нея необходимымъ образомъ, если она соединяетъ ритмъ поэзіи съ ритмомъ языка и съ ритмомъ музыки, то чего болѣе отъ нея требовать? И, если въ довершеніе всего, она открываетъ намъ доступъ къ источнику арабскаго стихосложенія, и мы, опираясь на нее, можемъ дать себѣ отчетъ въ возникновеніи размѣровъ въ арабской поэзіи и въ неизбѣжномъ принятіи ими той формы, подъ которой мы ихъ знаемъ,—не слѣдуетъ ли намъ преклонить голову передъ Guyard'омъ? И, если окажется, что греческіе мыслители и арабскіе метрики исходили изъ тѣхъ же принциповъ что̀ онъ, съ тою лишь разницею, что у нихъ слышится древняя, а у него современная научная рѣчь, скажемъ ли мы въ такомъ случаѣ, что все это простая случайность? И, если, взявъ въ руку зажженный имъ свѣточъ, мы изслѣдуемъ выросшія на арабской почвѣ еврейскую и персидскую метрику и разъяснимъ то, что до сихъ поръ казалось загадкою, нельзя ли намъ будетъ торжествовать побѣду и горестно воскликнуть: какъ жаль, что самому Guyard'у не довелось нанести послѣдній ударъ противникамъ здравой метрики!

II.

Настоящая передача теоріи G. не должна служить замѣною его прекрасной книги; моя цѣль — показать, что усвоить ея выводы не трудно, и побудить читателя взять ее въ руки: она доставитъ ему большое наслажденіе, какъ ясностью изложенія и чистотою слога, такъ и глубиною мысли, соединенною со смѣлостью научныхъ воззрѣній. Кое-гдѣ мнѣ довелось расширить кругъ добытыхъ имъ данныхъ и найти цѣлый рядъ новыхъ доказательствъ въ пользу его взглядовъ; я пошелъ дальше и попытался раскрыть источникъ и причины образованія арабскаго стихосложенія. Но книга G.-а остается завѣтною книгою всѣхъ трудящихся на этомъ поприщѣ, и ея привлекательное, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомысленное, изложеніе наводитъ безпрестанно умъ на новыя догадки и соображенія.

Голосовыя связки непосредственно порождаютъ человѣческую рѣчь помощью движенія воздуха черезъ полость рта, служащую резонаторомъ. При свободномъ выходѣ воздуха возникаетъ звукъ—*гласный* звукъ, видоизмѣняющійся съ положеніемъ рта-резонатора; задержаніе воздуха производитъ *согласный* шумъ, будь то *внезапно* — выпусканіемъ задержаннаго воздуха сразу, или *продолжительно* — постепеннымъ его пропусканіемъ черезъ не вполнѣ закрытую ограду полости рта. Звукъ имѣетъ произвольныя: длину, высоту и силу, три качества отнюдь не состоящія въ зависимости другъ отъ друга; *окраска* же звука — тембръ — не произвольна; она опредѣляется составомъ

инструмента—человѣческаго органа—и есть прямое послѣдствіе богатства или бѣдности его сопровождающими порожденный основной звукъ гармоническими звуками, точно такъ какъ впечатлѣніе, произведенное цвѣтомъ или краскою на зрѣніе—ничто иное какъ равнодѣйствующая различныхъ впечатлѣній, вызванныхъ входящими въ его или ея составъ веществами. Для нашего предмета тембръ не играетъ роли; онъ не вліяетъ на законы ритма и получаетъ чисто эстетическое значеніе при разговорѣ, передачѣ стихотворенія, исполненіи пѣсни: одинъ и тотъ же текстъ сопровождается игрою на свирѣли, скрипкѣ, фортепьянахъ; доставленное имъ удовольствіе находится въ связи съ качествомъ каждаго изъ этихъ инструментовъ и съ пригодностью его для выраженія чувствъ, вызываемыхъ текстомъ, но самый текстъ остается неизмѣннымъ. И въ самомъ дѣлѣ, ритмъ есть распредѣленіе движеній всякаго рода въ пространствѣ и во времени по частямъ, взаимное соотношеніе которыхъ соотвѣтствуетъ усвоеннымъ нами понятіямъ о порядкѣ и періодичности. Тембръ голоса равняется граціи въ пляскѣ и не видоизмѣняетъ ритма. Изъ прочихъ трехъ качествъ гласнаго звука высота принадлежитъ ему всецѣло; силою и длиною онъ дѣлится съ согласнымъ шумомъ. Но отрѣзать звукъ отъ шума можно только умственно; всякій шумъ, возникшій благодаря дѣйствію голосовыхъ связокъ на заключающійся въ полости рта воздухъ, кончается освобожденіемъ его, т. е. произношеніемъ гласнаго звука, какимъ бы послѣдній глухимъ ни былъ. Судя по семитическимъ языкамъ, каждый согласный шумъ непремѣнно увлекалъ за собою гласный звукъ, который въ началѣ весьма отчетливо произносился; арабскій языкъ въ своей дальнѣйшей стадіи свидѣтельствуетъ о непреложности сего закона даже при окончаніи словъ; потребность въ изобрѣтеніи ـْ سكون, جزم показываетъ, что заглушенный впослѣдствіи гласный звукъ считался усѣченнымъ и замѣненнымъ легкимъ *«отдыхомъ»*; ـٌ تنوين образуетъ на первый взглядъ исключеніе, но и тутъ нежеланіе вставлять сюда букву ن и простой — въ рѣдкихъ случаяхъ писанія гласныхъ знаковъ — намекъ помощью начертанія надъ или подъ словомъ вторичнаго гласнаго же знака (ـُ, ـٌ; ـِ, ـٍ; ـَ, ـً) не позволяютъ намъ усумниться въ томъ, что تنوين—особенно въ пору чистаго говора на арабскомъ языкѣ—выражалъ собою извѣстный способъ *«неопредѣленнаго»* произношенія звука съ носовымъ, еле уловимымъ, оттѣнкомъ; этимъ объясняется и легкое его исчезновеніе при опредѣленіи предмета. Мимація по-еврейски могла проходить почти безслѣдно, и отмѣчаніе ея מ-омъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя ей обязаны были своимъ особеннымъ значеніемъ (אָמְנָם), доказываетъ только, что ея первоначальное, такъ сказать воздушное, произношеніе затвердѣло, огрубѣло въ устахъ вообще уже непомнившихъ ея людей.

Если же мы встрѣчаемъ ее на сабейскихъ надписяхъ въ не менѣе грубой передачѣ, мы вправѣ подозрѣвать, или что люди примѣнившіе письмена къ языку сабейцевъ не принадлежали къ ихъ племени и поражены были особенностью, которая для нихъ уже отошла въ вѣчность, или что сами сабейцы съ теченіемъ времени потеряли способность произносить неопредѣленную гласную мимацію и придали ей ту осязательную форму, подъ которою мы *нынѣ* знакомимся съ арабскимъ تنوين-омъ; я лично склоняюсь въ сторону послѣдняго предположенія въ виду унаслѣдованія нѣкоторыми арабскими поэтами затвердѣлой у южанъ мимаціи (ابنم, вм. ابن, съ придачею ему собственно арабскихъ окончаній). Французская рѣчь показываетъ намъ доселѣ примѣръ подобныхъ звуковъ (am, an, im, in, om, on, um, un), которые графически представляются сочетаніемъ гласнаго звука съ согласнымъ шумомъ, но не суть ничто иное какъ порожденные извѣстнымъ положеніемъ языка гласные звуки, которые, впрочемъ, при соединеніи съ дальнѣйшими гласными, разрѣшаются согласными *m* и *n* сообразно съ даннымъ положеніемъ языка; при грубомъ произношеніи они принимаютъ носовой оттѣнокъ, потому что языкъ стоитъ такъ, что при малѣйшемъ неудачномъ или усиленномъ движеніи онъ отсылаетъ воздухъ въ носъ. Разумѣется, этимологически они какъ будто равняются a-m, a-n и т. д., но уже латинская элизія даетъ сильный поводъ думать, что, напр., винительный падежъ не заключалъ въ себѣ плотнаго *m*, который ни въ какомъ случаѣ не исчезъ бы безслѣдно передъ гласнымъ звукомъ; онъ, вѣроятно, былъ еще легче французскаго такъ наз. носоваго звука, который все таки разрѣшается согласнымъ шумомъ при встрѣчѣ съ слѣдующимъ непосредственно за нимъ гласнымъ, и походилъ скорѣе на польскіе ą и ę. Этимъ однимъ, а не прихотью ваятеля (wohl nur die Laune des Meisters, говоритъ еще **Klotz**, Grundzüge Altrömischer Metrik, 1890, p. 99), объясняется упущеніе *m* и даже *n* въ старинныхъ Сципіоновыхъ надписяхъ, восходящихъ къ тому времени, когда удовлетворялись передачей на камнѣ словъ какъ они произносились, а не согласно извѣстнымъ установленнымъ правиламъ [cosol вм. consol (consul), cesor вм. censor, Corsica вм. Corsicam, Alesiaque вм. Alesiamque, urbe вм. urbem, cosentiont вм. consentiont (consentiunt), Scipione вм. Scipionem]. Поучителенъ именно примѣръ *юсовъ*, которые по-польски превратились на письмѣ въ еле видимый значекъ и остались въ произношеніи чуть слышнымъ оттѣнкомъ гласнаго звука, а по-русски пропали безвозвратно. Новѣйшія арабскія нарѣчія лишились تنوين-а, — явленіе, которое было бы необъяснимымъ при конкретности его. Окончанія и много слабыхъ гласныхъ звуковъ улетучились въ современномъ арабск. языкѣ, но еврейскій языкъ подвергся давно этому неизбѣжному преобразованію, и что̀ же возникаетъ на мѣстѣ прежняго гласнаго

звука? שְׁוָא, знакъ, служащій заодно для обозначенія вообще укороченнаго, лишеннаго своей идивидуальности, гласнаго звука и принимающій различные оттѣнки подъ вліяніемъ сосѣднихъ, сохранившихъ свою силу, звуковъ. Ранѣе другихъ окостенѣвшій сирійскій языкъ не счелъ нужнымъ отягощать себя знакомъ, который не соотвѣтствовалъ бы явной потребности, хотя и въ немъ при тщательномъ разборѣ можно бы доискаться чего нибудь подобнаго. Не равнымъ-ли образомъ поляки пренебрегли ъ, а рядомъ съ ними русскіе отстояли и мягкій и твердый знаки, не терпя исключенія? ъ и ь представляютъ собою заглохшіе гласные звуки, что не требуетъ доказательства. Оставляя въ сторонѣ наглядный примѣръ итальянскаго языка, не допускающаго[1]) согласныхъ окончаній, мы на ряду съ русскою рѣчью находимъ французскій языкъ, который не терпитъ, чтобы слово или фраза окончилась согласнымъ шумомъ: нѣмой *e* играетъ съ большею живучестью роль нашихъ ъ и ь, а гдѣ его нѣтъ — послѣдняя согласная существуетъ для зрѣнія, не для слуха, пока слитіе съ новымъ, начинающимся на гласный словомъ не возстановляетъ равновѣсія между шумомъ и звукомъ, давъ помощью втораго законный исходъ первому. Исключеніе составляетъ *l*, *r* и *f*: ba*l*, cie*l*, parei*l*, ca*r*, ta*r*d (согласно установленному нами закону), ce*r*f (также), nef, récif; но *l* — весьма мягкій и своеобразный шумъ, при образованіи котораго одинъ языкъ дѣйствуетъ и ротъ ничуть не принимаетъ другого положенія чѣмъ при произношеніи гласныхъ звуковъ, — *l* до того мало разнится отъ гласныхъ, что смѣшивается съ ними во множествѣ случаевъ (vieil, grille, gorille, quille); *r* является скорѣе однимъ изъ гортанныхъ шумовъ, которые также не требуютъ предварительнаго задержанія воздуха; если оставить въ сторонѣ отличающійся полною нѣмотою *h*, *f* — единственный представитель во французскомъ языкѣ придыханія и получаетъ право на особенное положеніе вслѣдствіе свойственнаго ему почти свободнаго выговора; оттого и *s*[2]) иногда предъявляетъ свои права на подобную же вольность.

Но пойдемъ еще дальше: непредшествуемый согласнымъ шумомъ гласный звукъ производится свободнымъ пропускомъ воздуха съ приведеніемъ въ движеніе голосовыхъ связокъ; дѣло не обходится безъ нѣкотораго напряженія, которое оказываетъ давленіе на столбъ воздуха: гласный звукъ

---

1) Во многихъ его нарѣчіяхъ разложеніе подвинулось много дальше нежели по-тоскански, а въ семъ послѣднемъ нарѣчіи, т. е. въ общепризнанномъ итальянскомъ языкѣ, виднѣются уже зародыши преобразованія. Но мы удалились бы отъ своей цѣли, если-бы пустились въ погоню за частичными этими явленіями.

2) Недаромъ дигамма (Ϝ) переходитъ въ придыханіе по-гречески, а санскритскій звукъ *s* въ иранскій *h*.

не исходитъ уже чистымъ изъ гортани, и мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое по-арабски облекается для глаза въ форму ء, ع и даже غ, а по-еврейски א, ע, ה и ח (послѣдній не даромъ соотвѣтствуетъ сирійскому ܐ и арабской همزة[1]). Въ различныхъ кавказскихъ нарѣчіяхъ оно выступаетъ весьма рельефно. Эллины знали что́ они обозначали черезъ ᾿ и ῾; Ϝ стоялъ на рубежѣ между согласнымъ шумомъ и обоими придыханіями (spiritus). Современные европейцы не выражаютъ на письмѣ тонкостей произношенія; они удовлетворяются приблизительною передачею, посредствомъ азбуки, особенностей своего говора, но всякому извѣстно, что самые простые, естественные гласные звуки получаютъ въ каждомъ европейскомъ языкѣ извѣстный оттѣнокъ, который то и дѣло зависитъ отъ болѣе или менѣе гортаннаго его произношенія. Французская *h aspirée* — самый осязательный слѣдъ этихъ почти неуловимыхъ предисловій къ произношенію гласныхъ; но, по-моему, еще разительнѣе — невозможность безъ *іотированія* отдѣльно выговаривать нѣжные русскіе *я*, *ю*, *е*.

Что касается самаго согласнаго шума, то, если онъ внезапенъ, онъ долженъ неминуемо прекратиться сей же часъ; но, готовясь къ нему, можно удалить моментъ помянутаго разрѣшенія: остановка можетъ быть просто паузою — سكون, но если всѣ части рта, вмѣстѣ съ голосовыми связками, уже сначала приняли должное положеніе, то внезапное разрѣшеніе послѣ сравнительнаго молчанія принимаетъ характеръ усугубленія шума, удвоенія согласной, تشديد. Продолжительный же шумъ обыкновенно является, какъ и внезапный, лишь на одинъ мигъ спутникомъ гласнаго звука; но его способность удлиняться упрощаетъ способъ его удвоенія или усугубленія и, вдобавокъ, порождаетъ новый разрядъ согласныхъ. Дѣйствительно, при разрѣшеніи внезапнаго согласнаго, мы можемъ выпускать воздухъ сразу или постепенно; въ первомъ случаѣ получаемъ гласный звукъ, во второмъ внезапный согласный замѣняется продолжительнымъ, который въ свою очередь кончается гласнымъ звукомъ: такъ какъ переходъ долженъ совершаться безъ *малѣйшей* потери времени, то оба шума сливаются въ одинъ, и мы слышимъ арабскіе ذ, ظ, ض; русскіе *ц* и *ч*, польскіе *c* и *cz*, нѣмецкій *z*, имѣютъ совершенно другія свойства чѣмъ латинскій *ts* (et-si) или французскіе *tch* (Nat-chez) съ передышкою между *t* и послѣдующимъ продолжительнымъ шумомъ; армянскій и грузинскій языки удивительно богаты разнообразіемъ подобныхъ сочетаній. Эѳіопскій и сабейскій языки выказываютъ знакомство съ нѣкоторыми изъ нихъ, пріобрѣтенными иногда цѣною чистоты

1) Иногда сама همزة почти сливается съ ه, о чемъ ниже.

первоначальнаго шума,—явленіе не чуждое еврейскому языку, въ которомъ частью, какъ и по-спрійски, арабскій ص принимаетъ въ צ произношеніе русскаго *ц* вслѣдствіе неточнаго положенія языка. Латинскіе с (= к) и *g* превратились въ силу того же явленія въ итальянскіе *c* и g. Это даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію преобразованія чисто-арабскаго (въ серединной Аравіи и въ Египтѣ) ج = евр. ג — въ болѣе распространенный у говорящихъ по-арабски ج — *djim*. Нужно различать между греч. ξ и лат. *x* съ одной стороны и русскимъ *кс* съ другой; мы такъ мало умѣемъ сливать обѣ буквы въ одинъ шумъ (исчезновеніе ξ не составляетъ ущерба для нашей азбуки), что изъ Ἀλέξανδρος вышелъ *Саша*; ξ — выражаетъ одинъ шумъ, *кс* цѣлыхъ два съ передышкою. Болѣе сложныя сочетанія также мыслимы при пользованіи свойствомъ продолжительнаго шума для непосредственнаго перехода въ другой продолжительный, котораго языкъ достигаетъ, скользя незамѣтно, безъ передышки (*щ*). Трудность этихъ сложныхъ шумовъ ограничиваетъ ихъ число и закрываетъ имъ до нѣкоторой степени доступъ въ музыкальный міръ звуковъ: эллины никогда бы не согласились признать въ первой части слова *еще* легкій, короткій слогъ и тѣмъ менѣе допустили бы въ ямбическомъ стихѣ слова: «Отмщенья, Государь, отмщенья».

Дѣйствительно, пора намъ оглядѣться, и теперь, когда мы ознакомились съ естественнымъ сочетаніемъ шумовъ и звуковъ, посмотрѣть какъ они образуютъ слова и ритмически смѣняются другъ другомъ для составленія гармоническихъ стиховъ.

Гласный звукъ немыслимъ безъ подготовляющаго его шума; самый короткій гласный звукъ сопровождается, безъ замѣтной потери времени, предшествующимъ согласнымъ шумомъ. Точно также всякій согласный шумъ разрѣшается короткимъ гласнымъ звукомъ безъ замѣтнаго продленія нужнаго для его произношенія времени. Но, являясь въ придачу къ короткому гласному звуку, онъ неминуемо требуетъ для себя отдѣльной нотаціи, такъ какъ мы знаемъ, что онъ вызываетъ къ жизни новый гласный звукъ, какимъ бы онъ ни былъ малымъ или какъ бы онъ ни походилъ на молчаніе, — вѣдь это молчаніе — просто передышка, т. е. зародышъ звука. А между двумя согласными шумами чувствуется всегда хотя бы очень короткій звукъ или вышесказанная передышка. Усугубленный, удвоенный шумъ непремѣнно вліяетъ съ своей стороны на ритмъ слова: при тщательномъ отчеканиваніи онъ объусловливаетъ серединную передышку, такъ какъ первая часть прицѣпляется къ предшествовавшему, а вторая къ послѣдующему гласному звуку, (مَدَّ = مَدْدَ, مَسَّ = مَسْسَ), хотя, разумѣется, безъ окончатель-

наго перерыва; въ обыденномъ разговорѣ удвоеніе часто стушевывается до неузнаваемости, между тѣмъ ка́къ въ состояніи паѳоса оно торжественно заявляетъ свои права. Наконецъ, мы должны еще считаться съ удлиненіемъ самаго гласнаго звука и съ сознательными остановками между слогами и между словами.

Длина гласнаго звука и сознательныя остановки происходятъ отъ различныхъ причинъ; но все же можно теоретически прослѣдить ихъ образованіе.

Музыкальная основа рѣчи бросается въ глаза всякому и находитъ свое объясненіе въ устройствѣ человѣческой природы; безъ нея пѣніе оказалось бы противуестественнымъ явленіемъ. Конечно, рѣчь не пѣсня, и ритмъ рѣчи не ритмъ пѣсни; послѣдній — идеализація, упорядоченіе перваго, — элементы же обоихъ одни и тѣ же. Въ обыденномъ разговорѣ ритмъ постоянно измѣняется, сбивается, прерывается; въ иныхъ устахъ рѣчь слыветъ музыкальною: римляне говорили о *numerus*, французы цѣнятъ le nombre oratoire; стихотвореніе придаетъ ритму осязательную, опредѣленную форму.

Каждодневное треніе отнимаетъ у звуковъ значительную часть ихъ первоначальной нѣжности и прелести, и многое, что теоретически считается неосуществимымъ, возникаетъ вслѣдствіе огрубѣнія рѣчи; продолжающееся треніе наконецъ порождаетъ новое гармоническое сочетаніе звуковъ (ср. латынь, французскій языкъ среднихъ вѣковъ и затѣмъ великолѣпную рѣчь XVII-го столѣтія; ср. еще преобразованія германскихъ нарѣчій и удивительную судьбу англійскаго языка). Но и на самой низкой степени развитія или разложенія есть способъ говорить изящно: это — соблюденіе ритма; и, на оборотъ, въ самую цвѣтущую свою пору, мелодичный языкъ можетъ непріятно поражать слухъ: это — грубое пользованіе имъ вопреки естественнымъ законамъ ритма.

Намъ предстоитъ распознавать ритмъ по отношенію къ древнему, къ письменному арабскому языку; но мы позволимъ себѣ слегка коснуться и другихъ языковъ, чтобы не быть заподозрѣнными въ односторонности и въ злоупотребленіи случайными признаками. Одинъ и тотъ же гласный звукъ бываетъ различной длины, различной высоты и различной силы. Въ словѣ или предложеніи одинъ звукъ можетъ соединить въ себѣ всѣ три качества и быть относительно самымъ длиннымъ, высокимъ и сильнымъ; но и короткій звукъ способенъ получать высшую ноту, и сила звука далеко не всегда совпадаетъ съ его высотою.

Въ музыкѣ это дознано всѣми; но, когда дѣло идетъ о вседневномъ говорѣ, мы игнорируемъ самыя простыя вещи: M-r Jourdain до сорока

лѣтъ не зналъ, что онъ говорилъ прозой. А основанія рѣчи и музыки одни и тѣ же: въ *музыкѣ* тетрахордъ и октава составляютъ фундаментъ, между тѣмъ какъ терція образуетъ собою наименьшее согласіе; безъ восходящей кварты (она же нисходящая квинта), далѣе безъ октавы и терціи — человѣческая *рѣчь* обходиться не можетъ: сильное волненіе — наприм. удивленіе — заставляетъ голосъ пробѣжать самый большой интервалъ, т. е. октаву; обыкновенно онъ держится на серединѣ между обѣими крайностями, что и объясняетъ предпочтеніе, оказанное эллинами квартѣ: ихъ тонкое чутье расширило предѣлы говора, открывая ему широкое поле музыки и не ставя между ними той преграды, которую мы воздвигнули въ своемъ огрубѣніи. Въ случаѣ сомнѣнія голосъ останавливается дорогою и проходитъ, то мажорную, то минорную, терцію. Эллины сознавали это, мы уже этого не чувствуемъ, а доходимъ до распозновагія путемъ ученыхъ изслѣдованій.

Тоническій складъ (акцентъ) колеблется между нѣкоторыми звуками: основнымъ тономъ, терціею, квартою и октавою вверхъ, или-же идетъ до октавы въ нисходящемъ порядкѣ, смотря по органу каждаго; онъ конечно, имѣетъ первенствующее значеніе въ рѣчи, составляя ея мелодію, которая тѣмъ звучнѣе, чѣмъ человѣкъ способнѣе къ эстетическому чувству; чѣмъ онъ дальше отъ музыкальныхъ[1]) ощущеній, тѣмъ мелодія его рѣчи будетъ сбивчивѣе, тѣмъ интервалы у него выйдутъ болѣе ложными, непріятными для слуха. Рядомъ съ мелодіею, которая образуется чередованіемъ нотъ различной высоты, ритмъ опредѣляется тактомъ. Мѣриломъ такта въ рѣчи является удареніе (ictus). Удареніе — одинъ изъ главныхъ факторовъ рѣчи, которая видоизмѣняетъ формы языка подъ его вліяніемъ; равно какъ и ритмъ музыкальнаго сочиненія находитъ свое выраженіе въ тактѣ. Чередованію сильной и слабой долей такта соотвѣтствуетъ слѣдованіе безцвѣтныхъ звуковъ за слогомъ съ удареніемъ; бываютъ главный и второстепенные такты,—бываютъ удареніе и подъ-ударенія. Сочиненіе или фраза музыкальная не всегда начинается сильнымъ тактомъ; слово и рѣчь могутъ начинаться слабыми, неударяемыми звуками. Весьма естественно поэтому выражать на письмѣ музыкальными нотами ритмъ слова или цѣлой рѣчи; тамъ гдѣ говорящій не задался условіемъ мѣрно декламировать, придется подъ его диктовку мѣнять ритмъ весьма часто, но и въ самыхъ совершенныхъ музы-

1) Тутъ говорится о первоначальной, природной, не о богаторазвитой, ученой, искусственной и частью условной музыкѣ. — О вліяніи привычки на музыкальное чувство и о подчиненіи музыкальныхъ интерваловъ практикѣ музыкантовъ читай у Fétis, Histoire Générale de la Musique, t. II, p. 27, и частью Land, la Gamme Arabe, въ Actes du VI° Congrès Intern. des Orientalistes, Leide 1885, 2-e partie, section 1, p. 52—53 et 87—88.

кальныхъ сочиненіяхъ встрѣчаются измѣненія ритма, изображенныя словами andante, allegro и т. д. и требующія иногда новаго распредѣленія нотъ, какъ напр. Der Neugierige Шуберта[1]), въ которомъ $^2/_4$ на 23-мъ тактѣ уступаетъ мѣсто $^3/_4$ такту.

Опираясь на нашъ разборъ составныхъ звуковъ слова, мы скажемъ, что франц. слово table=ta-b^e-le и музыкально изобразимъ это такъ: ta - b^e - le, а, при повтореніи слова: $\frac{2}{8}$ ta - b^e - le ta - b^e - le ta - b^e - le. Но бываютъ слова съ двумя удареніями[2]); одно сильнѣе, другое слабѣе, какъ въ C два неравносильныхъ времени: C Ver - schie-den-heit; длина schie и heit заставила насъ дать больше значенія соотвѣтственнымъ нотамъ. Нотація зависитъ, впрочемъ, вполнѣ отъ говорящаго и можно изобразить слово черезъ C Ver-schie-den-heit въ случаѣ, если желательно рельефнѣе выставлять Ver; -пауза необходима лишь въ случаѣ отдыха послѣ Verschiedenheit; если же, выговоривъ его, мы приступимъ къ повторенію его, мы получимъ C Ver-schie-den-heit Ver etc.

Бываетъ и много удареній въ словѣ; напр. Cónstantinópolitaín; тогда имѣемъ: C Con-stan-ti - no - po - li - tain, послѣ чего слѣдуетъ или пауза или другія слова, напр. C Con-stan-ti - no - po - li - tain est un mot. Вотъ еще нѣсколько упражненій: $\frac{2}{8}$ Рос - сі - я, $\frac{2}{8}$ де - ре - во, C по - сто-ян-но-е мѣ-сто-пре-бы - ва-ні - е; легко болѣе или менѣе быстрымъ движеніемъ голоса видоизмѣнять абсолютное значеніе нотъ, — мы желаемъ лишь показать нормальное соотношеніе между интервалами, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ волненій души и отъ способа дыханія, отъ сердцебіеній каждаго. Въ длинномъ словѣ, какъ «мѣстопребываніе», въ которомъ слышны всего два ударенія, между которыми лежитъ нѣсколько слоговъ, колоритъ каждаго изъ этихъ слоговъ теряется; они нагромождаются другъ на друга безъ оцѣнимаго различія, и даже сохранившій легкое удареніе слогъ *мѣ* (въ началѣ второй доли такта) не выдѣляется замѣтно среди безцвѣт-

1) № 6 въ собраніи: Die schöne Müllerin, Schubert-Album, ed. Peters, I, p. 18.

2) Слѣдъ сочетанія двухъ словъ, двухъ понятій, изъ которыхъ одно уступило другому и сдѣлалось иногда простою приставкою.

ныхъ звуковъ[1]), развѣ этимъ легкимъ удареніемъ и иногда возвышеніемъ тона; главное-же удареніе обозначено тѣмъ, что оно находится въ началѣ сильной доли второго такта, а возвышеніе тона не касается уже ритма.

Внимательное разсмотрѣніе ритма въ отдѣльномъ словѣ привело Guyard'а къ установленію двухъ законовъ:

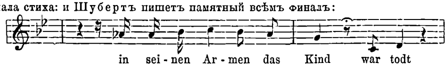
1) Когда, въ словѣ, два члена, изъ коихъ первый снабженъ удареніемъ (ictus), имѣютъ пополнить двудольный тактъ (или 4-дольный полутактъ), то вслѣдъ за сильнымъ гласнымъ звукомъ можетъ развиваться и занимать полдоли одинъ новый членъ, будь-то удвоеніе сильнаго гласнаго звука или начальнаго согласнаго слѣдующаго слога; мѣсто новаго члена можетъ занимать также пауза такой длины, какая требуется для пополненія доли такта. Напр., рядомъ съ имѣющими историческую причину Pā - ttĕ и Pâ - te, мы получаемъ rā - ă - re въ словѣ rare.

2) Когда, въ словѣ, слѣдуютъ одинъ за другимъ два звучныхъ члена, получающіе оба удареніе, то первая сильная гласная развиваетъ за собою новый членъ, длящійся въ теченіе одной доли такта и представляющій собою ея удвоеніе напр., персидское *nemúdân* (показать) ne - mú-ue - dā - n, гдѣ *e muet* имѣетъ цѣлью намекать на постепенное ослабленіе протяжнаго звука.

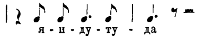
Мы увидимъ, что средневѣковые еврейскіе грамматики признавали за длинными еврейскими открытыми слогами то же самое свойство; а напоминаніе о греческомъ περισπώμενος[2]) убѣдитъ насъ въ подтвержденіи эллинами закона Guyard'а. Законъ основанъ на простомъ наблюденіи, что сильный тактъ чередуется непремѣнно съ слабымъ, удареніе должно быть удалено отъ ударенія: помимо паузы остается лишь удвоеніе перваго гласнаго звука, снабженнаго удареніемъ.

При связываніи нѣсколькихъ словъ вмѣстѣ, удареніе перемѣщается, оставляя въ тѣни слова болѣе незначительныя: c'est là que je vais;

1) Пѣсни привычны къ нимъ. Въ Erlkönig Schubert'a, тактъ соотвѣтствуетъ двумъ, тремъ, четыремъ звучнымъ слогамъ; но вотъ является послѣдній стихъ: In seinen Armen das Kind war todt, въ которомъ все волненіе сосредоточивается около *ребенка* и весь ужасъ предоставленъ *смерти*, между тѣмъ какъ неожиданная развязка требуетъ остановки до начала стиха: и Шубертъ пишетъ памятный всѣмъ финалъ:
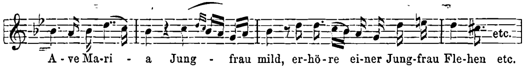

2) Cf. Rossbach-Westphal, Die Musischen Künste der Hellenen, III, 1³, p. 31—32.

; у Schubert'a, въ Ave Maria[1]),

Ave Maria, Jungfrau mild,
Erhöre einer Jungfrau Flehen,
Aus diesem Felsen starr und wild
Soll mein Gebet zu dir hinwehen,

полная любви, отчаянія и упованія молитва къ Богородицѣ начинается привѣтомъ *A*ve, за которымъ слѣдуетъ призывъ къ Пречистой Ma*ria*; несчастная дѣвушка какъ бы не рѣшается разстаться съ обожаемымъ именемъ той, отъ которой она ждетъ помощи, и, влагая всю свою душу въ священные звуки, протягиваетъ ихъ: Mari*a*; затѣмъ, передохнувъ, продолжаетъ свое обращеніе къ ней: *Jung*frau, надѣясь на милость ея; *mild* выдвигается, и тутъ опять настаетъ пауза, и мольба начинается: er*hö*re получаетъ удареніе, но въ словѣ *Fle*hen заключается выраженіе несчастнаго положенія, которое вызываетъ трогательное обращеніе къ Божеству; между ними, einer Jungfrau исчезаетъ въ смиреніи передъ тою дивною, всемилостивою Jungfrau.

Чтó здѣсь музыка изображаетъ чудесно, тó обыденный говоръ дѣлаетъ ежечасно въ менѣе великолѣпномъ облаченіи.

Теперь мы вступаемъ въ собственную область нашего изслѣдованія.

III.

Арабскій языкъ, арабская музыка и арабская поэзія имѣютъ одинъ общій источникъ; не разъ и не два чужеземное вліяніе видоизмѣняло ихъ направленіе, но родникъ остался чистымъ. Музыка входитъ въ нашу программу только какъ связующее звено между рѣчью и поэзіею; языкъ служитъ намъ предметомъ изслѣдованія исключительно съ точки зрѣнія стихотворства, которое въ немъ имѣетъ свой корень и отъ него получаетъ жизненные соки. Изслѣдовать условія тѣснаго родства метрики съ языкомъ и ея естественнаго роста — вотъ наша главная цѣль. Мы изложимъ сперва факты и, показавъ ихъ взаимную связь, попытаемся доискаться причины ихъ возникновенія.

1) Schubert-Album, ed. Peters, p. 206.

Въ грамматикахъ арабскаго языка, какъ и другихъ языковъ, мы сталкиваемся со смѣшеніемъ понятій объ удареніи (ictus) и о складѣ (accentus). Что въ грамматикахъ говорится объ удареніи на основаніи древнихъ авторовъ и что новѣйшіе изслѣдователи теперешняго говора, какъ Caussin de Perceval, Burckhardt, Wallin, Palmer, Cherbonneau и др., отмѣтили — все это уступаетъ въ полнотѣ и точности показаніямъ Lane'а, который на столбцахъ ZdDMG. IV, p. 171—186[1]) изложилъ правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться для вѣрнаго произношенія; но онъ не различаетъ тоническаго склада отъ ударенія. Однако, точность знаменитаго ученаго и его глубокое знаніе всѣхъ тонкостей арабскаго языка заставляютъ насъ внимательно прослѣдить добытые имъ результаты и, насколько возможно, исправить его выводы; — не слѣдуетъ упустить изъ виду, что Lane ограничился произношеніемъ въ Египтѣ. Вотъ почти дословный переводъ стр. 183—186, посвященныхъ нашему предмету:

«Объ интонаціи арабскихъ словъ.

1. Всякій неконечный слогъ слова, представляющій въ исходѣ одну покоящуюся букву, и всякій слогъ замыкаемый двумя покоящимися согласными — такой слогъ возможенъ только въ концѣ слова, въ случаѣ паузы (waḳf) — получаетъ острый тонъ. — Для точнаго опредѣленія сего правила мы должны замѣтить, что каждая снабженная sheddeh (شدّة) буква считается за двѣ, изъ коихъ первая всегда, а обѣ въ концѣ слова въ случаѣ waḳf'а, считаются въ состояніи покоя (سكون); напр. مركب mar'kabun, بيضة bey'ḍatun, سالم sálimun كتاب kitábun, كتابْ kitáb, اقلّ aḳal'lu, اقلّْ aḳal'l, علىَّ 'aleíya, علىّْ 'aleí, علوٌّ, 'uloówun, علوّْ 'ulóó, ساعاتٌ sá'átun, ساعاتْ sá'át, مرزوقون mar'zoóḳoóna[2]). *Исключенія*: Hemz въ концѣ слова, послѣ ا

1) Кромѣ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ имъ въ Manners and Customs of the Modern Egyptians.

2) Lane сочинилъ свою статью по англійски; буквамъ транскрипціи слѣдуетъ дать англійское ихъ значеніе; u = лат. *u*, oo = лат. *û*, ee = *î* и т. д. Въ разборѣ статьи я придерживаюсь этой же транскрипціи для удобства. — Исключеніе въ сравненіи съ прочими изслѣдователями составляетъ Spitta-Bey, который посвятилъ dem Accent стр. 59—68 своей грамматики новѣйшаго языка. Мы пробѣжимъ тутъ его выводы; сказанное имъ по поводу предшественника: Der Gegenstand ist von Lane ZDMG. IV, 183 ff. behandelt; allein er unterscheidet nicht zwischen alt- und neuarabisch und verwirrt dadurch seine Beobachtungen, von denen viele vortrefflich sind придаетъ еще бóльшую цѣнность труду англійскаго ученаго. Вѣдь рѣчь идетъ объ установленіи законовъ ударенія въ древнія времена и постепенномъ ихъ развитіи или искаженіи въ теченіе вѣковъ, для отысканія ихъ вліянія на составъ стиховъ. Мы, значитъ, имѣемъ полное право опираться на заключенія Lane'а. Здѣсь мы разберемъ данныя, сообщенныя Spitta-Bey'емъ, чтобы ихъ согласовать съ ячейкою арабскаго языка, съ فعل.

Grundregel. 1) Ist die letzte Silbe lang und durch einen Consonanten geschlossen oder

продленія, теряется вообще въ произношеніи въ случаѣ waķf'a, и послѣд-

---

kurz und durch zwei Consonanten geschlossen, so hat sie den Ton. — Прим.: 'azým, kebýr, bârûd, katábt, fîdilt; т. е. окончаніе улетучилось и удареніе осталось неизмѣннымъ въ виду того, что послѣдній гласный звукъ вывѣтрился вслѣдствіе возрастающаго значенія слога съ удареніемъ.

2) Ist sie offen oder kurz und durch einen Consonanten geschlossen, so ruht der Ton auf der vorletzten, falls diese lang oder geschlossen ist. — katábnâ, 'amáltû (عملتو вм. عملتم), qâlet, rijáse, setáre. Въ первыхъ примѣрахъ слово не измѣнилось, въ послѣднихъ окончаніе исчезло; удареніе не измѣнилось.

3) Ist die vorletzte aber offen und kurz, so tritt der Ton auf die antipaenultima, falls diese offen und kurz ist; sonst bleibt der Accent auf der paenultima. — kátabû, 'ámalet, bälädoh, 'ásara, ḥágara, 'úlama, bädawy, ḥánafy. Опять старинное удареніе, развѣ тамъ, гдѣ, благодаря исчезновенію окончанія, голосъ обрывается на бывшемъ закрытымъ и носившемъ удареніе слогѣ (حنفى, علما, بدوى), и удареніе переносится на слогъ, который виртуально содержалъ его и на которомъ чувствовалась извѣстная остановка; онъ же первоначально (فعل) былъ снабженъ главнымъ удареніемъ, которое перекочевало къ концу слова вслѣдствіе выясненныхъ нами въ текстѣ обстоятельствъ; при удаленіи этихъ обстоятельствъ, онъ вновь вступаетъ въ свои права.

4) Ueber die antipaenultima tritt der Accent nie zurück. — حاملة, قتلة есть невозможная теперь форма; حاملة, قتلة — вотъ что существуетъ нынѣ.

Aber bei geschlossener drittletzter Silbe: 'askáry, magráby, bärbáry, arbá'a, ḥammílet. Первый слогъ, оставаясь долгимъ, всегда имѣлъ весьма внятный Nebenton, который онъ и сохранилъ до сихъ поръ; отступая назадъ, удареніе не смѣшалось съ нимъ; отсюда qânṭára, mâṣṭába, ṭâhûne. Въ kúllûhum, bá'dûhum, bâṣṣûhum, wáqtîna—главное удареніе не перемѣстилось вовсе; аналогія заставила выискать подъ-удареніе, вся разница лежитъ въ предшествованіи одного другому. Оставляю открытымъ вопросъ, нѣтъ ли тутъ тоническаго склада. Что касается укороченія неударенныхъ слоговъ и удлиненія слоговъ подъ вліяніемъ ударенія, то оно подтверждаетъ сказанное нами относительно образованія арабской рѣчи; тотъ же процессъ продолжается (gi'ân вм. gy'ân, dulâb вм. dûlâb, ba'dîn вм. بعدا, jýgi вм. jigy, hûwa вм. húwa), *taswyje* вм. تسوية, *taslyje* вм. تسلية; послѣдніе примѣры хорошо удержать въ памяти, — когда мы дойдемъ до пресловутыхъ поэтическихъ вольностей, мы встрѣтимся съ этимъ явленіемъ и мы въ немъ узнаемъ плодъ *народнаго* говора. Удлиненіе звука при воззваніи (jâ faṭmâ, jabn elkälb elagrâb) не удивительно. Естественнымъ образомъ, придача š (искаженіе شى) притягиваетъ къ послѣднему слогу удареніе: jígra — jigrâš, jígy — jigýš. Указательное-мѣстоименіе въ энклитическомъ состояніи считается частью слова, и удареніе переходитъ на конечный слогъ сего послѣдняго: essikkâ-di; если же напирать особенно на мѣстоименіе, то оно получаетъ самостоятельное удареніе. Къ тому же разряду принадлежатъ образованія въ родѣ walâ — *ни*, при существованіи wâla — *или;* lammâ — *пока не*, при lâmmâ — *когда* и т. д. — Nebûṣ, jiṣâh, faqâṭ не противорѣчатъ правилу 2), такъ какъ первоначальная форма ихъ: نبس, يصح, فقط. Двойное произношеніе allâh и álla происходитъ отъ постепеннаго уменьшенія послѣдняго слога внѣ призыва къ Богу. Укороченіе слабаго звука въ tâmant unfus = 8 душъ, sábaḥt anfâr = 7 человѣкъ, árbaḥt aurâq = 4 листа, me'állimt elbint = учительница дѣвушки — не вліяетъ на удареніе, потому что конечный *t* (ة) отходитъ къ слѣдующему слову. — Въ изданномъ въ Каирѣ въ 1890 г. Lehrbuch der Aegypto-Arabischen Umgangssprache, Dr. K. Vollers приводитъ тѣ же факты, что Spitta-Bey, но въ болѣе сжатомъ видѣ (стр. 11—14) и не вдается вовсе въ оцѣнку подмѣченныхъ имъ явленій; единственная

ній слогъ получаетъ оттого лишь легкій тонъ, который здѣсь изображаемъ помощью gravis, напр. حمرآء ḥam'rà. — Равнымъ образомъ, ى въ концѣ слова, съ sheddeh и непосредственно передъ kesr'омъ, придаетъ послѣднему слогу, при waḳf'ѣ, тотъ же легкій тонъ: напр. علىّ 'ă'leè بحرىّ baḥ'reè. — اللّه часто произносится Al'lah вм. Al'lâh, — впрочемъ, послѣ глагола, рѣдко.

2. Растянутый простою буквою продленія гласный звукъ получаетъ вообще только легкій тонъ, нами черезъ gravis обозначенный; напр. أنا ă'nà, ارموا ir'moò (конечный ا — чисто ореографическій), ارمى ir'meè, كتبوا kĕ'teboò. *Исключеніе* составляютъ нѣкоторые примѣры 10-го правила.

3. Въ двусложномъ словѣ, на послѣднемъ слогѣ котораго нѣтъ остраго тона, первый, хотя бы короткій, слогъ обыкновенно получаетъ таковой. Напр. يدٌ yédun, بَلَدْ bĕ'led. *Исключаются* нѣкоторые примѣры 10-го правила.

4. Въ трехсложномъ словѣ съ короткимъ предпослѣднимъ слогомъ, первый слогъ, хотя бы и короткій, получаетъ острый тонъ, напр. بلد bĕ'ledun, قلب ḳă'laba, رقبه ră'ḳabeh, رقبات ră'ḳabât.

5. Въ четырех- или многосложномъ словѣ съ послѣднимъ слогомъ безъ акцента (nicht betont) и съ короткими предпослѣднимъ и третьимъ съ конца, третій съ конца[1]) принимаетъ острый тонъ; напр. رقبة raḳă'batun, قلبه ḳală'bahu, قائمة ḳâi'metun, مكسّرة mukes'să'ratun. Нѣкоторыя исключенія въ слѣд. пунктѣ.

6. Послѣдній слогъ слова при waṣl'ѣ причисляется къ слѣдующему слову, такъ что четырехсложное слово становится трехсложнымъ и т. д., напр. رقبة الاسد ră'ḳabatu-l-asadi, رقبتا الاسدين ră'ḳabata-l-asadeyni, مدبّرة البيت mudeb'biretu-l-beyti.

7. Въ четырех- или многосложномъ словѣ съ двумя или тремя стоящими рядомъ короткими слогами, за которыми непосредственно слѣдуетъ слогъ съ острымъ тономъ, первый короткій слогъ также принимаетъ острый тонъ, напр. رقبات ră'ḳabâtun, رقبتان ră'ḳabatâni.

8. Короткій слогъ, не слѣдующій непосредственно за другимъ короткимъ слогомъ въ томъ же словѣ, принимаетъ острый тонъ, если оба за

его попытка освѣтить правила произношенія (Um eine Verswechselung mit fa'âltoh zu vermeiden) страдаетъ очевиднымъ утилитаризмомъ. Для насъ важно установить, что извѣстный своимъ знаніемъ современнаго арабскаго говора Vollers не подслушалъ ни разу чего нибудь идущаго въ разрѣзъ съ толкованіемъ, даннымъ нами правиламъ и исключеніямъ Spitta-Bey'a.

Ничто, какъ видно, не противорѣчитъ, даже въ современномъ произношеніи, изложенному нами на слѣдующихъ страницахъ.

1) Въ нѣм. текстѣ: ist die paenultima scharf betont, но это, очевидно, описка.

нимъ непосредственно слѣдующіе снабжены имъ, причемъ его тонъ острѣе тона слѣдующаго тутъ же за нимъ слога, — напр. مالِكُ mĕ'máleéku, ضربتن ḍă'rab'tun'na. *Исключаются* а) тѣ случаи, когда слѣдующій за нимъ слогъ замыкается тешдидомъ, какъ въ تغدّيت tăghad'dey'tu, и б) четырехбуквенные глаголы и ихъ производные, какъ تدحرجت tedaḥ'rej'tu и مدحرجة mudaḥ'rĭ'jetun.

9. Когда въ глагольныхъ формахъ انفعل и افتعل или въ именахъ содержится слогъ оканчивающійся на покоящуюся букву (кромѣ ا продленія, و или ى) передъ короткимъ слогомъ, послѣдній, вмѣстѣ съ непосредственно предшествующимъ долгимъ слогомъ, получаетъ острый тонъ. *Исключаются:* конечный слогъ слова; слогъ непосредственно предшествующій слогу съ острымъ удареніемъ, съ тенвиномъ — если только слово не будетъ причастіемъ одной изъ упомянутыхъ формъ —, съ конечной гласной, или съ мѣстоименнымъ суффиксомъ оканчивающимся на *сукунъ*; напр. انقضى in'kă'ḍa, اقتضى ik'tă'ḍa, منقض mun'kă'ḍin, مقتض muk'tă'ḍin, سلسلة sil'sĭ'leh, قنطرة kan'ṭă'rah, معلّمة mo'al'lĭ'meh. Второй акцентъ въ данномъ случаѣ острѣе перваго.

10. Приставочное мѣстоименіе и слово, къ которому оно приставлено, считаются за одно слово и получаютъ соотвѣтствующую интонацію; напр. رماه remáhu, رمانا remánà, خاتمه khátă'muhu, ربنا rab'bŭ'nà, له lă'hu, لهم lă'hum и пр.; и во 2-омъ лицѣ ед. ч. соверш. в. глаг. форм. فعّل, فاعل и افعل съ слѣдующимъ пристав. мѣстоим. نى или نا (какъ и كما, هما, كم и هم по другому правилу), послѣдній слогъ глагола, хотя бы короткій, получаетъ обыкновенно острый тонъ, напр. شرّفتنى schar'raf'tĕnee, شاركتنا shárek'tĕ'nè, اكرمتنى ak'rem'tĕ'nee. Равнымъ образомъ, префиксы въ родѣ ك, ل, ب, و, ف, составляютъ одно цѣлое со словомъ, съ которымъ они связяны, если только послѣднее не есть глаголъ или правильно склоняемое имя, напр. كذا kĕ'dhè, كمن kĕ'men, كما kĕ'mà, لذا lĭ'dhè, لمن lĭ'men, لما lĭ'mà, بذا bĭ'dhè и пр.; ولا wĕ'là, وما wĕ'mà, فلا fĕ'là, فما fĕ'mà, الا ă'là, اما ă'mà, افلا ă'falà и много др. — Также и واللّه wa'-llah вм. واللّه или واللّه. — Еще على ما часто интонируется (иногда и пишется) какъ одно слово 'alá-mà, да и الى ما ilá-mà и متى ما metá-mà[1]); ماذا má-dhè, لماذا limá-dhè и пр. и пр.

Слово, оканчивающееся на покоящуюся букву, передъ однобуквеннымъ или односложнымъ мѣстоименіемъ, которымъ управляетъ предлогъ ب или ل,

1) Въ нѣм. текстѣ: metá-ma; второй акцентъ здѣсь забытъ наборщикомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

можетъ произвольно произноситься съ нимъ вмѣстѣ какъ одно слово; напр. كتبوا لي kĕ'teboo'-lee, أكتب له uk'tub'-lahu, إذهب به idh'heb'-bihi, لا أبا لك lá abá-laka. Такая интонація (Betonung) часто встрѣчается при чтеніи и декламированіи стиховъ. — Она иногда встрѣчается также когда слово кончается на *тенвинъ*, напр. بخٍ لك произносится иногда bakhin'-laka, но чаще bă'khin lă'ka, и مرحبا بك иногда mar'ḥaban'-bika (vulg. márḥabá-bak), но чаще márḥaban bĭ'ka[1]). — Иногда также, когда слово оканчивается на короткій слогъ, напр. قال له kálă'-lahu говорится рядомъ съ kála lă'hu; كتب له kĕtebă'-lahu, чаще kĕ'teba lă'hu и т. д.; لا أبا لك la abă'-laka, чаще lá ă'ba lă'ka.

11. Членъ ال и слово, къ которому онъ приставленъ, считаются за два отдѣльныхъ слова и получаютъ соотвѣтственный тонъ (betont), напр. اليد el-yĕ'du, не el'-yĕdu. — Равнымъ образомъ, حينئذ раздѣляется на два слова (getrennt als zwei Wörter betont), ḥeé'na ĭ'dhin, также وقتئذ wak'ta ĭ'dhin, ربّما rub'ba má, قلّما kal'la má и много др.

12. При чтеніи и декламированіи стиховъ, размѣръ вліяетъ болѣе или менѣе, по обстоятельствамъ, на интонацію (Betonung)».

Едва ли Lane далъ себѣ ясный отчетъ въ разницѣ между ictus и accentus[2]), тѣмъ болѣе, что удареніе часто совпадаетъ съ возвышеніемъ голоса; онъ объ удареніи въ сущности ничего не говоритъ; онъ его, видно, не замѣтилъ, значитъ, оно должно совпадать съ тѣмъ или другимъ акцентомъ; только намъ интересно разграничить одно понятіе отъ другаго, потому что, въ поискахъ за ритмомъ, мелодія остается на заднемъ планѣ, и, хотя мелодія подчиняется такту, но тактъ не связанъ съ высотою или низкостью тона.

Lane обозначаетъ *Betonung* посредствомъ двухъ знаковъ ـَ и ـّ, изъ которыхъ первый служитъ для болѣе сильнаго или остраго произношенія; ими же онъ воспользовался раньше въ первой части своего разсужденія Ueber die Aussprache der arabischen Vocale und die Betonung der arabischen Wörter, которая идетъ отъ p. 171 до p. 183, для обозначенія долгаго â (ê) причемъ ـَ былъ присвоенъ долгимъ гласнымъ находящимся внутри слова (بياض băyáḍun, دوام däwámun, امالة imáleh, а равно и يا ابا آلزبير yá-aba-z-zubeyr), а ـّ — долгимъ гласнымъ въ концѣ слова (امّالا ummálè, جاء jè, باء bè, تاء tè, ثاء thè, راء rè, جرى jerè, رمى remè, المرمى el-mirmè, سبقنا sabaknà,

1) Въ нѣм. текстѣ, всл. опечатки: márhaban-bĭ'ka.
2) У Vollers'а смѣшеніе обоихъ понятій очевидно.

شفاء shifè, ذا dhè, بلى belè), между тѣмъ какъ جُمَيّل jumeyilun, بيّن beiyana, امين emeenun, توفيق towfeeḳun, موجود mowjoodun оставлены были безъ особаго обозначенія долготы находящихся въ нихъ гласныхъ. Но между тѣмъ и другимъ употребленіемъ знаковъ нѣтъ противорѣчія, какъ явствуетъ изъ правила 1-го и изъ *исключеній* къ нему, которыя содержатъ ключъ къ уразумѣнію смысла даннаго этимъ знакамъ въ первой части. ـٔـ всегда намекаетъ на легкій тонъ: *прав. 1-ое*, *исключ.; 2-ое; 3-ье; 10-ое*. Въ *8-омъ* и *9-омъ* мы имѣемъ дѣло съ интонаціями различной высоты. Наконецъ, всѣ эти правила свидѣтельствуютъ, что голосъ возвышается и опускается безъ обязательнаго удлиненія или укороченія слоговъ. Одинъ *тенвинъ* не терпитъ акцента; причина уже намъ извѣстна: это *неопредѣленный звукъ*. Всѣ же правила Lane'а сводятся къ одному закону, не знающему исключеній; Lane изложилъ его практическое примѣненіе; не знаю какимъ образомъ самый законъ ускользнулъ отъ его бдительнаго ока.

По-арабски, клѣтка-зародышъ всего языка въ его настоящемъ развитіи, — это فعل съ возвышеніемъ голоса (и, скажемъ мимоходомъ, съ удареніемъ) на самомъ началѣ, которое, въ силу естественнаго чувства, содержитъ въ себѣ главный элементъ или, скорѣе, характерную черту составнаго понятія. То же самое произношеніе сохраняется *вездѣ*.

На подобіе قلب ḳă'laba и قتل ḳă'tala мы должны имѣть и имѣемъ:

قال ḳála (второй звукъ слился съ первымъ вслѣдствіе несостоятельности сопровождающаго его согласнаго шума);

تمّ tam'ma (второй звукъ исчезъ въ третьемъ по причинѣ его полной тождественности съ нимъ);

رمى rĕ'mè (тутъ третій звукъ, по своей слабости, улетучился, и разстройство типа слова вызвало легкое возвышеніе голоса на второмъ слогѣ, какъ бы отъ недоумѣнія при внезапномъ его обрывѣ);

انا ă'nà (по аналогіи, точь въ точь что رمى);

بلدٌ bĕ'ledun (какъ فعل) بلدُ bĕ'ledu; فعلٌ fi'lun и т. д.; فعلُ fi'lu и т. д.; فاعل fá'ala; فاعلٌ fá'ilun;

بلدْ bĕ'led (пауза здѣсь не вызываетъ легкаго возвышенія голоса, какъ въ رمى rémè, вслѣдствіе присутствія твердаго согласнаго шума, такъ что третій слогъ не пропалъ окончательно);

يدٌ yédun (если, дѣйствительно, вм. يدى yédyun, то оно вполнѣ раціонально; и يدُ yédu не менѣе правильно безъ легкаго тона на دُ, такъ какъ послѣ ـُـ ничего не ожидается; носившая его согласная

скрылась незамѣтно подъ нимъ, не то что въ رمي rĕ'mè, гдѣ третій слогъ исчезъ вмѣстѣ съ своимъ гласнымъ звукомъ);

أفعل af''ala, أفعلُ af''alu (формативное ا слилось съ ف и составляетъ уже нераздѣльное съ нимъ цѣлое; но, если прибавочный слогъ въ началѣ сохраняетъ свою независимость, то мы получаемъ явленіе въ родѣ:)

اِنْفَعَلَ in'fā''ala, гдѣ начало слова, приставленное къ корню, играетъ роль спаяннаго съ нимъ новаго реченія формы فِعْل съ отсѣченнымъ окончаніемъ, فِعْل fi'l = اِنْفْ in'f (нельзя отдѣлить *i* отъ *n* — ا отъ ن, — какъ выше нельзя было отдѣлять ا отъ ف въ افعل; но ف fā' продолжаетъ составлять начало слова формы فعل и тѣмъ возстановляетъ единство слова انفعل);

اِفْتَعَلَ if tă''ala представляетъ видоизмѣненіе предъидущаго случая въ томъ отношеніи, что языкъ для своего удобства перемѣстилъ تْ и ف, и переставленіе, будучи полнымъ, придаетъ здѣсь ت всѣ качества перваго слога корня; затѣмъ уже совершенно правильно

انقضى произносится in'ķă'ḑà, اقتضى iķ'tă'ḑà[1]), منقض mun'ķă'ḑin, مقتض muķ'tă'ḑin; равно и

سلسلة sil'sĭ'latun и سلسلة sil'sĭ'leh, قنطرة ķan'ţă'ratun и قنطرة ķan'tă'rah;

مركب, разумѣется, = mar'kabun, а كتاب — kitábun, какъ соединеніе ك съ تاب = قال; слѣд., и

كتاب — kitáb; точно также اقلُّ — aķal'lu и اقلّ — aķal'l, عليَّ 'aleíya и عليّ 'aleí,

علوٌّ 'uloo'wun и علوّ uloo'; но, вслѣдствіе этихъ явленій,

معلّمة = mo'al'lĭ'matun, какъ соединеніе لمة + معل, и معلّمة mo'al'lĭ'meh; второй акцентъ, замѣняющій здѣсь первичный тонъ فعل fá'ala, долженъ быть главнымъ, возвышаться больше перваго, что относится также и къ انفعل, افتعل, انقضى и пр., سلسلة и قنطرة; теперь понятно, что въ

رقبة тонъ падаетъ на raķă'batun; قلبه = ķală'bahu, قائمة ķái'metun и مكسّرة (مكس + سرة) mukes'să'ratun — съ главнымъ акцентомъ на *să'*; но тогда

رقبة الاسد ră'ķabatu-l-asadi не есть исключеніе; ـُـ дѣйствительно нераз-

---

1) У Lane'а нѣтъ легкаго акцента; но это просто опечатка.

рывно связанъ съ слѣдующимъ словомъ, къ которому естественнымъ образомъ онъ привлекъ носящій его ـَ, и رقب сохраняетъ первичный свой тонъ; то же самое въ رَقَبَنَا الاسدين и въ مَدَبَّرَةُ البيت;

رقبتان = rä'kabatáni, очевидно, дѣлится на فعل + قال = رَقَبَ + تَان; въ رقبات же, послѣдній слогъ رقب rä'kaba продленъ, такъ что ā становится началомъ новой части слова: rä'kaba'tun;

شَرَّفْتَنِى = shar'raf'të'nee, потому что شَرَّ = نَمّ, رَقْتَنِى = اِنْقَضَى, مُنْقَضٍ; но это ужь черезъ чуръ сложно и тонко, такъ что не всегда (*обыкновенно*, говоритъ Lane) соблюдается, и замѣтьте, что побужденіемъ къ такой изысканности (вѣдь shar'raf'tenee вполнѣ достаточно) является желаніе оттѣнять تَ 2 лица, которое легко въ небрежномъ произношеніи смѣшивать съ تُ перваго л. и تِ женскаго рода.

ارموا ir'moò, ارمى ir'meè вытекаютъ изъ тѣхъ же началъ, что رمى rë'mè (неожиданное обрываніе голоса) ср. افعل; я считаю, что отсюда идетъ كتبوا kë'teboò, — я хочу сказать, что легкій тонъ развился по аналогіи съ первоначальнымъ открытымъ длиннымъ гласнымъ звукомъ въ концѣ слова (رمى, قضى, راى и т. д.);

ساعاتٌ sá'a'tun и ساعاتْ sá'át составляются изъ ساع (=قال) sá'a, и ات= átun (=فَعْلٌ);

مرزوقون mar'zoo'koóna = مرزوقْ (=ساعاتْ) mar'zoo'k + ون (=قال) oo'na;

حمرآء ham'rà объясняется черезъ ارمى ir'meè;

علىّ и بحرىّ, 'a'leè и bah'reè = انا ä'nà;

اللهْ произносится Al'láh по аналогіи съ ساعاتْ; заглушеніе втораго слога Al'lah есть плодъ частаго повторенія слова;

مماليك, потерпѣвъ много преобразованій, представляется въ видѣ مما + ليك (رمى + قال) më'mà + leéku; Lane пишетъ просто më'máleéku, но прибавляетъ: ihr (م) Ton ist schärfer als der der nächstfolgenden Silbe, — естественно, разъ мы знаемъ, что ما = mà снабженъ легкимъ тономъ;

ضربتنّ dä'rab'tun'na, какъ مماليك. Въ сущности, по примѣру ضربتنّ и образовалось произношеніе مماليك; я удержалъ порядокъ Lane'а, чтобы показать, насколько онъ эмпирическій. Въ مماليك, мѣсто кореннаго акцента уже забыто, но въ

تَغَرْبَتْ невозможно допустить, чтобы غ не остался очевиднымъ пер-

вымъ кореннымъ звукомъ, а ت всѣмъ памятною характеристикою V-ой формы, т. е. формативомъ не имѣющимъ притязанія на акцентъ, — tăghad'dey'tu; то же самое относится къ تدحرجت tedaḥ'rej'tu (تْ + دحرج + تَ) и مدحرجة mudaḥ'rĭjetun (ة + دحرج + م);

رماه remáhu = عليَّ;

رمانا remánà = انا + رما;

خاتمه khátă'muhu = مُهُ + خات;

ربنا rab'bŭ'nà = نَا + ربّ;

كمن kĕ'men = فَعَلْ, بَلَلْ; كذا kĕ'dhè, كما kĕ'mà, ولا wĕ'là, الا ă'là = رمى;

افلا ă'falà = كتبوا;

ما ذا má-dhè = حمراء, ارمى; لما ذا limá-dhè, такъ какъ ل пристегивается къ слову вслѣдствіе неимѣнія самостоятельнаго ударенія и остается безъ дѣйствія на составъ самаго слова;

وَاللّٰه wa'-llah объясняется, какъ произношеніе اللّٰه вм. اللّٰه;

كتبوا لى kĕ'teboó-lee, اكتب له uk'tub'-lahu, اذهب به idh'heb'-bihi, لا ابا لك la'abá-laka — вполнѣ естественное произношеніе, разъ لى, له, به, لك считаются энклитическими; равно и مرحبا بك mar'ḥabán-bika (vulg. mar'ḥabá-bak, акцентъ не измѣняется отъ паденія окончаній); но, если на нихъ смотрѣть какъ на сочетаніе отдѣльныхъ реченій, мы получимъ mar'ḥaban bĭ'ka, la'ă'ba lă'ka и пр.; въ самомъ дѣлѣ,

له = lă'hu , لهم = lă'hum, какъ بل и بَلَلْ;

اليد el-yĕ'du не то, что два слова (werden als zwei besondere Wörter betrachtet u. demgemäss betont); наоборотъ, это одно слово, въ которомъ ال, по своему явному характеру легкой приставки, не можетъ отнять у ى его очевиднаго значенія въ качествѣ перваго слога корня;

حينئذ ḥee'na ĭ'dhin, وقتئذ wak'ta ĭ'dhin, ربما rub'bamá, قلما kal'lamá и пр. не требуютъ объясненія.

Перечень всѣхъ примѣровъ Lane'а дало лучшее освѣщеніе изложеннаго выше закона о томъ, что всѣ оттѣнки интонаціи арабскаго говора исходятъ отъ فعل fă'ala и заключаются въ немъ ἐν ἐνεργείᾳ. Если интонація въ стихахъ, по увѣренію Lane'а, различается отъ обыкновенной, то одна изъ причинъ состоитъ въ томъ, что стихъ есть ритмическая единица, которая сплочиваетъ во едино мелкія ритмическія единицы — слова̀, точно такъ какъ, въ развитіи языка, слова̀ видоизмѣняютъ акцентъ составныхъ своихъ частей; но, при пѣніи стиха, — и стихъ существуетъ для пѣнія, по край-

ней мѣрѣ для мелопеи[1]) — мелодія аріи замѣняетъ собою мелодію говора, интервалы и интонаціи получаются другіе, тактъ же музыки не можетъ идти въ разрѣзъ съ тактомъ рѣчи, съ чередованіемъ ударенія и не-ударенія, — иначе одинъ ритмъ нарушаетъ другой, и настаетъ тотъ хаосъ, который насъ такъ непріятно поражаетъ при исполненіи оперы, гдѣ вирши рѣжутъ ухо несоотвѣтствіемъ звуковъ рѣчи звукамъ музыки.

Гдѣ же *удареніе* въ арабскихъ словахъ? Для нахожденія его мы обладаемъ нѣсколькими данными, добытыми по пути во время нашего изслѣдованія.

1⁰ удареніе получаетъ *гласный звукъ*, независимо отъ его долготы или краткости.

2⁰ два простыхъ гласныхъ звука не могутъ сряду получать удареніе, но если первый изъ нихъ удлиненъ на столько, что наполняетъ собою и слабую долю такта, то непосредственно (конечно, послѣ неминуемаго согласнаго шума) слѣдующій за нимъ второй можетъ произноситься съ удареніемъ;
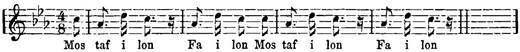
3⁰ удареніе не есть тождественное съ акцентомъ, съ возвышеніемъ тона, понятіе; но, въ арабскомъ языкѣ, оно совпадаетъ съ нимъ въ томъ отношеніи, что изъ снабженныхъ акцентомъ слоговъ нѣкоторые получаютъ еще удареніе;

4⁰ правила объ удареніи должны вытекать изъ слова-типа فعل, въ которомъ удареніе непремѣнно находится на первомъ слогѣ, единственномъ вызывающемъ возвышеніе голоса, острую интонацію, акцентъ;

5⁰ ударенія сливающихся вмѣстѣ реченій терпятъ тѣ преобразованія, которыя требуются общимъ ритмомъ слова или фразы, т. е. нѣкоторыя исчезаютъ, а другія изъ главныхъ дѣлаются второстепенными; — это замѣчаніе простирается, конечно, и на стихи.

---

1) Mon savant ami, M. E. H. Palmer... m'a appris que lorsque les Arabes récitent des vers, ils le font sur une sorte de mélopée, formée d'une succession d'accents toniques alternativement graves et aigus... Voici comment je note approximativement le chant du *Basîṭ* d'après la déclamation de M. E. H. Palmer (je ne donne pas le véritable ton, mais seulement les intervalles respectifs, en supposant que le ton soit celui d'ut mineur):

Au contraire, dans le Tawîl, plusieurs syllabes fortes ont le son le plus élevé. Je regrette que l'absence d'instruments précis ne m'ait pas permis de noter les intonations réelles de tous les genres de mètres. Celles du *Basît* m'ont paru se rapprocher beaucoup d'un chant proprement dit. C'est pourquoi j'ai tenté de les reproduire. (Théorie Nouv. de la Métr. Ar., p. 328—329, note). — Quand ils (deux lettrés de Syrie, MM. Dallâl et Marrasch, et un docteur en droit du Kaire, M. Mohammed Mounîb) *chantent* sur certaines mélopées traditionnelles des vers etc. (Note sur la Métr. ar., p. 6, Extr. du J. As. de 1877).

При различіи между египетскимъ и бедуинскимъ нарѣчіемъ, мы непремѣнно должны сталкиваться съ явленіями, которыя какъ будто противорѣчатъ фактамъ, сообщеннымъ Lane'омъ; явленія эти непремѣнно ограничены сферою усѣченныхъ окончаній, которыя сводятся къ типу مطر, mátar въ Египтѣ, matár у Бедуиновъ.

Въ число гласныхъ мы обязаны включить и سكون, который есть ничто иное какъ усѣченный гласный звукъ и выражаетъ собою паузу, передышку; напр., при فَعَلَ, فَعَلَ + أ становится أَفْعَلَ.

Въ 3-сложномъ словѣ, содержащемъ въ себѣ три простыхъ гласныхъ звука, удареніе падаетъ на первый изъ нихъ: فعل fá'ala; въ двухсложныхъ того же состава, при отсутствіи третьяго слога, оно остается на первомъ: هو hówa, لك láka, и т. д.

Но, если второй слогъ—сложный, какъ въ مَضَى, гдѣ онъ образовался изъ присоединенія третьяго первоначальнаго звука къ второму вслѣдствіе исчезновенія носящаго его согласнаго шума, то ضى, имѣющій двойное противъ прежняго ضَ значеніе, не можетъ удержать это значеніе, не привлекая къ себѣ новаго ударенія, вслѣдствіе чего первичное удареніе на مَ (فعل) исчезаетъ. Объясняется это тѣмъ, что مَ для сохраненія ударенія долженъ былъ бы наполнить собою и слабую долю такта, т. е. являться въ видѣ ما. Сравн. правило 2-ое (стр. 109).

То же самое послѣдствіе будетъ имѣть сокращеніе فَعَلَ въ فَعَلْ = fa'ál; отсюда فعلت fa'áltu и пр.

Если же первый слогъ усиливается (فاعل, فَعَّلَ), то онъ тѣмъ паче сохраняетъ свое значеніе для ударенія, которое, впрочемъ, не различаетъ между кореннымъ и некореннымъ звукомъ: افعل áf'ala, يكتب yáktubu. Приставка, дѣйствительно, была въ началѣ самостоятельнымъ реченіемъ съ удареніемъ; явившись въ началѣ слова и притянувъ къ себѣ удареніе, она тѣмъ самымъ отнимала возможность втораго непосредственнаго ударенія, и оба ударенія, сливаясь въ одно, образовали одинъ слогъ (أَنْ, يَكْ) изъ двухъ (ن + ا, ك + ي); гласный звукъ, лишенный ударенія, долженъ былъ исчезнуть при сопряженіи его согласнаго шума съ уже изданнымъ звукомъ приставки. Но въ формаціяхъ, какъ تَفَعَّلَ и تَفَاعَلَ, приставка не въ силахъ всосать въ себя коренной звукъ, который, благодаря своему удлиненію или же разрѣшенію согласнымъ шумомъ, не поддается уничтоженію, такъ какъ въ первомъ случаѣ (تفاعل) онъ все же существовалъ бы и продолжалъ бы получать удареніе, и тогда пришлось бы отдать ему согласный шумъ, —

فَاْعَلَ + تَـْ = تَفَاعَلَ, т. е. образовалась бы новая форма, вполнѣ произвольная, не вызванная ни обстоятельствами, ни аналогіею: пришедшій въ конфликтъ съ ненарушеннымъ здѣсь удареніемъ на коренномъ слогѣ فَا приставочный слогъ تَ теряетъ свое удареніе, какъ ـه въ مضى; въ تفعل же, нельзя себѣ представить возникновенія двухъ смежныхъ согласныхъ въ срединѣ слова تَفْعَلَ, неминуемая передышка — пауза — разсѣкла бы слово на двѣ части تَفْعْ عَلَ, и раздробленное слово не представляло бы новой формы, а просто разложеніе ея въ ея зародышѣ, чего невозможно допустить.

При удлиненіи втораго слога (فَعَالٌ), мы встрѣчаемся съ знакомымъ намъ явленіемъ: مضى; значитъ, мы скажемъ: fa’âlu^n.

При удлиненіи третьяго слога, разстраивается экономія первообраза فَعَلَ. Въ قَتَلُوا, ـُوا представляетъ собою приставку, которая со своимъ удареніемъ пришла спаиваться съ корнемъ قتل; беззвучный لَ теряется въ долгомъ *û* — характеристикѣ (3-го л.) множ. ч.: هُمْ, вѣдь, сокращеніе هُمُ, а въ هُم конечный *û* — долгій въ качествѣ остатка отъ начальнаго ـُونَ, что явствуетъ изъ третьяго л. мн. ч. несовершеннаго времени и изъ мн. ч. именъ. Укороченіе въ совершенномъ времени находитъ свое объясненіе въ томъ, что приставка сохранила, правда, свое удареніе, но не было повода передать ей главное удареніе, которое по прежнему сохранилъ за собою قَ, оставшись такимъ образомъ центромъ тяжести слова; на ... ـُوا падаетъ подъ-удареніе, и тяготѣніе къ началу слова быстро поражаетъ атрофіею слабую, еле-слышную послѣднюю часть окончанія, которое сводится вскорѣ къ ـُوا. Несовершенное время представляетъ иную картину: къ يقتل приставляется то же ـُونَ, но здѣсь оно не борется съ первоначальнымъ удареніемъ, оно сталкивается съ второобразнымъ يَقْ, гдѣ приставка ي теряетъ свое значеніе передъ новоприступившимъ важнѣйшимъ ـُونَ; главное удареніе переходитъ на послѣдній: yaḳtulû'na; но и здѣсь, подъ разрушительнымъ вліяніемъ ударенія, времени, тренія и лѣни[1]), вывѣтривается сперва легкій конечный гласный звукъ, а впослѣдствіи и согласный ن, чему доказательствомъ служатъ еврейскій и новѣйшій арабскій языки.

Въ يَقْتُلَنَّ и يَقْتُلَنْ, гдѣ голосъ съ силою ударяетъ на ـَنْ для энергическаго заявленія о дѣйствіи, мы присутствуемъ при томъ же процессѣ, и главное удареніе переносится на لَ. Не лишне замѣтить, что начальныя

1) Т. е. того чувства, которое заставляетъ человѣка давать себѣ лишь ровно столько труда, сколько требуется для достиженія его цѣли.

подъ-ударенія часто скрываются и остаются въ состояніи зародыша, такъ какъ говорящій идетъ прямо къ ударенію, ближайшей цѣли его рѣчи; если является особенный интересъ выдвинуть начало слова, или для усугубленія важности при медленности рѣчи, или для восполненія ритма, подъ-удареніе вновь призывается къ жизни. Прямымъ послѣдствіемъ этого правила будетъ возникновеніе второразрядныхъ удареній въ тѣхъ мѣстахъ, которыя по аналогіи могутъ ихъ терпѣть; возьмемъ напр. مُتَفَاعِل: къ فَاعِل приставлены послѣдовательно ت и م; م не могъ одолѣть легкаго слога ت и подчинить его себѣ, именно по причинѣ отдаленія своего отъ главнаго звука فَا, къ которому *голосъ торопится;* но этотъ самый م, будучи, въ сущности, по аналогіи, равнозначущимъ съ ف въ فعل (مُتَفَ + ـَاعِل), можетъ при случаѣ удержать на себѣ удареніе, разъ только, повинуясь извѣстному ритму, *голосъ не торопится* и ставитъ единство ритма (стиха) выше единства слова.

Вообще, все вращается около слога съ удареніемъ. Мы видимъ, что, изъ предшествующихъ ему двухъ короткихъ слоговъ, первый способенъ получать также удареніе въ извѣстныхъ случаяхъ, которые, правда, не принадлежатъ первоначальному образованію языка, но являются прямымъ послѣдствіемъ его. Серединный открытый слогъ поневолѣ долженъ оставаться безъ ударенія въ силу основнаго принципа чередованія слабыхъ долей такта съ сильными. А, равно, и непосредственно слѣдующій за слогомъ съ удареніемъ открытый слогъ непремѣнно будетъ лишенъ возможности получать подъ-удареніе, развѣ если смотрѣть на него какъ на начало новой ритмической единицы. Второй за нимъ открытый слогъ будетъ въ одинаковомъ положеніи съ вторымъ до ударенія; т. е.: въ فاعل[1]), لَ способенъ получать удареніе, если въ ритмической рѣчи онъ занимаетъ мѣсто, которое даетъ ему на то право,—иными словами, если ل отдѣляется открытымъ слогомъ отъ снабженнаго удареніемъ слога въ слѣдующемъ реченіи: فاعل مفاعل fâ'alá mofâ'ilo^n. Если же второй слогъ послѣ ударяемаго удлиняется, онъ естественно получаетъ удареніе (فضلاء fóḍhalá'o, يضربون yáḍhriboúna). Бываетъ, что не второй, а сейчасъ первый за нимъ принимаетъ новое значеніе поглощеніемъ другаго слога, тогда удареніе переходитъ на него же (ضربت ḍharábto); а когда главное удареніе не можетъ перемѣститься, опи-

1) Я выбралъ فاعل вм. فعل, потому что, если, по какой либо причинѣ, удареніе въ فعل переходитъ на ل, открытый слогъ ف можетъ легко лишиться его, такъ какъ голосъ, скользя по немъ, направляется прямо къ ударенію, которое привлекъ къ себѣ ل вслѣдствіе своего положенія: ف тогда сохраняетъ глухое подъ-удареніе.

раясь на удлиненный гласный или закрытый слогъ, который сразу останавливаетъ на себѣ голосъ, то развивается новое удареніе (ضاربت d̦há́rábto).

Если за слогомъ съ удареніемъ слѣдуютъ три слога, то одинъ изъ нихъ непремѣнно будетъ долгимъ; въ самомъ дѣлѣ, доказано, что два слога за удареніемъ могутъ оставаться короткими (فَعَلَ); но придача третьяго, короткаго или укороченнаго вслѣдствіе своего энклитическаго положенія,— буде онъ, либо по природѣ, либо по своей сравнительно незначительной роли, лишенъ ударенія—нарушаетъ экономію кореннаго слова (ضَرَبَ + تُ), и только стягиваніе двухъ слоговъ — при условіи перемѣщенія ударенія (ضَرَبْتُ) — возстановляетъ общій типъ арабскаго слова (فَعَلَ). Въ случаѣ же прибавленія долгаго, ударяемаго слога (ضَرَبَهُ; ه есть ничто иное, какъ هُوَ стянутое въ هو въ силу привлеченія къ корню глагола), который привлекаетъ вниманіе новымъ направленіемъ, даннымъ смыслу слова, приходится — если стягиваніе въ одно двухъ первыхъ слоговъ нежелательно (ضَرْبُهُ измѣнилъ бы весь строй рѣчи и сдѣлался бы въ данномъ случаѣ безсмыслицею), — перемѣстить удареніе (ضَرَبَهُ d̦aráƀahó) чтобы не нарушать единства слова (ضرب هو d̦áraƀa hû останутся вѣчно двумя разъединенными словами).

Неопредѣленное окончаніе (ٌ, ٍ, ً) на практикѣ выходитъ долгимъ [1]);

---

1) Вовсе не случайно признаніе долготы за тенвиномъ; падежные гласные знаки были когда-то долгими и остались такими же въ концѣ стиховъ, гдѣ успокоеніе голоса оставляетъ за ними ихъ прежнее значеніе. Въ прозѣ же передышка достигается цѣною послѣдняго звука послѣдняго слова и лишнимъ напираніемъ на послѣднее удареніе (الاسْ, المنافقهْ), которое, вслѣдствіе помянутаго укороченія, падаетъ именно на конечный слогъ; въ сущности, самое это напираніе отнимаетъ, въ силу вышесказанныхъ причинъ, всякую жизненность у падежной гласной. Первоначальная долгота падежныхъ знаковъ доказывается ихъ происхожденіемъ: رفع образуется приставкою характеристики 3-го л. (و ُ), جرّ — 1-го л. (ي ِ), نصب — 2-го л. (ا َ въ ت[اَ] рано успѣлъ стушеваться и принять теперешній видъ короткаго слога, вслѣдствіе возрастающаго значенія перваго, сложнаго, двойнаго, закрытаго слога; по евр., онъ сохранился въ прежнемъ видѣ: אַתָּה, долгій *а*, — какъ въ англ. all —). Соотношеніе между падежами и мѣстоименіями не есть исключеніе; оно имѣетъ аналогію въ соотношеніи между послѣдними и видами несовершеннаго времени (выражающаго *состояніе* скорѣе, чѣмъ дѣйствіе) يفعل, гдѣ эти гласные знаки были встарину долгими, какъ тому свидѣтель евр. яз. (תְּאֵהָבוּן, יַשְׁקִיט, יִשְׁמוֹר). 3-ье л. послужило, вслѣдствіе своей безличности, для образованія именительнаго; 1-ое л. заявило притязаніе на обладательный (род.) падежъ — جرّ; 2-ое л., какъ нельзя лучше, подходило къ объективному — نصب. Въ состояніи неопредѣленности (ٌ, ٍ, ً), звуки оставались все же долгими.

стоитъ ли оно въ концѣ рѣчи,—пауза тому причина; въ серединѣ ли,—тогда тенвинъ, ударяясь о слѣдующій за нимъ согласный шумъ, разрѣшается *n*-омъ или *m*-омъ [1]). Оттого мы слову منافقة дадимъ видъ: monáfaqatón; مستقلة = móstaqillatón, а رقبة = raqábatón.

Долгіе слоги — плодъ, какъ мы видѣли, слитія слабаго звука съ сильнымъ, получившимъ удареніе — виртуально снабжены этимъ удареніемъ, но, если ихъ нѣсколько слѣдуетъ другъ за другомъ, то удареніе каждаго придало бы обыденной рѣчи черезчуръ важный видъ и возвело бы ее на степень торжественнаго священнодѣйствія: во избѣжаніе такихъ accents solennels [2]), стѣсняющихъ и задерживающихъ рѣчь, по неволѣ приходится выдвигать одни главнѣйшіе слоги. Напр., تفضّلتم имѣетъ коренной слогъ فض, къ которому прислоняется характеристика V-ой формы ت; если-бы ضلتم dáltom образовалъ одно реченіе, независимое отъ تفض, то мы изъ двухъ составляющихъ его слоговъ ударяли бы первый: ضلتم = قلتم;

---

1) Пользуемся случаемъ, чтобы дополнить сказанное выше (стр. 91) о конечномъ *m* въ латинскомъ яз. еще нѣсколькими указаніями: вѣсскій доводъ въ пользу нашего взгляда на конечный *m* по латыни мы находимъ у Quintilianus, Institutio Oratoria, lib. IX cap. 4:

Et illa Censorii Catonis, *Diee hanc*, aeque *M* littera in *E* mollita: quae in veteribus libris reperta mutare imperiti solent, et, dum librariorum insectari volunt inscientiam, suam confitentur. Atqui eadem illa littera, quoties ultima est, et vocalem verbi sequentis ita contingit, ut in eam transire possit, etiamsi scribitur, tamen parum exprimitur, ut, *Multum ille*, et, *Quantum erat*; adeo ut paene cujusdam novae litterae sonum reddat; neque enim eximitur, sed obscuratur, et tantum aliqua inter duas vocales velut nota est, ne ipsae coeant.

Christ, Metrik. d. Griechen und Römer, p. 37, называетъ еще другихъ древнихъ писателей при этомъ случаѣ. Напрасно онъ прибавляетъ отъ себя: Bei Ennius hat auslautendes m *noch* seine volle consonantische Natur и т. д.

Когда, съ появленіемъ христіанства, обыденный говоръ врывается въ литературу, слѣды тонкостей произношенія исчезаютъ, и Codex Bezae пишетъ: d*ono* dedit, dixit testi*monio*, sub cael*u*, а Ліонское Пятикнижіе (изд. U. Robert, 1881): de*ce*, dext*ru*, e*u*, lig*nu*, no*ve*, qu*a*, regn*u* etc. См. Harris, A study of Codex Bezae въ Texts and Studies ed. by J. A. Robinson, Cambridge 1891, Vol. II 1, p. 124—125.

Такимъ образомъ, итальянскія окончанія для насъ ничуть, въ сущности, не разнятся отъ латинскихъ, особенно когда мы знаемъ, благодаря Квинтиліану-же (l. l.), что и *s*, при встрѣчѣ съ согласною (замѣтьте, кстати различие между *s* и *m*), улетучивался не только у Эннія и у комиковъ, но и у грамматика Сервія, у поэта Lucilius, «et Cicero in Oratore plures antiquorum tradit sic locutos». Я распространяюсь объ этомъ, чтобы не терять случая доказать, что поэтическія вольности не существуютъ, и что стихотворство, за исключеніемъ твореній самозванныхъ поэтовъ, даетъ вѣрное отраженіе особенностей языка, какъ будетъ изложено ниже. Близкое сходство латинскихъ носовыхъ звуковъ съ польскими, а равно и съ арабскимъ тенвиномъ, обнаруживается и относительно *n*; то же самое Ліонское Пятикнижіе имѣетъ exclamass*et*, habitab*at*, ess*et*, circumcid*at* для 3 л. мн. ч. (Harris, l. l, p. 128).

2) Эллины обращались такъ къ богамъ; ср. νόμοι Терпандра у Croiset, Hist. de la Littérature Grecque II, p. 76 и въ Die Musischen Künste d. Hellenen, III, 2^3 (Specielle Griechische Metrik v. Rossbach) p. 9, и воззваніе къ Аполлону у Еврипида apud W. Christ, Metrik d. Griechen u. Römer, p. 83.

но, такъ какъ слогъ ضل слѣдуетъ непосредственно за главнымъ удареніемъ, которое онъ-же уступилъ принявшему вновь подобающее ему положеніе въ словѣ первенствующему звуку ف, въ его нынѣшнемъ облаченіи فض (ср. فضلتم feḍáltom), то удаленный отъ ударенія сложный звукъ تم, имѣющій самъ по себѣ большое значеніе (تم = تمو) и, вдобавокъ[1]), заключающій въ себѣ точное опредѣленіе смысла, въ которомъ слѣдуетъ принимать дѣйствіе глагола, одерживаетъ верхъ надъ стушевавшимся вслѣдствіе своего положенія ضل. По неволѣ приходится произносить tafáḍḍaltóm. Тамъ, гдѣ медлительный ритмъ преобладаетъ, мы дѣйствительно читаемъ tafáḍḍáltóm.

Сочетаніе словъ подвергается тѣмъ же законамъ: رقبة الاسد = raqábató-l-ásadi, и т. д.

Сравненіе добытыхъ нами выводовъ со свѣдѣніями, собранными у Lane'а, установитъ, что, за исключеніемъ различнаго взгляда на مطر[2]), удареніе вездѣ покрывается акцентомъ, хотя акцентъ не всегда сопровождается удареніемъ. Распознаваніе главнаго ударенія отъ подъ-ударенія зависитъ не только отъ ритма пѣнія, но и отъ ритма простой рѣчи. Въ сей послѣдней, однако, оно по преимуществу находится ближе къ концу слова,— съ одной стороны, ради быстроты рѣчи; съ другой-же, во избѣжаніе колебанія въ голосѣ, каковое неминуемо послѣдовало бы за помѣщеніемъ главнаго ударенія въ началѣ длиннаго слова.

Возьмемъ теперь на выдержку арабскую фразу и постараемся отмѣчать слоги съ удареніемъ: قفا نبك من ذكرى حبيب ومنزل qifâ' nábki mín zikrâ'

1) Говоря выше о 1-омъ лицѣ, мы намекнули на сравнительно малое значеніе приставки تُ, а здѣсь приписываемъ большое значеніе однородной съ нею приставкѣ تُمْ. Нѣтъ протирорѣчія между обоими утвержденіями: говорящему нечего настаивать на своей личности,— она выдѣляется сама собою настолько, что многіе считали изящнымъ совершенное опусканіе мѣстоименія *je* (по фран.) и *ich* (по нѣм.). 1-ое л. мн. ч. получаетъ уже несомнѣнное значеніе, наравнѣ съ 2-ымъ ед. ч., а 2-ое мн. ч. должно быть, во всякомъ случаѣ, обставлено такъ, чтобы не давать мѣста никакому сомнѣнію.

2) Явленіе двоякаго произношенія مطر, حجر и т. д.— весьма любопытно. Оно воочію доказываетъ существованіе глубокой пропасти между сохранившимъ преданія старины бедуиномъ и забывшему родникъ своего языка египтяниномъ,— я говорю о народѣ, не объ ученыхъ. Для бедуина основные законы рѣчи продолжаютъ существовать, и онъ говоритъ meṭár, какъ онъ говоритъ meḍâ' مضى. У египтянина окончанія стерлись, и, когда они показываются тамъ и сямъ, онъ ихъ не узнаетъ (Spitta-Bey, Gram. p. 152, § 78b, и Vollers, Lehrbuch p. 16, Anm. b., считаютъ себя вправѣ обращаться съ обломками прежнихъ окончаній какъ съ произвольными вспомогательными гласными); но египтянинъ не чувствуетъ, что экономія слова нарушена и продолжаетъ, по инерціи, говорить máṭar, какъ встарину онъ говорилъ máṭaro. Еврейскій языкъ стоитъ на сторонѣ бедуинскаго нарѣчія.

ḥabíbín wamânzilín; разъ первое удареніе будетъ сильнымъ, что и естественно, мы получимъ qífâ nábki mín zikrá' ḥabíbín wamánzilí, — удареніе въ концѣ настолько опредѣляетъ послѣдній гласный звукъ, что тенвинъ исчезаетъ, такъ какъ мы очутились лицемъ къ лицу не съ обыкновенною фразою, а со стихомъ размѣра طويل.

Возьмемъ еще: لوكنت من مازن لم تستبح ابلى, law kónto mín mâzinín lam tástabíḥ íbilí'; لو остается безъ ударенія, потому что онъ приставленъ къ كنت, а لم —, потому что онъ играетъ здѣсь роль ضل въ تفضّلتم. А это — стихъ размѣра بسيط.

صفحنا عن بنى ذهل وقلنا القوم اخوان ṣafáḥnâ 'án baní zohlín waqólna-lqáwmo ikhwânoû съ уничтоженіемъ тенвина; опять стихъ — размѣра هزج.

فدت نفسى وما ملكت يمينى fadát nafsí' wamá malakát yamíní' [1]: — وافر!

Мы примѣнили правила ударенія къ разнымъ фразамъ, и выходитъ, что мы скандовали стихи! Чѣмъ же стихъ различается отъ прозы? Только и исключительно установленнымъ ритмомъ, а ритмъ опредѣляется удареніемъ, какъ оно существуетъ въ разговорномъ, въ обыденномъ языкѣ. Нечего удивляться получаемому выводу; мы его предчувствовали съ самаго начала изслѣдованія, мы смутно сознавали, что ритмъ языка и ритмъ стиха должны соотвѣтствовать другъ другу. И, дѣйствительно, арабскіе размѣры настолько напоминаютъ собою грамматическія формы языка, что имена ихъ носятъ на себѣ ихъ отпечатокъ; первый разрядъ знаетъ только форму فعيل (طويل, مديد, بسيط); второй — فاعل (وافر, كامل); третій — فَعَل (هزج, رجز, رمل); наконецъ [2]), пятый — متفاعل (متدارك, متقارب). Составныя же части стиха فعولن, مفاعيلن, مستفعلن, فاعلن, مفاعلتن, متفاعلن, فاعلاتن и пр. — грамматическіе парадигмы; въ нихъ тенвинъ замѣненъ настоящимъ ن и мы знаемъ, что это сдѣлано во избѣжаніе здѣсь неумѣстной неопредѣленности; это — новое доказательство, что ритмъ каждаго изъ размѣровъ составляется на основаніи ритма реченій въ обыденномъ языкѣ. Мимоходомъ (см. стр. 109, прим.) намъ довелось услышать, что بسيط имѣетъ и музыкальный ритмъ; по нашей теоріи, прочіе размѣры должны отличаться тѣмъ же свойствомъ. Посмотримъ.

---

1) Разнородная транскрипція происходитъ отъ нашего стремленія удержать особенности каждаго автора; здѣсь мы пишемъ, какъ Guyard. Тамъ, гдѣ мы независимы, мы пытаемся воспроизводить точно, кромѣ остова слова, т. е. его согласныхъ, также и всѣ тонкости произношенія гласныхъ. Все это, впрочемъ, имѣетъ мало значенія.

2) О четвертомъ разрядѣ умалчиваемъ пока.

IV.

Четыре разряда, о которыхъ было выше упомянуто, изображаются у арабскихъ метриковъ соотвѣтственными кругами[1]):

1. فعولن مفاعيلن فعولن مفاعيلن [فعولن مفا]
[علن] فا علاتن فا علن فا علاتن فا علن [فا علا]
[علن فا علن] مستف علن فا علن مستف علن فا علن

2. مفاعلتن مفاعلتن مفاعلتن [مفا]
[علن] متفا علن متفا علن متفا علن

3. مفاعيلن مفاعيلن مفاعيلن [مفا عى]
[علن] مستف علن مستف علن مستف علن [مس]
[علاتن] فا علا تن فا علا تن فا علاتن

5. فعولن فعولن فعولن فعولن [فعو]
[علن] فا علن فا علن فا علن فا علن

Каждый кругъ содержитъ два или три размѣра одного типа, съ тѣми же элементами ритма, но съ инымъ разверстаніемъ такта; въ самомъ дѣлѣ, оперируя надъ удареніями и подъ-удареніями, мы способны передавать это музыкально, *самымъ простымъ образомъ*, посредстромъ C или же $\frac{2}{4}$, если темпъ $\frac{4}{4}$ кажется черезъ чуръ медлительнымъ (существенной разницы нѣтъ, все сводится къ понятію о быстротѣ и къ предпочтенію черной или восьмой). Большинство размѣровъ начинается слабою долею такта; это вполнѣ въ порядкѣ вещей: вѣдь, слѣдуетъ припомнить, что понятіе о необходимой постановкѣ черты *передъ сильною* долею такта есть *сравнительно* новое, вытекающее изъ практическихъ соображеній, изъ желанія упростить, привести къ одному знаменателю музыкальныя фразы. Аристотелевъ ученикъ Аристоксенъ и пользовавшійся покровительствомъ Квинтиліана Аристидъ не сознавали еще этой необходимости; она и не сказалась вовсе въ греческой метрикѣ, которая придаетъ первой долѣ такта больше значенія, нежели сильной: Christ, въ своей Metrik d. Griechen

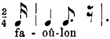
1) Круги представляются здѣсь развернутыми, изъ-за типографскихъ соображеній. Въ скобки введено то, что въ чертежѣ обозначается пунктиромъ, иными словами: то что остается невидимымъ вслѣдствіе извѣстнаго расположенія частей. 4-й кругъ отсутствуетъ; онъ будетъ предметомъ особаго изслѣдованія.

u. Römer, p. 51, справедливо замѣчаетъ, что въ дактилѣ (‿ ‿ ‿) долгая *никогда* не разрѣшается въ видѣ двухъ короткихъ, а въ анапестѣ (‿ ‿ ‿) допускается подобная замѣна, свидѣтельствующая о меньшемъ значеніи сильной доли такта, когда она обрѣтается на второмъ мѣстѣ. Мы не можемъ отказаться отъ принятой нотаціи, но предупреждаемъ читателя, что черта есть исключительно *графическій* знакъ.

Раньше, чѣмъ искать нотацію цѣлаго стиха, нужно изслѣдовать составныя его части съ музыкальной точки зрѣнія. Намъ предстоитъ такимъ образомъ, опредѣлить нотацію словъ:

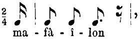
فعولن, مفاعيلن, فاعلاتن, فاعلن, مستفعلن, متفاعلن, مفاعلتن, каждое изъ которыхъ содержитъ въ себѣ по два ударенія (диподія).

فعولن — ف есть короткій слогъ, который помѣстится предъ чертой; عو-омъ начнется сильная доля такта; لن, получающій удареніе, слѣдуетъ непосредственно за нимъ; значитъ, عو займетъ собою цѣлую половину такта:

. Мы должны дать لن меньше значенія чѣмъ عو, вслѣдствіе большей растяжимости сего послѣдняго, о чемъ было уже говорено по поводу персидскаго غودن (см. выше, стр. 98).

مفاعيلن — م есть короткій слогъ, который помѣстится предъ чертой; فاعي займетъ полутактъ, раздѣленный на двѣ равныя части; а съ لن-омъ мы уже знакомы:
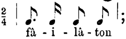

, مفاعيلن въ стихѣ замѣняется легко стопою مفاعلن[1]), въ которомъ فاع опять займетъ цѣлый полутактъ, но уже иначе распредѣленный:

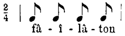

.

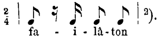
فاعلاتن — فا начинается сейчасъ послѣ черты и занимаетъ съ ع цѣлый полутактъ; для لاتن остается 2-ой полутактъ:

; при варіантѣ فاعيلاتن, мы будемъ писать:

; فعلاتن =

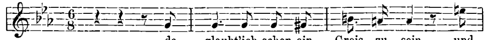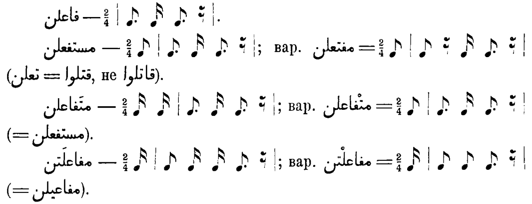

[2]).

---

1) Замѣна مفاعيلن формою مفاعلن и فاعلاتن формою فاعيلاتن вполнѣ сходится съ тѣмъ, что мы знаемъ объ удареніи по-арабски; она не вліяетъ замѣтно на ритмъ слова; музыкальный ритмъ соблюденъ въ точности.

2) Cf. Schubert, l. l., p. 96: Der greise Kopf:

Круги будутъ музыкально выражаться слѣдующимъ образомъ:

---

1) Послѣдняя стопа тоже: (fâ - i - lon). Разумѣется, فاعلاتن можетъ представляться и въ видѣ فَعِلاتن, такъ какъ удареніе, а слѣдовательно и ритмъ, не подвергаются никакому разстройству: 2/4, какъ выше. Другіе стихи терпятъ подобныя же измѣненія, которыя всѣ изложены весьма обстоятельно у Guyard'a.
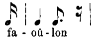
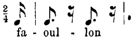
Вѣрность метода доказывается тѣмъ, что стопа къ стопѣ подходитъ какъ слѣдуетъ, не нарушая установленнаго Guyard'омъ музыкальнаго ритма; а въ паузахъ, которыя на первый видъ кажутся un pis-aller, именно обнаруживается пригодность его системы; онѣ приходятся именно тамъ, гдѣ за закрытымъ слогомъ съ удареніемъ (فاعلن, مستفعلن) начинается новое слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ: попробуйте-ка выговаривать или пѣть mostafʿilón fáʿilon, faʿilón fáʿilaton — вашъ голосъ непремѣнно оборвется между обоими удареніями. Пауза можетъ исчезать и исчезаетъ, когда мы имѣемъ дѣло не съ короткимъ гласнымъ, разграниченнымъ двумя согласными, а съ долгимъ гласнымъ звукомъ, произвольно растяжимымъ, который легко разрѣшается согласнымъ шумомъ, носящимъ слѣдующій звукъ съ удареніемъ: فعولن faóûlón.

Въ كامل, послѣдній слогъ *lon* отъ mota-fâʿilon дѣлается просто долгимъ, какъ отъ fâilon въ بسيط, что ничуть не нарушаетъ ритма.

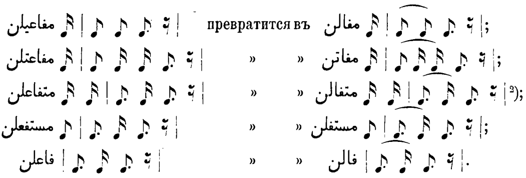
Во всѣхъ этихъ стихахъ главное основаніе — поперемѣнное чередованіе ударяемаго слога съ неударяемымъ по извѣстному типу; слова примѣняются къ каждому размѣру, смотря по распредѣленію ударенiй согласно изложеннымъ выше правиламъ. Долгота и краткость слога не играютъ первой роли, паузы исправляютъ то, что растяженіе не въ силахъ возстановить[1]), но единственно тамъ, гдѣ пауза дозволительна по праву ударенія. Удареніе же соблюдается относительно всей совокупности стиха (или полустишія): اذا لقام بنصرى معشرخشن — полустишіе размѣра بسيط; дѣйствительно, мы имѣемъ: اذالقا م بنص رى معشر خشن = متفعلن فعلن مستفعلن فعلن, какъ будто izánlaqấ mábinás̩ rîmáʿšarún khúšunún. Разъ звучный слогъ (движимая согласная) стоитъ передъ двумя подобными же слогами (движимыми согласными), онъ способенъ получать просодическое удареніе; для сего стоитъ только ему быть поставленнымъ между слогами, находящимися въ слабыхъ доляхъ тактовъ. Получивъ удареніе, звучный слогъ получаетъ и присущія ему права; напр., слабый союзъ و пріобрѣтаетъ настолько силы при удареніи, что онъ поглощаетъ въ себя ـُـ въ هو, въ которомъ ه уже лишается своего гласнаго звука заодно съ удареніемъ, и мы произнесемъ: وهو.

Съ концемъ стиха (или полустишія), музыкальная фраза приходитъ къ концу. Пауза тутъ умѣстна; вслѣдствіе предвидѣннаго, заранѣе расчи-

---

1) فعولن = fa - oû - lon ритмически равенъ فعلن = fa - oul - lon.

таннаго, отдыха, голосъ часто замедляется на послѣдней стопѣ, и послѣдній короткій слогъ исчезаетъ, давая мѣсто удлиненію предъидущаго долгаго. Растяженіе конечной стопы не есть произвольное арабское правило; мы привыкли встрѣчать его въ самыхъ совершенныхъ образцахъ пѣсенъ [1]).

Другой изъянъ (علّة) допустимъ въ стихѣ: нѣкоторые размѣры начинаются до черты легкимъ слогомъ — فعولن, مفاعيلن, مفاعلتن; иногда случается, что этотъ-то легкій слогъ отпадаетъ, и стихъ начинается съ черты; опущеніе не простирается на такіе слоги, которые при случаѣ способны были бы получать ударение (مُتَفاعلن, مُسْتَفعلن). Schubert намъ даетъ много подобныхъ примѣровъ; ср. особенно Rosamunde, l. l. p. 230—231, съ уничтоженіемъ ἀνάκρουσις для выраженія лучезарнаго появленія возлюбленной: *Licht* meiner

---

1) Это побужденіе какъ нельзя болѣе рельефно выступаетъ у Schubert'а въ Das Wandern, первой пѣсни цикла Die Schöne Müllerin (l. l., p. 4). Отсылая читателя туда для подробнаго ознакомленія съ дивнымъ примѣромъ соединенія чувства, выраженія, поэзіи, ритма и мелодіи, обращаемъ его вниманіе на составъ каждой строфы:

Das Wandern ist des Müllers Lust,
Das Wandern!
Das muss ein schlechter Müller sein,
Dem niemals fiel das Wandern ein,
Das Wandern.

Всѣ слоги выражаются одною восьмою (цѣльною или раздробленною на двѣ), за исключеніемъ главнаго слога повтореннаго послѣ перваго стиха слова (das *Wan*dern), который имѣетъ двойную длину; когда же оно появляется въ концѣ строфы, значеніе этого слога усугубляется и равняется. Тщательное обращеніе съ ритмомъ и строгое согласованіе съ нимъ музыкальнаго такта, рядомъ съ пѣвучестью стиха Müller'а и безошибочнымъ чутьемъ Schubert'а, можетъ насъ успокоить на счетъ естественнаго права арабскаго поэта видоизмѣнять въ намѣченномъ выше смыслѣ конечныя стопы.

2) Въ этой стопѣ لن можетъ уступить мѣсто паузѣ послѣ удлиненнаго فا: . На оборотъ, مُتَفاعلن порождаетъ порою въ концѣ стиха новый типъ مُتَفاعلاتن, который пополняетъ уже весь тактъ: .

Nacht, и съ возстановленіемъ ея: Licht *mein*er Nacht, когда, при повтореніи страстнаго зова, изнемогающій отъ любви юноша противопоставляетъ *свою* ночь *ея* свѣту; или еще Die Taubenpost (p. 166), въ которой, исправляя поэта, музыкантъ вводитъ за черту: *O*, sie verträgt sie sicher nicht. Изслѣдованіе каждой ритмической особенности этихъ пѣсенъ представляемъ самому читателю; онъ найдетъ въ этомъ особое наслажденіе и убѣдится въ непреложности законовъ арабскаго стихосложенія; мы же должны спѣшить къ цѣли.

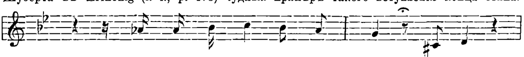
Что арабскіе поэты, какъ и наши (quandoque dormitat Homerus), позволяли себѣ по временамъ плохіе стихи, — это не подлежитъ сомнѣнію; но всякій законный زحاف есть ничто иное, какъ практическая формулировка встрѣчающейся въ стихѣ особенности, которая съ внѣшней, грамматической, стороны не подходитъ сразу подъ общій типъ размѣра, но которая, въ сущности, не вліяя на ритмъ, не должна считаться исключеніемъ, — jede Veränderung im Verse, welche nicht nothwendig sei und wodurch das Versmaas nicht verändert werde, какъ Freytag (Ar. Versk., p. 78) выражается отъ имени одного арабскаго ученаго, хотя онъ, впрочемъ, остается недовольнымъ этимъ опредѣленіемъ (p. 80). Не стоитъ о нихъ распространяться послѣ мастерскаго изложенія ритма каждаго стиха Guyard'омъ; разработку же этого предмета читатель найдетъ въ выноскѣ [1]). Намъ нужно

---

1) Не знаю, почему Guyard признаетъ сомнительнымъ происхожденіе слова زحاف; оно весьма мѣтко означаетъ кругъ обнимаемыхъ имъ понятій и явленій. زحف значитъ, вообще, достигать цѣли не прямо, обычнымъ путемъ, а медленно, потягиваясь: стрѣла ударяется о какое нибудь твердое тѣло и, отскакивая отъ него, вонзается въ мишень — زحف; верблюдъ изранилъ себѣ ногу и, влача ее, продолжаетъ свой бѣгъ — زحف; злѣя, пресмыкаясь, держитъ свой путь — زحف; стопа лишается гласнаго звука или согласной буквы и, не нарушая ритма, потягивается къ слѣдующей стопѣ, достигаетъ цѣли — زحف. Стихъ не искалѣченъ, онъ только влачитъ ногу: مُتَفاعلن дѣлается مُتْفاعلن, — одинъ слогъ مُتْ занимаетъ цѣлую восьмую, которая раньше дѣлилась на двѣ части, чѣмъ темпъ какъ будто нѣсколько замедляется; فاعلاتن превращается въ فعلاتن, — возникаетъ пауза послѣ ف, или ع удлиняется, и ритмъ вслѣдствіе этого теряетъ немного своей живости; مستفعلن замѣняется مستعلن'омъ, — ритмъ ничуть не затронутъ, но является пауза между ت и ع или увеличивается значеніе ع, и выходитъ болѣе томное произношеніе стиха; مفاعيلن (مفاعلْتن) вм. مفاعَلَتن уравняетъ слоги, изгоняетъ короткіе звуки, придаетъ пѣнію протяжный характеръ; مفاعيلن иногда терпитъ укороченіе въ مفاعيلُ, потому что, въ طويل, за нимъ слѣдуетъ فعولن, такъ что لُ непремѣнно получитъ удареніе, — ритмъ пріостанавливается на мгновеніе введеніемъ легкой паузы или теряетъ немного живости прида-

вникать въ другой вопросъ: что заключаетъ въ себѣ 4-й кругъ и чѣмъ онъ разнится отъ другихъ?

чею къ ة одной восьмой, отнятой у لن его укороченіемъ. Другіе زحافات, о которыхъ пишетъ Freytag (Ar. Versk., 81—83), суть: 1) частью علل, въ виду ихъ непремѣннаго ограниченія первою и послѣднею стопами полустишія, какъ, напр., مفاعلن (مُتَفْعِلن) вм. مستفعلن: укороченіе перваго слога стиха до черты дозволяется по аналогіи со многими примѣрами, о которыхъ была рѣчь раньше, и опирается на музыкальную практику, внутри же стиха и въ концѣ—не допускается; зато مفاعلن представляется иногда (весьма рѣдко, впрочемъ) подъ видомъ, не مفاعلن, а مفاعلان или مفاعلاتن (ср. Freyt., 221—222) въ послѣдней стопѣ: тутъ непремѣнно голосъ обрывается до нея, и конецъ стиха получаетъ важность, которая увеличивается выборомъ لان и لاتن вм. لن; не имѣемъ ли у Шуберта въ Erlkönig (l. l., p. 175) чудный примѣръ такого вступленія конца стиха?

2) частью — принадлежности 4-го круга, о которомъ рѣчь идетъ на слѣдующихъ страницахъ: онѣ вращаются около стопы مفعولات (=| ♪ ♪ ♪ ♪ |), которую превращаютъ въ معولات, въ силу правила خبن (не طى, какъ напечатано по ошибкѣ у Freytag'а р. 275) или مفعلات, по زحاف'у называющемуся طى (тамъ-же, наз. خبن) послѣдній типъ =| ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | или | ♪ ♪ ♪ ♪ | и не имѣетъ ничего противъ себя; но معولات, въ которомъ ف долженъ бы сохранить удареніе передъ долгою гласною, есть просто неосмысленная выдумка педанта-метрика или риомоплета; Freytag не приводитъ ни одного примѣра такого сумасброднаго исключенія. Это все касается размѣра المقتضب: in dieser Versart sind wenige Verse gedichtet, увѣряетъ онъ совершенно справедливо, мы скоро увидимъ почему; онъ въ примѣчаніи, потомъ, прибавляетъ (276): Nach der Meinung des Ebn-Alkaththa ist die Veränderung طى bei dem Verse مفعولات häufiger und schöner, und es giebt selbst Metriker, welche nur diese für erlaubt halten. Мы это знаемъ и безъ ихъ помощи, а Freytag, не провѣдавъ тайны арабскаго стихосложенія, не могъ понять, въ чемъ состоитъ разница между тою и другою вольностію. 3) частью же весьма сомнительнаго свойства въ وافر, т. е. замѣна مفاعلتن черезъ مفاعلن, который, какъ варіантъ مفاعيلن въ هزج, имѣетъ, пожалуй, нѣкоторый смыслъ, да и то встрѣчается рѣдко (вообще, هزج не излюбленный размѣръ у арабскихъ поэтовъ: diese Versart kommt überhaupt nicht sehr häufig vor, — Freyt. 228; единственный извѣстный Freytag'у примѣръ находится въ первой, и то отсѣченной стопѣ стиха: فى الذين قد ماتوا); но, въ وافر-ѣ, مفاعلن оказался бы вторичнымъ переряженіемъ مفاعلتن, черезъ مفاعيلن, и дѣйствительно онъ столько удаляется отъ ритма (مفاعلتن = ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ |; مفاعيلن = ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ |; مفاعلن = ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ |), что можно себя спросить, не выдумали ли метрики весь стихъ (выраже-

V.

Четвертый кругъ изображается такъ:

مستفعلن مستفعلن مفعولاتُ [مستفعلن مستفعلن مف]
[مستفعلن] مستفعلن مفعولاتُ مستفعلن [مستفعلن مف]
[تن فاعلا تن] فاعلا تن مستفع لن فاعلا تن [فاعلا تن]
[لا تن مفا عيلن] مفا عيلن فاع لا تن مفا عيلن[مفا عى]
[مستفعلن مستفعلن] مفعولاتُ مستفعلن مستفعلن [مف]
[لن فاعلا تن فاعلا تن]مستفع لن فا علا تن فاعلا تن

Здѣсь методъ Guyard'а получаетъ свою окончательную санкцію:

Халиль соединилъ въ 4-омъ кругѣ шесть размѣровъ. Разсмотрѣнные нами раньше круги давали только два или три размѣра, т. е. настоящіе поэты удовлетворялись извлеченіемъ изъ одного ритма только размѣровъ имѣющихъ дѣйствительно свой отдѣльный характеръ, не вдаваясь въ теоретическія соображенія; но метрики извлекали изъ нихъ гораздо больше. Они знали размѣръ مستطيل, который начинается на четвертомъ слогѣ طويل: مفاعيلن فعولن مفاعيلن فعولن (Fr. 143); и ممتد, начинающійся на 5-омъ слогѣ مديد: فاعلن فاعلاتن فاعلن فاعلاتن (Fr. 144). Они не усумнились изобрѣтать въ противень къ كامل и وافر (Fr. 152):

فاعلاتُكْ فاعلاتُكْ فاعلاتُكْ   فاعلاتُكْ فاعلاتُكْ فاعلاتُكْ

(Fr. 144); смѣлость ихъ дошла до того, что они присочинили къ безъименному размѣру стихъ:

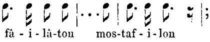
ما لقيت من الجوارى بالجزيرة   اذ رمين بِأَسْهُمٍ جرحت فؤادى

(Fr. исправилъ рукописное الحاد въ الجوارِي — къ чему رِيِ, когда رِى не хуже передаетъ вымышленный размѣръ? — и ادرمين въ اذ رمين; опечатка

ніе, употребленное F.'омъ, позволяетъ сомнѣніе: Die Veränderung des Fusses in مفاعلن ـ ٮ ـ ٮ ـ haben die Metriker durch folgenden Vers *dargestellt*: منازل لفرتنا قفار كانما ربوعها سطور (l. l. 207); вдобавокъ, не лишне замѣтить, что стихъ самъ по себѣ правиленъ, но онъ чистѣйшій هزج, а не وافر, — изобрѣтатель его не могъ рѣшиться поставить рядомъ مفاعلتن и مفاعلن. Куда мы ни кинемъ взглядъ, превосходство метода Guyard'а выступаетъ съ удивительною рельефностью даже въ тѣхъ вопросахъ, которые имъ не были разработаны.

исковеркала جرحت въ جرحت, ib. 145); прежде всего, первое полустишіе никоимъ образомъ не можетъ кончаться на لأنك = زيرة безъ ударенія на ة, ибо, если, какъ извѣстно, полустишіе составляетъ ритмическую, правда, не самостоятельную, единицу (музыкальная фраза не окончена, голосъ не покоится окончательно на первомъ полустишіи и одно слово можетъ быть разрѣзаннымъ пополамъ на границѣ двухъ полустишій), то нельзя читать или пѣть ةز такъ, чтобы نا былъ имъ подспорьемъ, — слогу ة придется, *весьма некстати*, отдать прежнее значеніе долгой, что будетъ рѣзать ухо въ сосѣдствѣ съ близь лежащимъ نا, или его-же (ة) лишить гласной и читать: زةْ = نكْ, что̀ шло бы въ разрѣзъ съ первоначальною элюкубраціею этихъ господъ; да въ сущности, самый стихъ есть كامل съ отсѣченными двумя слогами до черты, что, какъ мы видѣли, невозможно, и съ прибавленіемъ ихъ въ концѣ полустишія, что ведетъ къ полному разстройству ритма. Метрики сковали себѣ еще три размѣра (ib., 145—147), надъ которыми самъ Freytag призадумался: dass sie von Dichtern angewendet seien, müssen wir so lange bezweifeln, bis Beispiele davon aufgefunden sind. Посмотримъ, каковы они:

1. فاعلاتن فاعلاتن مستفعلن въ полустишія даютъ

; значитъ, надо оставить весьма большой пробѣлъ между *ton* и *mos* и оборвать голосъ на двухъ третяхъ полустишія для промолчанія трехъ восьмыхъ времени; такое игнорированіе сильныхъ долей такта отнимаетъ у стиха всякій ритмъ, замѣняя его мелодіею, т. е. мы имѣемъ дѣло съ прозою, которой музыка возвращаетъ опредѣленный ритмъ, но совершенно инымъ путемъ, или же съ аріею переложенною на слова,—и что̀ значитъ тогда полустишіе? что̀ значитъ риѳма? Я знаю, что музыканты рѣшаются разрывать на куски стихъ, въ которомъ чувство борется съ чувствомъ, но мелодія все продолжаетъ въ томъ же ритмѣ, и, лишь только подготовленный музыкою слушатель проникъ въ глубину души пѣвца, тотъ же стихъ вновь является во всей чистотѣ своего собственнаго ритма; такимъ образомъ, первое его толкованіе походитъ скорѣе на разъясненіе, на прелюдію, на увертюру, приводитъ насъ въ состояніе вѣрно понять и оцѣнить какъ бы небрежно брошенныя слова пѣвца, за которыми кроется цѣлый адъ страданій.

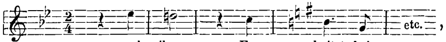
Одинъ осязательный примѣръ:

W. Müller изображаетъ ревнованіе юноши-мельника къ надменному охотнику, который похитилъ у него сердце любимой дѣвушки; онъ жалуется

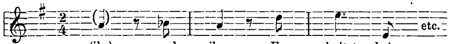
быстрому потоку, вѣрному товарищу его трудовъ, неизмѣнному свидѣтелю его думъ, его радостей и печалей; онъ поручаетъ потоку прожурчать красавицѣ укоры за легкомысленное поведеніе, но онъ не хочетъ, чтобы она подозрѣвала, что онъ кручинится по ней:

Wenn von dem Fang der Jäger lustig zieht nach Haus,
Da steckt kein sittsam Kind den Kopf zum Fenster ’naus;
Geh’, Bächlein, hin und sag’ ihr das, doch sag’ ihr nicht,
Hörst du, kein Wort, von meinem traurigen Gesicht;
Sag’ ihr: Er schnitzt bei mir sich eine Pfeif’ aus Rohr
Und bläst den Kindern schöne Tänz’ und Lieder vor.

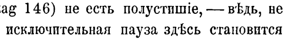
Слова спокойны и веселы; онъ хочетъ, чтобы ручей ихъ спокойно и весело прожурчалъ невѣрной, но сердце у него раздирается на части. Какъ поступилъ Шубертъ (l. l. p. 39—40)? У него юноша сперва поетъ:

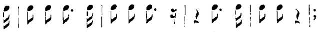
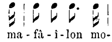

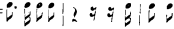
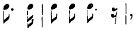
а мелодія тѣмъ временемъ все продолжаетъ $^1/_{16}$-ю такта, выражая какъ разъ при sag’ ihr, но въ обратномъ порядкѣ, то волненіе, которое овладѣло юношей при мысли объ измѣнѣ: (nach der Strasse) *seh’n*; а, при *Er*, точь въ точь повторяя ноты, сопровождающія nicht, hörst du, kein (Wort). Во второй же разъ, юноша поетъ стихъ, какъ онъ написанъ былъ поэтомъ, отступая все-же до извѣстной степени (•) отъ общаго ритма, принятаго въ остальномъ сочиненіи; но это — исключеніе, хорошо обоснованное исключеніе.

Какъ мы видимъ, эти оттѣнки входятъ въ кругъ правъ и обязанностей мелодіи и не должны вліять на ритмъ. Размѣръ же есть ритмъ, не мелодія; царство каждаго строго разграничено, и, посему, полустишіе ما لسلمى في البرايا من مشبه (Freytag 146) не есть полустишіе, — вѣдь, не забудьте, что эта неестественная, исключительная пауза здѣсь становится нормою, которая дѣлитъ стихъ на 4 части съ попеременнымъ переходомъ, то къ ямбическому, то къ трохаическому размѣру (термины эти я употребляю ради простоты).
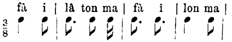
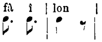
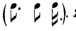
2. مفاعيلن مفاعيلن فاعلاتن = ;
бѣглый взглядъ намъ покажетъ, что третій тактъ есть просто конецъ перваго и начало втораго, въ которыхъ главное удареніе и подъ-удареніе обмѣнились ролями; для возстановленія правильнаго ритма надобно писать такъ:

 ; и мы опять впадаемъ въ ту же погрѣшность, что̀ раньше. Въ самомъ дѣлѣ, это невозможный размѣръ: изслѣдованіе законовъ арабскаго ударенія показало намъ, что въ сочетаніи مفاعيلن فاعلاتن, или всѣ долгіе слоги могутъ получать удареніе, или же первый, четвертый и пятый: مفاعيلن فاعلاتن; мы бы получили нотацію , но очевидно это есть неправильное пониманіе значенія нотъ, которыя соотвѣтствуютъ: т. е. совершенно правильному وافر-у. Итакъ, вымышленный размѣръ, или неосуществимъ, или тожественъ съ ва̂Ѳиромъ; не зачѣмъ было его изобрѣтать.

3. Наконецъ, مفاعيلن مفاعيلن فاعلاتن либо = , что вовсе не полустишіе; либо = , къ чему второе полустишіе не подходитъ 1), такъ какъ, при сплетеніи обоихъ полустишій въ одинъ стихъ, 𝄾 или ·𝄾 1-го полустишія замѣняется соотвѣтственнымъ начальнымъ слогомъ втораго во всѣхъ десяти нами разобранныхъ размѣрахъ, за исключеніемъ, впрочемъ, послѣдняго: متدارك, въ которомъ 𝄾 составляетъ неотъемлемую принадлежность стопы. Но съ متدارك-а нечего брать примѣръ: Халиль объ немъ ничего не зналъ, и Ахѳашъ († 376) его сочинилъ по кругу متقارب (Fr. 148, 155), давъ размѣру названіе риѳмы, представляющей ту же особенность (на فاعلن); متدارك — искусственный размѣръ, что и чувствуется при чтеніи, но онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ настоящему ученому; прочія, здѣсь упомянутыя, попытки — жалкія умозаключенія метриковъ, которые въ стихѣ видѣли только его внѣшнее построеніе.

Изъ всего нашего разсужденія слѣдуетъ, что каждый кругъ содержитъ въ себѣ немного настоящихъ ритмовъ; какимъ же образомъ четвертый далъ мѣсто шестерымъ? Неужели они всѣ подлинны?

---

1) Попробуемъ другой музыкальный ритмъ: . Тутъ ясно видно, что, въ мнимомъ полустишіи, первый полный тактъ нарушаетъ ритмъ . Я выбралъ 3/8, потому что 3/4 былъ бы слишкомъ медлительный темпъ; всѣ же четные дѣлители C повели бы насъ къ разобранному выше размѣру.

سريع — مستفعلن مستفعلن مفعولات; doch müssen wir bemerken, dass dieses Grundmetrum von den ältern Arabern nicht vollständig angewendet ist (Fr. 138).

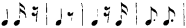
منسرح — مستفعلن مفعولات مستفعلن; von den ältern Arabern ist dieses Grundmetrum wohl nicht vollständig angewendet, und die Verse, welche von den Metrikern angeführt werden, sind wohl später nachgebildet (مصنوع), und die Metriker sind der Meinung, dass am Ende der ersten Hälfte der nicht veränderte Fuss مستفعلن - - ᵕ - dem Gefühle nicht zusage (Fr. 138—139).

خفيف — فاعلاتن مستفعلن فاعلاتن; dieses Metrum kommt bei den ältern Arabern vollständig vor (Fr. 139).

مضارع — مفاعيلن فاعلاتن مفاعيلن; doch diese (Grundform) kommt b. d. ä. Ar. nicht vollst. vor u. ist überh. selten angewendet (Fr. 140).

مقتضب — مفعولات مستفعلن مستفعلن; auch dieses Versmaass ist v. d. Arabern sehr selten angewendet (Fr. 141).

مجتث — مستفعلن فاعلاتن فاعلاتن; die Araber haben sich sehr selten dieses Versmaasses bedient (Fr. 141).

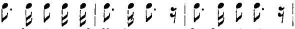
Изъ всѣхъ этихъ шести размѣровъ одинъ خفيف существуетъ въ преподанномъ видѣ: или[1] . Изъ этихъ двухъ формъ послѣдняя наилучшая, такъ какъ не требуетъ противуестественнаго низведенія تن и مس на степень двухъ крайне короткихъ слоговъ; но всякому бросится въ глаза раздробленіе стиха на мелкія части, умноженіе главныхъ удареній и безпокойный характеръ размѣра. Нужно еще взять въ соображеніе мнѣніе метриковъ, которые въ немъ читаютъ مستفع لن вм. مستفعلن. Они въ этой стопѣ и въ فاع لاتن, вм. فاعلاتن (въ مضارع)[2], видятъ 9-ую и 10-ую стопы къ 8-ми:[3]) فعولن, فاعلن, مفاعيلن, فاعلاتن, مستفعلن, مفعولات, مفاعلتن, متفاعلن; Fr. 70—71; одно это

1) См. предъидущее примѣчаніе.

2) И еще въ мнимыхъ размѣрахъ, которые произведены отъ خفيف'а и مضارع'а перестановкою стопъ, Fr. 145—146.

3) Мы установили ритмъ семерыхъ, оставивъ до поры до времени въ сторонѣ стопу مفعولات, которая составляетъ особенность 4-го круга; мы вскорѣ дойдемъ и до нея.

показываетъ, какъ трудно было имъ распознаваться въ خفيف и въ مضارع. Мнѣ сдается, что они своимъ настояніемъ на принадлежности ع къ تن для составленія съ нимъ гвоздя وتد — وتد مفروق въ данномъ случаѣ, — гдѣ значеніе головки تن защищаетъ ее отъ всякихъ облегченій въ родѣ زحافات[1]), хотѣли указать, что تن имѣетъ главное удареніе; но, вѣдь, и въ بسيط-ѣ, تن представляетъ собою сильную долю перваго такта послѣ черты, только тамъ все идетъ гладко, а здѣсь, если мы вставимъ въ стихъ مفتعلن вм. مستفعلن, мы дадимъ مف значеніе 𝅘𝅥𝅯 а ت значеніе 𝅘𝅥𝅮., т. е. короткій слогъ ت будетъ втрое длиннѣе долгаго مف, и мы получимъ полустишіе въ родѣ слѣдующаго, который Freytag (265, Anm.) приводитъ изъ дивана Атâ-Мохаммед-ибн-ас-Сейидъ Фатх-Аллы: يا هجيرى حلّ عقود هجيرى

ya-ḥa-gî-rî ḥol-li 'o-qû - da ḥa-gî-rî

; въ немъ, долгій слогъ съ удареніемъ (حلّ) исчезаетъ почти совсѣмъ, между тѣмъ какъ слѣдующій за нимъ весьма ничтожный звукъ (لِ), воспринявъ удареніе, длится втрое дольше его, что несомнѣнно рѣжетъ ухо, — такъ и хочется читать ḥôlli'oqûda, что разрушаетъ построеніе стиха. При законной замѣнѣ مستفعلن черезъ مفاعلن (في انتقاصٍ وعِشوتى في آزديادى)[2]), ходъ خفيف становится нѣсколько правильнѣе.

Во всякомъ случаѣ, خفيف не былъ въ числѣ первоначальныхъ размѣровъ: الحماسة заключаетъ въ себѣ всего шесть примѣровъ خفيف; ديوان مختارات شعراء العرب (Каиръ 1306), въ которомъ هبة الله собралъ 50 касидъ, до двѣнадцати мелкихъ піесъ и еще нѣсколько разрозненныхъ стиховъ, даетъ намъ два стихотворенія сочиненныя въ размѣрѣ خفيف современникомъ Имрулькайса, عَبيد بن الابرص الاسدى. Въ диванѣ шести поэтовъ *нѣтъ ни одного*; въ позднѣйшихъ книгахъ находятъ одинъ стихъ

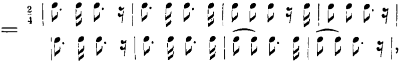
1) Теорія такъ говоритъ (Fr. 265); напрасно практики не строго придерживались ся (ib., прим.), какъ мы сейчасъ покажемъ. На самомъ дѣлѣ, писать فاعلاتن и مستفعلن черезъ конечный ع — равносильно запрещенію пользоваться положеніемъ فا и تن, чтобъ изъ нихъ дѣлать ف и ت, не отнимая у нихъ ударенія (فعلاتن и مستعلن), потому что въ словѣ مستفع удареніе непремѣнно оказалось бы на первомъ слогѣ, а فع, какъ отдѣльный членъ, сдѣлался бы проклитическимъ, и лишился бы своей самостоятельности между لن съ одной стороны и لاتن съ другой. Происхожденіе этихъ двухъ стопъ выяснится дальше при разборѣ круговъ.

2) Fr. 267.

خفيف, приписанный Имрулькайсу (The div. of the 6 anc. ar. poets, ed. Ahlwardt, p. ٢٠٩, № ٣٤), и четыре, приписанные Эн-нâбигѣ (ib. p. ١٧٣, № ٢١); въ нихъ мы видимъ въ 9 полустишіяхъ — مفاعلن, только въ одномъ — مستفعلن. Но за этимъ, единственнымъ исключеніемъ, всѣ остальныя полустишія построены одинаково, такъ что خفيف, вмѣсто فاعلاتن مستفعلن فاعلاتن въ нихъ свободно можетъ скандоваться:

حدّثونى بنى آلشقيقة ما يمنع فقعًا بقرقرٍ أن يزولا

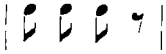
فاعلن فا علن فعول فعولن فَعِلن فاعلن فعولن فعولن

что гораздо проще, чѣмъ придуманная Халилемъ схима. Стихотвореніе Эльмеаррія (у Freytag 268—269) вполнѣ подходитъ къ нашей нотаціи съ тою разницею, что поэтъ къ каждому полустишію прибавилъ по فعولن:

يــا ليس آبنةَ المضلّل منّى بـزادِ * ليس واديك فآعلميه لقومى بـوادِ

فا علن فا علن فعول[1] فعولن فعول * فاعلن فاعلن فعول فعولن فـعـول.

Превращеніе فاعلاتن въ فعلاتن и فاعلاتْ не мѣшаетъ такому взгляду на خفيف, хотя, разумѣется, преобразованіе فاعلاتن въ مفعولن въ началѣ стиха (Freyt. 267): عيشى وآصطبار قلبى وروحى, гдѣ مفعو=عيشى вм. فاعلا= вм. , нѣсколько выходитъ изъ привычекъ, такъ какъ فعْلن = فالن, вм. فاعلن встрѣчается только въ концѣ разсмотрѣнныхъ нами размѣровъ. Даже присутствіе مستفعلن взамѣнъ مفاعلن не можетъ поколебать нашу нотацію:

فاعلاتن مستفعلن فاعلاتن
فاعلن مفعولن فعولن فعولن

, что ничуть не страннѣе, чѣмъ видъ بسيط-а (Fr. 200):

مستفعلن فاعلن مستفعلن — مستفعلن فاعلن مستفعلن
مستفعلن مفعولن فعـولـن — مـفـاعلن فاعلن فـعـولـن

какъ, напр.

الموت مرّ والعيش همّ — فاىّ هذين لا أذمّ

---

1) فعو(ل), вм. فعو(لن), передъ другимъ короткимъ, за которымъ слѣдуетъ долгій слогъ, есть, какъ извѣстно и какъ вытекаетъ изъ вышеизложенныхъ правилъ объ удареніи, самое обыденное явленіе. — Въ концѣ стиха или полустишія падежныя окончанія принимаютъ вновь свое прежнее долгое значеніе.

и, въ самомъ дѣлѣ, изъ трехъ слоговъ مفعولن, средній лишается ударенія. Примѣръ بسيط-а намъ полезенъ еще доказательствомъ, что فاعلن легко дружится съ فعولن[1]).

Тѣмъ не менѣе, нельзя освободиться отъ подозрѣнія, что خفيف введенъ искусственно въ Аравію, хотя бы Набигою и Имрулькайсомъ. Изъ прочихъ размѣровъ 4-го круга, دايرة المشتبه, «Kreis des Aehnlichen», какъ говоритъ Freytag, «douteux, ambigu, obscur», какъ утверждаетъ Guyard[2]), еще سريع и منسرح попадаются въ الحماسة: первый 16 разъ, второй 9; въ диванѣ 6 поэтовъ: первый — 4 раза въ самомъ диванѣ и 6 разъ въ приложеніяхъ, второй — 3 раза въ диванѣ и 2 раза въ приложеніяхъ; т. е. سريع встрѣчается: طرفة II, علقمة III (Эль-Асмасій считаетъ принадлежность стихотворенія Алькамѣ сомнительною!), امرؤ القيس XLII и LI; Appendix: النابغة XLV, XLVI и LI, طرفة III и IX, امرؤ القيس XXVII; а منسرح: امرؤ القيس XXVII, XLVII и LVIII; Appendix: طرفة XII, زهير II[3]). Они, значитъ, были всё таки въ употребленіи, особенно если сравнить ихъ количество съ количествомъ стихотвореній, написанныхъ въ размѣрѣ مديد (въ الحماسة 3 раза, въ диванѣ 2 — طرفة XIX, امرؤ القيس XXIX) и هزج (въ الحماسة 2 раза; въ диванѣ 2 — Appendix: طرفة XV и امرؤ القيس XXXI, оба въ приложеніяхъ, и въ каждомъ по два стиха, причемъ стихи, приписанные Тарафѣ, весьма плохи съ точки зрѣнія ритма)[4]).

---

1) فعولن здѣсь, какъ всякій пойметъ, упрощеніе مستفعلن въ مفاعلن съ поглощеніемъ, въ концѣ полустишія, легкаго ع удлиняющимся слогомъ فا = مفآلن.

2) Этимологія Freytag'а вѣрна: 1-й кругъ называется المختلف, 2-ой — المؤتلف, 3-ій — المجتلب, 4-ый — المشتبه, 5-ый — المتّفق; а 3-ій иногда слыветъ المشتبه и уступаетъ свое наименованіе المجتلب 4-ому (Fr. 150—155). Метрики выказали остроуміе не только въ отысканіи именъ для круговъ, но и въ оправдываніи каждаго имени. Я полагаю, что المختلف намекаетъ на разность стопъ въ схимахъ طويل, مديد и بسيط; المؤتلف — на ясный параллелизмъ وافر и كامل; المجتلب — на выведеніе رمل изъ رجز и رجز изъ هزج, причемъ каждый отличается единствомъ образующей его самостоятельной стопы; المشتبه — на сходство искусственныхъ ритмовъ съ естественными; المتّفق — на существованіе въ немъ одного размѣра (до изобрѣтенія متدارك). Если же 3-ій кругъ будетъ المشتبه, онъ обязанъ будетъ своимъ названіемъ общему сходству происхожденія своихъ трехъ размѣровъ; и 4-й прослыветъ المجتلب потому что содержитъ производные размѣры.

3) 3-ій отрывокъ изъ Зогейра въ приложеніяхъ есть كامل; въ изданіи названіе пропущено. — Въ مختارات, въ размѣрѣ سريع сочинена одна касида ʿАбîда.

4) Ни مديد'а ни هزج'а нѣтъ въ مختارات.

Оказывается, что всѣ — безъ исключенія —سريع-ы дивана сочинены по образцу (The Div. etc. p. ١٠٨, علقمة III):

كان لقومى فى آلفداء جحْل	دافعته عنه بشعرى إذ
مفتعلن مستفعلن فَعِلن	مستفعل مفتعل فعلن
تسعين أسرَى مقرنين صفدْ	فكان فيه ما اتاك وفى
مستفعلن مستفعلن فَعِلن	مفا علن مفا علن فَعِلن

т. е. مستفعلن مستفعلن فاعلن съ обычными زحافات и علل; гдѣ же مفعولاتُ? Въ пространномъ разборѣ, посвященномъ Freitag'омъ размѣру سريع (242—254), видны всякія перемѣны окончанія отъ فاعلن и فَعِلن до فاعلان и مفعولن съ одной стороны, и فَعْلن съ другой; видны примѣры укороченія стиха и возвращенія риѳмы черезъ каждыя три стопы; видны образчики полнаго совпаденія سريع съ كامل; — но مفعولاتُ не является *ни разу*.

А въ منسرح? Диванъ 6 поэтовъ знаетъ его въ видѣ (стр. ١٢٩, امرؤ القيس XLVII):

وَانَ وفَهْمًا صَمَّى آبنة آلجبَل	بُدِّلْتُ من وائل وكندة عَدْ
مفتعلن مفعولاتُ مفتعل	مستفعلن فاعلات مفتعلن.

مفعولاتُ, значитъ, существуетъ? Но кто не видитъ что, между тѣмъ какъ всѣ другія стопы дороги своею простотою и ясностію, مفعولات образованъ странно и не по правиламъ арабскихъ грамматическихъ формъ? Guyard предпочитаетъ скандовать: مستفعلاتن مستفعلن تفعلن со всѣми измѣненіями, которымъ означенныя стопы могутъ подвергаться; مستفعلاتن, مستفعلات, مستعلاتن, متفعلات, متفعلاتن, مستعلاتن и مستعلات; مستفعلن, مفتعلن и т. д.; فاعلن=تفعلن и терпитъ тѣ же измѣненія, — Guyard же предлагаетъ его только, чтобы показать въ немъ укороченіе مستفعلن, въ которомъ مس замѣненъ легкою паузою: это и объясняетъ появленіе مفعولن и مفعولان, т. е. مستفْلن и مستفْلان, въ которыхъ مس занимаетъ вновь подобающее ему мѣсто, между тѣмъ какъ легкій ع исчезаетъ между столькими долгими, еще удлиненными своимъ положеніемъ въ концѣ стиха. Въ укороченномъ же منسرح, гдѣ مستفعلاتن выброшенъ за бортъ, Guyard, съ нѣкоторыми арабскими метриками, узнаетъ простой رجز:

وَيْلَ آمِّ سعدٍ سعدا
صبرا بنى عبد آلدارْ

Онъ не удовлетворяется примѣненіемъ تفعلن къ منسرح-у; онъ его вводитъ въ سريع, и сразу падаютъ послѣднія сомнѣнія относительно обра-

зованія послѣдняго размѣра. Простирая его дѣйствіе на خفيف, мы получимъ ключъ къ уразумѣнію فاعلن, فآلن, فَعِلن, مفعولن подъ личиною (مس)تفعلن, (مس)تفعلن, (مس)تَعِلن, مستفلن.

Что же такое مفعولات? Каждая стопа имѣетъ свой характеръ, свои опредѣленныя ударенія; مفعولات ихъ не имѣетъ.

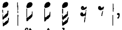
Развертываніе 4-го круга намъ даетъ слѣдующую послѣдовательность въ удареніяхъ по системѣ Халиля:

سريع: – –́ ⏑ –́ || – –́ ⏑ –́ || – – – ⏑ ||
منسرح: – –́ ⏑ –́ || – – – ⏑ || – –́ ⏑ –́
خفيف: –́ ⏑ –́ –||– –́ ⏑ –́||–́ ⏑ –́ –
مضارع: ⏑ –́ – –́||–́ ⏑ –́ –||⏑ –́ – –́
مقتضب: – – – ⏑ || – –́ ⏑ –́||– –́ ⏑ –́
مجتثّ: – –́ ⏑ –́||–́ ⏑ –́ –||–́ ⏑ –́ – ,

въ этой таблицѣ, ⏑ означаетъ короткіе открытые гласные звуки, – сложные звуки (долгіе гласные, закрытые слоги), || конецъ стопы, ' удареніе; причемъ مفعولات оставленъ безъ удареній. Прежде всего, насъ поражаетъ въ этой таблицѣ несоотвѣтствіе удареній одного стиха удареніямъ другаго стиха при распредѣленіи ихъ согласно ихъ положенію въ кругѣ, что, однако, составляетъ исключительную пользу ихъ расположенія въ такомъ порядкѣ, и чѣмъ мы безошибочно руководствовались при разборѣ всѣхъ 4 прочихъ круговъ. Какъ же мы опредѣлимъ ударенія въ مفعولات? Изъ схимы-ли отдѣльныхъ стиховъ? Но въ سريع — مفعولات становится مفعولن, مفعولاتْ, فاعلن и فعولن; для превращенія въ فعولن нужно, чтобъ مف(عولات) былъ безъ ударенія; — въ فاعلن, — чтобъ مف(عولات) получалъ удареніе; и, наоборотъ, въ первомъ случаѣ, (مف)عو(لات) неминуемо имѣетъ удареніе, а во второмъ, (مف)عو(لات) неминуемо лишенъ его. Это не стопа: ни количество, ни длина, ни сила звуковъ не выражаются реченіемъ مفعولات, оно никакъ не можетъ служить для опредѣленія ихъ или составленія стиха по извѣстному образцу. Guyard убѣжденъ, что Халиль выдумалъ его зря; когда займемся происхожденіемъ ритмовъ, мы увидимъ, что̀ побудило Халиля прибавить его къ первоначальнымъ стопамъ.

مفعولات — связка, долженствующая привести къ одному знаменателю разнородные размѣры, и пригнать ихъ къ прокустову ложу 4-го круга, въ которомъ ихъ растягиваютъ сверхъ ихъ естественнаго роста. سريع и منسرح обходятся безъ مفعولات, и سريع — на одинъ слогъ короче изобрѣтеннаго для него типа. مضارع, مقتضب и مجتثّ — искусственно насажденные

плоды фантазіи Халиля[1]) или, скорѣе, маніи подражанія чужимъ образцамъ; но и для нихъ рамка черезчуръ широкая въ *арабскомъ* употребленіи: مضارع, въ полустишіи, знаетъ только двѣ стопы مفاعيلن فاعلاتن, а равно и مقتضب — مفعولات مستفعلن, и مجتث — مستفعلن فاعلاتن.

Насколько искусственъ размѣръ مضارع, показываетъ его имя: «*похожій*»; вдобавокъ, Халиль въ немъ допускаетъ замѣну مفاعيلن черезъ مفاعيل передъ فاعلاتن (Fr. 273)[2]), и удареніе падаетъ какъ разъ на لُ! Тутъ нужно прибѣгать къ паузѣ , но لُ не въ состояніи удер-
ma - fâ - î - lo
жать удареніе, и онъ отодвигается невольно въ первую половину такта [3]), — мы лишились одного подъ-ударенія, и размѣръ уничтоженъ. Не Арабы ввели къ себѣ такой странный размѣръ, идущій въ разрѣзъ съ основными законами ихъ языка!

مقتضب образуется изъ مفعولات и مستفعلن; но что значитъ مفعولاتُ, когда онъ является исключительно подъ разновидностью معولاتُ или مفعلاتُ, т. е. مفاعيلُ или فاعلاتُ; развѣ возможно допустить подобное измѣненіе въ ударенія? Тѣ стихи, которые Freytag приводитъ (276), отмѣчая ихъ какъ древніе (275), имѣютъ всѣ مفعلاتُ (и понятно, какъ же въ одномъ стихѣ быть معولات, а въ другомъ مفعلات?), слѣдовательно мы имѣемъ:

فاعلاتُ مفتعلن   فاعلاتُ مفتعلن

أَقْبَلَتْ فَلَاحَ لها   عارضانِ كالسَّبَجِ — родъ укороченнаго خفيف, и, если мы введемъ сюда нашъ способъ выраженія خفيف, мы этимъ избѣгнемъ непріятнаго дѣйствія لاتُ вм. لاتن передъ مستفعلن:

أَقْبَلَتْ فَلَاحَ لها   عارضان كالسَّبَجِ
فاعلن فعولُ فعو   فاعلن فعولُ فعو.

Вводя въ стихъ разновидность فَعَلَاتُ, какъ грамматикъ Эль-Ферра̂ (Fr. 276), мы будемъ продолжать видѣть въ немъ خفيف.

---

1) Guyard увѣренъ, что онъ ихъ выдумалъ; онъ ихъ, вѣрнѣе, примѣнилъ къ арабскому языку.

2) مفعولن вм. مفاعيلن въ началѣ стиха соотвѣтствуетъ опущенію وَ въ началѣ طويل-а; это — отпаденіе легкаго слога до черты. Всѣ прочія измѣненія законны и не отступаютъ отъ общепризнанныхъ правилъ ударенія и ритма.

3) Приходится прибѣгать къ тріоли для сохраненія правильнаго отношенія между слогами; но это очень ужь точная нотація.

صَرَمَتْكَ جَارِيَةٌ   تَرَكَتْكَ فِى وَصَبٍ
فعلن فعول فعو   فعلن فعول فعو

Что касается معولات, формы, которую нѣкоторые метрики считаютъ исключительно позволительною, отвергая مفعلات, то несомнѣнно, что она одна образуетъ настоящій مقتضب, не совпадающій съ خفيف; но уже самая необходимость обозначить одну изъ его составныхъ частей помощью чуждаго арабской этимологіи مفعولات наглядно доказываетъ непримѣнимость настоящаго مقتضب къ арабскому языку (Freytag не приводитъ ни одного чистаго مقتضب); теорія осталась сама по себѣ, а практика могла только пользоваться предложенною темою, приспособивъ ее къ существующимъ законамъ арабскаго говора, и ввалила ее прямо въ خفيف.

Самый же خفيف тоже выродокъ; а, при краткости стиха и непремѣнной незначительности шестаго слога (مف)ْ(علن) = (فعو)لْ, намъ позволительно, вмѣсто فاعلن فعول فعو, въ مقتضب читать فاعلن مفاعلتن, и, вмѣсто فَعِلن فعولْ فعو, — متفاعلن متفا, т. е.: въ послѣднемъ случаѣ, укороченный كامل, а въ первомъ, смѣшеніе كامل (съ отбрасываніемъ — не совсѣмъ позволительнымъ — двухъ короткихъ звуковъ до черты) съ وافر-омъ. Послѣднее предположеніе вполнѣ основательно, въ виду общаго характера стихотворенія (6 полустишій у Freytag'а 276), въ которомъ нѣтъ ни одного отступленія отъ فاعلن مفاعلتن, но у меня нѣтъ подъ рукою достаточно данныхъ, чтобы судить о томъ, возможно ли отнести другое стихотвореніе къ разряду простаго كامل-а. Если мы оставимъ сочиненіе Freytag'а и посмотримъ, что говорятъ старинные арабскіе писатели, мы найдемъ и безъ того подтвержденіе нашему взгляду: ابن عبد ربّه въ своемъ цѣнномъ сочиненіи العقد (изд. въ Булакѣ въ 1293 и 1305 гг. Г.), знаетъ для مقتضب *единственно* расчлененіе на فاعلاتن مفتعلن, причемъ однако تن *безъ исключенія* замѣняется черезъ تْ (III, p. ٢١٥=١٩٩ изданія 1305 г.), другими словами: فاعلن مفاعلتن, что гораздо лучше согласуется съ удареніями, которыя должны падать на различные слоги. Какъ бы то ни было, مقتضب, въ преподанномъ Халилемъ видѣ, не есть арабскій размѣръ; и мнѣ сдается, что Халиль сознавалъ, насколько шатко его объясненіе, когда онъ пріурочивалъ къ загадочному размѣру названіе مقتضب — *усѣченнаго*, что согласуется съ чтеніемъ его: 1) какъ вырожденія فاعلن فعول فعو—خفيف; 2) какъ чистаго или смѣшаннаго производнаго отъ كامل — متفاعلن متفا и فاعلن مفاعلتن. Я, конечно, склоняюсь въ пользу второй догадки, потому что Халиль дѣлилъ خفيف нѣсколько иначе, и потому что размѣръ выходитъ тогда правильнѣе.

Наконецъ, мы очутились лицемъ къ лицу съ послѣднимъ размѣромъ, съ مجتثّ. Онъ опять не сходится съ данною Халилемъ схимою и состоитъ просто изъ: مستفعلن فاعلاتن مستفعلن فاعلاتن, съ مفعولن вм. فاعلاتن, то въ концѣ стиха, то въ обоихъ полустишіяхъ. Это опять таки родъ خفيف (по-нашему فآلن فعولن فعولن فعولن или — въ случаѣ فالن فعولن — مفعولن). Въ مجتثّ, разрѣшается مستفعلن замѣнять не только черезъ مستفعل, но даже черезъ مفاعِل (Fr. 277), что считается вообще Халилемъ за неправильность (Fr. 108)[1]): это не говоритъ въ пользу законности размѣра. Онъ совпадаетъ съ مضارع, когда مفاعيلن сего послѣдняго превращается въ مفاعلن (Fr. 273 — 274 и 280): тутъ, можетъ быть, и лежитъ объясненіе имени مضارع: онъ похожъ на مجتثّ. Самый مجتثّ не изъ старыхъ первоначальныхъ стиховъ; но имъ воспользозался Мотенеббій безъ противуестественныхъ вольностей[2]), т. е. онъ удовлетворился مفاعلن вм. مستفعلن, и مفعولن вм. فاعلاتن. Freytag удивляется замѣнѣ مستفعلن черезъ فَعِلَتن; но это, въ сущности, مُتَعِلن: اسف هذا وهذا asi'fa hâ'zâ' waħâ'zâ, у ابن المعتز. Если мы скажемъ فعلتن, то, разумѣется, дѣло не пострадаетъ, но мы уже попадемъ въ ошибку, сходную съ погрѣшностью, сопряженною съ مفعولات: въ فاعلاتن и всѣхъ его производныхъ, удареніе падаетъ на 1-й и 3-й слоги; а въ فعلتن, который какъ бы принадлежитъ одному съ нимъ разряду, мы поневолѣ должны произносить fa'ilatón. مجتثّ, по своему имени, не имѣетъ

---

1) مفاعل уже очень мало напоминаетъ собою مستفعلن! Въ العقد (III ٢١٥—٢١٦= ١٦٦—٦٧ мы находимъ примѣръ только правильнаго вида, но читаемъ:
يجوز فى المجتث من الزحاف الخبن والكف والشكل فالخبن فيه حسن والكف فيه صالح والشكل فيه قبيح ويدخله التعاقب بين السببين المتقابلين من مستفعلن وفاعلاتن على حسب ما يدخل الخفيف وذلك لان وتد مستفعلن فى المجتث مفروق كما هو فى الخفيف مفروق وذلك تفع; т. е.: مفاعلن и فعلاتن — законны, مستفعلُ и فاعلات — не портятъ размѣра, مفاعلُ и فعلات — некрасивы قبيح. Далѣе мы видимъ, что مستفعلُ فعلاتن — нестерпимо, и это естественно: пришлось бы говорить mostáfilo fáilâton.

2) У Fr. 279 послѣдній стихъ ошибочно раздѣленъ на полустишія:

واِنما قلت ما قلت   رحمة لامحبّة

во второмъ قلت первый слогъ принадлежитъ первому полустишію, второй — второму. — На стр. 278 2-й стихъ Фахръ-эд-Дина также неправильно распредѣленъ между полустишіями: فنون принадлежитъ цѣликомъ первому.

притязаній на самостоятельное существованіе; онъ ничто иное, какъ *ломоть* خفيف-а. Если мы обычному типу خفيف-а:

فاعلاتن مستفعلن فاعلاتن

изъ котораго слѣдуетъ откинуть 4 первыхъ слога для образованія مجتثّ, подставимъ предложенную нами схиму:

فاعلن فاعلن فعولن فعولن

то для полученія مجتثّ-а мы отбросимъ فاعلن, فا останется: علن فعولن فعولن; но это, очевидно,

فلا بمن مات فخر ولا بمن نيك رغبهْ

укороченный типъ, который въ полномъ развитіи будетъ: فاعلن فعولن فعولن. Нельзя сказать, чтобы подобное сокращеніе было весьма законнымъ, но замѣтьте, что у Мотенеббія оно является всюду *за исключеніемъ начала* сочиненія: ما انصف آلقوم ضبّهْ, гдѣ ما ان = فآلن; у Фахръ-эд-Дипъ-Разія (Fr. 278) всѣ стихи начинаются черезъ فآلن, а вторая ихъ часть—просто черезъ علن; мнѣ сдается, что علن есть уже дальнѣйшее выраженіе فآلن, который самъ стоитъ вмѣсто فاعلن. Сатирическій, ироническій смыслъ стихотвореній, написанныхъ размѣромъ مجتثّ, отлично выражается короткими полустишіями, —каждое изъ нихъ колетъ,—и отсутствіе въ нихъ важнаго элемента въ началѣ придаетъ и прочность и мягкость остротамъ, отягощеніе же вступленія двумя долгими (فآلن) необыкновенной длины дѣлаетъ смѣшной контрастъ съ язвительными шпильками, которымъ онѣ служатъ оповѣщеніемъ. ابن عبد ربّه приводитъ, правда, любовное стихотвореніе въ размѣрѣ مجتثّ; но оно имъ-же сочинено и только послѣдній стихъ цитуется Халилемъ какъ древній. См. l. c. III, ٢١٥=١٩٧ и ср. III, ١٨٨=١٨٧, введеніе въ главу о размѣрахъ.

Изъ нашего перечня размѣровъ 4-го круга выходитъ, что 1) مضارع есть искусственный, произвольно составленный по примѣру مجتثّ съ легкими измѣненіями, размѣръ, который, въ силу недостатка ритмичности, остался за флагомъ; 2) مجتثّ ничто иное какъ урѣзанный خفيف; 3) مقتضب — выродокъ كامل-я, неловко насажденный въ вертоградѣ арабской поэзіи; 4) خفيف — смѣшанный размѣръ, не пользовавшійся, во всякомъ случаѣ до изслѣдованій Халиля, большимъ распространеніемъ, потому что ни Эль-Асмаʿій ни Эс-Суккарій не сочли возможнымъ включить въ произведенія

шести поэтовъ ни одного стиха, сочиненнаго въ этомъ размѣрѣ; 5) منسرح — не арабскій размѣръ, который, наравнѣ съ 6) سريع, представляетъ, въ возможномъ для арабскаго языка видѣ, передѣлку رجز-а [1]).

Халиль своими кругами пытался дать стихотворству научныя основы; онъ не успѣлъ привести размѣры къ одному знаменателю и хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, сгруппировать ихъ. Кругъ المختلف, вслѣдствіе присутствія въ немъ طويل-я, самаго распространеннаго изъ всѣхъ (502 раза въ الحماسة; 71 — изъ всѣхъ 208 стихотвореній дивана 6 поэтовъ, и столько же въ приложеніяхъ) [2]) сталъ первымъ; المؤتلف, въ честь وافر и كامل (وافر — въ Хамасѣ 93 раза, въ диванѣ 35, въ приложеніяхъ къ нему 25; كامل — въ Хамасѣ 94, въ диванѣ 23, въ приложеніяхъ 31), занялъ второе мѣсто; المجتلب-у естественно было предоставлено слѣдующее — 3-ье; всѣ производные стихи были затѣмъ соединены въ одинъ кругъ — المشتبه; а единственный не попавшій никуда размѣръ заключалъ собою серію для симметріи, составляя и наполняя собою кругъ المتّفق, въ которомъ стопы *не различались* между собою.

Въ المشتبه пришлось втиснуть не безъ насилія нѣкоторые размѣры; Халиль не усумнился это сдѣлать ради принципа круговъ. Что Guyard (а за нимъ и мы) не остановился передъ системою Халиля и предложилъ нѣкоторыя видоизмѣненія принятой скандовки, не покажется смѣлою новизною тому, кто читалъ مروج الذهب Масудія [3]) и взвѣсилъ слова Ибнъ-Халликана объ Абуль-Аббасъ-Абдаллѣ Эн-Наши [4]): His penetration and sagacity enabled him also to bring into doubt the established principles of prosody, and to lay down forms of versification entirely different from those admitted by

---

1) Нельзя ли изображать родословную رجز, سريع и منسرح въ слѣдующемъ видѣ: безъискусственная форма رجز-а успѣла наскучить людямъ, цѣнящимъ высоко музыкальныя наслажденія; легкая пауза въ стихѣ обновила ритмъ, не разрушая его—вотъ и سريع (какъ появился новый ритмъ — мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ); менѣе опытные новаторы, ища возстановленія прежняго размѣра въ его внѣшнемъ видѣ, но избѣгая полнаго слитія съ нимъ, рѣшились придать первой стопѣ отнятое у послѣдней и изобрѣли منسرح? Все это наврядъ ли дѣло рукъ чистокровныхъ арабовъ. — Въ جمهرة اشعار العرب, однако, (ap. Hommel, Actes du Congr. de Leyd. II, p. 391—393) منسرح встрѣчается два раза (до ислама), а سريع—3 раза; خفيف столько же, طويل—18, بسيط — 10, كامل — 7, وافر — 5, متقارب — 1 разъ.

2) Не говоря уже о مديد-ѣ, بسيط тоже гораздо менѣе распространенъ нѣкоторыхъ другихъ родовъ: въ الحماسة онъ попадается 87 разъ, а 23 раза — въ диванѣ 6 поэтовъ и 28 — въ приложеніяхъ къ нему.

3) Éd. Barbier de Meynard, t. VII, p. 88.

4) Переводъ Slane, t. II, p. 57—58.

al-Khalil Ibn Ahmad. Guyard, разумѣется, опирается на нихъ (Théorie Nouvelle, p. 168—169), и мы также ищемъ въ нихъ оправданія для нашей теоріи о خفيف. Ее мы, конечно, предлагаемъ лишь, какъ объясненіе происхожденія и прививанія къ арабской поэзіи этого неохотно поддающагося законамъ арабскаго ударенія размѣра; вполнѣ же утверждать, что предложенное нами расчлененіе خفيف-а исключаетъ общепринятый способъ раздѣленія его на فاعلاتن и مستفعلن — было-бы черезчуръ смѣло, въ виду невозможности подвести подъ наше правило нѣкоторые стихи; см. выше, стр. 130 и ср. въ العقد III, p. ٢١٠=١٤٤. Значитъ, въ смыслѣ практическаго ключа, оно не всегда состоятельно; зато оно какъ нельзя лучше поясняетъ видъ خفيف-а при его возникновеніи вплоть до установленія метода Халиля, который оказалъ несомнѣнное вліяніе на дальнѣйшую судьбу не проникшихъ еще въ народную душу размѣровъ [1]). Мы уже имѣли случай указать на нѣкоторыя преимущества новаго распредѣленія частей خفيف-а при разборѣ старинныхъ стихотвореній; можно еще, даже въ позднѣйшихъ примѣрахъ, выдвинуть особенность окончанія خفيف-а на فعولن и فَعِلن (*не* فاعلن, который могъ бы считаться разновидностью повореннаго فاعلاتن), вм. مستفعلن и فاعلاتن, въ ضرب-ѣ:

طار قلبى بحبّها   من لقلب يطير
فاعلاتن مستفعلن,   فاعلاتن فعولن

говоритъ ابن عبد ربه (ib. III, ٢١٤);

فاعلن فاعلن فعو   فاعلن فاعلن‌ى
или
فعْلْ

1) Мы поэтому, подозрѣваемъ, что приписанныя въ مختارات 'Абид-Ибнъ-ал-Абрасу стихотворенія, написанныя, въ смыслѣ Халиля, размѣромъ خفيف, не принадлежатъ ему. Они, правда, составлены весьма искусно и старинныя реченія умно подобраны; но развѣ не вѣетъ багдадскимъ остроуміемъ отъ 10-го стиха первой пьесы:

او يكُنْ طـبَّـكِ الـزيـالُ فـإنْ   نَ البيْنَ أنْ تعطِفى صُدُورَ الجمال

(тамъ, стр. ١٠٢, 2-ой стихъ съ конца)? И нѣтъ ли ученой поддѣлки въ 14-омъ и 15-омъ стихахъ второй пьесы, которые, по меньшей мѣрѣ, не могутъ стоять другъ подлѣ друга:

واذا الخيلُ شمَّرتْ فى سَنَا الحَرْ   بِ وصار الغبارُ فوْقَ الذُّوابِ
واستجارت بِـنَـا الخيولُ عِجالاً   مثقلاتِ المـتـونِ والأصلابِ

(4-й и 5-й стр. ١٠٤)? — Кстати, слѣдуетъ исправить въ 1-омъ ст. стр. ١٠٥: لمن الديار въ لمن الدار.

скажемъ мы, причемъ فاعلن представитъ собою для насъ (فَعْلْ) فاعلن, урѣзанное окончаніе عروض-а;

ذات دل وشاحها قلق من ضمور وحجلها شرق
بزت الشمس نورها وحباها لحظ عينيه شادن خرق
فاعلاتن مستفعلن فاعلاتن فاعلاتن مستفعلن فعلن =,

по увѣренію ابن عبد ربه (III, ٢١٣=١٩٥); по нашему же:

فاعلن فاعلن فعولُ فعولن فاعلن فاعلن فعولُ فعو
или или
فَعِلن فعْلْ

съ урѣзаннымъ окончаніемъ عروض-а. Мы еще находимъ (ib., p. ٢١٤=١٩٩) فَعِلن, по-нашему فعو или فعْلْ, и въ عروض-ѣ и въ ضرب-ѣ; это — слѣдствіе дальнѣйшаго развитія ритма.

Благодаря нашей скандовкѣ, мы успѣли придать естественный ходъ преобразованіямъ خفيف-а. Они получаютъ право гражданства только при условіи предпринятаго нами переряженія, причемъ не слѣдуетъ скрывать, что ритмъ слегка измѣняется противъ системы Халиля; но именно трудность лавированіи между опасностію пѣть невѣрно или говорить неправильно не дала развиваться подобнымъ видамъ стихотворства: вотъ почему خفيف и сродственный съ нимъ مجتثّ не могли, особенно въ началѣ, въ пору настоящаго творчества, получать широкаго примѣненія.

Эти вопросы возникли не теперь; они волновали умы съ давнихъ поръ, и мы, въ нашемъ разсужденіи, не приписываемъ арабамъ чуждыхъ имъ понятій. Кто не помнитъ разсказа Алія Испаганскаго (въ كتاب الاغاني) о препирательствѣ Ибрагима, сына Мегдія и брата Гаруна-эр-Рашида[1]), съ знаменитымъ Исхакомъ, сыномъ Ибрагима, по поводу произношенія: ذهبتُ من الدنيا وقد ذهبتْ منّي? Всѣ восторгались исполненіемъ Ибрагима, пропѣвшаго начинающееся этими словами стихотвореніе въ присутствіи халифа Мамуна; Исхакъ, глубокій знатокъ музыки, пѣнія и поэзіи, подослалъ одного пріятеля къ изящному пѣвцу, чтобы ему объявить: «Или ты произносишь *dhahabtû* ذهبتو съ гласнымъ звукомъ продленія и тѣмъ самымъ грѣшишь противъ языка огрубѣлымъ говоромъ Набатейцевъ, или же *dhahabto* ذهبتُ — безъ продленія и безъ медды — и

1) Barbier de Meynard извлекъ его оттуда въ своемъ изслѣдованіи о Ибрагимѣ, сынѣ Мегдія, J. As. mars-avr. 1869, p. 339. Guyard передаетъ его въ своей Note sur la Métrique arabe, p. 15.

тогда ты насилуешь и тактъ и музыкальный складъ». Дѣло кончилось обмѣномъ упрековъ въ невѣжествѣ, но Исхакъ настоялъ на несообразности произношенія ذهبتو. Отсюда прямой выводъ, что поэты и музыканты дорожили, какъ ритмомъ мелодіи, такъ и ритмомъ языка. Guyard говоритъ (Note sur la métrique ar., p. 16): Le dilemme posé par Ishâq vient fort à propos nous démontrer que le ت du mot ذهبتْ, correspondant au لْ de فعولْ, ne doit être prononcé ni comme une brève, ce qui serait une violation de la mesure, ni comme la longue que représenterait l'orthographe تو dans ذهبتو = فعولن, mais comme une longue de durée intermédiaire. Or, si l'on se reporte à ma Métrique, on verra que je note le لْ accentué de فعولْ = تْ de ذهبتْ par une longue juste, suivie d'un silence égal à une brève, tandis que je note le تو de ذهبتو = لن de فعولن par une longue et demie. Un plus ample commentaire me paraît superflu.

Рѣчь, дѣйствительно, вовсе не касалась пригодности слова ذهبت для заступленія فعولن въ началѣ طويل-я; самые лучшіе поэты считали его тамъ совершенно на мѣстѣ, не только въ серединѣ стихотворенія, но какъ разъ, подобно нашему примѣру, во главѣ его; علقمة пѣлъ (Диванъ, I, 1): ذهبتَ من الهجران فى غير مذهب; Эн-Набига (Див. I, 5): حلفتُ يمينا غير ذى مثنوية, (VI, 4): عهدتُ بها سعدى وسعدى غريرة; трудно было бы исчислить всѣ примѣры. Стихъ совершенно правиленъ; Исхакъ былъ только недоволенъ произношеніемъ. Ибрагимъ не былъ ни щепетильнымъ, ни мелочнымъ (онъ даже мало дорожилъ точностью въ исполненіи): انما أصنعُ, говорилъ онъ, لا تكسّبا واغنّى لنفسى لا للناس فاعملُ ما اشتهى[1]. Чтобы удовлетворить Исхака, Ибрагиму слѣдовало бы дать чувствовать легкую паузу, которая составляетъ одну изъ главныхъ принадлежностей арабской метрики по методу Guyard'а.

VI.

Арабы высоко цѣнили музыку[2]) и охотно поддавались ея обаянію;

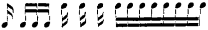
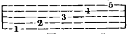
---

1) كتاب الاغانى, ср. Kosegarten. Liber Cantilenarum Magnus latine, p. 25.

2) Чтобы облегчить читателямъ незнакомымъ съ законами музыки пониманіе нашей статьи, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ Учебника Элементарной Теоріи Музыки, составленнаго проф. московской консерваторіи Н. Кашинымъ и принятаго въ классахъ московской консерваторіи (7-ое изд., М. 1891). Чисто практическая цѣль сочиненія и признанная свѣдущими людьми его пригодность для преподаванія исключаетъ всякое подозрѣніе въ увлеченіи какими нибудь своеобразными теоріями; а полное согласіе нашего изложенія съ основами музыки, какъ ее нынѣ преподаютъ, рядомъ съ проведенною у насъ

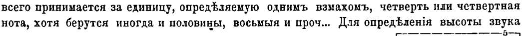
въ текстѣ параллелью между теоріею Guyard'a и понятіями музыкальнаго міра времени расцвѣта арабской цивилизаціи, укрѣпитъ въ читателѣ довѣріе къ нашему труду.

Глава I. *О звукахъ*... Музыкальными называются тѣ звуки, высота которыхъ можетъ быть съ точностію опредѣлена сама по себѣ, безотносительно къ какому-либо другому звуку. Музыкальные звуки различаются по высотѣ, тэмбру, т. е. характеру звука, зависящему отъ извѣстнаго голоса или инструмента, — и по длительности...

Глава II. *Нотные знаки*... Основная единица длительности есть: цѣлая нота , равняющаяся двумъ половинамъ , четыремъ четвертямъ , восьми восьмыхъ или одновязныхъ, 16-ти 16-тыхъ или двухвязныхъ [и т. д.]... Цѣлая, половинныя, четвертныя и прочія ноты не выражаютъ какой-либо постоянной, неизмѣнной длительности, но лишь относительную... Въ музыкальной практикѣ длительность звуковъ чаще всего размѣряется взмахами руки, а также чаще всего принимается за единицу, опредѣляемую однимъ взмахомъ, четверть или четвертная нота, хотя берутся иногда и половины, восьмыя и проч... Для опредѣленія высоты звука нотные знаки ставятся на системѣ пяти параллельныхъ линеекъ.

Нотные знаки пишутся на линейкахъ, между, надъ и подъ линейками.... Пятилинейная система нуждается... въ обозначеніи одной изъ своихъ линеекъ, какъ мѣста какого-либо звука. Для этой цѣли употребляются особые знаки... [напр.] ключъ звука sol одночертной октавы [или первой, т. е. серединной на нашихъ фортепьянахъ. Звуки октавы называются, какъ извѣстно: do, ré, mi, fa, sol, la, si. Здѣсь sol помѣщается у зарожденія ключеваго знака, т. е. на 2-ой линейкѣ].

Глава III. *Интервалы*. Разность по высотѣ двухъ одновременно или послѣдовательно взятыхъ звуковъ называется интерваломъ, т. е. промежуткомъ. Смежныя ступени простыхъ звуковъ заключаютъ въ себѣ интервалы двухъ родовъ: цѣлые тоны do-re, re-mi, fa-sol, la-si, и полутоны mi-fa, si-do. Цѣлый тонъ можетъ быть раздѣленъ на полутоны...; посредствомъ или повышенія на полтона нижняго звука или повышенія на столько же верхняго... Въ нотописаніи знакомъ повышенія служитъ ♯ діезъ, а пониженія ♭ бемоль... Діатоническими называются полутоны, состоящіе изъ двухъ смежныхъ ступеней, напр. si-do, do-re бемоль, mi-fa, fa діезъ-sol, а хроматическими — полутоны, построенные на одной и той же ступени, какъ do-do діезъ, si бемоль-si, sol бемоль-sol, fa діезъ-fa... Знакъ повышенія или пониженія остается дѣйствительнымъ при повтореніи той же ступени; если же, послѣ измѣненной, нужно взять ту же ступень, какъ простую, то употребляется знакъ ♮ бекаръ... Число ступеней отъ нижней ноты интервала къ верхней, или наоборотъ, даетъ имъ названіе

прима секунда терція кварта квинта секста септима октава

[и дальше: нона, децима... квинтдецима]... Сравнивая секунды do-re и mi-fa, мы увидимъ, что одна изъ нихъ есть цѣлый тонъ, а другая полутонъ, такъ что одна количественная величина не выражаетъ интервала съ достаточною точностью. Для точнаго опредѣленія интервала прибавляются къ названіямъ количественнымъ еще качественныя... За основную величину принимается качественная величина интервала простыхъ звуковъ, взятыхъ отъ do... Прима, кварта, квинта и октава, при вышесказанной качественной величинѣ называются чистыми,... секунда, терція, секста и септима въ томъ же случаѣ — большими [a])...

[a]) [Чистыя: 1ª обним. собою о, 4ª — $2^1/_2$, 5ª — $3^1/_2$, 8ª — 6 цѣлыхъ тоновъ; большія: 2ª — 1, 3ª — 3, 6ª — $4^1/_2$, 7ª — $5^1/_2$. Откуда ни брать ихъ, надо для ихъ полученія помнить, такъ какъ октава do есть основаніе, что do-do состоитъ изъ $1+1+{}^1/_2+1+1+1+{}^1/_2=6$ то-
do͡re͡mi͡fa͡sol͡la͡si͡do
1ª 2ª 3ª 4ª 5ª 6ª 7ª 8ª
новъ въ означенномъ порядкѣ, и исходить всегда изъ указаннаго здѣсь соотношенія между 7-ью нотами].

Тѣже интервалы полутономъ меньшія [или большія] чистыхъ, называются уменьшенными [или увеличенными] за искл. примы, которая уменьшена быть не можетъ, напр. do діезъ-fa [уменьш. кварта], si-fa [ум. квинта], re-re бемоль [ум. окт.], [do-do діезъ=увел. прима, fa-si= ув. кварта и т. д.]. [Большіе+$1/2$ тонъ наз. увелич.: do-re діезъ=ув. 2^a; большіе безъ $1/2$ тона] наз. *малыми*: do-re ♯ = малая 2^a, do ♯-la = малая 3^a, re-si^b = малая 6^a, re-do = малая 7^a; большіе безъ цѣлаго тона наз. уменьш.: do ♯-re^b=ум. 2^a, fa ♯-la^b=ум. 3^a и т. д.]. Интервалы считаются отъ нижней ноты къ верхней; [поэтому do-la будетъ *малая терція внизъ*]. [Всѣ чистые, большіе и малые интервалы наз. діатоническими; увел. и уменьш. — хроматическими; но увелич. 4^a и уменьш. 5^a [а]) считаются діатоническими].

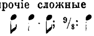
Глава IV. *Гаммы и лады...* Первообразъ діатоническаго послѣдованія есть рядъ простыхъ звуковъ; къ діатоническимъ же причисляются всѣ послѣдованія, одинаковыя съ послѣдованіями простыхъ, т. е. если они состоятъ изъ діатоническихъ тоновъ и полутоновъ, но безъ хроматическихъ интерваловъ... Въ музыкѣ есть разность звуковъ меньшая полутона, а именно: разность діатоническаго и хромат. $1/2$ тоновъ, взятыхъ отъ одной и той же ноты, напр. do-do ♯, do-re ♭. Разность между звуками do ♯-re ♭ наз. коммой; а такое отношеніе звуковъ, различныхъ по названію и письму, но одинаковыхъ для нашего слуха [б]), — есть энгармоническое... Тетрахордъ есть діатоническое послѣдованіе четырехъ звуковъ въ предѣлахъ чистой кварты [do-re-mi-fa = $1 + 1 + 1/2$ тон. въ восходящемъ и $1/2 + 1 + 1$ тон. въ нисх. порядкѣ]... Послѣдованіе двухъ [разъединенныхъ] тетрахордовъ [do-fa+sol-do]... образуетъ мажорную гамму [въ восх. пор. = $1+1+1/2+1+1+1+1/2$; въ нисх. = $1/2+1+1+1+1/2+1+1$]... Основная нота гаммы наз. тоникой... Зная условія построенія мажорной гаммы, можно построить ее отъ всякой произвольно взятой тоники, причемъ отношенія звуковъ во всѣхъ гаммахъ будутъ тождественны, а самые звуки различны... Совокупность общихъ условій построенія гаммы наз. ладомъ; а совокупность звуковъ гаммы, взятой отъ извѣстной тоники — тональностью или строемъ... Для обозначенія тональности, знаки повышенія или пониженія, свойственные ей ставятся при ключѣ... Въ нашей музыкѣ существуетъ еще ладъ — минорный... Отъ всякой мажорной гаммы можно произвести соотвѣтствующую... ей минорную; тоника минорной гаммы лежитъ малой терціей ниже или большой 6-ой выше тоники параллельной мажорной [do мажоръ — la миноръ; sol мажоръ — mi миноръ и т. д.]... Минорный характеръ гаммы опредѣляется третьей ступенью во восх. порядкѣ [маж.: do-re-mi = 1+1; мин. la-si-do = $1+1/2$]... Хроматическая гамма не образуетъ лада...

Глава VI. *Дѣленіе нотъ...* Въ послѣдованіяхъ звуковъ встрѣчаются перерывы, молчанія, длительность которыхъ выражается паузами... Длительности цѣлой ноты [𝅝] = пауза 𝄻, $1/2$ [𝅗𝅥] = 𝄼, $1/4$ [♩] = 𝄽, $1/8$ [♪] = 𝄾, $1/16$ [𝅘𝅥𝅯] = 𝄿 и т. д... Въ предѣлахъ двухдольнаго дѣленія [𝅝, 𝅗𝅥, ♩, и т. д.] могутъ быть образованы еще различныя длительности посредствомъ соединенія двухъ и болѣе нотъ дугами ⁀. Двѣ ноты или болѣе, стоящія на одной и той же ступени рядомъ и связанныя дугами [legato, лига], составляютъ одинъ непрерывный звукъ... Есть еще способъ увеличенія длительности нотъ — точки. Точка, поставленная съ правой стороны ноты, увеличиваетъ ее на $1/2$ ея собственной длительности... Кромѣ двухдольнаго дѣленія употребительно еще трехдольное, въ которомъ всякая нота простаго двухдольнаго дѣленія дѣлится на три; но ноты самаго трехдольнаго дѣленія на три не подраздѣляются. Группа 3 нотъ 3хдольнаго дѣленія называется тріолью; ноты тріоли связываются другой, между которой и нотами ставится цифра 3, напр.: . Длительность трехъ нотъ тріоли равняется длительности двухъ такихъ же нотъ двухдольнаго дѣленія...

Глава VII. *Такты.* Всѣ воспринимаемыя нами въ музыкѣ впечатлѣнія длительностей, а также и продолжительностей послѣдованій звуковъ, носятъ общее названіе ритма. Ни одна

а) [На практикѣ онѣ совпадаютъ].

б) [Разумѣется, на употребительныхъ у насъ инструментахъ].

изъ длительностей въ музыкѣ не имѣетъ постоянной самостоятельной величины, а понимается только изъ сопоставленія съ другой: равной, большей или меньшей. Самая простая ритмическая длительность должна, слѣд., имѣть не менѣе двухъ звуковъ. Сочетаніе двухъ длительностей служитъ основаніемъ ритмической частицѣ, называемой тактомъ. Простой тактъ составляется изъ двухъ ровныхъ долей, какъ-то: , или изъ двухъ неравныхъ, одной вдвое больше другой, напр. . Такты отдѣляются одинъ отъ другаго поперечной къ линейной системѣ чертой. Числитель дроби, выражающей величину простаго такта изъ равныхъ долей, есть 2, а изъ неравныхъ — 3; знаменатель измѣняется смотря по величинѣ долей такта, такимъ образомъ могутъ быть такты въ $^2/_3$ [а]) $^2/_4$ $^2/_8$ и $^3/_1$ [а]) $^3/_2$ [а]) $^3/_4$ $^3/_8$. Простые такты ровнаго дѣленія называются двухдольными, неровнаго — трехдольными. Между долями простыхъ тактовъ существуютъ тѣ же отношенія, какъ въ рѣчи между долгими и короткими слогами: первая часть соотвѣтствуетъ долгому (thesis) и наз. сильной долей такта; вторая соотвѣтствуетъ короткому (arsis) и наз. слабой. Сильныя доли такта получаютъ акцентъ, т. е. удареніе при исполненіи, а слабыя не имѣютъ его... Соединеніе двухъ или болѣе простыхъ тактовъ въ одинъ образуетъ сложный тактъ. Сложные такты могутъ быть въ 4 (изъ 2 двухд. т.), въ 6 (изъ 2 трехд.), въ 9 (изъ 3 трехд.) и въ 12 (изъ 4 трехд.). Изъ соединенія простыхъ двухдольныхъ тактовъ происходитъ, слѣд., только одинъ видъ сложнаго такта въ 4; всѣ же прочіе сложные суть соединенія простыхъ трехдольныхъ тактовъ [$^4/_4$: ; $^6/_8$: ; $^9/_8$: ; $^{12}/_8$:]. Сложные такты имѣютъ столько сильныхъ долей, слѣд. и акцентовъ, сколько въ нихъ заключается простыхъ тактовъ. Если въ тактѣ встрѣчаются двѣ сильныя доли, то первая изъ нихъ получаетъ бо́льшій акцентъ...; если сильныхъ доли три, то болѣе сильный акцентъ получаетъ одна первая... Каждый тактъ въ $^6/_8$ имѣетъ два акцента — первый болѣе сильный нежели второй... Такты $^4/_4$ и $^2/_2$ обозначаются почти всегда особымъ знакомъ 𝄴 для $^4/_4$ и... 𝄵 для $^2/_2$... Трехдольные такты могутъ состоять, вмѣсто двухъ неравныхъ, изъ трехъ равныхъ долей [$^3/_4$: ; $^6/_8$:]... Обозначеніе такта выражаетъ только общую величину его, но самый тактъ можетъ состоять изъ произвольнаго числа нотъ, общая длительность которыхъ должна равняться обозначенію такта. Доли такта, величина которыхъ обозначена знаменателемъ дроби при ключѣ, суть главныя, а болѣе мелкія подраздѣленія побочныя. Отъ подраздѣленія главныхъ частей такта на побочныя происходятъ новые акценты...

Глава IX. *Синкопы.* Въ музыкѣ употребительна особая ритмическая форма, состоящая въ томъ, что звукъ, берущійся на слабой части такта, выдерживается на сильной или же сильныя части такта замѣщаются паузами... Такая ритмическая фигура называется синкопою. Акцентъ въ синкопированномъ тактѣ переходитъ, слѣд., съ сильныхъ частей такта на слабыя, потому что на сильныхъ, гдѣ находятся паузы или выдерживается ранѣе взятый звукъ, никакого акцента сдѣлано быть не можетъ. —

Вотъ все, что нужно для уразумѣнія предъидущаго и послѣдующаго нашего изложенія. Въ скобки я ввелъ свои слова, будь они объясненіемъ или сокращеніемъ текста Кашкина.

Излишне, кажется, обратить вниманіе на смѣшеніе ударенія съ акцентомъ въ Учебн. Эл. Теор. Муз. Ученіе о синкопахъ какъ будто противорѣчитъ положеніемъ Guyard'a, но на самомъ дѣлѣ подтверждаетъ ихъ. Синкопа — измѣненіе ритма; она ставится для контраста и не можетъ лежать въ основаніи ритма. Оттого Schubert ее употребляетъ при пѣніи (внѣ аккомпанимента) только въ случаѣ удлиненія слога съ удареніемъ, безъ ущерба ритму фразы и въ видѣ разнообразія ритма стиха [б]). Синкопа играетъ въ ритмѣ ту же роль,

[а]) [Въ теоріи].

[б]) [См. Schubert Album I, p. 10, 11, 17, 28, 29, 30, 31, 34, 46, 51, 62, 63, 65, 66, 81, 92, 93, 94, 95, 108 и т. д.; я помѣтилъ всѣ случаи уничтоженія удареній, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ, помощью выдерживанія нотъ, помимо паузъ; о которыхъ мы имѣли уже случай распространяться].

Новейрій говоритъ[1]): في القلب فضيلة شريفة لم تقدر قوّة النطق على اخراجها باللفظ فاخرجتها النفس بالالحان فلمّا ظهرت سرّت وطربت اليها فاستمعوا من النفس وناجوها ودعوا مناجاة الظواهر. Они не могли надѣяться простыми словами, распредѣленными въ извѣстномъ порядкѣ, вызывать эти сильныя ощущенія; стихотворенія необходимо должны были возникать на почвѣ музыки.

Весьма поучительно еще одно мѣсто изъ Эль-Фарабія, كتاب الموسيقى (у Koseg. l. l. p. 200—201): وكذلك النغم الملذّة لمّا كانت اذا قرنت بالاقاويل اصغى اليها السامع اصغاء ودوّل[2]) ودام على استماعها اكثر من غير ملل ولا ضجر قرنها بالاقاويل فصار بها الى مطلوبه كما حكى عن علقمة بن عبدة الشاعر حيث صار الى الحارث بن ابى شمر ملك غسان فى حاجته فلم يصغ لقوله حتى لحّن شعره وغنّى به بين يديه فقضى حينئذ حاجته. «Итакъ, ввиду того, что пріятные звуки, когда сочетаются со словами, неотразимо притягиваютъ слушателя, привлекаютъ его и приковываютъ его вниманіе надолго безъ скуки и утомленія, человѣкъ сочетаетъ ихъ со словами и посредствомъ ихъ достигаетъ своей цѣли, какъ разсказываютъ про поэта Алькаму, сына Абды: онъ отправился къ Харису, сыну Абу-Шамара[3]), Гассанитскому царю, по своимъ надобностямъ[4]) и не успѣлъ склонить его, пока не сочинилъ свою поэму[5]) и пропѣлъ ему ее, — тогда онъ добился своего». Эль-Фарабій говоритъ здѣсь про одно стихотвореніе размѣра طويل, которое сохранилось до нашего времени; значитъ, доисламскіе поэты смотрѣли на стихотвореніе

какъ диссонансъ въ мелодіи: оба хороши для порожденія въ слушателѣ извѣстнаго возбужденнаго, неудовлетвореннаго состоянія, изъ котораго онъ стремится къ разрѣшенію обычнымъ ритмомъ или успокоивающимъ аккордомъ. Это — уловка, не законъ.

1) Ib., p. 7—8. — Вотъ какъ выражается неизвѣстный сочинитель одного сборника, который хранится въ вѣнской Hofbibliothek подъ помѣткою N F 474 (у Flügel-я № 1517; рукопись не особенно важная и не древняя; чернила плохія, заглавный рисунокъ обыденный, почеркъ нетвердый *несхи*, кайма кругомъ страницъ сначала съ позолотой, потомъ простая, киноварь не высокаго качества, бумага желтоватая восточнаго происхожденія): وبعد فلما كان الموسيقا اشرف العلوم الرياضية والطف الفنون الواجبية وهو حديث النفس ومحدس الانس وجلاء القلب ومحرّك الهوا ومنشى الافراح ومنفر الاتراح وهو تعظيم مواقع النغم الصحيح الطبيعي واخذ مجامع القلب

2) Ib., p. 201. Kos. говоритъ, что онъ нашелъ въ рукописи ودود; онъ предлагаетъ وحوّل.

3) Правильнѣе: внуку Абу-Шамара.

4) Братъ Алькамы былъ въ плѣну у него; поэтъ просилъ объ его освобожденіи; см. Диванъ 6 поэтовъ, изд. Альвардта, стр. ٣٢٠.

5) Это — 2-ое стихотвореніе дивана по изданію Альвардта.

какъ на пѣснь, и сочинять его называлось لحّن شعرًا, μελῳδεῖν, modulari, какъ сочиняютъ музыку.

Поэты не всегда сочиняли собственную арію для своихъ стиховъ; они нерѣдко пользовались существующимъ ритмомъ, который выражался въ извѣстной мелодіи, и часто, впослѣдствіи, если стихотвореніе нравилось, являлись музыканты, которые придѣлывали къ нему мелодію, чему كتاب الاغانى доставляетъ намъ множество примѣровъ.

Музыканты прислушивались и къ чужеземнымъ пѣснямъ; Маликъ, современникъ Омейядовъ, перенялъ мелодію у христіанскихъ иноковъ: وهذا صوت زعموا ان مالكا صنعه على لحن سمعه من الرهبان, учитъ насъ Алій Испаганскій [1]). Перенимая иностранныя мелодіи, они нерѣдко имѣли прямо въ виду арабскую поэзію, къ которой они ихъ примѣняли, на что я намекалъ, указывая на неподходящіе къ арабской рѣчи ритмы, которые могли получать право гражданства лишь цѣною болѣе или менѣе глубокихъ измѣненій. Моавія, сынъ Абу-Софьяна, первый омейядскій халифъ, желая выстроить себѣ дворецъ [2]), حمل لها بنّائين فُرسا من العراق فكانوا يبنونها بالجصّ والآجرّ وكان سعيد بن مسجّح يأتيهم فيسمع من غنائهم على بنيانهم فما استحسن من الحانهم اخذه ونقله الى الشعر العربى ثم صاغ على نحو ذلك وهو الذى علّم الغريض, «перевезъ персидскихъ каменщиковъ изъ Ирака; они строили дворецъ изъ кирпичей съ гипсомъ, а Саидъ, сынъ Мосадджиджа (или Мисджаха) приходилъ къ нимъ слушать какъ они пѣли за работою, и тѣ изъ ихъ арій, которыя ему нравились, онъ перенималъ и примѣнялъ къ арабской поэзіи и сочинялъ уже *въ этомъ родѣ*; онъ же училъ Эль-Герида». Эль-Геридъ, пользуясь его методомъ, проникался, для своихъ похоронныхъ элегій, традиціонными напѣвами плакальщицъ [3]). Доказательство тому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настоящими стихотворными размѣрами или ихъ разновидностями, находимъ опять въ كتاب الاغانى: سائبٌ خاثرٌ, происходившій отъ персидскихъ плѣнниковъ, жилъ непосредственно послѣ смерти Мухаммеда и былъ убитъ въ 63 г. Гиджры въ окрестностяхъ Медины, гдѣ онъ жилъ съ давнихъ поръ; онъ первый сдѣлалъ лютню (العود) въ Мединѣ, — هو اول من عمل العود بالمدينة وغنّى به; онъ,

1) У Koseg., p. 200.

2) Ib., p. 10—11. Разсказываютъ то же самое по случаю передѣлокъ въ Каабѣ при Абдаллѣ, сынѣ Зобейра. Для нашей цѣли все равно знать сопровождавшее обстоятельство или не знать его, съ тою лишь разницею, что Моавія относитъ насъ къ болѣе раннему времени. Вѣроятно, и то и другое — правда; несомнѣнно, представлялись еще и другіе случаи подслушивать пѣсни персовъ. — Въ булакскомъ изд. Агâни мы читаемъ всегда ابن مسجح (III ٨٣—٨٨), за искл. опечатокъ въ родѣ ابن مسحج (I ٩٨, строка 9).

3) У Koseg., p. 14.

значитъ, первый въ Мединѣ или въ Хиджазѣ сдѣлалъ лютню персидскаго образца, которая, какъ видно, занесена была въ Аравію сравнительно поздно, въ исламскія времена. Онъ же первый пѣлъ *по арабски въ* الغناء الثقيل, *въ низкомъ тонѣ*. Онъ же, видя, какъ نشيط, пѣвецъ изъ Персіи, приводилъ въ восторгъ его друга عبد الله بن جعفر, родственника Пророка, предложилъ ему: انا اصنع لك مثل غناء هذا الفارسى بالعربية — сочинить точно такія же арабскія пѣсни по образцу персидскихъ [1]). Не былъ ли я правъ, когда я видѣлъ въ нѣкоторыхъ размѣрахъ явные слѣды подражанія иностраннымъ образцамъ?

Guyard не менѣе правъ, когда онъ приписываетъ столь важное значеніе ударенію: ابن سريج († 85 лѣтъ при Гишамѣ, сынѣ Абдельмелика), современникъ Саиба Хасира и пріятель Абдаллы, сына Джафера [2]), كان يوقع بالقضيب — ударялъ-бывало тактъ тростью, не прибѣгая къ инструменту для аккомпанированія, хотя онъ тоже игралъ на лютнѣ *персидскаго* образца: онъ даже первый въ Меккѣ пользовался такою, чтобы пѣть по-арабски على الغناء العربى [3]) (онъ, вообще, цѣнилъ персидское пѣніе и многому научился у персовъ, которые перестроили Каабу). Его ученикъ и соперникъ الغريض (Агâни II, ١٣٩) тоже махалъ палкою при исполненіи своихъ пьесъ. Еще характернѣе способъ работы великаго мастера Мабеда, который Алій Испаганскій приводитъ на стр. ٢١ книги I كتاب الاغانى со словъ знаменитаго اسحاق: قيل لمعبد كيف تصنع اذا اردت ان تصوغ الغناء قال ارتحل قعودى واوقع بالقضيب على رحلى واترنّم عليه بالشعر حتى يستوى لى الصوت فقيل له ما ابين ذلك فى غنائك. «Мабедъ, на вопросъ: какъ онъ сочиняетъ мелодію, отвѣтилъ: «Сажусь на своего верблюда и, ударяя тактъ тросточкою по сѣдлу, напѣваю стихотвореніе, покуда тонъ не удовлетворитъ меня. — О, какъ это видно въ твоемъ пѣніи, было тогда ему замѣчено». Ровный, привычный шагъ его скотины служилъ ему мѣриломъ для темпа; тактъ онъ ударялъ по сѣдлу, а тѣмъ временемъ стихи, которые онъ хотѣлъ переложить на музыку, лились стройно по ритму, пока Мабедъ не находилъ желанной мелодіи.

Важная роль ударенія и различныхъ степеней такта какъ нельзя болѣе

---

1) У Kos., p. 10—11; Агâни VII ١٨٨—١٨٩. — Мы еще узнаемъ, что Ибн-Мосадджиджъ совершилъ большія путешествія по Персіи и Византійской имперіи и пріурочилъ къ арабскому пѣнію разныя тамошнія аріи, приспособивъ ихъ къ *арабскому вкусу*. См. тамъ-же, p. 9. Его современникъ ابن محرز сдѣлалъ то же самое, Агâни I ١٥١.

2) Ср. Kos., p. 12; Агâни I ٩٧—٩٨.

3) Агâни I ٩٨ l. 3.

подтверждается Эль-Фарабіемъ. Прежде всего самое названіе ايقاع, ايقاعات, данное ритму въ арабскомъ языкѣ[1]) и выражающее точки его остановки, конецъ ритмической фразы, уже заключаетъ въ себѣ цѣнное указаніе. Меня удивляетъ, что всѣ прошли мимо объясненій ученаго музыковѣда, не обращая на нихъ вниманія; Kosegarten самъ говоритъ: Hi enim (citharoedi et fidicines), ut Fârâbensis perhibet, rhythmos non ita definiunt, ut ex quot temporibus, qualibusque, certus quidam rhythmus compositus sit, dicant, sed *ita* potius, ut *ex quot pulsationibus*, qualibusque, *vel fortibus*, *vel lenibus*, *rhythmus* sit *componendus*, praecipiant[2]). Не соотвѣтствуетъ ли такое воззрѣніе на музыкальный ритмъ также и пѣсни, и пляскѣ? Не слѣдуетъ ли видѣть въ немъ прямое сознаніе самихъ людей ремесла, что они такъ понимали обращеніе съ стихотвореніемъ, надъ которымъ они трудились для составленія لحنه وطريقته من ايقاعه واصبعه التى ينسب اليها من طريقته, по выраженію Алія Испаганскаго[3])? Но нечего удовлетворяться предположеніями; Эль-Фарабій, f. 102[4]), объявляетъ:

وليكن اطراف الزمان للايقاعات هاهنا محدودة بالنقرات ولنفرض النقرات فى مراتب ثلث منها نقرة قويّة ومنها ليّنة ومنها متوسّطة والقويّة تشبه التنوين فى اللسان العربى والمتوسّطة تشبه حركة الحرف فى ليانه والليّنة تشبه اشمام الحركة فى الحرف او روم الحركة وبعض الناس يوقع اسم النقرة على ما كان منها قويّا تامّا فقط واما المتوسّطة فانه يسمّيه المتحة والليّنة غمزة والاجود ان تنقل اليها اسمآء اشباهها من الحروف ويوخذ ذلك عن علم اهل النحو فى كل لسان فاما نحن فانّا ننقل اليها اسمآء اشباهها التى تسمّى بها اهل النحو فى اللسان العربى فنسمّى الليّنة الروم والمتوسّطة الاشمام

Можно ли рѣшительнѣе высказаться за параллельное развитіе звуковъ въ рѣчи и музыкѣ? Различаются три рода звуковъ: 1) сильные, получающіе удареніе или выражающіе собою первую за чертою сильную долю такта[5]), соотвѣтствуютъ تنوين-у, т. е. отяжелѣвшему гласному звуку при застываніи и закрѣпленіи неопредѣленнаго его образа, ـٌ передъ согласною буквою —, т. е. تَنْ[6]) или вѣрнѣе تَن; 2) подъ-удареніе или сильная часть

---

1) فانّ الايقاع هو النقلة على النغم فى ازمنة محدودة المقادير, El-Fârâbi, f. 46ᵃ, у Kos., p. 126.

2) Kos., p. 144. 3) Въ самомъ началѣ Агâни. 4) У Kos., p. 144—145.

5) Разумѣется, согласно теоретическому опредѣленію; практическое примѣненіе должно считаться съ цѣлымъ комплексомъ явленій, которыя, не нарушая принципа, даютъ мѣсто новымъ изъ него выводамъ, какъ мы успѣли убѣдиться въ разборѣ значенія звуковъ въ языкѣ, распредѣленія ихъ въ словѣ, подчиненія однихъ другимъ въ рѣчи и введенія отдыховъ и паузъ между ними.

6) Эль-Фарабій, какъ и Халилъ, избѣгаетъ, не только введенія чисто согласнаго элемента, который есть ничто иное какъ парализованное (جزم, سكون) движеніе (حركة),

второй половины сложнаго такта изображается помощью простаго гласнаго звука, имѣющаго свое самостоятельное существованіе и полное значеніе (فَعل), именно тамъ, гдѣ слогъ, защищенный отъ вліянія предшествующаго или послѣдующаго ударенія, не низводится на степень — 3) заглушеннаго шопота (روم, חֲטָפִים), какъ въ (ل)ء(ف).

Эль-Фарабій долженъ былъ раньше прибѣгать къ явленіямъ языка (f. 8ª)[1]: والتى منزلتها من الالحان منزلة الحروف من الاشعار هى النغم واعنى بالنغم الاصوات المختلفة فى الحدّة والثقل التى تتخيّل كلّها ممتدّة для опредѣленія музыкальнаго звука, и вотъ какъ онъ даетъ себѣ отчетъ въ образованіи мелодіи (f. 2ᵇ)[2]: اسم اللحن قد يقع على جماعة نغم مختلفة رتّبت ترتيبا محدودا وقد يقع ايضا على جماعة نغم الّفت تأليفا محدودا وقرنت بها الحروف التى تركّب منها الالفاظ الدالّة المنظومة على مجرى العادة فى الدلالة بها على المعنى. Весьма естественно, метрики и музыканты употребляли одни и тѣ же выраженія, такъ какъ разсматривали въ стихотворствѣ и въ ученіи о звукахъ одни и тѣ же законы и явленія, и это позволяетъ намъ вновь провѣрить методъ Guyard'a. Мы видѣли, что легкій отдыхъ возстановляетъ ритмъ, замѣняя собою удлиненіе звука; Эль-Фарабій (f. 104ᵇ) говоритъ[3]: فاذا بُعّد بينها إمّا بطول وقفات بينها او ابطآء الانتقالات او بهما جميعا سمّيت تلك ايقاعات ثقيلة واذا قُرّب ما بينها بقلّة لبثٍ او سرعة حركة او بهما جميعا سمّيت بذلك ايقاعات خفيفة.

Въ метрикѣ, سبب обозначаетъ два легкихъ звука, а, при атрофированіи одного изъ нихъ (قَدْ), онъ слыветъ خفيف; если же за ними слѣдуетъ долгій звукъ, мы имѣемъ дѣло съ فاصلة. У Эль-Фарабія (f. 47ᵇ) мы читаемъ[4]: فانّ الزمان الاطول الذى بين كلّ عددين متواليين يسمّى الفاصلة والفاصلة ابدا يجب ان تكون اطول من كل زمان يحيط به الاعداد المتوالية; и еще (f. 102ᵇ)[5]: فامّا امتدادات النغم ذوات الايقاع فمحدودة واطول مدّة فى نغم ذوات ايقاع على ما يستعمل اكثر ذلك وعلى الامر الاوسط قريب من زمان التعلّق بثمانية اسباب خفيفة ووقفة بعد[6] زمانها قريب من ضعف ذلك الزمان الذى يقع بين سببين خفيفين

атрофированный гласный звукъ (—فعلْ—ت), но и удлиненнаго гласнаго звука (فعلوا), которому причастно увеличеніе времени, нужнаго для его произношенія, что осложняетъ понятіе.

1) Ap. Kos., p. 37. Тамъ-же كَلُّها вм. كُلّها. 2) Ib., p. 38. 3) Ib., p. 132. 4) Ib., p. 133. 5) Ib., p. 147.

6) Въ рук. لعز; Kos. (p. 148) хочетъ читать تعقّب. Мы остановились на بعد, чтобы не видоизмѣнить очертанія буквъ подлинника: различія между ر и د очень часто нѣтъ

وذلك متى نطق بها على اتّصال من غير ان يجعل لها فواصل. Мы тутъ получаемъ цѣнное указаніе для продленія паузы внутри полустишія и между двумя полустишіями одного стиха: ея крайній предѣлъ—тотъ моментъ, въ который должна приходиться сильная часть такта; пауза неминуемо должна прекратиться до наступленія этого момента. Не удивительное-ли совпаденіе съ взглядомъ Guyard'a составляетъ дальнѣйшее изложеніе Эль-Фарабія (f. 103ᵃ) [1]): وكل سبب منها يحاكى نقرة تعقبها وقفة يسيرة (ср. 1-ый законъ Guyard'a гдѣ за сильнымъ слогомъ (долею такта) появляется точка · (♪.) или un silence équivalent à un demi-temps = 𝄿) [2])?

Онъ съ прочими учеными и музыкантами дѣлилъ ритмы на слитные (الموصلات) и прерывающіеся (المفصلات); изъ ритмовъ ذوات نظام тѣ, что افضل واجود هى الايقاعات المفصّلة من قبل ما يقع فيه من اختلاف الازمنة وأمّا الموصّلات فقليلة البهآء بسبب تساوى ازمنتها لحق النفس منها شبه ملال الخ и т. д. (Kos. p. 162). Немного далѣе (105ᵇ, ap. Kos. p. 163) мы читаемъ: مثل اوزان الأشعار فانها ليس فيها موصّل اصلا وأمّا التصفيقات والرقص فانها قد تستعمل فيها الموصّلات كثيرا اذا كان يمكن النفس فيها أن تضيف الى المحسوس منها نقرات بالضمير فيفصّل بها الموصّلات.

Здѣсь говорится безъ обиняковъ объ اوزان الأشعار, о стихотворныхъ размѣрахъ [3]), и къ нимъ примѣняются термины, относящіеся къ музыкаль-

---

никакого, а неправильная постановка точки надъ чертою (а не подъ чертою: ب) не должна насъ смущать. Смыслъ очень хорошій.

1) Ib., p. 148.

2) Для бо́льшей точности, пропускаю не относящіяся сюда строки и привожу еще продолженіе этого мѣста у Эль-Фарабія (ap. Kos., p. 150): والنقرة التى تعقبها وقفة تسميها العرب النقرة الساكنة والتى لا تعقبها وقفة ولكن تعقبها حركة الى نغمة اخرى يسمونها النقرة المتحركة ومتى كان الايقاع يعقب نقراته وقفات سموه الجنس فكلّما كانت الوقفة ابطأ الخ

3) Замѣтимъ кстати, что وزن служитъ одинаково для обозначенія ритма словъ и ритма стиховъ: послѣдній, вѣдь, просто развитіе перваго.—Въ томъ-же сочиненіи, изъ котораго мы извлекли восторженный отзывъ о музыкѣ (Flügel № 1517), мы читаемъ (Глава II): والتلحين ما ركب من نغمات ورتب ترتيبا عجيبا موزونا مقرونا بابيات الشعر او ما يوافقه من الكلام المسجّع باصطلاح اهل الفن. Сочиненіе много древнѣе рукописи, въ которой оно дошло до насъ; писецъ мало что изъ него понималъ: مسجع является подъ видомъ болѣе ему сподручнаго مشجع, и يونانية становится يوبانية. Однако, самъ собиратель не былъ изъ числа древнихъ писателей (لفظة الموسيقا لفظة يونانية ومعناها علم الالحان; см. также выборъ стихотвореній).

нымъ ритмамъ, а, вмѣстѣ съ терминами, также и понятія, которыхъ они суть носители.

Не одинъ Эль-Фарабій сознавалъ тѣсное родство между музыкою и стихотворствомъ. Обзоръ всѣхъ наукъ, составленный такъ наз. «Искренними братьями» (رسائل اخوان الصفا) въ десятомъ вѣкѣ по Р. Х., касается и этого предмета въ пятомъ посланіи الرسالة الخامسة في الموسيقى; ясность изложенія и твердость убѣжденія побуждаютъ насъ выписать изъ него нѣсколько мѣстъ служащихъ опорою для метода Guyard'a. Наши выдержки взяты изъ вѣнской рукописи[1]); она, судя по блѣднымъ черниламъ, по неуклюже-размашистому почерку и по европейской бумагѣ, принадлежитъ послѣднимъ столѣтіямъ, но подлинникъ тщательно переданъ въ ней:

(٢٥a) والبيان (2 بان للنغم والالحان الموزونة تاثير فى نفوس المستمعين
(٢٦b) (3 والاصوات (٢٧a) تنقسم من جهة الكمّيّة نوعين منفصلة (4 ومتّصلة فالمنفصلة هى
التى بين ازمان حركات نقراتها زمان سكون محسوس مثل نقرات الاوتار وايقاع

1) Съ тѣхъ поръ я пріобрѣлъ бомбейское изд. 1305-го года Г.; тамъ посланіе носитъ № 4 и занимаетъ стр. ٨٤—١٢٥ перваго тома.

2) Въ бомбейскомъ изд., стр. ٨٧: وان النغمات لها تاثيرات فى النفوس روحانية كما ان لسائر الصناعة تاثيرات فى الاجسام جسمانية (въ печати الجسمانية). — Мнѣ позволятъ привести здѣсь еще двѣ выдержки. Одна (стр. ٩٢—٩٣) покажетъ, какъ здраво «Искренніе братья» смотрѣли на проявленія музыки: والدليل على حقيقة ما قلنا وصحة ما وضعنا (изд. وصفنا) انك تجد اذا تاملت لكل امة من الناس الحانا ونغمات يستلذونها ويفرحون بها لا يستلذها غيرهم ولا يفرح بها سواهم مثل غنا الديلم والاتراك والعرب والاكراد والارمن والزنج والفرس والروم وغيرهم من الامم المختلفة الالسن والطباع والاخلاق والعادات. Другая (стр. ٨٤) выставитъ лишній разъ тѣсное родство между музыкою и поэзіею: فمن تلك النغمات والاصوات ما يحرك النفوس نحو الاعمال الشاقة والصنائع المتعبة وينشطها ويقوى عزماتها على الافعال الصعبة المتعبة للابدان التى تبذل فيها مهج النفوس وذخائر الاموال وهى الالحان المشجعة التى تستعمل فى الحروب وعند اللقاء فى الهيجاء ولا سيما اذا غنى معها بابيات موزونة فى وصف الحرب ومدح الشجعان مثل قول القائل * لو كنت من مازن لم تستبح ابلى и т. д. Кому же не памятенъ этотъ стихъ изъ Хамасы?

3) Бомб. изд. стр. ٩١—٩٢; тамъ двѣ опечатки: فالمنقصلة вм. فالمنفصلة въ первой строкѣ, и يتنقسم вм. تنقسم около конца выдержки, и тутъ-же лучшее чтеніе نوعين вм. بنوعين; оно предлагаетъ ايقاعات القضبان و вм. ед. числа, и والرباب вм. والسرنايات.

4) Считаю лишнимъ указать, гдѣ я прибавилъ діакритическія точки, которыя пропущены во многихъ мѣстахъ, равно какъ и *тешдидъ*.

القضبان وامّا المتّصلة من الاصوات فهى مثل اصوات المزامير والنايات والسرنايات والدواليب والنواعير وما شاكلها والاصوات المتّصلة تنقسم بنوعين حادّة وغليظة فما كان من النايات والمزامير اوسع تجويفا وثقبا كان صوته اغلظ

(٢٧b)[1] فنقول انّ العروض هو ميزان الشعر يعرف به المستوى والمنزحف (٢٨a) وهى ثمانية مقاطع فى الاسطار[2] العربية وهى[3] فعولن فاعلن مفاعلن فاعلاتن مستفعلن متفاعلن مفاعلتن مفعولات[4] وهذه الثمانية مركّبة من اصول ثلثة من السبب والوتد والفاصلة فالسبب حرفان. А дальше, послѣ короткаго общеизвѣстнаго опредѣленія трехъ основныхъ частей стиха, мы читаемъ: فهذه القوانين العروضية[5] واصولها وامّا قوانين الغناء والالحان فهى ثلثة اصول ايضا[6] السبب والوتد والفاصلة فامّا السبب فنقرة متحرّكة يتلوها ساكن مثل قولك تَنْ تَنْ تَنْ[7] وتكرّر دائما الوتد نقرتان يتلوها ساكن[8] مثل قولك تنن تنن تنن[9] وتكرّرها دائما والفاصلة ثلثة نقرات ويتلوها ساكن مثل قولك تننن تننن تننن[10] وتكرّرها[11] دائما فهذه الثلثة فى الاصل والقانون وما يركّب منها من النغمات وما يتركّب من الالحان من النغمات[12] فى جميع اللغات فاذا ركّب من هذه الاصول اثنين كان[13] منها تسع نغمات وهى هكذا نقرة ونقرتان مثل قولك تن تنن تن تنن[14] وتكرّرها دائما ومنها[15] نقرتان ونقرتان مثل قولك تنن تنن وتكرّر

1) Бомб. изд. стр. ٩٣—٩٤. — من المنزحف.

2) Бомб. справедливо الاشعار.

3) Бомб.: وهى هذه فعولن مفاعيلن متفاعلن مستفعل فاعلاتن فاعلن مفعولات مفاعلتن.
Здѣсь все вѣрно, за исключеніемъ مستفعل, который слѣдуетъ передѣлать въ مستفعلن.

4) Надписанная черта показываетъ, что слово въ подлинникѣ выписано красными буквами. متفاعلن пропущенъ въ рук. — Б. من ثلثة اصول وهى.

5) Б. قوانين العروض واصوله. 6) Б. فهى ايضا ثلثة اصول وهى.

7) Б. четыре раза. — يكرر вм. وتكرر; والوتد вм. الوتد. 8) Б. يتلوهما سكون.

9) Б. 4 раза. — وتكرر; فثلاث; واما الفاصلة; يتلوها سكون.

10) Б. تننن 4 раза, послѣ чего: فهذه الثلث هى الاصل والقانون فى جميع ما يتركب منها من и т. д. 11) Въ рук. ويكررها.

12) Б. من النغمات من الالحان وما يتركب منها من الغناء.

13) Б. ركبت من هذه الثلثة الاصول اثنين اثنين كانت.

14) Б. только разъ. — Всегда безъ повторенія, и وتكرر безъ ها, и تنن вм. تنن.

15) Б. نقرتان ونقرة مثل قولك تنن تن وتكرر دائما ومنها نقرة وثلث نقرات مثل قولك تن تننن وتكرر دائما ومنها.

دائما ومنها ثلث نقرات ثلث نقرات [1] تنتن تنتن وتكرّر دائما ومنها نقرتان وثلث نقرات مثل قولك تنن تنتن وتكرّر دائما ومنها ثلث نقرات ونقرتان مثل قولك تنتن تنن وتكرّر دائما [2] ومنها نقرة وسكون بعده نقرة وسكون فهو الاصل والعمود مثل قولك تن تن فهذه النغمات الثنائية فامّا [3] الثلاثية فهى مركّبة من عشر نقرات [4] نقرة ونقرتان وثلث نقرات مثل قولك تن تنن تنتن ونقرتان ونقرة وثلث نقرات مثل قولك تنن تن تنتن وثلث نقرات ونقرة ونقرتان [5] مثل قولك تنتن تن تنن ونقرتان وثلث نقرات ونقرة مثل قولك تنن تنتن تن وثلث نقرات ونقرتان ونقرتان مثل قولك تنتن تنن تنن ونقرة وثلث نقرات ونقرة مثل قولك تن تنتن تن ونقرتان وثلث نقرات وثلث نقرات مثل قولك تنن تنتن تنتن وثلث نقرات ونقرتان وثلث نقرات مثل قولك تنتن تنن تنتن ونقرة ونقرتان ونقرتان ونقرة مثل قولك تن تنن تن فهذه جميع [6] انواع الايقاع المركّبة من النقرات ثلث منها مفردة وتسع ثنائيّة وعشر ثلثيّة فذلك اثنا وعشرون تركيبا والذى تركّب من هذه فى غناء العربيّة ثلثة انواع وهى الثقيل الاوّل وخفيفه والثقيل الثانى وخفيفه والرمل وخفيفه والهزج وخفيفه فهذه الثمانية اجناس هى الاصل ومنها ينفرع [7] ساير الالحان واليها ينسب الثمانية المقاطع التى فى دوائر العروض وقد تبيّن ممّا ذكرنا والخ. Затѣмъ уже слѣдуетъ разоблаченіе мистической связи между гармоніею свѣтилъ и звуковою гармоніею на землѣ, между небесными сферами и кругами ритмовъ и т. д. На стр. ٢٨^b мы вновь находимъ научное изслѣдованіе: فنقول ان كل نقرتين من نقرات الاوتار وايقاعات القضبان تواترت

1) Б. приб. مثل قولك.

2) Б. ومنها ثلاث نقرات ونقرة مثل قولك تنتن تن. Затѣмъ слѣд. фраза въ слѣдующемъ болѣе совершенномъ, видѣ: ومنها نقرة وسكون بقدر نقرة وهى الاصل. Дальше: دايما فهذه جملة النغمات. 3) Б. واما.

4) Б. فهى عشر تركيبات. Изд. имѣетъ дѣйств. 10 сочетаній, но только излагаетъ ихъ просто такъ: نقرة ونقرتان وثلاث نقرات ونقرة ونقرتان и т. д., безъ مثل قولك и تن تنن. Въ послѣднемъ видѣ они представятся такъ: 1) تن تنن تننن; 2) تنن تن تننن; 3) تن تننن تنن; 4) تننن تن تنن; 5) تن تننن تن; 6) تن تنن تن; 7) تن تنن تننن; 8) تنن تننن تنن; 9) تننن تن تننن; 10) تننن تنن تننن.

5) Въ рук. ونقرتان ونقرة.

6) انواع вставлено изъ Б. — Б.: ثلثة; وتسعة; وعشرة; اثنان; الغناء; наконецъ ثمانية, но, кажется, рукопись права (انواع смѣняется черезъ اجناس не безъ умысла).

7) Б. يتفرع سائر انواع الالحان واليها تنسب ومن الثمانية المقاطع يتفرع سائرها في دوائر والخ.

ايضا سكونات بينهما ثمّ لا يخلو زمان تلك السكونات من ان تكون مساوية لزمان تلك الحركات او يكون اطول منها او اكثر لا يمكن فمتّفق عليه من اهل هذه الصناعة انّ زمان الحركة لا يمكن ان يكون اطول من زمان السكون الذى من جنسه[1] والخ, но это сходно съ ученіемъ Эль-Фарабія, которое всякій можетъ прочесть у Kosegarten'а.

Изъ сличенія печатнаго текста съ вѣнскою рукописью выходитъ, что бомбейскій издатель имѣлъ передъ собою хорошій списокъ Сборника; тѣмъ не менѣе, и вѣнская рукопись имѣетъ свое значеніе. Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи критическаго аппарата въ восточныхъ изд., не мѣшаетъ ихъ провѣрять. Живо сожалѣемъ, что мы имѣли доступъ къ одной лишь вѣнской рукописи, — этого недостаточно для вѣрной оцѣнки изданія; впрочемъ, для нашей цѣли, намъ не нужно ничего болѣе.

Сгруппируемъ же здѣсь главные выводы Посланія о Музыкѣ, насколько они касаются основъ стихосложенія.

Метрика (علم العروض) составляетъ часть музыки; подъ музыкою же разумѣваются ритмованныя инструментальныя и голосовыя ноты (النغم والالحان الموزونة). Просодія служитъ поэзіи какъ бы вѣсами, на которыхъ (путемъ взвѣшиванія) узнается ровный и потягивающійся[2]) стихи العروض هو ميزان الشعر يعرف به المستوى والمنزحف. Основаніе стихосложенія троякое: السبب والوتد والفاصلة[3]), тождественное съ составными частями арабской рѣчи и съ началами пѣнія на арабскомъ языкѣ (غناء العربيّة), — تَنْ تَنَنْ تَنَنَنْ, представляетъ собою тему ритмовъ арабской музыки: الهزج, الرمل, الثقيل.

---

1) Текстъ испорченный, хотя ясный; мы исправили ان يكون въ ان تكون (т. е. السكونات; правильнѣе было бы согласовать глаголъ и все сказуемое съ زمان) и الحالات въ الحركات. Въ бомб. изд. нѣсколько пространнѣе (стр. ٩٥): فنقول ان كل نقرتين من نقرات الاوتار وايقاعات القضبان فلا بد ان يكون بينهما زمان سكون طويلا كان او قصيرا وانه اذا تواترت نقرات تلك الاوتار او ايقاعات القضبان تواترت ايضا سكونات بينها ولا يخلو ان يكون ازمان تلك السكونات من ان تكون مساوية لازمان تلك الحركات او يكون اطول منها ولوكان اقصر منها لا يمكن ومتّفق بين اهل الصناعة بان زمان الحركة لا يمكن ان يكون اطول من زمان السكون الذى هو من جنسه и т. д.

2) На счетъ زحاف мы объяснились выше.

3) السبب: звуки связываются другъ съ другомъ; الوتد: они входятъ другъ въ друга и прикрѣпляются какъ будто помощью гвоздя; الفاصلة: происходитъ разрывъ, какъ вытекаетъ изъ словъ Эль-Фарабія и изъ вышеприведеннаго положенія: زمان الحركة لا يمكن ان يكون اطول من زمان السكون.

На 3 основаніяхъ зиждутся 8 ритмовъ музыкальныхъ:

التقيل الاوّل وخفيفه, التقيل الثانى وخفيفه, الرمل وخفيفه, الهزج وخفيفه

и, соотвѣтственно имъ, 8 стопъ — дѣленій стиха — مقاطع:

فعولن, فاعلن, مفاعيلن [1], فاعلاتن, مستفعلن, مفاعلتن, متفاعلن, مفعولات,
تنن تن; تن تنن, تنن تن تن, تن تنن تن, تن تن تنن, تنن تنتن, تنتن تنن, ?

для مفعولات не знаю что и ставить, — стопа невозможная.

Путемъ сочетанія и перестановки восьми элементовъ мы получаемъ нѣсколько типовъ.

Такимъ образомъ, имѣемъ, согласно рукописи:

1) начальные элементы: سبب — تن تن تن;
وتد — تنن تنن تنن;
فاصلة — تنتن تنتن تنتن;

2) двойные элементы: متدارك — تن تنن تن تنن;
[слѣдующіе затѣмъ تنن تنن } никоимъ образомъ не суть состав-
[и تنتن تنتن } ные, а основные, ритмы, не смотря на диподію];
وافر — تنن تنتن;
كامل — تنتن تنن;
[слѣдующій за ними تن تن относится также къ первоначальнымъ основамъ ритма и входитъ въ разрядъ 1]

3) тройные элементы:
تن تنن تنتن
تنن تن تنتن
تنتن تن تنن
تنن تنتن تن
تنتن تنن تن
تن تنتن تن
تنن تنتن تنتن
مقتضب — تنتن تنن تنتن
رمل. — تن تنن تن

Но рукопись, очевидно, не полная; точно также какъ писецъ позабылъ متفاعلن, нужный для пополненія 8-ми ритмовъ, онъ здѣсь пропустилъ, во

---

1) Въ текстѣ я оставилъ مفاعلن, но невозможно допустить, чтобы составитель Посланія предпочелъ неполный видъ مفاعلن полному مفاعيلن, тѣмъ болѣе что مفاعلن — просто два гвоздя, два وتد. Бомб. изд. подтверждаетъ это.

второмъ разрядѣ, три типа для довершенія девяти и, въ 3-мъ, одинъ для доведенія числа ритмовъ до десяти. Оставивъ въ сторонѣ начальные элементы и исключивъ изъ остальныхъ 19-ти тождественные съ первыми три типа, показанные въ нашей таблицѣ, мы получаемъ число 16-ть, которое соотвѣтствуетъ количеству обыденныхъ стихотворныхъ размѣровъ; прочіе же 6 недаромъ тутъ стоятъ, и мы еще встрѣтимся съ ними.

Во 2-омъ разрядѣ пропущены: متقارب — تنن تن تنن تن
تن تنتن تن تنتن
تنتن تن تنتن تن;
въ 3-ьемъ: هزج — تنن تن تن.

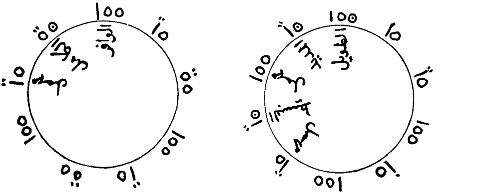
Въ самомъ дѣлѣ, брошенный на изданіе взглядъ подтверждаетъ нашу догадку; да и не могло быть иначе, потому что все изложеніе «Братьевъ» слѣдуетъ вполнѣ раціональной системѣ. Замѣтьте характерную приписку къ конечному двойному элементу — وهى الاصل والعمود; онъ, однако, отброшенъ на самый конецъ вслѣдствіе того, что онъ, какъ замѣчено выше, представляетъ собою лишь повторенный первичный элементъ. Все-же слѣдуетъ указать на диподическій его характеръ, который въ него, какъ и въ заключенные въ скобки элементы, вноситъ начало чередованія сильнаго и второстепеннаго удареній.

Изъ полнаго перечня видно, что темы отвѣчаютъ стихотворнымъ размѣрамъ лишь въ видѣ исключенія; цѣлыхъ девять должны были быть обойдены молчаніемъ, при желаніи не идти дальше тройныхъ элементовъ изъ за соображеній чисто-мистическаго свойства: приноровить всѣ явленія въ природѣ и въ наукѣ къ одному міросозерцанію — вотъ цѣль «Братьевъ»; собрать все частичное, случайное въ одно великолѣпное цѣлое — вотъ средство, которымъ достигается цѣль. «Братья» не искажаютъ дѣйствительности, но, въ поискахъ за общими выводами, пренебрегаютъ часто фактами. Пятое посланіе проникнуто чувствомъ единства гармоніи въ языкѣ, въ поэзіи, въ пѣсни, въ музыкѣ, — оно во вселенной подбираетъ все, что можетъ поддержать убѣжденіе «Братьевъ»; съ другой стороны, нельзя вдаваться въ лишнія объясненія, надобно все излагать коротко и ясно, приходится удовлетворяться главнѣйшими моментами[1]). Тамъ, гдѣ нужно бы удаляться отъ ближайшей цѣли сочиненія, составитель

1) Павелъ Орозій, въ Historiarum adversum Paganos libri tertii praefatio (Corp. Script. Eccl. Latin., Vindobonae, vol. V, p. 134—135), отлично изображаетъ возникающія при подобномъ способѣ работы затрудненія: Si enim aliqua studio brevitatis omitto, putabuntur aut mihi nunc defuisse aut in illo tunc tempore non fuisse; si vero significare cuncta nec exprimere studens compendiosa brevitate succingo, obscura faciam et ita apud plerosque erunt dicta, ut

предпочитаетъ намекать на разнаго рода явленія, напоминая ихъ помощью чиселъ, этой clef de voûte всего зданія, доставшагося «Братьямъ» по наслѣдству отъ ново-платонической школы, преемницы Пиѳагорейцевъ. Въ пятомъ посланіи ведется сразу рѣчь о музыкѣ и о поэзіи, объ игрѣ и о пѣснопѣніи; перебираются ритмы, дающіе начало различнымъ мелодіямъ, и только помощью чиселъ (3 основанія; 8 стопъ; 16 принятыхъ + 6 пренебрегаемыхъ [1]) = *22* размѣра) указывается на ихъ родство съ метрами: нѣкоторыя изъ простѣйшихъ составленій находятъ мѣсто среди нихъ, другія обходятся молчаніемъ изъ-за невозможности втиснуть ихъ въ опредѣленную рамку; طويل, مديد, بسيط, خفيف, سريع, منسرح, مجتث, مضارع требуютъ расчлененія болѣе чѣмъ на *три* части [2]); رجز какъ бы входитъ въ رمل, и, благодаря опущенію его, остается просторъ для другаго музыкальнаго ритма, который иначе былъ бы исключенъ вслѣдствіе необходимости ограничиваться числомъ 22.

Ради простоты, я рѣшился дать размѣру متدارك то имя, подъ которымъ онъ извѣстенъ со временъ Эль-Ахфаша, хотя оно наврядъ ли было извѣстно составителю 5-го Посланія Сборника «Искреннихъ Братьевъ». ابن عبد ربه говоритъ объ Эль-Ахфашѣ, но متدارك у него все еще слыветъ مهمل [3])—пренебрегаемымъ, наравнѣ съ шестью другими, которыхъ рѣчь коснулась выше и которые составятъ дальше предметъ нашего изслѣдованія. Вотъ какъ круги (الدوائر) изображены въ العقد الفريد (III р. ١٩٤—١٩٨=١٥٣—١٥٥):

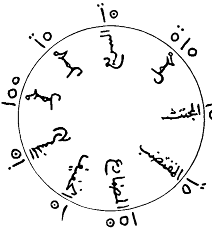
nec dicta videantur: maxime cum e contrario nos vim rerum, non imaginem commendare curemus; brevitas autem atque obscuritas, immo ut est semper obscura brevitas, etsi cognoscendi imaginem praefert, aufert tamen intellegendi vigorem.

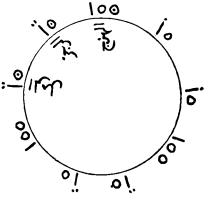
1) Объ этихъ шести мы говоримъ ниже.

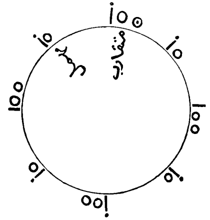
2) Введеніе числа 4 нарушило бы симметрію системы.

3) Въ стихотворномъ изложеніи системы круговъ, ابن عبد ربه (ал-'Икдъ III, р. ١٩٨=١٥٤) говоритъ:

وبعدها خامسة الدوائر   للمتقارب الذى فى الآخر
ينفك منها شطره وشطر   لم يأت فى الاشعار منه الذكر

Это—настоящій способъ черченія круговъ [1]); избранный нами въ началѣ способъ по образцу, сообщенному Freitag'омъ (стр. 147), имѣлъ цѣлью наглядно показать составъ каждаго размѣра по общепринятой системѣ. Здѣсь же ярко выступаетъ желаніе Халиля наполнять промежутки между размѣрами въ употребленіи посредствомъ болѣе или менѣе вымышленныхъ, которые слывутъ за مهمل: пробѣлы оставлены единственно тамъ, гдѣ свободные знаки являются вновь въ неизмѣнномъ порядкѣ и гдѣ кругъ могъ бы смыкаться и безъ нихъ; одинъ только 4-й способенъ порождать большое количество размѣровъ. Мы имѣемъ 7 مهمل вм. 6, изъ-за несуществованія еще названія для متدارك.

Теперь, когда мы уже нѣсколько раскрыли тайны стихотворства, мы съ любопытствомъ осмотримъ эти круги, которыя показываютъ, какъ метры нарождаются изъ سبب (00, ı0), وتد (ı00, 0ı0) и فاصلة (ı000).
خفيف ثقيل　مفروق مجموع

1) Кружокъ и черточка — общеупотребительная нотація музыкантовъ для обозначенія тоновъ различной длины. У метриковъ кружокъ означаетъ движимую согласную, черточка — покоящуюся. Точки надъ черточкой указываютъ на возможность отпаденія согласной, точки надъ кружкомъ указываютъ на то, что гласная или весь слогъ отпадаетъ, точка въ кружкѣ — на то, что слогъ отпадаетъ въ началѣ полустишія (во 2-омъ изд. центральныя точки пропущены).

Но, если мы тутъ схватываемъ причину писанія въ извѣстныхъ случаяхъ مستفعلن (10 010 10) вм. مستفعلن (100 10 10) и فاعلاتن (10 10 010) вм. فاعلاتن (10 100 10), и поводъ возникновенія злополучнаго مفعولات (010 10 10), мы чувствуемъ полное отсутствіе ударенія, которое повело къ недоразумѣніямъ 4-го круга (المشتبه) и къ долголѣтнимъ заблужденіямъ европейскихъ ученыхъ. Методъ Guyard'а отражаетъ, однако, въ себѣ ученіе арабовъ, и пренебреженіе удареніемъ — призракъ, исчезающій, лишь только читаешь со вниманіемъ посвященныя нашему предмету истинно научныя арабскія статьи.

Въ Вѣнской Hofbibliothek хранится, подъ № 1515 у Flügel'я (Mixt. 393), тщательно-составленная арабская рукопись персидскаго почерка XVI-го столѣтія на восточной, желтоватой бумагѣ, которая содержитъ въ себѣ сочиненіе XIII-го столѣтія по Р. Х., обогащенное весьма дѣльными и удивительно ясными примѣчаніями, вошедшими уже въ составъ той рукописи, которой вѣнская является копіею. Сочиненіе посвящено наукѣ о композиціи:

كتاب الرسالة الشرفيّة فى النسب التأليفيّة لصفى الدين عبد المومن بن فاخر الارموى البغدادى رحمة الله عليه

и большая часть пятой главы его прямо касается нашего предмета:

(٤٨ª)[1] المقالة الخامسة فى الايقاع ونسب ادواره

الايقاع هو[2] جماعة نقرات يتخلّلها ازمنةٌ محدودةُ المقادير على نِسَب واوضاع مخصوصة بادوار متساوية يُدرك تساوى تلك الادوار والازمنة بميزان الطبع السليم المستقيم

فصل اعلم ان للقدماء فى اصول الايقاع كلاما يطول شرحه وهو غير لايق بهذا المختصر وانّما اللايق انه نذكر كلاما فى اصول الايقاع المستعملة المتداولة بينهم فنقول انّك لا تستطيع ان تتلفّظ[3] بسببٍ ثقيلٍ الّا بنقرتين من اللسان على اللهاةِ كقولك تَنَ ومن البيّن انّ بين النقرتين زمانا وذلك الزمان قد يكون بطيئًا وقد يكون سريعًا وقد يكون متوسّطا بين السرعة والبطؤ والسريع فقد يبلغ الى غايةٍ تجعل[4] الزمانَ غير محسوسٍ كما يشاهد من ترعيد اللسان وكما يشاهد من سرعة حركة النقرات على الطّبول من ايدى المهرة وهذا الزمان وامثاله يسمّى ترعيدا وتضعيفا[5] وانّما البطؤ منه فانه يحتاج الى مدّ التّاء[6] وليس للتمديد حدٌّ معيّنٌ بل لك ان تزيده مدًّا بحسب

1) По арабской пагинаціи книги; европейская же, помѣченная въ Библіотекѣ, разнится отъ нея на одинъ листъ (٤٨ = 49) вслѣдствіе принятія въ счетъ пустыхъ страницъ.

2) Рук. هى. 3) Рук. انه يتلفّظ. 4) Рук. يَجعل. 5) [Читай و تصفيقا *B. P.*].

6) Въ техническомъ словѣ تن.

اقتضاء ارادتك وهذا ان الصنفان[1] لا يصلح ان يكونا عيارًا يُكَالُ به الازمنةُ بل الصالح المتوسّط من الزمان ثم اذا تلفّظ المتلفّظُ باسباب ثقالٍ على التتالى فقد يتلفّظ[2] على هيئة بجعل الازمنة التى بينها متفاوتةً فان فعلت ازمنة متساوية كان موزونا مطبوعا ثم اذا كثرتْ جدًّا لم يُخَيَّل[3] فى النّفس ادوارًا بل يجب ان يكون كلّ جملة منها منفصلًا عن كلّ جملةٍ بزمانٍ الطولَ وذلك الزّمان يسمّى فاصلةً ثم اذا ازدادتْ نقراتُ احدى الجملتين على الاخرى ولو بنقرةٍ فانّه يُخَيَّل فى النّفس خروجًا عن اعتدال الوزن فلا يتقبّلها النّفس وهذا مما يوجبه التجربة والاعتياد لا النظر الثاقب فقط وبين الشعر والايقاع تناسبٌ مّا من وجه[4] فانّ كثيرًا ممّن له ذهن وقّار وسرعةُ هجومٍ على ادراك الحقايق يُنْشِد البيت مزحوفا بل مكسورا ولا يحسّ به وذلك امّا بحسبِ الاعتياد او بحسب نقصٍ فى الطبيعة او بسبب آخر كذلك حال الايقاع فانّا نجد كثيرا ممّن له (٤٨b) ذهن وقّار وفهم ثاقب ورياضةٌ وافرةٌ فى اصناف علومٍ شتّى يُحرّك[5] اعضاه عند سماع الايقاع على هيئة غير موزونة وبالعكس

فـصـل كلّ جماعة نقرات ان كان بينها ازمنةٌ متساويةٌ فانّه يسمّى الايقاع الموصّل وان كانت متفاضلة يسمّى الايقاع المفصّل والموصّل ان كان بين كلّ نقرتين منها زمان لا يمكن انقسامه اى لا يمكن ان يقع بين كلّ نقرتين نقرتين منها نقرةٌ بل كانت من اقصى الازمنة التى لها قدرٌ محسوسٌ فانّ الشيخ ابا نصر[6] يسمّيه سريع الهزج كان الزمان الذى بين نقرات الاسباب الثقال خصوصا اذا كان التلفّظ بها حثيثا كقولك تَنَ تَنَ تَنَ وهذا الزمان اسمّيه زمانَ آ وان كانت الازمنة المتساوية المتتالية ضعفَ زمان آ فانّه يسمّيه خفيف الهزج مثاله ان تتلفّظ باسباب خفاف على التتالى وتَقْرِنَ بتاءِ كلّ سبب سبب منها نقرةً نقرةً دون نونها الساكن فيصير بين النقرات ازمنة فيها مساغٌ لنقرةٍ واحدة وهذا الزمان اسميه زمان[7] ب وان كانت الازمنة ممّا يمكن ان يتخلّلها نقرتان فانه يسميه خفيف ثقيل الهزج مثاله ان تتلفّظ باوتادٍ مجموعةٍ على التتالى وتَقْرِنَ باوّل كلّ حركة منها نقرةً نقرةً دون الاخرين كقولك تَنَنْ تَنَنْ تَنَنْ تَنَنْ على

1) Правильнѣе: الصنفين. 2) Рук. تتلفظ.

3) Sic, хоть и безграмотно: «[Не] представляется оно (т. е. дѣло, la chose) душѣ, оно [не] производитъ впечатлѣніе [я]».

4) Sic! «Нѣкоторымъ образомъ, съ одной стороны».

5) На полѣ выноска: فى حال الرقص. — Я выпишу здѣсь лишь тѣ примѣчанія, которыя представляютъ особый интересъ.

6) Эль-Фарабій.

7) Слово زمان пропущено въ рук.

وزن مفاعلن مرّتين وهذا الزمان اسمّيه زمان ج وان كان بين كلّ نقرتين نقرتين منها
مساغٌ لثلث نقرات فانه يسميه ثقيل الهزج مثاله ان تتلفّظ (1 بجملة فواصل على التتالى
وتقرن باوّل كلّ حركة منها نقرة نقرة دون الأُخَر الثّلاثة مثاله تَنَنَنْ تَنَنَنْ تَنَنَنْ تَنَنَنْ تَنَنْ
على وزن فَعِلُن وهذا الزمان اسمّيه زمان د

فـصـل وانك يمكنك تبعيد النقرات بعضها عن بعض اكثر من ذلك ان تسميه باىّ
اسم شئتَ غير انّنا نقتصر على هذه الاربعة الازمنة

فـصـل ومن البيّن ان زمان ب ضعف زمان ا وزمان ج مثل ونصف لزمان ب وثلاثة
امثال لزمان ا وزمان د مثل وثلث لزمان ج وضعف لزمان ب واربعة امثال لزمان ا

فـصـل فهذه هى البسائط وامّا الايقاع المفصّل فقد قلنا آنفا انها جملة نقرات بينها ازمنة
متفاضلة وهى على اقسام (٤٩a) منها ان تتوالى نقرتان نقرتان وبين كلّ زوجين منها زمانٌ
اطول ومنها ما يتوالى ثلاثا ثلاثا يفصل بين كلّ ثلثة (2 ثلثة منها زمان ومنها ما يتوالى
اربعا (3 اربعا وبين الاربع والاربع زمان اطول فامّا الاوّل فانه يسميه المفصل الاوّل
والثانى المفصل الثانى والثالث المفصل الثالث ثم المفصل الاوّل ان كانت الازمنة التى
بين كلّ نقرتين نقرتين منها من الازمنة التى لا تنقسم وهو الزمان الذى قد فُرِض
مكيالاً وهو الذى اسميه زمان ا فانه يسميه سريع المفصل الاوّل وان كانت من ازمنة
ب فانه يسمّيه خفيف المفصل الاول وان كانت من ازمنة ج فانه يسمّيه خفيف ثقيل
المفصل الاول وان كانت من ازمنة د فانه يسميه ثقيل المفصل الاول ثم (4 فاصلة كلّ واحد
من هذه الاقسام يجب ان يكون ازيدَ والزيادة يحتمل ان تكون بجزء او اجزاء او
ضعف او اكثر من ذلك غير ان الانسب ان يكون فى السريع ضعفا وفى الخفيف مثلا
ونصفا وفى خفيف الثقيل مثلا وثلثا وفى الثقيل مثلا وربعا وهى اعظم الفواصل وزمانها
خمسة امثال الاقلّ وامّا المفصل الثانى فان زمانيه امّا ان يتساويا ويسمى المتساوى
الثلاثى وان كانا متفاضلين فانه يسمّيه المتفاضل الثلاثى ثم المتساوى ينقسم بالاقسام
التى عرفتَها فى المفصل الاول وامّا المتفاضل فصنفان احدهما ان تقدم الاصغر من
الزمانين على الاعظم او بالعكس واصغر الزمانين فى كلّ الصنفين ان كانا (5 ممّا لا
ينقسم فانه (6 اعظمهما امّا ضعف ما لا ينقسم او ثلاثة امثاله او اربعة امثاله قال الشيخ (7

---

1) Въ рук. يتلفظ и ويقرن. Я дальше не буду указывать на исправленіе діакрит. точекъ.

2) На полѣ: هكذا مثلا دم . دم . دم . . . دم . دم . دم.

3) На полѣ: هكذا مثلا دم . دم . دم . دم . . . دم . دم . دم . دم.

4) Слѣд. прибавить زمان. 5) Читай: كان. 6) Читай: فانّ.

7) Эль-Фарабій; ср. Koseg., p. 141.

ان كان الاعظم ضعف ما لا ينقسم كانت الفاصلة مثل ونصف الاعظم او مثل وثلث الاعظم وهذا القول امّا سهو من المصنف او الكاتب اذ ليس للاعظم هذا ثلث بالفعل حتى تكون الفاصلة مثلا وثلثا للاعظم وانما تكون مثلا ونصفا للاعظم ثم قال وان كان الاعظم ثلاثة امثال ما لا ينقسم فالفاصلة امّا مثل وثلث للاعظم او مثل وربع والثانى ممنوعٌ بما عرفتَ ثم قال وان كان اربعة امثال فالفاصلة مثل وربع او مثل و خمس والثانى ايضا ممنوع بما عرفتَ وسائر هذه مستعملة وامّا ان كان الاصغر ضعف ما لا ينقسم صار الاعظم مثلا ونصفا او ثلاثة امثال صار الاعظم مثلا وثلثا وقس الباقى من نفسك والاوّل نسميه حثيث المتفاضل الثلاثى ثم المتفاضل الثلاثى الذى يقدم فيه الاصغر على الاعظم ان كان ضعف ما لا ينقسم والاعظم مثلا ونصفا فانه يسميه خفيف المتفاضل الثلاثى وان كان ثلاثة امثاله فانه يسميه خفيف ثقيل المتفاضل الثلاثى وان كان اربعة امثاله فانه يسميه[1] ثقيل المتفاضل الثلاثى والمستعمل خفيفه وخفيف ثقيله والثقيل والحثيث قلّ ان يستعمل والعرب تسمى الثقيل منها الثقيل الثانى والحثيث والخفيف قد تسمى الماخورى وقد تسمى خفيف الثقيل واما ان كان الاعظم مقدّما على الاصغر فان اقسامها الثلاثة تسمّى الرمل وامّا المتفاضل المتساوى الثلاثى فان الحثيث والخفيف منه يسمّيان خفيف ثقيل الاوّل فلنكتف بهذا القدر مما ذكروه من القول المطلق فى الايقاع ونذكر طرفا من الايقاعات الجزئية

فـصـل ونشرع الآن فيما يخصّنا من التقسيم فى الايقاعات الدوريّة المتداولة بين ارباب الصناعة العمليّة فنقول ان الثقيل الاول يُراء به فى زماننا هذا جملةُ نقرات يشتمل عليها دورٌ من ستة عشر نقرة بينها ازمنة متساوية[2] من ازمنةٍ اُ يْجْعَل بعضُها ازمنةً متفاضلة مثاله ان تتلفّظ بوتدين وفاصلة وسبب خفيف ثم فاصلة وتقرن بتاء كلّ اوّل وتد وفاصلة وسبب خفيف منها نقرةً نقرةً فينطبع فى الخيال دورٌ موزونٌ وان شيتَ قرنتَ بكل حركة منها نقرة وجعلتَ السواكن منها ازمنةً مثاله[3] تقول مفاعلن فعلن مفتعلن

---

1) Слова خفيف ثقيل ..... فانه يسميه выпали въ подлинникѣ; глоссаторъ (или писецъ) возстановилъ ихъ на полѣ съ обычнымъ указаніемъ صح.

2) هذا انما هو بيان مقدار الزمان فى ذلك الاصول (sic!) والّا لا بدّ ان يتفاضل زمان بعض نقرات من بعض فافهم.

3) На полѣ: تنن تنن تننن تن تننن. Подобное графическое изображеніе
مفا علن فعلن مف تعلن
встрѣчается и дальше вездѣ гдѣ рѣчь идетъ о расчлененіи ритма; но когда подлинникъ и безъ того удобопонятенъ я не выписываю поясненія.

وتقرن بالميم الفاء والعين واللام نقرةً نقرةً فتجد بين الميم والفاء زمان آ وبين الفاء والعين[1] زمان ب وبين العين واللام زمان آ وبين اللام والفاء الثانى من فعلن ايضا زمان ب وبين الفاء والعين واللام زمانى آ وبين اللام والميم والتاء من مفتعلن زمانى ب وبين التاء والعين واللام زمانى آ ثم يعود الدور فيكون بين النقرة الاخيرة[2] والاولى[3] من الدور الثانى زمان ب وان شئتَ ادرجتَ من هذه[4] النقرات ستّة واتيت بخمسة فيكون الميم والعين من مفاعلن (50^a) متحركين فيكون بين النقرة الاولى[5] والثانية[6] والثالثة[7] زمانى ج وبين الثالثه[8] والرابعة[9] زمان د وبين الرابعة والخامسة زمان ب وبين الخامسة[10] والاولى[11] لمن اعاد الدور ايضا زمان د وهذه مثال دوره. См. на прилагаемой таблицѣ II, фиг. 1.

وقد يُعَدُّ كلُّ دورين من هذه بدورٍ واحد ليكون للادوار انصاف بينها فواصل على هذا المثال. См. на прилагаемой таблицѣ II, фиг. 2.

وامّا المعروف فى زماننا هذا بالثقيل الثانى فانّ كلّ دورين منه يقوم مقام[12] دور من ادوار الثقيل الاوّل مثاله ان تتلفّظ بقولك مفاعلاتن وتقرن بحروفها المتحرّكة منها نقرةً نقرةً دون السواكن[13] فيكون بين الميم والفاء زمان آ وبين الفاء والعين زمان ب وبين العين واللام زمان آ وبين اللام والتاء زمان ب وبين التاء والميم لمن اعاد الدور ايضا زمان ب (50^b) وان شئت ادرجت[14] الفاء واللام ايضا مع السواكن فيصير زمان ما بين النقرة الاولى والثانية والثالثة زمانين من

---

1) На полѣ: اللذين تخلّل بينهما حرف ساكن.

2) На полѣ: وهى اللام من مفتعلن. 3) На полѣ: وهى الميم من مفاعلن.

4) На полѣ: التى هى احدى عشرة نقرة. 5) На полѣ: وهى الميم. 6) На полѣ: وهى العين. 7) На полѣ: وهى الفاء. 8) На полѣ: وهى الفاء من فعلن. 9) На полѣ: وهى الميم من مفتعلن. 10) На полѣ: وهى التاء من مفتعلن.

11) На полѣ: وهى الميم الاول.

12) На полѣ: لان حروف الدورين من الثقيل الثانى تساوى حروف دور الثقيل الاول. — Обозначенія на крыльяхъ круговъ принадлежатъ также глоссатору. — Слово نقرة (نمره) подчеркиваетъ подраздѣленія ритма: سبب, وتد, فاصلة.

13) На полѣ: فاذا يكون مجموع النقرات عشرة.

14) На полѣ: اى وان شئت ادرجت من هذه النقرات العشرة اربعة واتيت بستّة فافهم.

ازمنة ح ثم يعود الدور وبينهما فاصلة على نسبة ب على هذا المثال. См. на прилагаемой таблицѣ II, фиг. 3.

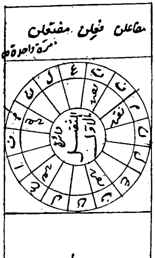
واما خفيف الثقيل فان كل دورين منه بازاء دورٍ واحدٍ من ادوار الثقيل الثانى فيكون اربعة ادوار منه بازاء دورٍ واحدٍ من ادوار الثقيل الاول ومثاله ان تتلفظ سببين احدهما خفيف وهو الثانى والاخر ثقيل كقولك فعلن متحرك العين فيكون مقرونا بكل فعلن ثلاث نقرات والنون ساكنة فيصير بين الاولى والثانية والثانية والثالثة زمانين من ازمنه آ زمان ب فاصلة لمن يعيد الدور وهذا مثاله. См. на прилагаемой таблицѣ II, фиг. 4.

واما الرمل فانه كل دور منه يوازى اثنتا عشرة نقرة من نقرات سريع الهزج ويتمثل ادوارها باسقاط الثانى والسادس والثامن والثانى عشر فيصير فى كل دور ثمانى نقرات بين الاولى والثانية ب والثانية والثالثة والثالثة (51a) والرابعة زمانا آ وبين الرابعة والخامسة والخامسة والسادسة زمانا ب وبين السادسة والسابعة والسابعة والثامنة زمانا آ وبين الثامنة والاولى ايضا زمان ب لمن اعاد الدور ثم لا فرق بين قولك مفتعلاتن فعلن وبين قولك مفتعلن مفتعلن وان شئت ادرجت من الثمانية اربعةً اخرى فيصير فى كل دور اربعةً من النقرات مثاله ان تتلفظ بسببين من الاسباب الخفاف على التتالى وفاصلتين وتقرن بتاء كل سبب منها وفاصلةٍ نقرةً فيصير بين النقرة الاولى والثانية والثالثة زمانا ب وبين الثالثة والرابعة زمان د مثاله تَنْ تَنْ تَنَنَنْ تَنَنَنْ ومنهم من يوقع هذا الايقاع على وزن فعلاتن متحرك العين مكررا يُعَدّ مرتين منها دورًا ولنمثل القسم الاول منها دورًا اذا لاق م الاخر مندرجة فيه على هذا المثال. См. на прилагаемой таблицѣ II, фиг. 5. На ней слово نقره поставлено вездѣ, гдѣ слышится звукъ и натягивается струна.

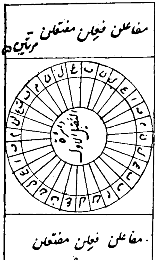
واما خفيف الرمل فانه لما كان مفتعلن مرتين بازاء دور مفتعلاتن فعلن مرة وصار مفتعلاتن فعلن يُخيّل فى النفس دورًا ومفتعلن سمّوه خفيف الرمل ولما كان واجبا عند ارباب الصناعة العملية ان يتمثل فى النفس للادوار انصاف كما يتمثل انصاف ابيات الشعر صار عندهم كل دورين من ادوار الرمل دورًا واحدًا ومفتعلن مرتين يُعدّ دورًا واحدًا ويسمّونه خفيف الرمل واما الازمنة التى بين نقراتها فهى كما فى الرمل واما الهزج فهو ان تتلفظ باوتاد على التتالى ويُعدّ كل دورين منها دورا كقولك (51b) تَنَنْ تَنَنْ فيصير نقرات ادوارها على ترتيب[1] سريع المفصل

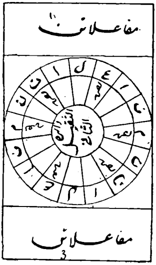
1) На полѣ: الذى تتوالى نقرتان نقرتان وبين كل زوجين منها زمان اطول فتقرن بكل تاء الوتد الاول ونونها المتحرك نقرة فيكون بينهما زمان آ ثم تقرن بكل

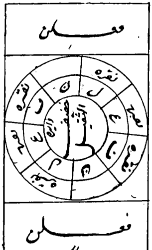
1

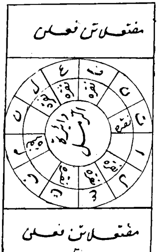
2

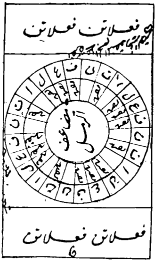
3

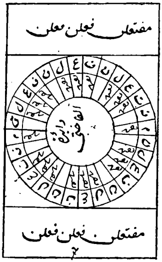
4

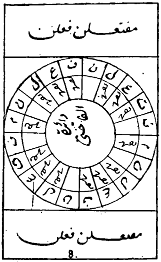

5

6

7

8.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

فصل وللفرس الحان كثيرة جدًّا من مضاعف الرمل لا يتّضح لها انصاف الّا من اربعة
وعشرين نقرةً بجعل ازمنتها من ازمنة آ وهو يسمى سريع الهزج والموقع يُخيّل كلّ دور
منها عن نقرتين على الجسم المنقور(1 غير الوتر والنقرتان هى الاولى والتاسعة عشر
فاذا اردت ان تخرج ذلك من القوّة الى الفعل فعليك ان تتلفّظ بفاصلة وسبب اربع
مرّات فى كلّ دور وتقرن باوّل(2 حركة من الفاصلة الاولى والرابعة منها نقرةً نقرةً فتجد
بين الاولى والثانية مساغًا لسبعة عشر نقرة وبين الثانية والاولى عند اعادة الدور
خمسة على هذا المثال. См. на прилагаемой таблицѣ II, фиг. 6.

فصل واللفرس انواع ضروب غير مشتهرة من العرب بل وعند كثير منهم وربّما كان لهم
فيه مصنفات يسيرة واشهرها قليلا ضرب يسمونه الفاختى زمان دوره عشرون نقرة مثاله
ان تتلفّظ بسبب خفيفٍ وفاصلتين ثم سببٍ وفاصلتين بجعل الاوّل مقدّما والثانى تاليا
وتقرن بكلّ اوّل سبب وفاصلة منها نقرة نقرة فتجد بين الاولى والثانية زمان بَ وبين
الثانية والثالثة زمان دَ وبين الثالثة والرابعة ايضا زمان دَ وبين الرابعة والخامسة
زمان بَ وبين الخامسة والسادسة زمان دَ وبين السادسة والاولى لمن اعاد الدور
زمان دَ وقد زيد فى هذه الدايرة فاصلة اخرى وصُنّف فيها الحان ومثاله ان تتلفّظ فى
كلّ واحد من المقدّم والتالى بسبب وثلث فواصل وتقرن (٥٣a) باوّل كل سبب وفاصلة
منها نقرة نقرة وهذا مثال دائرتهما. См. на прилагаемой таблицѣ II, фиг. 7 и 8.

فصل وقد يجمع فى لحن واحد بعينه سائر هذه الادوار وذلك اذا كان المؤلّف خبيرًا
بنِسَب ادوارها بعضها الى بعض فقد سمعنا الحانا كثيرةً فى مصنّفات قدماء العرب من
ارباب الصناعة العمليّة تشتمل على عدّة انواع من الضروب مختلفة غير انا وجدنا
الاقلّ منها موزونا واعنى بموزون ما يندرج تحت الضرب الاوّل الذى يُجعل بداية
مثاله اذا اردنا تأليف لحن من ضربين الاوّل منهما مضاعف الرمل والثانى ضرب ثانى
الثقيل جعلنا كلّ ثلثة ادوارٍ من الثقيل الثانى بازاء دورين من ادوار مضاعف الرمل
لان مضاعف الرمل من اربعة وعشرين نقرة من نقرات سريع الهزج والثقيل الثانى
من ستة عشر نقرة (٥٣b) فهما اذًا على نسبة المثل والنصف فاذًا كل دورين من مضاعف

تاء الوتد الاول ونونها المتحرّك نقرة فيكون بينهما زمان آ ثم تقرن بكل تاء الوتد
الثانى ونونها المتحرّك نقرة فيكون بينهما زمان آ ايضا فعلى هذا يكون فيما بين النون
المتحرّك الاول والتاء الثانى زمان اطول وهو النون الساكن فافهم

1) На полѣ: اى على الطنبور مثلا غير الوتر.

2) На полѣ: وهو تاء تَنَنْ فى الاولى والرابعة.

الرمل هى ثمانية واربعون ومن البيّن انّه اذا كان كل دور من ادوار الثقيل الثانى ستة عشر نقرة فاذًا كل ثلثة ادوار منها ايضا ثمانية واربعون نقرة فلو جعلتَه اربعةَ ادوار اختلّ نظام الوزن للسبب المذكور وهذا مما ينبّهك على كيفيّة جمع الادوار بعضها الى بعض فى لحنٍ واحدٍ بعينه اذا كنتَ مستحضرًا لِنِسَبِ الادوار بعضها الى بعض وهو ان يعلم ان الثقيل الاوّل نسبتُه الى مضاعف الرمل نسبة المثل والثلث والى الثقيل الثانى نسبة الضعف والثلثين والى خفيفه نسبة خمسة الامثال والثلث والى الفاختى نسبة المثل والثلثة الاخماس والى الفاختى الزائد نسبة المثل والسبع ثم نسبة مضاعف الرمل الى الثقيل الثانى نسبة المثل والنصف والى خفيفه نسبة الثلثة الامثال والى الفاختى نسبة المثل والخمس ونسبة الفاختى الزائد الى مضاعف الرمل نسبة المثل والسدس والى الفاختى نسبة المثل والخمسَيْن والى الثقيل الثانى نسبة المثل والثلثة الارباع والى خفيف الثقيل نسبة الثلاثة الامثال والنصف وعلى هذا يُعتبر نِسَبُ ادوار الضروب المختلفة بعضها الى بعض مما اثبتناه وممّا لم نثبته اذ يكاد ان يكون غير متناهى الكثرة ثم يجب ان يتحقّق انّها باسرها وان كثرتْ راجعةٌ الى سريع الهزج وليس شىء من ادوارها يقع افرادًا اذ الافراد لا انصاف لها فاذًا كلّها ازواجٌ وهذا القدر من علم الايقاع كافٍ لمن له قدرة على التفريع

ولنشرع الآن فى السلوك الى الصناعة العمليّة بان نُثْبِتَ بعضَ الالحان المصنّفة السهلة التناول ليتدرّج الطالب منها الى استخراج الحانٍ اخر ممّا هو اصعب تناولاً فليكن اوتار العود مصطحبةً اصطحابَ المعمور ولتكن الدساتين المعمورة وهى السبعة التى ذكرناها مشدودةً ثم تمعن فى الرياضة بالضرب على الوتر الواحد مطلقا (٥٣ᵃ) حتى اذا اَنِسَتِ اليدُ هَانَ عليها الانتقالُ الى مطلق وتر آخر وعند الضرب تتلفّظ باسباب ثقال على التتالى وتقرن بكل نقرة من النقرات المتتالية التى تَتَعقّلها من اللسان على اللهاة نقرةً نقرةً بالمضراب الذى يسمّونه الرجمة على نهج يكون تاء كل سبب نازلاً ونونها صاعدًا [1] فاذا امكنك ذلك كان الضرب ضربا مستديرًا فاذا حاولت ان تجعل

1) На полѣ: اى على طريق تنزل من الوتر بالتاء والصعد منها بالنون المتحرّك واما ان كنت نازلاً بهما من اعلى الوتر فيلزم عليك سرعة العود الى جهة الصعود والكائن فيما بين التاء والنون اعنى فيما بين النزولين فهو ينقسم الزمان الاقلّ الكائن فيما بين التاء والنون الذى هو زمان آ اذا مررت على الوتر فى العود الكائن بعد النزول بالتاء وذلك غير جائز واما لم تمرّ فى العود المذكور على الوتر كانما الضرب شبيها بالندف وذلك غير جائز ايضا فافهم

التاء والنون من كلّ سبب نازلاً اضطرَرْتَ لا محالة الى سرعة عَوْد الى جهة الصعود فينقسم الزمان الاقلّ ان كان والخ

Дальше, разсужденіе сосредоточивается на вопросахъ музыкальнаго свойства, которые вовсе не входятъ въ кругъ нашего изслѣдованія; изъ списанной же нами выдержки явствуетъ, что теорія музыки и теорія стихотворства исходятъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ. Выражать музыкальный ритмъ и выражать стихотворный ритмъ возможно исключительно однимъ и тѣмъ же способомъ. Звуки инструмента и звуки голоса соотвѣтствуютъ другъ другу, ноты и слоги идутъ параллельно. Читать стихъ, какъ прозу, вводя въ его декламированіе законно-допускаемые при его составленіи изъяны (مزحوفا) значитъ разбить его (مكسورا).

Выдержка еще интересна съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія, какъ стоящей на рубежѣ теоріи и практики «Книги о Композиціи», такъ и лежащаго въ ея основаніи капитальнаго сочиненія Эль-Фарабія. Мы въ ней находимъ и цѣнное толкованіе и далеко не рабскій разборъ взглядовъ знаменитаго ученаго.

Она, вдобавокъ, даетъ намъ, частью лучше, чѣмъ избранныя мѣста изъ Эль-Фарабія (у Kosegarten'а), ключъ къ уразумѣнію музыкальныхъ терминовъ, которые примѣняются къ мелодіямъ, сочиненнымъ на тему различныхъ стихотвореній. Въ ней-же передъ нами раскрываются особенности арабскаго пѣнія и тѣ отступленія отъ него персидскаго пѣнія, которыя Ибнъ-Мосадджиджъ не рѣшался перенимать у своихъ наставниковъ.

Наконецъ, она служитъ доказательствомъ того, что опытъ Эль-Фарабія не есть произвольно-изобрѣтенная или искусственно-насажденная имъ теорія; три столѣтія послѣ него, нужно было прибѣгать къ нему чтобы составить порядочное и цѣлесообразное руководство, могущее служить учебникомъ и практическимъ ключемъ къ изученію музыки[1]).

---

1) На послѣдней страницѣ рукописи собраны схимы разныхъ ритмовъ на персидскій ладъ. Изъ нихъ я приведу

رمل

دم تكه دم تكه تكه دم تك تك
دم تك دم دم تك تكه

هزج

دم دم تك دم دم تك تكه تكه
دم تك دم دم تك تكه تكه

خفيف

دم تك تك دم تك تك دم تكه دم تك تك
دم تكه دم دم تك تكه دم تك;

دم обозначаетъ ударъ по струнамъ — نقرة; удлиненіе звука и замѣна связки (سبب)

Мнѣ кажется, что цѣль наша достигнута, и что теперь, сдается намъ, всякій признаетъ, что арабы отлично понимали связь стихотворныхъ размѣровъ съ музыкою и что мы эту связь можемъ и нынѣ легко найдти. Мы успѣли изложить мудреныя съ виду правила стихотворства такъ, что они подошли подъ одинъ общій уровень, и намъ, если не ошибаюсь, удалось доказать, что воздвигнутая Guyard'омъ теорія совпадаетъ съ ученіемъ арабовъ. Прослѣдимъ же дальше это отнюдь не случайное совпаденіе: мы встрѣтимъ его въ правилахъ о риѳмѣ, важной отрасли арабской поэтической рѣчи; но раньше мы натолкнемся на чрезвычайно любопытное явленіе, которое до сихъ поръ проходило незамѣченнымъ или неразъясненнымъ. А затѣмъ, мы постараемся вывести изъ установленныхъ нами законовъ позднѣйшее развитіе арабской поэзіи, переходъ къ чисто-искусственнымъ размѣрамъ и созданіе новаго народнаго стихотворства. И, когда мы покончимъ съ этими вопросами, мы посмотримъ, дѣйствительно ли методъ Guyard'а примѣняется къ одному лишь арабскому стихосложенію или, точнѣе, представляетъ-ли собою арабское стихотвореніе необычайное явленіе въ исторіи словесности, или-же правила метрики при всемъ различіи ихъ въ разныхъ языкахъ, въ основаніи своемъ остаются общечеловѣческими. И тогда мы розыщемъ родникъ, откуда радужнымъ фонтаномъ бьетъ вѣчно свѣжій, неизсякаемый ключъ чуднодѣвственной арабской поэзіи.

черезъ гвоздь (وتد) и разъединяющую (فاصلة) выражаются помощью تك и تكه, хотя, признаться, я не вполнѣ постигаю какъ одно соотвѣтствуетъ другому. — Это, впрочемъ, не принадлежитъ самой «Книгѣ о Композиціи» и ничуть не касается нашего предмета. Я выписалъ эти примѣры только ради полноты.

Бар. **Д. Гинцбургъ.**

О новомъ способѣ приготовленія эстампажей съ надписей на камняхъ.

Осенью 1890 г. баронъ В. Р. Розенъ передалъ мнѣ только что напечатанные оттиски статьи молодого синолога Коха о двухъ камняхъ съ надписями, привезенныхъ Ядринцевымъ изъ сѣверной Монголіи. Китайская часть надписи читалась совершенно легко по эстампажамъ, сдѣланнымъ г. Кохомъ, но на правой сторонѣ одного изъ камней находились крайне неразборчивые слѣды еще двухъ строчекъ, которыя г. Кохъ самъ справедливо призналъ остатками уйгурской надписи. Открытіе такой надписи, относящейся къ концу VIII вѣка, было для меня такъ важно въ виду моихъ тогдашнихъ изслѣдованій, что я счелъ необходимымъ добыть какъ нибудь ясный снимокъ съ нея. Въ Императорской Археологической Коммиссіи, гдѣ хранятся эти камни, я встрѣтилъ со стороны барона Тизенгаузена полную готовность содѣйствовать мнѣ и могъ такимъ образомъ тотчасъ же приняться за работу. Въ самомъ началѣ уже выяснилось, что прочитать надпись прямо съ камня было невозможно. Уйгурскія письмена были врѣзаны не такъ глубоко, какъ китайскія, и кромѣ того камень такъ сильно вывѣтрился въ той части, гдѣ они находились, что нельзя было отличить буквъ отъ трещинъ и впадинъ самого камня, особенно при пестромъ цвѣтѣ поверхности этого камня, крупнозернистаго гранита; послѣднее обстоятельство дѣлало невозможнымъ и полученіе болѣе яснаго снимка путемъ фотографіи. Тогда я попытался втирать въ камень толченый мѣлъ съ тѣмъ, чтобы всѣ углубленія на его поверхности проступили-бы яснѣе, но и это не привело ни къ чему. Тогда я рѣшился изготовить нѣсколько эстампажей на бумагѣ, для чего употреблялъ пять или шесть различныхъ сортовъ бумаги, а именно тонкую японскую и китайскую бумагу, три сорта непроклеенной бумаги и наконецъ проклеенную писчую бумагу. Я накладывалъ намоченную бумагу на камень и осторожно прижималъ ее ватою къ камню. Пока бумага на камнѣ сохраняла свою влажность, буквы на снимкахъ при употребленіи

китайской бумаги проступали яснѣе, такъ какъ всѣ неровности на поверхности камня ясно передавались бумагой, а пестрота окраски камня была удалена. Но лишь только бумага высыхала, она отставала отъ камня и ясность оттиска уменьшалась. Тогда я попробовалъ покрывать еще прилипшую къ камню бумагу слабымъ растворомъ туши съ сепіей, дотрогиваясь до нея обмокнутымъ въ краску комочкомъ ваты такъ, чтобы окрашивались лишь выступавшія части поверхности снимка. Это удавалось лучше всего, когда употреблялась болѣе толстая непроклеенная бумага. Этимъ способомъ мнѣ удалось послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ изготовить снимокъ, приложенный къ моему введенію къ Кудатку Билику и къ моей статьѣ въ Запискахъ Вост. Отд. (т. V, стр. 265—70), который довольно ясно передаетъ начертанія буквъ. Изготовленіе этого снимка въ 14 дюймовъ длины и 5 ширины потребовало по крайней мѣрѣ часа три работы. При этомъ я былъ принужденъ точно слѣдить моей ваточной мазилкой за направленіемъ черточекъ, образующихъ буквы, а при такомъ способѣ нельзя ручаться за то, что я не измѣнялъ произвольно дѣйствительно находящихся тамъ черточекъ согласно своимъ субъективнымъ взглядамъ.

Въ виду того, что по поводу открытія этой важной уйгурской надписи VIII в. въ Императорской Академіи Наукъ возникъ проэктъ снарядить экспедицію въ Монголію, я счелъ своей обязанностью произвести опыты, чтобы открыть легчайшій и вѣрнѣйшій способъ для сниманія надписей. Я обратился къ фактору типографіи Академіи Наукъ г. Мартенсу съ просьбою помочь мнѣ при этихъ опытахъ. Послѣдній указалъ мнѣ на типографщика г. Фукса, который весьма заинтересовался этимъ дѣломъ и высказалъ мнѣніе, что снимки удадутся лучше всего, если начать изготовлять эстампажи посредствомъ типографской краски и небольшихъ типографскихъ валиковъ.

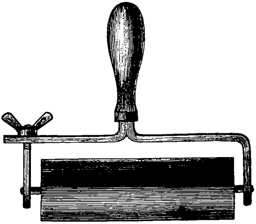
Пять камней съ надписями были доставлены въ типографію г. Фуксу, и онъ началъ свои опыты надъ всевозможными сортами бумаги. При этомъ выяснилось, что бумага не годится для нанесенія на нее типографской краски, такъ какъ, если бумага была сыра, то краска на ней не держалась, а когда высыхала бумага, то валикъ, проходя по ней, извлекалъ ее изъ углубленій камня и очертанія буквъ расплывались. Если краска была густа, то тонкій слой ея, отдѣлясь отъ бумаги, приставалъ къ валику и препятствовалъ тому, чтобы краска держалась на бумагѣ; если краска была жидка, то она стекала въ углубленія и буквы дѣлались менѣе ясными. Вслѣдствіе этого мы рѣшили взять вмѣсто бумаги что-нибудь болѣе прочное. Лучше всего, какъ оказалось, можетъ служить для нашей цѣли бѣлый коленкоръ, который пропитывался напередъ гумми-арабикомъ, затѣмъ плотно прилѣп-

лялся къ камню, а затѣмъ на него уже наносилась, когда онъ высохнетъ, типографская краска безъ всякихъ затрудненій и въ короткое время. Такимъ-то образомъ г. Фуксъ изготовилъ съ надписей и царапинъ на камняхъ безупречные эстампажи, на которыхъ ясно и рѣзко проступали на черномъ фонѣ самыя тонкія черточки. Такъ какъ впослѣдствіи Академія Наукъ именно на меня возложила порученіе отправиться въ Монголію, то я прилежно поупражнялся передъ отъѣздомъ въ изготовленіи коленкоровыхъ снимковъ, а г. Мартенсъ былъ такъ добръ сдѣлать мнѣ для моего путешествія наборъ потребныхъ инструментовъ. Новый методъ далъ прекрасные результаты во время работъ экспедиціи лѣтомъ 1891 года, причемъ при нашихъ обширныхъ работахъ намъ удалось еще нѣсколько усовершенствовать его. Поэтому я счелъ своимъ долгомъ изложить въ этихъ строкахъ добытые нами результаты, могущіе быть полезными и другимъ ученымъ.

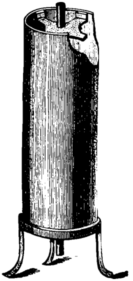
I. Орудія и матеріалы, нужные для изготовленія эстампажей.

а) Валикъ для нанесенія на коленкоръ типографской краски.

Валикъ (фиг. 1) состоитъ изъ желатинной[1]) массы, употребляющейся во всѣхъ типографіяхъ, осью которой служитъ желѣзный прутъ. Оба конца этого прута (приблизительно на 3 сантиметра) гладкіе и закругленные,

Фиг. 1.

Фиг. 2.

тогда какъ въ серединѣ онъ четырехугольный съ множествомъ зазубринъ, сдѣланныхъ для того, чтобы желатинная масса крѣпче держалась на своей оси. Этотъ прутъ вставляется въ треногую форму въ видѣ цилиндра (фиг. 2),

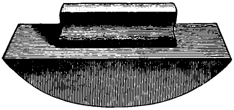
1) Смѣсь желатина, глицерина, сахара и рыбьяго клея.

снабженную внизу отверстіемъ, въ которое входитъ одинъ изъ гладкихъ концовъ прута. Когда прутъ крѣпко вдѣлается въ форму, въ нее вливается желатинная масса, растопленная въ сосудѣ, поставленномъ въ кипятокъ. Когда масса застынетъ то изъ формы, заранѣе обмазанной жиромъ, легко вынимается уже готовый валикъ. Затѣмъ, когда валикъ совершенно затвердѣетъ, его вставляютъ въ изогнутую ручку и съ одной стороны крѣпко привинчиваютъ, какъ показано на фиг. 1. Такіе валики можно заказать въ любой порядочной типографіи. Если лицо, пользующееся такими валиками, находится вблизи какого-нибудь города, гдѣ есть типографія, то лучше не отливать этихъ валиковъ самому, а имѣть при себѣ нѣсколько готовыхъ въ цинковыхъ футлярахъ, которые и вставлять въ ручку по мѣрѣ надобности. Но если приходится путешествовать въ далекихъ пустынныхъ странахъ, то необходимо имѣть при себѣ всегда вышеописанную желатинную массу и аппаратъ для отливки, чтобы всегда имѣть возможность изготовить свѣжіе валики. Замѣтимъ еще, что валики не должны быть длиннѣе 25 сантиметровъ, такъ какъ иначе трудно будетъ наносить краску равномѣрно. Діаметръ валика долженъ быть не короче 6 ст., ибо въ противномъ случаѣ слишкомъ часто придется покрывать валикъ свѣжей краской.

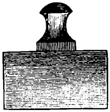
При употребленіи валика слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы онъ никогда не подвергался непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей, что особенно трудно потому, что самое удобное время для сниманія эстампажей именно полдень и они лучше всего удаются при полномъ солнечномъ свѣтѣ.

б) Прессы.

Это—орудія, отлитыя изъ такой-же массы, какъ и валикъ, съ выпуклой поверхностью, которыми надавливаютъ на тѣ мѣста, куда надо нанести краску. Ихъ надобно имѣть по крайней мѣрѣ два, такой формы, какъ прессъ-бювары (фиг. 3^a и 3^b), одинъ въ 6, другой въ 2 или 3 сант. ширины, и еще

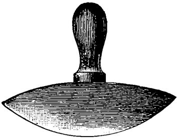

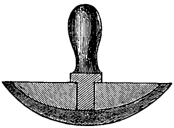
Фиг. 3^a.

Фиг. 3^b.

одинъ совершенно круглый съ круглой ручкой по серединѣ (фиг. 4^a и 4^b). Эти прессы весьма нетрудно изготовить. Въ цинковую форму надлежащаго вида вливается желатинная масса, затѣмъ въ нее вставляется на пол-

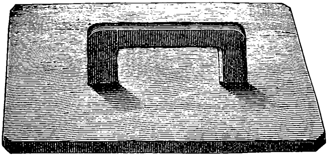

Фиг. 4a.

Фиг. 4b.

сантиметра деревянная ручка, которую и держатъ въ массѣ, пока послѣдняя не затвердѣетъ. Не надо только забывать вымазывать напередъ всѣ формы масломъ или жиромъ, въ противномъ случаѣ желатинная масса вынимается не такъ легко. Прессы лучше всего сохранять въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ ихъ отливаютъ.

в) Палитра.

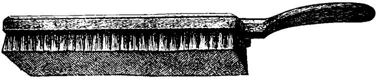
Это—тонкая, четырехугольная или овальная доска (фиг. 5), обитая съ одной стороны гладкимъ цинковымъ листомъ; по серединѣ на другой сторонѣ придѣлывается деревянная ручка. За нее берутся лѣвой рукой и ставятъ палитру такъ, что сторона, обитая цинкомъ, обращается кверху. На нее кладется немного типографской

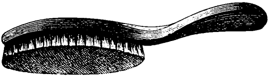

Фиг. 5.

краски, которая потомъ равномѣрно растирается валикомъ.

г) Щетки.

Это—четырехугольныя или овальныя щетки (фиг. 6 и 7) съ очень твердой щетиной приблизительно въ 1 сант. длины, снабженныя прочной

Фиг. 6.

Фиг. 7.

ручкой съ одной стороны. Щетки нужны бываютъ по крайней мѣрѣ трехъ размѣровъ (въ 4, 6 и 10 сант. длины); онѣ служатъ для прибиванія коленкора къ камню и о способѣ ихъ употребленія будетъ рѣчь ниже.

д) Кисти.

Нужно имѣть нѣсколько кистей различной величины съ крѣпкими ручками для обмазыванія клеемъ коленкора и камней. Замѣтимъ, что большія кисти удобнѣе для равномѣрнаго покрыванія клеемъ большихъ поверхностей, чѣмъ маленькія.

е) Губки.

Простыя губки разной величины для обмыванія камней и для намачиванія проклееннаго коленкора.

ж) Рѣзцы и пинцеты.

Различной величины рѣзцы и пинцеты изъ твердой стали или желѣза нужны для очистки камня, т. е. для удаленія съ его поверхности лишаевъ, известки и т. п. Ими-же отчищается земля и соръ, забившіеся въ углубленія, образуемыя надписью. Для очистки тонкихъ линій всего удобнѣе очень острые пинцетики, для очистки буквъ болѣе крупнаго письма узенькіе рѣзцы шириною въ $^1/_2$—1 сантиметръ.

з) Коленкоръ.

Для изготовленія эстампажей болѣе всего подходитъ рѣдкій коленкоръ. Если онъ слишкомъ плотенъ, то нитки не такъ тягучи и онъ не входитъ достаточно глубоко во впадины на поверхности камня; между тѣмъ необходимо, чтобы онъ не только входилъ въ углубленія камня, но плотно прижимался бы къ камню въ углубленіяхъ. Если коленкоръ черезчуръ жидокъ, то онъ въ самомъ началѣ слишкомъ растягивается, образуются большія отверстія и впослѣдствіи уже коленкоръ болѣе не подается. Мы, напримѣръ, послѣ того какъ у насъ вышелъ весь запасъ коленкора, купленнаго въ Россіи, могли достать въ Монголіи только очень жидкій коленкоръ фабрики Коновалова; единственнымъ его достоинствомъ было то, что онъ такъ былъ пропитанъ крахмаломъ, что совершенно плотно безъ всякаго клея приставалъ къ камню. Но было весьма трудно получить на немъ годные оттиски; его совсѣмъ нельзя было натягивать, а лучше всего было прибивать его къ камню прямо со всѣми складками, которыя на немъ случайно образовывались. Несмотря на все, лишь половина оттисковъ на немъ оказалась годною.

и) Клей.

Лучшимъ клеемъ для нашихъ цѣлей я считаю гумми-арабикъ; обыкновенно проходитъ довольно много времени, прежде чѣмъ пропитанный имъ коленкоръ плотно пристанетъ къ камню, и приколачиванiе его стоитъ значительнаго труда, но за то всѣ углубленiя выясняются весьма рѣзко, слой клея вездѣ равномѣрно покрываетъ коленкоръ и не препятствуетъ ему входить во всѣ углубленiя камня. У меня былъ съ собою гумми-арабикъ въ порошкѣ въ оловянныхъ коробкахъ и кромѣ того бутылка, литра въ два, концентрированнаго раствора гумми-арабика. Передъ употребленiемъ я разводилъ его (половина на половину) водой. Когда растворъ вышелъ, то я разводилъ на оловянномъ блюдцѣ толченый гумми-арабикъ въ холодной водѣ; при этомъ надо обращать вниманiе на то, чтобы въ растворѣ не образовалось комковъ. Весьма хорошъ также клейстеръ изъ обыкновенной картофельной муки, но варка его нѣсколько затруднительнѣе. Клейстеръ долженъ быть чистъ и свѣжъ и легко стекать съ кисти. Гумми-арабикъ предпочтительнѣе уже потому, что онъ держится довольно долго, тогда какъ клейстеръ надо каждый разъ варить свѣжiй.

Когда запасъ картофельной муки истощился, то я употреблялъ и клейстеръ изъ пшеничной муки съ хорошимъ результатомъ; но его трудно приготовить достаточно жидкимъ и безъ комковъ, поэтому клейстеръ изъ картофельной муки предпочтительнѣе. Г. Клеменцъ, не имѣя возможности получить что-либо другое, употреблялъ въ качествѣ клея растворъ сахара; результаты были недурны, но все же на это надо смотрѣть, какъ на крайнее средство.

i) Талькъ.

Оказываетъ большiя услуги для приданiя большей крѣпости коленкору; у меня къ сожалѣнiю была только одна коробка его, но я очень былъ огорченъ, когда она вышла. Нужно имѣть коробочку съ дырочками, изъ которой равномѣрно посыпать порошкомъ талька намоченный коленкоръ.

к) Типографская краска.

Слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы она была мелко растерта и не слишкомъ густа. Я употреблялъ французскую краску. Въ теплую погоду ее можно употреблять прямо, какъ она есть, но въ холодную ее слѣдуетъ немного разогрѣвать. Если она черезчуръ затвердѣетъ, то слѣдуетъ прибавить немного скипидара.

л) Скипидаръ.

Скипидара надо имѣть весьма порядочное количество, такъ какъ онъ нуженъ для мытья инструментовъ и рукъ. У меня самого была лишь одна

большая бутыль, и этого было слишкомъ мало. Всегда слѣдуетъ имѣть въ запасѣ скипидаръ. Всего удобнѣе держать его въ глиняной посудѣ, такъ какъ оловянная въ дорогѣ нерѣдко ломается и скипидаръ можетъ вытечь. Весьма важна также чистка инструментовъ. Послѣ употребленія непремѣнно слѣдуетъ смывать скипидаромъ краску съ валиковъ, прессовъ и палитры, ибо въ противномъ случаѣ на нее садится пыль и всякій соръ, вслѣдствіе чего поверхность валиковъ утрачиваетъ свою гладкость [1]).

II. Процедура изготовленія эстампажей.

Прежде всего слѣдуетъ приготовить самый камень для снимка съ него оттиска. Это весьма важно. Какимъ нибудь острымъ орудіемъ слѣдуетъ счистить съ камня всѣ лишаи и наросты, покрывающіе поверхность камня и забравшіеся въ углубленія, затѣмъ вымыть камень водою съ мыломъ губкой, назначенной нарочно для этого употребленія. Если такимъ образомъ не вся грязь смоется, то можно обмыть камень уксусомъ, разведеннымъ водою, но послѣ этого слѣдуетъ непремѣнно обмыть камень еще разъ чистой водой. Когда камень отчищенъ — на что нужно нерѣдко нѣсколько часовъ работы — то надо приготовить коленкоръ.

Можно или имѣть при себѣ куски коленкора, уже пропитанные гумми-арабикомъ и намачивать ихъ передъ употребленіемъ губкой, разостлавъ на доскѣ или на столѣ, такъ чтобы клей опять разошелся, или пропитывать коленкоръ клеемъ непосредственно передъ употребленіемъ, сильно намазывая одну сторону его кистью. При этомъ надо смотрѣть, чтобы гумми-арабикъ размазывался равномѣрно и чтобы не оставалось непроклеенныхъ мѣстъ. Послѣ проклейки коленкора, камень еще разъ намачивается губкой и покрывается большою кистью жидкимъ растворомъ гумми-арабика. Послѣ

1) Всѣ инструменты, потребные для изготовленія эстампажей, могутъ быть заказаны въ типографіи Императорской Академіи Наукъ у фактора типографіи г. Мартенса по слѣдующему прейсъ-куранту.

1) Мѣдная форма для отливки валиковъ	3	р. 75	коп.
2) Штативъ съ ручкой и валикомъ	4	» 25	»
3) Запасный валикъ	—	» 75	»
4) 5 различныхъ прессовъ	2	» 80	»
5) Палитра, обитая оловомъ, для нанесенія краски	1	» 50	»
6) Большая щетка	4	» 40	»
7) Небольшая щетка	1	р. 50	коп.
8) Большая кисть	—	» 75	»
9) Кастрюля	1	» —	»
10) Ящикъ съ типографской краской (3 фунта)	2	» 40	»
11) Желатинная масса для отливки валиковъ	3	» 50	»
12) Два ящика для инструм. съ замкомъ и ключемъ	6	» 40	»
	33	р. —	коп.

Доставка инструментовъ на счетъ заказчика.

этого проклеенный коленкоръ аккуратно накладывается (своей намазанной клеемъ стороной) на камень и натягивается такъ, чтобы покрылъ весь камень. Если образовались морщины или большие пузыри, то слѣдуетъ отлѣпить коленкоръ въ данномъ мѣстѣ и опять натянуть его. Затѣмъ коленкоръ прижимается чуть чуть влажной губкой крѣпко къ камню. Затѣмъ берутъ двойной слой протечной бумаги и щеткой бьютъ чрезъ нее по коленкору. Это дѣлается для того, чтобы лишній клей вышелъ черезъ отверстія коленкора и впитался въ протечную бумагу. Если бить щеткою прямо по коленкору, то клей пристаетъ къ самой щеткѣ и дѣлаетъ ее негодной для дальнѣйшаго употребленія. Когда клея уже болѣе не выдѣляется, то по прошествіи нѣкотораго времени коленкоръ посыпается талькомъ, который еще растирается равномѣрно ладонями. Это посыпаніе талькомъ особенно важно потому, что придаетъ коленкору крѣпость и дѣлаетъ возможнымъ ясную передачу самыхъ тонкихъ штриховъ.

Затѣмъ коленкоръ долженъ быть крѣпко прибитъ къ камню щеткою. Это самая утомительная часть работы. Въ особенности надо обратить вниманіе на то, чтобы щетинки щетки приходились всегда перпендикулярно къ поверхности камня, въ противномъ случаѣ коленкоръ можетъ сдвинуться. Если поверхность прибиваемаго коленкора велика, то должны работать одновременно въ разныхъ мѣстахъ отъ 2—4 человѣкъ. Уже при первыхъ ударахъ коленкоръ входитъ въ углубленія камня и можно бываетъ ясно различать буквы надписи, но при дальнѣйшихъ ударахъ мѣста, уже хорошо вышедшія, опять сглаживаются. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока коленкоръ не начнетъ сохнуть; лишь тогда онъ плотно прилипаетъ къ камню въ углубленіяхъ. Напрасно стараться получить болѣе ясные оттиски тѣмъ, что нѣсколько разъ проходить щетками по одному мѣсту; на оборотъ, не нужно предпочтительно заниматься ни одной частью, а до тѣхъ поръ равномѣрно работать надъ всей поверхностью прибиваемаго коленкора, пока онъ не начнетъ сохнуть. Невозможно точно опредѣлить время, потребное для просыханія коленкора. Если работа производится въ жаркую, сухую погоду на солнцѣ, то просыханіе длится 10—20 минутъ, при сырой погодѣ — нерѣдко нѣсколько часовъ, при очень сырой коленкоръ иногда и совсѣмъ не сохнетъ. Лучшее время для этого отъ 10 до 5 часовъ дня. Если работа производилась раннимъ утромъ или вечеромъ, то стоила намъ двойныхъ усилій. Если послѣ просушки окажется, что то или другое мѣсто не плотно прилипло къ камню, то это мѣсто, и пожалуй еще сантиметра на 3 вокругъ его, намачиваютъ сыроватой губкой такъ, чтобы клей опять распустился, и прибиваютъ снова щетками по вышеописанному способу. Если клея было мало, то вновь намоченное мѣсто покрываютъ клеемъ, клей выдавливаютъ,

какъ указано выше, щеткой на протечную бумагу, коленкоръ снова посыпаютъ талькомъ и тогда уже прибиваютъ щетками. Прибиваніе должно совершаться съ наивозможной тщательностью, такъ какъ единственно отъ равномѣрнаго присыханія коленкора къ камню зависитъ часто достоинство эстампажа. Нѣкоторые работники пріобрѣтаютъ быстро большой навыкъ въ этой работѣ, и я всегда поручалъ особенно трудныя мѣста лучшимъ работникамъ. Руководящій работами долженъ однако всегда тщательно присматривать за выполненіемъ этой части работы. Если поверхность, подлежащая снятію, очень велика, такъ что нѣтъ въ распоряженіи достаточно большихъ кусковъ коленкора, то можно покрыть ее нѣсколькими кусками; въ такихъ случаяхъ одинъ кусокъ непремѣнно накладывается сантиметра на 2 *на* край другого. Двойной слой коленкора пристаетъ такъ-же плотно какъ и одинъ, только сохнетъ медленнѣе. Края составляемыхъ кусковъ полезно бываетъ вырѣзать фестонами для того, чтобы потомъ, если они и оторвутся другъ отъ друга, ихъ можно было-бы вновь аккуратно составить.

Слой коленкора, присохшій къ камню, долженъ вполнѣ производить впечатлѣніе самаго камня; камень, покрытый такимъ образомъ коленкоромъ, походитъ на гипсовый снимокъ съ него.

Вторая часть работы — нанесеніе краски — значительно легче первой.

При этой работѣ необходимо имѣть помощника. Палитра берется въ лѣвую руку такъ, чтобы обитая металломъ сторона была обращена кверху, и помощникъ накладываетъ по срединѣ ея краску металлической лопаточкой. Кусокъ краски долженъ быть по возможности невеликъ. Тогда въ правую руку берутъ валикъ за ручку и краску растираютъ имъ по палитрѣ во всѣ стороны до тѣхъ поръ, пока она не покроетъ палитру равномѣрнымъ чернымъ слоемъ и не распредѣлится также равномѣрно по всей поверхности валика. Если краски не хватитъ, чтобы покрыть всю поверхность валика, то ея нужно взять еще. Съ другой стороны слой краски на валикѣ долженъ быть такъ тонокъ, чтобы краска не могла стекать въ углубленія камня. Послѣ этого валикъ приставляютъ къ верхнему краю коленкора и прокатываютъ имъ по всей поверхности камня, нигдѣ не нажимая. Надо смотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ выпуклости равномѣрно покрывались краской. Если есть неровности на поверхности камня, происходящія отъ углубленій и шероховатостей самого камня или отъ слишкомъ грубой отдѣлки его, то кромѣ валика, который не можетъ входить во всѣ неровности, слѣдуетъ прибѣгать къ помощи прессовъ. Ихъ покрываютъ сначала тонкимъ слоемъ краски, прижимая то той, то другой стороной къ палитрѣ, затѣмъ приставляютъ перпендикулярно къ тѣмъ впадинамъ на камнѣ, которыя остались нетронутыми

валикомъ, и вращая ихъ рукою, касаются поверхности коленкора всей ихъ площадью или только частью ея. При этой манипуляціи, равно какъ и при прокатываніи валика, надо особенно слѣдить за тѣмъ, чтобы не прижимать коленкора острыми краями желатинной массы, такъ какъ они глубоко врѣзываются въ него и образуютъ черные штрихи, пересѣкающіе бѣлыя линіи письма. Лучше всего такъ приставлять валикъ и прессы, чтобы края ихъ приходились на свободныхъ частяхъ коленкора между отдѣльными буквами.

Не на всѣ камни краска наносится одинаковымъ способомъ; точныхъ правилъ относительно этого дать невозможно; объ этомъ надо судить уже на основаніи собственнаго опыта. Замѣтимъ вообще слѣдующее: если поверхность камня гладка и покрыта глубоко высѣченными письменами, то краску можно нанести съ самаго начала болѣе толстымъ слоемъ, чтобы оттискъ получился густого чернаго цвѣта, ибо на такихъ снимкахъ буквы проступаютъ особенно ясно. Если поверхность камня вывѣтрилась или грубо обтесана, а письмена вырѣзаны не глубоко, то лучше наносить краску постепенно; при весьма плохо сохранившихся камняхъ снимку должно вообще давать лишь сѣро-черную окраску. Причина этого та, что послѣ нѣсколькихъ прокатываній валикомъ по коленкору, онъ начинаетъ кое-гдѣ отставать отъ камня; мѣста, прежде остававшіяся бѣлыми, начинаютъ покрываться краской и ясность изображеній письменъ уменьшается. Мы говоримъ конечно о тѣхъ границахъ, въ которыхъ слѣдуетъ варіировать окраску тѣхъ или другихъ камней, но, повторяемъ, со всякимъ камнемъ надо сообразоваться особо, такъ что приходится изготовлять оттиски самыхъ различныхъ оттѣнковъ.

Такъ какъ и самые лучшіе оттиски не могутъ быть совершенно свободны отъ ошибокъ, то надо принять за правило дѣлать болѣе одного эстампажа съ каждой надписи, давая каждому изъ нихъ то болѣе темный, то болѣе свѣтлый оттѣнокъ. Если есть нѣсколько снимковъ, то болѣе свѣтлый легко исправить посредствомъ ретушевки, такъ что недостатки совершенно исчезнутъ или значительно уменьшатся. Съ очень дурно сохранившихся камней недурно даже снять 3, 4 снимка. Затѣмъ, думается мнѣ, слѣдуетъ ретушировать самый плохой изъ нихъ и снять фотографію какъ съ него, такъ и съ лучшаго снимка безъ ретуши, ибо тогда изслѣдователь будетъ имѣть возможность провѣрить измѣненія на искусственно исправленномъ оттискѣ по оттиску, снятому чисто механическимъ путемъ, и исправить по собственному усмотрѣнію ошибки, которыя конечно болѣе или менѣе неизбѣжны. Послѣ того, какъ коленкоръ былъ покрытъ краской, лучше всего дать ему просохнуть на самомъ камнѣ втеченіе часа; если это невозможно (напр. при неожиданно надвинувшемся дождѣ), то приходится сни-

мать немедленно. Во всякомъ случаѣ уже готовый оттискъ долженъ полежать разостланнымъ въ сухомъ мѣстѣ втеченіе 12—24 часовъ. Тогда эстампажъ скатывается, но *не* складывается, послѣ чего и сырость уже мало ему вредитъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, когда типографская краска совершенно высохнетъ, эстампажи можно складывать безъ всякихъ опасеній; тогда и сырость имъ болѣе уже не вредитъ. Въ одномъ ящикѣ, посланномъ мною по почтѣ изъ Петербурга въ Кяхту, разбилась бутылка съ уксусной кислотой и промочила снятый въ Петербургѣ эстампажъ съ камня, привезеннаго Н. М. Ядринцевымъ въ Петербургъ; послѣ этого онъ пролежалъ сырой около мѣсяца, но нисколько не пострадалъ.

Прежде чѣмъ закончить объясненіе способа, употребленнаго мною для изготовленія эстампажей на коленкорѣ, я обращу еще вниманіе читателя на то, что требуется нѣкоторое упражненіе въ изготовленіи подобныхъ эстампажей. Кто намѣревается пользоваться этимъ способомъ во время своихъ путешествій, гдѣ различныя обстоятельства ставятъ иногда совершенно непредвидѣнныя помѣхи, пусть поупражняется дома, гдѣ онъ можетъ по произволу измѣнять положеніе камня и т. п., въ изготовленіи эстампажей. Пропитываніе коленкора клеемъ, накладываніе его на камень, равномѣрное прибиваніе къ камню, нанесеніе краски, даже снимапіе коленкора съ камня—требуютъ навыка въ извѣстныхъ практическихъ пріемахъ, о которыхъ описаніе не можетъ дать яснаго понятія и которые пріобрѣтаются практикой; сначала надо дѣлать оттиски съ небольшихъ камней, которые можно положить къ себѣ на столъ и придать имъ какое угодно положеніе, потомъ уже съ бо̀льшихъ, которые нельзя передвигать съ мѣста на мѣсто, въ особенности со стоящихъ вертикально и съ лежащихъ. Если для подобныхъ упражненій не найдется небольшихъ надписей, то на первый разъ можно удовольствоваться гладкими деревянными досками, на которыхъ вырѣзаны искусственныя надписи различной ясности.

По моему мнѣнію было-бы желательно, чтобы библіотеки и музеи обзавелись коллекціями подлинныхъ снимковъ съ особенно важныхъ надписей; эстампажи изготовленные по моему способу, весьма прочны и легко сохраняются. Такія коллекціи послужили-бы важнымъ подспорьемъ при палеографическихъ изслѣдованіяхъ.

Это настолько ясно, что было-бы излишне приводить новыя доказательства въ пользу важности подобныхъ коллекцій. Въ каждомъ египтологическомъ музеѣ можно было-бы завести такія коллекціи и каждый ученый имѣлъ-бы тогда возможность пользоваться самыми разнообразными памятниками, изъ которыхъ часть находится еще въ Египтѣ, а другая разсѣяна повсюду въ Европѣ; другого рода снимки съ надписей на камняхъ могли-бы

быть провѣряемы по эстампажамъ, въ точности не уступающимъ подлиннымъ камнямъ. То-же самое относится и къ клинописи, греческимъ надписямъ, руническимъ письменамъ и т. п., которыя большею частью изсѣчены на камняхъ.

Годится-ли рекомендованный мною способъ для изготовленія эстампажей съ барельефовъ и выпуклыхъ надписей и какимъ измѣненіямъ надо его подвергнуть, чтобы получить хорошіе снимки этого рода, — я сказать не въ состояніи, такъ какъ занимался пока лишь надписями, врѣзанными въ камень. Съ очень выпуклыхъ барельефовъ съ закругленными буквами и украшеніями, какъ кажется, нельзя будетъ снимать эстампажей на коленкорѣ, тогда какъ барельефы съ гладкими, немного лишь выступающими буквами вѣроятно не представятъ особыхъ затрудненій. Можетъ быть для нихъ потребуются болѣе длинные валики или болѣе податливый матеріалъ, чѣмъ коленкоръ. Неудача въ этомъ направленіи однако не должна никого особенно печалить, такъ какъ съ рельефныхъ надписей гораздо легче снимать фотографіи, чѣмъ съ надписей, изсѣченныхъ на камнѣ.

Въ заключеніе замѣчу, что снимки, привезенные мною изъ Монголіи, прекрасно воспроизводятся фотографіею и тогда отличаются такой ясностью, даже при самомъ маленькомъ масштабѣ, что при помощи хорошей лупы читаются такъ-же легко, какъ и сами снимки. Въ настоящее время я занятъ изготовленіемъ атласа изъ привезенныхъ мною надписей и надѣюсь окончить его къ концу лѣта[1]). Просматривая помѣщенные въ немъ снимки съ эстампажей, полученные путемъ фотографіи, всякій будетъ въ состояніи убѣдиться въ истинности моихъ словъ.

1) Первый выпускъ вышелъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

В. Радловъ.

СПБ. Мартъ 1892.

Посланіе: „Благія вѣсти“ لوح بشارات.

Намъ доставлено изъ Асхабада помѣщаемое ниже новое посланіе или «откровеніе» бабидскаго ересіарха Беhаъуллаха. Оно представляетъ большой интересъ особенно въ томъ отношеніи, что содержитъ весьма ясныя предписанія относительно образа дѣйствія, котораго бабиды должны держаться, живя въ странѣ иновѣрческой, но не враждебной бабизму въ принципѣ. Весь документъ какъ будто расчитанъ на то, чтобы успокоить правительство такой страны и убѣдить его въ полной безвредности новой вѣры, равно какъ и въ томъ, что ея приверженцы будутъ вѣрными подданными дающаго имъ пріютъ монарха, покорными исполнителями его приказаній и вмѣстѣ съ тѣмъ добрыми сосѣдями своихъ согражданъ другой вѣры. При точномъ исполненіи изложенныхъ въ 14 «благихъ вѣстяхъ» правилъ бабиды дѣйствительно очень скоро могли бы почти совершенно слиться со всѣми согражданами любой вѣры и любаго языка, различаясь отъ нихъ только своими догматами о Божествѣ. Будутъ-ли бабиды такими, какими ихъ желаетъ видѣть Беhаъуллахъ, будутъ-ли особенно тогда такими, когда они — въ Персіи или внѣ ея — получатъ силу и власть, когда они изъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ превратятся въ полноправныхъ и господствующихъ — это покажетъ будущее. Но если они — что весьма вѣроятно — измѣнятся, и станутъ такими же фанатиками какъ теперешніе ихъ гонители, то вина будетъ уже не Беhаъуллаха. Его проповѣдь[1]) вообще говоря дышала миромъ и любовью, кротостью и непротивленіемъ злу, и если его притязанія на прямыя сношенія съ Божествомъ намъ кажутся дикими, а его отождествленіе

1) Исключить надо его отношенія къ своему сопернику, Субх-и-Эзель. Тутъ онъ повидимому грѣшилъ не мало словомъ и дѣломъ.

себя съ Божествомъ прямо кощунственнымъ, то не надо забывать, что онъ по крайней мѣрѣ возмнилъ себя божествомъ не карающимъ, метущимъ свои громы на невѣрующихъ, а божествомъ кроткимъ, прощающимъ, любящимъ, примиряющимъ [1]). Да послужитъ ему это извиненіемъ или по крайней мѣрѣ смягчающимъ вину обстоятельствомъ. — Вотъ текстъ 14 «благихъ вѣстей».

هذا ندآء الابهی الذی ارتفع من الافق الاعلی فی سجن عکّآء

هو المبیّن العلیم الحکیم

حقّ شاهد ومظاهر اسماء وصفاتش گواه که مقصود از ارتفاع ندا وکلمهٔ علیا آنکه از کوثر بیان آذان امکان از قصص کاذبه مطهّر شود ومستعدّ گردد از برای اصغآء کلمهٔ طیّبهٔ مبارکهٔ علیا که از خزانهٔ علم فاطر سما وخالق اسماء ظاهر گشته طوبی للمنصفین

یا اهل ارض

بشارت اوّل که از امّ الکتاب در اینظهور اعظم بجمیع اهل عالم عنایت شد محو حکم جهاد است از کتاب تعالی الکریم ذو الفضل العظیم الذی به فتح باب الفضل علی من فی السموات والارضین

بشارت دوم

اذن داده شد احزاب عالم با یکدیگر بروح وریحان معاشرت نمایند عاشروا یا قوم مع الادیان کلّها بالروح والریحان کذلك اشرق نیّر الاذن والارادة من افق سمآء امر الله ربّ العالمین

بشارت سوّم

تعلیم السن مختلفه است از قبل از قلم اعلی این حکم جاری حضرات ملوك ایّدهم الله ویا وزرای ارض مشورت نمایند ویك لسان از السن موجوده ویا لسان جدیدی مقرّر دارند ودر مدارس عالم اطفال را بآن تعلیم دهند وهم چنین خط در اینصورت جمیع ارض قطعهٔ واحده مشاهده شود طوبی لمن سمع الندآء وعمل بما امر به من لدی الله ربّ العرش العظیم

بشارت چهارم

هر یك از حضرات ملوك وفّقهم الله بر حفظ این حزب مظلوم قیام فرمایند واعانت نمایند

1) См. между прочимъ и печатаемое ниже его «Послѣднее слово».

باید کل در محبّت وخدمت او از یکدیگر سبقت گیرند این فقره فرض است بر کلّ طوبی للعاملین

بشارت پنجم

این حزب در مملکت هر دولتی ساکن شوند باید بامانت وصدق وصفا با آن دولت رفتار نمایند هذا ما نزّل من لدن آمر قدیم بر اهل عالم طرًّا واجب ولازم است اعانت این امر اعظم که از سمآء ارادهٔ مالك قدم نازل گشته شاید نار بغضا که در صدور بعضی از احزاب مشتعل است بآب حکمت الٰهی ونصایح ومواعظ ربّانی ساکن شود ونور اتّحاد واتّفاق آفاق را روشن ومنوّر نماید امید آنکه از توجّهات مظاهر قدرت حقّ جلّ جلاله سلاح عالم باصلاح تبدیل شود وفساد وجدال از مابین عباد مرتفع گردد

بشارت ششم

صلح اکبر است که شرح آن از قبل از قلم اعلی نازل نعیمًا لمن تمسّك به وعمل بما اُمر به من لدی الله العلیم الحکیم

بشارت هفتم

زمام البسه وترتیب لحی واصلاح آن در قبضهٔ اختیار عباد گذارده شد ولکن ایّاکم یا قوم ان تجعلوا انفسکم ملعب الجاهلین

بشارت هشتم

اعمال حضرات رهبنه وخوریهای ملّت حضرت روح علیه سلام الله وبهآئه عند الله مذکور ولکن الیوم باید از انزوا قصد فضا نمایند وبما ینفعهم وینتفع به العباد مشغول گردند وکل را اذن تزویج عنایت فرمودیم لیظهر منهم من یذکر الله ربّ ما یری وما لا یری وربّ الکرسیّ الرفیع

بشارت نهم

باید عاصی در حالتیکه از غیر الله خودرا فارغ وآزاد مشاهده نماید طلب مغفرت وامرزش کند نزد عباد اظهار خطایا ومعاصی جایز نه چه که سبب وعلّت امرزش وعفو الٰهی نبوده ونیست وهم چنین این اقرار نزد خلق سبب حقارت وذلّت است وحقّ جلّ جلاله ذلّت عباد خودرا دوست ندارد انّه هو المشفق الکریم عاصی باید مابین خود وخدا از بحر رحمت رحمت طلبد واز سماء کرم مغفرت مسئلت کند وعرض نماید الٰهی الٰهی اسئلك بدمآء عاشقیك الذین اجتذبهم بیانك الاحلی بحیث قصدوا الذروة العلیا مقرّ الشهادة الکبری وبالاسرار المکنونة فی علمك واللئالی المخزونة فی بحر عطآئك ان تغفر

لی ولابی وامّی انّك انت ارحم الراحمین لا اله الّا انت الغفور الکریم ای ربّ تری جوهر الخطآء اقبل الی بحر عطآئك والضعیف الی ملکوت اقتدارك والفقیر الی شمس غنآئك ایربّ لا تخیّبه بجودك وکرمك ولا تمنعه عن فیوضات ایّامك ولا تطرده عن بابك الذی فتحته علی من فی ارضك وسمآئك آه آه خطیئاتی منعتنی عن التقرّب الی بساط قدسك وجریراتی ابعدتنی عن التوجّه الی خبآء مجدك قد عملت ما نهیتنی عنه وترکت ما امرتنی به اسئلك بسلطان الاسمآء ان تکتب لی من قلم الفضل والعطآء ما یقرّبنی الیك ویطهّرنی عن جریراتی التی حالت بینی وبین عفوك وغفرانك انّك انت المقتدر الفیّاض لا اله الّا انت العزیز الفضّال

بشارت دهم

حکم محو کتب را از زبر والواح برداشتیم فضلاً من لدی الله مُبعث هذا النباء العظیم

بشارت یازدهم

تحصیل علوم وفنون از هر قبیل جایز ولکن علومیکه نافع است وعلّت ترقّی عباد است کذلك قضی الامر من لدن آمر حکیم

بشارت دوازدهم

قد وجب علی کلّ واحد منکم الاشتغال بامر من الامور من الصنائع والاقتراف وامثالها وجعلنا اشتغالکم بها نفس العبادة لله الحقّ تفکّروا یا قوم فی رحمة الله والطافه ثمّ اشکروه فی العشیّ والاشراق لا تضیّعوا اوقاتکم بالبطالة والکسالة واشتغلوا بما تنتفع به انفسکم وانفس غیرکم کذلك قضی الامر فی هذا اللوح الذی لاحت من افقه شمس الحکمة والبیان ابغض الناس عند الله من یقعد ویطلب تمسّکوا بحبل الاسباب متوکّلین علی الله مسبّب الاسباب هر نفسی بصنعتی ویا بکسبی مشغول شود وعمل نماید آنعمل نفس عبادت عند الله محسوب ان هذا الّا من فضله العظیم العمیم

بشارت سیزدهم

امور ملّت معلّق است برجال بیت عدل الٰهی ایشانند امنآء الله بین عباده ومطالع الامر فی بلاده یا حزب الله مربّی عالم عدل است چه که دارائی دو رکن است مجازات ومکافات واین دو رکن دو چشمه اند از برای حیات اهل عالم چونکه هر روز امری وهر حین را حکمی مقتضی لذا امور بوزرای بیت عدل راجع تا آنچه را مصلحت وقت

دانند معمول دارند نفوسیکه لوجه الله بر خدمت امر قیام نمایند ایشان ملهمند بالهامات غیبی الهی بر کلّ اطاعت لازم امور سیاسیّه کلّ راجع است ببیت عدل وعبادات بما انزله الله فی الکتاب یا اهل بها شما مشارق محبّت ومطالع عنایت الهی بوده وهستید لسان را بسبب ولعن احدی میالائید وچشم را از آنچه لایق نیست حفظ نمائید آنچه را دارائید بنمائید اکر مقبول افتاد مقصود حاصل والّا تعرّض باطل ذروه بنفسه مقبلین الی الله المهیمن القیّوم سبب حزن مشوید تاچه رسد بفساد ونزاع امید هست در ظلّ سدرهٔ عنایت الهی تربیت شوید وبما اراده الله عامل کردید همه اوراق یك شجرید وقطرهای یك بحر

بشارت چهاردهم

شدّ رحال مخصوص زیارت اهل قبور لازم نه مخارج آنرا اکر صاحبان قدرت ووسعت ببیت عدل برسانند عند الله مقبول ومحبوب نعیمًا للعاملین   چون در مذاهب قبل نظر بمقتضیات وقت حکم جهاد ومحو کتب ونهی از معاشرت ومصاحبت باملل وهم چنین نهی از قرائت بعضی از کتب محقّق وثابت لذا در این ظهور اعظم ونبأء عظیم مواهب والطاف الهی احاطه نمود وامر مبرم از افق ارادهٔ مالك قدم بر آنچه ذکر شد نازل نحمد الله تبارك وتعالی علی ما انزل فی هذا الیوم المبارك العزیز البدیع اکر جمیع عالم هر یك دارای صد هزار لسان شود والی یوم لا آخر له بشکر وحمد ناطق کردد هر آینه بعنایتی از عنایات مذکوره در این ورقه معادله ننماید یشهد بذلك کلّ عارف بصیر وکلّ عالم خبیر از حقّ جلّ جلاله سائل وامل که حضرات ملوك وسلاطین را که مظاهر قدرت الهی ومطالع عزّت ربّانیند تأیید فرمایند بر اجراء اوامر واحکامش انّه هو المقتدر القدیر وبالاجابة جدیر

ПЕРЕВОДЪ.

Это есть гласъ Пресвѣтлѣйшаго, который вознесся съ высшаго небосклона въ темницѣ Акки.

Онъ [1])—всеобъясняющій, всевѣдущій, премудрый. Богъ — свидѣтель, и проявленія именъ и аттрибутовъ Его [2]) — свидѣтели того, что цѣлью вознесенія гласа и цѣлью высочайшей рѣчи является слѣдующее: чтобы, благодаря райскому источнику «Яснаго Изложенія», уши всей твари [3]) были очи-

1) Богъ.

2) «Проявленія именъ и аттрибутовъ» Бога — бабидскіе заправилы въ Аккѣ.

3) *Имкâн* собственно означаетъ всё то существующее, что могло бы и не существовать, т. е. всё сотворенное, вся тварь въ противуположность Творцу.

щены отъ лживыхъ розсказней и приготовлены къ воспринятію благой, благословенной, высочайшей рѣчи, которая стала слышной изъ сокровищницы мудрости Творца неба и Создателя именъ. Благо справедливымъ!

О люди земли!

1. Первая благая вѣсть, которою облагодѣтельствованъ весь міръ теперь, въ эту величайшую манифестацію 1), изъ основнаго Писанія 2), заключается въ томъ, что изъ книги Всевышняго, Милосердаго, Милостиваго, Великаго Бога, которая открыла ворота милости обитателямъ небесъ и земель, — вычеркивается постановленіе о войнѣ за вѣру (джиhâд).

2. Вторая благая вѣсть: Дается разрѣшеніе народамъ міра жить въ общеніи другъ съ другомъ, въ мирѣ и спокойствіи. Живите, о люди, при всякихъ вѣрахъ, въ общеніи другъ съ другомъ, въ мирѣ и спокойствіи. *Такъ* 3) засіялъ огонь разрѣшенія и воли на небосклонѣ повелѣнія Бога, Господа міровъ.

3. Третья благая вѣсть есть обученіе разнымъ языкамъ. Прежде 4) изъ высочайшаго пера вылилось такое постановленіе: Ихъ Величества цари — да дастъ имъ Богъ силу — или же везири земли пусть устроятъ совѣщаніе и назначатъ одинъ какой-нибудь языкъ, либо изъ существующихъ языковъ, либо совсѣмъ новый, и пусть введутъ во всѣхъ школахъ міра обученіе дѣтей этому языку, и точно такимъ образомъ письмена на всей землѣ станутъ одинаковыми. Благо тому, кто внемлетъ этому гласу и сдѣлаетъ такъ, какъ ему приказано Богомъ, Владыкою превеликаго престола.

4. Четвертая благая вѣсть: Въ любви и преданности всякому изъ Ихъ Величествъ царей, — да поможетъ имъ Богъ — который станетъ на защиту этого притѣсняемаго народа 5) и окажетъ ему помощь, всѣ 6) должны соперничать другъ съ другомъ. Этотъ пунктъ — священная обязанность (фарз) для всѣхъ. Благо поступающимъ такъ!

---

1) Божества.—Это именно время наше, время, которое видѣло зарожденіе и развитіе *новой* вѣры Бабидовъ Беhâуллахова толка. Всѣ прежнія религіи тоже называются «манифестаціями», «проявленіями» *(зухур)*.

2) Т. е. изъ хранящагося на небѣ Священнаго, Божественнаго Писанія ниспосланы теперь на землю новыя откровенія.

3) Т. е. для этой цѣли, съ этимъ приказаніемъ.

4) Самъ Беhâуллахъ дѣйствительно прежде внушалъ своимъ и всѣмъ вообще людямъ заботиться о введеніи какого нибудь общаго всѣмъ языка ради водворенія всеобщаго мира и согласія на землѣ; ср. Записки В. О. IV, 114 и E. G. Browne въ Journ. of the R. As. Soc. vol. XXI (New Ser.), p. 981. Настоящее приказаніе изучать разные языки очевидно дано съ цѣлью не возбуждать недовѣрія правительствъ непріязненнымъ отношеніемъ къ языку данной страны, гдѣ живутъ бабиды.

5) Т. е. бабидовъ.

6) Разумѣются опять бабиды.

5. **Пятая благая вѣсть**: Въ какой бы странѣ ни жилъ этотъ народъ [1]), онъ долженъ относиться къ правительству ея честно, правдиво и искренне. Это — то, что ниспослано было отъ Вѣчнаго Повелителя [2]). На обитателяхъ всего міра лежитъ обязанность помогать этому величайшему дѣлу [3]), которое ниспослано было съ неба воли Царя Вѣчности. Тогда долженъ будетъ, благодаря водѣ мудрости Божьей и увѣщеваніямъ и совѣтамъ Господнимъ, погаснуть огонь ненависти [4]), который горитъ въ сердцахъ нѣкоторыхъ народовъ, и свѣтъ единенія и согласія озаритъ и освѣтитъ всѣ небосклоны. Есть надежда, что, благодаря стараніямъ проявленій [5]) могущества Бога — велика слава Его — вооруженіе міра замѣнится умиротвореніемъ и смута и непріязнь уничтожатся среди людей.

6. **Шестая благая вѣсть** есть величайшій міръ, объясненіе котораго еще прежде было ниспослано высочайшимъ перомъ [6]). Благо тому, кто держится его и поступаетъ такъ, какъ ему приказано Богомъ, Всевѣдущимъ, Премудрымъ.

7. **Седьмая благая вѣсть**: Покрой платья и форма бороды и держаніе ея въ порядкѣ представляются выбору рабовъ Божьихъ, но берегитесь, о люди, дабы вы не сдѣлали себя посмѣшищемъ для невѣждъ! [7]).

8. **Восьмая благая вѣсть**: Дѣйствія почтенныхъ монаховъ [8]) и священниковъ общины Духа — да будетъ надъ нимъ миръ и блескъ Божій — записаны у Бога. Но теперь имъ слѣдуетъ стремиться изъ заключенности къ свободѣ и заниматься тѣмъ, что полезно для нихъ самихъ и для рабовъ Божьихъ. И всѣмъ соизволили мы разрѣшить вступленіе въ бракъ, дабы отъ нихъ рождались дѣти, которыя станутъ прославлять Бога, Господа того, что видимо и того, что невидимо и Владыку вышняго престола.

9. **Девятая благая вѣсть**: Если случится, что грѣшникъ сочтетъ себя вольнымъ и свободнымъ отъ ревности [9]) Божьей, то онъ долженъ просить

---

1) Бабиды.

2) Бога.

3) Бабидскому.

4) Противъ бабидовъ.

5) Разумѣются власть имѣющіе, цари и проч., которые суть существа, на которыхъ и въ которыхъ какъ бы проявляется могущество Бога, т. е. одинъ изъ Его аттрибутовъ.

6) Беhá во многихъ своихъ посланіяхъ или откровеніяхъ проповѣдывалъ необходимость всеобщаго міра; срв. также E. G. Browne, A Traveller's Narrative, II, p. XL.

7) Этою «благою вѣстью» отмѣняется всякое принужденіе относительно одежды и вообще внѣшняго вида. Бабиды, значитъ, могутъ свободно наряжаться въ какіе бы то ни было костюмы.

8) Въ текстѣ رهبنه (رهبنة), что собственно значитъ «монашество». خوريها перс. мн. ч. отъ новоарабск. خورى = curé. — Подъ «общиной Духа» разумѣются христіане. «Духомъ Божьимъ» у мусульманъ называется Іисусъ Христосъ.

9) Т. е. отъ наказанія Божьяго.

прощенія и помилованія, но не дозволено ему (публично) при людяхъ объявить о своихъ проступкахъ и прегрѣшеніяхъ, такъ какъ *это* никогда не было и не есть причина и поводъ прощенія и помилованія Божьяго. Далѣе, такое заявленіе при людяхъ есть причина униженія и посрамленія, а Богъ — велико величіе Его — не любитъ унижать рабовъ Своихъ, ибо Онъ, по истинѣ, есть Любящій, Великодушный. Грѣшникъ долженъ на единѣ съ Богомъ просить милосердія у моря милосердія и молить о прощеніи небо великодушія. Пусть скажетъ онъ: Боже мой, Боже мой, я молю Тебя кровью любившихъ Тебя, которыхъ сладчайшее Твое объясненіе[1]) вдохновило до того, что они устремились къ высшей вершинѣ, къ мѣсту величайшаго мученичества, и молю Тебя тайнами, сокровенными въ Твоемъ знаніи, и жемчужинами, сложенными въ морѣ Твоей щедрости, — да помилуешь Ты меня и моего отца и мою мать, ибо Ты ѐси милосерднѣйшій изъ милосердыхъ и нѣтъ божества, кромѣ Тебя, Всепрощающаго, Великодушнаго. О Господи! Ты видишь: самая суть грѣха пришла къ морю Твоей щедрости и (сей) презрѣнный (прибѣгаетъ) къ царству Твоего могущества и (сей) нищій къ солнцу Твоего богатства! О Господи! Не удаляй его по щедрости Твоей и милости Твоей и не отдаляй его отъ ежедневныхъ изліяній Твоей милости и не отгоняй его отъ дверей Твоихъ, которыя Ты открылъ для всѣхъ, кто на землѣ Твоей и въ небесахъ Твоихъ. Охъ! Охъ! грѣхи мои препятствуютъ мнѣ приблизиться къ ковру Твоей святости и прегрѣшенія мои мѣшаютъ мнѣ направиться къ шатру Твоей славы. Я сдѣлалъ то, что Ты мнѣ запретилъ и я оставилъ то, что Ты мнѣ приказалъ. Молю Тебя властью именъ: да назначишь Ты перомъ милости и милосердія мнѣ то, что могло бы приблизить меня къ Тебѣ и очистить меня отъ моихъ грѣховъ, которые стали между мной и Твоимъ прощеніемъ и милосердіемъ. Ты по истинѣ могущественъ, милостивъ. Нѣтъ божества, кромѣ Тебя, Всесильнаго, Всемилостиваго.

10. Десятая благая вѣсть: Постановленіе объ уничтоженіи книгъ[2]) мы вычеркнули изъ откровеній и посланій, въ видѣ милости со стороны Бога, даятеля этой великой вѣсти.

11. Одиннадцатая благая вѣсть: Изученіе всякаго рода наукъ и искусствъ разрѣшается, но такихъ наукъ, которыя полезны и способствуютъ прогрессу рабовъ Божьихъ. Такъ было рѣшено дѣло со стороны Повелѣвающаго, Премудраго.

---

1) *Беян*, объясненіе, ясное изложеніе. Такъ Бабъ называлъ свое ученіе.

2) Ср. Записки В. О. т. IV, 113, E. G. Browne, въ Journ. of the R. As. Soc. vol. XXI (N. S.) p. 979.

12. Двѣнадцатая благая вѣсть: Всякому изъ васъ вмѣняется въ обязанность заниматься какимъ нибудь дѣломъ, ремесломъ или профессіей и мы опредѣлили, что такое занятіе для васъ должно составлять самую суть служенія Богу — Истинѣ. Подумайте, о народъ мой, о милосердіи Божьемъ и милостяхъ Его. Потомъ благодарите Его вечеромъ и утромъ. Не тратьте времени своего въ праздности и лѣности, а занимайтесь тѣмъ, что приноситъ пользу вамъ самимъ и другимъ. Такъ постановилъ Повелѣвающій въ этомъ посланіи, со всѣхъ краевъ котораго сіяетъ солнце мудрости и яснаго изложенія: самый ненавистный Богу человѣкъ тотъ, который сидитъ (праздно) и проситъ милостыню. Держитесь за веревку средствъ [1]), уповая на Бога, причину всѣхъ причинъ [2]). Всякій пусть занимается какой нибудь работой или дѣломъ, доставляющимъ средства къ жизни. Такая работа у Бога считается самою сущностью служенія Ему. И это ничто иное какъ одна изъ милостей Его, превеликихъ, всеобъемлющихъ.

13. Тринадцатая благая вѣсть: Дѣла Общины [3]) возложены на «Мужей Дома Справедливости Божьей» [4]). Они — довѣренные Бога между рабами Его и проявленія (т. е. представители) дѣла (Божьяго, т. е. Бабидской вѣры) въ странахъ Его. О народъ Божій! Пѣстунъ міра — справедливость, такъ какъ искусство управленія зиждется на двухъ основахъ: воздаяніи и возмездіи. И эти двѣ основы — два источника жизни обитателей вселенной. Въ виду того, что всякій день требуетъ своего дѣла и всякое время своего постановленія, всѣ дѣла возложены на управляющихъ «Домомъ Справедливости», дабы они приводили въ дѣйствіе то, что считаютъ цѣлесообразнымъ въ данное время. Люди, которые посвящаютъ себя служенію дѣлу [5]) Бога ради [6]), просвѣщаются сокровенными откровеніями Божьими, и всѣ [7]) обязаны повиноваться имъ. Дѣла административныя [8]) всѣ зависятъ отъ «Дома Справедливости», а богослужебныя — отъ того, что ниспослано было Богомъ въ Писаніи. О люди Беhá! Вы были и есть мѣстá возсіянія любви Божьей [9]). Не оскверняйте языковъ своихъ поношеніемъ и проклинаніемъ кого бы то ни было и оберегайте глаза свои отъ того, что

---

1) Т. е. заработывайте себѣ средства къ жизни.

2) Каламбуръ въ текстѣ. Авторъ играетъ словомъ اسباب и его разными значеніями.

3) Бабидской.

4) Бейт-ал-адль. Такой долженъ быть въ каждомъ городѣ, гдѣ живутъ бабиды. Число членовъ — 19.

5) Т. е. вѣрѣ бабидской.

6) Т. е. безвозмездно.

7) Члены общины бабидской.

8) Бабидской общины.

9) Т. е. на васъ проявлялись любовь и милость Божьи.

непристойно. Показывайте то, что вы имѣете[1]). Если оно встрѣтитъ благопріятный пріемъ, то цѣль достигнута; если нѣтъ — то противиться не къ чему: предоставьте дѣло своему теченію, обращаясь къ Богу, Вѣрному, Крѣпкому. Не будьте причиною скорби, во избѣжаніе смуты и ссоры. Есть надежда, что вы будете взлелѣяны подъ тѣнью лотоса Божьяго милосердія и станете дѣйствовать согласно волѣ Божьей. Всѣ вы листья одного дерева и капли одного моря.

14. Четырнадцатая благая вѣсть: Путешествія съ цѣлью поклоненія умершимъ — необязательны[2]). Если люди состоятельные и достаточные средства (назначенныя на такія путешествія) передадутъ въ «Домъ Справедливости», то это будетъ Богу пріятно и любезно. Благо поступающимъ такъ! — Такъ какъ въ прежнихъ вѣроученіяхъ[3]), согласно требованіямъ времени, твердо и нерушимо установлены были: обязательность войны за вѣру *(джиҺâд)*, уничтоженіе книгъ, непозволительность общенія и совмѣстной жизни съ иновѣрцами разныхъ наименованій, а также чтенія нѣкоторыхъ книгъ, то въ этой величайшей манифестаціи (Божества)[4]) и великой вѣсти дары и даянія Божьи оказались всеобъемлющими и ненарушимое повелѣніе ниспослано было съ небосклона воли Царя вѣчности въ томъ именно смыслѣ, какъ здѣсь изложено.

Мы возносимъ хвалу Богу, Всеблагословенному и Всевышнему за то, что̀ Онъ ниспослалъ въ сей великій, благословенный, удивительный день! Если бы у всѣхъ людей всего міра, было у каждаго по 100,000 языковъ и если бы (всѣ эти языки) отнынѣ и до послѣдняго дня стали прославлять и благодарить, то никогда, ни коимъ образомъ, они не могли бы достаточно прославить хотя бы одну изъ милостей Божьихъ, изложенныхъ на этихъ листахъ. Это засвидѣтельствуетъ всякій знающій, понимающій, всякій вѣдающій и постигающій!

У Бога — велико величіе Его — мы просимъ и на него надѣемся: да даруетъ Онъ царямъ и властителямъ, которые суть проявленія Божьяго могущества и представители Божьяго величія, силу на проведеніе въ жизнь Его приказаній и повелѣній, ибо Онъ — могущественен, силенъ и Ему свойственно внимать молитвѣ.

1) Т. е. не скрывайте больше своей вѣры и убѣжденій. Это, разумѣется, можетъ относиться только къ тѣмъ бабидамъ, которые живутъ внѣ предѣловъ Персіи.

2) Они прежде усердно рекомендовались.

3) Предшествовавшихъ БеҺâуллахову теперешнему. Разумѣются преимущественно исламъ и ученіе перваго Бâба.

4) См. выше, стр. 188, прим. 1.

Бар. **В. Розенъ.**

СПБ. Августъ 1892.

Послѣднее слово Беха́-Уллы.

24 Іюня сего года въ Асхабадѣ было получено извѣстіе, что въ субботу 16 Мая утромъ скончался Беха́-Улла. Вечеромъ 24 Іюня явился ко мнѣ знакомый читателямъ этихъ «Записокъ»[1]) Мирза Абдуль-Керимъ Асадовъ и объявилъ, что آن حضرت صعود فرموده и что въ настоящее время званіе главы бабидовъ принадлежитъ Аббасъ-Эфенди, Гусне-А'азему غصن اعظم. Въ пятницу 26 Іюня вечеромъ было назначено чрезвычайное собраніе бабидовъ, о которомъ они, слѣдуя полицейскимъ правиламъ, дали знать Асхабадской полиціи. Конечно и я получилъ приглашеніе.

Въ Асхабадѣ на Мервскомъ проспектѣ бабидамъ принадлежитъ небольшой кварталъ, извѣстный у нихъ подъ названіемъ زمين اعظم «земине а'аземъ»[2]). Въ серединѣ квартала возвышаются стѣны, изъ жженаго кирпича, еще недоконченнаго молитвеннаго дома «Мешрекъ уль азкаръ» مشرق الاذكار. Передъ этимъ зданіемъ устроенъ довольно обширный бассейнъ и разбитъ пока еще молодой и малотѣнистый садъ. Кругомъ молитвеннаго дома группируются дома болѣе вліятельныхъ бабидовъ Асхабада. Въ этомъ саду и происходятъ всѣ собранія бабидовъ.

Когда я пришелъ туда, то нашелъ въ сборѣ почти всѣхъ асхабадскихъ бабидовъ. Всѣ они имѣли видъ очень опечаленный, нѣкоторые были даже съ заплаканными глазами. Къ тому же въ этотъ день получено было извѣстіе о другой смерти, о смерти въ Бухарѣ одного изъ выдающихся

---

1) См. Записки В. О. И. Р. А. О., т. VI, стр. 315.

2) По ихъ словамъ этотъ участокъ принадлежалъ прежде нѣкоему А'азему и потому-то онъ такъ и называется.

дѣятелей бабидовъ «Фазиля»[1] فاضل, сподвижника еще самого Бâба, который передъ этимъ мѣсяца за три вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Шейхомъ Мухаммедъ-Али пріѣхалъ изъ Тегерана въ Асхабадъ. Онъ предполагалъ поселиться совсѣмъ въ Асхабадѣ, но недѣли двѣ, три тому назадъ вмѣстѣ съ моимъ сотрудникомъ по переводу Китабе Акдесъ, Мирзой Абуль-Фазлемъ Гюльпайгани, выѣхалъ по дѣламъ въ Бухару.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и освѣдомленія о здоровьѣ, сопровождаемыхъ поклонами съ особымъ выворачиваніемъ глазъ, началось чтеніе «красивѣйшимъ напѣвомъ» باحسن الالحان завѣщанія Бехâ-Уллы, «грамоты моего завѣта» كتاب عهدى, приводимаго ниже въ подлинникѣ, со списка присланнаго изъ Акки, и въ переводѣ. Читалъ упомянутый выше молодой Шейхъ Мухаммедъ-Али. Когда онъ окончилъ чтеніе, молчаніе долго никѣмъ не нарушалось, развѣ только восклицаніями واه и يا الله. Послѣ небольшаго перерыва, во время котораго подавали чай, кальянъ и папиросы, Шейхъ началъ читать элегію, написанную по этому случаю. Это стихотвореніе, которое мы также приводимъ ниже, принадлежитъ поэту еще болѣе почитаемому, чѣмъ Небиль, Роуха, Роухани[2]) и др., а именно 'Андалибу, настоящее имя котораго Али Ашрефъ Лахиджани[3]) على اشرف لاهيجانى.

Вечеръ закончился пловомъ, который былъ сервированъ на верандѣ одного изъ домовъ, окружающихъ молитвенный домъ, и частью въ саду. При этомъ большинство бабидовъ, вопреки постановленію Китабе Акдесъ, ѣли руками и только тѣ немногіе, которые составляли мнѣ компанію, употребляли ложки, вилки и ножи. Должно быть привычка сильнѣе чѣмъ كلمة عليا «высочайшее слово» (Бехâ-Уллы).

Вотъ текстъ завѣщанія:

كتاب عهدى

اكر افق اعلى از زخرف دنيا خالى است ولكن در خزائن توكّل وتفويض از براى
ورّاث ميراث مرغوب لا عدل له كذاشتيم كنج نكذاشتيم وبر رنج نيفزوديم ايم الله
در ثروت خوف مستور وخطر مكنون انظروا ثم اذكروا ما انزله الرحمن فى الفرقان
ويل لكلّ همزة لمزة الذى جمع مالا وعدّده ثروت عالم را وفائى نه آنچه را فنا اخذ
نمايد وتغيير پذيرد لايق اعتنا نبوده و نيست مكر على قدر معلوم مقصود اين مظلوم را

---

1) О немъ я при случаѣ скажу подробнѣе.

2) Мое предположеніе о тожествѣ Роуха и Роухани совершенно неосновательно, хотя точныхъ справокъ мнѣ еще не удалось собрать; ср. Collect. Scientif. VI, 251, note.

3) Лахиджанъ въ окрестностяхъ *Решта*.

از حمل شدائد وبلایا و انزال آیات و اظهار بیّنات اخماد نار ضغینه و بغضا بوده که شاید آفاق افئدهٔ اهل عالم بنور اتّفاق منوّر کردد و باسایش حقیقی فائز واز افق لوح الٰهی نیّر بیان لائح و مشرق باید کل بآن ناظر باشند ای اهل عالم شمارا وصیّت مینمایم بانچه سبب ارتفاع مقامات شماست بتقوی الله تمسّك نمایید وبذیل معروف تشبّث کنید براستی میکویم لسان از برای ذکر خیر است او را بکفتار زشت میالایید عفی الله عمّا سلف از بعد باید کلّ بما ینبغی تکلّم نمایند از لعن وطعن وما یتکدّر به الانسان اجتناب نمایند مقام انسان بزرك است چندی قبل این کلمهٔ علیا از مخزن قلم ابهی ظاهر امروز روزیست بزرك ومبارك آنچه در انسان مستور بوده امروز ظاهر شده ومیشود مقام انسان بزرکست اکر بحق و راستی تمسّك نماید وبر امر ثابت وراسخ باشد انسان حقیقی بمثابهٔ اسمان لدی الرحمن مشهود شمس وقمر سمع وبصر و انجم او اخلاق میزهٔ مضیئه مقامش اعلی المقام و آثارش مربّی امکان هر مقبلی الیوم عرف قمیص را یافت وبقلب طاهر بافق اعلی توجّه نمود او از اهل بها در صحیفهٔ حمرا مذکور خذ قدح عنایتی باسمی ثم اشرب منه بذکری العزیز البدیع ای اهل عالم مذهب الٰهی از برای محبّت واتّحاد است او را سبب اختلاف منمایید نزد صاحبان بصر و اهل منظر اکبر آنچه سبب حفظ وعلّت راحت و اسایش عباد است از قلم اعلی نازل شده ولکن جهّال ارض چون مربّای نفس وهوسند از حکمتهای بالغهٔ حکیم حقیقی غافلند و بظنون واوهام ناطق وعامل یا اولیاء الله و امنائه ملوك مظاهر قدرت ومطالع عزّت وثروت حقّند در بارهٔ ایشان دعا کنید حکومت ارض بآن نفوس عنایت شد و قلوب را از برای خود مقرّر داشت نزاع وجدال را نهی فرمود نهیًا عظیمًا فی الکتاب هذا امر الله فی هذا الظهور الاعظم وعصمه من حکم المحو وزیّنه بطراز الاثبات انّه هو العلیم الحکیم مظاهر حکم ومطالع امر که بطراز عدل و انصاف مزیّنند بر کلّ اعانت ان نفوس لازم طوبی للامراء و العلماء فی البهآء اولئك امنائی بین عبادی ومشارق احکامی بین خلقی علیهم بهائی ورحمتی وفضلی الذی احاط الوجود در کتاب اقدس در این مقام نازل شده آنچه که از آفاق کلماتش انوار بخشش الٰهی لامع وساطع ومشرق است یا اغصانی در وجود قوّت عظیمه وقدرت کامله مکنون ومستور باو وجهت اتّحاد او ناظر باشید نه باختلافات ظاهرهٔ از او وصیّت الله آنکه باید اغصان وافنان ومنتسبین طرًّا بغصن اعظم ناظر باشند انظروا ما انزلناه فی کتابی الاقدس اذا غیض بحر الوصال وقضی کتاب المبدء فی المآل توجّهوا الی من اراده الله الذی انشعب من هذا الاصل القدیم مقصود از این آیهٔ مبارکه غصن اعظم بوده کذلك اظهرنا الامر فضلًا من عندنا وانا الفضّال الکریم قد قدّر الله مقام الغصن

الاکبر بعد مقامه انّه هو الآمر الحکیم قد اصطفینا الاکبر بعد الاعظم امرًا من لدن
علیم خبیر محبّت اغصان بر کلّ لازم ولکن ما قدّر الله لهم حقًّا فی اموال الناس یا
اغصانی و افنانی وذوی قرابتی نوصیکم بتقوی الله وبمعروف وبما ینبغی وبما ترتفع به
مقاماتکم براستی میکویم تقوی سردار اعظم است از برای نصرت امر الٰهی وجنودیکه
لایق این سردار است اخلاق واعمال طیّبهٔ طاهرهٔ مرضیّه بوده وهست بکو ایعباد اسباب
نظم را سبب پریشانی منمایید وعلّت اتّحاد را علّت اختلاف مسازید امید آنکه اهل
بها بکلمهٔ مبارکهٔ قل کلّ من عند الله ناظر باشند واین کلمهٔ علیا بمثابهٔ آبست از برای
اطفاء نار ضغینه وبغضا که در قلوب وصدور مکنون و مخزون است احزاب مختلفه از این
کلمهٔ واحده بنور اتّحاد حقیقی فائز میشوند انّه یقول الحقّ و یهدی السبیل و هو المقتدر
العزیز الجمیل احترام وملاحظهٔ اغصان بر کلّ لازم لاعزاز امر و ارتفاع کلمه و این حکم
از قبل و بعد در کتب الٰهی مذکور و مسطور طوبی لمن فاز بما امر به من لدن آمر
قدیم و همچنین احترام حرم وآل الله وافنان و منتسبین و نوصیکم بخدمة الامم و اصلاح
العالم از ملکوت بیان مقصود عالمیان نازل شد آنچه که سبب حیات عالم ونجات
امم است نصایح قلم اعلی را بکوش حقیقی اصغا نمایید انّها خیر لکم عمّا علی الارض
یشهد بذلك کتابی العزیز البدیع

ПЕРЕВОДЪ.

Грамота моего завѣта.

Хотя высочайшая страна[1]) не заключаетъ въ себѣ сокровищъ этого міра, но въ сокровищницѣ упованія и надежды мы оставили для наслѣдниковъ желанное наслѣдство, нѣсть же ему равнаго. Сокровища мы не оставили и (потому) обиды не увеличили. Клянусь Богомъ, въ богатствѣ скрывается ужасъ и прячется опасность.

Взгляните и вспомните то, что ниспослалъ вамъ Милосердый въ Коранѣ: «Горе всѣмъ клеветникамъ и злословящимъ, которые собирали богатства, предназначая его для будущаго»[2]).

Богатство міра неустойчиво. То, что тлѣнно и перемѣнчиво, не было достойно и не есть достойно вниманія, развѣ только въ извѣстной степени.

Цѣлью этого Угнетеннаго[3]) было потушить огонь ненависти и злобы,

1) الافق الاعلی см. Коранъ LIII, 7.
2) Коранъ CIV, 1.
3) Беха́-Улла.

переноса горести и несчастія, ниспосылая аяты[1]) и освѣщая «ясныя доказательства». Вѣдь, быть можетъ, міры сердецъ людей освѣтятся свѣтомъ согласія и достигнутъ истиннаго успокоенія. А изъ горизонта скрижали Божьей свѣтило «изъясненія» блеститъ и свѣтитъ. Слѣдуетъ всѣмъ взирать на него.

О люди міра, мы завѣщаемъ вамъ то, что служитъ къ возвышенію вашему.

Держитесь страха Божія и придерживайтесь за полу добропорядочности.

По истинѣ говорю, языкъ созданъ для хорошихъ словъ, его-же сквернословіемъ не марайте. Да проститъ Богъ то, что миновало. Впредь всѣ должны говорить то, что прилично и воздерживаться отъ проклятія, брани и того, что огорчаетъ человѣка. Мѣсто человѣка велико! Нѣсколько ранѣе это (нижеслѣдующее) высочайшее слово появилось изъ сокровищницы пресвѣтлѣйшаго пера[2]):

«Сегодня день великій и благословенный. Все то, что таилось въ человѣкѣ, сдѣлалось и сдѣлается явнымъ. Мѣсто человѣка велико, если онъ будетъ держаться правды и истины, а въ дѣлѣ (т. е. вѣрѣ) будетъ утвержденъ и твердъ.

Истинный человѣкъ то же, что небо для Милосердаго: солнце и луна (этого неба) — слухъ и зрѣніе (человѣка), а звѣзды (этого неба) — нравы отборные и свѣтлые. Мѣсто его выше всѣхъ, а слѣды[3]) его — воспитаніе всей твари. Сегодня каждый признавшій постигъ благовоніе рубашки[4]) и съ чистымъ сердцемъ направился къ высочайшему горизонту. Онъ записанъ на красной страницѣ въ числѣ людей Беха́. Возьми чашу моего промысла именемъ моимъ и пей изъ нея, поминая меня, могучаго, несравненнаго».

О люди міра! Божественная религія предназначена для любви и единенія. Не дѣлайте ея причиной раздора.

---

1) «Знаменія», т. е. стихи.

2) Т. е. былъ посланъ لوح, который заключалъ нижеслѣдующія слова. Этотъ لوح асхабадскимъ бабидамъ неизвѣстенъ.

3) [Т. е. Памятникомъ его дѣятельности должно быть воспитаніе всей твари. *В. Р.*].

4) Намекъ на слѣдующій эпизодъ изъ исторіи Іосифа, разсказанный въ Коранѣ, глава XII, ст. 91—97. «91. Они сказали: клянемся Богомъ: Богъ далъ тебѣ преимущество надъ нами, — мы согрѣшили. 92. Я не сдѣлаю теперь вамъ упрековъ. Богъ проститъ ваши преступленія, ибо Онъ милосерднѣйшій изъ милосердствующихъ. Отвезите мою одежду, покройте ею лице моего отца, у него возвратится зрѣніе..... 94. Когда караванъ отправился, отецъ ихъ сказалъ: чувствую запахъ Іосифа; можетъ быть, вы думаете, что я въ бреду. 95. Они сказали; ей Богу, ты въ давнемъ заблужденіи. 96. Когда вѣстникъ счастливой повѣсти прибылъ, то бросилъ ее (т. е. одежду) на лице ему и у него возвратилось зрѣніе. 97. Онъ сказалъ: не говорилъ-ли я вамъ, что я узнаю отъ Бога такое, чего вы не знаете». (Перев. Г. Саблукова).

Люди зрячіе и дальновидные считаютъ то, что ниспослано высочайшимъ перомъ, источникомъ сохранности и причиной покоя и спокойствія рабовъ (Божьихъ). Но невѣжды земли, въ силу того, что они взлелѣяны страстью и похотью пренебрегаютъ совершенною мудростью истиннаго мудреца и говорятъ и поступаютъ сообразно измышленіямъ и вымысламъ.

О друзья Бога и Его уполномоченные! Цари суть мѣста проявленія власти и мѣста появленія могущества и богатства Бога. Молитесь за нихъ! Имъ поручено управленіе землей, а сердца Онъ предназначилъ Себѣ.

Споры и раздоры Онъ запретилъ въ Книгѣ запретомъ великимъ. Это есть повелѣніе Бога въ этой величайшей манифестаціи («зухурѣ») и Онъ обезопасилъ его (т. е. это повелѣніе) отъ повелѣнія «отмѣны» и украсилъ его узоромъ «утвержденія» [1]). Ибо Онъ — Всевѣдущій, Премудрый.

Помогать тѣмъ, кому дано право рѣшать и повелѣвать и которые украшены узоромъ справедливости, обязательно для всѣхъ. Благо правителямъ и ученымъ (пребывающимъ) въ Беха́ (въ блескѣ). Они суть мои полномочные между моими рабами и источники моихъ постановленій среди моихъ созданій. Надъ ними да почіетъ мой блескъ, мое милосердіе и моя благодать, которая объемлетъ (все) существующее.

Въ Священнѣйшей Книгѣ относительно этого ниспослано то, отъ горизонтовъ словъ чего заблистали и засіяли лучи Божескихъ даяній.

О вѣтви мои [2]), въ «существѣ» скрыты сила большая и могущество совершенное. На нее (силу) смотрите и на то, что она даетъ для единства, а не на раздоръ, который отъ нея (тоже) появляется.

Завѣтъ Бога таковъ: Должно Агсанамъ [2]), Афнанамъ [3]) и всѣмъ имѣющимъ родство взирать на Гусне-А'аземъ. Обратите взоръ на то, что мы ниспослали въ нашей Священнѣйшей Книгѣ: «Когда отхлынетъ море единенія и заключится книга начала и конца [4]), направляйтесь къ тому, кого пожелалъ Богъ и который есть вѣтвь этого древняго корня». Цѣль этого благословеннаго *аята* была (указать на) Гусне-А'аземъ.

Такъ мы обнародовали повелѣніе милостью нашей, и Я — Многомилостивый и Щедрый: Предназначилъ Богъ мѣсто Гусне-Акберъ [5]) послѣ его мѣста, ибо Онъ — Повелитель, Премудрый. Мы предпочли (поставить титулъ) «Акберъ» послѣ «А'аземъ» повелѣніемъ отъ имени Знающаго, Вѣдающаго.

---

1) Т. е. запрещеніе споровъ и раздоровъ никогда не можетъ быть отмѣнено.

2) Остальные сыновья Беха́-Уллы.

3) Родственники Баба.

4) Хотя въ текстѣ كتاب المبدء فى المال, но въ спискѣ كتاب اقدس принадлежащемъ мнѣ, стоитъ المبدء والمال, что мнѣ кажется вѣрнѣе, и этого я придерживаюсь въ переводѣ.

5) Второй сынъ Беха́-Уллы.

Любовь къ Агсанамъ необходимо всѣмъ (проявлять), но Богъ не предназначилъ имъ доли изъ имущества людей [1]).

О мои Агсаны и мои Афнаны и близкіе мои, завѣщаемъ вамъ страхъ Божій, добропорядочность, приличіе и (вообще) то, чѣмъ возвысится ваше положеніе.

По истинѣ говорю: благочестіе есть величайшій полководецъ для торжества дѣла Божьяго. А войско достойное этого полководца были и будутъ хорошіе нравы и дѣянія добрыя, чистыя, угодныя (Богу).

Скажи: О рабы (Божіи), не превращайте орудія порядка въ орудіе смуты и не дѣлайте средства единства средствомъ раздора.

Есть надежда, что люди Беха́ будутъ взирать на благословенное изреченіе: «Скажи: все отъ Бога». А это великое изреченіе есть какъ-бы вода, предназначенная потушить огонь ненависти и злобы, который скрытъ и схороненъ въ сердцахъ и грудяхъ. Этимъ единымъ словомъ разъединенные народы достигнутъ свѣта истиннаго единства, ибо Онъ глаголетъ правду и ведетъ путемъ (истины). Онъ-же—Могучій, Могущественный, Прекрасный.

Почетъ и вниманіе къ Агсанамъ необходимы всѣмъ для возвеличенія дѣла (Божьяго) и возвышенія слова. Это повелѣніе и прежде и послѣ было помянуто и начертано въ божественныхъ книгахъ. Благо тому, кто постигъ то, что ему повелѣно отъ Вѣчнаго Повелителя. Это точно также (относится) и къ почитанію жены [2]) и семьи Божьей и Афнановъ и родственниковъ.

Мы завѣщаемъ вамъ служеніе народамъ и улучшеніе міра.

Изъ царствія «изъясненія» Цѣли міровъ ниспослано то, что ведетъ къ жизни міра и спасенію народовъ.

Увѣщаніямъ высочайшаго пера внимайте истиннымъ слухомъ, ибо это для васъ лучше всего того, что на землѣ.

Свидѣтельствуетъ объ этомъ книга [3]) моя могучая, несравненная.

هو الحیّ القیّوم

1 آه کاندر جام جانها ساقی بزم قضا * ریخت جای راح روح افزا شرنك جانکزا
بهرهر دردیست درمان بهرهر رنجی دواست * آه از این درد بی درمان ورنج بی دوا
چشم امکان خیره آمد قلب عالم تیره کشت * کلشن دل بی صفا شد بلبل جان بی نوا
منفصل کردید از این صدمه ارکان وجود * مضمحل کردید از این لطمه عرش کبریا

---

1) Т. е. не дозволено устанавливать никакихъ сборовъ въ пользу Агсановъ.

2) Вторая жена, мать Гусне-Акберъ и другихъ сыновей.

3) [Или, можетъ быть, «грамота моя», т. е. завѣщаніе. *В. Р.*].

کشت ساکن بحر موّاج کرم زا مواج وکشت * موج زن دریای غم در قلب وجان اولیا
رایت اسمآء حسنی سرنگون شد بر زمین * نـالـهٔ حـزب الـهـی مرتفع شد بر سما
آنکه در عالم قیامت از ظهورش شد پدید * کرد در عالم قیامت از غروب خود بپا
آنکه از طور لقا انظر تری میکفت کرد * موسیان را منصعق باز از خروش لن ترا
بحر اعظم کشتی یاقوت خود را کرد غرق * شد پدید از چشم نـوح روح طوفان بـکا
شد مکین سلطان امکان در سرای لا مکان * شد نهان شمس لقا در مغرب قدس بقا
کـوش شد محروم از الحان ورقآء ظهور * چـشـم شد ممنوع از انـوار خـورشید لقا
نوزده یوم آن جمال ایزدی شد بستری * فجر سبت دوم ذی قعده شد غایب زما
بود سادس عشر ماه رومیان یعنی ایار * بود ثالث عشر شهر عین وظا و میم و تا
هـم زنـوروز عجم شد منقضی هفتاد روز * هـم زهجرت یکهزار وسیصد ونـه کز قضا
این مصیبت کشت حادث واین عزا شد آشکار * جملهٔ قَـدْ غَابَ رَب کردیـد تاریخ عزا
صبح محشر را بچشم سرْعیان دیدم که بود * در فضای ارض عـکّا رستخیزی بـر ملا
خلق عکّا بهر تشییع از وضیع و از شریف * جمع در بهجی شدند از بـهـر اظهار وفا
هم زاحباب عجم زد ناله بر کردون علم * هـم ز اعـراب بـلـد واسیّدا واسیّدا
بـهـر تجهیز مبارك در حـرم اغصان نـور * هر یکی قائم بصرف صبر و تسلیم و رضا
حضرت غصن الله الاعظم بر احباب از کرم * این چنین فرمود با لحنی فصیح و دلربا
کس نکردد مضطرب زیرا که حق فرموده است * در کتاب اقدس خود بـر تـمـام مـا سوا
کایخلایق چون کند شمس جمال من غروب * هم سمآء هیکلم پنهان شود از دیـده هـا
جملکی بر نصرت امرم بجان قائم شوید * مطمئن باشید افـرازیـد بـر عالم لوا
در ظهورم حکمتی در غیبتم هم حکمتی است * کس نداند حکمت این هر دو جز ذات خدا
پس بباید متّفق کردیم در اعلای امر * پـس بباید متّحد باشیم در جهر و خـفـا
از پـی تبلیغ و نصرت هیکل واحد شویم * روح اندر هیکل عالم دمیم از این ندا
یازده تن بوده اند اصحاب عیسای مسیح * بعد روح الله دادند اهـل امکان را شفا
ما بحمد الله که هستیم این زمان چندین هزار * جملکی روشن دل از انـوار اغصان بها
منّت ایزد را که کل در ظلّ غصن اعظمیم * فرع آن اصل قدیم ومـوج آن بحر عطا
مستقیم و مطمئن بـاشید بـر امر عظیم * صابر اندر این مصیبت شاکر اندر این بلا

کاش مینوشید قبل از این مصیبت عندلیب
از کف ساقی صهبای اجل کأس فنا

ПЕРЕВОДЪ.

Онъ есть Вѣчно-живой, Вѣчно-сущій.

1 Ахъ! вѣдь въ чашу живыхъ виночерпій пира судьбы
Влилъ вмѣсто вина, увеличивающаго жизнь, губительный ядъ.
2 Для всякой боли есть исцѣленіе, для всякаго страданія лекарство.
Ахъ! Отъ этой неисцѣлимой боли и неизлечимаго страданія
3 Очи всей твари омрачились, сердце человѣчества затемнилось,
Цвѣтникъ сердца опечалился, соловей души онѣмѣлъ.
4 Распались отъ этого удара устои бытія,
Разсыпался отъ этого удара престолъ величія.
5 Волнующееся море щедротъ успокоилось отъ волнъ,
А море скорби взволновалось въ сердцѣ и душѣ друзей.
6 Знамя прекрасныхъ именъ повергнуто на землю —
Вопль Божьяго народа вознесся къ небу.
7 Тотъ, отъ появленія котораго міръ воскресъ [1])
Своимъ закатомъ навелъ ужасъ въ мірѣ.
8 Тотъ, который съ Синая свиданія говорилъ «взгляни и увидишь»,
Ошеломилъ Моисеевъ гласомъ: «ты никогда не увидишь» [2]).
9 Величайшее море свой собственный рубиновый корабль потопило:
Изъ очей Ноя духа [3]) появился потопъ слезъ.
10 Утвердился Царь всей твари въ чертогѣ вездѣсущія;
Скрылось солнце свиданія въ священномъ закатѣ вѣчности;
11 Лишился слухъ сладкаго напѣва голубя «Зухура» (манифестаціи);
Глаза устранены отъ лучей солнца свиданія.
12 Девятнадцать дней та божественная красота возлежала на одрѣ (болѣзни),
На зарѣ субботы втораго «зи ка́дэ» она скрылась отъ насъ.
13 Было шестнадцатое мѣсяца грековъ, т. е. Мая,
Было тринадцатое мѣсяца 'Айнъ-За-Мимъ-Та [4]),

---

1) Здѣсь не передаваемая игра словомъ قيامت, которое въ персидскомъ языкѣ имѣетъ общій смыслъ وقعهٔ عظمى. Ср. также Vullers, Lexicon Persico-Latinum II, 751.

2) Эта фигуральное выраженіе заимствовано изъ Корана VII, 139. «Когда Моисей пришелъ въ назначенное мѣсто и время: тогда Господь его говорилъ съ нимъ. Онъ сказалъ: Господь мой! дай мнѣ видѣть Тебя, я взгляну на тебя! Онъ сказалъ: не можешь видѣть меня! Взгляни на эту гору; если устоитъ она на мѣстѣ своемъ, то увидишь меня»... (Перев. Саблукова).

3) Беха́-Улла уподобляется кораблю, вѣрующіе Ною. Сравн. въ كتاب اقدس:

انّه من اصحاب السّفينة الحمرى الّتى جعلها الله لاهل البهآء

4) Т. е. бабидскаго мѣсяца عظمت.

14 А отъ персидскаго Ноуруза закончилось семьдесятъ дней
И отъ Гиджры тысяча триста девять (лѣтъ), какъ отъ судьбы
15 Появилось это несчастіе и эта скорбь сдѣлалась явной.
Изреченіе: «кад габа раб» (скрылся владыко) дало число[1]) скорби.
16 Утро воскрешенія своими очами я видѣлъ, которое
Въ Аккской равнинѣ стало воскресеніемъ для народовъ!
17 Населеніе Акки, малые и знатные, для проводовъ
Собралось въ Бехджѣ[2]) для отдачи послѣдняго долга,
18 И отъ «возлюбленныхъ»[3]) - персіянъ стягомъ поднялся къ небу вопль,
И отъ мѣстныхъ арабовъ: Увы, о господинъ, увы, о господинъ!
19 Для приготовленія похоронъ въ домѣ Агсановъ Нура («вѣтвей свѣта»)
Каждый проявилъ усердіе, самоотреченіе и стараніе.
20 Его Превосходительство[4]) Гуснъ-Уллахъ-аль-А'埃земъ
Такъ соизволилъ сказать напѣвомъ краснорѣчивымъ и похищающимъ сердца:
21 «Никто да не придетъ въ смущеніе, ибо «Истина» сказала
Въ своей священнѣйшей книгѣ для всего, «что кромѣ»[5]):
22 О созданія, когда зайдетъ солнце моей красоты,
А также небо моего облика скроется съ глазъ,
23 Всѣ вмѣстѣ для содѣйствія моему дѣлу душой воспряньте;
Будьте покойны! Водрузите надъ міромъ знамя!
24 Въ моемъ появленіи — одна мудрость, въ исчезновеніи моемъ также есть мудрость;
Никто не знаетъ этихъ двухъ мудростей, кромѣ самого Бога».
25 И такъ должно намъ быть согласными для возвышенія дѣла,
И такъ намъ должно быть объединенными и явно и тайно:

---

1) قدغابرب ق = 100; د = 4, غ = 1000; ا = 1; ب = 2; ر = 200; ب = 2, въ суммѣ = 1309.

2) Мѣстопребываніе Беха́-Уллы близь Акки; см. E. G. Browne, A Traveller's Narrative II, XXXVI—XLI.

3) Т. е. бабидовъ.

4) [Въ текстѣ «Хазретъ». Это нѣсколько неопредѣленный титулъ, который можетъ быть передаваемъ весьма различно, смотря по лицу къ которому обращаются или о которомъ говорятъ. Онъ одинаково употребляется когда рѣчь идетъ о пророкахъ, святыхъ, царяхъ, сановникахъ и вообще когда выражаются съ уваженіемъ о какомъ нибудь лицѣ.— Едва-ли удачна передача его черезъ «Превосходительство» въ этомъ стихѣ. Гуснъ-Уллахъ, преемникъ Беһа́уллаха, стоитъ въ глазахъ вѣрующихъ бабидовъ, разумѣется, много выше простаго «Превосходительства» въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы привыкли употреблять этотъ титулъ. Но за полной невозможностью подобрать для «Хазрета» вполнѣ подходящій русскій титулъ мы предпочли бы или совсѣмъ пропустить его здѣсь, или же перевести черезъ какое-нибудь прилагательное, какъ напр. «высокопочитаемый», которое не имѣетъ такого исключительно чиновно-іерархическаго оттѣнка какъ наше «превосходительство». *В. Р.*].

5) Т. е. ما سوا الله все что кромѣ Бога. Такъ опредѣляется міръ عالم.

26 Для утвержденія и побѣды сдѣлаемся плотью единой
И въ нѣдра міра вдохнемъ духъ изъ этого призыва!
27 Одиннадцать душъ было спутниковъ Іисуса Мессіи:
(Тѣмъ не менѣе они) послѣ Духа Божія[1]) дали міру исцѣленіе.
28 Мы, слава Богу, состоимъ теперь изъ столькихъ тысячъ,
Всѣ съ освѣщенными сердцами отъ свѣта вѣтвей Беха́.
29 Благодареніе Богу, что мы всѣ подъ сѣнью Гусне А'簡земъ —
Отпрыска того древняго корня и волны того моря даяній.
30 Будьте тверды и увѣрены въ великомъ дѣлѣ,
Терпѣливыми въ этомъ несчастіи и благодарящими въ этой горести.
31 О если бы передъ этимъ горемъ 'Андалибу удалось выпить
Изъ рукъ виночерпія вина ро́ка чашу небытія!

1) «Духъ Божій» = Іисусъ.

Ал. Туманскій.

Асхабадъ, 8 Іюля 1892 г.

Буддійскій сборникъ „Гирлянда джāтакъ" и замѣтки о джāтакахъ.

I.

Обширная литература буддійскихъ легендъ можетъ быть раздѣлена на три группы: первая — легенды о перерожденіяхъ Будды, предшествовавшихъ его послѣдней земной жизни, это «Джāтаки»; вторая — легенды о Буддѣ во время его послѣдней земной жизни; третья — легенды о буддійскихъ подвижникахъ, это «Авадāны»; послѣднее названіе впрочемъ употребляется и въ болѣе общемъ смыслѣ легенды вообще.

Въ нашихъ замѣткахъ мы коснемся только джāтакъ, которымъ въ литературномъ отношеніи принадлежитъ особенно выдающееся положеніе среди буддійскихъ легендъ, благодаря сравнительно широкому разнообразію затрагиваемыхъ ими темъ и мотивовъ; въ джāтакахъ Будда является въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, начиная съ боговъ и кончая животными, сообразно съ чѣмъ измѣняется постоянно и внѣшняя форма, и мы встрѣчаемся то съ повѣстью, то съ нравоучительнымъ разсказомъ, то съ волшебною сказкою, то съ баснею.

Джāтака, какъ и большинство произведеній индійской литературы, имѣетъ свой опредѣленный шаблонъ, который находитъ себѣ особенно систематическое примѣненіе въ южномъ (пāлійскомъ) канонѣ, рѣзко отличающемся вообще по склонности къ систематизаціи отъ памятниковъ сѣверныхъ (санскрито-прāкритскихъ). Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсмотрѣнію джāтакъ, мы предлагаемъ переводъ одной изъ нихъ, обозначивъ различіемъ шрифтовъ составныя части джāтаки[1]).

---

1) Khantivaṇṇanajātaka № 225. Fausböll II. 206—207. Эта джāтака, на сколько намъ извѣстно, еще не переведена.

ДЖĀТАКА — ТОЛКОВАНІЕ МИЛОСЕРДІЯ.

„Есть у меня, государь, человѣкъ“, *такъ разсказывалъ, пребывая въ Jetavana, учитель, имѣя въ виду царя Kosala; у того же нѣкій, весьма заслуженный совѣтникъ совершилъ въ женскихъ покояхъ проступокъ. Царь, съ мыслью: «помощникъ онъ мнѣ», хотя и зналъ (про его проступокъ), простивъ, сказалъ (объ этомъ) учителю. Учитель, сказавъ: «и прежніе цари, о царь, прощали», по просьбѣ царя разсказалъ разсказъ:*

Въ прежнее время, когда въ Бенаресѣ царствовалъ Brahmadatta, нѣкій совѣтникъ совершилъ проступокъ въ его женскихъ покояхъ и въ домѣ совѣтника его слуга также совершилъ проступокъ. Не будучи въ состояніи простить ему его проступка, совѣтникъ взялъ слугу, привелъ къ царю и сказалъ: «Одинъ мой слуга вѣдалъ всѣ дѣла мои, онъ совершилъ проступокъ въ моемъ домѣ, чтò надо съ нимъ сдѣлать?». Такъ спрашивая, онъ произнесъ первый стихъ.

1. „Есть у меня, государь, человѣкъ избранный для всѣхъ дѣлъ, за нимъ есть проступокъ, въ этомъ случаѣ чтò ты полагаешь?“.

Тутъ: *за нимъ есть проступокъ* — значитъ: за этимъ человѣкомъ есть проступокъ. *Въ этомъ случаѣ чтò ты полагаешь*—значитъ: тутъ, относительно проступка этого человѣка чтò ты полагаешь, что должно быть сдѣлано; онъ этимъ объясняетъ, что: «назначь ему наказаніе сообразно съ тѣмъ какъ ты думаешь».

Услыхавъ это, царь произнесъ второй стихъ:

2. „И у насъ есть подобный человѣкъ, здѣсь онъ находится, трудно достать достойнаго, подобаетъ намъ милосердіе“.

Смыслъ этихъ словъ: и у насъ, царей, есть подобный, весьма заслуженный, согрѣшившій въ домѣ человѣкъ и онъ здѣсь находится, т. е. теперь даже здѣсь находится; мы, цари, имѣя въ виду многія его заслуги, прощаемъ; для тебя же, который даже не царь, прощеніе обязательно. *Достойный*, т. е. одаренный всѣми добродѣтелями человѣкъ, трудно находи́мъ, поэтому намъ въ подобныхъ случаяхъ подобаетъ милосердіе прощенія.

Совѣтникъ, понявъ, что смыслъ царской рѣчи касался его, съ этого времени не смѣлъ болѣе совершать проступковъ въ женскихъ покояхъ. И слуга его, понявъ смыслъ указаннаго царемъ, съ этого времени не смѣлъ болѣе дѣлать того дѣла.

Учитель, разсказавъ это поученіе, отожествилъ[1] *лица въ джāтакѣ, сказавъ: «тогда я былъ царемъ Бенареса». И тотъ царскій совѣтникъ,*

---

1) Мы не могли подобрать другаго перевода для выраженія samodhāneti — сводить, проводить связь между двумя вещами; въ джāтакахъ оно касается отожествленія лицъ въ событіи современномъ Буддѣ съ дѣйствующими лицами въ джāтакѣ. У Childers'а въ Словарѣ, какъ уже замѣтилъ Rhys Davids (Birth Stories 146), это слово въ примѣненіи къ джāтакамъ истолковано ошибочно.

понявъ смыслъ разсказаннаго учителемъ, съ того времени не смѣлъ дѣлать того дѣла.

Собственный текстъ джāтаки составляютъ стихи, соотвѣтственно числу которыхъ и располагаются 550 джāтакъ пāлійскаго каноническаго сборника, начиная съ джāтакъ въ одинъ стихъ; стихи эти, вмѣстѣ съ фактическимъ комментаріемъ въ прозѣ (vaṇṇanā или aṭṭhakathā), составляютъ такъ называемый atītavatthu — разсказъ о прошедшемъ, къ этому присоединяется paccuppannavatthu — разсказъ о настоящемъ; т. е. поводъ, по которому Будда разсказалъ ту или другую джāтаку; затѣмъ слѣдуетъ samodhānam — отожествлēніе лицъ въ разсказѣ о прошедшемъ съ лицами разсказа о настоящемъ; стихи имѣютъ сверхъ того еще грамматическій и лексическій комментарій, въ который сравнительно рѣдко вставляются замѣчанія фактическаго характера.

Стихи справедливо считаются самой существенной и самой древней частью джāтакъ, доказательствомъ чему служатъ, во первыхъ архаическія формы пāлійскаго текста и во вторыхъ большое сходство стихотворной части джāтакъ южныхъ (пāлійскихъ) и сѣверныхъ (санскрито-прāкритскихъ), при значительныхъ отличіяхъ въ прозаической части. Это впрочемъ и вполнѣ понятно: первоначальный разскащикъ наиболѣе рельефныя части своего разсказа старался облечь въ болѣе прочную форму — стихъ; обыкновенно выбирался для этого діалогъ или монологъ; обрисовка положенія, переходы не имѣли уже столь существеннаго значенія, потому что данный діалогъ или монологъ часто могъ служить для разныхъ лицъ и положеній; когда же желательно было приковать ихъ къ опредѣленнымъ лицамъ или положеніямъ, соотвѣтственные намеки вкладывались въ стихи, причемъ индивидуальному творчеству каждаго новаго перескащика предоставлялась соединявшая стихи проза. Насколько въ Индіи этотъ типъ литературныхъ произведеній былъ развитъ еще въ древности, указываютъ многіе ведическіе гимны — itihāsa, которые теперь часто составляютъ отчаяніе переводчиковъ крайней темнотою какъ-бы на угадъ брошенныхъ стиховъ, прозаическія связки которыхъ дошли до насъ лишь въ позднихъ и потому часто удаленныхъ отъ первоначальнаго типа редакціяхъ[1]). Дальнѣйшимъ раз-

1) Впервые на это явленіе было указано, насколько мнѣ извѣстно, Виндишемъ: Windisch, E. Ueber die altirische Sage des Táin Bó Cúalgne, der Raub der Rinder (Verh. 33. Phil. Vers. Gera 1878). Leipzig 1879, стр. 15—32, касающееся Индіи стр. 28; здѣсь говорится о легендахъ о Hariçcandra, Çunaḥçepa, Urvaçī - Purūravas. Дальнѣйшія изслѣдованія: Oldenberg, H. Das altindische Akhyâna, mit besonderer Rücksicht auf das Suparṇâkhyâna. ZDMG. 37. 54—86. Id. Akhyâna-Hymnen im Ṛigveda. ZDMG. 39. 52—90. Pischel, R. und Geldner, K. Vedische Studien I u. II. 1. Stuttgart 1889—1892, особенно монографія Гельднера:

витіемъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ повидимому считать такъ называемый argumentum, т. е. стихъ, помѣщаемый въ началѣ разсказа и передающій суть содержанія его; эти argumenta широко распространены во всей индійской литературѣ, въ памятникахъ брахманскихъ, буддійскихъ, джайнскихъ[1]); конечнымъ пунктомъ мы можемъ признать сокращеніе разсказа въ поговорку, часто даже отдѣльное выраженіе вродѣ напр. ajākṛpāṇīya — *неожиданно*; собственно: *какъ въ разсказѣ о козѣ и ножѣ*[2]).

Палійскій канонъ, кромѣ спеціальнаго сборника въ 550 джātакъ, заключаетъ въ себѣ еще двѣ книги съ джātаками: Cariyāpiṭaka (объ этомъ сборникѣ далѣе будетъ говорено подробнѣе) и Buddhavaṃsa; кромѣ того многія джātаки существуютъ отдѣльно, или въ сборникѣ 50 джātакъ[3]), или разбросаны по комментаріямъ къ канону, большинство которыхъ еще не издано. Изъ сѣверныхъ, санскритско-прākритскихъ памятниковъ заключаютъ въ себѣ джātаки, на сколько намъ извѣстно, слѣдующіе: Mahāvastu, Avadānaçataka и связанные съ нимъ сборники (Dvāviṃçatyavadāna, Ratnāvadānamālā, Kalpadrumāvadānamālā), Divyāvadāna, Jātaka-mālā, Dsanglun, Bodhisattvāvadānakalpalatā, Bhadrakalpāvadāna, Açokāvādānamālā, Avadānasārasamuccaya и отдѣльныя джātаки; ср. также Lalitavistara гл. 13; большой Jātaka-mālā съ 565 разсказами, о которой говоритъ Годжсонъ[4]), мы не знаемъ, хотя и возможно, что подобный сборникъ отыщется; такъ напр. извѣстно, что существуетъ сборникъ въ 101 разсказъ

Purūravas und Urvaçī стр. 243—295 ср. рецензіи: H. Oldenberg, G. G. A. 1889. 1 слл. и 1890. 405—427, ср. любопытныя замѣчанія въ этой же области, въ рецензіи на Histoire littéraire de la France, t. XXX. H. Zimmer, G. G. A. 1890. 806—808 и Nöldeke, Th. Persische Studien. II. 11. Wien 1892. (Sitz.-B. W. A. H. Ph. Cl. CXXVI).

1) Иногда случается такъ, что самый разсказъ исчезаетъ и остается только argumentum, напр. въ Джайнскомъ сборникѣ Samyaktvakaumudī (A. Weber, S. B. Berl. Ak. 1889, стр. 741, 743—744) разсказъ про горшечника, придавленнаго обваломъ, сохранился всего въ одной рукописи, двѣ же другія даютъ только argumentum; разсказъ этотъ въ нѣсколько иномъ видѣ имѣется и въ палійской версіи этой группы разсказовъ въ Padakusalamāṇavajātaka № 432; мы даемъ ниже переводъ этой джātаки и сравненіе ея съ Samyaktvakaumudī.

2) Къ довольно обильной литературѣ, которая уже имѣется по поводу этой маленькой басни, прибавимъ указаніе на версію въ Takkāriyajātaka № 481. Fausböll IV. 251. Любопытно, что эта басня въ очень близкой къ палійской версіи формѣ встрѣчается въ предисловіи къ Макамамъ Харири, какъ пословица; см. Die Verwandlungen des Abu Seid von Serug, oder die Makamen des Hariri, in freier Nachbildung von Friedrich Rückert. Stuttgart und Tübingen. 1837. I, 9.

3) Feer L. Les jâtakas. Première partie 417—422.

4) «Játaka-málá; an account of the meritorious actions of Sákya in his 565 births, prior to his becoming a Tathágata. Verse and prose: speaker, Sákya; hearer, Ananda Bhikshu». Hodgson, B. H. Essays on the languages, litterature, and religions of Nepál and Thibet. London 1874, стр. 17—18.

въ тибетскомъ переводѣ, подъ тѣмъ-же заглавіемъ: онъ заключаетъ въ себѣ и Jātakā-mālā поэта Çūra[1]).

Необыкновенная популярность, какою пользовались джāтаки, наравнѣ съ легендами изъ послѣдней земной жизни Будды, засвидѣтельствована многочисленными изображеніями на буддійскихъ ступахъ и монастыряхъ, начиная съ знаменитой Бхархутской ступы; исторія изображеній буддійскихъ легендъ заслуживаетъ безспорно бóльшаго вниманія чѣмъ то, которымъ она до сихъ поръ пользовалась, и несомнѣнно, что она поможетъ намъ немало для разрѣшенія запутанныхъ вопросовъ хронологіи буддійской литературы. Эта запутанность хронологіи не позволяетъ намъ отвѣтить сколько-нибудь опредѣленно на существенный вопросъ о томъ, къ какому времени относятся имѣющіяся у насъ джāтаки; несомнѣннымъ мнѣ кажется одно, что онѣ, въ какомъ точно видѣ неизвѣстно, принадлежали къ наиболѣе древнимъ произведеніямъ буддійской литературы: онѣ являлись чрезвычайно подходящимъ матерьяломъ для объясненія разныхъ непонятныхъ и сомнительныхъ явленій дѣйствительности въ области возмездія за дурныя и добрыя дѣла, столь важной во всякой религіозной проповѣди. Мы не хотимъ конечно этимъ сказать, что тѣ «разсказы о настоящемъ», которые мы *теперь* находимъ въ джāтакахъ, являются дѣйствительно передачей соотвѣтствующихъ событій въ жизни Будды, а только то, что дѣйствительные поводы къ появленію джāтакъ были часто аналогичны этимъ «разсказамъ». Джāтакамъ, какъ и вообще буддійскимъ легендамъ, особенно со времени выхода знаменитой книги Бенфея о Панчатантрѣ, принято придавать особенное значеніе въ исторіи индійской повѣствовательной литературы; значеніе ихъ несомнѣнно, но оно лежитъ, намъ кажется, не тамъ, гдѣ его обыкновенно предполагаютъ: не буддизмъ и не буддійскія легенды создали такія истинно художественныя произведенія, какъ Панчатантра и Хитопадеша, которыя являются потомками древнихъ itihāsa и ākhyāna, памятниковъ свободнаго творчества, не связаннаго церковной догматикой и утилитарными побужденіями; Бенфею были доступны лишь отрывки этой монашеской литературы, и можно навѣрное сказать, что если-бы ему предлежали тѣ джāтаки, avadāna, Petavatthu, Vimānavatthu и т. п., которыя намъ теперь доступны, онъ-бы измѣнилъ свое мнѣніе. Но за этими буддійскими памятниками есть одно

1) Свѣдѣнія объ этомъ сборникѣ будутъ ниже сообщены А. О. Ивановскимъ. Болѣе тщательное изслѣдованіе китайской и тибетской литературъ позволитъ намъ несомнѣнно найти сѣверныя версіи почти всѣхъ, если не всѣхъ джāтакъ и легендъ, вообще находящихся въ пāлійскомъ канонѣ; слѣдуетъ также ожидать, что найдутся и многіе индійскіе оригиналы этихъ китайскихъ и тибетскихъ переводовъ, какъ только Тибетъ станетъ доступнѣе.

огромное преимущество — они сохранили для насъ, правда въ блѣдныхъ, тенденціозныхъ отраженіяхъ, темы и мотивы старинныхъ произведеній индійскаго духа и даютъ намъ, благодаря этому, возможность возсоздать цѣлый періодъ развитія индійской литературы, который безъ нихъ почти не существовалъ-бы для насъ.

II.

Jātaka-mālā.

Jātaka-mālā — «Гирлянда джāтакъ», произведеніе буддійскаго поэта Çūra, единственная изъ пока извѣстныхъ въ санскритскомъ текстѣ книгъ, состоящая исключительно изъ однѣхъ джāтакъ; исторія этой книги, къ сожалѣнію, крайне темна: проф. Кернъ, которому принадлежитъ недавно вышедшее превосходное изданіе этого текста, не высказался по этому вопросу сколько-нибудь опредѣленно, и мы можемъ лишь въ общихъ чертахъ на основаніи нѣкоторыхъ замѣчаній въ предисловіи къ изданію и его статьи о Çūra составить себѣ понятіе объ его мнѣніи; онъ относитъ Jātaka-mālā ко времени приблизительно между 550 и 650 гг. (по Р. Хр.)[1]); онъ считаетъ мало вѣроятнымъ преданіе, сообщаемое Tāranātha о томъ, что авторъ 34 разсказовъ о перерожденіяхъ имѣлъ въ виду сначала написать 100 разсказовъ, хотя и не рѣшается вполнѣ отрицать его[2]); онъ считаетъ возможнымъ существованіе на діалектѣ gāthā сборника въ 35 джāтакъ[3]); послѣднее предположеніе ему нужно для объясненія присутствія въ Ms. P. Kacchapa-jātaka, но оно объясняется прямо тѣмъ, что данная джāтака взята изъ Mahāvastu (II, 244—245) и только приспособлена къ Jātaka-mālā концомъ, придѣланнымъ по всей вѣроятности самимъ-же переписчикомъ.

Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ для сужденій о Jātaka-mālā, крайне скуденъ: всѣ извѣстныя рукописи восходятъ почти несомнѣнно къ одному и, какъ намъ кажется, не очень отдаленному оригиналу[4]). Китай-

---

1) Der buddhistische Dichter Çūra, стр. 51.

2) Пред. къ изд., стр. VI.

3) Ib. VII.

4) Ib., стр. V. О рукописяхъ, не подлежавшихъ личному разсмотрѣнію проф. Керна, мы можемъ замѣтить, что рук. Петербургскаго Университета дѣйствительно вполнѣ совпадаетъ въ текстѣ съ рукописями, употребленными при изданіи; то же самое надо сказать и про рук. покойнаго И. П. Минаева (нынѣ въ Публичной библіотекѣ; foll. 130 l. 7.—до 39 v. съ замѣтками между строкъ на Nevārī). Рукопись бенгальскаго азіатскаго Общества (Rājendralālamitra 49—57) по всей вѣроятности окажется тоже принадлежащей къ той же семьѣ рукописей; различное начало попало туда, думается намъ, изъ описанія слѣдующей затѣмъ по каталогу Bodhisattvāvadānakalpalatā, куда оно и относится; примѣровъ подобныхъ странностей при описаніи рукописей въ этомъ, чрезвычайно впрочемъ полезномъ каталогѣ, къ сожалѣнію, не мало.

скій переводъ, съ которымъ мы могли ознакомиться, благодаря любезности А. О. Ивановскаго, не только ничего не разъясняетъ въ исторіи текста, но еще болѣе затемняетъ вопросъ; тибетскій переводъ, повидимому, тоже не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ данныхъ[1]). Остается одно преданіе, сообщаемое Tāranātha, писавшимъ, правда, свою исторію буддизма въ 1608 г., но имѣвшимъ подъ руками и старинные источники; преданіе это гласитъ слѣдующимъ образомъ: «Учитель Мāтрйчета есть никто иной, какъ самъ Дурдаршакāла, о которомъ было говорено нѣсколько выше. Онъ извѣстенъ подъ (различными) именами (каковы): *Шӯра*, Ашваг'оша, Мāтрйчета, Питрйчета, Дурдарша, Д'армика, Суб'ути и Матичитра[2])...... Независимо отъ упоминаемыхъ въ сӯтрахъ и другихъ книгахъ перерожденій Будды до достиженія имъ этого званія, онъ предпринялъ сочинить (привести въ письменный видъ) переходившіе (до того) изъ устъ въ уста (букв. изъ ушей въ уши) десять десятковъ (сто) перерожденій Будд'ы[3]), соотвѣтственно десяти пāрамитамъ (по 10 перерожденій на каждую), но когда окончилъ 34-ое, то скончался. По нѣкоторымъ легендамъ разсказывается, что размышляя о томъ, какъ бод'исаттва (т. е. будд'а въ прежнихъ перерожденіяхъ) отдалъ свое тѣло (на съѣденіе) тигрицѣ, онъ подумалъ, что и самъ можетъ (сдѣлать тоже), что это не трудное дѣло. Однажды, какъ и тамъ (въ разсказѣ о перерожденіяхъ), онъ увидѣлъ тигрицу, послѣдуемую дѣтьми и изнемогающую отъ голода; сначала онъ нѣсколько не могъ рѣшиться пожертвовать тѣломъ, но, возбудивъ въ себѣ чрезвычайное благоговѣніе къ будд'ѣ и написавъ собственной кровью семидесятишлочную молитву, напоилъ сначала тигровъ кровью, и когда они подкрѣпили тѣло, отдалъ имъ (на съѣденіе свое тѣло)».

Намъ кажется почти очевиднымъ, что Tāranātha имѣлъ въ виду нашъ сборникъ. Вѣроятность сообщаемаго преданія нѣкоторымъ образомъ подтверждается во 1) значительной его правдоподобностью и 2) тѣмъ, что повидимому и рукописи Jātaka-mālā сохранили намъ слѣдъ его: послѣ каждыхъ *десяти* джāтакъ (послѣ 10, 20, 30) слѣдуетъ uddāna, т. е. перечень, оглав-

---

1) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ двухъ переводахъ см. ниже въ статьѣ А. О. Ивановскаго.

2) Васильевъ, В. Буддизмъ III, 98.

3) В. П. Васильевъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту ошибочно считаетъ упоминаемое сочиненіе за Buddhacaritramahākāvya, повидимому дѣйствительно принадлежащее Açvaghoṣa, и сохранившееся въ санскритскомъ подлинникѣ, который приготовляется къ изданію проф. Кауэллемъ. См. пока Lévi, S. Le Buddhacarita d'Açvaghoṣa. J. A. 8. XIX. 201—236. Есть еще другое Buddhacaritra, ничего общаго съ произведеніемъ Açvaghoṣa не имѣющее; оно приписывается нѣкоему Nakhamala (?) или «Nathamala alias Nāthurāma», какъ говоритъ Рāджендралāламитра (Sanskrit Buddhist Literature etc. 78—79).

леніе. Противъ преданія проф. Кернъ указываетъ, повидимому, на то обстоятельство, что 34 есть число, принятое (official number) сѣверными буддистами[1]). Къ сожалѣнію проф. Кернъ не называетъ источника откуда имъ взято это указаніе, намъ онъ неизвѣстенъ; эпитетъ же Будды Catustriṃçajjātakajña, который приводится имъ по Hemacandra (ст. 233), могъ явиться и на основаніи нашего сборника, на что какъ будто указываетъ комментарій[2]) catustriṃçatam jātakāni Vyāghrīprabhṛtīni jānāti catu°| yad Vyādiḥ

jātakāni punar Vyāghrī Çibiḥ Çreṣṭhī Çaço Bisam
Haṃso Viçvantaraḥ Çakro MaitrībalaSupāragau
Aputro Brāhmaṇaḥ Kumbhaḥ Kulmāṣapiṇḍajātakam
Aviṣahyaḥ (?) Çresthijātonmādayantī Mahākapiḥ
Bodhir Brahma Mahābodhir Vānaraḥ Çarabho Ruruḥ
Kṣāntivādī ca Hastī ca Kuthaç (?) cotpacamādayaḥ (?)

Нѣсколько соотвѣтствующій Jātaka-mālā пālійскій текстъ Cariyāpiṭaka, принадлежащій повидимому къ наиболѣе позднимъ памятникамъ южнаго канона, къ сожалѣнію тоже не разъясняетъ намъ почти ничего, особенно теперь, когда онъ изданъ еще безъ комментарія. Въ напечатанномъ текстѣ *35* джāтакъ, но одно обстоятельство, къ сожалѣнію не отмѣченное издателемъ пālійскаго текста, вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе какъ относительно числа, такъ и состава джāтакъ этого сборника: во введеніи къ большому сборнику джāтакъ, Nidānakathā, помѣщенъ, *какъ выдержка изъ Cariyāpiṭaka*[3]), перечень *34* джāтакъ, лишь на половину совпадающій съ напечатаннымъ текстомъ, въ которомъ мы находимъ только отчасти и приведенные въ Nidānakathā стихи[4]). Ниже мы даемъ сравнительную таблицу обоихъ текстовъ. При доступномъ пока матеріалѣ къ сожалѣнію мы не рѣшаемся объяснить этотъ запутанный вопросъ и довольствуемся данными указаніями[5]).

Относительно хронологіи нашего памятника мы можемъ къ указанному проф. Керномъ добавить только одно, что позже конца VII в. онъ повидимому не могъ быть написанъ, такъ какъ о немъ, какъ кажется, гово-

---

1) Preface VI. Buddhismus (Ueb. von H. Jacobi) I. 327.

2) Мы могли воспользоваться только изданіемъ Бетлингка и Ріё, попытавшись, въ одномъ случаѣ, можетъ быть, даже слишкомъ смѣло, возстановить заглавія джāтакъ.

3) Fausböll. Jātaka I. 45—47. У Morris'а въ изданіи надо читать: стр. XIV.: II. 1= 455; II. 5 = 278; II. 9. 2, a. sutadhammo не собственное имя; 2 b. читай Alīnasattu, стр. XVI. Jātaka-mālā и Bodhisattvāvadāna одно и то же сочиненіе.

4) Сообразно съ этимъ надо измѣнить прим. 2, на стр. 54 у Rhys-Davids, Birth-Stories. Тамъ же, стр. 55 написанное до напечатанія текста Cariyā-piṭaka вм. snake king Sīlava читай elephant king Sīlava и дальше elephant king Chaddanta.

5) Ср. еще къ этому вопросу Hardy, R. Manual of Buddhism, 101—103.

ритъ китайскій путешественникъ И-цзинъ [1]); говоримъ, *какъ кажется*, потому что подъ этимъ названіемъ китайскій путешественникъ могъ знать и другое сочиненіе; одно обстоятельство говоритъ впрочемъ за то, что И-цзинъ видѣлъ произведеніе Çūra; онъ говоритъ, что Jātaka-mālā при немъ еще не была переведена на китайскій языкъ, и дѣйствительно китайскій переводъ нашего текста сдѣланъ гораздо позже И-цзина.

Ниже мы предлагаемъ подробный пересказъ содержанія Jātaka-mālā [2]), таблицы для Jātaka-mālā и Cariyā-piṭaka и пересказъ содержанія съ выдержками изъ текста Sutasomajātaka по версіи въ Bhadrakalpāvadāna (гл. 34), которая является рабскою передѣлкою нашего текста. Для Bhadrakalpāvadāna мы пользовались рукописью Парижскаго Азіатскаго Общества, которому и позволяемъ себѣ выразить живѣйшую благодарность за доставленіе намъ возможности пользоваться рукописью въ Петербургѣ.

ГИРЛЯНДА ДЖĀТАКЪ.

1. Vyāghrī — *Тигрица*. Рожденный въ брахманской семьѣ, Bodhisattva становится отшельникомъ. Однажды онъ видитъ въ ущельѣ голодную тигрицу, которая собирается съѣсть своихъ только что рожденныхъ дѣтенышей; онъ отсылаетъ ученика раздобыть пищи, а самъ, преисполненный состраданія, бросается внизъ къ тигрицѣ, которая тотчасъ съ радостью начинаетъ ѣсть его тѣло. Ученикъ возвращается, и, видя бездыханное тѣло учителя, идетъ съ плачемъ сообщить объ этомъ товарищамъ, останки Bodhisattva осыпали дождемъ гирляндъ, драгоцѣнностей, сандальнаго порошка.

2. Çibi — *Царь народа Çibi*. Bodhisattva былъ царемъ въ странѣ Çibi, онъ отличался всѣми добродѣтелями и особенно щедростью. Но ему было мало раздавать только богатство, и у него явилось желаніе отдать и тѣло свое. Когда явилось у него это желаніе, задрожала земля. Замѣтилъ это Индра и, подумавъ, постигъ причину колебанія земли; подъ видомъ стараго слѣпого брахмана онъ отправился испытать царя и попросилъ у него одинъ изъ его глазъ. Царь спрашиваетъ его не подъучилъ ли его кто попросить глазъ. Брахманъ отвѣчалъ, что наученъ Индрою. Царь объявляетъ ему, что хочетъ отдать оба глаза. Министры отговариваютъ царя, особенно

1) Ryauon Fujishima. Deux Chapitres extraits des Mémoires d'I-Tsing. J. A. 8. XII. 424.

2) Въ превосходно изданномъ текстѣ мы натолкнулись при чтеніи всего на четыре незначительныя опечатки: 42, 33 чит. svastyayana; 58, 7 чит. çoka; 97, 8 чит. payoda 111, 24 чит. Çakras.

отговариваетъ одинъ изъ нихъ. Царь отдаетъ сперва одинъ глазъ, который по чуду, произведенному Индрою, присталъ къ лицу брахмана (Индры), тогда царь вырвалъ второй глазъ и отдалъ его тоже брахману. Черезъ нѣкоторое время передъ царемъ, сидѣвшимъ на берегу пруда въ паркѣ, явился вновь Индра и даровалъ ему исполненіе просьбы, и одинъ за другимъ вновь явились у царя глаза; задрожала при этомъ земля, разлилось море, появились и другія чудесныя явленія. Тогда Индра къ дару своему прибавилъ еще царю способность видѣть на сто yojana во всѣ стороны и видѣть даже скрытое скалами и съ этимъ скрылся, а осчастливленный царь обратился къ своему народу съ проповѣдью, увѣщевая его быть щедрымъ.

3. Kulmāṣapiṇḍī — *Податель клецки изъ фруктовой кашицы.* Bodhisattva былъ царемъ Koçala, благочестивымъ и щедрымъ. Однажды онъ вспомнилъ свое предыдущее перерожденіе и произнесъ 2 стиха, въ которыхъ говорилъ о сдѣланномъ имъ въ этомъ перерожденіи. Никто ихъ не понялъ и царица попросила царя объяснить ихъ. Царь объяснилъ, что онъ былъ прежде слугою въ этомъ же городѣ. Однажды онъ далъ четыремъ, просившимъ милостыню, çramaṇa фруктовой кашицы (kulmāṣa) съ благочестивыми мыслями; за это онъ достигъ такого высокаго положенія. Царица съ своей стороны, побужденная вопросомъ царя, вспоминаетъ свое прежнее перерожденіе: когда она была рабынею, она накормила отшельника, за что и сдѣлалась въ слѣдующемъ перерожденіи царицею. Въ заключеніи царь восхваляетъ щедрость.

4. Çreṣṭhi — *Купецъ.* Bodhisattva былъ богатымъ и благочестивымъ купцомъ. Однажды къ его дому пришелъ за милостыней одинъ pratyekabuddha. Māra, желая помѣшать щедрости купца, сдѣлалъ между pratyekabuddha и порогомъ дома глубокій, пылающій адъ. Купецъ посылаетъ жену подать пищи просящему, но она возвращается испуганная, тогда онъ идетъ самъ. Māra, находящійся на воздухѣ, отговариваетъ его идти. Но купецъ, видя, что это козни Māra, смѣло идетъ въ огонь, гдѣ вслѣдствіе его добродѣтели вдругъ появляются лотосы; онъ доходитъ до pratyekabuddha и передаетъ ему пищу. Тотъ взлетаетъ на воздухъ, а Māra пристыженный исчезаетъ.

5. Aviṣahyaçreṣṭhi — *Купецъ Avisahya (Непреодолимый).* Bodhisattva былъ богатымъ купцомъ Aviṣahya и отличался безграничною щедростью. Индра захотѣлъ его испытать и постепенно заставлялъ исчезать его богатство, оставивъ ему наконецъ однажды только серпъ и веревку. Aviṣahya тогда

начинаетъ добывать себѣ пропитаніе собираніемъ травы и продажею ея, продолжая при этомъ помогать нуждающимся. Тогда Индра является ему и начинаетъ искушать его; Avisahya не поддается и отстаиваетъ необходимость отдавать все; Индра довольный осыпаетъ его похвалами и обѣщаетъ, что имущество его не будетъ уже уменьшаться.

6. Çaça — *Заяцъ*. Bodhisattva жилъ зайцемъ въ лѣсу, съ нимъ вмѣстѣ жили выдра, шакалъ и обезьяна. Они жили въ дружбѣ и заяцъ училъ ихъ закону. Однажды заяцъ замѣтилъ по лунѣ, что на слѣдующій день полнолуніе и праздникъ posadha'и и что имъ надлежитъ заготовить пищи для могущихъ явиться гостей. Заяцъ начинаетъ думать, какъ ему быть, потому что всѣ другіе звѣри могутъ добыть что-нибудь, а онъ ничего; онъ рѣшается принести себя самого. Отъ этого рѣшенія вся природа приходитъ въ волненіе, это замѣчаетъ Индра и идетъ испытать зайца; онъ является въ образѣ голоднаго брахмана и проситъ гостепріимства. Выдра приноситъ семь рыбъ, забытыхъ рыбаками, шакалъ ящерицу и сосудъ съ молокомъ, кѣмъ-то забытые, обезьяна плоды манго, заяцъ отдаетъ себя; тогда Индра говоритъ, что онъ вѣдь убить его не можетъ, тогда заяцъ самъ кидается въ огонь. Индра принимаетъ свой образъ, прославляетъ его и образомъ его украшаетъ луну которая и зовется çaçāñka. Три другіе звѣря перерождаются въ мірѣ боговъ и соединяются со своимъ другомъ.

7. Agastya — *Отшельникъ Agastya*. Bodhisattva родился въ богатой брахманской семьѣ и отличался щедростью. Онъ выступилъ на путь и сталъ отшельникомъ, слава его добродѣтели привлекла къ нему многихъ людей, такъ что онъ захотѣлъ удалиться, удалился на югъ и поселился въ Kārādvīpa. Индра рѣшаетъ испытать его. Онъ постепенно заставляетъ исчезать изъ лѣса, гдѣ живетъ Agastya, всѣ плоды и съѣдобные корни. Agastya начинаетъ тогда ѣсть листья. Индра сжигаетъ травы и листья, тотъ ѣстъ валяющіеся на землѣ свѣжіе листья. Индра является ему въ образѣ просящаго брахмана и Agastya отдаетъ ему свое дневное пропитаніе. Такъ Индра повторяетъ въ теченіи пяти дней, и отшельникъ продолжаетъ отдавать ему все свое пропитаніе. Тогда Индра является ему въ своемъ образѣ и спрашиваетъ, зачѣмъ онъ предпринялъ это подвижничество. Отшельникъ заявляетъ, что хочетъ избавиться отъ кóла рожденій. Индра видитъ, что отшельникъ не добивается положенія Индры и предлагаетъ ему въ даръ все, что тотъ захочетъ [1]). Между ними завязывается бесѣда, во время кото-

1) Нельзя, намъ кажется, не замѣтить сходства между этимъ мѣстомъ бесѣды отшельника и Индры и бесѣдой между Yama и Nāciketas въ первой vallī въ Kāṭhakopaniṣat.

рой отшельникъ высказываетъ Индрѣ цѣлый рядъ нравственныхъ правилъ. Индра исчезаетъ, а на слѣдующій же день отшельникъ находитъ волшебную пищу и питье, доставленныя Индрою.

8. Maitrībala — *Сила любви.* Bodhisattva былъ царемъ Maitrabala, справедливымъ, благочестивымъ и щедрымъ. Однажды въ его царство пришли пять yakṣa (ojohāra — похитители силы), изгнанные своимъ владыкою за какіе-то проступки. Но они, несмотря на всѣ усилія, не могли отнять силы ни у кого изъ жителей той страны, благодаря добродѣтелямъ царя. Однажды они встрѣтили въ лѣсу сидѣвшаго подъ деревомъ и весело распѣвавшаго пастуха; на ихъ вопросъ, какъ онъ не боится быть въ столь глухомъ мѣстѣ, онъ отвѣчаетъ, что ему бояться нечего, такъ какъ есть въ странѣ оплотъ для всѣхъ — царь Maitrabala, и совѣтуетъ имъ идти посмотрѣть на царя. Они идутъ къ царю и просятъ пищи; принесенное имъ они отвергаютъ, говоря, что могутъ ѣсть только человѣческое мясо. Царь, не смотря на отговорки министровъ, отдаетъ имъ свое тѣло, врачи открываютъ ему вены и yakṣa пьютъ его кровь, онъ отрѣзаетъ свое мясо и они ѣдятъ его. Наконецъ, пораженные стойкостью, съ которой онъ выноситъ это все, они его спрашиваютъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Онъ отвѣчаетъ, что дѣлаетъ все это съ цѣлью спасти міръ отъ кола рожденій. Они просятъ его простить ихъ; онъ говоритъ, что они ему только помогли и прощать ему нечего и беретъ съ нихъ обѣщаніе болѣе не уничтожать живыхъ существъ. Yakṣa исчезаютъ. Весь міръ ликуетъ, является Индра и волшебными лекарствами исцѣляетъ царя.

9. Viçvantara — *царевичъ Viçvantara.* У Çibi былъ царь, по имени Saṃjaya, у него былъ сынъ Viçvantara, блиставшій всѣми достоинствами и добродѣтелями — это былъ Bodhisattva. Онъ отличался необычайной щедростью и по праздникамъ имѣлъ привычку разъѣзжать на бѣломъ слонѣ осматривать мѣста, гдѣ по его приказанію кормились бѣдные. Сосѣдній царь очень желалъ имѣть этого бѣлаго слона и послалъ брахмановъ выпросить его у царевича. Тотъ сейчасъ отдалъ его. Жители страны, разгнѣванные этой щедростью къ чужимъ, потребовали наказанія царевича. Царь долженъ былъ согласиться на его изгнаніе. Царевичъ и жена его Madrī съ дѣтьми уходятъ охотно въ изгнаніе. Viçvantara сперва уговариваетъ жену остаться, но затѣмъ уступаетъ ея настояніямъ. Все богатство свое они передъ уходомъ раздаютъ. Ихъ сопровождаетъ толпа народу, которую царевичъ съ трудомъ убѣждаетъ вернуться. По дорогѣ какіе-то брахманы просятъ лошадей изъ его колесницы, онъ ихъ охотно отдаетъ. Тогда 4 yakṣa вдругъ являются и везутъ колесницу. Еще дальше по пути одинъ брахманъ попро-

силъ у царевича колесницу. Онъ отдалъ и ее. Viçvantara беретъ на руки сына Jālin, а Madrī дочь Kṛṣṇājinā. Они поселились у горы Vaṅka въ шалашѣ, построенномъ по приказанію Индры Viçvakarman'омъ. Однажды, когда Madrī ушла собирать плоды, пришелъ одинъ брахманъ, посланный женою, чтобы достать слугу. Онъ проситъ Viçvantara отдать ему въ слуги дѣтей. Viçvantara проситъ его подождать прихода матери, чтобы она могла проститься съ ними. Брахманъ не соглашается. Viçvantara тогда, указывая ему на то, что такія маленькія дѣти будутъ плохими слугами, совѣтуетъ ему идти къ ихъ дѣду, царю Çibi, который дастъ за нихъ выкупъ. Брахманъ опять не соглашается. Тогда Viçvantara передаетъ ему дѣтей и льетъ по обычаю (при дарственной передачѣ) ему на руки воды. Дѣти просятъ подождать прихода матери, но брахманъ гонитъ ихъ. Дѣвочка плачетъ, мальчикъ съ тревогой думаетъ о печали матери. Viçvantara видитъ все это и остается твердъ. Madrī возвращается, не видитъ дѣтей и начинаетъ безпокоиться. На ея распросы Viçvantara ничего не отвѣчаетъ, такъ что она въ отчаяніи падаетъ на землю. Viçvantara приводитъ ее въ чувство и разсказываетъ, какъ онъ отдалъ дѣтей брахману. Она вполнѣ одобряетъ его. Земля колеблется при проявленіи столь великой добродѣтели. Индра, чтобы докончить испытаніе, идетъ къ Viçvantara въ образѣ брахмана, выпросить у него жену. Viçvantara отдаетъ ее, съ полнаго ея согласія, и въ знакъ передачи наливаетъ воды на руки Индрѣ. Индра прославляетъ Viçvantara, принявъ свой образъ, отдаетъ ему Madrī, предсказываетъ, что и дѣти и царство ему будутъ возвращены и исчезаетъ. Дѣтей выкупаетъ дѣдъ, а народъ, услыхавъ объ удивительной добродѣтели Viçvantara, зоветъ его назадъ.

10. Yajña — *Жертва.* Bodhisattva былъ царемъ. Однажды въ странѣ случилась засуха. Царь, приписывая ее грѣхамъ своимъ или своего народа, обратился къ совѣтникамъ и брахманамъ за совѣтомъ, что̀ дѣлать въ этой бѣдѣ. Тѣ совѣтуютъ жертву изъ сотенъ живыхъ существъ. Милосердый царь призадумался и сталъ размышлять, какъ быть. Наконецъ онъ призвалъ брахмановъ и сказалъ, что хочетъ принести жертву изъ 1000 человѣкъ. Брахманы были довольны, но сказали, что народъ взволнуется. Царь сказалъ, что устроитъ такъ, что народъ останется спокойнымъ. Онъ объявилъ народу, что хочетъ принести жертву въ 1000 человѣкъ, но что будетъ брать только тѣхъ, кто будетъ худо поступать и грѣшить. Каждый день возвѣщалось въ странѣ, что люди хорошо живущіе не будутъ тронуты, всѣхъ же дурныхъ возьмутъ для царской жертвы. Тѣмъ временемъ царь всюду устроилъ для бѣдныхъ убѣжища. Всѣ жили хорошо, боясь жертвы,

и вотъ такимъ образомъ царь приносилъ «жертву закона». Земля стала опять приносить плоды, и водворилось благоденствіе. Видя это, совѣтники прославляли царя.

11. Çakra — *Индра.* Bodhisattva былъ Индрою. Однажды асуры напали на боговъ, въ битвѣ войско боговъ бѣжало, бѣжалъ и Индра. Во время бѣгства онъ замѣтилъ, что по дорогѣ отъ движенія колесницы въ лѣсу падаютъ птичьи гнѣзда; изъ состраданія къ птицамъ онъ велитъ своему возницѣ Mātali повернуть. Тотъ указываетъ на преслѣдующаго ихъ непріятеля. Индра предпочитаетъ погибнуть отъ руки врага, но не губить птицъ, и они поворачиваютъ. Враги поражены его возвращеніемъ, и побѣда остается за Индрою и войскомъ боговъ.

12. Brāhmaṇa — *Брахманъ.* Bodhisattva родился въ брахманской семьѣ. По достиженіи надлежащаго возраста онъ начинаетъ учиться. Учитель его для того, чтобы испытать добродѣтель своихъ учениковъ, начинаетъ жаловаться на гнетущую его бѣдность. Ученики усиленно собираютъ милостыню, чтобы помочь ему. Но онъ говоритъ, что ему этого мало, и на вопросы учениковъ, что̀ же дѣлать, указываетъ путь воровства для пріобрѣтенія средствъ. Ученики всѣ охотно принимаютъ его указаніе, кромѣ Bodhisattva, который съ опущеннымъ внизъ отъ стыда лицомъ молчитъ. Учитель обращается къ нему, чтобы узнать причину его неодобренія, Bodhisattva произноситъ длинную рѣчь о томъ, что не нужно грѣшить. Учитель привѣтствуетъ его за добродѣтель.

13. Unmādayantī — *Красавица Unmādayantī (опьяняющая).* Bodhisattva былъ царемъ у Çibi. Въ его столицѣ у одного изъ знатныхъ гражданъ, по имени Kirīṭavatsa, родилась дочь, необыкновенная красавица. Отецъ ея извѣстилъ объ этомъ царя, предлагая дочь ему въ жены. Царь послалъ свѣдущихъ брахмановъ; они, увидавъ красоту Unmādayantī, были совершенно поражены. Боясь, чтобы царь, если увидитъ ее, не забылъ своихъ царскихъ обязанностей, они объявили царю, что дѣвушка съ дурными признаками, и онъ не взялъ ее себѣ въ жены. Тогда отецъ отдалъ Unmādayantī одному министру по имени Abhipāraga. Однажды царь проѣзжалъ мимо дома Abhipāraga; Unmādayantī, желая видѣть царя, вышла на крышу дома. Царь увидѣлъ ее и былъ пораженъ ея необыкновенной красотой. Онъ спросилъ у возницы, кто это; тотъ ему сказалъ, и тогда царь, считая за грѣхъ смотрѣть на жену другого, удалился. Съ этого времени онъ сталъ худѣть и блѣднѣть. Видя его печаль, Abhipāraga, узнавъ ея причину, явился къ царю и сказалъ, что во время жертвоприношенія внезапно откуда-то явив-

шійся yakṣa сообщилъ ему, что царь влюбленъ въ Unmādayantī, и потому онъ предлагаетъ ему ее, если это дѣйствительно такъ. Царь объясняетъ ему, что онъ не хочетъ совершить беззаконія, и отказывается. Abhipāraga его долго уговариваетъ, но царь остается твердъ. Abhipāraga прославляетъ его твердость.

14. Supāraga — *Кормчій Supāraga (хорошо переѣзжающій).* Bodhisattva былъ кормчимъ по имени Supāraga въ городѣ Supāraga. Однажды изъ Bharukaccha пріѣхали купцы и стали просить, чтобы Supāraga поѣхалъ съ ними. Онъ сначала отказывался, ссылаясь на слѣпоту и старость, но потомъ согласился. Долго ѣхали они, наконецъ буря занесла ихъ очень далеко, и на морѣ появились странныя рыбы, похожія на людей, съ ртами на подобіе ножницъ. Испуганные купцы стали спрашивать, что̀ это. Supāraga отвѣтилъ, что это рыбы, и что это море называется Khuramālin. Дальше они такимъ образомъ проѣзжаютъ моря Udadhimālin, Agnimālin, Kuçamālin, Nalamālin, наконецъ пріѣзжаютъ въ море Vaḍabāmukha, гдѣ, какъ сообщаетъ купцамъ Supāraga, имъ грозитъ гибель. Supāraga спасаетъ ихъ тѣмъ, что заклинаетъ корабль повернуть въ силу того, что Supāraga никогда не лишилъ жизни живаго существа. Корабль поворачиваетъ. На обратномъ пути купцы по совѣту Supāraga набираютъ драгоцѣнностей изъ названныхъ уже морей, и затѣмъ въ одну ночь корабль приходитъ въ Bharukaccha.

15. Matsya — *Рыба.* Bodhisattva былъ царемъ рыбъ и жилъ въ одномъ озерѣ; однажды долго не шелъ дождь, и озеро отъ зноя стало высыхать. Птицы стали собираться къ озеру, чтобы съѣсть рыбъ. Видя это, Bodhisattva сталъ молить о дождѣ, опираясь на то, что никогда не убивалъ живыхъ существъ. Пошелъ обильный дождь. Явился Индра и привѣтствовалъ царя рыбъ.

16. Vartakāpotaka — *Перепеленокъ.* Bodhisattva[1]) былъ маленькимъ перепеломъ и жилъ въ лѣсу въ гнѣздѣ; когда родители приносили живой кормъ, онъ не ѣлъ, а ѣлъ только ягоды и травы. Оттого онъ былъ

---

1) Чрезвычайно любопытно, что стихи на стр. 98, которые приводятся, какъ цитата изъ āryasthāvirīyakanikāya, дѣйствительно находятся въ почти тожественномъ видѣ въ Khuddakanikāya палійскаго канона: Dhammapada ст. 244—245.

Jātaka-mālā	Dhammapada
sujīvitam ahrīkeṇa dhvāṅkṣenāçucikarmaṇā	sujīvam ahirikena kākasūrena dhaṃsinā
praskandinā pragalbhena susaṃkliṣṭaṃ tu jīvitam	pakkhandinā pagabbhena saṃkiliṭṭhena jīvitam
hrīmatā tv iha durjīvaṃ nityaṃ çucigaveṣiṇā	hirīmatā ca dujjīvaṃ niccaṃ sucigavesinā
saṃlīnenāpragalbhena çuddhājīvena jīvatā.	alīnen' appagabbhena suddhājīvena passatā.

маленькій и слабокрылый, братья же его выросли сильными. Однажды случился сильный пожаръ въ лѣсу. Перепуганные перепела всѣ улетѣли, остался только маленькій, который по слабости не могъ летѣть. Онъ обратился къ огню, указывая на свое безпомощное положеніе, и умолялъ его остановиться. Огонь остановился.

17. Kumbha — *Кувшинъ.* Bodhisattva былъ Индрою; однажды онъ увидалъ, что царь Sarvamitra со своими подданными предается пьянству, и онъ рѣшаетъ его спасти. Онъ является передъ нимъ на воздухѣ въ образѣ бога, держа въ рукахъ кувшинъ съ виномъ, провозглашая: «кто хочетъ купить этотъ кувшинъ?». Удивленный царь спрашиваетъ его, кто онъ. Индра отвѣчаетъ, что онъ узнáетъ послѣ, а на вопросъ, что̀ это за кувшинъ, отвѣчаетъ, что въ кувшинѣ то, отъ чего происходятъ самыя ужасныя послѣдствія, причемъ подробно описываетъ послѣдствія пьянства. Проповѣдь эта такъ сильно дѣйствуетъ на царя, что онъ рѣшаетъ бросить пьянство и хочетъ щедро одарить проповѣдника. Индра является въ своемъ настоящемъ видѣ и скрывается. Царь и народъ бросаютъ пьянство.

18. Aputra — *Бездѣтный.* Bodhisattva родился въ богатомъ семействѣ. По смерти родителей онъ роздалъ все имущество, выступилъ на путь и сталъ жить отшельникомъ; однажды къ нему приходитъ другъ его отца и восхваляетъ положеніе семейнаго человѣка. Въ отвѣтъ на это юноша произноситъ длинную хвалу отшельничеству.

19. Bisa — *Лотосовый стебель.* Bodhisattva родился въ брахманской семьѣ, у него было 6 младшихъ братьевъ и сестра. Когда умерли родители, онъ объявилъ братьямъ, что выступаетъ на путь, и совѣтовалъ имъ дружно жить; послѣ его ухода братья и сестра заявляютъ, что и они хотятъ выступить на путь. Всѣ идутъ въ лѣсъ, съ ними одинъ другъ, рабъ, рабыня. Они располагаются каждый въ отдѣльномъ шалашѣ у озера и каждый пятый день они сходятся и Bodhisattva проповѣдуетъ имъ законъ. Рабыня приготовляетъ имъ ѣду изъ лотосовыхъ стеблей, кладя всѣмъ по равной части на лотосовыхъ листьяхъ, и извѣщаетъ ихъ о времени, колотя одну деревяшку о другую, и по очереди они идутъ брать свою часть пищи. Чтобы испытать добродѣтель Bodhisattva, Индра похищаетъ его долю. Bodhisattva спокойно удаляется къ себѣ, подумавъ, что кто-нибудь взялъ его долю, и не говоритъ ничего братьямъ. Такъ длится пять дней. Когда всѣ собрались слушать законъ, то замѣтили, что Bodhisattva похудѣлъ и спрашиваютъ, отчего это. Bodhisattva разсказываетъ; тогда всѣ, чтобы очистить себя отъ подозрѣнія, клянутся, что не брали лотосовыхъ стеблей.

Клятва ихъ состоитъ въ томъ, что они желаютъ тому, кто похитилъ пищу, всякія земныя наслажденія. Ихъ слышатъ yakṣa, слонъ и обезьяна и тоже клянутся. Является Индра и спрашиваетъ ихъ о странности клятвъ. Bodhisattva объясняетъ ему суетность и вредъ мірскихъ наслажденій. Индра сознается въ похищеніи и на строгое замѣчаніе по этому поводу отвѣчаетъ извиненіями и исчезаетъ. Отожествленіе лицъ въ джātакѣ.

20. Çreṣṭhi — *Купецъ*. Bodhisattva родился въ купеческой семьѣ и сталъ купцомъ у царя. Однажды, когда онъ былъ у царя, теща его пришла навѣстить дочь, чтобы узнать, какъ ей живется. На распросы о мужѣ та отвѣчаетъ, что даже отшельника такого добродѣтельнаго, какъ ея мужъ, найти трудно. Мать ея была глуховата, услыхала слово отшельникъ, подумала, что зять ея сдѣлался отшельникомъ, и жалѣя дочь, стала голосить; смущенная и пораженная этимъ дочь тоже стала ей вторить, собрался народъ. Возвращаясь домой, купецъ увидалъ толпу и услышалъ плачъ. Спросилъ, что̀ это, ему отвѣтили, что хозяинъ этого дома сдѣлался отшельникомъ и что родные оплакиваютъ его уходъ. Онъ тотчасъ идетъ къ царю просить позволенія выступить на путь. Царь, узнавъ, что онъ на это рѣшился, услыхавъ слова толпы, отговариваетъ его. Но онъ непоколебимъ, несмотря на всѣ убѣжденія родственниковъ и друзей, и дѣлается отшельникомъ.

21. Cuḍḍabodhi. Bodhisattva родился въ брахманской семьѣ. Онъ дѣлается отшельникомъ, жена его тоже дѣлается отшельницей и идетъ за нимъ, несмотря на его отговоры. Они живутъ въ лѣсу, однажды туда является царь со свитою повеселиться. Онъ видитъ отшельницу и, пораженный ея красотою, хочетъ похитить ее. Онъ велитъ увести ее въ свой дворецъ. Отшельникъ сохраняетъ полное спокойствіе, царь пораженъ, Bodhisattva читаетъ ему проповѣдь о гнѣвѣ. Царь возвращаетъ ему жену и самъ становится его слугою.

22. Haṃsa — *Лебедь*. Bodhisattva былъ царемъ стаи лебедей по имени Dhṛtarāṣṭra. У него былъ военачальникъ Sumukha; они жили на берегу озера. Въ это время царемъ въ Бенаресѣ былъ Brahmadatta. Онъ услыхалъ про лебедей и страстно захотѣлъ ихъ увидѣть и совѣщался со своими совѣтниками, какъ-бы залучить къ себѣ лебедей. Министры совѣтуютъ устроить гдѣнибудь въ лѣсу красивый прудъ и возглашать каждый день, что птицы у этого пруда будутъ въ безопасности; такимъ образомъ лебеди вѣрно явятся къ этому пруду. Царь согласился и велѣлъ вырыть прудъ не далеко отъ города. Однажды пара лебедей съ озера тайно залетѣла сюда, и имъ такъ

понравился прудъ, что они отправились къ своему вожаку, звать его прилетѣть къ пруду. Sumukha отговариваетъ, но Dhṛtarāṣṭra всетаки летитъ къ пруду со стаей лебедей. Надсмотрщики доложили объ этомъ царю. Царь посылаетъ охотника поймать птицъ. Тотъ ловко разставляетъ силки и вожакъ попадается. Чтобы спасти остальныхъ, онъ подаетъ голосъ, лебеди улетаютъ, остается одинъ Sumukha, который не соглашается оставить своего вожака, не смотря на всѣ уговоры Dhṛtarāṣṭra. Подходитъ охотникъ и удивленный спрашиваетъ Sumukha, отчего тотъ не улетѣлъ. Тотъ объясняетъ ему, что онъ не могъ покинуть въ бѣдѣ своего царя, и уговариваетъ охотника отпустить ихъ обоихъ; тотъ уговариваетъ его улетѣть. Sumukha проситъ его отпустить Dhṛtarāṣṭra и взять его. Охотникъ сдается на его просьбу и отпускаетъ Dhṛtarāṣṭra. Тогда Sumukha предлагаетъ ему отвести ихъ обоихъ къ царю несвязанными. Царь радуется, видя лебедей, и спрашиваетъ охотника, какъ это онъ привелъ ихъ несвязанными? Тотъ разсказываетъ, какъ было дѣло. Царь щедро награждаетъ охотника. Царь сажаетъ Dhṛtarāṣṭra на золотое (какъ царя), а Sumukha на тростниковое (какъ министра) сѣдалище. Послѣ долгой бесѣды съ лебедями царь отпускаетъ ихъ. Dhṛtarāṣṭra черезъ нѣкоторое время явился къ царю и, чтимый имъ, проповѣдывалъ ему законъ.

23. Mahābodhi — *Отшельникъ Mahābodhi (Великоумъ).* Bodhisattva былъ отшельникомъ по имени Mahābodhi и славился добродѣтелью и знаніемъ. Однажды онъ, странствуя, пришелъ во владѣнія одного царя и поселился въ царскомъ паркѣ. Царь принимаетъ его съ почетомъ, и отшельникъ постоянно бесѣдуетъ съ нимъ о законѣ. Министры царя стали завидовать отшельнику и начали внушать царю недовѣріе къ нему, говоря, что онъ вѣрно соглядатай какого-нибудь врага. Царь поддается ихъ внушеніямъ и начинаетъ охладѣвать къ отшельнику; тотъ замѣчаетъ это, но сначала не обращаетъ вниманія, когда же онъ замѣтилъ, что окружавшіе царя люди стали къ нему хуже относиться, то онъ рѣшилъ уйти. Царь уговариваетъ его остаться. Во время ихъ разговора любимая собака царя съ лаемъ кидается на отшельника. Тотъ указываетъ на это царю и говоритъ, что лучшимъ доказательствомъ въ перемѣнѣ чувствъ царя является эта собака, прежде ласковая, теперь же лающая. Царь продолжаетъ уговаривать, но отшельникъ стоитъ на своемъ и даже не соглашается дать обѣщаніе навѣрное вернуться. Отшельникъ погружается въ созерцаніе и скоро достигаетъ четырехъ созерцаній и 5 знаній, при этомъ онъ вспоминаетъ о царѣ, мыслью переносится къ нему и видитъ, что царь находится въ рукахъ 5 министровъ, которые проповѣдуютъ 5 ложныхъ

ученій: 1. ahetu-vāda (безпричинность)—все зависитъ отъ собственной природы существа или предмета; 2. īçvarakāraṇa (причина богъ) — міръ созданъ божествомъ; 3. pūrvakarmakṛta (въ прежнихъ перерожденіяхъ содѣянное)—все зависитъ отъ сдѣланнаго въ прежнихъ перерожденіяхъ; 4. ucchedavāda (ученіе объ уничтоженіи); 5. kṣattravidyā (знаніе правленія) — для царя нѣтъ беззаконія. Bodhisattva рѣшаетъ спасти царя. Волшебствомъ онъ создаетъ большую обезьяну, въ шкуру которой и одѣвается, и идетъ къ царю. Послѣ привѣтствій царь спрашиваетъ, кѣмъ ему дана шкура обезьяны; онъ отвѣчаетъ, что самъ, убивъ обезьяну, снялъ ея шкуру. Министры съ злорадствомъ указываютъ царю на этотъ страшный грѣхъ отшельника — убіеніе живого существа. Bodhisattva въ свою очередь доказываетъ каждому изъ нихъ, что съ точки зрѣнія ихъ ученій тутъ нѣтъ грѣха. Затѣмъ показываетъ, что имъ не была убита обезьяна, а что это только было волшебство, обращаетъ царя и его приближенныхъ на истинный путь, самъ взлетаетъ на воздухъ и удаляется.

24. Mahākapi — *Большая обезьяна.* Bodhisattva былъ большою обезьяною и жилъ на Гималаѣ. Однажды какой-то человѣкъ, отправившійся въ поиски за потерявшеюся коровою, заблудился въ тѣхъ мѣстахъ. Проголодавшись онъ сталъ рвать плоды съ дерева, росшаго на краю обрыва, и упалъ въ глубокій оврагъ. Не будучи въ состояніи выйти оттуда, онъ сталъ кричать и плакать. На крики его прибѣжала обезьяна и вытащила его. Затѣмъ, уставъ отъ этого, она прилегла и заснула. Человѣкъ, намѣреваясь воспользоваться ея мясомъ, рѣшилъ убить ее и бросилъ въ нее камнемъ, но не убилъ ее; обезьяна, проснувшись и видя, что человѣкъ хотѣлъ убить ее, только упрекнула его и вывела затѣмъ на дорогу. Человѣкъ этотъ послѣ того заболѣлъ отвратительной болѣзнью, такъ что люди отовсюду выгоняли его. Однажды въ одномъ лѣсу его встрѣтилъ охотившійся царь и спросилъ, кто онъ. Онъ сказалъ, что онъ человѣкъ, наказанный за измѣну другу.

25. Çarabha — *Звѣрь çarabha.* Bodhisattva былъ çarabha (родъ оленя) и жилъ въ лѣсу. Однажды одинъ царь отправился на охоту и очутился въ томъ лѣсу, гдѣ жилъ çarabha. Увидавъ его, царь погнался за нимъ, но по дорогѣ упалъ въ оврагъ, черезъ который лошадь его не захотѣла перескочить. Çarabha, не слыша за собой стука копытъ, вернулся, увидалъ царя въ оврагѣ, вынесъ его оттуда и указалъ дорогу домой. Царь приглашаетъ çarabha поселиться у него въ городѣ, но çarabha отказывается и проситъ царя отказаться отъ убіенія живыхъ существъ.

26. Ruru — *Серна ruru.* Bodhisattva былъ серной ruru; однажды онъ услыхалъ крики человѣка, котораго уносило теченіемъ рѣки. Онъ его вытащилъ изъ рѣки. Человѣкъ горячо благодаритъ его. Ruru беретъ съ него обѣщаніе никому не говорить, кто его спасъ, чтобы люди, прельщенные красотою серны, не пришли охотиться на нее. Въ это время въ этомъ царствѣ жила царица, сны которой всегда сбывались. Однажды она увидала во снѣ, что ей проповѣдуетъ законъ золотая серна, и стала просить царя отыскать эту серну. Зовутъ всѣхъ охотниковъ, обѣщая имъ щедрую награду за поимку серны; никто не можетъ найти ее. Тогда человѣкъ, спасенный серной, вызывается указать ее. Царь съ войскомъ идетъ и они окружаютъ серну. Серна спрашиваетъ царя, кто привелъ ихъ къ ней. Царь указываетъ на человѣка, спасеннаго серной; серна упрекаетъ его въ неблагодарности, но такъ, что только онъ понимаетъ смыслъ словъ серны. Царь проситъ объясненія и, догадавшись въ чемъ дѣло, хочетъ убить человѣка; серна заступается; затѣмъ она вмѣстѣ съ царемъ отправляется въ его дворецъ и проповѣдуетъ законъ. Царь перестаетъ убивать звѣрей.

27. Mahākapi — *Большая обезьяна.* Bodhisattva жилъ на Гималаѣ и былъ вожакомъ стаи обезьянъ. Обезьяны жили на большомъ деревѣ nyagrodha и питались его плодами. Одна вѣтвь этого дерева спускалась къ рѣкѣ. Прозорливый вожакъ велѣлъ обезьянамъ прежде всего срывать плоды съ этой вѣтви. Но однажды обезьяны не замѣтили одного плода, который созрѣвъ упалъ въ рѣку. Теченіемъ его отнесло внизъ по рѣкѣ туда, гдѣ купался царь. Плодъ такъ понравился царю, что онъ рѣшилъ отыскать дерево, на которомъ росъ чудесный плодъ, и съ войскомъ пошелъ вдоль рѣки, пока не увидалъ дерева и на немъ обезьянъ, которыхъ тутъ-же приказалъ убить, видя что онѣ поѣдаютъ плоды. Вожакъ успокоилъ испуганныхъ обезьянъ, взлѣзъ на верхушку дерева и перескочилъ оттуда на находившуюся вблизи возвышенность; при этомъ онъ замѣтилъ, что другія обезьяны не будутъ въ состояніи сдѣлать такого прыжка; тогда онъ привязалъ себѣ ноги къ крѣпкой ліанѣ, прыгнулъ назадъ на дерево, схватился за него руками и образовалъ такимъ образомъ мостъ, по которому обезьяны и убѣжали съ дерева. Царь и войско, видя такую силу и мужество, удивлялись. Царь велѣлъ бережно снять съ дерева обезьяну, лишившуюся сознанія отъ утомленія, и положить ее на мягкую подстилку. Когда она пришла въ себя, царь сталъ ее разспрашивать, почему она такъ поступила. Обезьяна сказала, что такова была ея обязанность, какъ вожака, и читаетъ длинную проповѣдь объ обязанностяхъ царя. Затѣмъ, покинувъ свое тѣло, уходитъ на небо.

28. Kṣānti — *Терпѣніе*. Bodhisattva былъ отшельникомъ по имени Kṣāntivādin и поселился въ лѣсу. Однажды въ этотъ лѣсъ пришелъ царь со своими женами; когда царь уснулъ, жены разошлись по лѣсу и нашли отшельника. Онѣ усѣлись близь него, и онъ сталъ проповѣдывать имъ законъ. Когда царь проснулся, то пошелъ искать своихъ женъ и нашелъ ихъ слушающими отшельника; онъ разсердился и сталъ бранить его. Жены царя стали заступаться за отшельника, но царь еще болѣе разгнѣвался, и онѣ удалились. Тогда царь выхватилъ мечъ и началъ рубить отшельника. Хотя царь отрубилъ ему руки, ноги, уши и носъ, отшельникъ терпѣлъ и молчалъ. Совершивъ это ужасное дѣло, царь почувствовалъ жаръ, и какъ только онъ вышелъ изъ лѣсу, земля съ трескомъ разступилась, показался огонь, и царь исчезъ подъ землею. На шумъ сбѣжался въ испугѣ народъ и сталъ умолять отшельника, чтобы страна не погибла, какъ ея царь. Отшельникъ успокоилъ всѣхъ и унесся на небо.

29. Brahma — *Богъ Брахма*. Bodhisattva возродился въ мірѣ Брахмы. Однажды онъ увидалъ, что Aṅgadinna, царь страны Videha, держится еретическихъ мнѣній, отрицаетъ существованіе другого міра и воздаяніе за добрыя и дурныя дѣла. Онъ сошелъ съ неба и предсталъ передъ царемъ. Пораженный этимъ видѣніемъ, царь спрашиваетъ Bodhisattva кто онъ; тотъ отвѣчаетъ, что онъ изъ devarṣi міра Брахмы, и начинаетъ проповѣдь о другомъ мірѣ; царь слушаетъ его, но не убѣждается и прерываетъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ, что если дѣйствительно есть другой міръ, то пусть devarṣi дастъ ему теперь 500 niṣka (монета), а онъ ему въ другой жизни отдастъ 1000. Видя его упорство, Brahma рисуетъ ему картину адскихъ мученій. Испуганный царь обращается на путь истинный, а Brahma исчезаетъ.

30. Hasti — *Слонъ*. Bodhisattva былъ слономъ. Однажды онъ увидалъ 700 заблудившихся человѣкъ: они были изгнаны царемъ, сперва ихъ было 1000 человѣкъ, но послѣ долгихъ странствованій въ живыхъ осталось только 700. У слона является мысль накормить ихъ своимъ мясомъ, чтобы спасти отъ голодной смерти. Онъ указываетъ имъ путь къ водѣ и говоритъ, что по дорогѣ они найдутъ тѣло слона, который и послужитъ имъ пищею. Они идутъ; онъ другой дорогой опережаетъ ихъ, бросается сверху на ту дорогу, по которой они должны пройти, и убивается. При этомъ его самопожертвованіи происходятъ разныя чудесныя явленія. Путники находятъ тѣло слона и, приглядѣвшись, узнаютъ въ немъ слона, указавшаго имъ путь. Тогда нѣкоторые говорятъ, что нельзя брать его мяса, а надо только почтить его тѣло и идти дальше. Но другіе указываютъ, что

это будетъ противорѣчить желанію слона, который для того и пожертвовалъ жизнью, чтобы спасти ихъ. Путники утоляютъ свой голодъ мясомъ слона и благополучно выходятъ на дорогу.

31. Sutasoma — *Царевичъ Sutasoma*. Bodhisattva родился въ царскомъ родѣ Kuru и былъ названъ Sutasoma. Онъ отличался знаніями и добродѣтелями. Однажды во время прогулки къ нему явился брахманъ, произносившій прекрасныя изреченія (subhāṣita); вдругъ послышался шумъ и прибѣжали испуганные слуги, говоря, что явился Saudāsa. Bodhisattva, хотя и зналъ, но спросилъ, кто это. Ему разсказали, что однажды царь Sudāsa отправился на охоту и, завлеченный лошадью въ лѣсъ, встрѣтилъ львицу, съ которой имѣлъ сношенія; отъ львицы родился Saudāsa. Sudāsa воспитывалъ его. Отъ матери у Saudāsa было пристрастіе къ различнаго рода мясу; онъ сталъ ѣсть и человѣческое мясо и для этого убивалъ своихъ подданныхъ. Тѣ рѣшили наконецъ убить его. Saudāsa испугался и обѣщалъ bhūta (злые геніи) жертву изъ ста царевичей, если они выведутъ его изъ этой опасности. Такъ какъ онъ избавился отъ опасности, то и началъ похищать царевичей, и сюда онъ явился, чтобы похитить Sutasoma. Sutasoma, услыхавъ это, спѣшитъ къ Saudāsa, который его уноситъ къ себѣ; здѣсь Sutasoma вспоминаетъ про брахмана, котораго онъ не выслушалъ, и проливаетъ слезы. Saudāsa думаетъ, что Sutasoma плачетъ отъ страха, и насмѣхается надъ нимъ. Sutasoma объясняетъ ему причину слезъ и проситъ отпустить его выслушать брахмана, обѣщая вернуться. Saudāsa не вѣритъ, чтобы Sutasoma рѣшился вернуться на вѣрную смерть. Sutasoma объясняетъ ему, что правда прежде всего, и что онъ всегда исполняетъ обѣщанія. Saudāsa, чтобы испытать Sutasoma, отпускаетъ его домой. Sutasoma выслушиваетъ отъ брахмана 4 стиха, щедро одаряетъ его и, несмотря на уговоры отца, возвращается къ Saudāsa, который выражаетъ ему свое удивленіе. Sutasoma объясняетъ, что онъ выслушалъ отъ брахмана его четыре изреченія и готовъ быть принесеннымъ въ жертву. Saudāsa хочетъ выслушать изреченія, но Sutasoma говоритъ, что беззаконнику нечего слушать законъ. Saudāsa защищается, говоря, что подобно тому, какъ другіе охотятся за дичью, такъ онъ — за людьми. Sutasoma объясняетъ ему, что и охота на звѣрей грѣховна, тѣмъ болѣе на людей; затѣмъ говоритъ ему о правдѣ и на вопросъ Saudāsa, какъ онъ не боится смерти, объясняетъ, отчего ея не слѣдуетъ бояться. Saudāsa пораженъ его словами, отказывается отъ намѣренія убить его, вновь проситъ сказать 4 изреченія и устраиваетъ ему сѣдалище, какъ учителю. Sutasoma говоритъ 4 стиха. Saudāsa такъ доволенъ, что предлагаетъ Sutasoma взять отъ него все, что онъ

хочетъ. Sutasoma отвѣчаетъ ему, что откуда давать тому дары, кто и собой не владѣетъ. Saudāsa отвѣчаетъ, что онъ и жизнь готовъ отдать. Sutasoma требуетъ четырехъ вещей: чтобы онъ былъ честенъ, не убивалъ живыхъ существъ, отпустилъ своихъ плѣнниковъ, не ѣлъ человѣческаго мяса. Saudāsa соглашается на первыя три требованія, но четвертое проситъ замѣнить другимъ. Sutasoma объясняетъ ему, что первыя три безъ четвертаго теряютъ смыслъ. Saudāsa говоритъ, что ему совсѣмъ невозможно отказаться отъ человѣческаго мяса. Sutasoma продолжаетъ убѣждать его и онъ наконецъ сдается. Плѣнныхъ царевичей отпускаютъ, и всѣ они, точно также какъ и Saudāsa и Sutasoma, возвращаются въ свои царства.

32. Ayogṛha — *Желѣзный домъ*. Bodhisattva родился царевичемъ. У отца его передъ тѣмъ все умирали дѣти; поэтому, когда долженъ былъ родиться Bodhisattva, царь построилъ желѣзный, украшенный всякими драгоцѣнностями домъ; здѣсь и родился Bodhisattva, здѣсь онъ росъ и воспитывался. Однажды царь позволилъ ему прокатиться. При видѣ окружающихъ его красотъ природы и произведеній рукъ человѣческихъ онъ начинаетъ размышлять о бренности всего земного и обращается затѣмъ къ отцу съ просьбою позволить ему выступить на путь. Царь не соглашается; сынъ долгими убѣжденіями склоняетъ его наконецъ на свою сторону. Царевичъ дѣлается отшельникомъ и наконецъ перерождается въ небѣ Брахмы.

33. Mahiṣa — *Буйволъ*. Bodhisattva былъ буйволомъ и жилъ въ лѣсу; тамъ-же жила обезьяна, которая постоянно мучила и терзала буйвола, но онъ все сносилъ. Однажды одинъ yakṣa спросилъ его, отчего онъ такъ терпѣливо сноситъ издѣвательства обезьяны. Буйволъ отвѣчаетъ ему длинной проповѣдью о *терпѣніи*. Yakṣa восхваляетъ его и, сбросивъ съ его спины обезьяну, исчезаетъ.

34. Çatapattra — *Дятелъ*. Bodhisattva былъ дятломъ. Однажды онъ увидалъ льва; пораженный его жалкимъ видомъ, онъ спросилъ, что̀ съ нимъ; левъ сказалъ, что у него въ горлѣ застряла кость. Дятелъ вставилъ ему между челюстями кусокъ дерева и вынулъ кость. Черезъ нѣкоторое время онъ голодный встрѣтилъ льва, только-что убившаго серну, и попросилъ у него мяса; левъ не далъ и сказалъ, что онъ еще долженъ быть доволенъ, что спасъ свою голову изъ его пасти. Дятелъ спокойно улетѣлъ; бывшее тутъ божество дерева спросило его, отчего онъ не выцарапалъ льву глазъ или не выхватилъ куска мяса изо рта, когда могъ-бы это сдѣлать. Дятелъ читаетъ ему проповѣдь о томъ, что не слѣдуетъ гнѣваться и обращать вниманіе на чужую неблагодарность. Божество, восхваливъ дятла, исчезаетъ.

Jātaka-mālā.	Jātaka.	Cariyā-piṭaka.
1. Vyāghrī	*(Hardy. Manual 92).	
2. Çibi	499	8
3. Kulmāṣapiṇḍī	415	
4. Çreṣṭhi	40	
5. Aviṣahya	340	*Nidānakathā, стр. 45.
6 Çaça	316	10
7. Agastya	480	1
8. Maitrībala	?	
9. Viçvantara	W. 539	9
10. Yajña	ср. *50	
11. Çakra	31, стр. 202—203	
12. Brāhmaṇa	* 305	
13. Unmādayantī	* 527	
14. Supāraga	463	
15. Matsya	75	30
16. Vartakāpotaka	35	29
17. Kumbha	* 512	
18. Aputra	?	
19. Bisa	488	24
20. Çreṣṭhi	171	
21. Culla-bodhi	443	14
22. Haṃsa	502	
23. Mahābodhi	* 528	*Nidānakathā, стр. 46.
24. Mahākapi	* 516	
25. Çarabha	483	
26. Ruru	482	* 16
27. Mahākapi	407	27
28. Kṣānti	313	*Nidānakathā, стр. 46.
29. Brahma	* W. 536	
30. Hasti	?	
31. Sutasoma	* 537	32
32. Ayogṛha	510	23
33. Mahiṣa	278	15
34. Çatapattra	308	

Отмѣченное * не помѣщено въ таблицѣ у проф. Керна. Большинство этихъ пропусковъ зависитъ отъ того, что ко времени печатанія Jātaka-mālā еще не былъ напечатанъ V-ый томъ джātакъ. Изъ другихъ параллелей

	Nidāna-kathā.		Jātaka.
	1. Akittibrāhmaṇa	dāna	480.
	2. Saṃkhabrāhmaṇa	dāna	442.
	3. Dhanañjayarāja	dāna	276.
	4. Mahāsudassana	dāna	95.
	5. Mahāgovinda	dāna	?
	6. Nimimahārāja	dāna	W. 533.
	7. Candakumāra	dāna	W. 534.
	8. Visayhaseṭṭhi	dāna	340.
	9. Sivirāja	dāna	499.
	10. Vessantara	dāna	W. 539.
	11. Sasapaṇḍita	dāna	316.
1.	12. Sīlavanāgarāja	sīla	455.
2.	13. Campeyyanāgarāja	sīla	506.
3.	14. Bhūridattanāgarāja	sīla	W. 535.
4.	15. Chaddantanāgarāja	sīla	514.
5.	16. Jayaddisa (Alīnasattu)	sīla	513.
6.	17. Saṃkhapālaj.	sīla	524.
1.	18. Somanassakumāra	nekkhamma	505.
2.	19. Hatthipālakumāra	nekkhamma	509.
3.	20. Ayogharapaṇḍita	nekkhamma	510.
4.	21. Cūlasutasomaj.	nekkhamma	525.
1.	22. Vidhūrapaṇḍita	paññā	W. 537.
2.	23. Mahāgovindapaṇḍita	paññā	?
3.	24. Kuddālapaṇḍita	paññā	70.
4.	25. Arakapaṇḍita	paññā	169.
5.	26. Bodhiparibbājaka	paññā	528.
6.	27. Mahosadhapaṇḍita	paññā	W. 538.
7.	28. Senakapaṇḍita (Sattubhattaj.)	paññā	402.
1.	29. Mahājanakaj.	vīrya	W. 531.
1.	30. Khāntivādaj.	khānti	313.
1.	31. Mahāsutasomaj.	sacca	537.
1.	32. Mūgapakkhaj.	adhiṭṭhāna	W. 530.
1.	33. Ekarāja	mettā	303.
1.	34. Lomahaṃsa	upekkhā	94(?)

укажемъ: **1** = въ иной редакціи Divyāvadāna 32. Bodhisattvāvadānakalpalatā (B. K.) 51. 95. Dsanglun 2.; **2** = Dsanglun 35.; **6** = B. K. 104. Av. Çat. 37; **8** = Dsanglun 12; **9** = B. K. 23; **28** = B. K. 38; **29** cp. Beal. S. Romantic Legend 306—310; **31** = Dsanglun 36, Bhadrakalpāvadāna 34.

		Cariyāpiṭaka.	Jātaka.	
I.		1. Akatti	480	dāna
		2. Saṃkha	442	
		3. Kurudhamma	276	
		4. Mahāsudassana	95	
		5. Mahāgovinda	Mahāvastu	
		6. Nimirāja	W. 533	
		7. Candakumāra	W. 534	
		8. Sivirāja	499	
		9. Vessantara	W. 539	
		10. Sasapaṇḍita	316	
II.	1.	11. Sīlavanāga	455	sīla
	2.	12. Bhūridatta	W. 535	
	3.	13. Campeyyanāga	506	
	4.	14. Cūlabodhi	443	
	5.	15. Mahiṃsarāja	278	
	6.	16. Rururāja	482	
	7.	17. Mātaṅga	497	
	8.	18. Dhammādhammadevaputta	457	
	9.	19. Jayaddisa	513	
	10.	20. Saṃkhapāla	524	
III.	1.	21. Yuvañjaya	460	nekkhamma
	2.	22. Somanassa	505	
	3.	23. Ayoghara	510	
	4.	24. Bhisa	488	
	5.	25. Soṇapaṇḍita	W. 524	
	6.	26. Temiya	W. 530	addhiṭṭhāna
	7.	27. Kāpirāja	407	sacca
	8.	28. Saccavhayopaṇḍita	?	
	9.	29. Vaṭṭakapoṭaka	35	
	10.	30. Maccharāja	75	
	11.	31. Kaṇhadīpāyana	444	
	12.	32. Sutasoma	537	
	13.	33. Suvaṇṇasāma	?	mettā
	14.	34. Ekarāja	303	
	15.	35. Mahālomahaṃsa	94	upekkhā

[не вполнѣ одинаково].

Bhadrakalpāvadāna гл. 34. (foll. 424v — 448r).

Buddha пришелъ въ городъ къ царю Çuddhodana съ учениками. Царь кормитъ Будду и учениковъ; послѣ ѣды Будда, благословивъ царя и министровъ, уходитъ назадъ въ лѣсъ. Царь идетъ за нимъ, чтобы слушать законъ. Обращаясь къ Ānanda и другимъ ученикамъ, онъ пространно прославляетъ монашество и отшельничество и при этомъ вспоминаетъ прежнее перерожденіе и разсказываетъ легенду о Sutasoma (Sutasomāvadānaka).

Въ Kāçī былъ нѣкогда царь Sudāsa, почитатель трехъ драгоцѣнностей, добродѣтельный (длинное описаніе). Однажды онъ съ женами отправился въ паркъ, чтобы наслаждаться любовными удовольствіями. Всѣ расположились въ прекрасномъ паркѣ; случайно лошадь царя понесла и занесла его въ чащу. Лошадь, уставъ скакать послѣ четырехъ yojana, остановилась подъ деревомъ. Царь слѣзъ отдохнуть. Онъ началъ бранить своего коня, что тотъ занесъ его въ столь пустынное и опасное мѣсто. Почувствовавъ жажду, царь начинаетъ искать воды, привязавъ коня къ дереву. Онъ услыхалъ вдали шумъ водопада (prapāta), подъѣхалъ къ нему, напился воды, умылся и сталъ отдыхать; вспоминая своихъ женъ, онъ распалился любовью и громко жалуясь на то, что лишенъ удовольствій любви, отъ горя впалъ въ безсознательное состояніе. Въ это время бродила по лѣсу молодая львица, ища самца. Услыхавъ жалобы царя, она устремилась къ нему, чтобы вмѣстѣ съ нимъ предаться любовнымъ удовольствіямъ. Увидавъ львицу, царь испугался; она заговорила съ нимъ человѣческимъ голосомъ и стала его успокаивать и выражать желаніе обладать имъ; царь отъ страха вновь упалъ въ обморокъ, а львица ласками начала его приводить въ себя и уговаривать его удовлетворить ея желаніе; царь такъ и сдѣлалъ, распаленный страстью. Тогда львица уговариваетъ его остаться совсѣмъ въ лѣсу и жениться на ней, такъ какъ она тоже царская дочь, дочь царя звѣрей. Испуганный царь не рѣшается рѣшительно возражать ей; подъ предлогомъ, чтобы она добыла пищу, онъ удаляетъ ее, самъ садится на коня и скрывается бѣгствомъ. Случайно онъ встрѣчаетъ свою свиту и, вернувшись въ городъ, разсказываетъ о бывшемъ съ нимъ, умолчавъ о своихъ сношеніяхъ съ львицею. Львица, вернувшись и не видя царя, впала отъ горя въ безпамятство. Вскорѣ оказалось, что она беременна; порицаемая родителями, она ушла въ лѣсъ и здѣсь родила прекраснаго мальчика. До 12 лѣтъ она воспитывала его въ лѣсу, но затѣмъ оставила его купцамъ, проходившимъ по дорогѣ, и ушла въ лѣсъ. Купцы были поражены сходствомъ мальчика съ царемъ и рѣшили, что это его сынъ, рожденный какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ отъ львицы, когда онъ былъ занесенъ конемъ

въ лѣсъ. Они привели мальчика въ Бенаресъ и представили его царю, который съ радостью призналъ его своимъ сыномъ и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ, назвавъ его Saudāsa Narasiṃha (сынъ Sudāsa — человѣкъ-левъ). Съ теченіемъ времени царь женилъ его и затѣмъ, будучи старъ годами, ушелъ съ женою въ лѣсъ, помазавъ сына на царство. Молодой царь былъ жестокъ и ѣлъ очень много мяса; для него постоянно убивались звѣри и птицы. Не довольствуясь этимъ, онъ самъ уходилъ въ лѣсъ, здѣсь убивалъ звѣрей и ѣлъ ихъ, пробуя всевозможные виды мяса сырыми. Совѣтники отговаривали его ѣсть сырое мясо, такъ какъ это не подобаетъ людямъ. Онъ возражалъ имъ, говоря, что сырое мясо даетъ больше всего силъ, и заявилъ совѣтникамъ, что хочетъ даже ѣсть человѣческое мясо, какъ самое лучшее. Ночью царь тайкомъ отправился въ тюрьму, похитилъ одного человѣка и съѣлъ его; такъ онъ сталъ дѣлать каждую ночь. Это замѣтили и донесли совѣтникамъ. Они начали совѣщаться и обратились также съ распросами къ царицѣ Dharmagañjā, которая подтвердила донесеніе о поведеніи царя. Совѣтники идутъ къ царю и отговариваютъ его, но онъ ихъ не слушаетъ и возражаетъ. Тогда они рѣшаютъ изгнать его, и на слѣдующую-же ночь, заставъ его на мѣстѣ преступленія, несмотря на его мольбы изгоняютъ изъ царства. Въ лѣсу онъ встрѣчаетъ мать — львицу, которая спрашиваетъ его, кто онъ такой; онъ отвѣчаетъ ей, и она тогда объявляетъ ему, что она его мать, и спрашиваетъ затѣмъ о томъ, что дѣлаетъ его отецъ, и отчего онъ покинулъ Бенаресъ. Онъ разсказываетъ ей все случившееся. Тогда она совѣтуетъ ему собрать сто царевичей для принесенія ихъ въ жертву, говоря ему, чтобы онъ ихъ не убивалъ, пока сотня не будетъ полна[1]). Сынъ слушается матери; онъ начинаетъ хватать царевичей и прячетъ ихъ въ пещеру; скоро ихъ у него набирается 99.

Въ это время царствовалъ благочестивый царь Sutasoma изъ рода Kuru. Однажды весною онъ отправился со свитою повеселиться въ паркъ; здѣсь ему представился монахъ, желавшій сообщить ему прекрасныя изреченія. Sutasoma обѣщаетъ ему щедрую награду и приготовляется слушать; въ это время раздается шумъ, прибѣгаютъ слуги, крича, что явился страшный Saudāsa. На вопросъ Sutasoma (который впрочемъ зналъ то, о чемъ спрашивалъ), кто это, слуги разсказываютъ: Однажды царь отправился на охоту и лошадь занесла его далеко въ лѣсъ, здѣсь онъ встрѣтилъ львицу и, распалившись любовью, имѣлъ съ нею сношенія. У ней родился мальчикъ; его привели къ отцу, который съ радостью призналъ его; онъ и наслѣдовалъ отцу.

1) Текстъ видимо испорченъ и не ясно, кому должна быть принесена жертва и какая цѣль ея.

Saudāsa очень любилъ мясо и сталъ ѣсть даже людей. Подданные рѣшили его убить и онъ бѣжалъ. Находясь въ лѣсу, онъ далъ обѣтъ за спасенie изъ бѣды принести духамъ жертву изъ ста царевичей. Слуги совѣтуютъ Sutasoma спастись, такъ какъ Saudāsa пришелъ очевидно за нимъ. Но Sutasoma хочетъ обратить Saudāsa на путь истинный и идетъ ему на встрѣчу. Тотъ говоритъ, что искалъ его, хватаетъ и уноситъ въ свою пещеру. Здѣсь Sutasoma, вспоминая монаха, отъ котораго долженъ былъ услыхать прекрасное изреченie и котораго обѣщалъ наградить, и при мысли о томъ, что ожиданie бѣднаго монаха будетъ обмануто, плачетъ. Saudāsa, видя его слезы, думаетъ, что онъ боится смерти, и насмѣхается надъ нимъ. Sutasoma объясняетъ причину своихъ слезъ, проситъ отпустить его, чтобы одарить брахмана, и обѣщаетъ вернуться. Saudāsa выражаетъ сначала сомнѣнie въ томъ, что Sutasoma вернется на вѣрную смерть, но затѣмъ, чтобы испытать его правдивость, отпускаетъ его. Родные, увидавъ вернувшагося Sutasoma, обрадованы. Sutasoma сообщаетъ, что пришелъ выслушать монаха. Монахъ произноситъ стихи, Sutasoma одаряетъ его. Отецъ Sutasoma находитъ щедрость сына чрезмѣрною и выговариваетъ ему. Сынъ отстаиваетъ свой поступокъ и объявляетъ о томъ, что ему надо вернуться къ Saudāsa. Отецъ рѣшительно отговариваетъ его, но Sutasoma стоитъ на своемъ и возвращается къ людоѣду, который пораженъ этимъ. Sutasoma благодаритъ его за то, что Saudāsa позволилъ ему выслушать прекрасныя изреченiя. Saudāsa хочетъ ихъ тоже услышать, но Sutasoma отказывается передать ихъ ему, столь беззаконно живущему. Между ними завязывается разговоръ, во время котораго Saudāsa такъ пораженъ достоинствами Sutasoma, что отказывается съѣсть его и проситъ опять сказать ему прекрасныя изреченiя. Онъ, какъ ученикъ, садится ниже своего учителя, и Sutasoma говоритъ ему изреченiя монаха; очарованный Saudāsa предлагаетъ ему выбрать все, что̀ онъ хочетъ. Sutasoma проситъ его: 1) быть вѣрнымъ своему слову, 2) не губить живыхъ существъ, 3) отпустить плѣненныхъ царевичей, 4) не ѣсть человѣческаго мяса. На три первыя просьбы Saudāsa согласенъ, но говоритъ, что четвертую ему немыслимо исполнить; наконецъ онъ сдается на убѣжденiя Sutasoma. Всѣ царевичи и Sutasoma отпущены и расходятся по своимъ царствамъ, послѣ проповѣди Sutasoma о томъ, что надо стремиться къ bodhicaryā и быть всегда честнымъ.

Будда отожествляетъ себя съ Sutāsoma.

yo sau sarvādhipaḥ çrīmān Sutasomābhidho nṛpaḥ
ahaṃ hi bhagavān chastā Çākyamunir abhūt tadā

Довольные проповѣдью царь Çuddhodana и народъ возвращаются въ городъ.

Считаемъ нужнымъ дать образчикъ текста, сохраняя правописаніе единственной бывшей у насъ рукописи; исправлены только описки.

tasminn avasare rājā Kauravyabhuvanādhipaḥ
Sutasomābhidhaḥ çrīmān saddharmmasadguṇāçrayaḥ
1 [1]) b. вм. mati dyuti 2 b. viçuddhaṃ
ataç caiva pitā rājā lokapālanatatparam
yauvarājavibhūtyā çrīsamṛddhyā samayojayat
3 a. vidvattatā vā —
kadācit sa mahāsattvo madhumāse manorame
puro ntikavanodyāne krīḍitum sajano vrajat
4. 5.
tatrasthaṃ taṃ mahāsattvaṃ vijñāyānyatamo dvijaḥ
subhāṣitasamākhyāyī muditaḥ samupāsarat
kritopakārasatkāras tadrūpamuditāçayaḥ
sampaçyaṃs taṃ mahāsattvaṃ tatrāçu samupāviçat
taṃ dvijaṃ samupāsīnaṃ samīkṣya sa mahāmatiḥ
krīḍotsāham api tyaktvā paprachaivaṃ samādarāt
kim artham tvam ihāyāsi bhikṣyo tan me puro vada
yad abhivāñchitaṃ dravyaṃ tat te dāsyāmy ahaṃ dhruvam
iti tatsamupādiṣṭaṃ çrutvā sa bhikṣur unmanāḥ
saṃpaçyaṃs taṃ mahāsattvaṃ purastha evam abravīt
sādhu çṛṇu mahāsattva yadarthe ham ihāvrajet
tad bhavatāṃ puro vakṣye jayaçrīdaṃ subhāṣitam
iti tad bhikṣuṇā proktaṃ niçamya sa mahāmatiḥ
punar bhikṣuṃ mahāprājñaṃ saṃpaçyann evam abravīt
sadguro çrotum ichāmi tad vadasva subhāṣitam
iti taduktam ākarṇya sa bhikṣur vaktum ārabhat
tadā tatra mahotpātakolāhalaṃ bhayasvaram
saṃgītādimahotsāhahartṛ prodacarad vane
tac chrutvā sa mahāsattvaḥ Sutasomo bhiçaṃkitaḥ
kim etat jñāyatāṃ çabdam iti janān samādiçat
tac chrutvā sahasā tasya dauvārikā vinoditāḥ
pracaranto vane dūrāt Saudāsaṃ dadṛçur nṛpam
samīkṣya tam upāyātaṃ sarve dauvārikās tataḥ
sahasā samupāgatya svāmino gre babhāṣire
svāminn āsāv ihāyātaḥ Saudāso naramāṃsabhuk

1) Цифрами мы означаемъ стихи по порядку въ Jātaka-mālā; помѣщаемый отрывокъ находится на foll 435v — 436v.

nūnam atrāpi prāg etya grasituṃ naḥ samāvrajet
tair evaṃ gaditaṃ çrutvā Sutasomamahīpatiḥ
saṃjānann api tān sarvān saṃpaçyann evam abravīt
kaḥ Saudāso nṛpotsādaḥ krurātmā nirdayo balı
kimartham iha prāgachat tad vadadhvaṃ puro mama

Даннаго образца будетъ достаточно, чтобы показать, какъ близко авторъ Bhadrakalpāvadāna въ прозаическихъ частяхъ держался своего оригинала; стихи онъ приводитъ почти всюду дословно; дальше мы отмѣтимъ, какъ и выше, только разночтенія въ стихахъ, не принимая, разумѣется, въ разсчетъ явныхъ описокъ.

6 b. anuvarttamānaṃ 7 b. nihanyām 8 a. gocare
9 tatra hatanṛmāṃsāsṛgbhūṣitaraudrabhūtale
açivair jambukonnādaiḥ çmaçāna iva bhīṣaṇe
10 pretanarttanabībhatse jīrṇe gṛdhrādipakṣibhiḥ
citādhūmavivarṇaiç ca çīrṇaparṇamahīruhaiḥ
11 hā hā subhāṣitopāyaṃ dhṛtvā dravyāçayāgataḥ
sa mām evaṃ hṛtaṃ çrutvā bhikṣuḥ kiṃ kiṃ kariṣyati
12 a. saṃstvaṃaya (?) tīvreṇa
13 are dhīro si vikhyātas tais tais tvāṃ çobhito guṇaiḥ
adyātra madvaçaṃ prāpya tvam apy açrūṇi muñcasi
14 āpatsu niṣphalaṃ dhairyaṃ çoke çrutaṃ nirarthakaṃ
na hi tad vidyate duḥkhaṃ rāhato (sic) yo na kampate
15 a. sukhasādhanaṃ пропущено.
c. putrī priyaṃ cāçrumukhīṃ sutāṃ vā d. smṛtvaiva
16 a. na cāpi 17 c. navaṃ karomi 18 b. prīta 19 a. asyevaṃ
20. 21 не находится въ рукописи; послѣ 20 стиха говоритъ Sutasoma
22 b. sataṃ ca satyaṃ tu sujīvitaṃ ca 23. 24 b. mayyaprīti
25 d. praharaṇo bhyupaiṣyaṃ 26 a. evam asmāt b. dvijasya phala — 27.
71 b. īkṣyate 72, 74 a. rathā narāṇāṃ
28 a. tat subhāṣitapujārthāṃ dakṣiṇāmātram arpayet
За 28 стихомъ ataḥ sadā çrīsthiratāṃ yadīchasi bhagyārthamātreṇa pramāṇaya tvaṃ
30 b. vākyapathaṃ 31 b. prajñābhivṛddhyā ib. kravyaṃ 32, 33. Пропущ. 34—36
37, 38, 39 a. prāpnomy 40, 41, 42, 43 a. aho hīdaṃ mahaccitram adbhutānāṃ mahādbhutaṃ
44 b. svayam upagato 45
46 subhāṣitadhanaṃ prāptaṃ mayārthī cāpi pūjitaḥ

gataṃ prītiṃ manaç cāpi bhavatkṛprāprasādataḥ
prāpto yad asmy ayam cātra tad māṃ bhuṅkṣva yathepsitaṃ
mama paṇḍavrataṃ cāpi yajñāya vā samādiça

47 b. vidhūmapakvaṃ taralaṃ hṛdyaṃ 48, 49 a. rakṣo ti krūravṛttasya
50 manujān api 51; затѣмъ пропускъ 52, текстъ не въ порядкѣ въ нашей рукописи. 53, 54 a. pratipanna 55 b. sukhārthaṃ 56 Пропущ. 57 и прямо 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64 a. samanusmarāmi 65, 66, 67, 68, 69, 70 b. çṛṇuyād dharmaṃ ib. vācyaṃ
71 a. yadṛshayābhisaṃprāptaṃ b. īkṣyate 72 a. bhajec ca sādhu
73, 74 kārāṇāṃ 75 a. nabhaḥ sadūre b. astācalād udayādrir eva dharmaḥ
76 b. tac caturo vadāmi 77 b. çubhapravṛttabhāvaḥ 78 b. tad atyayaṃ
79, 80, 81, 82 a. satyavrataḥ kathaṃ syās tvaṃ syād ahiṃsakatā ca te
83 b. parityaktaṃ 84 отсутствуетъ 85 a. vane vāso yasya hetoḥ sadā mama
86 b. arhati 87 b. niratā 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95 b. candrakarāvataṃsikā.

Кончая на этомъ наши замѣтки о Jātaka-mālā, мы позволяемъ себѣ отмѣтить еще одно, правда не вполнѣ убѣдительное, указаніе по вопросу о хронологіи этого сборника: въ каталогѣ Bunyiu Nanjio (№ 1349) значится сочиненіе ārya-Çūra, переведенное на китайскій языкъ въ 434 году. Если указаніе это вѣрно и имѣетъ въ виду нашего автора, то Jātaka-mālā относилась-бы ко времени не позже конца IV или начала V вѣка.

III.

Джātаки въ Mahāvastu.

Въ Mahāvastu находится довольно значительное число джātакъ, частью въ полномъ, частью въ сокращенномъ видѣ; прилагаемый списокъ этихъ джātакъ составленъ по двумъ вышедшимъ томамъ превосходнаго изданія г. Сенара и по каталогамъ Раджендралаламитры и Бендалля; мы включили сюда всѣ приведенные случаи перерожденій Будды, несмотря на то, что по увѣренію Mahāvastu джātаки встрѣчаются только въ 8, 9 и 10 bhūmi («земли» — ступени, какія постепенно проходитъ bodhisattva, прежде чѣмъ стать буддою), такъ какъ этому заявленію прямо противорѣчитъ упоминаніе

въ 3 и 7 bhūmi джātакъ, встрѣчающихся въ Mahāvastu и другихъ сборникахъ:

Будда былъ царь Cakravartin по имени Dṛḍhadhanu, онъ жилъ при буддѣ Aparājitadhvaja, чтилъ его въ теченіи 1000 лѣтъ и по нирванѣ его воздвигъ ему ступу. I. 1, 60—61.

Б. былъ купеческимъ сыномъ при буддѣ Çākyamuni, которому далъ рисоваго супа. I. 1, 47—48. 111.

Б. былъ царь Cakravartin, онъ жилъ при буддѣ Samitāvin, которому подарилъ дворецъ изъ семи драгоцѣнностей. I. 1. 48—53.

Б. былъ молодой брахманъ Megha, который жилъ при буддѣ Dīpaṃkara. I. 1—2. 193—248. ср. Dharmaruci: Divyāvadāna XVIII и Bodhisattvāvadānakalpalatā LXXXIX.

Б. былъ монахъ Abhiji (Abhiya), который жилъ при буддѣ Sarvābhibhū. I. 2. 35—45.

Б. былъ молодой брахманъ Jyotipāla, который жилъ при буддѣ Kāçyapa. I. 2. 317—338.

Б. далъ буддѣ того времени 80 сандальныхъ чертоговъ. I. 54.

Б. былъ царь Arka, который далъ буддѣ Parvata 80000 пещеръ для монаховъ. I. 54.

Б. жилъ при буддѣ Ratnendra, который обучалъ его въ теченіи 6 лѣтъ.

Б. былъ царь Cakravartin, который жилъ при буддѣ Ratna, онъ сдѣлалъ для него 84000 украшенныхъ драгоцѣнностями дворцовъ.

Б. отдалъ жену и дѣтей, чтобы услышать мудрое изреченіе (subhāṣita). I. 91—92. (Въ этомъ мѣстѣ текстъ очень сильно испорченъ и нельзя составить себѣ яснаго понятія о томъ, какой разсказъ здѣсь имѣется въ виду, точно также какъ дальше чувствуется пропускъ; неясенъ также и разсказъ о томъ, какъ Будда пріобрѣлъ мудрое изрѣченіе у очарователя змѣй).

Б. отдалъ свою голову брахману, чтобы узнать отъ него мудрое изреченіе. I. 92.

Б., будучи царемъ Surūpa, отдалъ съ тою-же цѣлью жену, сына и самого себя одному rākṣasa. I. 92—93.

Б., будучи министромъ Saṃjaya, отдалъ съ тою-же цѣлью свое сердце одному piçāca. I. 93.

Б., будучи старшиною купцовъ Vasuṃdhara, отдалъ съ тою-же цѣлью все свое имущество одному бѣдняку. I. 93—94.

Б., будучи царемъ Surūpa, отдалъ съ тою-же цѣлью одному человѣку Jambudvīpa. I. 94.

Б., будучи серною Satvara, отдалъ съ тою-же цѣлью свое тѣло охот-

нику. I. 94—95. Это Mṛgarājajātaka Mhv. II. 255—57, гдѣ серна только названа Surūpa и «мудрое изреченіе» читается съ легкими варіантами.

Б., будучи царемъ Nāgabhuja, отдалъ съ тою-же цѣлью свое царство въ четыре dvīpa. I. 95.

Б. кинулся съ тою-же цѣлью въ пропасть. I. 95.

Б. покинулъ съ тою-же цѣлью корабль (?) на морѣ. I. 95. Не зная, на какой разсказъ здѣсь намекается, мы можемъ лишь гадательно переводить, такъ какъ pota можетъ значить и «дѣтенышъ». I. 95.

Б. съ тою-же цѣлью отдалъ глаза. I. 95. ср. Dsanglun. I.

Б. съ тою-же цѣлью кинулся въ огонь. I. 95. ср. Dsanglun. I.

Б. былъ царь Cakravartin по имени Dharanīṃdhara, онъ жилъ при буддѣ Sudarçana и далъ ему все необходимое для жизни. I. 111—112.

Б. былъ царь Cakravartin по имени Aparājita, онъ жилъ при буддѣ Nareçvara, которому далъ 84 монастыря. I. 112.

Б. былъ министръ по имени Vijaya, онъ жилъ при буддѣ Suprabha, которому онъ принесъ угощеніе. I. 112—113.

Б. былъ царь Cakravartin, по имени Acyuta, онъ жилъ при буддѣ Ratnaparvata, которому онъ выстроилъ 84000 дворцовъ. I. 113—114.

Б. былъ царь Cakravartin, по имени Priyadarçana, онъ жилъ при буддѣ Kanakaparvata, которому отдалъ свое царство. I. 114—115.

Б. былъ царь Durjaya, онъ жилъ при буддѣ Puṣpadanta, которому устроилъ роскошное угощеніе. I. 115—116.

Б. былъ царемъ, онъ жилъ при буддѣ Lalitavikrama, которому далъ 40 koṭi дворцовъ и еще одинъ великолѣпный дворецъ. I. 116—117.

Б. былъ царь Mṛgapatisvara, онъ жилъ при буддѣ Mahāyaças, которому устроилъ великолѣпное угощеніе. I. 117—118.

Б. былъ царь Cakravartin, по имени Maṇiviṣāṇa, онъ жилъ при буддѣ Ratnacūḍa, которому далъ 92 миріады koṭi дворцовъ. I. 118—119.

Б. былъ царь Kuça. I. 128—131 Это редакція, совершенно отличная отъ остальныхъ джātакъ про Kuça; общаго съ ними она имѣетъ только то, что и здѣсь хотятъ похитить царицу.

Б. — царь змѣй Ugra и очарователь змѣй. I. 131.

Б. — левъ и охотникъ съ отравленной стрѣлой. I. 131—132.

Б. — начальникъ каравана и проводникъ-обманщикъ. I. 133.

Б. — царь, милующій преступную жену. I. 133—134.

Б. былъ nāgarāja (царь слоновъ или nāga, изъ разсказа не видно, кто именно подразумѣвается) по имени Atula, онъ жилъ при буддѣ Maṅgala. I. 248—252.

Б. былъ брахманъ, который воздвигъ зонтъ на ступѣ своего сына — одного будды, погрузившагося въ нирвану. I. 267—270.

* Triçakunajātaka I. 271—283 = Tesakuṇajātaka. № 521. (Пересказана по рукописи И. П. Минаевымъ Ж. М. Н. П. 1876. II. 368).

Б. былъ отшельникъ, по имени Rakṣita, который спасъ городъ Kāmpilya своимъ появленіемъ отъ мора. I. 283—286.

Б. былъ слономъ въ Vārāṇasī, онъ спасъ отъ мора городъ Mithilā. I. 286—288.

Ṛṣabhajātaka. I. 288—290.

Б. былъ вожакомъ стада серинъ, по имени Nyagrodha, который хотѣлъ принести себя въ жертву, чтобы спасти серну. I. 359—366. Ср. Nigrodhamigajātaka № 12.

* Mañjarījātaka. II. 48—64. = Sudhābhojanajātaka № 535. Пересказана была по рукописи И. П. Минаевымъ еще въ *1876* году: Ж. М. Н. П. II. 382—387. Сравни также Biḷārikosiyajātaka № 450. По поводу недоумѣнія, высказаннаго издателемъ (стр. 509) относительно заглавія джātаки, позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что заглавіе это относится къ цвѣтамъ, которые возбуждаютъ споръ богинь. О роли Nārada ср. Mārkaṇḍeyapurāṇa I. 27 sqq. и Siṃhāsanadvātriṃçikā. Введеніе (состязаніе между Rambhā и Urvaçī).

Godhājātaka. II. 64—67 = Godhājātaka № 333. Ср. Beal. S. Rom. Leg. 82—83.

Hārapradānajātaka. II. 67—68.

Yaçodharāvyāghrībhūtajātaka. II. 68—72. Ср. Beal. S. Rom. Leg. 99—100.

* Dharmapālajātaka = Mahādhammapālajātaka № 447.

Çarakṣepaṇajātaka. II. 82—83.

Amarākarmāradārikājātaka. II. 83—89. Ср. Sūcijātaka № 387. * Mahāummaggajātaka. Channapathapanho; * Mahaushadha and Viçākhā: Tibetan Tales, Schiefner, A.—Ralston, W., особенно стр. 157. * Минаевъ, И. П. Буддизмъ. I. 151—154. Beal. S. Rom. Leg. 93—96. * Divyāvadāna XXXVI. 521—522. Çirijātaka. II. 89—94.

* Kinnarījātaka. II. 94—115. Ср. Divyāvadāna XXX. Sudhānakumārāvadāna. Schiefner-Ralston, Sudhana-avadana. 44—74.

* Çyāmājātaka. II. 166—177. Ср. Kaṇaverajātaka № 318. (Ср. также № 419 и Petavatthuvaṇṇanā. I. 1).

* Campakanāgarājajātaka. II. 177—188. Campeyyajātaka № 506. Cariyāpiṭaka. 85—86.

* Çyāmakajātaka. II. 209—231. Sāmajātaka. Westerg. 532. Пересказъ у Минаева. Ж. М. Н. П. 1876. II. 402—403.

Çiriprabhajātaka. II. 234—237. Suvaṇṇamigajātaka № 359.

Çakuntakajātaka. II. 241—243.

Kacchapajātaka. II. 244—245. Этотъ разсказъ, какъ было указано выше, попалъ въ одну изъ рукописей Jātakamālā.

Markaṭajātaka. II. 246—250. Ср. Jātaka №№ 208, 342 и также 57, 224.

Çakuntakajātaka. II. 250—255.

Surūpamṛgarājajātaka. II. 255—257, ср. Mahāvastu. I. 94.

Kuçajātaka. II. 420—496. Ср. Kusajātaka № 531. Schiefner-Ralston 21 — Dsanglun XIII, стр. 91 слл. Bhadrakalpāvadāna XXX. Ср. Mahāvastu I. 128—131.

Vṛṣabhajātaka.

Vānarajātaka.

Vānarījātaka (?)

Puṇyavantajātaka ср. Bhadrakalpāvadāna XVI и тиб. см. Benfey. Pantschatantra II. 535—537 (Nachträge).

Vijitāvijātaka.

Rākṣasadvīpapāksikajātaka. Ср. далѣе Dharmalabdhajātaka. Valāhassajātaka № 196. Divyāvadāna 119—121, 523—528. Avalokiteçvaraguṇakāraṇḍavyūha (ed. Calc., стр. 52—59; ср. Burnouf, E. Introduction, стр. 223—224; Rājendralālamitra, стр. 96—97). Wenzel. H. A jātaka tale from the Tibetan. Beal. S. Rom. Leg. 332—340. Hiouen Thsang. (St. Julien II. 131—140; Beal II. 240—246). Ср. также Telapattajātaka № 96.

Kākajātaka.

Hastinījātaka ср. Bhadrakalpāvadāna XXXII.

Nalinījātaka ср. Nalinījātaka W. 519. Bhadrakalpāvadāna. XXXIII.

Padmavatījātaka ср. Bodhisattvāvadānakalpalatā LXVIII.

[Candra-Sūryajātaka] ср. Bodhisattvāvadānakalpalatā LXXXIII. Bhadrakalpāvadāna XXVII. Beal. S. Rom. Leg. 361—363.

Upāligaṅgapālajātaka. Gaṅgamālajātaka № 421. Ср. подобный же разсказъ въ сборникѣ Karpūraprakarāvacūri: Kapilabrāhmaṇakathā. (Сборникъ этотъ, повидимому очень близокъ, если не тожественъ съ Kathāmahodadhi поэта Somacandra).

Mahāgovindajātaka ср. Cariyāpiṭaka I. 5.

Dharmalabdhajātaka см. выше Rākṣasadvīpapākṣikajātaka.

Ājñātakauṇḍinyajātaka.

Pañcabhadravargīyajātaka.

Çarabha[ṅga]jātaka ср. Sarabhaṅgajātaka. 522. Комм. на Upālisutta (Feer. L.).

Pūrṇamaitrāyaṇīputrajātaka.

Yaçodajātaka. Ср. Bhadrakalpāvadāna XV. Beal. S. Rom. Leg. 258—256; см. Minayef J. Buddhistische Fragmente 584 n.

Asthisenajātaka.

Uruvilvākāçyapanadīkāçyapajātaka.

Arindamajātaka.

Не считая себя вправѣ впредь до окончанія образцоваго изданія г. Сенара входить ближе въ критику текста, позволяемъ себѣ указать еще на нѣкоторыя параллели: II. 166 и 198—200 = Sutta-nipāta, Pabbajjāsutta стр. 71—74; II. 238—240 = Sutta-nipāta, Padhānasutta стр. 74—78. II. 191—195 = Kaṇṭhakavimāna, Vimānavatthu стр. 73—74 (№ 81). Опечатки: I. 27. 4. читай tiryag°; I. 630. 32. читай 359; II. 54. 3. 7. читай brāhmaṇa; II. 78. 17. читай imāni. II. 83. 17. читай adhvānaṃ. II. 363. 11. читай sphīteṣu. II. 362 слл. находится съ довольно значительными варіантами и перестановками стиховъ какъ цитата въ Çikṣāsamuccaya Шāнтидевы, начало 17 главы:

ukto vandanāvidhiḥ | tena puṇyavṛddhir bhavatīti kuto gamyate ||
āryāvalokanasūtrāt | evaṃ hi tatroktam ||
varjayaty akṣaṇāny aṣṭau ya ime deçitā mayā
kṣaṇaṃ cārāgayety ekaṃ buddhotpādaṃ suçobhanam и т. д.[1]).

IV.

Джāтака о „Юношѣ Слѣдопытѣ“[2]) и джайнскія параллели къ ней.

«Ученаго» такъ разсказывалъ Учитель, пребывая въ Jetavana, имѣя въ виду одного мальчика. Этотъ мальчикъ, сынъ домохозяина въ Sāvatthi, семи лѣтъ отъ роду, уже былъ искусенъ въ распознаваніи слѣдовъ. Отецъ его, подумавъ: «испытаю его», безъ его вѣдома пошелъ въ домъ пріятеля. Мальчикъ, не спросивъ, куда пошелъ отецъ, отправился по слѣдамъ его и явился къ нему. Однажды отецъ спросилъ его: «Милый, какъ ты узнаешь, куда я пошелъ, когда я ухожу, не сообщивъ тебѣ куда иду?» — «Отецъ, я узнаю твой слѣдъ, я искусенъ въ распознаваніи слѣдовъ». Чтобы испы-

1) По списку И. П. Минаева съ Ms. въ India Office Library. foll. 174 v. sqq.
2) Fausböll III, 501—514, № 432. Padakusalamāṇavajātaka.

тать его, отецъ, позавтракавъ, вышелъ изъ дому, зашелъ въ домъ ближайшаго сосѣда, оттуда зашелъ въ слѣдующій домъ, затѣмъ, выйдя изъ дома третьяго сосѣда, снова подошелъ къ двери своего дома и затѣмъ пошелъ къ сѣвернымъ воротамъ; выйдя изъ воротъ, оставивъ городъ влѣво, пришелъ въ Jetavana и, преклонившись передъ Учителемъ, сѣлъ, слушая законъ. Мальчикъ, спросивъ: «куда пошелъ отецъ?» и получивъ отвѣтъ: «не знаемъ», по слѣдамъ его, начавъ съ дома ближайшаго сосѣда, пошелъ по тому пути, по которому шелъ отецъ, въ Jetavana, преклонился передъ Учителемъ и сталъ близь отца. Спрошенный отцомъ: «какимъ образомъ ты узналъ, милый, о моемъ приходѣ сюда?» онъ отвѣтилъ: «узнавъ слѣды (твои), я по нимъ пришелъ сюда». Учитель спросилъ: «о чемъ ты разговариваешь, міряниннъ?» (Домохозяинъ) сказалъ: «Почтенный, этотъ мальчикъ искусенъ въ распознаваніи слѣдовъ; я, испытывая его, пришелъ такимъ-то путемъ, а онъ, не видя меня дома, по моимъ слѣдамъ пришелъ сюда. (Тогда Учитель) сказалъ: «не диво, о міряниннъ, распознаваніе слѣдовъ на землѣ: древніе мудрецы распознавали слѣды на воздухѣ», и по просьбѣ домохозяина разсказалъ разсказъ.

Въ прежнее время, когда Brahmadatta царствовалъ въ Бенаресѣ, старшая жена его нарушила вѣрность мужу; спрошенная царемъ, она поклялась: «если я была не вѣрна тебѣ, да буду я слезы проливающей yakkhinī. (Послѣ того) она умерла и ставъ слезы проливающей yakkhinī, живя у подножья нѣкоей горы въ пещерѣ, хватала и съѣдала людей, шедшихъ въ великомъ лѣсу по дорогѣ съ востока на западъ. Прослуживъ (богу) Vessavaṇa три года, она получила (позволеніе) ѣсть людей на пространствѣ тридцати yojana въ длину и пяти въ ширину. Однажды нѣкій состоятельный, богатый, красивый брахманъ въ сопровожденіи многихъ людей отправился по этой дорогѣ; увидавъ его, yakkhinī, засмѣявшись, выскочила, и спутники (брахмана) побѣжали. Yakkhinī приблизилась съ быстротою вѣтра, схватила брахмана (и) взвалила его на спину; идя въ пещеру, почувствовавъ прикосновеніе человѣка, подъ вліяніемъ страсти, она почувствовала къ нему любовь, не съѣла его и сдѣлала своимъ мужемъ; жили они другъ съ другомъ въ мирѣ. Съ этого времени yakkhinī, хватая людей, брала платье, рисъ, масло и проч. и, принося брахману разнообразную, весьма вкусную пищу, сама ѣла человѣческое мясо; когда ей надо было уходить, она изъ боязни, что онъ убѣжитъ, передъ уходомъ заваливала входъ въ пещеру большимъ камнемъ. Въ то время, какъ они такимъ образомъ жили въ согласіи, Bodhisatta, покинувъ мѣсто своего прежняго перерожденія, пріялъ зачатіе въ чревѣ yakkhinī отъ брахмана. По прошествіи десяти мѣсяцевъ она родила сына и, сильно любя сына и брахмана, кормила ихъ обоихъ. Когда

затѣмъ сынъ выросъ, она заключила его съ отцомъ (въ пещерѣ) и закрывала входъ. Однажды Bodhisatta, зная, что она ушла, отвалилъ камень и вывелъ отца (изъ пещеры). Yakkhinī вернулась и спросила: «кто отвалилъ камень?» Когда сынъ отвѣтилъ: «я, мама, отодвинулъ, намъ не въ терпежъ сидѣть въ темнотѣ», она изъ любви къ сыну ничего не сказала. Какъ-то разъ Bodhisatta спросилъ отца: «Отецъ, у меня другой ротъ, чѣмъ у матери, и у тебя тоже, какая этому причина?» «Милый, мать твоя yakkhinī, питающаяся человѣческимъ мясомъ, а мы оба люди». «Если это такъ, зачѣмъ мы здѣсь живемъ? пойдемъ къ людямъ». «Милый, если мы убѣжимъ, мать твоя насъ обоихъ убьетъ». Bodhisatta успокоилъ отца словами: «не бойся, отецъ, это ужъ мое дѣло свести тебя къ людямъ»; на слѣдующій день, когда мать ушла, онъ взялъ отца и убѣжалъ. Yakkhinī, вернувшись и не видя ихъ, помчалась съ быстротою вѣтра, схватила ихъ и сказала: «брахманъ, зачѣмъ ты бѣжишь, чего у тебя здѣсь нѣтъ?» «Дорогая, не сердись на меня, твой сынъ схватилъ меня и пошелъ». Получивъ такой отвѣтъ, она изъ любви къ сыну ничего не сказала, успокоила, забрала ихъ и пошла въ свое жилище; черезъ нѣсколько дней, когда они такимъ-же образомъ вновь бѣжали, она опять привела ихъ назадъ. Bodhisatta подумалъ: «у матери моей вѣрно опредѣленный предѣлъ, спрошу у нея границу мѣста проявленія ея власти и затѣмъ, перейдя ее, убѣгу». Однажды, взявъ съ собою мать и усѣвшись около нея, онъ сказалъ: «Мама, имущество матери достается вѣдь дѣтямъ, скажи-ка мнѣ границу принадлежащей тебѣ земли». Она, разсказавъ признаки горъ и прочаго во всѣхъ странахъ свѣта и разсказавъ сыну, что мѣсто (ей принадлежащее) тридцать yojana въ длину и пять yojana въ ширину, сказала: «обрати вниманіе, сынъ мой, что мѣсто это такой величины». По прошествіи двухъ, трехъ дней, когда мать пошла въ лѣсъ, онъ посадилъ отца на плечи и по указаніямъ, даннымъ матерью, помчавшись съ быстротою вѣтра, достигъ берега пограничной рѣки. Yakkhinī, вернувшись, не видя ихъ, пустилась преслѣдовать ихъ. Bodhisatta, взявъ отца, вошелъ въ рѣку. Yakkhinī, подойдя, стала на берегу рѣки; зная, что граница ея пройдена, стоя тамъ, она просила сына и мужа: «милый, возьми отца и иди (сюда), въ чемъ моя вина? чего у васъ не было благодаря мнѣ? вернись, господинъ». Но брахманъ перешелъ рѣку. Она, прося сына, сказала: «Милый, не поступай такъ, вернись». «Мама, мы люди, а ты yakkhinī, не можемъ мы всегда жить у тебя». «Такъ ты не вернешься, милый?» «Нѣтъ, мама». «Если ты не вернешься — въ мірѣ людей вѣдь трудно жить, не знающіе ремесла не могутъ (тамъ) жить — я знаю одно волшебство по имени Cintāmaṇi (волшебный камень), благодаря ему можно идти по слѣдамъ людей, прошедшихъ (по этимъ мѣстамъ)

двѣнадцать лѣтъ тому назадъ; оно тебѣ будетъ средствомъ къ жизни, возьми, милый, безцѣнное заклинаніе». Съ этимъ она, одолѣваемая такою горестью, изъ любви къ сыну дала заклинаніе. Bodhisatta, стоя въ рѣкѣ и поклонившись матери, сложивъ руки [1]), принялъ заклинаніе; (затѣмъ) поклонился матери и сказалъ: «Пойдите, мама». «Милый, такъ какъ вы не возвращаетесь, нѣтъ для меня жизни»; такъ сказавъ, yakkhinī ударила себя въ грудь, и въ это время отъ горести по сынѣ разбилось ея сердце; она умерла и тутъ-же упала. Bodhisatta, увидавъ, что она умерла, позвалъ отца, подошелъ къ матери, устроилъ костеръ, сжегъ (ея тѣло), загасилъ костеръ, сдѣлалъ приношеніе изъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ и поплакалъ и погоревалъ. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ пошелъ въ Бенаресъ и велѣлъ сказать царю: «у воротъ стоитъ юноша-слѣдопытъ». Царь сказалъ: «пусть войдетъ». Онъ вошелъ и поклонился. Царь сказалъ: «любезный, какое искусство знаешь?» Онъ сказалъ: «Государь, я съумѣю, пойдя по слѣдамъ, достать имущество, похищенное двѣнадцать лѣтъ тому назадъ». «Такъ служи мнѣ», сказалъ царь. «Стану служить, если получу содержаніе по тысячѣ въ день». «Хорошо, любезный, служи»; съ этимъ царь велѣлъ давать ему содержанія по тысячѣ въ день. Однажды придворный священникъ сказалъ царю: «государь, такъ какъ этотъ юноша не сдѣлалъ никакого дѣла при помощи своего искусства, то мы не знаемъ, есть-ли, нѣтъ-ли у него искусства, испытаемъ его». Царь согласился, сказавъ: «хорошо». Оба они, сговорившись съ хранителями разныхъ драгоцѣнностей, взяли отборные драгоцѣнные каменья, спустились съ крыши, трижды обошли (?) внутри дворца, приставили лѣстницу черезъ верхушку стѣны, спустились внизъ наружу, вошли въ залу суда, тамъ сѣвъ, вновь пошли, поставили лѣстницу, спустились черезъ верхушку стѣны, подошли къ берегу пруда на женской половинѣ, трижды обошли прудъ, держа его вправо, спустившись, положили ларецъ въ прудъ и поднялись (снова) на крышу дворца. На слѣдующій день поднялся общій крикъ: «изъ царскаго дворца похитили сокровище». Царь, представляясь будто (ничего) не знаетъ, позвалъ Bodhisatta и сказалъ ему: «любезный, изъ царскаго дворца похищено много драгоцѣнностей, надо ихъ найти». «Государь, для меня, который можетъ достать похищенное имущество черезъ двѣнадцать лѣтъ, идя по стопамъ воровъ, не диво достать похищенное нынѣ ночью; достану его, не безпокойтесь». «Такъ доставь его, любезный». Юноша, сказавъ: «хорошо, государь», пошелъ, совершилъ поклоненіе матери, повторилъ заклинаніе, стоя на землѣ (?) и

1) Въ текстѣ hatthakacchapakaṃ katvā, т. е. сложивъ руки черепахою т. е. горстью.

сказалъ: «государь, заметенъ слѣдъ двухъ воровъ», съ этимъ онъ по слѣдамъ царя и священника вошелъ въ царскую опочивальню, затѣмъ вышелъ, спустился съ крыши трижды, обошелъ внутри дворца, дошелъ по слѣдамъ до стѣны и ставъ на ней, сказалъ: «въ этомъ мѣстѣ слѣдъ, оставивъ стѣну, заметенъ на воздухѣ, дайте лѣстницу»; приставивъ лѣстницу, онъ спустился черезъ верхушку стѣны, по слѣдамъ пошелъ въ залу суда, вернулся къ дворцу, приставилъ лѣстницу, спустился черезъ верхушку стѣны, пошелъ къ пруду, трижды обошелъ, держа его вправо, и сказалъ: «государь, воры спустились къ этому пруду, (затѣмъ) вынулъ ларецъ, какъ будто самъ положилъ его туда, далъ его царю, говоря: «государь, эти два вора извѣстные великіе воры, этой дорогой они вошли во дворецъ». Народъ, чрезвычайно обрадованный, щелкалъ пальцами и махалъ платьями. Царь подумалъ: «этотъ юноша, идя по слѣдамъ, думается мнѣ, знаетъ мѣсто, куда воры положили ларецъ, но схватить воровъ онъ не можетъ». Затѣмъ онъ сказалъ юношѣ: «ты теперь принесъ намъ ларецъ, похищенный ворами, но сможешь-ли ты схватить и доставить намъ воровъ?» «Государь, воры здѣсь, они недалеко». «Кто, да кто?» «Государь, кто хочетъ, тотъ пусть и будетъ воромъ, разъ добытъ вашъ ларецъ, что̀ въ ворахъ? Не спрашивайте». «Любезный, я тебѣ плачу жалованье по тысячѣ въ день, схвати воровъ и представь ихъ мнѣ». «Государь, разъ имущество добыто, что̀ въ ворахъ?» «Послѣ имущества, любезный, намъ нужно добыть воровъ». «Такъ я, государь не скажу тебѣ (прямо) — вотъ это воры, а въ разсказѣ передамъ случившееся; если ты мудръ, ты поймешь это дѣло»; такъ говоря, онъ разсказалъ разсказъ.

(I). «Государь, въ прошедшее время недалеко отъ Бенареса въ деревнѣ на берегу рѣки жилъ нѣкій актеръ, по имени Pāṭala. Однажды онъ съ женою отправился въ Бенаресъ, плясалъ, пѣлъ, получилъ (за это) деньги, по окончаніи праздника забралъ много питья и ѣды и пошелъ въ свою деревню; дойдя до берега рѣки и видя, что вода наступаетъ, онъ сѣлъ и сталъ пить; пьяный, не сознавая своихъ силъ, онъ рѣшилъ: «привяжу себѣ къ шеѣ большую лютню, переправлюсь черезъ рѣку и пойду (дальше)»; взялъ жену за руку и спустился въ рѣку. Въ отверстія лютни забралась вода и лютня стала затягивать его подъ воду; жена, видя, что онъ тонетъ, выпустила его, переправилась и стала на берегу. Актеръ Pāṭala то всплывалъ, то погружался; наглотался онъ воды и животъ его вздулся. Жена его подумала: «мой мужъ теперь умретъ, попрошу у него пѣсеньку, стану, распѣвая ее въ собраніяхъ, добывать себѣ хлѣбъ; такъ подумавъ, она сказала: «мужъ, ты тонешь въ водѣ, сообщи мнѣ пѣсеньку, чтобы ею я могла зарабатывать себѣ хлѣбъ», и произнесла стихъ:

«Ученаго, краснорѣчиваго Pāṭala уноситъ Ганга,
Уносимый, привѣтъ тебѣ, спой мнѣ стишокъ».

Актеръ Pāṭala сказалъ ей: «милая, какъ мнѣ дать тебѣ пѣсеньку, убиваетъ меня теперь вода, источникъ защиты для людей», съ этимъ онъ произнесъ стихъ:

«Чѣмъ окропляютъ опечаленнаго, чѣмъ окропляютъ больного,
Среди того умираю, отъ убѣжища родилась бѣда».

Bodhisatta, передавъ этотъ стихъ, сказалъ: «государь, какъ вода прибѣжище для людей, такъ и цари; когда отъ нихъ является бѣда, кто ее отвратитъ?» и прибавилъ: «государь, дѣло это тайное, но я разсказалъ его, сдѣлавъ понятнымъ для мудрецовъ, пойми, государь». «Любезный, я не понимаю подобнаго разсказа съ тайнымъ смысломъ; схвати воровъ и подай мнѣ ихъ». Тогда Bodhisatta сказалъ: «такъ пойми, государь, выслушавъ вотъ это», и разсказалъ ему другое происшествіе.

(II). «Царь, нѣкогда въ деревнѣ, у воротъ этого города Бенареса, нѣкій горшечникъ бралъ глину на горшки; такъ какъ онъ постоянно бралъ ее въ одномъ мѣстѣ, то вырылъ большую, сильно углубленную яму. Однажды, когда онъ бралъ глину, появилась въ необычное время туча и пролилась сильнымъ дождемъ; вода, разлившись, обвалила края ямы, и обваломъ ему пробило голову. Плача онъ произнесъ стихъ:

«На чемъ произрастаютъ сѣмена, на чемъ покоятся (всѣ) существа,
То мнѣ давитъ голову, отъ убѣжища родилась бѣда».

«Царь, какъ (когда) великая земля, прибѣжище для людей, пробила голову горшечнику, такъ и когда царь, подобный великой землѣ, охрана всѣхъ людей, воруетъ, кто окажетъ противодѣйствіе; сможешь ты, государь, когда такъ сдѣланъ намекъ на вора, узнать его?» «Любезный, мнѣ нѣтъ дѣла до подразумѣваемаго, схвати вора, подай мнѣ его и скажи, вотъ воръ». Юноша, щадя царя, не сказалъ ему: «ты воръ», а разсказалъ другой примѣръ.

(III). «Государь, нѣкогда въ этомъ самомъ городѣ у одного человѣка загорѣлся домъ; онъ приказалъ другому человѣку: «войдя внутрь, вытащи имущество». Когда тотъ, войдя, сталъ вытаскивать, дверь дома закрылась. Ослѣпленный дымомъ, онъ не находилъ выхода; чувствуя боль отъ обжоговъ, находясь внутри дома, онъ плача произнесъ стихъ:

«На чемъ печется пища, чѣмъ убивается холодъ,
То жжетъ мнѣ члены, отъ убѣжища родилась бѣда».

«Государь, нѣкій человѣкъ, который былъ прибѣжищемъ для людей, похитилъ ларецъ съ драгоцѣнностями, не спрашивай меня о ворѣ». «Любезный, подай мнѣ непремѣнно вора». Юноша, не сказавъ царю: «ты воръ», разсказалъ другой примѣръ.

(IV). «Царь, нѣкогда въ этомъ самомъ городѣ нѣкій человѣкъ чрезмѣрно поѣлъ и, не будучи въ состояніи переварить (съѣденнаго), обезумѣвъ отъ боли, плача произнесъ стихъ:

«Чѣмъ съѣденнымъ поддерживаются разные брахманы и кшатріи,
То съѣденное убило меня, отъ убѣжища родилась бѣда».

«Государь, нѣкто, подобно пищѣ, бывшій охраной для людей, похитилъ сокровище; разъ оно получено, зачѣмъ ты спрашиваешь о ворѣ?» «Любезный, если можешь, подай мнѣ вора». Юноша, чтобы наставить его, разсказалъ другой примѣръ.

(V). «Государь, нѣкогда въ этомъ самомъ городѣ поднялся вѣтеръ и разбилъ члены нѣкоему человѣку; онъ плача произнесъ стихъ:

«Лѣтомъ, въ послѣдній мѣсяцъ, мудрецы жаждутъ вѣтра,
А онъ разбиваетъ мнѣ члены, отъ убѣжища родилась бѣда».

«Такъ, государь, отъ убѣжища родилась бѣда, пойми этотъ случай». «Любезный, подавай мнѣ непремѣнно вора». Юноша, чтобы наставить его, разсказалъ другой примѣръ:

(VI). «Царь, въ прежнее время на склонѣ Гималая находилось большое, покрытое вѣтвями дерево, жилище многихъ тысячъ птицъ, на немъ двѣ вѣтви ударялись одна о другую; отъ этого появился дымъ и посыпались искры; видя это, старѣйшая изъ птицъ произнесла стихъ:

«То дерево, на которомъ живутъ птицы, испускаетъ огонь;
Улетайте, гуси, во всѣ страны свѣта, отъ убѣжища родилась бѣда».

«Царь, какъ дерево прибѣжище для птицъ, такъ и царь для людей; когда онъ воруетъ, кто окажетъ противодѣйствіе? Пойми, царь». «Любезный, подадавай мнѣ непремѣнно вора». Юноша тогда разсказалъ ему другой примѣръ:

(VII). «Государь, въ одной деревнѣ, въ Kāsī, за домомъ одной родовитой семьи находилась рѣка, въ которой водились свирѣпые крокодилы; въ этой семьѣ былъ одинъ сынъ и онъ, по смерти отца, заботился о матери. Мать противъ его воли женила его на дѣвушкѣ изъ родовитой семьи. Та сперва ласкала свекровь, но затѣмъ, когда у ней родилось много сыновей и дочерей, она захотѣла ее выжить; мать же ея тоже жила въ этомъ-же домѣ. Она, наговоривъ мужу на свекровь разныхъ грѣховъ, разсорила ихъ и ска-

зала: «я не могу кормить твою мать, убей ее». Когда мужъ сказалъ: «убить человѣка дѣло тяжелое, какъ я ее убью?» Сноха сказала: «когда она заснетъ, возьмемъ ее и вмѣстѣ съ постелью бросимъ въ рѣку къ крокодиламъ, крокодилы ее и умертвятъ». «А твоя мать гдѣ?» спросилъ мужъ. «Она спитъ съ нею рядомъ». «Такъ пойди, привяжи къ ея постели веревку, чтобы отмѣтить ее». Она такъ сдѣлала и сказала: «я сдѣлала отмѣтку». Онъ сказалъ: «немного потерпи, пока люди заснутъ», прилегъ, дѣлая видъ, что спитъ, затѣмъ всталъ, привязалъ веревку къ кровати жениной матери и разбудилъ жену; оба пошли, подняли вмѣстѣ кровать и бросили ее въ рѣку. Тамъ крокодилы растерзали и съѣли женщину. На слѣдующее утро жена замѣтила, что вмѣсто матери мужа они бросили (въ рѣку) ея мать [1]), и сказала: «мужъ, моя мать убита, теперь убьемъ твою». Мужъ отвѣтилъ: «ну хорошо» и прибавилъ: «сдѣлаемъ костеръ на кладбищѣ, бросимъ ее въ огонь и сожжемъ». Затѣмъ, когда она заснула, они понесли и поставили ее на кладбищѣ. Здѣсь мужъ сказалъ женѣ: «ты принесла огонь?» «Позабыла, господинъ». «Такъ пойди, принеси». «Не могу идти, и, если ты пойдешь, не могу остаться, пойдемъ вмѣстѣ». Когда они ушли, старуха, пробужденная холоднымъ вѣтромъ, понявъ, что находится на кладбищѣ, рѣшила: «они хотятъ меня умертвить, они пошли за огнемъ, не знаютъ они моихъ силъ», съ этимъ она положила (взятый съ кладбища трупъ) на кровать, покрыла его сверху платьемъ, сама убѣжала и спряталась тамъ въ пещеру. Тѣ принесли огонь, приняли трупъ за старуху, сожгли его и ушли. Въ пещерѣ одинъ воръ спряталъ узелъ съ вещами и пришелъ, думая: «возьму его»; увидалъ старуху и, рѣшивъ: «это вѣрно yakkhinī, мой узелъ во власти у нечистой силы», позвалъ заклинателя. Тотъ, повторяя заклинаніе, вошелъ въ пещеру; тогда старуха сказала ему: «я не yakkhinī, пойдемъ, воспользуемся оба этимъ добромъ». «Какъ мнѣ повѣрить тебѣ?». «Положи свой языкъ на мой». Онъ такъ и сдѣлалъ; она откусила ему языкъ и бросила его; заклинатель подумалъ: «она въ самомъ дѣлѣ yakkhinī»; обливаясь кровью, текшей изъ языка, онъ бѣжалъ съ крикомъ. Старуха на слѣдующій день одѣлась въ чистое платье, взяла узелъ съ разными драгоцѣнностями и пришла домой. Сноха, увидавъ ее, спросила: «гдѣ ты, мать, это достала?» «Милая, сжигаемые на кострахъ на этомъ кладбищѣ получаютъ подобныя вещи». «Мать, а я могу получить?» «Сдѣлай какъ я, и получишь». Сноха, изъ жадности къ украшеніямъ и драгоцѣнностямъ, не сказавъ объ этомъ мужу, сожгла себя тамъ. Не видя ея, мужъ на слѣдующій день сказалъ: «мать, въ такое (позднее) время сноха

---

1) Мы никакъ не съумѣли передать иначе завидную краткость подлинника: замѣтила подмѣненное состояніе матери.

твоя еще не вернулась». Мать сказала ему: «Злодѣй, развѣ мертвецы возвращаются», и браня его произнесла стихъ:

«Та, которую я привела веселую, вѣнками украшенную, сандаломъ натертую,
Та меня выгоняетъ изъ дому, отъ убѣжища родилась бѣда».

«Государь, какъ сноха для свекрови, такъ и царь прибѣжище для народа, когда отъ нихъ является бѣда, что̀ можно сдѣлать? Пойми, царь». «Любезный, не понимаю я случаевъ разсказанныхъ тобою, подай мнѣ вора». Юноша, подумавъ: «поберегу царя», разсказалъ другой примѣръ:

(VIII). «Государь, нѣкогда въ этомъ самомъ городѣ одинъ человѣкъ, благодаря молитвамъ, получилъ сына. Когда сынъ родился, онъ подумалъ: «получилъ я сына», и сталъ доволенъ и веселъ; онъ воспиталъ сына, и когда тотъ сталъ взрослымъ, женилъ его; затѣмъ, состарившись, онъ не могъ исполнять работы. Тогда сынъ, говоря: «ты дѣла дѣлать не можешь, убирайся отсюда», выгналъ его изъ дому. Отецъ еле-еле, съ трудомъ добывая себѣ пропитаніе, плача произнесъ стихъ:

«Тотъ кто родясь обрадовалъ меня, чьего рожденія я желалъ,
Тотъ меня выгоняетъ изъ дома, отъ убѣжища родилась бѣда».

«Государь, подобно тому, какъ престарѣлый отецъ долженъ быть охраняемъ способнымъ сыномъ, такъ и вся страна должна быть охраняема царемъ; эта же появившаяся бѣда произошла отъ царя, охраняющаго всѣ существа; по этому примѣру знай, о царь, что вотъ воръ». «Любезный, не знаю я причины или безпричинности, подай мнѣ вора, а то самъ окажешься воромъ», такъ царь нѣсколько разъ приставалъ къ юношѣ. Тогда тотъ сказалъ ему такъ: «что̀, государь, тебѣ непремѣнно хочется схватить воровъ?» «Конечно, любезный». «Такъ я тебѣ въ собраніи объявлю — вотъ воръ и вотъ воръ». «Сдѣлай такъ, любезный». Юноша, услыхавъ его слова, подумалъ: «этотъ царь не даетъ охранить себя, схвачу теперь вора»; обратившись къ собравшейся толпѣ, онъ произнесъ слѣдующіе два стиха:

«Слушайте меня, собравшіеся горожане и поселяне:
Что̀ (должно было быть) водою, то пылаетъ, откуда (должно было идти) благо, оттуда бѣда.
Царь и брахманъ-священникъ грабятъ царство.
Охраняйте себя сами, отъ убѣжища родилась бѣда».

Они, услыхавъ его слова, подумали: «этотъ царь, которому подобаетъ охрана, нынѣ на другаго взвалилъ вину: самъ, положивъ свой ларецъ въ прудъ, заставляетъ искать вора; дабы онъ отнынѣ не дѣлалъ воровского

дѣла, умертвимъ этого злого царя», съ этимъ поднявшись съ палицами, молотами и т. п. въ рукахъ, избивъ тутъ-же царя и священника, покончили съ ними. (Затѣмъ) они, помазавъ Bodhisatta, посадили его на царство.

Учитель, произнеся эту проповѣдь, сказалъ: «неудивительно, о міряниннъ, распознаваніе слѣдовъ на землѣ: мудрецы въ древности распознавали слѣды даже на воздухѣ»; такъ сказавъ и объявивъ истины, отожествилъ лица въ джātакѣ. [По окончаніи объясненія истинъ, міряниннъ и его сынъ сподобились Sotāpatti] [1]). Тогда отцомъ былъ Kassapa, а юношей-слѣдопытомъ я».

Интересныя параллели къ переведенной здѣсь джātакѣ мы находимъ 1) въ джайнскомъ сборникѣ разсказовъ Samyaktvakaumudī [2]) и 2) въ комментаріяхъ на Uttarajjhayaṇa II, 44 [3]), причемъ параллелизмъ заключается и въ основномъ мотивѣ, и въ отдѣльныхъ разсказахъ; въ связи между буддійскими и джайнскими текстами не можетъ быть сомнѣнія, хотя характеръ этой связи по недостаточности матерьяла пока опредѣлить трудно; несомнѣнно лишь, что тѣ джайнскіе тексты, которыми мы могли пользоваться, моложе палійскаго.

Въ Samyaktvakaumudī группа разсказовъ и рамка къ нимъ слѣдующія:

Во время походовъ царя Suyodhana его мѣсто заступалъ начальникъ полиціи Yamadaṇḍa, который правилъ столь мудро, что снискалъ себѣ всеобщую любовь. Царь, вернувшись изъ похода, сталъ завидовать ему и рѣшилъ его погубить. Ночью вмѣстѣ съ совѣтникомъ и домашнимъ священникомъ онъ грабитъ сокровищницу и на слѣдующій день подъ страхомъ смерти требуетъ отъ Yamadaṇḍa отысканія воровъ. Yamadaṇḍa, осматривая мѣсто взлома, находитъ башмакъ царя, печать совѣтника и брахманскій шнурокъ священника. Понявъ намѣреніе царя, онъ даетъ ему въ видѣ разсказовъ семь предостереженій въ теченіе семи льготныхъ дней, дарованныхъ ему царемъ по просьбѣ народа.

---

1) Скобки оригинала.

2) См. Weber, A. Ueber die Samyaktvakaumudī etc. S. B. B. A. 1889. XXXVIII, ср. Записки Вост. Отд., IV, 458—464 (1889); для текста мы могли пользоваться рукописью изъ собранія И. П. Минаева, которая примыкаетъ къ редакціи AB у Вебера (foll. 133, l. 9—12, Saṃvat 1629, нѣсколько разныхъ почерковъ, джайнскій devanāgarī — мы ее обозначаемъ черезъ M.; рукопись эта находится нынѣ въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Разсказы, которыхъ нѣтъ въ M. или которые отличны отъ редакціи ABM, мы передаемъ по Веберу.

3) См. Weber, стр. 30 (756) п. указаніе проф. Леймана; для упоминаемаго здѣсь текста мы могли пользоваться только калькутскимъ изданіемъ (Saṃvat 1936) и двумя рукописями изъ собранія И. П. Минаева, близко совпадающими съ калькутскимъ текстомъ: I. Saṃvat 1839, foll. 283. Съ Tāba на bhāṣā. II. Комментарій (Uttarādhyāyanasūtrārthadīpikā) Lakṣmīvallabha, foll. 470, l. 16. S. 1909. Кромѣ того мы имѣли рукопись Avacūri на Uttarajjhayana изъ того же собранія, foll. 73, l. 20—21. s. a.; она даетъ разсказъ почти-что въ видѣ конспекта, ни въ чемъ существенномъ не отличаясь отъ текста Lakṣmīvallabha.

I. На одномъ деревѣ жили фламинго; однажды у подножья дерева стала рости ліана. Старый фламинго сталъ убѣждать молодыхъ вырвать ее, потому что она можетъ стать источникомъ бѣды. Молодыя птицы его осмѣиваютъ; приходитъ охотникъ и при помощи ліаны ловитъ птицъ; птицы, попавшись, взываютъ о помощи къ старому фламинго, который совѣтуетъ имъ притвориться мертвыми[1]). Охотникъ взлѣзаетъ на дерево, считаетъ ихъ мертвыми; онъ сбрасываетъ ихъ внизъ и они улетаютъ. [В. по Веберу подробнѣе][2]).

II. Искусный горшечникъ по имени Pālhaṇa, постепенно разбогатѣвшій и щедро раздававшій милостыню, былъ однажды придавленъ землею въ ямѣ, изъ которой онъ бралъ глину. [Разсказъ въ С., въ остальныхъ только стихъ, въ М. еще упоминаніе kumbhakāra].

III. Въ странѣ Pañcāla былъ городъ Varaçakti, въ немъ жилъ царь Sudharma, преданный Джайнизму; жену его звали Jinamatī. Министромъ его былъ Jayadeva, по вѣрѣ Cārvaka; женою его была Vijayā. Однажды царь послѣ побѣдоноснаго похода [Веберъ про походъ не упоминаетъ] захотѣлъ совершить торжественный въѣздъ въ столицу, но главная улица провалилась и продолжала проваливаться въ теченіе трехъ дней, несмотря на починки; тогда Jayadeva совѣтуетъ царю окропить улицу кровью человѣка, котораго онъ самъ убьетъ; онъ говоритъ, что это kaulavāk. [Веберъ kulamatam]. Царь не соглашается, несмотря на увѣреніе народа, что грѣхъ они примутъ на себя. Тогда даютъ другой совѣтъ[3]): дѣлаютъ изъ золота фигуру человѣка и возятъ ее по городу, объявляя, что эту золотую статую и koṭi золота дадутъ матери, которая сама дастъ ядъ сыну, или отцу, который задушитъ сына. Находятся бѣдный брахманъ Varadatta и жена его Nirghṛṇā (у Вебера синонимъ Niḥkaruṇā — безжалостная), которые согласны принести въ жертву *седьмого* своего сына Indradatta. Мальчикъ смѣется, и на вопросъ царя, отчего въ такое страшное для него время онъ веселъ, отвѣчаетъ указаніемъ на странность своего

---

1) Мотивъ этотъ часто повторяется въ индійскихъ сказкахъ.

2) Уже Веберомъ было указано (l. c., стр. 18), что въ Samyaktvakaumudī много общихъ цитатъ съ Панчатантрой и Хитопадешой; считаемъ не лишнимъ привести три argumenta изъ Панчатантры, найденныя нами въ Samyaktvakaumudī:

I. Разсказъ varaṃ buddhir na sā vidyā vidyāto buddhir uttamā
buddhihīnā vinaçyanti yathā te siṃhakārakāḥ. Pañc. V. 5 (Kosegarten)
vṛddhavākyaṃ sadā kṛtyaṃ prajñaiç ca guṇaçālibhiḥ
paçya haṃsān vane baddhān vṛddhavākyena mocitān. Pañc. Benfey. II, 139—140.

III. Разсказъ bubhukṣitaḥ kiṃ na karoti pāpaṃ kṣīṇā narā niṣkāruṇā bhavanti
ākhyāhi bhadre priyadarçanasya na Gaṅgadattaḥ punar eti kūpam Pañc. IV. 1. (Kosegarten).

3) Ср. Jacobi Ausg. Erz. in Mâhârâshṭrî, стр. 51—52.

положенія. Мужествомъ мальчика и поведеніемъ царя, который не имѣлъ въ виду убить мальчика, удовлетворены божества и все кончается благополучно.

IV. Серна съ многими дѣтенышами жила мирно въ одномъ паркѣ; у царя того города, по имени Ripumardana, было много сыновей; одному изъ нихъ охотникъ принесъ однажды маленькую серну; другіе царевичи захотѣли тоже получить маленькихъ сернъ и въ паркѣ началась охота. [Разсказъ только въ В., въ остальныхъ только стихъ; изъ отрывка, сохранившагося въ М., видно еще, что серна умоляетъ о пощадѣ].

V. Въ Непалѣ, въ городѣ Pāṭalīpura жилъ царь-поэтъ Vasupāla, жену котораго звали Vasumatī. Министромъ у него былъ Bhāratībhusaṇa, любимой женой котораго была Devakīrtimanoharā. [Упоминанія жены нѣтъ у Вебера]. Однажды въ собраніи министръ сталъ порицать поэму царя; разсерженный царь приказалъ бросить его въ Гангу; онъ, находясь въ водѣ, произноситъ нѣсколько прекрасныхъ изреченій и царь возвращаетъ его.

VI. Въ странѣ Kurujāṃgala находится городъ Pāṭalīputra (Веберъ Pāṭalipura), тамъ жилъ царь Subhadra съ царицею Subhadrā. Его паркъ опустошаютъ опьяненныя пальмовымъ виномъ обезьяны. Онъ посылаетъ на охрану парка домашнихъ обезьянъ, несмотря на возраженія сторожа парка. [В. прибавляетъ, что домашнія обезьяны вмѣстѣ съ дикими опустошаютъ паркъ].

VII. Въ странѣ Avantī находится городъ Ujjayinī, тамъ жилъ богатый купецъ Subhadra. Уѣзжая, онъ однажды оставилъ двухъ своихъ женъ подъ охраною матери. Вернувшись внезапно домой, онъ застаетъ свою мать въ объятіяхъ любовника.

Царь Suyodhana не понимаетъ намековъ. Yamadaṇḍa показываетъ башмакъ, печать, шнурокъ и обнаруживаетъ воровъ; послѣ того народъ изгоняетъ ихъ и на ихъ мѣсто сажаетъ ихъ сыновей.

Какъ видно изъ этого пересказа, тема у палійскаго и джайнскаго текста общая — царь съ близкими ему людьми совершаетъ воровство и требуетъ, чтобы найдены были воры; лицо, къ которому онъ обращается, знаетъ воровъ, но, прежде чѣмъ объявить объ этомъ всенародно, старается разсказами намекнуть на то, что ему извѣстно; каждый разсказъ имѣетъ стихъ вродѣ argumentum, оканчивающійся неизмѣнно присказкою «отъ убѣжища родилась бѣда», соотвѣтствуя содержанію разсказовъ, которые касаются случаевъ, когда предметъ или человѣкъ, который долженъ былъ бы представлять убѣжище, является источникомъ бѣды. Въ томъ случаѣ, по поводу котораго сообщаются разсказы, т. е. въ ихъ рамкѣ — царь-охрана, убѣжище для своихъ подданныхъ, становится воромъ, источникомъ

бѣды; такое толкованіе, несомнѣнная правильность котораго потверждается палійской версіей, дѣлаетъ всѣ разсказы вполнѣ понятными и устраняетъ раньше высказанныя относительно нихъ Веберомъ и нами недоумѣнія[1]).

Изъ разсказовъ всего два совпадаютъ: палійскій I=джайнскому V, и пал. II = дж. II, и то въ первомъ самый разсказъ представляетъ большія отличія, и только стихи въ обоихъ, вмѣстѣ взятые, представляютъ значительное сходство:

Jātaka.	Samyaktvakaumudī.
I. yena siñcanti dukkhitaṃ yena siñcanti āturaṃ tassa majjhe marissāmi jātam saraṇato bhayaṃ	V. jeṇa bīyā parohanti jeṇa sippanti pāyavā tassa majjhe marissāmi jāyaṃ saraṇao bhayaṃ
II. yattha bījāni rūhanti sattā yattha patiṭṭhitā sā me sīsaṃ nipīḷeti jātaṃ saraṇato bhayaṃ	II. jeṇa bhikkhaṃ baliṃ demi jeṇa posemi appayaṃ teṇa me puhiyā bhaggā jāyaṃ saraṇao bhayaṃ

I. Среди того, при помощи чего произрастаютъ сѣмена, чѣмъ поливаютъ деревья,
Я умираю, отъ убѣжища родилась бѣда.

Въ переводѣ второго стиха мы позволяемъ себѣ нѣсколько разойтись съ проф. Веберомъ: appayaṃ мы считаемъ вин. ед. — себя; jeṇa мы принимаемъ не въ смыслѣ «потому что», а просто «то, чѣмъ», при помощи чего — это относится къ глинѣ, которая доставляла горшечнику средства къ жизни; сообразно этому мы переводимъ:

II. То, при помощи чего я раздаю милостыню и приношу жертву и чѣмъ себя кормлю,
То разбило мнѣ спину, отъ убѣжища родилась бѣда.

Другая группа разсказовъ, которую мы сближаемъ съ джātакой, значительно отличается по темѣ, хотя мотивъ намека—увѣщанія—лежитъ въ основѣ всѣхъ разсказовъ. Пересказъ этой версіи, къ которому мы и переходимъ, сдѣланъ нами по калькутскому изданію при помощи вышеупомянутыхъ двухъ рукописей; мы даемъ пересказъ, считая, что переводъ по *критически не установленному* тексту не имѣетъ никакихъ преимуществъ

1) Недоумѣнія Вебера происходили отъ толкованія тайнаго смысла разсказовъ: «die (т. е. разсказы) sämmtlich darauf hinausgehen, dass man durch Unvorsichtigkeit und Unklugheit, gelegentlich freilich auch ohne eigene Schuld, zu Schaden kommt», l. c. 14.

передъ пересказомъ, и лишенъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнаго его достоинства— значительно большей краткости[1]).

Въ странѣ Vatsa у послѣдователей толка Āṣāḍhabhūti существовалъ такой обычай: умирающимъ говорили[2]): «вы станете богами на небѣ, явитесь намъ тогда». Но умершіе, перенесшись на небо, не являлись болѣе, и среди послѣдователей этого толка появилось сомнѣніе въ загробной жизни. Однажды умеръ одинъ ученикъ и ему при смерти было сказано: «Ты непремѣнно долженъ явиться намъ, когда станешь богомъ на небѣ, не забудь этого». Но онъ, ставъ богомъ, увлеченный разнообразными увеселеніями и представленіями на небѣ, забылъ явиться. Напрасно прождавъ его появленія, всѣ послѣдователи этого толка укрѣпились въ своихъ сомнѣніяхъ относительно загробной жизни и разошлись, впавъ въ заблужденіе. Тѣмъ временемъ ученикъ, ставшій богомъ, побуждаемый любовью къ своему учителю, явился на землю и увидалъ, что учитель его впалъ въ заблужденіе. Чтобы наставить его, онъ устроилъ на краю одной деревни представленія; учитель его въ теченіе шести мѣсяцевъ наслаждался представленіями, не чувствуя ни голода, ни жажды; когда богъ прекратилъ представленія, учитель ушелъ. Чтобы испытать его самообузданіе, богъ послалъ шесть юношей, украшенныхъ драгоцѣнностями; первый юноша назывался *Земляной*. Когда учитель его увидалъ, онъ сказалъ ему: «мальчикъ, дай свои украшенія». Когда тотъ не захотѣлъ дать, онъ его схватилъ за горло. Испуганный мальчикъ сказалъ: «я *Земляной* (Pṛthvīkāyika) юноша, въ этомъ ужасномъ лѣсу къ вамъ прибѣгъ за помощью; не подобаетъ людямъ, подобнымъ вамъ, такъ поступать, я раскажу вамъ одинъ разсказъ, послушайте его».

I. *Земляной*. Горшечникъ, копая глину въ ямѣ, былъ придавленъ землею и сталъ жаловаться на то, что былъ пораженъ тѣмъ, что было для него источникомъ поддержки [мы не будемъ далѣе повторять этой присказки, которая уже извѣстна изъ джātаки и Samyaktvakaumudī].

Учитель, не смотря на просьбы юноши, снялъ съ него украшенія и положилъ ихъ въ чашу. [Похищеніе украшеній повторяется и при появ-

---

1) За недостаткомъ матерьяла для установленія хорошаго текста, мы должны были отказаться отъ помѣщенія всѣхъ пракритскихъ стиховъ и ограничиться только тѣми, которые составляютъ параллели палійскимъ; опустить ихъ мы не сочли возможнымъ, ввиду важности указаній на тожество отдѣльныхъ выраженій въ сравниваемыхъ текстахъ.

2) Тутъ и дальше стоитъ множественное число, которое повидимому просто pl. majest. Относительно Āṣāḍhabhūti, который въ avacūri названъ Āṣāḍhācārya см. Leumann, E. Die alten Berichte von den Schismen der Jaina. I. St. XVII, 109—112 (Drittes Schisma). Въ Karpūraprakarāvacūri (Ms. Минаева) есть разсказъ про Āṣāḍhabhūti. Въ брахманской литературѣ имя Āṣāḍhabhūti извѣстно намъ изъ Pañcat. I. 4, гдѣ такъ названъ ловкій воръ обокравшій монаха.

леніи остальныхъ юношей, и потому безъ повторенія этой подробности дадимъ прямо подрядъ пересказъ остальныхъ разсказовъ].

II. *Водяной* (Āpkayika) юноша разсказалъ: Нѣкій актеръ по имени Pāṭala прогуливаясь вошелъ въ Гангу; когда теченіе стало уносить его, нѣкто стоявшій на берегу сказалъ: «О мудрый Pāṭala, произнеси какое нибудь прекрасное изреченіе», Pāṭala произнесъ стихъ, въ которомъ оплакивалъ свое положеніе. [Стихи разсказовъ, которые составляютъ параллели къ разсказамъ въ джāтакѣ, мы даемъ ниже съ переводомъ].

III. *Огненный* (Agnikāyika) юноша разсказалъ: У одного отшельника сгорѣлъ шалашъ, онъ произнесъ стихъ, описывая свое положеніе.

IV. 2-й разсказъ *огненнаго* юноши: Нѣкій путникъ въ пути, изъ боязни тигровъ, прибѣгъ къ помощи огня и, получивъ обжоги, онъ произнесъ стихъ.

V. *Вѣтряный* юноша (Vāyukumāra): Былъ нѣкій толстый юноша, котораго однажды искалѣчилъ вѣтеръ (можетъ быть, тутъ надо видѣть игру словъ и vāyu понимать какъ болѣзнь?); видя, что онъ идетъ по улицѣ, опираясь на посохъ, кто-то спросилъ его: «какъ ты, такой крѣпкій, сталъ такимъ?» онъ отвѣтилъ стихомъ.

VI. *Лѣсной* (Vanaspatikāyika) юноша разсказалъ: На одномъ деревѣ жили птицы, у которыхъ было много дѣтенышей; отъ корней дерева стала рости ліана и, обвивая дерево, добралась до верхушки; однажды по ліанѣ взобралась змѣя и съѣла дѣтенышей; птицы жалуясь произнесли стихъ.

VII.[1]) *Движущійся* (Trasakāyika) юноша сказалъ: Въ одномъ городѣ входившихъ въ него чандаловъ стали изгонять изъ боязни оскверненія; люди терпимые (madhyastha), выражая неудовольствіе, произнесли стихъ.

VIII. 2-ой разсказъ того же юноши: Въ одномъ городѣ царь и его домашній священникъ были воры, народъ, видя ихъ беззаконія, сталъ произносить соотвѣтствующій стихъ.

IX. 3-й разсказъ того же юноши: Въ одной деревнѣ у одного брахмана была прекрасная дочь; онъ распалился къ ней страстью, но стыдясь никому не говорилъ про это; жена замѣтила его несчастный видъ и узнавъ, въ чемъ дѣло, взялась помочь. Она сказала дочери, что у нихъ обычай прежде, чѣмъ выдавать дочь замужъ, отдавать ее yakṣa и предупредила ее, что въ четырнадцатый день между полнолуніемъ и новолуніемъ къ ней ночью явится yakṣa и велѣла ей не зажигать огня. Въ назначенный день отецъ ночью подъ видомъ yakṣa явился къ дочери и имѣлъ съ нею сношенія; когда онъ утомленный заснулъ, она взяла свѣтильню, чтобы посмотрѣть на yakṣa, и

---

1) Нѣтъ въ Avacūri.

узнала отца. Она сказала: «чему быть, тому не миновать», и опять отдалась ему. Мать ея, видя на утро, что они долго не просыпаются, изливается въ жалобахъ; дочь проснувшись говоритъ ей, что она сама виновата, пусть ищетъ себѣ другаго мужа. Мать опять (въ стихахъ же) жалуется на то, что собственная-же ея дочь лишила ее мужа.

X.[1]) 4-й разсказъ того же юноши: Въ нѣкой деревнѣ брахманъ устроилъ прудъ для жертвоприношеній и при немъ рощу и тутъ приносилъ жертвы; переродясь, онъ сталъ козломъ въ той-же деревнѣ; гуляя онъ пришелъ къ пруду и озеру и вспомнилъ прежнее перерожденіе. Однажды сынъ его, принося жертву, взялъ этого козла (не зная, что это его отецъ) и повелъ его въ рощу; ведомый туда козелъ заблеялъ; это услыхалъ одинъ отшельникъ и обратился къ нему съ рѣчью, напоминая ему, какъ имъ былъ устроенъ прудъ и посажена роща. Козелъ замолчалъ. Его сынъ спросилъ отшельника, что̀ это значитъ, и тотъ объяснилъ ему, что это его отецъ, который именно за то, что приносилъ жертвы, попалъ въ такое перерожденіе; къ этому отшельникъ прибавилъ, что козелъ можетъ указать ногою сокровище, скрытое во дворѣ дома въ землѣ. Такъ было сдѣлано, и затѣмъ отецъ и сынъ перенеслись въ міръ боговъ. [Смыслъ тотъ, что жертвенная роща около пруда, которую брахманъ посадилъ, думая стяжать себѣ этимъ награду, стала для него источникомъ бѣды, такъ какъ въ ней онъ чуть не былъ принесенъ въ жертву, возродившись за свои жертвы подъ видомъ козла].

Такимъ образомъ учитель не послушался предостереженій шести юношей, ограбилъ ихъ и пошелъ дальше. Чтобы испытать его благочестіе, богъ послалъ ему на встрѣчу женщину, но учитель прогналъ ее; уходя, она произнесла предостереженіе, но онъ не обратилъ на это вниманія. Тогда, идя дальше, учитель встрѣтилъ царя, который велѣлъ ему протянуть чашу, желая наполнить ее сладостями. Боясь показать царю находившіяся въ чашѣ похищенныя драгоцѣнности, онъ отвѣтилъ, что въ этотъ день не будетъ принимать пищи. Тогда царь силою вытащилъ у него чашу и обнаружилъ драгоцѣнности. Царь сказалъ: «какъ, значитъ ты, безчестный, убилъ моихъ сыновей?» Испуганный учитель молчалъ.

Тутъ богъ обнаружилъ, что все это было волшебствомъ, устроеннымъ для вразумленія учителя.

Имѣя подъ рукою только весьма новый текстъ Lakṣmīvallabha и чрезвычайно сокращенный текстъ въ Avacūri, мы не можемъ пока конечно войти въ разсмотрѣніе отношеній нашего текста и къ джāтакѣ и къ Samyaktvakaumudī, и потому ограничимся указаніемъ на параллели и замѣчаніемъ, что

1) Нѣтъ въ Avacūri.

по нашему мнѣнію текстъ нашъ, по всей вѣроятности, представляетъ лишь незначительную передѣлку стараго текста. Параллели къ джātакѣ представляютъ разсказы: I = Jāt. II; II = Jāt. I; III, IV въ связи съ Jāt. III; V = Jāt. V; VI въ связи съ Jāt. VI (ср. ст. въ VIII в.) VIII = рамкѣ джātаки. Къ Samyaktvakaumudī: I = S. II; II въ связи съ S. V; VI = S. I; VIII = рамкѣ Samyaktvakaumudī.

Jātaka.	Uttarādhyāyanasūtrārthadīpikā.
I. yena siñcanti dukkhitaṃ yena siñcanti āturaṃ tassa majjhe marissāmi jātaṃ saraṇato bhayaṃ	II. jeṇa rohaṃti bīyāṇi jeṇa jīvaṃti kāchavā tassā majjhe marissāmi jāyaṃ saraṇao bhayaṃ
II. yattha bījāni rūhanti sattā yattha patiṭṭhitā sā me sīsaṃ nipīḷeti jātaṃ saraṇato bhayaṃ	I. jeṇa bhikkhaṃ baliṃ demi jeṇa posemi nāyao sā me mahī akkamai jāyaṃ saraṇao bhayaṃ
III. yena bhattāni paccanti sītaṃ yena vihaññati so maṃ ḍahati gattāni jātaṃ saraṇato bhayaṃ	III. jaṃ ahaṃ divāya rāoya tappemi mahusappiṇā teṇa me uḍao daḍḍho jāyaṃ saraṇao bhayaṃ IV. mae vagghassa bhīeṇaṃ pāvao saraṇīkao teṇa daḍḍhaṃ mamaṃ aṅgaṃ jāyaṃ saraṇao bhayaṃ
V. gimhānaṃ pacchime māse vātam icchanti paṇḍitā so me bhañjati gattāni jātaṃ saraṇato bhayaṃ	V. jeṭṭhāsāḍhesu māsesu jo suho hoi māruo teṇa me bhajjae aṅgaṃ jāyaṃ saraṇao bhayaṃ
VI. yaṃ nissitā jagatiruhaṃ so'yaṃ aggiṃ pamuñcati disā bhajatha vakkaṅgā jātaṃ saraṇato bhayaṃ	VI. jāva vucchaṃ suhaṃ vucchaṃ pāyave nirupaddave mūlāo uṭṭhiyā vallī jāyaṃ saraṇao bhayaṃ
стр. 513, v. 60. Rājā vilumpate raṭṭhaṃ brāhmaṇo ca purohito attaguttā viharatha jātaṃ saraṇato bhayaṃ	VIII. jattha rāyā sayaṃ coro bhaṇḍio ya purohio disaṃ bhayaha nāgaragā jāyaṃ saraṇao bhayaṃ

Присоединяемъ переводъ стиховъ джайнскаго текста:

II. Благодаря чему растутъ сѣмена, чѣмъ живутъ черепахи,
Среди того (собств. той, т. е. воды) умираю, отъ убѣжища и т. д.
I. Благодаря чему я раздаю милостыню и приношу жертвы, чѣмъ кормлю родныхъ,
Та земля давитъ меня, отъ и т. д.
III. То, что я питаю днемъ и ночью медомъ и масломъ,
То сожгло мнѣ шалашъ, отъ и т. д.
IV. Изъ страха передъ тигромъ я прибѣгъ къ огню,
А онъ сжегъ мнѣ тѣло, отъ и т. д.
V. Тотъ вѣтеръ, который пріятенъ въ мѣсяцы Jeṭṭha и Āsāḍha,
Онъ перебилъ мнѣ члены, отъ и т. д.
VI. Пока мы жили на безопасномъ деревѣ, мы жили счастливо,
Отъ корня выросла ліана, отъ и т. д.
VIII. Тамъ, гдѣ царь самъ воръ и священникъ воръ,
Разбѣгайтесь, горожане, отъ убѣжища родилась бѣда.

V.

Библіографическій списокъ.

Считаемъ полезнымъ дать списокъ работъ относительно джāтакъ: не вошли сюда преднамѣренно сочиненія по буддизму вообще, въ которыхъ обыкновенно говорится и о джāтакахъ, но лишь въ самой общей формѣ, нѣкоторыя археологическія сочиненія, гдѣ есть отдѣльныя изображенія джāтакъ, но нѣтъ особаго имъ посвященнаго отдѣла, и цейлонскія и бирманскія изданія текстовъ, которыя занимающемуся въ Петербургѣ почти совсѣмъ недоступны. Нѣкоторая неполнота получалась также отъ отсутствія въ Петербургскихъ библіотекахъ полнаго экземпляра Journal'a Ceylon Branch; считаемъ впрочемъ нужнымъ прибавить, что нашъ опытъ съ этимъ изданіемъ въ библіотекахъ British Museum и India Office заставляетъ насъ сомнѣваться въ существованіи полнаго его экземпляра въ европейскихъ библіотекахъ; было бы весьма желательно чтобы Ceylon Branch Азіатскаго общества дало хорошее библіографическое описаніе этого чрезвычайно важнаго для занятій буддизмомъ изданія.

Beal, S. The Romantic Legend of Sâkya Buddha: from the Chinese-Sanscrit. London. 1875.

Bendall, C. Catalogue of the Buddhist Sanscrit Manuscripts in the University Library, Cambridge. Cambridge 1883. Свѣдѣнія о сборникахъ, списки джāтакъ; см. особенно указатель.

Bigandet, P. The life or legend of Gaudama the Buddha of the Burmese. London 1880. 3 Ed. (Trüb. Or. Ser.), vol. II. 153—176: An Abstract of a few small Dzats, and of the principal ones called Nemi and Dzanecka.

Buddhavaṃsa, ed. R. Morris. p. I. London 1882. (P. T. S.).

Cariyā-piṭaka, ed. R. Morris. p. I. London 1882. (P. T. S.).

Id. Gogerly, D. J. Budhism: Chariya pitaka. J. Ceyl. Br. 1853, стр. 1—11. Тутъ помѣщенъ переводъ первыхъ десяти разсказовъ.

Chalmers, R. The lineage of the proud king [Illīsa jātaka № 78]. J. R. A. S. 1892. 39—51.

* Colombo Bishop of. J. Ceyl. B. 1884.

Id. Nakkhattajātaka [№ 49]. Orientalist II. 83—84.

Id. Translation of the jātakas [91—95]. Ib. II. 121—128.

Id. Kapotajātaka [№ 42]. Ib. II. 158—159.

Id. Dummedhajātaka [№ 50]. Ib. II. 192—193.

Cunningham, Sir A. The stûpa of Bharhut. London 1879. E. Sculptured scenes. I. Jātakas, or previous births of Buddha, стр. 48—82. pll.

Çūra-ārya. The Jātaka-mālā or Bodhisattvāvadānamālā. Ed. by H. Kern 1891. (Harvard Oriental Series I.).

Dhammapadam. Ex tribus codicibus Hauniensibus palice edidit, latine vertit, excerptis ex commentario palico notisque illustravit V. Fausböll. Hauniae 1855. Въ комментаріи много джātакъ.

Id. Buddhaghosha's parables: translated from Burmese by Captain T. Rogers. With an introduction etc. by F. Max Müller. London 1870. Переводы изъ комментарія на Dhammapada, полный палійскій текстъ котораго приготовляется къ печати г. Венцелемъ для Pāli Text Society.

Dsanglun. Der Weise und der Thor. Aus dem Tibetischen übersetzt und mit dem Originaltext herausgegeben von I. J. Schmidt. St. Petersburg 1843.

Fausböll, V. Five Játakas. Copenhagen 1861.

Id. Two Játakas. J. R. A. S. u. s. V. 1—13. (1870).

Id. The Dasaratha-jātaka, being the buddhist story of king Rāma. Kopenhagen 1871.

Id. Ten Játakas. Copenhagen 1872.

Id. Nogle Bemærkninger om enkelte vanskelige Pāli-Ord i Jātaka-Bogen. Overs. over d. K. D. Vidensk. Selsk. Forh. 1888. 7—58.

Feer, L. Les Jâtakas. J. A. 7. V. 357—434. 7. VI. 243—306. (1875).

Id. Maitrakanyaka-Mittavindaka, la piété filiale J. A. 7. XI. 360—443.

Id. Le livre des Cent légendes. Paris 1881. Extr. du J. A., стр. 327—364 (Les avadâna-jâtakas).

Id. Le commentaire de l'Upâlisuttam. J. A. 8. XI. 112—154 (j. 423 и 522) 1888.

Id. Avadâna-Çataka. Cent légendes (Bouddhiques) traduites du Sanskrit. Paris 1891. (Ann. du Musée Guimet XVIII). Passim.

* Francis, H. T. The Vedabbha jâtaka [№ 48] translated and compared with the «Pardoners Tale». London 1884. ср. Academy 22 Dec. 1883. Перепеч. Or. II. 50—53.

Hultzsch, E. Ueber eine Sammlung indischer Hss. und Inschriften. ZDMG. 40. 1—80. (1886). (Bharhut-Inschriften — тутъ поправки и дополненія къ изданію Кённингэма).

Jātakatthavaṇṇanā. The Jātaka together with its Commentary, being tales of the anterior births of Gautama Buddha. For the first time edited in the original Pāli by V. Fausböll and translated by T. W. Rhys Davids. voll. 1—5. London 1877—1891.

* Kern, H. Bijdrage tot de verklaring van eenige worden in Pali-geschriften voorkomende. Amst. 1886. Letterk. Verh. Kon. Akad. Deel XVII. p. 1—80.

Id. Der buddhistische Dichter Çûra. Festgruss an Otto von Böhtlingk. Stuttgart 1888, стр. 50—51.

Kshemendra Avadána Kalpalatá a collection of legendary stories about the Boddhisattvas with its Tibetan version now first edited by Sarat Chandra Dás and paṇḍit Hari Mohan Vidyá-bhúshaṇa. Bibl. Ind. Calcutta. vol. I, fasc, I—III. v. II, fasc. I. 1888—1890.

Leumann, E. Die Legende von Citta und Sambhūta [Jāt. № 498]. W. Z. K. M. V. 111—146. VI. 1—46 (1891—92).

Mahāvastu. Le Texte Sanscrit publ. par E. Senart. vol. I—II. Paris 1882—1890. Во введеніяхъ пересказъ текста.

Минаевъ, И. Новые факты относительно связи древней Индіи съ западомъ. Ж. М. Н. Пр. 1870. № 8. 225—239. Ср. Buddhistische Fragmente. Mél. As. VI. 577—599.

Id. Нѣсколько разсказовъ изъ перерожденій Будды. Ж. М. Н. Пр. 1871. XI. 87—133.

Id. Нѣсколько словъ о буддійскихъ жатакахъ. Ib. 1872. II. 185—224.

Id. Индѣйскія сказки. Ib. 1874. XI. 68—104. 1876. II. 368—403. IV. 314—340. V. 69—97.

Id. [77 Jātaka въ книгѣ А. Н. Веселовскаго. Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши. С.-Петербургъ, 1879, стр. 28—34].

Id. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ джатакъ Палійскаго канона. (Посмертное изданіе). Живая Старина 1891. Вып. III. 161—164. Вып. IV. 118—121.

Morris, R. The book of Birth stories. Contemp. Rev. May 1881. 728—749.

Id. Jâtaka Stories. The Myth of the Sirens. Academy 1881. Aug. 27. Перепечатано въ Ind. Ant. 1881, стр. 292—293.

Id. Folk Tales of India, translated from the Pâli Jâtaka or Book of Birth Stories ed. by prof. Fausböll, of Copenhagen. Folk Lore Journal II. 304—310. 332—340. 370—377. III. 56—79. 121—133. 242—256. 328—366. IV. 45—63. 168—182.

Id. Notes and Queries. Journ. Pāli Text Soc. 1884—1889. Преимущественно замѣтки грамматическаго и лексическаго характера.

Müller, E. A simplified grammar of the Pali language. L. 1884, стр. 128—132 (Valāhassajātaka).

Nell, L. The Apaṇṇaka jātaka [№ 1]. Or. I. 156—63.

* Nevill Hugh. Notes on the Dasarathajātaka. The Taprobanian II. 4. 101—102 (1887).

Ольденбургъ, С. Буддійская параллель къ Джайнской легендѣ о гибели Dvāravatī. Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. VI. (335—336).

Panebokke, T. B. The reward of covetousness. [Vedabbhajātaka № 48]. Orientalist I. 165—166. (1884).

Id. Translations of the Jātakas Ekanipāta. Āsiṃsavagga. Or. I. 267—271 [Jāt. № 51]. Or. II. 37—39 [Jāt. №№ 52—54]. Ib. 172—173 [Jāt. № 55]. Or. III. 103—104 [Jāt. № 56].

Pischel, R. Kalilag und Dimnag. Ausland 1876, стр. 756—758. [Jāt. №№ 32. 38].

Râjendralâla Mitra. The Sanskrit Buddhist literature of Nepal. Calcutta 1882.

Rhys-Davids, T. W. Buddhist Birth Stories, or jātaka tales. Translation. vol. I. London 1880 (Trübn. Or. Series). [Nidāna-Kathā и джātаки 1—40].

Rouse, W. H. D. Index to the Jātaka. Journ. Pāli Text Soc. 1890, стр. 1—19.

Id. A jātaka in Pausanias. Folk-Lore I. 409. (1890).

Schiefner, A. Tibetan tales derived from indian sources. Translated from the Tibetan of the Kah-gyur. Done into English from the German, with an introduction by W. R. S. Ralston. London 1882. (Tr. Or. Ser.). Нѣмецкій оригиналъ Mélanges Asiatiques, т.т. VII, VIII.

St. Andrew St. John Rev. F. A. Chattapáni (from the Burmese). The feud between the owls and the crows. Trübn. Or. Rec. 3. I. 72—73.

Id. Buddhist játaka. Láludáyijátaka. Ib. 3. I. 175—176. (Изъ Mahājanaka).

Id. Buddhist játakas from the Burmese. Mahá Kappiṇṇa. Ib. 3. II. 35—36.

Id. Bhūridattajātaka-vatthu. J. R. A. S. n. s. 1892, стр. 77—139. (Ср. Id. Bhuridatta. Folk-lore II. 90—98 (1891).

* Id. Mahājanakajātaka. trsl. Ind. Magazine 1887.

Steele, Th. An eastern love story. Kusa Jatakaya. London 1871.

Tawney, C. H. Indian folk-lore notes from the páli játakas and the Kathá-Sarit-Ságara. Journ. of Phil. XII. 112—126 (1883).

Id. The buddhist original of Chaucers PardonersTale. Ib. XII. 203—208.

Id. Mahākāpijātaka [отожествленіе одного Бхархутскаго рельефа — таб. XXX, 4 — съ джātакой № 407]. Proc. As. Soc. Beng. 1891. 120—122.

Thiessen, J. H. Die Legende von Kisâgotamî. Eine literarhistorische Untersuchung. Breslau. 1880.

Upham, E. The Mahávansi, the Rájá-Ratnácari, and the Rájá-vali etc. London 1833. vol. III. 266—313. (Particulars referring to the five hundred and fifty tales, forming the celebrated Budhist book, termed the Pansiyas Panas Jutaka, or incarnations of the Budhu Guadma: with translations of several of the stories).

Id. The history and doctrine of Budhism etc. London 1829, стр. 25—40: The transmigration of souls, and the Jutakas of the Budha. (3 джātаки Bambadat-rajah, Useeratanam-rajah, Wessantara-rajah съ 5 таблицами иллюстрацій).

* Warren, S. J. Two bas-reliefs of the Stupa of Bharhut.

Васильевъ, В. Замѣтки по Буддизму, V и VI. Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. 62, стр. 25—37. (1890).

Weber, A. Ueber das Makasa jâtakam [№ 44]. Mon. Ber. Berl. Ak. 15 Apr. 1858, стр. 265—270. ср. Ind. Stud. IV. 387—389. Ind. Str. I. 228—232.

Id. Ueber das Râmâyaṇa. Berlin 1871. (Abh. B. A. 1870).

Wenzel, H. A Jātaka tale from the Tibetan. J. R. A. S. n. s. XX. 503—511. Corr. Ib. XXI, стр. 179.

Westergaard, N. L. Codices Indici Bibliothecae Regiae Havniensis. Havniae 1846, стр. 36—42. (Játakassa Atthavaṇṇaná).

* Wikremasinghe (N. D. M. de Zilva). List of the Pansiyapanas-jataka. J. C. B. X. № 35. (for 1887).

Zachariae, Th. Die Sechzehnte Erzählung der Vetâlapañcaviṃçati. Bezz. Beitr. IV. 360—383.

Zoysa, L. de. Notes on certain Jatakas relative to the sculptures recently discovered in northern India. J. Ceyl. Br. X. 175—218. № 35. (1887). Colombo 1889.[1]).

1) Знакомъ * мы означаемъ статьи, которыхъ сами не видали.

С. Ольденбургъ.

СПБ. Октябрь 1892.

О китайскомъ переводѣ буддійскаго сборника Jātakamālā.

Китайскій переводъ этого сборника подъ заглавіемъ 菩薩本生鬘論 «*Пу-са-бэнь-шэнь-мань-лунь*» находится въ 136-омъ томѣ собранія буддійскихъ книгъ (Сань-цзанъ)[1]). Заключаетъ въ себѣ 16 главъ (цзюань). Собственно джāтаки (всего 14) находятся въ первыхъ четырехъ главахъ, а остальныя 12 главъ заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, богословскій комментарій (лунь?) на джāтаки, подраздѣленный на части (съ 11-й по 34-ую, по числу джāтакъ). Текстъ его очень теменъ и труденъ, вѣроятнѣе всего вслѣдствіе плохаго перевода на китайскій языкъ, такъ какъ комментарій несомнѣнно индійскаго происхожденія. Авторомъ и джāтакъ и комментарія названъ здѣсь Āryaçūra (Шэнъ-юнъ-пу-са 聖勇菩薩) съ др., переводчиками — Шао-дэ, Хуй-сюнь и др. 紹德慧詢等, жившіе при Сунской династіи (960/1279). Извѣстный каталогъ буддійскихъ книгъ «Юэ-цзанъ-чжи-цзинь» 閱藏知津 называетъ Āryaçūra авторомъ только джāтаки, а составленіе комментарія (въ 34 §§) приписываетъ нѣкимъ Цзи-бянь и Шэнъ-тянь (Āryadeva?) и др. 寂變聖天[2]). То же самое, вѣроятно, разумѣлъ и авторъ другаго каталога «Чжи-юань-фа-бао-кань-тунъ-цзунъ-лу» 至元法寶勘同總錄[3]), говоря (цз. 9,

1) По каталогу Университетской библіотеки Xyl. 431, у Bunyiu-Nanjio (A Catalogue of the buddhist Tripiṭaka) № 1312.

2) Bunyiu-Nanjio, кажется, ошибочно принимаетъ эти 4 іероглифа за имя одного лица.

3) № 1612 у B.-N., ниже сокращенно обозначенъ Кань-лу, помѣщенъ въ 47-омъ томѣ Сань-цзана вмѣстѣ съ другимъ каталогомъ «Да-цзанъ-шэнъ-цзяо-фа-бао-бяо-му» 大藏聖教法寶標目 (№ 1611 у B.-N., ниже сокращенно: Бяо-му).

л. 16*), что это произведеніе составили Шэнъ-юнъ (Āryaçūra), Цзи-бянь, Шэнъ-тянь и др., а перевели Сунскій шраманъ Шао-дэ и др. По этому каталогу нѣтъ соотвѣтствующаго этому произведенію тибетскаго текста. Дѣйствительно, нѣтъ тибетскаго текста, соотвѣтствующаго китайскому, но сочиненіе Āryaçūra (34 джāтаки) существуетъ на тибетскомъ языкѣ. Именно, оно помѣщено въ началѣ сборника изъ 101 джāтаки སྟོན་པ་ཐམས་ཅད་མཁྱེན་པའི་སྐྱེས་རབས་སྟེང་ [1]), выдѣлено въ особое сочиненіе и авторомъ его названъ одинъ དཔའ་བོ་, т. е., Çūra [2]). Эти 34 джāтаки сходятся съ санскритскими. Всѣмъ 101 джāтакѣ ведется счетъ по десяткамъ, начиная съ первой, причемъ по окончаніи каждаго десятка приводятся краткія заглавія составляющихъ его джāтакъ. Нѣкоторыя изъ джāтакъ китайскаго сборника оказались сходными съ нѣкоторыми джāтаками, приведенными въ двухъ переводахъ извѣстнаго Damamūka: тибетскомъ འཛངས་བླུན་ [3]) и китайскомъ «Сянь-юй-инь-юань-цзинъ» 賢愚因緣經 [4]). Далѣе соотвѣтствующія нѣкоторымъ джāтакамъ нашлись и въ сочиненіи «Чжуань-цзи-бо-юань-цзинъ» 撰集百緣經 [5]), какъ и въ видѣ отдѣльныхъ произведеній въ Сань-цзанѣ. Всѣ онѣ были мною сличены и варіанты приведены въ примѣчаніяхъ.

Въ санскритскомъ оригиналѣ Jātakamālā мы находимъ 34 джāтаки, въ китайскомъ же переводѣ только 14 разсказовъ, да и то не всѣ носятъ характеръ джāтакъ, въ иныхъ видимъ только разсказъ изъ настоящей жизни, очевидно предшествующій какой-то недостающей джāтакѣ. Какъ объяснить это? Сличая другія сочиненія, имѣющіяся на китайскомъ, санскритскомъ и палійскомъ языкахъ (напр. Saddharmapuṇḍarīka, Milindapañha, Vinaya и др.), мы видимъ, что китайскіе переводчики дозволяли себѣ болѣе или менѣе сокращать текстъ, выпуская мелкія подробности, сокращая стихи, но все главное и существенное они передавали буквально и точно. То же самое мы видимъ и въ сутрахъ, имѣющихся на китайскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ разновременныхъ переводахъ. Поэтому, кажется, мы смѣло можемъ предпо-

---

1) Xyl. Q. 221 по Каталогу Универс. Библіотеки, ср. Schiefner. A. Mél. As. I, 408.

2) M. A. I. Перевели индѣйскій ученый Vidyākarasiṃha и пандитъ и переводчикъ отдѣла великой корректуры Mañjuçrī; 3004 шлока, 12 отдѣленій བམ་ པོ་

3) Обозначенъ нами Цзл.; текстъ и переводъ подъ названіемъ «Der Weise und der Thor» изданы Шмидтомъ въ 1843 г.

4) Обозначенъ нами Сюцз. № 1322 у B.-N. Онъ полнѣе тибетскаго; въ немъ 69 главъ вмѣсто 51 (52) главъ тибетскаго текста. Заглавія лишнихъ главъ приведены въ концѣ статьи. Затѣмъ, такъ какъ порядокъ обоихъ сочиненій иной, то тамъ же приведено и сличеніе главъ того и другаго.

5) Въ 138-омъ томѣ Сань-цзана, это Pūrṇamukha-avadānaçataka, № 1324 у B.-N.

ложить, что санскритскій текстъ Jātakamālā не былъ ко времени перевода окончательно установленъ и въ разныхъ мѣстностяхъ былъ различенъ. Тѣмъ болѣе вѣроятнымъ является такое предположеніе, что въ виду того уваженія, съ которымъ относились и относятся къ своему Писанію буддисты Индіи и Китая, одинаково трудно допустить, чтобы или санскритскій текстъ попалъ въ руки переводчиковъ въ испорченномъ и неполномъ видѣ, или китайскіе переводчики переводили небрежно и отрывками, такъ что не успѣли окончить перевода вполнѣ.

§ 1. Пожертвовавши собой, онъ накормилъ тигрицу.

Будда съ большою толпою идетъ въ Pāncala. Войдя въ какой-то лѣсъ, онъ приказываетъ Ānanda устроить для него сѣдалище. Сѣвши, спрашиваетъ у всѣхъ монаховъ, не хотятъ ли они увидѣть его останки (шэ-ли çarīra) отъ одного подвижничества въ древнѣйшее время. Всѣ говорятъ, что хотятъ. Будда рукой трогаетъ землю. Послѣдняя колеблется (6-ю родами движеній). Является ступа изъ 7 драгоцѣнностей. Въ ней ящикъ изъ 7 драгоцѣнностей. По предложенію Будды Ānanda открываетъ послѣдній. Тамъ çarīra, бѣлые какъ агатъ или снѣгъ. Будда, сказавши, что это кости «великаго мужа» (да-ши — Bodhisattva), произноситъ небольшую гату[1]), велитъ ученикамъ почтить останки (çarīra) и разсказываетъ:

«Безконечно давно былъ царь по имени «Большая телѣга» (Да-гюй-ванъ ཤིང་རྟ་ཆེན་པོ་[2]) Mahāratha). У него было три сына: Mahābala (Мо-хэ-бо-ло སྟོབས་ཆེན་པོ་), Mahādeva (Мо-хэ-ти-по ལྷ་ཆེན་པོ་) и Mahāsattva (Мо-хэ-са-до སེམས་ཅན་ཆེན་པོ་). На прогулкѣ всѣ трое въ бамбуковомъ лѣсу увидали тигрицу, 7 дней тому назадъ родившую 7 дѣтенышей. Старшій царевичъ сказалъ: Семь дѣтенышей окружаютъ ее, не давая времени искать пищи; угнетаемая голодомъ и жаждой, она непремѣнно съѣстъ ихъ (своихъ дѣтенышей). Второй царевичъ, услышавши это, сказалъ: Увы! эта тигрица въ непродолжительномъ времени умретъ, какъ я могу спасти ея жизнь? Младшій царевичъ подумалъ: Это мое тѣло въ сотняхъ и тысячахъ перерожденій попусту бросалось и разрушалось и никогда не было ни малѣйшей пользы (отъ него). Почему сегодня я не могу пожертвовать имъ?..... Должно заставить это мое тѣло сдѣлать великое, хорошее дѣло, въ морѣ рожденій и смерти сдѣлаться великой лодкой...... поэтому теперь я долженъ пожертвовать (имъ) для того, чтобы снискать высочайшую, истинную нирвану. Вслѣдъ за тѣмъ царевичъ Mahāsattva (веля братьямъ идти впе-

---

1) 4 полустиха: Bodhisattva, упражняясь въ 6 парамитахъ, мужественно добивается bodhi, (причемъ въ немъ) чувство великаго самопожертвованія не ослабѣваетъ.

2) Вставляемъ тибетскія имена по Цзанъ-луну.

реди, а онъ догонитъ ихъ) вошелъ въ бамбуковый лѣсъ, снялъ платье и легъ передъ тигрицей. Та его не тронула. Съ возвышенія онъ бросился на землю и, подумавши, что тигрица отъ слабости не можетъ его съѣсть, сухимъ бамбукомъ проткнулъ себѣ шею и выпустилъ кровь. Землетрясеніе. Мракъ, какъ бы затмѣніе. Дождь цвѣтовъ. Хвала небожителей. Тигрица вылизала кровь и съѣла все мясо, оставивши кости. Братья, долго ожидая, заскучали, вернулись на то мѣсто, гдѣ была тигрица, упали на кости брата и только долго спустя очнулись и съ плачемъ удалились. Царица (мать) видитъ вѣщій сонъ (обѣ груди отрѣзаны, зубы упали на землю; явились три голубя-птенца, одинъ схваченъ соколомъ). Идетъ къ царю и говоритъ, что потеряла любимаго младшаго сына. Царь огорченъ, но успокоиваетъ ее и собирается со свитой искать сына.... Являются двое вельможъ и разсказываютъ о самопожертвованіи царевича. Царь и царица являются на мѣсто самопожертвованія бод'исатвы. Ихъ скорбь. Останки бод'исатвы кладутъ въ драгоцѣнную ступу».

Будда объясняетъ Ānanda, что это и есть его останки, Mahāsattva и есть онъ, Будда, его отецъ (Mahāratha) — царь Çuddhodana, царица — Māyā, старшій сынъ — Maitreya (Ми-лэ བྱམས་པ་), второй сынъ — Mañjuçrī (Вэнь-шу, но тиб. བཤེས་སྙེན་ Vasumitra?), тигрица — тетка Будды, 7 тигрятъ — Великій Maudgalyāyana, Çāriputra и 5 главныхъ bhikṣu.

Всеобщее ликованіе. Драгоцѣнная ступа опять вдругъ исчезла.

§ 2. Царь Çibi спасаетъ жизнь голубя.

Будда сказалъ всѣмъ bhikṣu:

«Нѣкогда въ Jambudvīpa былъ великій царь по имени Çibi. Столичный городъ назывался Ти-по-ди. Царь очень богатъ, масса вассаловъ, женъ, дѣтей и чиновниковъ. Самъ царь отличался всѣми душевными качествами, на подданныхъ смотрѣлъ какъ на своихъ маленькихъ дѣтей. Çakradevendra (Ди-ши-тянь-чжу) съ 33-го неба намѣревается удалиться, такъ какъ ученіе буддъ въ мірѣ исчезло и великіе бод'исатвы не являются. Его приближенный вельможа Пи-шоу-тянь-цзы указываетъ на царя Çibi и проситъ испытать его. Çakradevendra велитъ Пи-шоу обратиться въ голубя, а самъ обращается въ сокола, при чемъ (для успокоенія Пи-шоу) произноситъ гату въ 4 полустиха:

У меня собственно нѣтъ дурнаго намѣренія:
Какъ огнемъ испытываютъ настоящее золото,
Этимъ я испытаю бод'исатву,
Узнаю, настоящій онъ или нѣтъ.

Голубь залетѣлъ подъ мышку царя. Соколъ говоритъ царю, что голубь его пища, онъ голоденъ и требуетъ его возвращенія. Царь возражаетъ, что онъ поклялся спасать всѣхъ. Соколъ заявляетъ, что иначе онъ, соколъ погибнетъ съ голоду. Царь рѣшается выкупить жизнь голубя собственнымъ мясомъ. Соколъ хочетъ по вѣсу. Отрѣзалъ мясо отъ обоихъ лядвій, — мало; мяса съ рукъ и реберъ также недостаточно. Царь ослабѣваетъ, но, очнувшись, весь ложится на чашку вѣсовъ. Землетрясеніе. Радость небожителей. Çakradevendra принимаетъ свой настоящій видъ, спрашиваетъ царя объ его желаніи (не хочетъ ли быть Чакравартиномъ, Индрой, Брахмой и т. п.). Царь заявляетъ, что онъ ищетъ пути будды. Çakradevendra опять спрашиваетъ, не раскаивается ли, видя тѣло столь израненнымъ? Царь отвѣчаетъ, что нисколько, и для доказательства, по его желанію, тѣло принимаетъ прежній видъ. Радость».

Царь Çibi — будда Çакьямуни. Радость всего собранія[1]).

§ 3. Bodhisattva совершаетъ обходъ.

Будда находился въ Māgadha въ чистомъ жилищѣ, что̀ въ бамбуковомъ лѣсу. Съ Ānanda идетъ онъ въ городъ просить милостыню. Увидѣлъ двухъ слѣпыхъ, старика и старуху. Страшно бѣдны. Единственный семилѣтній сынъ кормилъ ихъ собраннымъ подаяніемъ: все хорошее отдавалъ родителямъ, все худое ѣлъ самъ. По возвращеніи Ānanda попросилъ Будду объяснить, какъ это случилось? Будда говоритъ, что въ мірѣ и въ монашествѣ сыновняя почтительность самое первое, что онъ Будда нѣкогда для спасенія жизни родителей отрѣзалъ свое мясо и за это былъ небеснымъ владыкой (Индрой), царемъ людей (Чакравартиномъ) и даже сдѣлался буддой. Ānanda проситъ разсказать. Будда разсказываетъ:

«Нѣкогда въ Jambudvīpa было большое царство Daçaçīla (Дэ-ча-ши-ло). Царь назывался Deva (Ти-по, монг. Тэнгри). У него было 10 царевичей. Каждый владѣлъ царствомъ. Младшій назывался Шань-чжу («Хорошо живущій»). Царство его наслаждалось спокойствіемъ. Напалъ сосѣдній злой царь Лохоу (Rāhu). Силы царя Шань-чжу были слабѣе. Онъ бѣжалъ въ царство своего отца съ женой и сыномъ, по имени Шань-шэнъ («Хорошо рожденный»), въ томъ возрастѣ, когда носятъ пучекъ волосъ и мѣняются молочные зубы[2]). Одна дорога въ 7 дней, другая въ 14 дней. Съ провіантомъ на 7 дней заблудился. Провіантъ весь вышелъ. Съ голода

1) Далѣе слѣдуетъ заключеніе. Это съ небольшими измѣненіями тѣ слова Брахмы, которыя находятся въ тибет. Цзанъ-лунѣ (нѣм. перев., стр. 120) и которыя представляютъ его обращеніе къ Буддѣ и съ самой джātакой не связаны. Не есть ли это признакъ того, что разсказъ прямо выхваченъ откуда-либо?

2) 7—8 лѣтъ.

и для спасенія сына царь рѣшилъ убить жену. Для этого велѣлъ ей, ведя сына за руку, идти впереди, а самъ съ ножемъ пошелъ сзади. Мальчикъ, оглянувшись, увидѣлъ, какъ отецъ поднялъ ножъ. Сталъ просить пощадить жизнь матери и отрѣзать его мясо. Чтобы мясо не испортилось, совѣтуетъ отрѣзать постепенно. Родители не рѣшились сами рѣзать. Мальчикъ отрѣзалъ самъ. Черезъ нѣсколько дней съѣли все мясо. Едва нашлось немного между костей. Захвативши его, родители обласкали мальчика и бросили его. Землетрясеніе. Появленіе Çakradevendra въ видѣ тигра для испытанія твердости мальчика. Тотъ не испугался и радовался, что даже и его кости пригодятся. Çakradevendra принимаетъ настоящій видъ. Мальчикъ высказываетъ твердое намѣреніе искать высочайшаго пути будды. Тѣло приняло прежній видъ».

Будда сказалъ Ānanda: Древній царь — это царь Çuddhodana, его жена — Māyā (Мо-ѣ), царевичъ Шань-шэнъ — это я, Будда.

§ 4. Чудесныя превращенія.

Это XIII-ая глава тибетскаго Цзанъ-луна о состязаніи Будды съ шестью учителями-тиртиками, только этотъ китайскій текстъ гораздо сокращеннѣе. Въ началѣ онъ ближе, только почти всѣ разговоры выпущены и переданы сокращенно въ нѣсколькихъ словахъ. Начиная съ царства Kauçambi только перечислены имена царствъ. За то въ послѣднемъ царствѣ Çrāvastī (Шэ-вэй-го Njandujodpa) Будда въ китайскомъ текстѣ не повторяетъ царю Prasenajit (Шэнъ-цзюнь Ssaldschal) стереотипной фразы тибетскаго текста: «Я самъ узнаю время», а говоритъ слѣдующее: «Великій царь, это имѣетъ не малое основаніе, теперь дѣйствительно настало время (сдѣлать), какъ они (тиртики) просятъ». Описаніе чудесъ, совершенныхъ Буддой ежедневно въ теченіи 8 дней, одинаково[1]), только немного сокращеннѣе. Въ 8-ой день погибаютъ учителя-тиртики[2]). Далѣе нѣтъ описанія приглашеній въ слѣдующіе дни (всѣ цари по очереди уже угостили?), и прямо царь Bimbisāra (Пинъ-ша-ванъ) проситъ Будду объяснить причину, почему 6 учителей-тиртиковъ, хотя и встрѣтились съ нимъ, Буддой, но не получили спасенія. Будда разсказываетъ помѣщенную въ Цзанъ-лунѣ (стр. 91—97) джātаку, только съ пропускомъ большинства подробностей. Сокращенія лучше всего видны изъ содержанія разсказа:

«Нѣкогда въ Jambudvīpa былъ царь Шэ-гоу-ли (Mahāṣakuli). Бездѣтенъ. Является Индра въ видѣ врача. Варитъ травы на молокѣ.

---

1) Такая разница, какъ напр. въ 1-ый день дерево не въ 500 миль, а 300 yojana высоты и вѣтви покрывали пространство въ 200 yojana, конечно, не существенна.

2) Сказано глухо; выходитъ по тексту всѣ, а не нѣкоторые, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Старшая жена брезгаетъ и не пьетъ. Пьютъ побочныя жены[1]). Заберемѣнѣли. Главная жена раскаивается и пьетъ отваръ на молокѣ подонковъ. У другихъ рождаются красавцы[2]), у нея уродъ. По сходству его назвали Kuça (株 杌 «Обрубокъ дерева»). Однако онъ своею храбростью заслужилъ любовь отца. Послѣдній ищетъ ему невѣсту. Въ далекомъ царствѣ у царя Ли-шэ-ба-цо (Licchavi) есть красавица дочь. За нее сражаются 6 сосѣднихъ царей. Kuça всѣхъ разбиваетъ и ихъ головы приноситъ царю Ли-шэ-ба-цо. Получаетъ дочь. Ворочается домой. Молодая жена постоянно пугается безобразія мужа. Kuça въ лѣсу хочетъ покончить съ собой. Çakradevendra даетъ ему драгоцѣнный камень и велитъ тайно помѣстить на макушкѣ. Дѣлается красивымъ. Жена сначала не узнаетъ. Разсказываетъ все дѣло. Имя перемѣнено въ Сюй-то-ло-шэ».

Царь Шэ-гоу-ли — царь Çuddhodana, главная жена — Māyā, Kuça — Будда, его красивая жена — Яса (жена Çакьямуни), 6 царей — Pūrṇa и другіе тиртики.

Примѣчаніе. На этомъ и кончается. Значитъ выпущены два другіе разсказа и вообще все помѣщенное въ Цзанъ-лунѣ на стр. 83—90 и 97—100.

§ 5. Tathāgata (т. е. Буддѣ) не повредилъ ядъ.

Будда остановился въ городѣ Rājagṛha. Царь Ajātaçatru (А-шэ-ши) содержалъ его, и все населеніе оказывало почтеніе. Будда проповѣдывалъ объ оставленіи 10 дурныхъ дѣлъ. Всѣ раскаялись и упражнялись въ 10 добрыхъ дѣлахъ. Въ это время былъ sthavira по имени Шэнь-жи 申 日, страшный богачъ, давній послѣдователь еретиковъ. Послѣдніе, боясь, что вслѣдствіе массы послѣдователей Будды, уменьшится ихъ милостыня, убѣдили sthavira испытать всевѣдѣніе Будды (соб. Шрамана): для этого прикинуться послѣдователемъ Будды и пригласить его на обѣдъ, у воротъ дома устроить замаскированный (желѣзными перекладинами и землей) ровъ съ огнемъ и въ пищу положить ядъ. Sthavira приготовилъ все это, хотя его умный и прямой 16-тилѣтній сынъ, по имени Юэ-гуанъ («Свѣтъ луны») убѣждалъ его, что Будда всевѣдущъ, а еретики глупы и имъ нельзя вѣрить. Будда, сопровождаемый четырьмя mahārāja, Çakradevendra, Брахмой, девами, драконами, демонами и духами со всѣми bhikṣu, явился съ чашами. Свѣтомъ цвѣта золота освѣтилъ весь домъ, самъ полный величія; всѣ больные получили исцѣленіе, слѣпые зрѣніе, глухіе слухъ, отравленные исцѣленіе, сумасшедшіе образумились и т. д. Ровъ обращенъ въ большой

1) Числа 500 нѣтъ.

2) Про нихъ дальше не говорится ни слова.

прудъ съ тысячелистнымъ лотосомъ, по которому Будда съ учениками и перешелъ. Sthavira раскаялся и хотѣлъ приготовить отличный обѣдъ, но Будда велѣлъ подать отравленную пищу, произнесъ проповѣдь о томъ, что въ мірѣ существуютъ только три яда, именно алчность, гнѣвъ и невѣжество, но что онъ давно избавился отъ этого и ядъ величиною съ Sumeru не повредитъ ему, какъ и огненный ровъ, величиною съ океанъ. Затѣмъ велѣлъ ѣсть и никто не получилъ вреда. Еретики незамѣтно скрылись. Будда произнесъ проповѣдь о четырехъ истинахъ. Sthavira увѣровалъ, поклонился и отошелъ.

§ 6. Царь зайцевъ, пожертвовавши собой, поднесъ пищу брахману (фань-чжи).

Bodhisattva нѣкогда сдѣлался царемъ зайцевъ. Вслѣдствіе предыдущихъ перерожденій онъ, хотя и родился зайцемъ, но могъ говорить, былъ честенъ и прямодушенъ, никогда не лгалъ, отличался умомъ и сострадательностію и никогда не имѣлъ желанія вредить и убивать. Онъ первенствовалъ среди безчисленнаго множества зайцевъ и преподавалъ имъ ученіе. Его поученіе: «ихъ теперешнее состояніе есть послѣдствіе предыдущихъ перерожденій. 4 источника: жадность, гнѣвъ, невѣжество и лѣнь; иные, вслѣдствіе жадности совершая 10 дурныхъ дѣлъ, перерождаются въ прета (ихъ мученія); другіе вслѣдствіе гнѣва перерождаются животными; иные вслѣдствіе невѣжества перерождаются въ аду (мученія въ аду); другіе вслѣдствіе лѣности перерождаются среди асура (описаніе ихъ состоянія). Такимъ образомъ и они мучатся, переродившись зайцами. Надо упражняться въ 10 добрыхъ дѣлахъ».

Разъ его проповѣдь услышалъ жившій въ лѣсу брахманъ (фань-чжи) изъ касты брахмановъ (по-ло-мынь). Былъ пораженъ глубиною и превосходствомъ его ученія, пришелъ къ нему и просилъ подробно преподать ему ученіе, такъ какъ онъ раньше упражнялся въ брахманскомъ (по-ло-мынь) ученіи, но это было ему такъ же безполезно, какъ если бы кто-нибудь сверлилъ ледъ для полученія воды. Разговоръ между зайцемъ и брахманомъ. Брахманъ увлеченъ, но хочетъ удалиться, такъ какъ пробылъ безъ пищи 10 дней и боится, что повредитъ жизни и тѣмъ уничтожитъ прежніе подвиги. Заяцъ тронутъ, оставляетъ его переночевать и проситъ принять утромъ его приношеніе. Брахманъ думаетъ, что онъ нашелъ павшаго оленя или убитаго звѣря. Царь зайцевъ въ виду ухода брахмана всю ночь преподавалъ ученіе (о непрочности жизни и о воздаяніи) зайцамъ, подъ утро велѣлъ имъ собрать сухихъ дровъ какъ можно болѣе. Утромъ костеръ зажгли, и царь зайцевъ, сказавши брахману, что онъ приноситъ все, что можетъ при своей бѣдности, бросился въ костеръ. Скорбь брахмана. Послѣдній совершилъ

поклоненіе передъ трупомъ зайца и, обнимая его, бросился въ костеръ. Появленіе Çakradevendra[1]). Будда[2]) сказалъ всѣмъ bhikṣu: «Древній отшельникъ Ми-лэ (Maitreya), царь зайцевъ — я, Будда».

§ 7. Царь драконовъ съ милосерднымъ сердцемъ уничтожаетъ вражду.

Bodhisattva нѣкогда вслѣдствіе гнѣва упалъ въ (область) драконовъ, имѣлъ три яда[3]), но въ силу воздаянія за другія хорошія дѣла тѣло его имѣло цвѣтъ, подобный семи драгоцѣнностямъ и не уступавшій свѣту солнца и луны. Окруженный множествомъ драконовъ, онъ весело и въ танцахъ съ драконами-дѣвицами жилъ въ уединенномъ мѣстѣ горы Пи-то, оставаясь въ этомъ положеніи безчисленное множество лѣтъ. Въ это время прилетѣлъ царь Garuḍa (Цзинь-чи-няо), желая схватить и съѣсть всѣхъ драконовъ. Во время его приближенія свистѣлъ вѣтеръ, крыльями онъ разрушалъ горы, обращалъ камни въ песокъ, и источники всѣхъ рѣкъ высыхали. Всѣ драконы и драконы-дѣвицы страшно испугались. Всѣ гирлянды, украшавшія ихъ тѣла, упали на землю. Царь драконовъ, уповая на силу своей постоянной добродѣтельной жизни, велитъ имъ слѣдовать за собою, а самъ является къ Garuḍa и обращается къ нему съ рѣчью, суть которой: «ты постоянно питалъ ко мнѣ вражду, а я никогда; вслѣдствіе прежнихъ дурныхъ дѣлъ навлекъ на себя это огромное тѣло; хотя я и имѣю три яда, но никогда не имѣлъ вражды къ другимъ; я могу и сопротивляться, могу и улетѣть отъ тебя, но на меня уповаютъ всѣ драконы... воздаяніе за малѣйшее злое дѣло слѣдуетъ подобно тѣни за тѣломъ... вспомни, что Tathāgata говорилъ, что не враждою въ сердцѣ можно разрѣшить узы вражды, а только милосердіемъ и терпѣніемъ»... У Garuḍa отъ этихъ словъ прекратилось чувство вражды и родились добрыя чувства; онъ сознался, что царь драконовъ силою милосердія и терпѣнія утишилъ его гнѣвъ подобно тому, какъ потокъ тушитъ пламя. Царь драконовъ напомнилъ ему, что они оба нѣкогда получили предписанія обѣтовъ у Будды, но вслѣдствіе нечистоты сердца не удержали ихъ и, ища славы, почувствовали ненависть другъ къ другу и попали въ дурныя перерожденія..., и потому увѣщевалъ его (Garuḍa) упражняться въ брахманскихъ поступкахъ. Garuḍa, сказавши, что съ сегодняшняго дня онъ даруетъ спокойствіе драконамъ, улетѣлъ домой изъ ихъ дворца. Царь драконовъ успокоилъ послѣднихъ и спросилъ, видали ли они, какъ испугался Garuḍa. Всѣ сказали, что онъ очень испугался. Тогда царь драконовъ сказалъ, что мірскіе люди, увидѣвши драконовъ, также сильно пугаются, а драконы, жалѣя жизнь, ничѣмъ не отличаются

1) Онъ изъ различныхъ драгоцѣнностей воздвигаетъ *цзай-ду-бо*.

2) Въ началѣ про него ни слова не говорится.

3) Дыханія, зрѣнія и осязанія.

отъ живыхъ существъ, и произнесъ проповѣдь о томъ, что милосердіе единственное средство противостоять враждѣ, причемъ чувство великаго милосердія подобно прекрасному лекарству можетъ исцѣлить тяжкія болѣзни волненій (moha фань-нао) живыхъ существъ, подобно ясному свѣтильнику можетъ разрушить мракъ трехъ ядовъ живыхъ существъ, подобно лодкѣ можетъ переправить живыя существа черезъ три моря мученій, подобно товарищу можетъ проводить живыя существа черезъ дурныя перерожденія трудности рожденія и смерти и, подобно драгоцѣнности maṇi (мо-ни), можетъ удовлетворить всѣ ихъ желанія.

Отъ этой проповѣди уничтожился гнѣвъ у всѣхъ драконовъ и явилось чувство милосердія.

Далѣе царь драконовъ произнесъ проповѣдь о свойствахъ (гунъ-дэ) человѣка, принявшаго 8 обѣтовъ, подробно, по просьбѣ драконовъ, указавши эти 8 обѣтовъ. Для упражненія въ нихъ онъ посовѣтовалъ отправиться въ уединенное мѣсто. (Драконы возражали, что они боятся и на короткое время отдѣлиться отъ царя и что ученіе Будды вездѣ приложимо). Избравши такое уединенное мѣсто, они занялись сподвижничествомъ. Отъ продолжительнаго поста въ теченіе многихъ дней царь драконовъ совершенно отощалъ. Его увидѣли дурные люди. Они страшно испугались, но потомъ, прельстившись роскошной кожей, рѣшились снять ее и представить царю, въ надеждѣ получить за нее хорошее вознагражденіе. Желая довести сподвижничество до конца, царь драконовъ, не смотря на страшную боль, не мѣшалъ имъ дѣлать это. Они острыми ножами сняли шкуру и ушли. За свое терпѣніе царь драконовъ пожелалъ въ будущемъ времени неизмѣримымъ богатствомъ ученія выполнить всѣ желанія этихъ людей. Съ ободраннаго тѣла его сплошь пошла кровь, привлекшая массу червей. Имъ онъ пожелалъ въ будущемъ дать пищу ученія. Всѣ драконы съ глубокимъ сожалѣніемъ смотрѣли на мученія своего царя. Тогда послѣдній въ знакъ того, что онъ впослѣдствіи сдѣлается Буддой, выразилъ желаніе, чтобы его кожа явилась въ прежнемъ видѣ. Исполнилось. Всѣ драконы очень обрадовались.

Заключеніе: такъ-то Bodhisattva среди дурныхъ перерожденій силою милосердія и терпѣнія твердо соблюдалъ обѣты.

§ 8. Царь Maitrībala (Цзы-ли «Сила милосердія») прокалываетъ тѣло и кровь отдаетъ пяти якшасамъ (ѣ-ча).

Будда находился въ Çrāvastī въ Jetavana и проводилъ періодъ лѣтованія. Ānanda въ полдень, по окончаніи раздачи пищи, взялъ чашу и со всѣми bhikṣu пошелъ въ лѣсъ. Тамъ сообща стали разсуждать, отчего Ājñātakauṇḍinya (Цзяо-чэнь-жу) и др., въ самомъ началѣ встрѣтившись

съ Буддой и выслушавши ученіе о четырехъ истинахъ въ саду Lumbinī (Лу-ѣ-юань), напередъ получили прозрѣніе и пр. За разъясненіемъ обращаются къ Буддѣ. Тотъ сказалъ, что онъ нѣкогда, проколовши свое тѣло, кровью спасъ ихъ жизнь, уничтожилъ въ нихъ (ощущеніе) голода и жажды и далъ имъ возможность получить спокойствіе. Затѣмъ по просьбѣ Ānanda разсказалъ:

«Нѣкогда въ Jambudvīpa былъ царь по имени Maitrībala. [Описаніе обширности его владѣній и его достоинствъ, благодаря которымъ подданные упражнялись въ десяти добрыхъ дѣлахъ и демоны ничѣмъ не могли вредить... Дальше разница отъ санскритскаго, именно не говорится объ изгнаніи якшасовъ и ихъ встрѣчѣ съ пастухомъ, а прямо] пять якшасовъ приходятъ къ царю и говорятъ, что вслѣдствіе его добродѣтелей имъ нѣтъ пищи. Царь, услышавши это, рѣшилъ, что онъ долженъ спасти ихъ. Въ пяти мѣстахъ прокололъ свое тѣло, пять якшасовъ подставили сосуды, собрали кровь и напились досыта. Тогда царь сказалъ, что онъ кровью своею спасъ ихъ жизнь, за это ничего не желаетъ, только бы они упражнялись въ десяти добродѣтеляхъ, и желаетъ, въ будущемъ, сдѣлавшись Буддой, въ самомъ началѣ преподаванія ученія прежде всего спасти ихъ»... Обращеніе къ Ānanda, 5 якшасовъ — Ājñātakauṇḍinya и др. Всѣ bhikṣu обрадовались и ушли.

§ 9. Указаніе послѣдствій небольшаго подаянія.

Будда находился въ Rājagṛha, въ Anāthapiṇḍikārāma, что̀ въ Jetavana, съ 1250 главныхъ bhikṣu. Въ это время одинъ купецъ (шанъ-чжу) съ 500 человѣкъ хотѣлъ плыть на большомъ суднѣ въ океанъ собирать драгоцѣнности. Питая вѣру, купецъ захотѣлъ угостить Будду и общину и тѣмъ испросить счастіе и покровительство. Будда согласился. На другой день утромъ послѣдовало роскошное угощеніе. По окончаніи его Будда произнесъ проповѣдь въ похвалу подаянія.

Для благополучнаго возвращенія изъ моря, гдѣ много опасностей, онъ посовѣтовалъ купцу принять пять обѣтовъ и сдѣлаться upāsaka. Купецъ постоянно отличался добродѣтелями и умомъ, былъ опытенъ въ знаніи погоды, и всѣ упросили его быть руководителемъ. Выбравши счастливый день, отправились въ океанъ. Черезъ нѣсколько дней плаванія поднялись повсюду пѣнистыя волны. Явился морской духъ въ видѣ якшаса, отвратительнаго вида, чернаго цвѣта, съ торчащими изо рта зубами съ огнемъ. Онъ схватилъ судно и спросилъ купца, видалъ ли онъ въ мірѣ кого-нибудь страшнѣе его? Купецъ [1]) молитвой къ тремъ драгоцѣнностямъ уничтожилъ

1) Онъ вездѣ ниже называется 賢者 «сянь-чжэ — мудрецъ».

въ себѣ страхъ и громкимъ голосомъ сказалъ, что онъ видѣлъ самыхъ дурныхъ, въ нѣсколько разъ превосходящихъ его, именно глупыхъ людей въ мірѣ, которые постоянно поступаютъ не хорошо, совершаютъ десять дурныхъ дѣлъ, погрязаютъ въ ложныхъ взглядахъ и падаютъ въ адъ, гдѣ страшно мучаются ракшасами (перечислены мученія), и эти мученія страшнѣе его духа. Духъ молча удалился. Черезъ нѣсколько дней онъ опять явился въ видѣ чрезмѣрно тощаго человѣка, у котораго кожа и кости соприкасались, и спросилъ, видалъ ли купецъ въ мірѣ одинаково тощаго человѣка? Купецъ отвѣчалъ, что видалъ гораздо болѣе тощихъ людей: глупцы вслѣдствіе жадности, зависти и незнанія подаянія падаютъ въ (область) прета (э-гуй), у которыхъ голова съ большую голову, а горло съ иголку, видъ обожженочерный и въ теченіи длинной калпы они не слышатъ имени питья и пищи. Духъ пустилъ лодку и скрылся.

Черезъ нѣсколько дней этотъ морской духъ опять явился въ видѣ молодаго и очень красиваго человѣка. На его вопросъ — видалъ ли купецъ подобнаго молодаго и красиваго человѣка? — купецъ отвѣчаетъ, что есть въ безчисленное число разъ превосходящіе его, именно мудрые люди, которые совершаютъ десять добрыхъ дѣлъ; въ тѣлѣ, словахъ, мысляхъ и дѣлахъ постоянно соблюдаютъ чистоту, вѣрятъ въ три драгоцѣнности, своевременно приносятъ имъ жертву и за это по смерти перерождаются на небѣ, гдѣ такъ красивы, что нѣтъ имъ въ мірѣ подобныхъ; наружность же его (духа) въ отношеніи ихъ такова, какъ наружность слѣпой обезьяны въ сравненіи съ apsaras'ами 仙 女. Духъ моря молча устыдился и, признавши про себя мудрость, понятливость и діалектическія способности купца, рѣшилъ спросить его о чемъ-нибудь самомъ обыкновенномъ 近 事. Правой рукой зачерпнулъ горсть воды и спросилъ, что больше: вода въ горсти или вода въ морѣ? Купецъ отвѣчалъ, что вода въ горсти больше и, на возраженіе духа, что его словамъ трудно повѣрить, пояснилъ, что, хотя воды въ морѣ и много, но оно исчезнетъ со всѣмъ міромъ въ концѣ калпы, а если какой-нибудь человѣкъ съ чистой вѣрой поднесетъ горсть воды Буддѣ, или дастъ живому существу [1]), или поднесетъ родителямъ, или просящему милостыню, или даже птицѣ или звѣрю, то заслуга отъ этого малаго добраго дѣла не можетъ уничтожиться въ теченіи безчисленныхъ калпъ.

Морской духъ обрадовался, подарилъ купцу (сянь-чжэ) всякаго рода замѣчательныя драгоцѣнности и вручилъ другія драгоцѣнности для отдачи

---

1) 衆 生, однако въ тиб. (Цзл., нѣм. перев. 37) dem geistlichen Verein, что заставляетъ предположить, что шэнъ 生 жив. существо стоитъ вмѣсто сэнъ 僧 монахъ. Описка по звуку вполнѣ вѣроятна, да и ниже упоминаются птицы и звѣри.

Буддѣ и общинѣ. Купцы по возвращеніи домой поднесли Буддѣ драгоцѣнности, довѣренныя духомъ моря и подносимыя отъ нихъ, изъявили желаніе сдѣлаться учениками въ благодарность за помощь и, по уничтоженіи всѣхъ связей, достигли состоянія архатовъ.

§ 10. Tathāgata обладаетъ всезнаніемъ и не завидуетъ чужому добру.

Сначала (3 стр.) описаніе чуда, совершеннаго Буддой во время хожденія съ проповѣдью: хожденіе по воздуху, на подошвахъ колесо съ 1000 спицъ, между каждой по 84000 ненюфаровъ съ 84000 листьевъ на каждомъ, на каждомъ листѣ будды и т. д. Радость и удивленіе Çuddhodana и всего собранія. Разъясненіе Буддой счастія того, кто удостоится видѣть это; обращеніе къ Ānanda и указаніе, какъ ученики должны вести себя послѣ нирваны Будды.

Будда спустился и сѣлъ на свое мѣсто. На вопросъ Çuddhodana, какимъ способомъ 利 事 Будда можетъ заставить живыхъ существъ получить спокойствіе, уединеніе и довольство, Будда разсказалъ слѣдующее:

«Въ городѣ Çrāvastī у sthavira Сюй-да была старуха по имени Пи-ди-ло, усердно занимавшаяся хозяйствомъ, все ей было довѣрено. Однажды sthavira пригласилъ Будду и bhikṣu на обѣдъ. Были больные bhikṣu, для нихъ много требовалось. Старуха пожалѣла и разсердилась на «попрошаекъ» 乞 士, причемъ прибавила: «когда же можно будетъ не слышать имени Будды, имени закона и не видѣть людей съ бритыми головами и съ замараннымъ платьемъ»? Эти слова ея разнеслись по городу и дошли до царицы Мо-ли, которая очень огорчилась. Призвала къ себѣ жену Сюй-да посовѣтоваться. Та успокоила ее, говоря, что Буддѣ, побѣдителю Мары, не можетъ доставить заботы старуха. Царица рѣшила, что на слѣдующій день она пригласитъ Будду, а жена Сюй-да пришлетъ старуху. Сюй-да прислалъ послѣднюю съ драгоцѣнной вазой, наполненной различными драгоцѣнностями, для помощи въ устроеніи угощенія. Будда вошелъ главными воротами, Nanda (Нань-то) слѣва, Ānanda справа, Rāhula и др. слѣдовали сзади. Увидя Будду, старуха испугалась и хотѣла удалиться черезъ собачью дыру, закрыла лицо вѣеромъ, но Будда стоялъ передъ ней какъ въ зеркалѣ, она вертѣлась во всѣ стороны, но вездѣ и даже сверху и снизу видѣла Будду; закрыла лицо руками, но и между пальцами были «волшебные будды» (хуа-фо). Закрывала и открывала она глаза, но во всѣхъ десяти странахъ были «волшебные будды». При видѣ этого чуда обратились 25 дѣвицъ caṇḍāla и 50 дѣвицъ еретическихъ брахмановъ и 500 дѣвицъ другихъ кастъ. Будда велѣлъ имъ въ искупленіе грѣховъ 80 koṭi калпъ и для проявленія чувства (букв. сердца) anuttarasamyaksambodhi произносить его имя, именно: «поклоненіе Буддѣ Çакіямуни» (Нань-у Ши-цзя-моу-ни-фо, дважды).

Старуха убѣжала домой, сказала хозяину 大家, что шраманъ Gautama великій волшебникъ, и спряталась въ деревянный ящикъ, покрывши его сверху большимъ количествомъ бычачьихъ шкуръ. На просьбу царицы обратить старуху, Будда самъ отказывается, а посылаетъ Rāhula[1]). Послѣдній обращается въ Cakravartin'a, 1200 bhikṣu обращаются въ 1000 сыновей, 7 драгоцѣнностей и 4 войска. На драгоцѣнной колесницѣ съ золотыми колесами онъ является по воздуху въ домъ Сюй-да. Охранявшій его якшасъ громко закричалъ: «Святой царь явился въ міръ изгнать дурныхъ людей и распространить превосходное ученіе». Услыша это, старуха обрадовалась, что явился Cakravartin и она получитъ cintāmaṇi. Cakravartin приблизился на драгоцѣнныхъ носилкахъ при звонѣ колоколовъ и барабанномъ боѣ. Старуха высунула голову изъ сундука, радуясь, что теперь не будетъ вводима въ заблужденіе шраманомъ. Cakravartin послалъ къ ней казначея (бао-цзанъ-чэнь), который объявилъ старухѣ, что Cakravartin хочетъ сдѣлать ее супругой (юй 玉-нюй-бао). Старуха отказывается въ виду своего низменнаго положенія. Царь обращается къ Сюй-да со словами, что его старуха (лао-нюй) обладаетъ всѣми признаками и онъ хочетъ ее сдѣлать женой, и получаетъ согласіе послѣдняго. Старуха до безумія обрадовалась. Cakravartin освѣтилъ ее драгоцѣнностями, и она стала красавицей. Мысленно опять упрекнувши шрамановъ въ гордости и самохвальствѣ и восхищаясь милостію святаго царя, помолодѣвшая старуха пала на землю передъ Cakravartin'омъ. Казначей передалъ ей наставленіе царя исполнять десять добрыхъ дѣлъ. Затѣмъ Rāhula принялъ свой настоящій видъ. Старуха, увидя великое собраніе, все поняла, со скорбью заплакала, признала чистоту и милосердіе ученія Будды и просила преподать ей 5 обѣтовъ. Rāhula разсказалъ ей ученіе о трехъ прибѣжищахъ и пяти обѣтахъ. Она достигла положенія çrotāpanna. Затѣмъ Rāhula явился съ ней въ Jetavana, она поклонилась Буддѣ, изъявила раскаяніе и желаніе прибѣгнуть къ ученію Будды и принять монашество. Будда велѣлъ ей явиться къ Гяо-дань-ми (Gautamī) и упражняться не лѣнясь (чтобы не испортиться подобно тому, какъ хорошій бѣлый войлокъ легко можетъ запачкаться). Въ надлежащее время она получила путь архата».

§ 11. Будда возливаетъ воду на голову больнаго bhikṣu, и тотъ получаетъ исцѣленіе.

Будда находился въ Rājagṛha, въ чистомъ жилищѣ, что̀ въ бамбуковомъ лѣсу. Одинъ bhikṣu страдалъ дурными нарывами, изъ которыхъ

---

1) Въ виду того, что ея грѣховный корень глубокъ, къ нему она не имѣетъ расположенія 緣, а съ Rāhula прежде она была дружна.

истекалъ гной съ кровью. Никто не могъ смотрѣть на него и его помѣстили вдали. Будда узналъ это. Сдѣлалъ невидимою свою свиту и какъ бы одинъ подошелъ къ bhikṣu. Обласкалъ и обмылъ его. Çakradevendra и всѣ deva-kumāra изъ зала засѣданія вызваны сюда чудесной силой. Будда вытянулъ руку и изъ кончиковъ пяти пальцевъ выпустилъ сильный свѣтъ, который собралъ всѣхъ дева. Свѣтомъ изъ макушки онъ освѣтилъ больнаго bhikṣu, и всѣ язвы его исцѣлѣли. Правой рукой возлилъ воду на голову bhikṣu, а лѣвой гладилъ его тѣло, и всѣ шрамы заровнялись. Больной чрезмѣрно обрадовался, выразилъ почтеніе Буддѣ[1]) и просилъ дать ему лекарство вѣры (закона) для исцѣленія болѣзни его сердца. Будда сказалъ, что онъ сдѣлалъ ему это въ вознагражденіе за оказанную нѣкогда милость, раскрылъ ученіе о четырехъ истинахъ, и тотъ достигъ пути архата. Затѣмъ для разъясненія сомнѣній Çakradevendra и др. разсказалъ слѣдующее:

«Нѣкогда было селеніе (владѣніе 聚 落), называвшееся «Прибавленіе обширности» (цзэнъ-гуанъ). Страна отличалась богатствомъ. Одного старика назначили рѣшать дѣла. Вскорѣ одинъ старый upāsaka дурнымъ человѣкомъ былъ втянутъ въ дѣло и долженъ былъ быть посаженъ въ тюрьму. Однако старикъ разобралъ дѣло и освободилъ его».

Разбиравшій дѣло — больной bhikṣu, upāsaka — Будда («въ этомъ случаѣ мое тѣло»). Далѣе[2]): Такимъ образомъ Bodhisattva въ теченіи безчисленныхъ вѣковъ за малыя милости оказывалъ великія воздаянія и, сдѣлавшись Буддой, никогда не забудетъ ихъ. Çakradevendra и пр. обрадовались, поклонились и ушли.

§ 12. Заслуги (= дѣйствіе) молитвы къ тремъ драгоцѣнностямъ.

Нѣкогда Tathāgata, явившись въ мірѣ, своему отцу и всему великому собранію преподавалъ «врата ученія Samādhi созерцанія Будды» (гуань-фо-сань-мэй-фа-мынь). Tathāgata обладалъ всѣми 32 признаками и 80 примѣтами и распространялъ неизмѣримый свѣтъ цвѣта желтаго золота. Въ это время среди собранія 500 Çākya, увидѣвши, что Будда похожъ на истощеннаго брахмана цвѣта золы, горько заплакали, схватили себя за волосы, бросились на землю и изо рта и носа (у нихъ) пошла кровь. Tathāgata, увидѣвши это, успокоилъ ихъ и разсказалъ слѣдующее:

«Прежде былъ будда Vipaçyin (Пи-по-ши). Послѣ его вхожденія въ нирвану, во второй періодъ (наружнаго буддизма) былъ одинъ sthavira, по

---

1) Поклоненіе Çакіямуни, поклоненіе великому милосердному отцу, поклоненіе превосходному царю врачей.

2) Какъ бы слова самого Будды.

имени «Добродѣтели луны» (Юэ-дэ). У него было 500 сыновей, умныхъ, многознающихъ, всему обученныхъ. Самъ онъ вѣрилъ тремъ драгоцѣнностямъ, но сыновья его отличались ложными взглядами и не имѣли вѣры. Впослѣдствіи они впали въ тяжкую болѣзнь. Отецъ со слезами убѣдилъ ихъ запомнить и призывать имя будды Vipaçyin. Когда они выразили почтеніе Буддѣ, ученію и общинѣ, то за это, окончивши жизнь, переродились на небесахъ четырехъ mahārāja. По окончаніи времени тамошней жизни, вслѣдствіе прежнихъ ложныхъ взглядовъ попали въ адъ, гдѣ адскіе слуги ракшасы горячими желѣзными вилами выкалывали имъ глаза. Вспомнивши наставленіе отца, они произнесли «поклоненіе Буддѣ», получили избавленіе и изъ ада переродились среди людей, въ бѣдности. Когда являлись Будды въ мірѣ, то они только слышали ихъ имена, но не видали самихъ Буддъ, всего шесть (съ Vipaçyin'омъ): Viçvabhū (Пи-шэ-фоу-фо), Krakucchanda (Гоу-лю-сунь-фо), Kanakamuni (Гоу-на-хань-моу-ни-фо), Kāçyapa (Гя-шэ-бо-фо[1]). Вслѣдствіе того, что они слышали имена шести Буддъ, они получили возможность вмѣстѣ съ нимъ, Tathāgata, родиться въ родѣ Çākya. Тѣло его (Tathāgata) подобно золоту Jambu (Янь-фоу), а, что они видятъ истощеннаго брахмана цвѣта золы, это происходитъ отъ того, что они въ древности пренебрегали буддой и глубоко проявили ложные взгляды. Далѣе онъ велѣлъ имъ произнести имена прошедшихъ буддъ, его имя, имя будды Maitreya (Ми-лэ), имя ихъ отца и др.; обратясь къ великому собранію, передъ великодобродѣтельной общиной пасть на землю и принести покаяніе въ грѣхахъ ложныхъ взглядовъ. По окончаніи покаянія, они увидѣли Будду въ настоящемъ видѣ[2]). Обрадовались, получили первый плодъ, просили Будду о принятіи въ монашество и постепенно получили плодъ архата».

Далѣе Будда обращается къ Ānanda: если послѣ нирваны Будды будутъ призывать его имя или имена другихъ буддъ, то счастіе и воздаяніе, за это полученныя, будутъ безмѣрны и безграничны. Обращаетъ вниманіе Ānanda на то, что (вслѣдствіе проявленныхъ раньше буддой различныхъ добрыхъ качествъ и дѣйствій) вся природа служитъ ему и преклоняется передъ нимъ, не исключая горы Sumeru, высотою въ 84000 yojana, что́ равняется глубинѣ моря, и горы съ желѣзною оградою въ 180000 yojana высоты. Кончается: такъ какъ сердце Будды чисто и избавлено отъ загрязненія, то, гдѣ онъ проходитъ, ноги не пачкаются, насѣкомыя и муравьи не вредятъ имъ. Причины, почему Будда не одѣваетъ сапоговъ, трехъ родовъ: 1) чтобы въ сердцахъ прохожихъ рождалось мало страстей, 2) чтобы пока-

1) Только 4 имени и приведено; съ Гя-шэ-бо сравни монгольское Гашиб.

2) Повторяется приведенное выше описаніе.

зать признакъ колеса въ 1000 спицъ въ низу ноги и 3) чтобы у видящихъ въ сердцѣ рождалась радость. Также три причины того, что, когда Будда ходитъ, его ноги отстоятъ отъ земли на четыре дюйма: 1) сожалѣніе къ тому, что на землѣ есть насѣкомыя и муравьи, 2) охраненіе ростущей на землѣ травы и 3) показаніе божественной стопы Будды. Поэтому bhikṣu должны, согласно словамъ Будды, опираясь на ученіе (цзяо), упражняться въ нравственныхъ дѣйствіяхъ и уничтожать мученія (ку-цзи — предѣлы мученій).

§ 13. Превосходныя воздаянія за построеніе ступъ.

Восхваленіе построенія ступъ. Очевидно вступленіе къ какому-нибудь разсказу. Въ общемъ по смыслу сходно со вступленіемъ къ четырнадцатой главѣ тибетскаго Цзанъ-луна, хотя тамъ больше говорится о вступленіи въ монашество.

§ 14. Заслуга поступленія въ монашество.

При жизни Будды, въ Rājagṛha былъ одинъ sthavira по имени «Прибавленіе счастія» (Фу-цзэнъ)[1]), болѣе 100 лѣтъ отъ роду, зубы выпали, силы ослабѣли. Услышавши о пользѣ и необходимости для спасенія сдѣлаться монахомъ, онъ явился въ мѣстопребываніе Будды. Послѣдній отправился на проповѣдь. Sthavira обратился къ Çāriputra. Тотъ въ виду его преклонныхъ лѣтъ не принялъ его. Также и всѣ 500 архатовъ. Sthavira вышелъ изъ монастыря 寺 и громко плакалъ. Будда подошелъ сзади и успокоилъ его. Велѣлъ Maudgalyāyana принять его монашество и его обѣты. Молодые bhikṣu постоянно издѣвались надъ нимъ, и онъ бросился въ воду, чтобы утопиться. Maudgalyāyana увидѣлъ это и чудесной силой поднялъ его на берегъ. Узнавши причину его самоубійства, велѣлъ ему держаться за край рясы и полетѣлъ на берегъ океана. Тамъ «Прибавленіе счастія» увидѣлъ недавно умершую красивую женщину. Одинъ червякъ вышелъ изо рта и вошелъ въ носъ, вышелъ изъ глаза и вошелъ въ ухо. Maudgalyāyana отбросилъ его и объяснилъ, что это жена большаго купца[2]) въ городѣ Çrāvastī. Полагаясь на свою наружность, она не занималась добрыми дѣлами и вслѣдствіе чрезмѣрной любви мужа дошла до крайней безнравственности. Наконецъ утонула[3]), но море не приняло ея и она попала на берегъ. Любя прежнее тѣло, она обратилась въ этого червя. Потомъ попадетъ въ адъ и получитъ воздаяніе за все.

Затѣмъ увидѣли дѣвушку, которая сама раздѣвается и бросается въ

1) Çrīvṛddhi.
2) Сюцз.: Сабо.
3) Сюцз.: съ мужемъ и 500 купцами.

котелъ съ водой и огнемъ; кожа и мясо сваливаются, кости вылетаютъ (отъ кипѣнія) и принимаютъ прежній видъ. Она сама беретъ и ѣстъ свое мясо. Maudgalyāyana объяснилъ, что въ Çrāvastī одинъ upāsaka уважалъ три драгоцѣнности, приглашалъ монаховъ и постоянно посылалъ имъ со служанкой отличныя кушанья. Послѣдняя въ укромномъ мѣстѣ съѣдала лучшее. Когда хозяинъ (大家) допытывался относительно этого, она отперлась и сказала, что она ѣстъ только остатки отъ монаховъ, а если бы она ѣла лучшее прежде нихъ, то пусть въ слѣдующемъ перерожденіи ѣстъ свое тѣло.

Далѣе увидали цѣлую гору костей, высотою и шириною въ 700 yojana, которая закрывала свѣтъ солнца и дѣлала своею тѣнью море чернымъ. Maudgalyāyana поднялся на гору и тогда увидали большую реберную кость. «Прибавленіе счастія» спросилъ, что это за гора костей. Maudgalyāyana объяснилъ, что это кости прежняго его («Прибавленія счастія») тѣла. «Прибавленіе счастія» страшно испугался и просилъ разсказать подробности. Maudgalyāyana сказалъ: «Круговращеніе жизни и смерти не имѣетъ предѣла, воздаянія за добро и зло безошибочны, какъ тѣнь и эхо. Нѣкогда въ Jambudvīpa было селеніе (цзюй-ло). Жители его были богаты. Въ это время былъ одинъ sthavira, по имени «Прибавленіе закона» (Dharmavṛddhi)[1]). Онъ по примѣру добродѣтельныхъ предковъ былъ сдѣланъ жителями правителемъ. Но онъ вслѣдствіе праздности привыкъ къ азартнымъ играмъ (соб. въ шашки) и дурные друзья завладѣли имъ. Дѣла правленія пришли въ упадокъ и справедливость не соблюдалась. Разъ онъ, увлекшись игрой, представленнаго въ судъ осудилъ на смерть. На другой день вспомнилъ, но уже было поздно. Послѣ этого онъ горько каялся[2]) и вскорѣ умеръ, переродился рыбой (мо-гѣ), длиною въ 700 yojana. А Будда говорилъ ему, Maudgalyāyana, что всѣ правители, которые, полагаясь на свое могущество, напрасно умерщвляютъ народъ, большею частію перерождаются большими рыбами makara. Маленькіе черви впиваются кругомъ въ ея тѣло, и отъ крови окрашивается море на 100 ли. Рыба спитъ по сто лѣтъ и, проснувшись, пьетъ воду, какъ бы вливалась большая рѣка. (То же произошло и съ этой рыбой makara). Въ это время купцы, собирая драгоцѣнности, подъѣхали прямо къ раскрытой пасти рыбы. Ихъ судно какъ бы на лету потащило въ пасть рыбы. Всѣ купцы жалобно въ одинъ голосъ закричали: «Поклоненіе Буддѣ». Рыба, услышавши имя Будды, закрыла ротъ и вода остановилась. Купцы спаслись, а рыба умерла отъ жажды[3]).

1) Сюцз.: Дань-мо-би-ти, Тиб. Tscboitschi Pagpa.
2) По Сюцз.: оставилъ престолъ и удалился въ горы.
3) Сюцз.: и переродилась въ Rājagṛha.

Якшасы, ракшасы и водяные духи вытащили рыбу на берегъ моря». Maudgalyāyana съ «Прибавленіемъ счастія», окончивши прогулку, вернулись къ Буддѣ и т. д.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ § 1. Ему соотвѣтствуетъ II-ая глава Цзл., но тамъ начало иное: Будда въ Çrāvastī, идетъ собирать милостыню. Двое сыновей одной старухи ведутся на казнь за воровство. Всѣ трое, увидя Будду, умоляютъ его спасти ихъ. Будда посылаетъ Ānanda къ царю и избавляетъ ихъ отъ смерти. Всѣ трое дѣлаются монахами. Далѣе на вопросъ Ānanda Будда разсказываетъ. Имена сходны (въ Сюцз. два первыя иныя, именно царь Mahāratna Мо-хэ-ло-тань-на, что переведено да-бао «великая драгоцѣнность», старшій сынъ — Мо-хэ-фу-на-нинъ, безъ перевода). У тигрицы два дѣтеныша. Разговоръ начинаетъ самъ младшій братъ, а старшіе только отвѣчаютъ и соглашаются. Царица во снѣ видитъ только трехъ голубей. Mahāsattva перерождается въ небѣ Tuṣita, видитъ скорбь родителей, является утѣшить ихъ. Кости кладутъ въ ящикъ 函 изъ 7 драгоцѣнностей и хоронятъ, сверху воздвигаютъ ступу. Дальше отождествленіе сходно, только второй сынъ — Vasumitra (По-сю-ми-до), тигрица и 2 дѣтенышей — старуха и ея два сына.

Въ Бяо-му (цз. 5, л. 19) и Кань-лу (цз. 4, л. 4*) указана сутра того же содержанія (Пу-са) тоу-шэнь-э-ху-ци-та-инь-юань-цзинъ 投身餓虎起塔因緣經 (Сань-цзанъ, т. 54, подъ букв. 景), переведенная Гао-чанскимъ шраманомъ Фа-шэномъ. 12 листовъ. Вотъ ея содержаніе: «Ц-во называется Гянь-то-мо-ти, царь Гянь-то-ши-ли, царица Ча-мо-му-кя, сынъ ихъ Чжань-тань-мо-ти. Царевичъ раздаетъ все имущество бѣднымъ, запродаетъ себя вельможѣ Шэ-ѣ, продается рабомъ одному брахману. Посланный рубить дрова, находитъ обрубокъ «сандала бычья голова» (goçirṣa ню-тоу-чжань-тань) въ 100 гиновъ; исцѣляетъ имъ болѣзнь царя Пэй (Фэй)-ти-шэ. Послѣдній даетъ ему свои богатства для раздачи нищимъ... Далѣе царевичъ удаляется въ горы, много лѣтъ подвизается. Разъ увидѣлъ засыпанную снѣгомъ тигрицу ... 7 дѣтей... 3 дня не ѣла... Это увидали съ горъ отшельники 僊道士 и спросили: «Кто можетъ пожертвовать собою для ея спасенія?» Изъявляетъ желаніе царевичъ и говоритъ объ этомъ своему главному учителю и 500 товарищей (тунъ-сё соучениковъ). Тѣ со слезами провожаютъ его. Въ это время несъ пищу sthavira Фу-лань съ 500 мущинъ и женщинъ (для отшельниковъ). Окружаютъ царевича, и тотъ на скалѣ среди нихъ даетъ клятву спасти всѣхъ и т. д.».

Царь отецъ — Çuddhodana, его жена — Māyā, царевичъ — Будда, вель-

можа Шэ-ѣ—Ānanda, учитель сянь-дао-ши—Maitreya, царь Пэй-ти-шэ—Nanda, брахманъ — Ло-юнь 羅雲.

Этотъ варіантъ интересенъ тѣмъ, что составляетъ какъ бы середину между санскритской и китайской джāтакой (§ 1); такъ Bodhisattva и царевичъ, и отшельникъ, да есть еще и главный учитель, у котораго царевичъ ученикомъ.

Къ § 2. Цзл. гл. I. Царь Ши-би, столица въ Сюцз. Ти-по-ба-ди Devavatī, но у Schmidt'a Dewawarta, вельможа Пи-шоу-гѣ-мо Viçvakarman.

Сюцз. § 33. Царь Ши-пи вырѣзываетъ свои глаза и отдаетъ соколу.

Въ Бенаресѣ (По-ло-най-го) царь Ши-пи. Царство и жители благоденствуютъ. Ши-пи постоянно любилъ оказывать милости и помощь. Отъ его ничего не жалѣющей щедрости заколебался дворецъ Çakradevendra. Послѣдній, подумавши, что настaлъ его конецъ, сталъ смотрѣть. Видитъ царя Ши-пи. Для испытанія летитъ къ царю въ видѣ большаго сокола и говоритъ, что онъ слышалъ, будто царь никому ни въ чемъ не отказываетъ, потому-то и прилетѣлъ къ нему. Царь отвѣчаетъ, что онъ дастъ, чего бы тотъ ни попросилъ. Проситъ глазъ царя. Царь съ радостью острымъ ножемъ вырѣзываетъ глаза и отдаетъ соколу, безъ малѣйшаго признака страданія и раскаянія. Обыкновенный вопросъ Çakradevendra и отвѣтъ на него, въ знакъ отсутствія раскаянія глаза явились по прежнему и т. д.

Разсказано это по поводу слѣповатаго bhikṣu Ши-по, которому будда вдѣлъ нитку въ иголку. Ши-по — соколъ, Ши-пи — Будда.

Къ § 3. Цзл. добавочная глава. Царство Schiri Badira, т. е. Çrī Bhadra. У царя 1000 сыновей. Министръ Rāhula убилъ царя, сѣлъ на его мѣсто и перебилъ сыновей. Спасается младшій (Буян орошиксан) съ сыномъ Сайн тӳрӳлту[1]), извѣщенный якшасомъ о происшедшемъ въ саду. Дороги въ 7 и 12 дней. Хормуста сначала у мальчика выпрашиваетъ въ видѣ нищаго кусокъ мяса, оставленнаго ему родителями; потомъ обращается въ тигра.... Родители возвращаются къ сыну. Rāhula изгнанъ при помощи царя, въ царство котораго попали родители. Сайн тӳрӳлту сѣлъ на престолъ.

Сюцз. § 7. Сходно съ Цзл., только Будда въ ц-вѣ 羅閱祇 Rajāgṛha. Царство называлось Дэ-ча-ши-ли. Младшаго царевича (изъ 10-ти) звали Сю-ти-ло-чжи, что переведено Шань-чжу. Сынъ его — Susuta (Сюй-шэ-ти, переводъ Шань-шэнъ). Дороги въ 7 и 14 дней. Престолъ занимали послѣдовательно отецъ и сынъ.

Къ § 4. Въ Сюцз. § 14 отецъ некрасиваго царевича названъ Мо-хэ-ши-гю-ли, царевичъ До-ло-шунь(ши)-то, что переведено 株杌; отецъ невѣсты Люй-ши-ба-цо. Имя царевича измѣнили въ Сюй-то-ло-шань.

---

1) Оба имени соотвѣтствуютъ китайскимъ.

Къ § 5. Въ Бяо-му (цз. 4, л. 1*) и Кань-лу (цз. 3, л. 6*) приведены три переведенныя въ различное время сутры, разсказывающія эту же исторію. Это 月光(月明)童子經 ○ 申日兒經 и 德護長者經 (Сань-цзанъ, т. 44, подъ буквой 敢, № 230—232 у Bunyiu-Nanjio). Въ Кань-лу санскритское заглавіе: Çrīgupta-nāma-sūtra приведено при 2-ой сутрѣ, а у третьей это заглавіе нѣсколько иначе: Ши-ли-гюй-до-чжанъ-чжэ-цзинъ, т. е., Çrīgupta-sthavira-sūtra. 1-ая сутра 10 листовъ: сынъ старѣйшины названъ по имени (Юэ-гуанъ «Свѣтъ луны»); въ общемъ она сходна съ джātакой, но подробнѣе. 2-ая сутра въ 3 листа: сжато, болѣе сходно съ джātакой, кончается проповѣдью о 3 ядахъ и дарованіи sthavira 5 обѣтовъ, какъ и джātака. Послѣдняя (3-ья) сутра въ двѣ цзюани. Она подробнѣе отъ того, что въ ней масса обыкновенныхъ буддійскихъ чудесъ и явленій духовъ, много стиховъ.

Къ § 6. Сюцз. § 38. Будда въ Çrāvastī, въ Anāthapiṇḍikārāma, въ саду Jetavana. Sthavira Ба-ти сдѣлался монахомъ, но въ немъ сохранилась привязанность къ мірскимъ удовольствіямъ. Будда призываетъ его черезъ Ānanda и приказываетъ подвизаться въ лѣсу. Достигаетъ состоянія архата. Bhikṣu спрашиваютъ, отчего ему такое счастіе. Будда отвѣчаетъ, что онъ, Будда, не только теперь, но и раньше просвѣтилъ Ба-ти. Разсказываетъ: «Въ царствѣ Бо-ло-най (Бенаресъ) нѣкій ṛṣi, жилъ въ лѣсу, питался плодами и пилъ воду. Засуха. Хотѣлъ идти въ деревню, чтобы не умереть съ голода. Въ это время Bodhisattva былъ царемъ зайцевъ. Проситъ ṛṣi подождать до завтра, когда поднесетъ небольшое угощеніе, и послушать прекрасное ученіе. (Дальше сходно: преподаетъ ученіе, бросается въ костеръ). Ṛṣi страшно скорбитъ, не можетъ ѣсть, а строитъ ступу. Bodhisattva — царь зайцевъ — Будда, ṛṣi — Ба-ти».

Къ § 8. Въ Цзл. вообще сходно, кромѣ мелочей. Сюцз. § 13. Имя царя Ми-ка-ло-ба-ло, переводъ Цзы-ли («Сила милосердія»).

Къ § 9. Цзл. V гл. и Сюцз. § 5 совершенно сходны, только выпущены начало про купца и наставленія Будды, данныя ему. Купцы прямо рѣшаются взять въ кормчіе знающаго человѣка и берутъ upāsaka, принявшаго пять обѣтовъ. За то въ концѣ прибавлены заключительныя слова о радости всего собранія.

Къ § 10. О Сюй-да есть въ Сань-цзанѣ (т. 65, подъ буквой 容) двѣ сутры: 三歸五戒慈心猒離功德經 и Сюй-да-(чжанъ-чжэ)-цзинъ (№ 605—606 у Bunyiu-Nanjio). По Бяо-му онѣ сходны съ Сюй-дао-до-цзинъ въ 39-ой главѣ Средней Агамы (№ 542 у Bunyiu-Nanjio). Обѣ сутры короткія (1-ая въ 1 листъ, 2-ая въ $3^1/_3$) и содержатъ въ себѣ только проповѣдь о преимущественной и ни съ чѣмъ не сравнимой

важности подаянія и признанія трехъ прибѣжищъ, проповѣдь сказанную sthavira Сюй-да; въ примѣръ приведенъ древній брахманъ Пи-ло-мо (1-ая сутра) или Би-гянь (2-ая), раздававшій громадныя милостыни. Про нашу же исторію въ обѣихъ сутрахъ не упоминается ни слова.

Къ § 14. Соотвѣтствующія этой джātакѣ Цзл. гл. XV и Сюцз. § 18 начинаются восхваленіемъ заслугъ того, кто самъ вступаетъ или побуждаетъ своихъ вступить въ монашество. (Это неизмѣримо выше подаянія). Sthavira называется Paltschei Çrīvṛddhi (Ши-ли-би-ти, переводъ «Фуцзэнъ»). Его не принимаютъ Çāriputra, Mahākāçуара, Upāli, Aniruddha и др. 500 архатовъ. Дальше путешествіе по воздуху вообще подробнѣе, кромѣ того Maudgalyāyana показываетъ больше (именно послѣ женщины, поѣдающей собственное мясо, показываетъ дерево, покрытое червями и громко стонущее; юношу, окруженнаго вооруженными людьми со звѣриными головами; человѣка, съ горы бросающагося на мечи) и не сразу объясняетъ, а говоритъ: «Когда настанетъ время, разскажу». Объясняетъ онъ все послѣ горы костей. Объясненія подробнѣе.

Сравненіе главъ тибетскаго и китайскаго переводовъ сочиненія Damamūka.

Цзанъ-лунъ.	Сянь-юй-инь-юань-цзинъ.
I—VI	I—VI
VII—XIV	VIII—XV
XV—XXI	XVIII—XXIV
XXII	XXVI
XXIII	XXXIII
XXIV	XXXI
XXV	XXXII
XXVI—XXIX	XXXIV—XXXVII
XXX	XXXIX
XXXI—XXXIII	XLVIII—L
XXXIV	XXV
XXXV	XXVII
XXXVI	LI
XXXVII	LIII
XXXVIII	LXVI
XXXIX	LII
XL—XLII	LIV—LVI
XLIII—XLVI	LXII—LXV

Цзанъ-лунъ.	Сянь-юй-пнь-юань-цзинъ.
XLVII	LXVII
XLVIII—XLIX	LX—LXI
L—LI	LXVIII—LXIX
(LII)	VII

Такимъ образомъ въ Сянь-юй-пнь-юань-цзинѣ 17 лишнихъ главъ. Привожу ихъ заглавія[1]).

XVI. Царь «Великій свѣтъ» 大光明 впервые проявляетъ стремленіе къ святости. (См. XLIV).

XVII. Upāsaka Мо-хэ-сы-на (Mahāsena).

XXVIII. 500 слѣпцовъ гонятся за Буддой (переходящимъ изъ царства въ царство).

XXX. Обращеніе Ни-ти (выносилъ нечистоты изъ города Çrāvastī).

XXXVIII. 蓋事 ○ 2 царя: Brahmadeva, владѣвшій 3-мя рѣками, и Vajragañja (Фа-шэ-гянь-ти «Собраніе алмазовъ»), владѣвшій одной рѣкой.

XL. Главенство Ānanda.

XLI. Upāsaka убитъ старшимъ братомъ (за женитьбу на его женѣ, во время его безвѣстнаго отсутствія).

XLII. Сынъ нечаянно убилъ отца.

XLIII. Сюй-да основываетъ «Чистое жилище». (Состязаніе Çāriputra съ ученикомъ 6 тиртиковъ).

XLIV. Царь «Великій свѣтъ» (Да-гуанъ-минъ-ванъ) впервые проявляетъ высочайшее намѣреніе 無上心 (т. е. стремленіе къ высочайшему).

XLV. Лэ-на-шэ-ѣ (великій сабо въ ц-вѣ Бенаресъ, царь Фань-мо-да).

XLVI. Гя-пи-ли («Желтая голова»), большая рыба со ста головами.

XLVII. Deva «Чистое жилище» 淨居天 проситъ объ умовеніи.

LVII. Бо-по-ли (имя человѣка; родится сынъ, гадатель даетъ имя Maitreya.

LVIII. Два попугая слушаютъ ученіе о четырехъ истинахъ.

LIX. Ворона, услышавши, какъ bhikṣu говорятъ объ ученіи, перерождается на небѣ.

---

1) Впервые на существованіе болѣе пространной китайской редакціи было указано Ст. Жюльеномъ. (Mém. sur les Contr. Occ. II. XVIII—XIX).

Оглавленіе сборника 101 джāтака.

སྟོན་པ་ཐམས་ཅད་མཁྱེན་པའི་སྐྱེས་རབས་ཕྲེང་

། བཅུ་ཕྲག་གསུམ་དང་བཞི་ནི་དཔའ་བོའི་སྐྱེ། ཕྱི་ནས་རང་བྱུང་རྡོ་རྗེས་
བརྟན་ལྷུག་པའི། རྣག་བཅུས་བརྒྱ་རྩ་རྫོགས་པར་མཛད་པ་བཞུགས །

1) རྟོགས་པ་བརྗོད་པ་དང་པོ་ Первая avadāna. (Учитель, тигрица).

2) ཡུལ་ཤི་བི་པའི་རྒྱལ་པོར་སྐྱེས་པའི་རབས་ Джāтака о перерожденіи[1]) царемъ страны Çibi'ской.

3) ཟན་རྡོན་ཚངས་པ་ཕུལ་བ་ (Kulmāṣapiṇḍī).

4) ཚོང་དཔོན་ Глава купцовъ.

5) ཚོང་དཔོན་ཟིལ་གྱིས་མི་ནོན་པ་ Непреодолимый глава купцовъ.

6) རི་བོང་ Заяцъ.

7) ཨ་ག་སྟྱ་ Āgasta (Āgastya).

8) བྱམས་པའི་སྟོབས་ «Сила милосердія».

9) ཐམས་ཅད་སྒྲོལ་ «Всѣхъ спасающій».

10) མཆོད་སྦྱིན་བྱེད་ Совершитель жертвоприношенія.

11) བརྒྱ་བྱིན་ Индра.

12) བྲམ་ཟེ་ Брахманъ.

13) མྱོས་བྱེད་མ་ «Опьяняющая».

14) ལེགས་པར་ཕ་རོལ་ཏུ་ཕྱིན་པ་ «Хорошо достигшій той стороны».

15) ཉ་ Рыба.

16) བྱ་སྲེག་པའི་ཕྲུ་གུ་ Птенецъ куропатки (рябчика).

17) བུམ་པ་ Сосудъ.

18) རྒྱལ་རིགས་ཕྱུག་པོ་ Богачъ царскаго рода.

---

1) Таже конструкція повторяется и вездѣ ниже, но я для краткости ставлю прямо названіе перерожденія.

19) པད་མའི་རྩ་བ་ «Корень лотоса».

20) ཚོང་དཔོན་ Глава купцовъ [1]).

21) གཙུག་ཕུད་བྱང་ཆུབ་ (Cuḍḍabodhi).

22) ངང་པ་ Лебедь.

23) བྱང་ཆུབ་ཆེན་པོ་ «Великая святость».

24) སྤྲེའུ་ཆེན་པོ་ Большая обезьяна.

25) རི་དགས་ཤ་ར་བྷ་ Животное Çarabha.

26) རི་དགས་རུ་རུ་ Животное Ruru.

27) སྤྲེའུའི་རྒྱལ་པོ་ Царь обезьянъ.

28) བཟོད་སྨྲ་བ་ «Говорящій о терпѣніи».

29) ཚངས་པ་ Брахма.

30) གླང་པོ་ཆེ་ Слонъ.

31) སུ་དཱ་སའི་བུ་ Сынъ (нѣкоего) Sudāsa.

32) ལྕགས་ཀྱི་ཁྱིམ་ན་སྐྱེས་པ་ Рожденіе въ желѣзномъ домѣ.

33) མ་ཧེ་ Mahe.

34) བྱ་ཤིང་རྨ་མོ་ Птица долбящая (?) дерево, (дятелъ ?).

На этомъ кончается сочиненіе Āryaçūra. 1 — 34 = Jātakamālā.

35) སེང་གེའི་རྒྱལ་པོ་ཡི་དམ་བརྟན་པ་ [2]) Царь львовъ «крѣпкій обѣтъ».

36) དེད་དཔོན་བརྩོན་འགྲུས་ཆེན་པོ་ Капитанъ корабля «Великое прилежаніе».

37) རྒྱལ་པོ་གསེར་མདོག་ Царь «Золотая краска (Suvarṇa-varṇa)».

38) གཅན་ཟན་ཀུནྡ་ Дикій звѣрь Кунъда [3]).

39) རིགས་ངན་ Низкое происхожденіе (палачъ-Caṇḍāla?).

40) Bhikṣu (དགེ་སློང་) «Свѣтъ славы» གྲགས་པའི་འོད་

41) Хозяинъ дома དབེན་པ་འདོད་པ «Желающій уединенія».

1) Ср. 4-ую.

2) Въ Цзл. XLIX глава подъ тѣмъ же заглавіемъ (སེང་གེ་ཡི་དམ་བརྟན་པ); въ Сюцз. приведено и санскритское имя его Чжя-гя-ло-би, что̀ въ переводѣ значитъ 堅 誓 (твердая клятва).

3) Цзл. гл. XIV.

42) Царь སྒྲོན་མ་སྣང་བྱེད «Освѣщающая лампа».

43) Bodhisattva རི་བོང་དབེན་པ་ལ་དགའ་བ་ «Заяцъ радующійся уединенію».

44) Царь ཀུན་དུ་གོ་བྱེད་ (Sarvajña?).

45) ཁྱེའུ་གཉིས་ Два юноши (ребенка).

46) Царь བཙན་པས་བྱིན་ (? Ugradatta).

47) Bodhisattva བདེ་བ་སྦྱིན་ «Дающіе блага, счастія».

48) Bhikṣu སྙན་པའི་འོད་ «Свѣтъ пріятности, славы».

49) ཆུ་སྐྱེས་ Ледвенецъ (букв. рожденный въ водѣ).

50) Царь འཇིག་རྟེན་སྣ་ཚོགས་ལ་མངོན་པར་དགའ་བ་ «Явнорадующійся разнообразнымъ мірамъ».

51) Царь ཚངས་བྱིན་ Brahmadatta.

52) Bodhisattva ཆོས་ཡོངས་སུ་ཚོལ་བར་འདོད་པ་ «Желающій вполнѣ искать вѣры».

53) ཡེ་ཤེས་ལྡན་ «Обладающій знаніемъ».

54) ཆུ་འཕེར(?)མ་ (?)

55) མེ་ལོང་གདོང་ Ср. Цзл. XXXI.

56) བྲམ་ཟེ་ Брахманъ.

57) ཞི་བའི་བློ་གྲོས་ «Безстрашный умъ, духъ».

58) ཀླུའི་རྒྱལ་པོ་ Царь драконовъ (Nāgarāja).

59) ཆུ་སྲེག་ (?)

60) སྟོན་པ་ཤེས་རབ་སྣ་ཚོགས་ Учитель «Разнообразныя знанія».

61) Капитанъ корабля སྙིང་རྗེ་ཆེན་པོ་ «Большое великодушіе».

62) རྒྱལ་པོ་གཞོན་ནུ་སྙིང་རྗེ་ཆེར་སེམས་ (?)

63) ཁྱེའུ་སྐར་མ་ Ребенокъ «Звѣзда».

64) བརྒྱ་བྱིན་ Индра (см. 11).

65) སྟོན་པ་བྲམ་ཟེ་ Учитель-брахманъ.

66) གར་མཁན་ Танцовщикъ.

67) ང་ལ་ནུ་ (?)

68) Царь драконовъ (см. 58).

69) ཡན་ལག་མ་སྨད་ (Съ членами, но безъ зада?).

70) བྲམ་ཟེའི་ཁྱེའུ་སྤྲིན་ Сынъ брахмана «Облако» (Meghakumāra).

71) Царь འོད་ལྡན་ «Имѣющій свѣтъ».

72) བྲམ་ཟེ་སྒྲ་རྣམ་པར་གྲགས་པ་ Брахманъ «Голосъ совершенно прославившійся».

73) རྒྱན་པོ་པ Украшающій (декораторъ).

74) ངེས་པ «Благородный».

75) གླང་པོ་ཆེ་མཆེ་བ་དྲུག་པ་ Слонъ съ шестью клыками (Saḍdanta).

76) ཀུན་དུ་རྒྱུ་འཆར་ཀ་ Parivrājaka «Восходъ». Ср. Цзл. III.

77) Царь ནོར་ཅན་ «Имѣющій богатство».

78) Брахманъ ཟླ་དགའ་ «Радость луны».

79) Царь ནམ་མཁའ་ «Небо».

80) དཔལ་གྱི་སྡེ Благородный — дворянинъ.

81) སྙིང་སྟོབས་ཆེན་པོ་ «Великая сила души».

82) Царь ཟླ་འོད་ «Свѣтъ луны»[1]).

83) རྒྱལ་པོ་ཤི་བི་པ་ Царь Çibi'скій.

84) Учитель རྩིབས་ཀྱི་མུ་ཁྱུད་ «Ободъ колеса».

85) བྱང་ཆུབ་སེམས་དཔའ་རྟག་ཏུ་བརྙས་པ་ལ་བཟོད་པ་དང་ལྡན་པ་ Bodhisattva «Обладающій терпѣніемъ къ безпрерывному поруганію».

86) སེང་གེ་ Левъ.

87) Капитанъ корабля སྦྱིན་ལྡན་ «Имѣющій милостыню».

88) ནོར་བཟངས་ «Прекрасное богатство».

89) སུ་ཤ་དེ་བ་ Suçadeva.

90) བསོད་ནམས་སྟོབས་ «Сила религіозныхъ подвиговъ».

91) འོད་བཟངས་ «Прекрасный свѣтъ».

92) དྲང་སྲོང་ Ṛṣi.

---

1) Цзл. гл. XXII, Сюцз. даетъ санскритское имя Чжань-то-по-ло-би. (Candraprābha).

93) དོག(?)་བློ་གྲོས་ Умъ...

94) སྔོ་བསངས་ Свѣтлоголубой.

95) ཉི་སྲེང་སྐྱོང་ (Бросаніе сережекъ солнца?).

96) ཟ་བོང་ Верблюдъ.

97) སྨུ་ཁྱུད་ Обручъ.

98) དགེ་སློང་ཨུ་ཏྤ་ལའི་གདོང་ Лицо (наружность) bhikṣu (-ṇī ?) Ūtpalā[1]).

99) Bodhisattva དཔའ་བའི་སྟོབས་ «Сила храбрости».

100) གཟི་བརྗིད་དྲག་པོ་ «Сильный блескъ, пышность».

101) Bodhisattva དོན་ཐམས་ཅད་གྲུབ་པ་ «Исполненный всѣхъ выгодъ».

---

1) Ср. Цзл. XXV.

А. О. Ивановскій.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Отвѣтъ консула въ Кашгарѣ, Н. Ф. Петровскаго, на заявленіе С. Ф. Ольденбурга[1]).

Восточное Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, заслушавъ заявленіе С. Ф. Ольденбурга, постановило обратиться ко мнѣ съ просьбою о разъясненіи слѣдующихъ вопросовъ:

1) Не имѣются-ли въ консульствѣ или не могутъ-ли быть получены путемъ распросовъ свѣдѣнія объ остаткахъ древности въ Кучѣ или иныхъ мѣстахъ Кашгаріи?

2) Въ какой мѣрѣ отдѣльное лицо или же экспедиція, направившіяся въ Кучу для археологическихъ розысканій, могутъ расчитывать на то, что китайскія власти и населеніе не станутъ препятствовать имъ въ работѣ?

Въ отвѣтъ на предложенные вопросы имѣю честь сообщить нижеслѣдующее:

1) Свѣдѣнія объ остаткахъ въ Восточномъ Туркестанѣ древностей — несторіанскихъ, буддійскихъ и всякихъ другихъ собираются мною давно. О первыхъ изъ нихъ я не получилъ до сего времени ничего положительнаго, даже не слыхалъ и преданій, которыя можно бы было отнести къ несторіанству, если не считать одной мѣстности верстахъ въ 30-ти къ сѣверо-востоку отъ Кашгара, гдѣ есть развалины, носящія названіе Биби-Маріамъ (на картахъ: Бу-Миргамъ), связанныя съ преданіемъ о Богородицѣ; но такихъ мѣстностей въ Средней Азіи много, и утверждать, что преданія о нихъ занесены несторіанами едва-ли возможно. — Памятники буддійскіе существуютъ во всемъ Восточномъ Туркестанѣ, и, кажется, есть основаніе

1) Протоколъ Отдѣленія 28 ноября 1891 года [= Записки В. О. т. VI, стр. X].

предполагать, что они найдутся даже на Памирѣ, если названіе мѣстности Сума-Ташъ (у озера Яшиль-Куль) объяснять монгольскимъ словомъ сумэ— молитвенный храмъ[1]). Всѣ памятники немусульманскаго времени обыкновенно пріурочиваются въ разсказахъ туземцевъ къ древнѣйшимъ временамъ Дакіануза или Афросіаба[2]). Въ Кучѣ и его округѣ памятниковъ этихъ очень много: въ горахъ, недалеко отъ дороги, есть остатки древнихъ зданій изъ тесанаго камня; есть, кажется, ступы, а также и другія развалины. Самъ я тамъ не былъ, но съ цѣлью провѣрить свѣдѣнія прежнихъ временъ, помѣщенныя въ трудахъ Іакинфа, Риттера и Григорьева, я распрашивалъ пріѣзжавшихъ оттуда туземцевъ и нашихъ мусульманъ. Судя по ихъ разсказамъ, можно, кажется, заключить, что тѣ древнія башни безъ оконъ и дверей, которыя находятся въ окрестностяхъ этого города, должны быть ничѣмъ инымъ, какъ ступами. Находка г. Боуэромъ близь Кучи манускрипта была совершенно случайною. Въ виду желанія Отдѣленія освѣдомиться объ этихъ древностяхъ, я высылаю купленный мною, года два тому назадъ въ Кашгарѣ, листокъ, написанный на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, похожій на листки книги Боуэра[3]).

Подъ самымъ Кашгаромъ мнѣ извѣстны и мною осмотрѣны два памятника древности, изъ которыхъ одинъ — буддійскій, а другой — вѣроятно буддійскій. Первый изъ означенныхъ памятниковъ — именно развалины сильно поврежденной ступы[4]) — находится верстахъ въ трехъ отъ Кашгара на сѣверной сторонѣ города за рѣкой Туменемъ, протекающей, многими рукавами, между городомъ и возвышенною мѣстностію (лёсовая почва), оканчивающеюся крутымъ, почти вертикальнымъ уступомъ. На возвышенности, въ саженяхъ трехъ стахъ отъ уступа, лежатъ означенныя развалины. Мѣстность, гдѣ находятся развалины, могла бы быть названа ровною, если бы ея поверхность не была изрыта вглубь, какъ это всегда встрѣчается въ лёсовой почвѣ, почти отвѣсными большими и малыми щелями отъ промыва и смыва лёса водой. Ступа, какъ можно судить по ея теперешнему виду, имѣла, кажется, форму не цилиндрическую, а — усѣченнаго конуса съ малымъ, сравнительно съ высотою, основаніемъ, а можетъ быть—

---

1) См. Очерки быта буддійскихъ монастырей въ Монголіи. А. Позднѣева, стр. 1-ая и слѣд.

2) Въ Русскомъ Туркестанѣ вспоминается еще и Кейкаусъ. Въ Туркестанѣ Восточномъ этого имени въ устахъ туземцевъ не слышно. Памятники мусульманскаго времени по большей части связаны съ именами Саттукъ-Богра-Хана и Арсланъ-Хана. Первому приписывается обращеніе страны въ мусульманскую вѣру.

3) [См. теперь выше, стр. 81—82 и таблицу].

4) Не каменная ли это башня Птоломея, которую В. Григорьевъ («О скифскомъ народѣ сакахъ», стр. 36-ая) помѣщаетъ въ Кашгарѣ?

и форму двухъ цилиндровъ, изъ которыхъ верхній осыпался и частію закрылъ нижній. Вокругъ ступы обведенъ ровъ (теперь неправильной формы) глубиною въ 3—4 сажени. Основаніе ступы находится не на поверхности земли, а на днѣ этого рва. Сложена ступа вся или частію изъ кирпича неправильной формы, похожихъ на куски обожженной глины (кирпича правильной формы мнѣ найдти не удалось). Окрестная мѣстность несомнѣнно была застроена, судя по остаткамъ кирпичей и глины, которые я находилъ тамъ. Ступу, какъ мнѣ разсказывали, пробовали разрывать китайцы въ прежнее, до-Якубъ-Бековское, время, но нашли-ли въ ней что нибудь — неизвѣстно. — Другой памятникъ древности находится верстахъ въ пятнадцати къ сѣверу отъ Кашгара на большой дорогѣ, ведущей изъ этого города въ селеніе Артышъ[1]). Памятникъ обнаруживается тремя отверстіями, въ формѣ оконъ или дверей, въ уступѣ горнаго отрога, начинающагося саженяхъ въ полутораста отъ этихъ отверстій и продолжающагося къ сѣверу за селеніе Артышъ и далѣе. Памятникъ называется туземцами учма-раванъ[2]). Горы, гдѣ находятся отверстія, шириною въ нѣсколько десятковъ саженъ[3]); сзади отверстій, т. е. за горами, находятся глубокіе овраги; по берегу одного изъ нихъ тянется, какъ будто, остатки или основаніе стѣны или вала. О мѣстѣ этомъ существуетъ преданіе, что въ помѣщеніи съ тремя отверстіями жила китайская царевна; подробностями преданіе не украшивается. — При осмотрѣ памятника и окрестной мѣстности я готовъ былъ сначала предположить, что отверстія эти — остатокъ подземнаго помѣщенія, находящагося въ кремлѣ бывшаго здѣсь нѣкогда города или крѣпости, и что осыпавшаяся гора, оторвавъ часть этого помѣщенія, обнару-

1) Есть два Артыша — Нижній (астынъ) и Верхній (устюнъ). Оба они очень древніе (см. Описаніе Вост. Туркес., переводъ Іакинфа. Спб. 1829, ч. II, стр. 143). Позволяю себѣ замѣтить, что оба эти Артыша очень подходятъ къ тѣмъ двумъ Birsǵan'амъ, которые указываются у A. Sprenger'a (Post-und Reiserouten des Orients, стр. 23—24) по дорогѣ изъ Узгенда въ городъ Хакана Taghozghoz'овъ. [Другія чтенія имени Birsǵan—برسخان, بوسجان, بوسحان, برسحايا, بربحان, نوبحان и, самое вѣроятное, نوشجان Нушджанъ. См. de Goeje, Bibl. Geogr. Arab. V, p. 328 и прим. b, VI, ٢٨, ٢٩, ١٤٩, прим. b и особенно ٢٤٢. В. Р.]. До сихъ поръ я еще не получилъ списка всѣхъ кентовъ (т. е. кварталовъ или частей) этихъ двухъ поселеній. Въ названіяхъ кентовъ (всегда очень многочисленныхъ даже въ небольшихъ селеніяхъ) ближе всего слѣдуетъ искать слѣдовъ древности: наименованій древнихъ осѣдлостей и племенъ.

2) Я полагалъ было, что первое слово слѣдуетъ читать учъ, т. е. три, такъ какъ самыхъ отверстій три; но туземцы объясняютъ названіе иначе: учма — значитъ разлетающееся, разсыпающееся; дорогу узкую, трудную, по осыпающейся мѣстности, называютъ учма-юлъ; абрикосъ (изъ селенія Исфара въ Ферганѣ), легко, въ сушеномъ видѣ, разсыпающійся на зубахъ, зовется учма-кандакъ. Слѣдовательно, согласно толкованію туземцевъ, названіе это должно обозначать: осыпающійся или трудный входъ.

3) Противъ отверстій тянутся также горы; въ серединѣ каменистаго ложа долина.

жила двери его комнатъ; но, осмотрѣвъ мѣстность, я не могъ найдти признаковъ входа въ помѣщеніе, а одинъ изъ сопровождавшихъ меня конвойныхъ казаковъ, карабкавшійся по веревочной лѣстницѣ, чтобы посмотрѣть внутрь отверстій, сказалъ мнѣ, что за отверстіями находится комната съ двумя дверями и что по срединѣ комнаты сидитъ «болванъ». Все это казакъ видѣлъ мелькомъ, потому что лѣстница качалась и была очень ненадежна.— Весьма, поэтому, возможно, что означенный памятникъ, подобный тому, о которомъ упоминается въ сочиненіи В. В. Григорьева (Восточ. Туркест., вып. II, стран. 140-ая) принадлежитъ къ памятникамъ буддійскимъ. — О другихъ, неизвѣстнаго происхожденія, памятникахъ древности въ Восточномъ Туркестанѣ необходимо сказать, что ихъ также очень много и что ни одинъ изъ нихъ не изслѣдованъ. Не говоря о тѣхъ, которые погребены подъ песками Такла-Маканъ[1]) и случайно, при сметеніи песка вѣтромъ, обнаруживаются и посѣщаются туземцами съ цѣлію розыска въ нихъ вещей, я позволяю себѣ указать, для примѣра, на нѣсколько мѣстностей, представляющихъ, по моему мнѣнію, высокій историческій и археологическій интересъ. Недалеко отъ Яркенда, почти у самаго предѣла песковъ, находится древнее поселеніе, носящее названіе Татаръ-кишлакъ; окрестная мѣстность, почти до Хотана, называется Татаръ-зааминъ, т. е. татарская земля, а добываемый тамъ въ горахъ, изъ пупка серны, мускусъ зовется Нафаи-хотанъ или Нафаи-татаръ[2]). Татары нашего времени никогда тамъ не были и слѣдовательно названіе заимствовано не отъ нихъ. Здѣсь, сколько мнѣ извѣстно, мы въ первый разъ встрѣчаемся со словомъ *татаръ*, пріуроченнымъ не къ народу, а къ мѣстности. Въ окрестностяхъ поселенія находятъ древнія монеты и въ числѣ ихъ тѣ (въ формѣ миндалинокъ), которыя я имѣлъ честь посылать Отдѣленію[3]) и показывать барону Тизенгаузену, который затруднился тогда усмотрѣть на нихъ «зарби-яркендъ». Недавно мнѣ доставлена оттуда еще одна такая же монета, которая не оставляетъ уже сомнѣнія въ ея надписи.

Въ 25—30 верстахъ отъ Кашгара и недалеко отъ той мѣстности,

---

1) Во II вып. «Вост. Туркест.» Григорьева (стр. 162) указывается (по Сюянъ-Цзану), что древнія жилища Тохаровъ находились въ 900 ли отъ Хотана на востокъ, и высказывается предположеніе, что народъ этотъ ушелъ со своихъ прежнихъ поселеній вслѣдствіе засыпанія ихъ песками. Tomaschek (Centralasiatische Studien, I, стр. 38) пишетъ, что «unter den Tukhara's mongolische Elemente vorhanden gewesen». Въ «Vocabulary of proper Names in Chinese and English», Porter Smith'a (Shanghai 1870, стр. II) подъ словомъ Ho-si сказано: «Tangut or Tocharia, a region N of Kokonor and NW of Shensi; the country of Uigurs». Въ китайскихъ извѣстіяхъ Тухара называется Тухоло. Не слышится-ли это названіе въ первомъ словѣ Такла-Маканъ?

2) Nâfe, nombril, vessie de musc. См. Словарь Zenker'a, стр. 904.

3) 5 января 1887 года.

которая называется Биби-Маріамъ, лежатъ также интересныя развалины подъ названіемъ Ханъ-уй (т. е. ханское мѣсто, ханскій домъ), въ которыхъ часто находятъ монеты. Нѣсколько мѣдныхъ монетъ изъ этихъ развалинъ мнѣ было доставлено, но монеты были совершенно стертыя: разобрать ихъ надписи не было никакой возможности. Наконецъ укажу еще на одну мѣстность, которая, если догадка моя о ней оправдается, можетъ открыть извѣстный городъ Баласагунъ. Мѣстность эта — Сугунъ, лежащая къ сѣверо-востоку отъ Кашгара въ ущельи, ведущемъ къ нашей границѣ въ Семирѣчье, въ долину Аксая[1]). Въ мѣстности находятся развалины. Хотя по изслѣдованію Бретшнейдера[2]) и другимъ указаніямъ географическаго положенія Баласагуна городъ этотъ и не соотвѣтствовалъ бы моему Сугуну, но нахожденіе въ этой мѣстности развалинъ и недостаточно доказанное (кажется мнѣ) тожество Hu-sza Wardo съ Баласагуномъ заставляютъ провѣрить эти указанія и обратить вниманіе на самую мѣстность.

Если же Артышъ дѣйствительно окажется Birsġan'омъ, то, согласно показанію Мокаддаси (писавшему около того времени, когда Баласагунъ былъ Тугузъ-Уйгурами основанъ), что отъ Верхняго Birsgan'а до столицы царя Уйгурскаго шесть дней пути — предположеніе мое получитъ еще большее вѣроятіе.

2) Относительно втораго вопроса я считаю себя обязаннымъ сообщить, что я весьма сомнѣваюсь, чтобы не только мѣстныя китайскія власти Кашгаріи, но и Пекинское правительство разрѣшило отдѣльному лицу или экспедиціи производить въ Кашгаріи правильныя раскопки древностей и воспользоваться найденными въ нихъ вещами. Пользуясь настоящимъ случаемъ, я позволяю себѣ доложить Отдѣленію, что предварительно какихъ бы то ни было изслѣдованій, въ отдѣльности, тѣхъ или другихъ древностей, находящихся въ Восточномъ Туркестанѣ, о которыхъ случайно, чрезъ путешественниковъ или другимъ образомъ, могутъ доходить до Отдѣленія свѣдѣнія, было бы въ высшей степени необходимо сдѣлать общій обзоръ и самое краткое описаніе памятниковъ и мѣстностей, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи, обозначивъ на картѣ, гдѣ они находятся. Такой обзоръ, или археологическая рекогносцировка (вродѣ поѣздки въ Русскій Туркестанъ покойнаго П. И. Лерха), могли бы заключаться, во-первыхъ, въ посѣщеніи мѣстностей, которыя упоминаются въ сочиненіяхъ древнихъ

1) Сугунъ — значитъ сурокъ. Можетъ быть здѣсь произошло то же, что и съ названіемъ Нагаръ (см. ниже): киргизы обозначаютъ названіе мѣстности понятнымъ для нихъ словомъ.

2) Notices of the mediaeval Geography and History of Central and Western Asia, London 1876, стр. 35, прим. [= Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, London 1888 I, 18 и 226].

путешественниковъ и географовъ и нынѣ существуютъ подъ тѣми же названіями [1]), а во-вторыхъ въ осмотрѣ мѣстъ и памятниковъ, о которыхъ никакихъ свѣдѣній до сего времени не имѣлось [2]).

Путешествіе по Восточному Туркестану одного лица или экспедиціи съ этой именно цѣлію, т. е. не для раскопокъ, а лишь для обзора и описанія древностей, едва-ли можетъ встрѣтить, думаю я, какія либо препятствія со стороны китайскаго правительства. На такое путешествіе, конечно, должно быть испрошено позволеніе Пекинскаго правительства, а самая экспедиція должна быть снабжена средствами, достаточными не только для посѣщеній мѣстностей, лежащихъ въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ, но и для пріобрѣтенія монетъ и другихъ древностей, которыя, можетъ быть, можно будетъ найдти и купить у туземцевъ.

Н. Петровскій.

Кашгаръ, Январь 1892.

Буддійскій памятникъ близь Кашгара.

Въ краткомъ перечисленіи моемъ нѣкоторыхъ памятниковъ древности въ Восточномъ Туркестанѣ было, между прочимъ, упомянуто [3]) о трехъ окнахъ, или отверстіяхъ, находящихся въ горахъ близъ г. Кашгара, которыя я намѣревался обслѣдовать и описать. Обслѣдованіе это было произведено; памятникъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго его описанія, оказался несомнѣнно буддійскимъ; слѣдовательно существованіе въ Кашгарѣ буд-

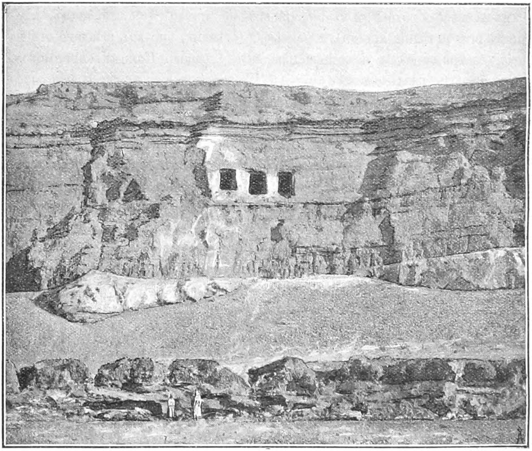
1) Сошлюсь на ту-же книгу Sprenger'а (стр. 18 и друг.): весьма много указанныхъ тамъ названій городовъ и селеній существуютъ подъ тѣми же наименованіями и по сіе время.

2) Названія мѣстностей въ Восточномъ Туркестанѣ (какъ и вообще въ Средней Азіи) заимствуются преимущественно: а) отъ ихъ конфигураціи (напр. Тенги-Таръ, узкое, темное ущелье); б) отъ растительности, на нихъ находящейся (Арамитанъ, Урамитанъ — родъ тала, Каинды — березовице, Арпалыкъ — ячменное и пр.); в) отъ цвѣта воды и почвы, ихъ качествъ, находимыхъ въ нихъ металловъ (Кара-су, Акъ-су, Шуръ-булакъ — горькій, селитряный ключъ, Сагызликъ — грязовице, Кургашинъ-кане — свинцовыя копи и пр.); г) отъ звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, водящихся или встрѣчающихся на мѣстности (Урдакликъ—утице, утиное, Чумаликъ—муравлево); д) отъ названія племени или рода, на мѣстности жившаго или живущаго (Саидларъ—поселеніе сеидовъ, Кипчакъ-су); е) отъ занятія жителей и внѣшняго вида поселенія. Кромѣ этихъ названій есть много другихъ, сохранившихся въ ихъ непонятной формѣ, или въ нѣсколько видоизмѣненной, напр. старая крѣпость между Кашгаромъ и Ошемъ, Нагара-Чалды, переводится живущими окрестъ киргизами «барабанъ пробилъ», тогда какъ это очевидно Нагаръ—одинаковый съ Нагаромъ въ Канджутѣ и Сри-Нагаромъ въ Кашмирѣ. Такія мѣстности—несомнѣнно древнія и почти всегда въ окрестностяхъ ихъ находятся развалины.

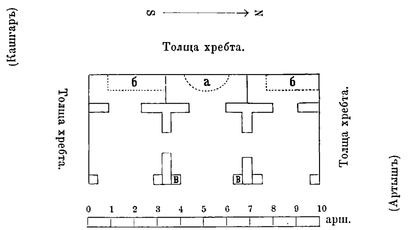
3) Выше, стр. 295.

дизма, о чемъ уже было извѣстно изъ разсказовъ китайскихъ путешественниковъ, потверждается теперь еще новымъ фактомъ.

Памятникъ «трехъ пещеръ», называемый по китайски «сань шань-дунъ» (т. е. три пещеры), а у туземнаго, тюркскаго населенія «учма раванъ» (اوچمه روان), т. е., какъ объясняютъ мѣстные жители, осыпающійся, трудный входъ), находится въ 15-ти верстахъ отъ г. Кашгара къ сѣверу, на большой караванной дорогѣ, идущей въ селеніе Астынъ (Нижній) Артышъ и далѣе — на перевалъ Туругартъ къ русской границѣ. Дорога отъ Кашгара, поднявшись на лёсовую возвышенность, идетъ по ней верстъ 14-ть, а затѣмъ, послѣ небольшаго спуска, тянется по долинѣ, окаймленной горами лёсоваго же образованія, лишенными всякой растительности. На лѣвой сторонѣ дороги, по направленію отъ Кашгара, тамъ, гдѣ лёсовая возвышенность круто поднимается и принимаетъ видъ хребта, расположены горизонтально, одно подлѣ другаго, три отверстія, сдѣланныя въ толщѣ этого хребта на высотѣ $5\frac{1}{2}$ сажень отъ образовавшейся подъ ними осыпи, 12-ть сажень отъ подножія хребта у самой долины и 5-ть сажень отъ вершины хребта. См. приложенный рисунокъ.

Помянутыя три отверстія составляютъ принадлежность одной общей, находящейся за ними и лежащей на одномъ съ ними уровнѣ, пещеры, вырытой въ толщѣ хребта. Пещера (см. прилагаемый чертежъ)[1]) имѣетъ

а. идолъ Будды.
б.б. лежанки.
в.в. деревянные косяки.

форму правильнаго параллелограмма въ $12\frac{1}{2}$ аршинъ по длинѣ (по сторонамъ оконной и задней) и въ $5\frac{1}{2}$ аршинъ по ширинѣ (по сторонамъ, идущимъ вглубь толщи хребта), и раздѣлена стѣнами, противъ каждаго отверстія, на три комнаты, сообщающіяся между собою. Каждая комната, въ свою очередь, раздѣлена на двѣ неравныя части, также между собою сообщающіяся. Высота и размѣры комнатъ одинаковы, а именно: высота ихъ $3\frac{1}{2}$ аршина, длина (по боку вдоль толщи земли) $5\frac{1}{2}$ аршина, ширина $3\frac{1}{2}$ аршина. Въ средней комнатѣ, въ задней ея части, находится грубо высѣченная въ самой толщѣ земли фигура человѣка въ сидячемъ положеніи. Голова у фигуры уничтожена, руки, слабо очерченныя, сложены къ животу, ногъ не видно; онѣ сливаются въ одно цѣлое съ мѣстомъ, на которомъ сидитъ фигура. Всѣ сохранившіяся части фигуры обмазаны глиной съ мелко-рубленой соломой (обычный способъ штукатурки у туземцевъ Кашгаріи, Русскаго Туркестана и Бухары) и облѣплены кусками красной и зеленой бумаги (позднѣйшая поправка, о чемъ сказано ниже). Надъ мѣстомъ, гдѣ была голова фигуры, виденъ вѣнчикъ, нарисованный чертою черной краски съ маленькими черными язычками, обращенными своими остріями

1) Внутреннее описаніе пещеръ составлено со словъ начальника конвоя Кашгарскаго Консульства, подхорунжаго Лисова, который, по веревочной лѣстницѣ, влѣзалъ въ пещеру, подробно ее осмотрѣлъ и измѣрилъ, срисовалъ находящіяся на ея стѣнахъ надписи и взялъ находившіяся тамъ пять китайскихъ стрѣлъ и двѣ, прибитыя къ стѣнѣ, доски съ китайскими знаками, о содержаніи которыхъ сказано ниже.

внутрь вѣнчика. На деревянныхъ косякахъ наружнаго отверстія средней комнаты, внутри, къ сторонѣ комнаты, были прибиты двѣ деревянныя доски въ 1 аршинъ длины и $^1/_4$ аршина ширины съ китайскими знаками, о которыхъ сказано ниже, а на полу комнаты были найдены пять китайскихъ стрѣлъ. Въ заднихъ отдѣленіяхъ каждой изъ двухъ боковыхъ комнатъ находится по лежанкѣ. Наружныя отверстія обѣихъ боковыхъ, также какъ и средней комнаты, обложены деревянными косяками. Средняя и одна изъ боковыхъ комнатъ оштукатурены и выбѣлены; стѣны ихъ покрыты китайскими надписями именъ лицъ, посѣщавшихъ пещеру. Найденныя въ средней комнатѣ двѣ доски съ китайскими знаками (по черному полю красною краскою) были, по моему порученію, скопированы китайскимъ писцомъ, который, за ветхостью красокъ, не могъ разобрать нѣкоторыхъ знаковъ. Копія этихъ знаковъ, при семъ прилагаемая, по краткому переводу писца, гласитъ, что въ 20 году правленія Дзя-Цинъ[1]) (1799—1820), значитъ, около 80 лѣтъ тому назадъ, прибывшій въ Кашгаръ командующій китайскими войсками Чжа-фынъ узналъ отъ китайца Ли-ми о существованіи близь Кашгара «трехъ пещеръ». Онъ отправился ихъ осмотрѣть; нашелъ ихъ и находящагося въ нихъ идола въ разрушеніи и очень тѣмъ опечалился. Затѣмъ онъ спрашивалъ какого-то И-бо — чье изображеніе находится въ пещерахъ, и получилъ отвѣтъ, что это изображеніе есть идолъ Фу-цзу (Будда); тогда Чжа-фынъ, въ 9 мѣсяцъ 21-го года правленія Дзя-Цина, приказалъ исправить идола и пещеры, на что было пожертвовано и израсходовано 22 ямбы (слитокъ серебра въ $4^1/_2$ фунта). Имена жертвователей помѣщены на помянутыхъ доскахъ.

Переводъ этотъ — краткій; можетъ быть при подробномъ переводѣ помянутой копіи найдутся и другія какія нибудь свѣдѣнія объ этомъ буддійскомъ памятникѣ близь Кашгара[2]).

Н. Петровскій.

Кашгаръ, Августъ 1892.

Мѣдная монета въ Маньчжуріи.

Какъ и въ самомъ Китаѣ, въ Маньчжуріи обращается единственная размѣнная монета — мѣдная (точнѣе сплавъ мѣди, цинка и олова). Это такъ называемые *чохи*, круглая монета съ квадратнымъ отверстіемъ по срединѣ.

---

1) [1815 г.].

2) [По ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что кит. текстъ ничего болѣе существеннаго не сообщаетъ. А. Ивановскій].

На лицевой сторонѣ надпись обозначаетъ года правленія царствующаго императора, на оборотной при нынѣшней династіи маньчжурскими буквами стали обозначать названіе монетнаго двора, гдѣ отлита монета [1]). Китайское названіе этихъ монетъ *цянь* 錢, маньчжурское *цзихá* (у дахуръ и солоновъ *цзяhá*, *чжаhá)*. Счетъ этихъ монетъ и отношеніе ихъ къ серебру отличается большимъ разнообразіемъ и въ самомъ Китаѣ, такъ что напр. въ Пекинѣ одна монета, правда немного большихъ размѣровъ, идетъ за двадцать номинальныхъ чоховъ, а въ Калганѣ каждая монета считается за одинъ номинальный чохъ. То же самое, но, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ, мы видимъ и въ Маньчжуріи. Именно въ ней существуютъ три счета [2]) чоховъ. Два первыхъ счета по связкамъ. Первый счетъ — на такъ называемые *да-цянь* (большіе чохи), *цзинъ-цянь* (столичные чохи) и *дунъ-цянь* (восточные чохи) — существуетъ въ сѣверной и средней Маньчжуріи, т. е. въ Цицикарскомъ и Гиринськомъ цзянъцзюньствахъ. Въ этомъ счетѣ каждая монета считается за два номинальныхъ чоха. При этомъ въ сотнѣ номинальныхъ чоховъ всего 49 монетъ, а въ тысячѣ — 490 монетъ, или 980 номинальныхъ чоховъ, отчего и образовалось техническое слово *«цзю-па»* (980) [3]). Эти 490 монетъ и образуютъ связку въ тысячу номинальныхъ чоховъ *(и-дяо-цянь)*, которая обыкновенно называется *дяо;* для удобства счета чохи нанизываются столбиками, раздѣленными узелками и перехватами веревочки. Во всякой связкѣ 6 такихъ столбиковъ, по 3 съ каждой стороны: крайніе (верхніе) по 49 монетъ (100 ном. чоховъ), остальные по 98 (200 номин. чоховъ) [4]).

Второй счетъ — на *сяо-цянь* («малые чохи») [5]) практикуется въ Южной Маньчжуріи (Мукдэньскомъ цзянъцзюньствѣ), начиная съ И-тунъ-чжоу [6]). Здѣсь уже каждая монета считается за 6 номинальныхъ. Такимъ образомъ въ тысячѣ номинальныхъ чоховъ будетъ всего 162 (Мукдэнь) и даже 160 (Ляо-янъ) монетъ. Поэтому въ одну связку соединяются 2000 номинальныхъ чоховъ, въ каждой половинѣ по 1000 номинальныхъ чоховъ (162

---

1) Въ Пекинѣ 2 монетныхъ двора при Министерствѣ Финансовъ и при Министерствѣ Работъ. Въ губерніяхъ монетные дворы помѣщаются въ главныхъ городахъ. Названіе каждаго состоитъ изъ слова *бао* (монета) и гіероглифа, взятаго изъ названія губерніи или ея главнаго города, напр. *Цзянъ*-бао въ *Цзянъ*-си, *Чжэ*-бао въ *Чжэ*-цзянъ, *Юань*-бао въ Шань-си (Тай-*юань*-фу), *Чанъ*-бао въ Ху-бэй (Ву-*чанъ*-фу).

2) По крайней мѣрѣ про другіе я не слыхалъ, а съ этими ознакомился самъ на дѣлѣ.

3) Это слово и обозначается на бумажныхъ денежныхъ знакахъ *(тъ-цза)*, которые увидимъ ниже.

4) $4 \times 200 + 2 \times 100 = 1000$.

5) По преданію, съ Танской династіи.

6) По тракту онъ продолжается въ Чжилійской провинціи до Тунъ-чжоу.

монеты), раздѣленныхъ на 2 столбика: 600 и 400 номинальныхъ чоховъ. Въ этомъ счетѣ въ 500 номинальныхъ чохахъ 81 монета, а въ сотнѣ номинальныхъ чоховъ всего 16 монетъ. Интересенъ здѣсь счетъ по десяткамъ *(шú-чэнъ):* въ 1-мъ десяткѣ 2 монеты (т. е. двѣ монеты составляютъ 10 номинальныхъ чоховъ, или одна — 5 номинальныхъ чоховъ), въ 2-хъ десяткахъ — 3, въ 3-хъ — 5, въ 4-хъ — 6, въ 5-ти — 8, въ 6-ти — 10, въ 7 — 11, въ 8-ми — 13, въ 9-ти — 14, въ 10 дес. — 16 мон.)[1]). Такъ какъ связки чоховъ представляютъ очень значительный вѣсъ, то для удобства частныя фирмы (закладныя лавки, гостинницы и т. п.) выпускаютъ свои бумажные знаки, обращающіеся только въ своемъ районѣ. Изъ нихъ наибольшимъ довѣріемъ пользуются лавки, принимающія подъ закладъ вещи *(дáнъ-пу),* такъ какъ эти вещи гарантируютъ уплату стоимости бумажныхъ знаковъ: въ случаѣ несостоятельности одной фирмы другія фирмы-поручительницы берутъ къ себѣ всю наличность товара и закладовъ, принимаютъ на себя всѣ разсчеты съ владѣльцами послѣднихъ и удовлетворяютъ кредиторовъ (большею частію замѣняя денежные знаки обанкрутившейся фирмы своими). Поэтому-то денежные знаки большой закладной фирмы имѣютъ обращеніе даже далеко за предѣлами своего города (напр. нѣкоторые Цицикарскіе денежные знаки мѣняются[2]) въ Айгунѣ и на оборотъ), при этомъ надо замѣтить, что бываютъ и поддѣльные. Эти денежные знаки по всей Маньчжуріи называются *тѣ-цза* 帖子 (билетъ), а не 鏢 — *пяо* или *цянь-пяо* (какъ въ Пекинѣ). Айгунцы, знакомые немного съ русскимъ языкомъ, переводятъ это слово русскимъ «вексель», а русскіе рубли («бумажка» по амурски) также называютъ *тѣ-цза* (сань-чжанъ-тѣ-цза 三張帖子 3 рубля). Тамъ, гдѣ счетъ на *да-цянь*, эти *тѣ-цза* бываютъ стоимостью отъ 1-ой до 5-ти *дяо*, а въ Айгунѣ даже въ 700 и 500 чоховъ (по русско-айгунски «вексель на 70, 50 копѣекъ»), въ мѣстностяхъ же со счетомъ на *сяо-цянь*, *тѣ-цза* бываютъ не менѣе какъ на 4 *дяо*, а выше въ 40, 50, и больше *дяо*. Замѣчательно, что на сѣверѣ, гдѣ торговля менѣе развита, эти билеты *(тѣ-цза)* во избѣжаніе поддѣлки отдѣлываются очень тщательно, а чѣмъ дальше на югъ, чѣмъ слѣдовательно торговля и коммерческая смѣтка больше, тѣмъ они плоше, и наконецъ въ Пекинѣ зачастую едва только можно разобрать фирму и стоимость (количество *дяо*).

Перехожу теперь къ третьему счету. Этотъ счетъ существуетъ повсе-

---

1) Т. е., въ первыхъ пяти десяткахъ прибавляется въ нечетныхъ десяткахъ по двѣ монеты, въ четныхъ по одной, а съ 6-го десятка (съ котораго счетъ начинается снова, т. е., который есть 1-ый десятокъ 2-ой половины) на оборотъ по 2 монеты въ четныхъ и по одной въ нечетныхъ десяткахъ.

2) Конечно, только въ нѣкоторыхъ лавкахъ, имѣющихъ сношенія.

мѣстно и употребляется при покупкѣ *по штучно, по мелочамъ*[1]). Здѣсь уже каждая монета (называемая *да-цянь* или *дань*, напр. *ший-гэ да-цянь* или *ший-гэ-дáнь* 10 монетъ) считается за одну и неполновѣсные чохи, допускаемые въ извѣстномъ количествѣ (10—15) въ связкахъ, совершенно не принимаются. Считаю нужнымъ сказать теперь нѣсколько словъ объ отношеніи этой мѣдной монеты къ серебру и русскому рублю (бумажному). Русскія бумажки свободно обращаются въ Айгунѣ и его окрестностяхъ, берутся въ Мэргэнѣ и даже Цицикарѣ. Курсъ на серебро прямо пропорціоналенъ стоимости ланы серебра, но устанавливается айгунцами безо всякаго участія русскихъ. Минимальная стоимость рубля 1 дяо 130 чоховъ (1130 чоховъ), максимальная 1 дяо 300 чоховъ (1300 чоховъ, 21 авг. 1890 г.)[2]). На айгунскомъ же базарѣ мѣдныя и серебряныя деньги принимаются, считая рубль за одну *дяо*, т. е. 5 коп. за 50 чоховъ, 10 к. за 100 чоховъ и т. д. Интересно, что стоимость нашего рубля бываетъ ниже всего тогда, когда онъ нужнѣе всего китайцамъ, именно осенью во время лихорадочной скупки ими золота, вынесеннаго тайкомъ съ пріисковъ возвращающимися рабочими, а выше всего зимою и лѣтомъ, когда они поставляютъ русскимъ овесъ, муку и т. п. Въ Мэргэнѣ стоимость рубля всегда ниже чѣмъ въ Айгунѣ, приблизительно на 100—150 чоховъ, а въ Цицикарѣ за рубль даютъ только одну *дяо*.

Курсъ на серебро болѣе правиленъ и зависитъ отъ наличности серебра. Серебро въ Маньчжурію попадаетъ тремя путями: отъ казны для раздачи жалованья чиновникамъ и всѣмъ служащимъ въ 8 знаменахъ и на станціяхъ, изъ внутренняго Китая черезъ Мукдэнь въ замѣнъ золота, провозимаго съ Амура черезъ Айгунъ (до 70 пудовъ ежегодно), и наконецъ отъ русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Илійскомъ краѣ. Послѣдніе находятъ выгоднымъ для себя пересылать почтой серебро въ Благовѣщенскъ для продажи китайцамъ. Какъ велика коммерческая оборотливость послѣднихъ видно изъ того, что они покупаютъ въ Благовѣщенскѣ фунтъ серебра по 28 р. 50 к., то есть, выше существующаго у нихъ курса, за то съ уплатою черезъ 12 мѣсяцевъ, а мнѣ продавали въ Айгунѣ за 26 рублей съ копѣйками.

Минимальная стоимость ланы въ Айгунѣ 2 дяо 860 чоховъ (2,860 чоховъ, 11 февраля 1891 г., тогда рубль 1 дяо 130 чоховъ), максимальная 3 дяо 300 чоховъ (3,300 чоховъ)[3]). Курсъ на серебро въ Айгунѣ самый низкій, далѣе оно вездѣ дороже. Исключеніе составляетъ только Мэргэнь,

---

1) Такъ повсемѣстно продаются печеный хлѣбъ (въ видѣ булочекъ), яйца, зелень и т. п. Маленькія булочки, печеныя на пару (мáнь-тоу), стоятъ 2, 3 монеты штука, булочки съ сахаромъ (гуань-тоуръ, шао-бинъ и т. п.) 3—5 монеты штука, въ той же цѣнѣ и яйца.

2) Та и другая показаны по собственному опыту и по распроснымъ свѣдѣніямъ.

3) Я покупалъ 22 авг. 1890 г. по 3,200 чох. Рубль стоилъ 1 дяо 300 чох. (1,300 чоховъ).

гдѣ курсъ на серебро болѣе или менѣе произвольный, такъ какъ въ немъ всего семь большихъ лавокъ. Такимъ образомъ, запасшись серебромъ въ Айгунѣ, я вездѣ въ Маньчжуріи мѣнялъ его съ небольшой выгодой для себя. Именно, купивши 11 февраля 1891 г. въ Айгунѣ серебро по 2 дяо 860 чоховъ (2,860 чоховъ), я мѣнялъ его въ Цицикарѣ (24 февраля) по 2 дяо 950 чоховъ [1]), въ Синь-чэнѣ (1—3-го марта) по 3 дяо (самое выгодное), въ Тѣлинь и Мукдэнѣ (19—21 марта) по 2 дяо 960 чоховъ (8,800 чоховъ на сяо-цянь) и т. д., въ Шань-хай-гуань мнѣ уже дали только 8,750 чоховъ на сяо-цянь (2 дяо 916 чоховъ), а въ Тунъ-чжоу и Пекинѣ (въ апрѣлѣ 1891 г.) я мѣнялъ съ небольшимъ убыткомъ (2 дяо 850 чоховъ и 2 дяо 800 чоховъ), о чемъ меня предупреждали еще въ Айгунѣ.

Что касается до мѣдныхъ монетъ, обращающихся въ Маньчжуріи, то онѣ, конечно, большею частію отлиты въ самомъ Китаѣ, но встрѣчаются и монеты мѣстной отливки, годовъ правленія нынѣшняго императора *Гуанъ-сюй*. Послѣднія имѣютъ слегка позолоченный видъ. Какъ я уже говорилъ, при счетѣ по отдѣльнымъ монетамъ, неполные, маленькіе чохи не принимаются, въ счетѣ же по связкамъ *(дяо)* ихъ, какъ и старыхъ монетъ, допускается ограниченное число (всего 10—15 штукъ). При этомъ на сѣверѣ они нанизываются въ перемежку, а на югѣ (гдѣ счетъ на сяо-цянь) неполные чохи въ положенномъ числѣ нанизываются отдѣльно на самомъ концѣ связки. Такъ какъ эти мелкіе чохи по мелочамъ не принимаются, а связки цѣликомъ далеко не переносятся, то неполные, маленькіе чохи и остаются приблизительно въ томъ же районѣ; прочія же монеты свободно распространяются по всей Маньчжуріи, такъ какъ независимо отъ того, счетъ ли на *да-цянь* или на *сяо-цянь*, китайскіе пѣшеходы *(пао-туръ* 跑腿兒) и извощики везутъ съ собою свои связки и расходуютъ ихъ по мелочамъ. Вечеромъ въ каждой лавкѣ чохи, набранные по мелочамъ днемъ, нанизываются на связки. Эти связки, при размѣниваніи билетовъ *(тѣ-цза)* или при даваніи сдачи съ нихъ, попадаются въ руки другихъ проѣзжихъ и отправляются дальше. Это нужно имѣть особенно въ виду для уясненія распространенія древнихъ монетъ по Китаю и Маньчжуріи.

Увидавши связки китайскихъ чоховъ еще въ Благовѣщенскѣ, на мелочномъ китайскомъ базарѣ [2]) и замѣтивши въ нихъ старыя монеты, я заинтересовался вопросомъ, какихъ династій монеты и въ какомъ количествѣ

1) 23 окт. 1890 г. по 2 дяо 900 чоховъ, хотя казенное серебро (всегда болѣе дорогое) мѣняли по 3 дяо 100 чоховъ. Также въ хорошей цѣнѣ серебро въ кусочкахъ, такъ называемое Гу-лоу-инь-цза.

2) Этотъ базаръ китайцами и держится, всѣ лавочки подъ навѣсами китайскія; русскіе торгуютъ только хлѣбомъ и въ большихъ лавкахъ рынка.

попадаются въ этихъ связкахъ. Правда, въ книгахъ о Китаѣ (напр. и у Іакинѳа) мы находили указанія, что въ обращеніи допускаются монеты только со временъ династіи Сунъ, однако насколько можно было полагаться на это свидѣтельство? Съ цѣлью провѣрить и убѣдиться, я сталъ во время своихъ поѣздокъ выбирать изо всѣхъ бывшихъ въ моихъ рукахъ связокъ старыя монеты. Сначала я бралъ всѣ, потомъ, когда явилась масса дублетовъ, я бралъ только новыя. Въ какомъ количествѣ въ связкахъ встрѣчались старыя монеты, можно видѣть изъ двухъ примѣровъ: 22-го августа 1890 г. въ Айгунѣ изъ 5 дяо я выбралъ 45 старыхъ монетъ, да еще откинулъ 15 монетъ годовъ правленія *куань-юнъ*, 4 сентября въ Эрлъ-чжань изъ 2 *дяо* выбралъ 22 штуки старыхъ монетъ (по 11 монетъ на *дяо*). Съ теченіемъ времени у меня получилось 268 монетъ. Эти монеты по династіямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

династіи *Танъ* — 7 монетъ (6 монетъ годовъ правленія *кай-юань* 713/748 по Р. Х. Юань-цзуна, 1 монета годовъ правленія *цянь-юань* 758/759 Су-цзуна).

» *Ву-дай* (?) — 1 монета года правленія *чжоу-юань* (995) императора Ши-цзуна династіи Хоу-чжоу.

» *Сунъ* — 144 монеты (первыя двѣ монеты годовъ правленія *сунъ-юань* 976/998 императора Тай-цзу и послѣднія 4 монеты годовъ правленія *чжэнъ-хо* 1111/1117 Хуй-цзуна).

» *Ляо* — 1 монета года правленія *да-ань* (1081) императора Дао-цзуна.

» *Цзинь* — 3 монеты (2 монеты годовъ *чжэнъ-лунъ* 1156/1168 Хай-линъ-вана и 1 монета годовъ *да-динъ* 1161/1189 Ши-цзуна).

» *Минъ* — 25 монетъ, считая тутъ и ея продолжателей (13 монетъ, именно 7 монетъ Усань гуй'я[1]): 2 монеты годовъ *чжао-ву* 昭 武 и 5 монетъ годовъ *ли-юнъ* 利 用, и 6 монетъ его внука У-ши-фаня).

Японскихъ — 51 монета годовъ правленія *куань-юнъ* 寬 永 (съ 1624 г. по Р. Х.).

Затѣмъ 36 монетъ остаются неопредѣленными хронологически. Изъ нихъ одна монета *чанъ-пинъ* 常 平-тунъ-бао, на счетъ которой каталогъ «Гу-цзинь-со-цзянь-лу» высказываетъ мнѣніе, что многочисленныя монеты съ такою надписью или корейскія (такъ какъ привозятся судами, бывшими въ Кореѣ), или иностранныя; прочія монеты (10 *цзинъ-синъ* 景 興, 11

1) Его сторонники въ большомъ числѣ были сосланы въ Маньчжурію.

монетъ *цзинь-шэнъ* | 盛, 6 монетъ *гуанъ-чжунъ* 光 中 и по одной монетѣ *ань-фа* 安 法, *тай-пинъ* 太 平 и *цзя-лунъ* 嘉 隆) относятся китайскими нумизматическими сочиненіями къ такъ называемымъ цянь-вэнь 錢 文 (именно монеты съ надписью гуанъ-чжунъ), неизслѣдованнымъ (у-као-цянь, бу-чжи-нянь-дай), но часть ихъ я склоненъ считать иностранными, именно монеты съ надписью *цзинь-синъ* и *цзинь-шэнъ* за аннамскія, такъ какъ тамъ были годы правленія подъ этими названіями.

Наконецъ у пяти монетъ легенды остались неразобранными.

Иностранныя монеты, въ особенности корейскія, легко могли попадать въ Маньчжурію благодаря торговымъ сношеніямъ и движенію колонизаціи. Обиліе японскихъ монетъ *куань-юнъ* объясняется тѣмъ, что въ послѣднее время въ Японіи введена мѣдная монета по образцу европейской (сенъ-сантимы) и изъята изъ обращенія прежняя по китайскому образцу. Очевидно, таковую стали сбывать въ Корею и черезъ нее въ Маньчжурію. Что эта монета не поддѣльная, видно изъ того, что она болѣе тщательной, не китайской отливки.

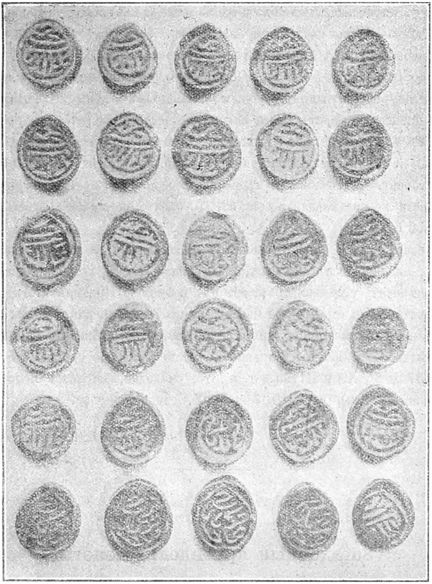
Остается еще предположеніе, не поддѣльныя ли древнія китайскія монеты, найденныя въ связкахъ, и не попали ли онѣ въ обращеніе, потерявши цѣнность у нумизматовъ, изъ ихъ собраній. Противъ этого предположенія говоритъ то, что эти монеты не особенно древни, что ихъ древность даже и въ настоящее время не такова, чтобы обратить на себя вниманіе китайскихъ любителей древности. Если послѣдніе собираютъ монеты Яо (2357 до Р. Х.) и Шуня и т. п., то, очевидно, для нихъ монета временъ династіи Танъ (620—907 по Р. Х.) слишкомъ нова.

А. О. Ивановскій.

Загадочныя яркендскія монеты.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріобрѣлъ я въ Кашгарѣ двѣ мѣдныя монеты, отличающіяся по своему внѣшнему виду и по своей формѣ отъ общеизвѣстнаго облика монетъ. Пріобрѣтенныя мною монеты имѣли форму не круглую, а нѣсколько, съ одного бока, заостренную, — форму миндалинки, весьма часто употребляющуюся въ мусульманскихъ печатяхъ, которыя поэтому и называются «бадамча», т. е. миндалеподобными (بادام — миндаль — персидское слово, повсемѣстно въ Средней Азіи употребляемое;

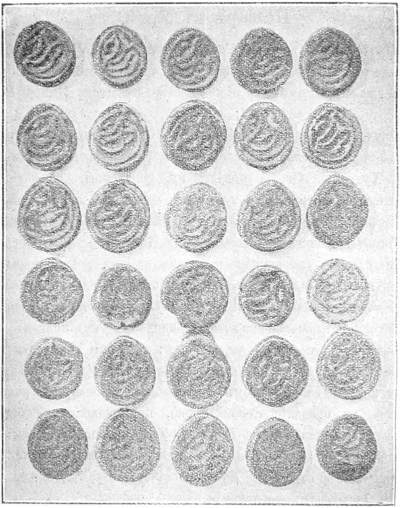
چه — суффиксъ подобія: «какъ», «à la manière»)[1]). Сами монеты — толще обыкновенныхъ, а надписи на нихъ выбиты вглубь. На одной сторонѣ одной изъ этихъ монетъ можно было, казалось мнѣ тогда, прочитать «зарби Яркендъ» (ضرب یارکند); но нумизматы, которымъ я эти монеты показывалъ,

не нашли возможнымъ принять такое чтеніе и признать миндалпики за монеты; они причислили ихъ къ амулетамъ и вопросъ о монетахъ оставили открытымъ до полученія бо́льшаго числа экземпляровъ и съ болѣе ясными надписями. Съ тѣхъ поръ мнѣ удалось пріобрѣсти подобныхъ монетъ трид-

1) Словарь Zenker'a, I, 376.

цать экземпляровъ [1]) разной, повидимому, чеканки. На одной сторонѣ всѣхъ этихъ монетъ надпись одинаковая, именно: «зарби Яркендъ». Надписи на другой сторонѣ не одинаковыя, весьма трудно поддающіяся разбору, не смотря на вполнѣ достаточную для этого (на нѣкоторыхъ экземплярахъ)

ясность и четкость буквъ. Монеты чеканены изъ красной мѣди; размѣры ихъ: діаметръ 17 мм., діаметръ чрезъ заостренный конецъ 19 мм., толщина (высота ребра) 6 мм. Вѣсъ каждой 8 граммъ. Прилагаемые, снятые мною, съ этихъ монетъ снимки пояснятъ ихъ описаніе и можетъ быть дадутъ воз-

1) Кромѣ этихъ 30-ти монетъ двѣ такія же монеты находятся у Я. Я. Лютша, секретаря Кашгарскаго Консульства, и одну монету я подарилъ бывшему въ Кашгарѣ англійскому путешественнику, капитану Юнгъ-Хёсбэнду.

можность лицамъ, болѣе меня свѣдущимъ, разобрать ихъ надписи и прибавить хотя одинъ фактъ къ столь мало извѣстной еще исторіи Восточнаго Туркестана[1]).

Н. Петровскій.

Кашгаръ, Іюль 1892.

Пожаръ въ Ургѣ.

Въ «Извѣстіяхъ Импер. Р. Геогр. Общ.», т. XXVIII, стр. 321—22 мы находимъ слѣдующую выдержку изъ письма Россійскаго Посланника въ Пекинѣ, графа Кассини, на имя Вице-предсѣдателя Импер. Р. Геогр. Общества, отъ 7/19 февр. 1892:

«Генеральный Консулъ нашъ въ Ургѣ увѣдомилъ меня, что въ ночь съ 15 на 16 января сего года сгорѣли въ Ургинскомъ Курени дворецъ тамошняго Хутухты. Огонь, повидимому, уничтожилъ всю обстановку, много золотыхъ и серебряныхъ кумировъ, почти всѣ вещи, хранившіяся въ кладовыхъ и собиравшіяся за все время здѣшнихъ Хутухтъ, частью дареныя Гэгэну Китайскимъ Императоромъ Канси и др., а большею частью подносимыя ханами, князьями и важными ламами всѣхъ подвластныхъ Китаю монгольскихъ племенъ, а также нашими бурятами и калмыками. Убытки громадны. Самая важная потеря заключается въ истребленіи пожаромъ библіотеки, заключавшейся въ старинныхъ рѣдкихъ книгахъ, другихъ экземпляровъ которыхъ нигдѣ не имѣется; тамъ же хранились грамоты Далай-ламы и документы, служившіе историческими указаніями на способъ пропаганды здѣсь Тибетомъ ламаизма, на постепенное распространеніе религіи, на предварительныя мѣры, принимавшіяся Тибетцами къ окончательному утвержденію въ Монголіи ламаизма, посредствомъ перенесенія резиденціи Джамцу Дамба Хутухты изъ Тибета въ Халхскую Монголію и, наконецъ, на отношенія Хутухты къ Далай-ламѣ, Баньченъ-эрдени и вообще къ Тибетскимъ святынямъ».

Изъ письма А. Г. Туманскаго.

[Изъ письма E. G. Browne'а я узналъ еще лѣтомъ, что въ кружкахъ приверженцевъ Яхъи Субх-и-Эзеля держится слухъ о возникшихъ въ Аккѣ послѣ смерти Беhауллаха разногласіяхъ. Корреспондентъ E. G. Browne'а[2]) именно утверждаетъ, что между стар-

1) Здѣшніе мусульмане читаютъ одну изъ надписей на этихъ монетахъ (на средней въ нижнемъ ряду) такъ: «саиби хубанъ раджи»— صاحبه خوبان راجی (См. табл. на стр. 308).

2) Усердный эзеліецъ, живущій въ Константинополѣ.

шимъ сыномъ Беhá, Аббáсомъ-Эфенди, и однимъ изъ его братьевъ, Мирзой Мухаммед-Аліемъ произошелъ споръ о наслѣдствѣ и что на сторону послѣдняго сталъ Ага Мирза Ага Джанъ, съ прозвищемъ Хáдимуллахъ, спеціальный и приближенный слуга Беhá-уллаха. Обо всемъ этомъ я написалъ Ал. Григ. Туманскому и вотъ что онъ мнѣ по этому поводу пишетъ 8 Сент. 1892:] В. Р.

...Я нѣсколько запоздалъ своимъ отвѣтомъ. Причиной этому то, что я поджидалъ пріѣзда бабидовъ ѣздившихъ (زوّار) въ Акку и бывшихъ тамъ при кончинѣ Бехá. Ихъ ѣздило 5 человѣкъ, а именно: 1) اقا ميرزا ابو الحسن افنان[1], 2) اقا سليمان كليمى[2], 3) ميرزا جعفر شيرازى, 4) ميرزا باقر بصّار[3] и 5) اقا عسكر رشتى. Они пріѣхали въ Акку за пять дней до кончины حضرت и были тамъ все время. По ихъ словамъ никакого раздора между Агсанами (т. е. сыновьями Бехáуллы) не было и не могло быть, такъ какъ порядокъ наслѣдованія عرش'а твердо установленъ, какъ въ كتاب اقدس, такъ и въ завѣщаніи. Первые дни послѣ смерти Бехá всѣ бабиды Акки держались указаній كتاب اقدس и наконецъ на девятый день они собрались въ قصر'ѣ и въ ихъ присутствіи Аббасъ-Эфенди вскрылъ пакетъ, запечатанный печатью Бехá-Уллы и, вынувъ изъ него завѣщаніе كتاب عهدى, далъ его прочесть باحسن الالحان племяннику Бехá-Уллы, Меджд-уддину. Кромѣ того бабиды приводятъ какъ доказательство невозможности раздора воспитаніе семьи и отношенія, существующія между членами ея. Мохаммедъ Али во все время пребыванія ихъ въ Аккѣ ничуть не дисгармонировалъ съ остальными членами семьи. За то какъ на крупный успѣхъ бабиды указываютъ на обращеніе въ бехаизмъ сына Субх-и-Эзеля, Мухаммеда-Эфенди.

Ал. Туманскій.

Асхабадъ, 8 Сент. 1892.

Еще о посланіи „Благія вѣсти".

Изъ любезно присланнаго мнѣ E. G. Browne'омъ корректурнаго оттиска новой его статьи[4]), т. е. описанія его богатой коллекціи бабидскихъ рукописей (Catalogue and Description of 27 Bábí Mscripts), я узналъ, что экземпляръ посланія «Благія вѣсти» былъ изъ Акки присланъ также и Browne'у и что онъ заключаетъ въ себѣ не 14 вѣстей, а 15. Это

1) Т. е. родственникъ Баба.

2) Бывшій еврей.

3) Слѣпой поэтъ, авторъ извѣстной Вамъ оды въ честь Государя. [См. Collections Scientifiques etc. VI, p. 251, № 1. В. Р.].

4) См. теперь Journal of the R. As. Soc. за 1892 годъ, Vol. XXIV (New Series), p. 433—90 и 637—710.

обстоятельство побудило меня обратиться къ E. G. Browne'у съ просьбой сообщить мнѣ варіанты его экземпляра, каковую просьбу англійскій коллега, какъ и слѣдовало ожидать, исполнилъ съ величайшей готовностью. Кромѣ того онъ приложилъ еще копіи съ двухъ писемъ (бабидскаго агента въ Александріи и сына Беhâуллаха, Мирзы Бедіуллаха), при которыхъ ему былъ препровожденъ списокъ посланія. За все это, равно какъ и за разрѣшеніе пользоваться этими матеріалами, я здѣсь приношу ему искреннюю благодарность. Обращаюсь прежде всего къ варіантамъ. Ихъ можно раздѣлить на три категоріи:

а) Чисто ороографическія мелочи, не имѣющія никакого значенія и не представляющія никакого интереса, какъ-то прибавленіе или опущеніе тешдида въ общеизвѣстныхъ словахъ, какъ الله, كل и т. п., постановка или опущеніе нѣкоторыхъ гласныхъ знаковъ, *медды* надъ долгимъ â и т. п. Перечисленіе такихъ варіантовъ было бы чистой потерей времени.

б) Опущеніе и прибавленіе отдѣльныхъ словъ или замѣна одного слова другимъ. Такихъ варіантовъ не особенно много; смысла они нигдѣ не измѣняютъ сколько нибудь существеннымъ образомъ. Но для порядка я ихъ приведу всѣ безъ исключенія. Цитую я ихъ по строкамъ и номерамъ «благихъ вѣстей», обозначая списокъ Browne'а буквой *Б*.

Въ заглавіи Б опускаетъ слова فى سجن عكّآء «въ темницѣ Акки» и во второй строкѣ слово الحكيم замѣняетъ словомъ الخبير.

1, 1. Б опускаетъ слово اهل передъ عالم
8, 2. » » » باید послѣ اليوم
9, 1. » » » وآزاد » فارغ
9, 9. (=стр. 186, 2) Б опускаетъ слово الى передъ словами ملكوت и شمس
11, 1. Б читаетъ وسبب وعلّت вмѣсто وعلّت
12, 5. » » والتبيان » والبيان
13, 3. » » هر روزرا » هر روز
13, 8. (=стр. 187, 4) Б читаетъ بسب (= بسبّ) вмѣсто بسبب.

Это чтеніе заслуживаетъ предпочтенія, хотя при подчасъ нѣсколько легкомысленномъ отношеніи бабидовъ къ арабскому классическому языку образованіе формы سُبَب какъ множ. отъ سُبَّة не представляло бы ничего особенно поразительнаго.

14, 2. Б читаетъ عطا نمايند вмѣсто برسانند
14, 8. Б » مذكورة » مذكوره
14, 10. Б » عزّ » عزّت

Весь пассажъ въ концѣ этой (14-ой) «благой вѣсти», отъ словъ چون در مذاهب до конца, въ Б стоитъ не здѣсь, а перенесенъ на конецъ 11-ой благой вѣсти, гдѣ онъ однакоже далеко не такъ умѣстенъ, какъ въ концѣ 14-ой.

в) Послѣдняя категорія варіантовъ — прибавленія. Таковыхъ два: *во первыхъ* на заглавномъ листѣ Б читается слѣдующее[1]):

این احکام و اوامر الهی از قبل در الواح متفرقه وکتاب اقدس و اشراقات و تجلّیات و طرازات و غیرها نازل حسب الأمر الأقدس الأعلی جمع شد تا کل برفضل و رحمت و عنایت حق جلّ جلاله در اینظهور اعظم و نبأ عظیم آگاه شوند و بشکر و حمد مقصود عالمیان مشغول گردند انّه [sic, bis] انّه یؤیّد عباده علی ما اراد و هو الأمر الحکیم

т. е. «Эти Божественныя постановленія и повелѣнія прежде были ниспосланы въ различныхъ посланіяхъ, въ Китâб-и-Акдес, Ишрâкâт[2]), Теджеллiâт, Тирâзâт и другихъ. Согласно священнѣйшему, высочайшему приказанію они (теперь) собраны, чтобы всѣ могли сознать милость и милосердіе и благоволеніе Бога — велико величіе Его — въ эту величайшую манифестацію и великій благовѣстъ и заняться прославленіемъ и благодареніемъ Цѣли всей твари. По истинѣ Онъ помогаетъ своимъ рабамъ (достичь) того, чего Онъ желаетъ и Онъ — есть Премудрый, Повелитель».

Другое прибавленіе находится уже въ самомъ текстѣ и представляетъ выдающійся интересъ. Это — цѣлая, новая «благая вѣсть» въ концѣ посланія. Вотъ ея текстъ[3]):

بشارت پانزدهم

اکرچه جمهوریّت نفعش بعموم اهل عالم راجع و لکن شوکت سلطنت آیتی است از آیات الهی دوست نداریم مُدُنِ عالم از ان محروم ماند اگرمدبّرین این دورا جمع نمایند اجرشان عند اللّه عظیم است

Т. е.

15. «Пятнадцатая благая вѣсть: Хотя республиканская форма правленія полезна для всѣхъ обитателей вселенной, но царская власть есть одно изъ знаменій Божьихъ. Мы не одобряемъ, чтобы государства вселенной были лишены ея. Если государственные мужи соединятъ эти два (принципа), то мзда имъ будетъ великая отъ Бога».

---

1) См. Catalogue and Description l. c., p. 677.

2) «Освѣщенія», «Явленія или Проблески» и «Узоры» — такъ Беhâуллахъ назвалъ нѣкоторыя изъ своихъ посланій. Ср. Browne, l. c., p. 669—670.

3) И текстъ и переводъ напечатаны уже у Browne'а, l. c., p. 679 и 680.

Какъ объяснить присутствіе этого страннаго параграфа въ экземплярѣ, посланномъ Browne'у, или опущеніе его въ экземплярѣ асхабадскомъ? Мнѣ кажется, что не трудно найти объясненіе: съ одной стороны бабидскіе заправилы въ Аккѣ считали неудобнымъ послать въ асхабадскую общину, добивающуюся разрѣшенія перехода въ русское подданство, документъ, содержащій прославленіе республиканской или конституціонной формы правленія, а съ другой стороны эти же самые заправилы считали небезполезнымъ лишній разъ засвидѣтельствовать передъ англичаниномъ свое уваженіе къ парламентаризму!

Изъ заглавнаго листа кэмбриджскаго списка мы узнаемъ, что это посланіе содержитъ такія постановленія, которыя уже раньше были объявлены въ разныхъ посланіяхъ. Пятнадцатая благая вѣсть также не представляетъ ничего новаго противъ того, что Беhá раньше проповѣдовалъ. Яснаго представленія объ организаціи европейскихъ государствъ онъ конечно не имѣлъ; да этого и требовать отъ него нельзя. Его понятія на этотъ счетъ несомнѣнно главнымъ образомъ, помимо устныхъ разсказовъ, почерпнуты изъ текущей новоарабской газетной литературы. Онъ очевидно знаетъ, что есть республики, есть государства конституціонныя и неконституціонныя, и въ общихъ чертахъ понимаетъ первую форму правленія, но, какъ всѣ истые азіаты, совершенно не понимаетъ второй, т. е. конституціонализма. Искренняго сочувствія къ республиканской формѣ правленія и выборному началу, конечно, нельзя предполагать въ человѣкѣ, который себя считаетъ воплощеніемъ божества и уже по этому одному требуетъ и долженъ требовать слѣпаго повиновенія. А что̀ онъ понимаетъ подъ «соединеніемъ республиканской формы правленія съ царскою властью, которая есть одно изъ Божьихъ знаменій», это мы хорошо видимъ изъ его посланія къ «королевѣ въ Лондонѣ», которое входитъ въ составъ такъ называемой سورة الهيكل. Вотъ что мы тамъ читаемъ [1]), «...И дошло до насъ, что ты [2]) довѣрила бразды совѣщанія рукамъ общины. Прекрасно ты сдѣлала, ибо благодаря ему [3]) твердо устанавливаются основы зданій дѣлъ и успокоиваются сердца всѣхъ тѣхъ великихъ и малыхъ, которые подъ твоей тѣнью живутъ. Но только нужно, чтобы они [4]) были надежными изъ рабовъ Божьихъ и считали себя довѣренными всѣхъ, кто на землѣ. Это есть то увѣщеваніе, которое имъ было преподано въ откровеніи Управителемъ, Пре-

---

1) Текстъ напечатанъ мною въ Collections Scientifiques etc. VI, 189; переводъ см. у Browne'a въ The Bábis of Persia etc. p. 970.

2) Т. е. королева.

3) Т. е. совѣщанію.

4) Т. е. участвующіе въ совѣщаніи представители «общины».

мудрымъ. И если кто изъ нихъ пойдетъ въ собраніе, то да обратитъ онъ взоръ свой на высочайшій небосклонъ и да скажетъ: О Боже мой, я молю Тебя пресвѣтлѣйшимъ [1]) именемъ Твоимъ, да укрѣпишь Ты меня на все то, что можетъ способствовать благу рабовъ Твоихъ и процвѣтанію земель Твоихъ, ибо Ты еси всемогущъ. Благо тому, кто войдетъ въ собраніе Бога ради и постановитъ между людьми рѣшенія по чистой справедливости. О, истинно, онъ будетъ изъ числа блаженныхъ. О члены собранія тамъ и въ другихъ странахъ! Соображайте и обсуждайте все то, что способствуетъ благу міра».

Если сопоставить эти слова съ 15-й благой вѣстью, то мы въ нихъ найдемъ подтвержденіе высказанному выше предположенію, что вся 15-я благая вѣсть имѣетъ лишь цѣлью сказать англичанину нѣчто пріятное.

E. G. Browne полагаетъ, что все посланіе составлено для него и онъ имѣлъ полное право такъ думать, потому, что письмо Беhа́уллахова сына, Бедіуллаха, при которомъ было ему прислано посланіе, дѣйствительно не допускаетъ другаго толкованія, какъ читатель сейчасъ увидитъ изъ помѣщаемаго здѣсь текста относящейся къ присылкѣ «посланія о благихъ вѣстяхъ» части его.

چندی قبل بعضی از احکام الهی که در الواح متفرق بود نزد آحبیب روحانی ارسال
شد و بعد از عرض در ساحت اقدس فرمودند آنچه تا حال اوامر و احکام جمع شده
یعنی احکامیکه سبب ظهور عنایت حقّ جل جلاله است بنویسید و ارسال دارید و تا
حال جمع شده در حضور عرض شد و ارسال گشت امید آنکه اهل عالم بما ینفعهم آگاه
شوند و بآن تمسّك نمایند از حق میطلبم بر نور محبت در هر حین بیفزاید انه علی کلّ
شیء قدیر و بالاجابة جدیر

Т. е.: «Нѣсколько раньше были посланы тому духовному другу [2]) нѣкоторыя изъ постановленій Божьихъ, которыя были разбросаны въ (разныхъ) посланіяхъ [3]). Послѣ доклада въ святѣйшемъ жилищѣ [4]), Они [5]) изволили приказать: повелѣнія и постановленія, какія до сихъ поръ собраны были, т. е. постановленія, которыя суть причина проявленія милости Бога — велико величіе Его — напишите и пошлите. Они теперь были собраны, въ присутствіи доложены и посланы. Надежда есть та, что обитатели вселенной

1) Т. е. именемъ Беhа́.

2) Т. е. Browne'у.

3) Это по объясненію Browne'a طرازات и تجليات, о которыхъ онъ говоритъ въ Catalogue and description etc., p. 669; ср. выше стр. 313, прим. 2.

4) Т. е. въ присутствіи Беhа́уллаха.

5) Беhа́.

узнаютъ то, что для нихъ полезно и привяжутся къ нему. У Бога я прошу: да увеличитъ Онъ любовь во всякое время, ибо Онъ всемогущъ и Ему свойственно внимать молитвѣ».

Письмо это помѣчено 11-мъ Джумады II 1308 г. гиджры, т. е. 22/10-мъ января 1891, и получено было въ Кэмбриджѣ 26 января/7 февраля. Мнѣже изъ Асхабада былъ доставленъ списокъ лишь въ декабрѣ 1891 и изъ сопровождавшаго его письма усматривается, что мой корреспондентъ узналъ объ его существованіи въ Асхабадѣ въ сентябрѣ того же 1891 г. Такимъ образомъ эти хронологическія данныя также подтверждаютъ повидимому мнѣніе E. G. Browne'a. Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь все еще думать, что посланіе «Благія вѣсти» первоначально не было составлено для E. G. Browne'a, а для иновѣрныхъ властей такого города, или области, гдѣ живутъ бабиды, *in specie* для русскихъ властей въ Асхабадѣ. E. G. Browne лично слишкомъ хорошо извѣстенъ всѣмъ бабидскимъ заправиламъ, въ томъ числѣ и самому Беhаулляху, своими симпатіями къ бабидамъ, равно какъ и своимъ основательнымъ знакомствомъ съ бабидскимъ ученіемъ, чтобы еще нужно было его «просвѣщать» такимъ суммарнымъ изложеніемъ этого ученія. Другое дѣло иновѣрныя власти, еще мало знакомыя съ бабизмомъ. Бабидскіе агенты въ Асхабадѣ несомнѣнно доносили въ Акку о своихъ сношеніяхъ съ русскими, о своихъ бесѣдахъ съ ними, и между прочимъ и о вопросахъ, которые имъ очевидно не рѣдко предлагались. Особенно много поводовъ къ такимъ вопросамъ могло дать извѣстное дѣло объ убіеніи бабида шіитами въ 1889 году. Давать вѣрующимъ въ руки формулированные самимъ Беhаулляхомъ отвѣты на всѣ подобные вопросы — такова повидимому цѣль и назначеніе посланія «Благія вѣсти». Только при такомъ назначеніи объясняется, кажется мнѣ, полное отсутствіе въ немъ всякихъ догматическихъ отвлеченностей. Всѣ 14 «благихъ вѣстей», если вдуматься въ нихъ, въ сущности не иное что какъ отвѣты на весьма естественные вопросы: какъ вы относитесь къ иновѣрцамъ? будете-ли вы повиноваться мѣстнымъ властямъ? Не будете-ли избѣгать изученія мѣстнаго языка? Не обязываетъ-ли васъ ваша вѣра посѣщать разныя святыя мѣста? и т. п. Даже странная 9-я «благая вѣсть» станетъ какъ-то понятнѣе, если мы взглянемъ на нее какъ на отвѣтъ, вызванный вопросомъ объ отношеніяхъ приверженцевъ новой вѣры къ христіанскому духовенству. — و الله اعلم.

Бар. **В. Розенъ.**

СПБ. Октябрь 1892.

Бабидскій антихолерный талисманъ.

А. П. Орловъ прислалъ мнѣ изъ Астерабада пріобрѣтенныя имъ отъ одного бабида[1]) рукописи, и одинъ листочекъ, которой содержитъ, по словамъ знакомаго А. П. Орлову бабида, «короткое посланіе Беһáуллаха, писанное въ концѣ прошлаго года съ предсказаніемъ холеры и чумы, имѣющихъ постигнуть Персію, и сопровождаемое молитвой[2]), чтеніе которой должно охранять каждаго вѣрующаго бабида отъ заболѣванія».

Какъ мы сейчасъ увидимъ, предсказанія опредѣленнаго и яснаго тутъ нѣтъ никакого. Фразеологія дѣйствительно бабидская, но принадлежность документа Беһáуллахову перу ничѣмъ не подтверждается кромѣ увѣренія бабидскаго знакомаго А. П. Орлова. Но такъ какъ, независимо отъ вопроса объ его дѣйствительномъ авторѣ, документъ этотъ представляетъ нѣкоторый интересъ, то я и считаю не лишнимъ воспроизвести его здѣсь въ текстѣ и переводѣ:

هو الحافظ

سبحانك اللهمّ يا الٰهى اسئلك باسمائك الحسنى وكلماتك الاتم[3]) الاعلى وبانوار وجهك
فى جبروت البقا وباسمك الاعظم الاتمّ الاكرم الذى به توجّهت كلّ الوجوه الى وجه
صمدانيّتك وسقت كلّ القلوب مياه قُدس وحدانيّتك وبه استغنى كلّ فقير واستعزّ كلّ
ذليل واشتفى كلّ مريض بان تحفظ حامل هذا اللوح عنكلّ بلاء وسقم وعنكلّ داء ومرض
وعنكلّ ما يحدث من قضائك فى مملكتك من الوباء والطاعون ودونها وعنكلّ ما يجزع
عنه النفوس ويضطرب عنه الاجساد والقلوب انّك انت الذى تفعل ما تشاء بقدرتك
وتحكم ما تريد بسلطان امرك لا رادّ لقضائك فى ملكوت عزّك ولا مردّ لامضائك فى
جبروت خلقك وانّك انت المقتدر المتعالى العزيز الكريم الغفور

---

1) а) Отрывокъ изъ تفسير سورة يوسف, б) Сборникъ посланій Беһáуллаха, содержащій нѣсколько еще не имѣющихся здѣсь посланій, и в) сборникъ молитвъ, который я не считаю бабидскимъ. О послѣднихъ двухъ рукописяхъ я скажу подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

2) Со словъ هو المشفق الكريم. (См. ниже, стр. 318).

3) Т. е. الاتمّ. Но это соединеніе прилагательнаго въ ед. чис. съ существительнымъ во множ. ч. мнѣ кажется нѣсколько подозрительнымъ. Едва-ли найдется въ *болѣе позднихъ* произведеніяхъ Беһáуллаха другой примѣръ такой. Въ болѣе раннихъ языкъ часто очень неправиленъ.

هو المشفق الكريم

الٰهی الٰهی اسئلك ببحر شفائك و اشراقات انوار نيّر فضلك و بالاسم الذی سخّرت به عبادك و نفوذ كلمتك العليا و اقتدار قلمك الاعلی و برحمتك التی سبقت من فی الارض و السماء بان تطهّرنی بماء العطاء منكلّ بلاء وسقم وضعف وعجز ايربّ تری السائل قائمًا لدی باب جودك و الآمل متمسّكًا بحبل كرمك اسئلك بان لاتخيّبه عمّا اراد من بحر فضلك و شمس عنايتك لا اله الّا انت الغفور الكريم

Т. е.: «Онъ есть Охраняющій. Слава Тебѣ, Боже! О Боже мой! Я молю Тебя именами Твоими прекрасными, и словами Твоими совершеннѣйшими, высочайшими, и лучами лика Твоего въ величіи вѣчности и величайшимъ, совершеннѣйшимъ, благороднѣйшимъименемъ Твоимъ, благодаря которому всѣ лица обращаются къ лику Твоей вѣковѣчности и всѣ сердца напояются водами святости Твоей единичности и всякій нищій богатѣетъ и всякій униженный возвышается и всякій больной исцѣляется: — да охранишь Ты носителя этого листа отъ всякой бѣды и болѣсти и отъ всякаго недуга и хвори и всякой имѣющей случиться по Твоему рѣшенію въ Твоемъ царствѣ холеры и чумы и другой (менѣе страшной болѣзни) и отъ всего, чѣмъ печалятся души и разстраиваются тѣла и сердца. Истинно, Ты — тотъ, кто дѣлаетъ что хочетъ властью Своею, рѣшаетъ что желаетъ могуществомъ Своего повелѣнія: нѣтъ супостата рѣшенію Твоему въ царствіи славы Твоей и нѣтъ защиты отъ Твоего опредѣленія въ горделивости твари Твоей. Истинно, Ты — Всесильный, Всевышній, Всеславный, Всемилостивый, Всепрощающій.

Онъ есть Любящій, Великодушный. О Боже мой, Боже мой! Молю Тебя моремъ цѣлительности Твоей и вспышками огней свѣта милости Твоей и именемъ Твоимъ, которымъ Ты покорилъ рабовъ Твоихъ, и неотвратимостью высочайшаго слова Твоего и могуществомъ высочайшаго пера Твоего и милосердіемъ Твоимъ, которое было раньше всѣхъ, кто на землѣ и на небеси: да очистишь Ты меня водой даянія отъ всякой бѣды и болѣсти и слабости и безсилія. О Господи! Ты видишь молящаго стоящимъ у двери Твоей милости и надѣющагося хватающимся за вервіе Твоего милосердія. Молю Тебя, да не лишишь Ты его того, на что онъ надѣется изъ моря Твоей милости и солнца Твоего милосердія. Нѣтъ божества кромѣ Тебя, Всепрощающаго, Всевеликодушнаго».

Бар. **В. Розенъ.**

СПБ. Октябрь 1892.

Безъименный альмохадскій диргемъ.

Въ прекрасномъ своемъ Catalogue des Monnaies Musulmanes de la Bibliothèque Nationale, Henri Lavoix пишетъ по поводу безъименныхъ диргемовъ за №№ 739—767 втораго тома (Espagne et Afrique) на стр. 317:

«Comme l'a judicieusement remarqué M. Stanley Lane Poole, il est impossible de déterminer sous quels princes Almohades ces dirhems carrés anonymes ont été frappés». Замѣчаніе, справедливое по отношенію къ №№ 739—766, никакъ нельзя примѣнить къ № 767. Дѣйствительно, если, съ одной стороны, достаточно реченій الامر كله لله لا قوة الا بالله, вмѣстѣ съ другими внѣшними признаками, чтобы установить за диргемомъ альмохадское происхожденіе, то не слѣдуетъ упустить изъ виду знаменательное отсутствіе на № 767 лозунга الله ربنا محمد رسولنا المهدى امامنا, который неизмѣнно украшаетъ собою прочіе упомянутые квадратные диргемы; онъ даже не вытѣсненъ употребленнымъ на другихъ монетахъ المهدى امام الامة или чѣмъ нибудь подобнымъ, а просто уступаетъ мѣсто общеисламскому славословію: الحمد لله رب العالمين.

Изъ альмохадской же династіи одинъ лишь халифъ не признавалъ миссіи Мохаммеда, сына Тумерта: Абуль-Олá эль-Мамунъ Идрисъ, сынъ Якуба, супостатъ халифа Яхъи, сына Насира, въ длинномъ посланіи уличилъ во лжи пресловутаго мессію, пересталъ провозглашать его имя въ *хутбѣ* и его, по увѣренію историковъ, выкинулъ изъ надписей своихъ монетъ. Такъ какъ Ибн-Гудъ эль-Джузāмій, поднявъ знамя аббасидскаго халифа, выгналъ Абуль-Олá изъ предѣловъ Испаніи раньше, чѣмъ онъ успѣлъ тамъ установить прочное владычество, то нужно думать, что альмохадскій диргемъ безъ поминовенія аль-Махдія былъ чеканенъ въ Африкѣ, никакъ не ранѣе 626 г. и, во всякомъ случаѣ, не позже 630 г. гиджры, ибо Абуль-Олá воцарился въ Испаніи въ теченіе 624 г. и уже въ 626 г. перебрался въ Фесъ и Тлемсенъ, оставивъ Андалусъ, а скончался въ 630 г.

Бар. **Д. Гинцбургъ.**

Могильна, 27 Сентября 1892 г.

Примѣчаніе. Мысль барона Д. Г. Гинцбурга кажется намъ весьма счастливой и она нисколько не теряетъ своей цѣнности отъ того, что—какъ намъ указалъ баронъ В. Г. Тизенгаузенъ — еще D. Antonio Delgado при описаніи одного альмохадскаго безъименнаго динара коллекціи D. José García de la Torre (см. Description des monnaies espagnoles etc. par J. Gaillard, Madrid 1852, p. 408, n. l.) съ надписью العباسى امام الامة воспользовался показаніями историковъ объ отступничествѣ ал-Мамуна отъ доктрины альмохадовъ для того, чтобы этотъ динаръ приписать именно этому халифу. Но самая мысль барона Д. Г. Гинцбурга все-таки нуждается въ нѣкоторой защитѣ, и не можетъ быть принята

ранѣе предварительнаго рѣшенія одного вопроса, оставленнаго безъ вниманія нашимъ почтеннымъ сотрудникомъ. Постараемся вкратцѣ объяснить въ чемъ дѣло:

H. Lavoix ссылается на статью St. Lane Poole, соглашаясь съ выводами этого автора относительно невозможности пріурочить эти анонимные квадратные диргемы къ опредѣленному халифу. Англійскій же нумизматъ въ цитованной статьѣ (The Numismatic Chronicle, new series, t. XIII Lond. 1873, p. 147 и слѣд.; я пользуюсь, благодаря любезности барона В. Г. Тизенгаузена, отдѣльнымъ оттискомъ) пришелъ къ тому отрицательному результату: 1) что безъименные, квадратные диргемы съ указаніемъ мѣста чеканки не *могли быть* чеканены ал-Маһдіемъ; 2) что *крайне невѣроятно*, чтобъ ал-Маһдію принадлежали даже и диргемы безъ указанія мѣста чеканки; 3) *что невозможно допустить, чтобы эти монеты были биты при халифахъ ал-Мамунѣ и ал-Рашидѣ* и 4) что невѣроятно, чтобы онѣ были биты при Абд-ал-Муминѣ. Оставляя въ сторонѣ пункты 1, 2 и 4, мы остановимся на 3-мъ. Очевидно, что, если англійскій нумизматъ правъ, гипотеза бар. Гинцбурга падаетъ само собой, и поэтому нужно сперва опровергнуть аргументацію St. Lane Poole, съ которой повидимому вполнѣ солидаренъ и H. Lavoix. Аргументація эта опирается на тотъ фактъ, что по показанію историковъ ал-Мамунъ «suppressed the name of El-Mahdi in the Khutbeh and Sikkeh (or prayer and coinage) and restored the dirhems to their original circular shape (St. Lane Poole l. c., p. 6)». Итакъ, *квадратные* диргемы не могли быть биты при ал-Мамунѣ, ибо этотъ халифъ возстановилъ прежнюю круглую форму диргемовъ. St. Lane Poole не цитуетъ источника, откуда онъ беретъ это свѣдѣніе, но онъ имѣетъ очевидно въ виду показанія Ибн-Халдуна и автора ал-Картâса [Ибн-Аби-Зер'а или, по другимъ, Сâлих-ибн-Абд-ал-Халймъ]. Посмотримъ, что они говорятъ. Авторъ ал-Картâса (писалъ въ 1326 г.), разсказавъ о смутахъ въ Маррâкишѣ, которыя заставили ал-Мамуна отправиться въ 626 (1229) въ Африку, о его побѣдѣ надъ Яхъей подъ Маррâкишемъ въ 627 (1230), о его вступленіи въ городъ и рѣчи его къ народу, въ которой онъ предалъ проклятію ал-Маһдія, продолжаетъ такъ [a]): «Alors il quitta la chaire, et il expédia immédiatement des proclamations dans tous les pays soumis à son commandement pour inviter les peuples à se détourner de la voie d'El-Mehdy et de toutes les nouveautés religieuses qu'il avait créées pour les Almohades. Il ordonnait de s'en tenir aux traces des anciens souverains, de ne plus prononcer le nom d'El-Mehdy dans les khotbah et de l'effacer des dinars d'or et des pièces de cuivre qu'il avait fait frapper. *Il fit arrondir toutes les monnaies d'El-Mehdy, décrétant que quiconque continuerait à se servir de pièces carrées serait coupable d'hérésie*». Подчеркнутыя нами слова едва-ли не единственное мѣсто, изъ котораго выведено заключеніе о возстановленіи ал-Мамуномъ прежней круглой формы диргемовъ, ибо другой историкъ, служащій еще источникомъ для этого періода — т. е. Ибн-Халдунъ, нигдѣ не говоритъ о такой реформѣ. Въ разсказѣ о царствованіи ал-Мамуна (de Slane, Histoire des Berbères, II, p. 233—37=текстъ I, ٣٤٢ — ٣٤٤) мы читаемъ, что въ разосланномъ ал-Мамуномъ эдиктѣ содержалось, кромѣ другихъ не относящихся къ монетному дѣлу предписаній, только предписаніе не употреблять имени ал-Маһдія на монетахъ (l. c., p. 236) и только въ другомъ мѣстѣ (l. c. p. 299 и текстъ I, ٣٨٩), гдѣ Ибн-Халдунъ разсказываетъ о возстаніи противъ ал-Мамуна эмира Абу-Закаріи (основателя династіи хафсидовъ) онъ, рекапитулируя еретическія (съ альмохадской точки зрѣнія) слова и поступки ал-Мамуна въ Маррâкишѣ, сообщаетъ намъ, что онъ открыто порицалъ ал-Маһдія за разныя еретическія нововведенія, м. пр. и за то, что онъ придалъ диргемамъ квадратную форму. Между распоряженіями же ал-Мамуна тутъ также упоминается лишь о запрещеніи ставить имя ал-Маһдія на монетахъ, но не говорится ни слова о «возстановленіи первоначальной круглой формы диргемовъ». Остается, слѣдовательно, подчеркнутое нами выше мѣсто автора ал-Картâса, которое, въ виду важныхъ дѣлаемыхъ изъ него выводовъ, заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія. Текстъ его въ изданіи Торнберга гласитъ такъ [b]): ودوّر الدراهم المركنة التى كان ضربها المهدى وقال كلّ ما فعله المهدى وتابعه عليه اسلافنا فهو بدعة ولا سبيل لابقاء البدع

a) A. Beaumier. Roudh-el-Kartas etc. Paris 1860, p. 359—60.

b) Annales Regum Mauritaniae etc. ed. etc. C. J. Tornberg, Upsaliae 1843, v. I, p. ١٩٨.

Торнбергъ переводитъ [a]): Dirhemos solidos (?), ab el-Mehdio cusos, rotundos fecit, dictitans, quaecumque iste fecerit et majores fuerint secuti, nova haeresis est, haud retinenda. Этотъ переводъ, за исключеніемъ передачи مكركة чрезъ solidos, поправленный самимъ переводчикомъ въ примѣчаніи на стр. 434 — вполнѣ вѣренъ. Порусски мы скажемъ такъ: «онъ придалъ (или: велѣлъ придать) квадратнымъ диргемамъ, которые выбилъ ал-Маhдій, круглую форму и сказалъ [b]): все что сдѣлалъ ал-Маhдій и въ чемъ подражали ему наши предки — новшество (религіозное, т. е. ересь) и нѣтъ возможности продолжать (эти) новшества». Французскій переводъ напрасно говоритъ о *всѣхъ монетахъ*, когда текстъ называетъ только *диргемы* и вообще слишкомъ подчеркиваетъ нумизматическую сторону дѣла, но даже изъ него вытекаетъ *прямо* только то, что ал-Мамунъ велѣлъ округлить диргемы, выбитые ал-Маhдіемъ. Какъ слѣдуетъ понимать это извѣстіе? Дѣйствительно ли онъ велѣлъ перечеканить квадратные диргемы ал-Маhдія, или же это извѣстіе является отголоскомъ той рѣчи ал-Мамуна, которую онъ сказалъ послѣ своего вступленія въ Марраâкишъ, собраннымъ въ мечети альмохадскимъ шейхамъ, и въ которой онъ такъ сильно бранилъ ал-Маhдія за разныя новшества и м. пр. и за измѣненіе формы диргемовъ. Имѣя въ виду сильно скомканный разсказъ автора ал-Картâса, послѣднее предположеніе считаемъ болѣе вѣроятнымъ, особенно когда мы припомнимъ, что въ гораздо болѣе подробномъ и толковомъ разсказѣ Ибн-Халдуна нѣтъ ни слова даже объ перечеканкѣ монетъ ал-Маhдія, не говоря уже объ измѣненіи формы диргемовъ вообще. Между тѣмъ большая разница между запрещеніемъ ставить имя ал-Маhдія на монетахъ и измѣненіемъ самой формы монеты. Надписи мало кто и разберетъ, а форма всякому бросается въ глаза. Принимая все вышеизложенное въ расчетъ, мы приходимъ къ заключенію: 1) что баронъ Д. Г. Гинцбургъ совершенно правъ, отнеся диргемъ, описанный у Lavoix подъ № 767, на которомъ имя ал-Маhдія не значится, къ ал-Мамуну и спеціально къ тому времени, когда этотъ халифъ открыто объявилъ себя противникомъ ученія ал-Маhдія, т. е. ко времени между 626 и 630 г. гиджры, и 2) что теорія г. St. Lane Poole о *невозможности* отнесенія квадратныхъ диргемовъ съ именемъ ал-Маhдія къ ал-Мамуну недостаточно доказана, ибо мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы отрицать чеканку ал-Мамуномъ квадратныхъ диргемовъ съ именемъ ал-Маhдія въ первые два года его царствованія, т. е. до открытаго провозглашенія имъ своего отпаденія отъ ученія ал-Маhдія, отпаденія, которое, безъ сомнѣнія, было главнымъ образомъ вызвано измѣной ему альмохадскихъ шейховъ въ Марраâкишѣ. Что же касается вообще вопроса о квадратныхъ диргемахъ съ именемъ ал-Маhдія, о томъ, кто ихъ чеканилъ и почему ихъ чеканили, то мы вполнѣ согласны съ гг. Lavoix и St. Lane Poole въ томъ, что тутъ почти столько же загадокъ, сколько сохранилось диргемовъ. — Въ превосходномъ изслѣдованіи I. Goldziher'a, Materialien zur Kenntniss der Almohadenbewegung ZDMG, **41**, 30—140, въ которомъ проливается яркій свѣтъ на *внутренній* смыслъ всего альмохадскаго движенія и впервые употреблены въ дѣло сохранившіяся писанія самого ал-Маhдія, нумизматическіе вопросы изложены (на стр. 103) не достаточно ясно, потому что авторъ говоритъ всегда о «Münzen» вообще, тогда какъ рѣчь идетъ въ источникахъ только о квадратныхъ *диргемахъ*. Равнымъ образомъ не оправдывается источниками и положительное утвержденіе автора (съ ссылкой на Sauvaire, Journ. As. 1882, I, p. 303) объ отмѣнѣ въ 627 г. чеканки квадратныхъ *монетъ* и оффиціальномъ введеніи круглыхъ. Sauvaire основывается исключительно на франц. переводѣ Картâса, показанія котораго разобраны нами выше.

---

a) Ibid. II, p. 220.

b) Неизвѣстно, произнесъ ли онъ слѣдующія слова именно тогда, когда приказалъ измѣнить форму этихъ диргемовъ, или при другомъ какомъ либо случаѣ. Въ виду всего контекста эта послѣдняя фраза является просто резюмированіемъ всѣхъ его взглядовъ.

Бар. **В. Розенъ**.

Спб. 1 Ноября 1892 г.

Еще о буддійской пещерѣ около Кашгара.

О буддійской пещерѣ около Кашгара, описаніе которой сообщено выше, стр. 299 и сл. Н. Ѳ. Петровскимъ, мнѣ удалось найти упоминанія въ двухъ китайскихъ сочиненіяхъ. Первое (подъ заглавіемъ «Си-юй-тунъ-као» [1]) говоритъ слѣдующее: «Къ сѣверу отъ города (Кашгара) въ 50 ли наверху скалы 山岩 находятся 3 пещеры 石洞三座. Туземцы называютъ ихъ «Юй-шу-бурханъ». Это обиталище Хара-хатайцевъ 喀拉合太國人 «для укрыванія отъ жаровъ». То же названіе (Юй-шу-бурханъ) приведено и во второмъ сочиненіи («Синь-цзянъ-юй-ту») [2], которое добавляетъ нелишенную оригинальности характеристику пещеръ: «Въ нихъ взбираются по лѣстницѣ, сдѣланной изъ одного бревна. (Однако), когда посмотришь, то нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго 亦無甚異». Названіе пещеръ показываетъ, чье изображеніе въ нихъ находилось (玉舒 Юй-шу — Аюши?), хотя, по словамъ автора втораго сочиненія, жители и не могутъ объяснить, почему такъ называютъ пещеры. Относительно Хара-хатайцевъ надо замѣтить, что имъ приписываются всѣ развалины въ этихъ мѣстахъ.

А. О. Ивановскій.

Имя Бутъ или Будъ

ВЪ АРМЯНСКОЙ НАДПИСИ VII ВѢКА ПО Р. Х.

Въ числѣ найденныхъ и списанныхъ мною въ поѣздку минувшимъ лѣтомъ въ Арменію памятниковъ армянской эпиграфики первое мѣсто и по времени и по интересу принадлежитъ довольно пространной надписи на соборѣ или, какъ его называютъ мѣстные жители, «церкви Теодоросъ» въ Багаранѣ (на правомъ берегу рѣки Ахуряна, нынѣ Арпа-чая, часахъ въ двухъ ѣзды отъ сліянія ея съ Араксомъ).

Надпись, обхватывающая въ видѣ пояса всю церковь, идетъ вдоль верхняго края ея стѣнъ, гдѣ въ двѣ строки, гдѣ въ одну, а гдѣ, къ сожалѣнію, ни въ одну, такъ какъ камни съ надписью въ нѣсколькихъ мѣстахъ

1) По каталогу университетской библіотеки Xyl. 1212, рукопись изъ книгъ Храповицкаго.

2) Ibidem Xyl. 629.

попадали и исчезли. Впрочемъ, для цѣли настоящей замѣтки достаточно и сохранившейся, явственно читаемой, части надписи, подробное описаніе которой съ воспроизведеніемъ въ точности всего сохранившагося текста и переводомъ съ комментаріями найдетъ мѣсто, вмѣстѣ съ другими новооткрытыми надписями, въ матеріалахъ армянской эпиграфики. Интересующіе же насъ отрывки гласятъ:

I.[1]) *երեսուն չորրորդ ամի Խոս֊րովայ արքայի երանելի տէր Բուտ Առուեղեան ձգեաց զհիմունս սուրբ եկեղեց[ւոյս] երես*

I. Въ тридцать четвертомъ году [царствованія] царя Хосроя блаженной памяти Бутъ, великій князь (въ родѣ) Аровеѓянъ, положилъ основаніе этой святой церкви...... трид-

II. ....

ուն և ութ ամյն կորուսին զբուտն և յետ երից ամաց մահուան բտին կատարեաց սուրբ եկեղեցիս Աննայ բտին ամուսին տրէ ամսե[ա]ն.....

II. ....

цать восьмомъ году погубили Бута, и спустя три года по смерти Бута Анна, супруга Бута, достроила эту святую церковь, мѣсяца Трэ [2]) ......

III. ...... *[մա]րձպանութեան Վարազտիրոցի յԱռուեղեան տէրու֊թեան Վահանայ.......*

III. .. въ намѣстничество Варазъ-Тироца, полководца армянъ, въ великокняженіе Ваһана въ (родѣ) Ар[о]веѓянъ......

Окончаніе Багаранскаго собора, такимъ образомъ, послѣдовало между 625 и 631 годами, когда марзапаномъ, или намѣстникомъ былъ Варазъ-Тироцъ, а такъ какъ съ другой стороны супруга Бута достроила церковь спустя три года послѣ смерти своего мужа, то годъ смерти самого Бута падаетъ на семилѣтній промежутокъ времени отъ 622 до 628; сколько лѣтъ длилась постройка церкви при жизни Бута, неизвѣстно; допустивъ даже саму по себѣ невѣроятную продолжительность въ четыре десятка лѣтъ, самымъ отдаленнымъ годомъ закладки церкви будетъ—622—40=582, что все же отстоитъ на нѣсколько лѣтъ отъ послѣдняго года царствованія Хосроя Ануширвана (531—579); очевидно, въ нашей надписи рѣчь идетъ о Хосроѣ II Парвизѣ (590 — 628), тридцать четвертый годъ котораго, а вмѣстѣ съ тѣмъ годъ закладки Багаранской церкви, будетъ 624. Слѣдовательно, въ вопросѣ о времени, когда погибъ Бутъ, отдаленнѣйшимъ предѣломъ будетъ 624 г., а ближайшимъ, въ зависимости отъ намѣстничества Варазъ-Тироца, 628 г.

---

1) Цифры I, II и III указываютъ первое, второе и третье крыло крестообразной церкви, на коихъ помѣщены соотвѣтствующія части надписи; въ этой замѣткѣ опущена часть, помѣщенная на IV-мъ крылѣ.

2) Четвертый мѣсяцъ подвижного года у древнихъ армянъ.

Болѣе подробное разсмотрѣніе указаній надписи, я надѣюсь, поможетъ установить еще точнѣе годъ смерти Бута, особенно, если удастся доказать, что и въ датѣ въ «38 году» (см. конецъ I и начало II части надписи), стоящей въ связи со временемъ смерти Бута, имѣемъ годъ царствованія Хосроя (628); въ такомъ случаѣ годъ гибели Бута совпалъ бы съ годомъ гибели Хосроя Парвиза. Впрочемъ, для насъ пока достаточно знать, что нѣкій Бутъ въ 624 году заложилъ основаніе церкви въ Багаранѣ; имя «Бутъ», если не ошибаюсь, совершенно неизвѣстно въ армянской исторіи; это обстоятельство, съ необычайностью самой формы имени, даетъ поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ, прежде всего потому, что является возможность понимать слово *Бутъ* и не какъ собств. имя. Въ настоящей надписи *Бутъ* является основателемъ церкви; по справкѣ же въ Судебникѣ Мехитара Гоша (арм. текстъ, Эчміадзинъ 1880 г.) мы находимъ главу «О правѣ основывать церкви» (I ч., 45 гл., стр. 141 — 142); право это было предоставлено исключительно извѣстнымъ лицамъ; заимствуя изъ отеческихъ каноновъ (l. c., стр. 141, прим. 266), Мехитаръ Гошъ († 1207 г.) повторяетъ: «по православію начертать основаніе церкви можетъ лишь епископъ, или, по его приказанію, хорепископъ или *перетут*». Нѣсколько строкъ ниже тотъ же авторъ поясняетъ: «*перетут* [1]) есть то же, что нынѣ *бут*».

Поневолѣ напрашивается вопросъ, не есть ли въ нашей надписи основатель Багаранской церкви — лицо, одновременно облеченное властью основывать церкви или, во всякомъ случаѣ, разрѣшать и освящать закладку ихъ, и не есть ли въ такомъ случаѣ *Бутъ* званіе, а не имя. При утвердительномъ отвѣтѣ соотвѣтствующее мѣсто надписи (I часть) гласило бы: «блаженной памяти владыка періодевтъ [рода] Аровеѓянъ и т. д.», понимая въ данномъ случаѣ отношеніе бута-періодевта къ Аровеѓянамъ въ томъ смыслѣ, какъ понималось отношеніе епископа къ тому или другому роду, когда говорили, напр., «епископъ рода Аматуни». Однако невѣроятно, чтобы составители надписи довольствовались званіемъ основателя церкви и сочли излишнимъ назвать его по имени. Болѣе правдоподобно, что *Бутъ* въ нашей надписи есть имя; этимологія его неизвѣстна, какъ неизвѣстна этимологія слова

---

1) *Перетут* есть греческое περιοδεύτης. Въ армянскомъ греческія слова передаются обыкновенно съ большою точностью, искаженность же въ данномъ случаѣ можно объяснить тѣмъ, что это греческое слово къ армянамъ попало, по всей вѣроятности, черезъ посредство сирійцевъ, у которыхъ, по сравнительному несовершенству алфавита, греч. περιοδεύτης пишется ܦܪܝܕܘܛ, что̀ при отсутствіи гласныхъ можно читать *перидут* или даже *передут*, откуда армянское *перетут*, съ глухимъ *т* вм. *д*, какъ это видимъ и въ другихъ случаяхъ, напр. Смбатъ, спарапетъ и пр. рядомъ съ Смбадъ, спаһбедъ и пр. Замѣтимъ кстати, что ниже формы Бутъ и Будъ отожествляются безъ оговорокъ въ силу той же обычности въ армянскомъ языкѣ появленія глухихъ звуковъ вмѣсто звонкихъ.

Бутъ въ значеніи *періодевтъ* [1]): можетъ быть это одно и то же слово, при чемъ званіе *Бутъ* сдѣлалось собственнымъ именемъ, какъ напр. въ армянскомъ имѣемъ имя Հայրապետ hАйрапетъ, чтó собственно значитъ *патріархъ*, но можетъ статься и то, что имя *Бутъ* совершенно независимаго происхожденія.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ остается фактъ, что въ началѣ VII столѣтія существовало имя или званіе Бутъ.

Для изслѣдователей сказочнаго сборника «Калила и Димна» этотъ фактъ, устанавливаемый одной изъ древнѣйшихъ армянскихъ надписей, является новымъ подтвержденіемъ въ пользу правильности текста извѣстнаго сирійскаго сообщенія [2]) о переводчикѣ Калилы и Димны: возможность прозвища автора сирійскаго извода — Будъ — отнынѣ не можетъ возбуждать особыхъ сомнѣній, и *Будъ* не нуждается въ исправленіи [3]).

Будъ-переводчикъ немногимъ старше Бута — строителя: онъ жилъ около 570 года [4]); одинъ изъ его литературныхъ трудовъ *«Опроверженіе Манихейцевъ»* свидѣтельствуетъ, что онъ близко стоялъ къ религіознымъ движеніямъ, волновавшимъ весь христіанскій Востокъ. Судя по переводу Калилы и Димны, онъ былъ знатокъ индійскаго или, вѣроятнѣе, пехлевійскаго языка, такъ какъ хотя по каталогу епископа Эбедіесу († 1318) Калила и Димна должна быть переведена на сирійскій непосредственно съ индійскаго, по изслѣдованіе [5]) сирійскаго извода въ послѣднемъ обнаруживаетъ слѣды того, что оригиналъ его былъ пехлевійскій. Съ другой стороны, лицо, переведшее на сирійскій языкъ Калилу и Димну, а слѣдовательно, и имя его, Будъ, были хорошо знакомы христіанскому Востоку: переводчикъ Калилы и Димны былъ *періодевтомъ* христіанъ Индіи и Персіи. Правда, въ виду этого обстоятельства въ свою очередь возникаетъ вопросъ,

---

1) Армянскіе ученые *бут* въ значеніи періодевта считаютъ искаженіемъ греческаго περιοδεύτης (Мехитаристы, въ Больш. Венец. словарѣ, подъ словомъ Բուտ) или другого армянскаго слова *парет* надсмотрщикъ (Бастамянцъ въ изд. Судебника Мех. Гоша, p. 141, прим. 265). И то и другое объясненіе видимо невѣроятно. Справедливо замѣчено, что интересующій насъ *бут* не находится ни въ какомъ отношеніи съ другимъ армянскимъ словомъ բուտ бут, означающимъ *кормъ*. Съ своей стороны замѣчу, что если въ названіи *Бутъ* видѣть собственное имя независимо отъ *бута-періодевта*, то скорѣе всего, по моему, слѣдуетъ его разсматривать, какъ сокращеніе персидскихъ именъ, сложенныхъ съ бут, какъ напр. Хороhбутъ, имя секретаря при персидскомъ царѣ Шапурѣ, въ христіанствѣ извѣстнаго подъ именемъ Елеазара (Моисей Хоренскій, II кн., 69 и 70 гл.).

2) Assemani, Bibl. Orient. III, 1, p. 219—220.

3) Kalilag und Damnag, alte syrische Übersetzung .... von G. Bickell, mit einer Einl. v. Th. Benfey, Leipzig 1876, p. XII и прим. 5.

4) Assemani, Bibl. Orient. III, 1, p. 219, прим. 2; Th. Benfey, l. c., p. XXX.

5) Benfey, l. c., p. XXX — XXXI и сл.

не стоитъ ли имя сирійскаго переводчика въ связи съ его званіемъ: *періодевты* могли называться на Востокѣ «*бутами*» не въ одной только Арменіи.

Но имя ли, званіе ли, Бутъ или Будъ было общее и извѣстное у христіанъ Индіи, Персіи, Сиріи и Арменіи слово. Мы знали сирійца[1]) Буда во второй половинѣ шестого вѣка; изъ армянской надписи узнаемъ объ армянинѣ Бутѣ, заложившемъ основаніе Багаранскаго собора въ началѣ VII вѣка и вскорѣ погибшемъ.

Н. Марръ.

4 Ноября 1892.

Поправка къ статьѣ „Каменописный памятникъ подчиненія Маньчжурами Кореи" (Зап. В. О. V, 37 и сл.).

Въ самомъ началѣ указанной статьи А. М. Позднѣевъ говоритъ, что въ сентябрьской книжкѣ Journal of the China Branch etc. за 1889 г. помѣщенъ «снимокъ маньчжурскаго и монгольскаго текстовъ надписи, снятой въ Кореѣ съ памятника, воздвигнутаго въ честь подчиненія Маньчжурами-Дайцинами Кореи», и затѣмъ продолжаетъ: «Въ коротенькой замѣткѣ журнала [2]), сопровождающей вышеупомянутый снимокъ, не сообщается никакихъ подробностей ни о мѣстонахожденіи этого памятника, ни объ его общемъ объемѣ, ни объ относительной величинѣ надписи; говорится только, что на лицевой сторонѣ памятника имѣется еще китайскій текстъ, который будетъ обнародованъ въ слѣдующей книжкѣ журнала Общества».

Между тѣмъ китайскій текстъ надписи напечатанъ былъ уже раньше, именно въ *первой* книжкѣ[3]) того же тома журнала съ переводомъ, примѣчаніями и короткимъ введеніемъ. Изъ послѣдняго мы узнаемъ между прочимъ, что самый памятникъ упоминается «in most books which have treated of Corea or the rise of the Manchu dynasty, and the occasion which it commemorates is referred to at some length in the Sheng-wu-chi»[4]).

---

1) Ассемани *Будъ* сближаетъ съ именемъ Будды и Бадды, и потому говоритъ: tres alii Buddae a nostro diversi occurrunt etc. (l. c., ib.).

2) Замѣтимъ кстати, что имѣется въ виду указанный журналъ за 1888 годъ, изданный въ 1889 г. (New Series, Vol. XXIII).

3) Стр. 1—8.

4) Въ примѣчаніи сообщается еще, что относящійся сюда разсказъ *Шэнъ-ву-цзи* переведенъ въ Chinese Times отъ 8 сентября 1888 г., и цитуется соч. Corea, Its History, Manners and Customs; by the Rev. John Ross, pp. 285—6.

Дальше, (стр. 2) мы еще узпаемъ, что памятникъ состоитъ изъ камня въ 15 ф. высоты, 5 ф. ширины и 15 дюймовъ толщины, прикрѣпленнаго на спинѣ каменной черепахи длиной въ 12 ф. и высотой въ $3^1/_2$ фута.

Такимъ образомъ статья оставляетъ не совсѣмъ выясненной только величину самой надписи. Редакція говоритъ, что присланный ей изъ Кореи оттискъ (rubbing) былъ списанъ и фотолитографированъ (has been copied and photo-lithographed, l. c., p. 285), но не упоминаетъ о томъ, былъ ли онъ при этомъ уменьшенъ или нѣтъ, что впрочемъ особенной важности и не имѣетъ.

Ред.

Разъясненія къ замѣткѣ „Недавнія казни въ городѣ Ездѣ".

Въ VI томѣ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества» стр. 321—327 было напечатано письмо изъ Езда о казняхъ бабидовъ, въ которомъ остались непонятными названія мѣстностей вблизи Езда. Лицо, доставившее намъ письмо, весьма обязательно сообщило необходимыя разъясненія, устраняя вопросительныя знаки въ нашемъ переводѣ, за что выражаемъ ему сердечную признательность.

سرای بافقیها (стр. 322, 324) называется «Каравансерай въ окрестностяхъ Езда, въ которомъ останавливаются жители деревни Бафикъ — بافق», такъ что въ переводѣ слѣдуетъ читать ..... недалеко отъ каравансерая Бафикійцевъ»...

تك كوشك (стр. 323, 325) нужно измѣнить въ تل كوشك — «холмъ Кошкъ, за городомъ близь пустыни» и въ переводѣ .... «въ одну яму на холмѣ Кошкъ».

منشاد (стр. 323, 325) — «довольно значительная деревня въ горахъ Езда, въ двѣнадцати фарсахахъ отъ послѣдняго, куда многіе перебираются на лѣто».

В. Жуковскій.

АВГУСТЪ МЮЛЛЕРЪ.

НЕКРОЛОГЪ.

Читано въ Засѣданіи Вост. Отд. И. Р. А. О. 29 Сентября 1892.

31-го Августа (12-го Сентября) сего года скончался иностранный членъ-сотрудникъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, профессоръ восточныхъ языковъ въ Галле-Виттенбергѣ, д-ръ Августъ Мюллеръ. Усопшему нашему сочлену было всего 44 года; онъ до послѣдняго времени наслаждался цвѣтущимъ, повидимому, здоровьемъ. Мысль о близости смерти врядъ-ли приходила въ голову неутомиму труженику, который носился съ широкими планами многихъ капитальныхъ работъ. Не суждено ему было привести въ исполненіе и половины задуманнаго, но и того, что онъ успѣлъ сдѣлать, вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить за нимъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ новѣйшей исторіи нашей науки.

Жизнь его была небогата внѣшними событіями: онъ родился въ 1848 году въ Штеттинѣ, гдѣ и получилъ гимназическое образованіе; затѣмъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, въ которомъ занимался филологіей классической и восточными языками, принадлежа къ самымъ прилежнымъ и вѣрнымъ ученикамъ незабвеннаго и несравненнаго «шейха» Флейшера. Въ 1868 г. получилъ докторскій дипломъ отъ университета въ Галле, тамъ-же въ 1870 г. пристроился приватъ-доцентомъ и въ 1874 г. былъ произведенъ въ экстраординарные профессоры. Въ 1882 г. онъ былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ въ Кенигсбергъ и въ 1889 г. въ томъ же званіи опять приглашенъ въ Галле.

Въ ученой литературѣ А. Мюллеръ впервые выступилъ въ 1869 г., со смѣлой попыткой критическаго—въ строгофилологическомъ смыслѣ—

изданія моаллаки Имрулькейса [1]). Этотъ первый опытъ молодаго ученаго, помимо разбросанныхъ въ немъ отдѣльныхъ остроумныхъ замѣчаній, заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что въ немъ весьма ясно обрисовывается научный идеалъ, къ которому А. Мюллеръ стремился всю свою жизнь. Этотъ идеалъ — примѣненіе къ арабской филологіи строгаго, точнаго метода, выработаннаго для классической трудами Ф. А. Вольфа, Ф. Германа, К. Лахмана, А. Бёка и другихъ, поднятіе арабской филологіи на высоту классической. Къ вопросамъ, касавшимся древнеарабской поэзіи, онъ больше не возвращался, но своему идеалу онъ оставался вѣрнымъ и въ той области арабской филологіи, которой онъ посвятилъ лучшія свои силы.

Въ 1870 году на него было возложено редактированіе примѣчаній и составленіе указателя къ Флюгелевскому изданію ал-Фиhриста. Подъ вліяніемъ ли этой работы, или же вообще соображеній о важности предмета, у А. Мюллера созрѣла мысль посвятить свои труды исторіи принятія и развитія греческой науки арабами, т. е. именно такой области, въ которой, несмотря на сравнительно большое число изслѣдованій, необходимость примѣненія строгаго метода давала себя чувствовать особенно сильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ именно здѣсь, въ силу самаго свойства сохранившихся матеріаловъ, примѣненіе этого метода обѣщало весьма богатые и прочные результаты [2]). На первомъ планѣ тутъ естественно должно было стоять критическое изданіе главнѣйшихъ источниковъ, т. е. біографическихъ сборниковъ Ибн-Аби Усейбіи и ал-Кифтія, и двухъ-трехъ менѣе важныхъ авторовъ, какъ-то Са̂'ида Толедскаго, Мубашшира-ибн-Фа̂тика, ал-Шаhразурія, ал-Бейhакія. И вотъ мы видимъ, что А. Мюллеръ многіе годы усидчивой, утомительной работы посвящаетъ приготовленію этихъ изданій, и одно изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, и при томъ самое объемистое и важное, ему удается довести до желаннаго конца. Въ 1884 появилось въ трехъ томахъ Ibn Abi Useibia. Herausgegeben von August Müller. Königsberg i. Pr. Selbstverlag. Внѣшнія обстоятельства — стремленіе къ возможному сокращенію расходовъ печатанія [3]) — заставили издателя прибѣгнуть къ услугамъ египетскаго типографщика, благодаря недобросовѣстности котораго все изданіе вышло съ *внѣшней* стороны довольно непривлекательнымъ и неудобнымъ для пользованія. Но внутренняя цѣнность его, разумѣется, нисколько не пострадала, и оно является классическимъ въ своемъ

1) Imruulḳaisi Mu'allaḳa. Edidit Augustus Mueller. Halis. G. E. Barthel. CIƆIƆCCCLXIX. XXII + 31 p. 8°.

2) Cp. ZDMG. 34, 165.

3) Частнаго издателя не нашлось, а многочисленныя ученыя учрежденія Германіи повидимому не сочли возможнымъ оказать содѣйствіе этому крупному ученому предпріятію.

родѣ образцомъ истинно-научнаго, критическаго изданія, какихъ мы имѣемъ весьма небольшое число. Сборникъ біографій медиковъ Ибн-Аби Усейбіи пользуется извѣстностью въ ученомъ мірѣ уже около 200 лѣтъ; извлеченія изъ него, ссылки на него дѣлались весьма усердно, но только съ появленіемъ изданія А. Мюллера этотъ драгоцѣнный памятникъ сталъ дѣйствительно достояніемъ науки. Только теперь мы имѣемъ текстъ, установленный настолько твердо, насколько это вообще возможно при нынѣшнемъ состояніи науки и сохранившихся матеріалахъ. А. Мюллеръ работалъ надъ своей задачей такъ методически и такъ тщательно, пользовался сравнительнымъ обиліемъ рукописныхъ матеріаловъ такъ удачно и умѣло, что критикѣ остается только отмѣчать случайные, отдѣльные промахи — недочеты, неизбѣжные при всякой человѣческой работѣ. Всякій, кто знакомъ съ положеніемъ арабской филологіи, всякій, кто знаетъ, какъ часто приходится намъ опираться на совершенно необработанные, и, такъ сказать, сырые тексты, другими словами, строить прямо на пескѣ, вполнѣ оцѣнитъ заслугу А. Мюллера. Если-бы ему удалось такимъ-же образомъ издать еще ал-Кифтія и Са'ида Толедскаго, то мы для одной по крайней мѣрѣ области исторіи арабской цивилизаціи получили бы твердый фундаментъ, на которомъ можно было бы продолжать строить безъ опасенія катастрофы.

Къ сожалѣнію А. Мюллеръ, частью вслѣдствіе разныхъ чисто внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, частью вслѣдствіе живости своего ума и разносторонности научныхъ интересовъ, равно какъ и свойственной ему всегдашней готовности жертвовать своими интересами на пользу другимъ, былъ нѣсколько отвлеченъ отъ этой спеціальной задачи. Въ 1884 году онъ принялъ предложеніе составить для извѣстной исторической серіи Онкена «Исторію Ислама на Востокѣ и Западѣ», которая была окончена имъ въ 1887[1]). Приступая къ этому труду, Мюллеръ нисколько не увлекался несбыточными мечтами о возможности вполнѣ научнаго изложенія исторіи ислама въ столь короткій срокъ, при нынѣшнемъ состояніи науки, и въ тѣхъ рамкахъ, которыя ему были поставлены условіями всего изданія. Онъ весьма ясно понялъ и опредѣлилъ свою задачу въ предисловіи къ первому тому: «Ich will ein Handbuch darbieten, welches den augenblicklichen Stand der Forschung möglichst zuverlässig zu einem hoffentlich lesbaren Ausdruck bringt; auch damit werde ich, wenn es gelingt, nichts Ueberflüssiges gethan haben».

Мнѣ кажется, что всякій неспеціалистъ, читавшій «Исламъ», согласится, что эта книга написана съ большимъ талантомъ и весьма «lesbar»,

1) Der Islam im Morgen- und Abendland. Berlin. 1886—87.

а всякій спеціалистъ скажетъ, что въ ней сдѣлано все, что только возможно было, чтобы представить читателю вѣрную картину достигнутыхъ до сихъ поръ наукой результатовъ. Если не всѣ періоды освѣщены одинаково, не всѣ стороны исторической жизни мусульманскихъ народовъ выяснены равномѣрно, то виноватъ тутъ не авторъ, а настоящее положеніе науки. Вообще-же говоря, «Исламъ» А. Мюллера является не только не «лишнимъ», но даже въ высшей степени полезнымъ произведеніемъ и я не знаю ни одного другаго сочиненія, которое давало бы столь ясный связный и осмысленный, общій *обзоръ* преимущественно *внѣшней* исторіи мусульманскаго міра, не говоря уже о томъ, что и во многихъ частныхъ вопросахъ оно даетъ вѣскія и цѣнныя указанія и разъясненія, свидѣтельствующія какъ о добросовѣстности, съ которой авторъ всюду провѣрялъ своихъ предшественниковъ по доступнымъ ему источникамъ, такъ и объ самостоятельности его взглядовъ.

Легко понять, какъ много пользы такая работа должна была принести самому автору, какое ясное представленіе онъ долженъ былъ получить м. пр. о важнѣйшихъ пробѣлахъ въ нашихъ знаніяхъ. Изъ его писемъ дѣйствительно выходитъ, что онъ носился съ планомъ не одной исторической монографіи. При его глубокомъ знаніи языка и созрѣвшемъ историческомъ талантѣ эти монографіи несомнѣнно вышли бы образцовыми.

Рядомъ съ этими трудами А. Мюллеръ находилъ время еще для множества работъ меньшаго объема, работъ, частью стоявшихъ въ тѣснѣйшей связи съ его главнымъ трудомъ, частью вызванныхъ потребностями преподаванія или текущими интересами научной литературы. Къ первой категоріи принадлежатъ нѣсколько замѣчательныхъ статей въ Ztschr. d. d. morgenl. Ges., ко второй его грамматики арабскаго и турецкаго языковъ, и участіе въ составленной Нёльдеке хрестоматіи древней арабской поэзіи. Объ арабской грамматикѣ, весьма распространенной и извѣстной далеко за предѣлами Германіи, равно какъ о турецкой были своевременно помѣщены отзывы въ нашихъ «Запискахъ». Замѣчу только, что преждевременная кончина А. Мюллера лишила насъ плодовъ долголѣтнихъ его изысканій въ области исторіи арабскаго языка. Именно занятіе Ибн-Аби Усейбіей и родственными ему авторами должно было особенно укоренить въ немъ сознаніе въ полной необходимости спеціальнаго изслѣдованія языка разныхъ періодовъ и разныхъ отраслей средневѣковой арабской литературы для выясненія вопроса объ отношеніяхъ его къ языку грамматиковъ-теоретиковъ классическаго періода. Изысканія, направленныя въ эту сторону, обѣщали не только богатые результаты для исторіи арабской рѣчи, для арабской исторической грамматики, но должны были имѣть также и весьма важныя практическія по-

слѣдствія при будущихъ изданіяхъ средневѣковыхъ арабскихъ текстовъ извѣстныхъ категорій. Если-бы А. Мюллеру суждено было напр. довести до конца и опубликовать хотя бы только начатыя имъ наблюденія надъ нѣкоторыми несомнѣнными автографами знаменитыхъ арабскихъ ученыхъ, то издатели арабскихъ средневѣковыхъ текстовъ пріобрѣли бы просто неоцѣнимое пособіе для рѣшенія, по крайней мѣрѣ приблизительнаго, массы «мучительныхъ» вопросовъ критики текста, которые теперь являются часто вполнѣ неразрѣшимыми и ставятъ издателя въ печальную необходимость довольствоваться завѣдомо неудовлетворительнымъ состояніемъ текста.

Но самую широкую популярность, самое большое право на признательность уже не только арабистовъ, но оріенталистовъ всѣхъ спеціальностей, археологовъ, лингвистовъ, историковъ и филологовъ, сколько нибудь заинтересованныхъ развитіемъ востоковѣдѣнія — а кто нынѣ имъ не заинтересованъ?—пріобрѣлъ себѣ А. Мюллеръ предпринятымъ имъ въ 1887 по почину и съ матеріальной поддержкой Германскаго Общества Оріенталистовъ изданіемъ «Orientalische Bibliographie». По истинѣ неоцѣнимыя услуги, которыя это съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе улучшавшееся изданіе оказывало и оказываетъ наукѣ вотъ уже 5 лѣтъ, слишкомъ очевидны для каждаго, чтобы нужно было о нихъ распространяться. Но на одну характерную черту этого изданія, рѣзко выдѣляющую его изъ другихъ подобныхъ библіографическихъ сборниковъ, я долженъ указать: это *систематическая*[1]) регистрація въ немъ русской литературы по востоковѣдѣнію. Починъ этого благаго дѣла принадлежитъ всецѣло А. Мюллеру и его заслуга нисколько не умаляется тѣмъ, что исполненіе было ему значительно облегчено дѣятельнымъ сотрудничествомъ К. Г. Залемана. А. Мюллеръ былъ убѣжденъ — и при своемъ свѣтломъ умѣ и широкомъ образованіи долженъ былъ быть убѣжденнымъ — въ неизбѣжности и неминуемости развитія и расширенія научной литературы на разныхъ языкахъ, не вошедшихъ еще, такъ сказать, въ обиходъ западноевропейской образованности, и относился по крайней мѣрѣ къ одной такой литературѣ, т. е. къ русской, съ полнымъ сочувствіемъ, которое онъ доказалъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Ему конечно не были совсѣмъ чужды и тѣ опасенія, то чувство нѣкотораго, вполнѣ впрочемъ понятнаго, безпокойства, которыя вызываетъ это явленіе въ громадномъ большинствѣ западныхъ ученыхъ, предвидящихъ новое затрудненіе на достаточно уже

1) *Спорадически* это дѣлалось и раньше, хотя бы напр. въ предшествовавшей Мюллеровой библіографіи, — библіографіи J. Klatt'a, приложенной къ Litteraturblatt f. or. Philol. E. Kuhn'a.

трудномъ, тяжеломъ и заставленномъ всякими преградами пути паломниковъ науки. Но его глубоко справедливая и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельная, бодрая и въ лучшемъ смыслѣ практическая натура не могла успокоиться на безплодныхъ вздохахъ или примириться съ безсмысленнымъ глумленіемъ: она заставляла его искать выхода, могущаго удовлетворить всѣ стороны, и онъ нашелъ этотъ выходъ въ остроумномъ предложеніи, чтобы всякій оріенталистъ, помимо общеизвѣстныхъ трехъ, четырехъ главныхъ европейскихъ языковъ изучалъ еще одинъ изъ менѣе извѣстныхъ и затѣмъ отъ времени до времени давалъ по возможности подробный отчетъ объ относящихся къ его спеціальности трудахъ на данномъ языкѣ. Соединяя слово съ дѣломъ и проповѣдь съ примѣромъ, онъ выбралъ себѣ русскій языкъ, не потому только, какъ онъ самъ говоритъ, что этотъ языкъ былъ ближайшимъ къ нему географически[1]), но и потому, что «русскіе ученые давно уже показали, что нельзя игнорировать ихъ труды»[2]). Онъ принялся весьма ревностно за изученіе русскаго языка и очень скоро уже былъ въ состояніи напечатать первый отзывъ и отчетъ свой о русскихъ трудахъ по востоковѣдѣнію. Этотъ отзывъ посвященъ общему, дорогому дѣтищу нашему — Запискамъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Арх. Общества, спеціально первому ихъ тому. Постоянно возраставшее количество неотложныхъ и буквально тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ работъ мѣшало ему продолжать эти отчеты, но онъ неоднократно въ письмахъ ко мнѣ выражалъ надежду, что ему когда нибудь удастся вернуться къ этому дѣлу и довести его до конца, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нашимъ Запискамъ.

Надѣюсь, М.М. Г.Г., что изъ этого бѣглаго очерка Вы усмотрѣли, что жизнь А. Мюллера, хотя и короткая, была наполнена неустанной работой, давшей богатые плоды, и что, если всѣ вообще оріенталисты оплакиваютъ безвременную кончину А. Мюллера какъ крупную утрату, понесенную наукой, мы, члены Восточнаго Отдѣленія И. Р. А. О., имѣемъ право и обязанность сохранить о немъ благодарную память не только какъ о выдающемся ученомъ, но и какъ о дѣятельномъ, и не по имени только, нашемъ сотрудникѣ.

---

1) Онъ тогда былъ профессоромъ въ Кёнигсбергѣ.

2) См. его рецензію на первый томъ «Записокъ В. О.» въ Götting. Gel. Anz. отъ 15 Sept. 1889 № 19, стр. 762.

Бар. **В. Розенъ.**

СПБ. 21 Сентября 1892.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

162. Симеонъ Бекбулатовичъ ханъ касимовскій, великій князь всея Руси, впослѣдствіи великій князь тверской. 1567—1616 г. Историческій очеркъ, составилъ Н. В. Лилеевъ. Тверь. 1891, 3+III+124+II стр. 8°.

Учрежденіе въ Твери историческаго и археологическаго музея и затѣмъ архивной коммиссіи оживили въ тамошнемъ обществѣ интересъ къ прошлому тверской земли. Рядъ изслѣдованій мѣстныхъ дѣятелей уяснилъ нѣкоторыя подробности и частности тверской старины. Къ числу таковыхъ изслѣдованій принадлежитъ и историческій очеркъ г. Лилеева.

Судьба хана, или, какъ его называли современники, царя Симеона, любопытна. Татарскій царевичъ, правнукъ извѣстнаго золотоордынскаго хана Ахмеда († 1482), султанъ Саинъ-Булатъ Бекбулатовичъ пріѣхалъ въ Москву; въ 1567 г. Иваномъ Грознымъ учиненъ царемъ на Касимовѣ; въ 1573 г. крестился съ именемъ Симеона и женился на дочери боярина Мстиславскаго; годъ одинъ сидѣлъ великимъ княземъ всея Руси и затѣмъ сдѣланъ великимъ княземъ тверскимъ; сведенъ съ княжества Өедоромъ Ивановичемъ и поселенъ въ тверскомъ селѣ Кушалинѣ; ослѣпленъ по приказанію Бориса Годунова; Лжедимитріемъ вызванъ въ Москву и по его же приказанію постриженъ у Св. Кирилла подъ именемъ Стефана; Шуйскимъ переведенъ въ обитель соловецкую; въ междуцарствіе переведенъ обратно въ монастырь Кирилловъ; наконецъ Михаиломъ Өедоровичемъ возвращенъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1616 году. Вотъ краткій, сухой очеркъ его жизни, въ подробности и обстоятельно изложенный г. Лилеевымъ.

Отдавая г. Лилееву полную справедливость въ тщательномъ подборѣ фактовъ для жизнеописанія царя Симеона, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ его труда.

Объясняя отношенія Саинъ-Булата, какъ хана касимовскаго, къ московскому государю, авторъ (стр. 13) говоритъ, что «во всякомъ случаѣ Саинъ-Булатъ посаженъ былъ на касимовское царство въ такую эпоху, когда *оно утратило прежнее свое значеніе* и царь касимовскій превратился въ покорнаго слугу государя московскаго». Изъ этихъ словъ можно заключить, что касимовское ханство пользовалось, будто-бы, нѣкогда самостоятельнымъ значеніемъ, какъ бы независимостью, съ теченіемъ времени утратившеюся. Ничего подобнаго, однако, не было. Съ самаго образованія ханства, около 1452 года, ханы ставились изволеніемъ московскихъ государей и были послушными ихъ подданными. Изъ не такъ давно обнародованныхъ памятниковъ дипломатическихъ сношеній Москвы съ Крымскою ордою и съ Турціею за время съ 1474 по 1505 годъ[1]), въ которыхъ находятся нѣкоторыя свѣдѣнія о касимовскихъ царевичахъ Нуръ-Даулетѣ и Сатылганѣ, видно, что уже и тогда в. к. Иванъ III считалъ себя полнымъ господиномъ надъ касимовскими ханами и султанами. Какъ правительство его преемника, в. к. Василія Ивановича, смотрѣло на касимовскихъ владѣтелей, явствуетъ изъ слѣдующаго. Когда въ 1518 г., бывшій въ то время въ Москвѣ посолъ римскій Сигизмундъ Герберштейнъ пожелалъ узнать отношенія Москвы къ Казани и Касимову, то относительно ханства касимовскаго, или, какъ оно тогда именовалось, Мещерской земли, ему дано было слѣдующее разъясненіе: «мещерская земля въ нашемъ государствѣ и тѣмъ мѣстомъ жалуемъ мы царей и царевичей; и они на тѣхъ мѣстѣхъ на нашемъ жалованьѣ живутъ, а намъ служатъ. И нынѣ есмя пожаловали мы тѣмъ мѣстомъ Шихавліара царевича и онъ и нынѣ на нашемъ жалованьѣ живетъ, а у него многіе люди, а намъ служатъ. Да и иные многіе цари и царевичи пріѣзжаютъ намъ служить и мы ихъ жалуемъ и мѣста имъ въ своихъ государствахъ даемъ, и они у насъ на тѣхъ мѣстѣхъ живутъ и намъ служатъ. И ты, Жигимонте, тому не дивися: отъ прародителей нашихъ и при отцѣ при нашемъ и при насъ въ нашихъ государствахъ такіе обычаи водятся»[2]).

Слова эти указываютъ на полную подчиненность хановъ касимовскихъ московскимъ государямъ.

Далѣе, по мнѣнію г. Лилеева (стр. 21), Саинъ-Булатъ, принявъ въ 1573 году православную вѣру, тогда же оставилъ Касимовъ потому, будтобы, что «христіанину уже непригоже было управлять татарскимъ касимовскимъ ханствомъ». Въ этомъ случаѣ авторъ повторяетъ слова В. В. Вельяминова-Зернова, высказавшаго, что «сдѣлавшись христіаниномъ, ханъ Саинъ-Бу-

1) Сборникъ И. Р. И. О., Спб. 1884, т. 41-й.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній. Спб. 1851, I, 289.

латъ долженъ былъ, *очевидно*, лишиться Касимова, который до него и еще долго послѣ него давался исключительно мусульманамъ» [1]). Однако, въ подкрѣпленіе этого мнѣнія не приводится доказательствъ. Оказывается, что, когда послѣ принятія въ 1573 году христіанства, царь Симеонъ Бекбулатовичъ сдѣланъ былъ великимъ княземъ всея Руси, Иванъ Грозный не находилъ вовсе нужнымъ назначать въ Касимовъ новаго царя. Подтвержденіе этому мы видимъ въ томъ, что назначеніе преемника Саинъ-Булату въ Касимовъ, Мустафы Алія, послѣдовало только въ 1585 году, уже при Өедорѣ Ивановичѣ, такъ что междуханствіе продолжалось въ Касимовѣ около 12 лѣтъ. Приведемъ кстати современную о назначеніи Мустафы Алія запись [2]), упущенную изъ виду историкомъ ханства, г. Вельяминовымъ-Зерновымъ. «Февраля въ 12 день (1585 г.) у государя царя и великаго князя Өедора Ивановича всеа Русіи, царевичи Мустафалѣй да Арасланалѣй, на дворѣ, въ столовой были и г., ц. и в. к. челомъ ударили и г., ц. и в. к. Өедоръ Ивановичъ всеа Русіи пожаловалъ Мустафалѣя, нарекъ, велѣлъ ему быти въ Касимовѣ, на царево Шигалѣево Шигилѣяровича мѣсто, царемъ; да того дни у г., ц. и в. к. Мустафалѣй да Арасланалѣй ѣли и, послѣ стола, г., ц. и в. к. Өедоръ Ивановичъ всеа Русіи Мустафалѣя для нареченья, а Арасланалѣя, для брата его, Мустафалѣя, нареченья, жаловалъ. Дано имъ государева жалованья: Касимовскому царю Мустафалѣю Кайбуловичу шуба, бархатъ бурской шелкъ червчатъ да зеленъ большія земли на соболѣхъ, цѣна 70 руб.; кубокъ серебрянъ двойчатъ золоченъ, вѣсу въ немъ 7 гривенокъ, цѣна по 5 р. гривенка; камка бурская розные шелки съ золотомъ, цѣна 40 р.; камка венедицкая червчата, цѣна 5 р.; портище сукна скорлату червчатаго 4 аршина, цѣна по 3 р. аршинъ итого *(не выставлено)* поставъ сукна лускаго червчатаго, цѣна 16 р.; сорокъ соболей, цѣна 25 р.; 1000 алтынъ денегъ, итого 30 рублевъ. Царевичу Мустафалѣю (очевидно ошибка; слѣдуетъ читать Арасланалѣю) Кайбуловичу шуба, камка бурская съ золотомъ и съ розными шелки на соболѣхъ, цѣна 50 р.; однорядка, сукно скорлатъ червчата, завязки шолкъ бѣлъ съ золотомъ на гирѣйское дѣло, цѣна 13 руб. и 21 алтынъ и 4 денги; шапка лисья горлатная черна 8 р.; 500 алтынъ денегъ итого 15 руб.».

Въ этой записи любопытно, что Мустафа Али названъ преемникомъ Шахъ-Алія Шейхъ-Ауліаровича, а кратковременное ханствованіе Саинъ-Булата, бывшаго въ это время (1585 годъ) уже въ немилости, пройдено молчаніемъ.

1) Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Спб., 1864, II, 24.
2) Дополн. къ А. И., I, 198.

Въ подтвержденіе приведеннаго г. Лилеевымъ свѣдѣнія, что старецъ Стефанъ Бекбулатовичъ, подъ конецъ его жизни, вызванъ былъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ Москву (стр. 123), укажемъ на современную запись московскаго разряднаго стола, гласящую (Р. И. Б., IX, 173), что 1614 года, октября въ 19 день, дано государева жалованья царю Семіону Бекбулатову, во иноцѣхъ Стефану, 40 соболей, цѣна 20 руб.

Въ заключеніе замѣтимъ, что для полноты библіографическихъ указаній, г. Лилееву слѣдовало бы упомянуть, что нѣкоторыя данныя для біографіи царя Симеона собраны уже были въ статьяхъ гг. Колчина, Левитскаго и Шишкина въ Русской Старинѣ 1887 г. № 11 и 1888 г. № 6. Сверхъ того, слѣдовало бы повѣрить разсказъ Массы [1]) о томъ, что царь Симеонъ былъ посланъ, будто бы, Борисомъ Годуновымъ противъ Лжедимитрія и съ касимовскими татарами раззорилъ Комарицкую волость. Если касимовцы и участвовали въ этомъ дѣлѣ, то ханомъ ихъ былъ уже въ то время Уразъ-Мухаммедъ.

Д. К.

163. Д. А. Пещуровъ. 彙字璧合法畫俄漢 Китайско-русскій словарь. (По графической системѣ). Спб. 1891 г. X+266 стр. 8°. Цѣна 2 рубля.

Въ настоящее время существуетъ уже достаточно большое количество лексиконовъ на всѣхъ языкахъ для изученія китайскаго языка, причемъ вышедшій въ послѣднее время (1889 г.) словарь арх. Палладія и П. С. Попова по своимъ достоинствамъ и полнотѣ занимаетъ едва ли не первое мѣсто. Однако появленіе словаря Д. А. Пещурова, уступающаго предыдущимъ по количеству гіероглифовъ и полнотѣ опредѣленій и примѣровъ, должно тѣмъ не менѣе быть привѣтствуемо всѣми, особенно русскими начинающими синологами. Съ внѣшней стороны причина этого въ дешевизнѣ и опрятности изданія, что дѣлаетъ его вполнѣ пригоднымъ и доступнымъ для нашихъ студентовъ. Съ внутренней стороны графическая система, по которой онъ расположенъ, дѣлаетъ его положительно необходимымъ для начинающихъ изучать китайскій языкъ. Словари по ключевой и силлабической системѣ при небольшомъ навыкѣ даютъ возможность быстро находить искомый гіероглифъ и опредѣлять его значеніе, но нисколько не облегчаютъ усвоенія памятью начертанія самыхъ гіероглифовъ. Единственное средство для этого графическая система, составляющая для

---

1) Сказанія Массы и Геркмана. Спб. 1874, стр. 112.

образованныхъ изъ сочетанія чертъ и группъ китайскихъ гіероглифовъ то же, что алфавитъ (точнѣе расположеніе по алфавиту) для нашихъ словъ, состоящихъ изъ соединенія буквъ и слоговъ. Поэтому, теперь, когда словарь В. П. Васильева, открывшаго графическую систему въ китайскихъ гіероглифахъ, сталъ библіографическою рѣдкостью, словарь Д. А. Пещурова, является насущною потребностью. Жаль только, что составитель выдѣлилъ въ особое приложеніе гіероглифы, входящіе въ сложныя сочетанія. Едва-ли внесеніе ихъ въ самый словарь увеличило бы особенно его объемъ и стоимость.

А. О. И.

164. К. М. Карягинъ. Сакіа - Муни (Будда), его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ 1891 г., 79 стр. 8°. Изданіе Ф. Павленкова, «Біографическая библіотека».

Популяризація науки дѣло въ высшей степени важное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени трудное. Между тѣмъ часто къ сожалѣнію полагаютъ, что достаточно запастись нѣсколькими болѣе или менѣе *учеными* книгами, чтобы, даже безъ всякихъ самостоятельныхъ знаній, писать и печатать разсужденія по всевозможнымъ вопросамъ; такого взгляда очевидно держался авторъ книги, заглавіе которой выписано нами выше.

Прежде однако чѣмъ коснуться самой книги, поставимъ одинъ вопросъ — можно ли было въ «Біографическую библіотеку» включать легендарную исторію Будды, выдѣлить изъ которой *историческую* часть наука не въ силахъ теперь, да и врядъ-ли когда нибудь сможетъ? Думаемъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный.

Г. Карягинъ въ своемъ предисловіи заявляетъ намъ, что при описаніи жизни Будды онъ пользовался «строго историческими фактами»; къ сожалѣнію онъ не указалъ намъ того, какъ это можно выдѣлять эти «строго историческіе факты» изъ легендарной исторіи Будды, а списокъ матеріаловъ на стр. 6, среди которыхъ мы находимъ поэму Арнольда и катехизисъ Олькотта, указываетъ прямо на то, что авторъ можетъ брать данныя лишь изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, не имѣя притомъ возможности оцѣнивать эти данныя по достоинству.

Введеніе, которое авторъ предпослалъ самой біографіи, чтобы дать «изложеніе соціальнаго, политическаго, моральнаго и религіознаго быта Индіи до Сакіамуни», способно только внушить читателю самыя превратныя мысли о древней Индіи: начать съ того, что Веды совершенно не полны «живой и дѣтской поэзіи», а представляютъ собою религіозныя произве-

денія уже вполнѣ сложившейся жреческой касты. Законы Ману отдѣлены почти тысячелѣтіемъ отъ сборниковъ ведическихъ гимновъ и конечно не принадлежатъ «къ древнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ Индіи» (стр. 3). Какой это «браманскій» періодъ «исторіи Арійцевъ», по увѣренію автора, рисуютъ законы Ману, мы рѣшительно не знаемъ; далѣе въ самомъ текстѣ, Джайны, на стр. 29, превратились въ «эклектикофилософскую школу Ниргранта»; Dhammapada (стр. 47) является почему-то «собраніемъ изреченій Сакіа-Муни для свѣтскихъ послѣдователей»; г. Карягинъ знаетъ даже на какихъ языкахъ училъ Будда! Выпишемъ цѣликомъ это курьёзнѣйшее мѣсто (стр. 53), въ которомъ почти, что ни слово, то ошибка: «Училъ Сакіа-Муни преимущественно на трехъ туземныхъ нарѣчіяхъ, которыя онъ зналъ въ совершенствѣ, — магадхскомъ, тамульскомъ (нынѣ дровирское) и млечча» и т. д. и т. д.

Такими, весьма крупными, ошибками наполнена вся книжка; если къ этому прибавить варварское искаженіе собственныхъ именъ [1]), то не останется сомнѣнія въ томъ, что книга г. Карягина вполнѣ неудачна. А какъ легко было избѣжать многія изъ этихъ ошибокъ: стоило только вмѣсто 12 сочиненій (стр. 6) взять *одно* сочиненіе Ольденберга во второмъ его, совершенно переработанномъ, изданіи (Berlin 1890, русскій переводъ Москва 1890—91) и вышла бы возможная книжка, мѣсто которой, всетаки, по нашему, было бы не въ «Біографической библіотекѣ».

С. О.

165. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества. Томъ XXIII, № 4 и 5. IV + 169 + 3 стр. 8°. (Съ 3 табл.). Иркутскъ 1892.

Кромѣ нѣсколькихъ статей и рефератовъ естественно-историческаго характера, равно какъ и отчета о дѣятельности Отдѣла за 1890 г., настоящій выпускъ «Извѣстій» В. С. О. Имп. Р. Геогр. Общ. содержитъ два интересныя сообщенія этнографическаго характера, именно: 1) «Замѣтка о *тюсяхъ*» Д. А. Клеменца (стр. 23—35) и 2) «Шесть сказокъ минусин-

---

1) Источникъ этихъ искаженій двоякій: 1) небрежная корректура—этимъ объясняются такія удивительныя слова, какъ напр.: Радусагриха, на ряду съ правильнымъ Раджагриха, Ясодхира (Яшодхара), Бихоръ (Бихаръ), Судры (Сутры), Санчха (Сангха) и т. д. 2) невѣрное толкованіе иностранной транскрипціи, напр. Малласы, гдѣ с есть французское окончаніе множественнаго числа, Аджадхія (Айодхія) и т. д. Трудно сказать къ какой категоріи надо отнести странное увѣреніе автора (78), что статистическія данныя о числѣ буддистовъ взяты имъ изъ «India office». Ему вѣроятно было неизвѣстно, что «India Office» попросту значитъ «Министерство по дѣламъ Индіи».

скихъ татаръ, записанныхъ со словъ качинца Т. З. Тутачикова г-жей А. А. Кузнецовой» (стр. 36—46). «*Тюсь* или *тэсь* у инородцевъ тюркскаго племени то же, что онгонъ у монголо-бурятъ. Въ представленіяхъ инородцевъ-тюрковъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ —Качинцевъ, Сагаевъ, Бельтыръ, Койбаловъ и Кизильцевъ это внѣшній знакъ какого-нибудь божества, по большей части злого шайтана, котораго надобно умилостивлять жертвами, кормить для отвращенія какого нибудь зла или несчастія». Авторъ даетъ описаніе 31-го такого *тюся*, преимущественно *Кизильцевъ*, и культа ихъ. Все это любопытный вкладъ въ изученіе шаманства.

Сказки, собранныя г-жей Кузнецовой — бытовыя, которыя разсказываются [1]), а не поются подъ аккомпаниментъ *комыса* или *чатхана*, какъ богатырскія поэмы, и разсказываются «прозаическимъ языкомъ, разговорнымъ языкомъ современныхъ татаръ». Наши фольклористы прочтутъ ихъ [2]) вѣроятно съ интересомъ.

Эта книжка «Извѣстій» отличается особенностью, на которую мы считаемъ нужнымъ указать: заглавія статей приводятся также и въ нѣмецкомъ переводѣ и кромѣ того приложены нѣмецкіе рефераты о 2-хъ самыхъ крупныхъ статьяхъ, т. е. Н. М. Козьмина и С. И. Коржинскаго. Можно быть различнаго мнѣнія о пользѣ и необходимости такой заботливости съ одной стороны о распространеніи славы отечественныхъ авторовъ за предѣлами Россіи и съ другой объ облегченіи западно-европейскимъ ученымъ знакомства съ трудами русскихъ ученыхъ. Но всякій, думается мнѣ, согласится съ тѣмъ, что именно въ этомъ дѣлѣ меньше всего смысла имѣютъ полумѣры. Если приводить заглавія въ переводѣ, то надо всѣ приводить и съ полной точностью, и если дѣлать рефераты, то не надо оставлять ни одной статьи безъ реферата [3]). Разъ принята въ какомъ нибудь изданіи двуязычная система и система рефератовъ, то редакція на нашъ взглядъ нравственно обязана провести ее послѣдовательно. И тутъ-то мы не можемъ не упрекнуть нынѣшнюю редакцію «Извѣстій» въ нѣкоторой небрежности. *Во-первыхъ*, переводы заглавій не всегда вполнѣ точны. Статья Д. А. Клеменца по русски озаглавлена «Замѣтка о тюсяхъ», а по нѣмецки: «Ueber die Götzen der Minussinischen Tataren». Сказки озаглавлены по русски: «Шесть сказокъ минусинскихъ татаръ, записанныхъ со словъ качинца Т. З. Тутачикова г-жей А. А. Кузнецовой (Усть-Камышта)»,

---

1) См. стр. 36, прим. редакціи.

2) Первая представляетъ любопытный варіантъ къ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ.

3) Само собой разумѣется, что исключаются тѣ статьи, которыя сами только реферируютъ работы на иностранныхъ языкахъ, какъ въ данномъ случаѣ статья г. Обручева о Камчаткѣ, составленная по книгѣ Дитмара.

а по нѣмецки: «Sechs Märchen der Minussinischen Tataren, gesammelt von Fräulein A. A. Kusnetzoff aus Krosnojarsk» [sic. Рец.][1]). Въ нѣмецкомъ заглавіи статьи г. Козьмина пропущено указаніе русскаго текста на приложенныя двѣ таблицы чертежей. Послѣдняя большая статья озаглавлена (стр. 73): «Отчетъ объ изслѣдованіяхъ Амурской Области, какъ земледѣльческой колоніи, проф. С. Коржинскаго». По нѣмецки: «Amurland als eine landwirtschaftliche Kolonie v. Proff. [sic] Sergius Korginsky». Это и безграмотно и неточно.

Во-вторыхъ, не всѣ заглавія переведены, что производитъ странное впечатлѣніе и не вызвано, повидимому, никакими серьезными соображеніями. Не переведены заглавія: 1) некролога М. Я. Писарева, 2) замѣтки М. Пихтина (стр. 146) и 3) статьи: «Кассовый отчетъ В. С. Отд. И. Р. Г. Общ.» (стр. 163).

Въ-третьихъ, мало понятны причины, почему осталось безъ нѣмецкаго *резюмэ* большинство статей. Если редакція считала важнымъ, чтобы ученая Европа какъ можно скорѣе узнала о статьѣ г. Козьмина «о явленіяхъ вѣчной мерзлоты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири», то мы не понимаемъ, почему она не сочла одинаково важнымъ указать той же Европѣ на появленіе въ той-же Восточной Сибири такихъ достойнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, горячо преданныхъ наукѣ, какимъ былъ покойный М. Я. Писаревъ. Изъ весьма теплаго некролога, посвященнаго его памяти редакціей, мы въ добавокъ узнаемъ и о крайне интересномъ научномъ фактѣ, именно, что покойный М. Я. производилъ антропометрическія измѣренія инородцевъ и что ему, м. пр., принадлежатъ первыя такія измѣренія бурятъ. Равнымъ образомъ и замѣтки Д. А. Клеменца о тюсяхъ, и сказки, записанныя г-жей Кузнецовой, для этнографіи вѣроятно столь же важны, какъ наблюденія г. Козьмина для геологіи.

Что же касается самыхъ рефератовъ, то мы, несмотря на полное незнакомство съ геологіей и агрономіей, осмѣливаемся высказать, что они насъ не совсѣмъ удовлетворили. Рефератъ о статьѣ г. Козьмина есть не только «Résumé», но вмѣстѣ съ тѣмъ и критика, и слѣдовательно содержаніе не вполнѣ точно соотвѣтствуетъ заглавію. Рефератъ же объ отчетѣ проф. С. Коржинскаго быть можетъ — мы не беремся судить объ этомъ — вполнѣ удовлетворителенъ съ точки зрѣнія агрономической науки, но не

---

1) Такимъ образомъ о качинцѣ Т. З. Тутачиковѣ Европа и не узнаетъ ничего. За то, правда, она вознаграждается сообщеніемъ факта, что г-жа А. А. Кузнецова родомъ изъ «Krosnojarsk». (Иначе трудно толковать это *aus* по правиламъ литературной нѣмецкой рѣчи).

даетъ никакого понятія о живомъ, талантливомъ изложеніи автора и о той массѣ интереснѣйшихъ наблюденій надъ бытомъ различныхъ классовъ населенія амурскаго края, которыми полонъ «Отчетъ». Признаемся, что мы, прочитавъ нѣмецкій рефератъ, уже рѣшили не читать самой статьи и только случайно вернулись къ ней. Теперь же позволяемъ себѣ рекомендовать ее самымъ усерднымъ образомъ всѣмъ интересующимся амурскимъ краемъ и переселенческимъ вопросомъ.

Мы уже имѣли случай на страницахъ этихъ же «Записокъ» указать на образцовую тщательность другого изданія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О.[1]). Да проститъ намъ великодушно редакція «Извѣстій» сегодняшнія возраженія. Если правда, что внѣшняя опрятность и тщательность изданія всегда увеличиваютъ его значеніе и возвышаютъ его репутацію, то и эти, на первый взглядъ, мелочныя «придирки» имѣютъ смыслъ. Кромѣ того досадно видѣть, какъ непрактично и нецѣлесообразно у насъ часто проводятся внушенныя самыми благими намѣреніями мѣры. Въ данномъ случаѣ это бросается особенно въ глаза. Казалось бы, — разъ редакція «Извѣстій» имѣетъ въ своемъ распоряженіи сотрудника, свободно пишущаго по нѣмецки и готоваго содѣйствовать международному научному сближенію переводомъ заглавій и реферированіемъ статей — самое практическое было бы просто посылать заблаговременно [2]) эти переводы въ редакцію хотя бы «Petermanns Mittheilungen» [3]), гдѣ они были бы безъ сомнѣнія приняты съ благодарностью, напечатаны, по всей вѣроятности безъ опечатокъ, или въ «Kleinere Mittheilungen» или въ «Geographische Monatsberichte» и такимъ образомъ проникли бы рѣшительно всюду, гдѣ только серьезно интересуются географической наукой, и м. пр. и въ такія мѣста, куда «Извѣстія В. С. Отд.» или не доходятъ вовсе, или доходятъ гораздо позже. Весь расходъ заключался бы въ одной 10 коп. маркѣ, тогда какъ теперь редакція «Извѣстій» истратила все-таки рубля три, четыре на наборъ четырехъ страницъ нѣмецкаго текста. Это конечно не много, но и трехъ рублей вѣдь «на улицѣ не найдешь» и они могли бы быть употреблены съ бо́льшей пользой на что нибудь другое.

В. Р.

---

1) См. т. V, стр. 125.

2) Недѣли за три, за четыре до выпуска въ свѣтъ, когда обыкновенно печатаніе уже закончено.

3) Если мы не ошибаемся, этотъ журналъ впрочемъ и безъ того помѣщаетъ у себя библіографію, а подчасъ и рефераты русской геогр. литературы; библіографически же всѣ изданія Геогр. Общ., касающіяся Азіи, отмѣчаются и въ «Orientalische Bibliographie» A. Müller'a.

166. Записки Кавказскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. Книжка XIII. Выпускъ второй. Тифлисъ 1891. V+288+124 стр. 8°. Цѣна 2 рубля.

Эта книжка «Записокъ» Кавказскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общ. представляетъ значительный интересъ для оріенталистовъ. Она содержитъ: 1) Краткій этнографическій очеркъ курдовъ Эриванской губерніи, составленный С. А. Егіазаровымъ (стр. 1—60), 2) Курманджійскіе тексты, записанные и переведенные имъ-же (стр. 61—176), 3) Краткій этнографическо-юридическій очеркъ езидовъ Эриванской губерніи, его-же (стр. 171—234). 4) Замѣтки о турецкихъ езидахъ Ю. С. Карцева, бывшаго русскаго вице-консула въ Мосулѣ (стр. 235—263[1]). 5) Извлеченіе изъ замѣтокъ г. Сіуффи объ езидахъ С. А. Егіазарова (стр. 264—288). 6) Краткій курманджійско-русскій словарь, составленный С. А. Егіазаровымъ, при содѣйствіи Л. П. Загурскаго (стр. 1—66). 7) Краткій русско-курманджійскій словарь, составленный Л. П. Загурскимъ при содѣйствіи С. А. Егіазарова (стр. 66—124). Вся книжка издана подъ редакціей заслуженнаго, къ сожалѣнію уже покойнаго, кавказскаго ученаго дѣятеля, Л. П. Загурскаго. За исключеніемъ извлеченій изъ замѣтокъ г-на Сіуффи всѣ эти статьи являются вполнѣ самостоятельными вкладами въ науку, и если появленіе ихъ въ свѣтъ нѣсколько замедлилось[2]), то это, по справедливому замѣчанію редактора (см. вторую страницу предисловія), нисколько не умаляетъ ихъ интереса.

Этнографическій очеркъ курдовъ эриванской губерніи составленъ г-мъ Егіазаровымъ на основаніи свѣдѣній, «добытыхъ непосредственнымъ 12-лѣтнимъ изученіемъ этого народа». Мы имѣемъ поэтому полное право относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этимъ свѣдѣніямъ и должны благодарить автора за умѣлую группировку добытыхъ фактовъ и ясное изложеніе ихъ. Они заслуживаютъ полнаго вниманія этнографа вообще и изслѣдователя обычнаго права въ особенности. За этнографическимъ очеркомъ слѣдуютъ нѣкоторые, записанные тѣмъ-же С. А. Егіазаровымъ курманджійскіе тексты, а именно: 1) Махмудъ-охотникъ, Османъ-богатырь и Асадъ, воитель (стр. 73—110), 2) Карръ и Kулликъ (стр. 110—134), и 3) Балло (стр. 134—140), пѣсни (стр. 140—155), пословицы и поговорки (155—158) и разговоры (стр. 158—165). Тексты всѣ напечатаны въ транскрипціи по нѣсколько измѣненной системѣ Кастрена-Шифнера[3]), съ подстрочнымъ буквальнымъ, и

1) Эти замѣтки имѣютъ особенный заглавный листъ, съ указаніемъ: Тифлисъ, 1886.

2) Очеркъ г-на Егіазарова представленъ былъ въ Кавказскій Отдѣлъ И. Р. Г. О. еще въ 1878 году, очерки г-на Карцева въ 1884 г.

3) Въ предпосланной текстамъ редакціонной замѣткѣ Л. П. Загурскій объясняетъ мотивы, побудившіе его принять эту систему.

кромѣ того еще и вольнымъ переводомъ. Цѣнность этого обогащенія все еще не особенно обильнаго филологическаго матеріала по изученію курдскихъ нарѣчій еще увеличивается составленнымъ общими силами Л. П. Загурскаго и С. А. Егіазарова курманджійско-русскаго и русско-курманджійскаго глоссарія (особая пагинація въ концѣ тома, стр. 1—122).

Едва-ли не еще большаго вниманія, чѣмъ очеркъ курдовъ, заслуживаетъ «краткій этнографическо-юридическій очеркъ езидовъ Эриванской губерніи» уже потому, что объ этихъ интересныхъ сектантахъ свѣдѣнія до сихъ поръ были крайне сбивчивы и отрывочны. Благодаря труду С. А. Егіазарова, мы получаемъ связное и полное представленіе объ юридическомъ и общественномъ бытѣ нашихъ езидовъ. Они, по свидѣтельству автора, «относительно всего, что только не касается религіи, въ высшей степени откровенны и предупредительны». Двоимъ изъ выдающихся езидовъ, Хасанъ-агѣ и Пиръ-Гасану, С. А. Егіазаровъ тутъ-же выражаетъ свою благодарность за оказанную помощь. Этотъ очеркъ намъ кажется прекрасно составленнымъ и этнографическая наука имѣетъ полное основаніе быть весьма благодарной составителю за его цѣнный вкладъ. Гораздо менѣе полны и удовлетворительны свѣдѣнія, добытыя о религіи езидовъ. Отмѣченная самимъ авторомъ скрытность езидовъ относительно религіи невольно подрываетъ вѣру въ полную искренность показаній Пиръ-Гасана и Гасанъ-аги (стр. 185 и сл.). Сомнительно далѣе, чтобы можно было ту «главную езидскую молитву», которую г. Егіазарову удалось записать въ трехъ варіантахъ [1]) признать за «символъ вѣры» въ нашемъ смыслѣ и видѣть въ ней наиболѣе ясную и опредѣленную характеристику религіозныхъ ученій езидовъ, какъ повидимому склоненъ думать г. Егіазаровъ [2]). Молитва гласитъ такъ:

«Аминь, аминь, аминь! Единый, всевышній Создатель небесъ! Черезъ посредничество Шамсэдина, Фэкэдина, Насрэдина, Сиджадина, Шехисина, Шейхъ-Бакра и Кадира-Рахмана [3]) (къ Тебѣ взываю).

Господи! Ты милостивъ, Ты милосердъ, Ты Богъ и испоконъ вѣковъ Ты вѣченъ. Ты царь всѣхъ царствъ и земель, Ты царь всѣхъ видимыхъ и

---

1) Они приложены въ транскрипціи съ подстрочнымъ переводомъ въ концѣ очерка, стр 222—227.

2) См. стр. 182.

3) Семь именъ, предпосылаемыхъ молитвѣ, объясняютъ различно. Одни полагаютъ: что всѣ они имена Бога, опредѣляющія милосердіе и величіе Его. Другіе думаютъ, что въ молитвѣ, обращенной къ главному божеству, упоминаются также имена второстепенныхъ боговъ, совмѣстно съ которыми Богъ управляетъ вселенной. Наконецъ, по третьему мнѣнію, это ничто иное, какъ имена семи архангеловъ, окружающихъ тронъ Всевышняго и служащихъ посредниками между Нимъ и людьми. *Прим.* г. Егіазарова.

невидимыхъ существъ, Ты царь всѣхъ святыхъ; Ты источникъ бытія и счастья. Ты существо, достойное славословія и признательности, Ты источникъ благодати и безпредѣльной любви; Ты грозенъ и славенъ. Твое обиталище за небесами.

Господи! Ты покровитель путниковъ, Ты властелинъ луны и мрака. Ты властелинъ солнца и свѣта, Ты владѣтель небеснаго трона; Ты богъ благодати; Ты (всевышній) судья надъ царями и рабами, Ты правитель всего свѣта.

Господи! Ты создатель грѣшника Адама, Ты создалъ Іисуса и Марію; Ты источникъ радости и блаженства.

Господи! Никто не знаетъ, каковъ Ты: у Тебя нѣтъ лика; неизвѣстны: ни высота Твоя, ни движеніе Твое, ни количество Твое; Ты не вещество: у Тебя нѣтъ ни перьевъ, ни крыльевъ, ни рукъ, ни голоса, ни цвѣта.

Господи! Ты царь на тронѣ, а я ничтожество; я хилъ, хилъ и падшій (грѣшникъ); я грѣшникъ, но не забытъ Тобой; Ты вывелъ насъ изъ мрака къ свѣту. Господи! прости вину и грѣхи мои. О, Боже! О, Боже! О, Боже! О, Боже! Аминь».

По нашему мнѣнію изъ этой «главной молитвы» нельзя дѣлать ровно никакихъ особыхъ выводовъ, кромѣ того, что езиды считаютъ приличнымъ обращаться къ Высшему Существу, которое они почитаютъ, черезъ посредничество перечисленныхъ: святыхъ ли, ангеловъ ли, какъ хотите. Все остальное въ молитвѣ представляетъ наборъ самыхъ обыкновенныхъ эпитетовъ Божьихъ, которые могутъ принадлежать одинаково и перу самого правовѣрнаго мусульманина. Что въ этой молитвѣ, которую г. Егіазаровъ какъ будто считаетъ «символомъ вѣры» въ нашемъ смыслѣ, не упоминается о Меликъ-Тоузѣ, не доказываетъ еще, что езиды не «признавали его за божество» [1]). Но за этой оговоркой всѣ сообщаемыя г. Егіазаровымъ свѣдѣнія: «культъ солнца и стихій» (стр. 184—85), «Сказанія о сотвореніи міра, грѣхопаденіи и всемірномъ потопѣ» (185—89), «Пророки и святые» (189—191), «Храмы и святыя мѣста» (191—192), «Вѣрованія о загробной жизни. Почитаніе умершихъ» (192—193) конечно очень интересны и должны быть приняты во вниманіе всякимъ будущимъ изслѣдователемъ езидизма какъ цѣнный матеріалъ, котораго настоящее значеніе опредѣлится окончательно только тогда, когда будутъ открыты

1) Главная молитва христіанъ очевидно «Отче нашъ», главная молитва мусульманъ— *Фâтиха*, между тѣмъ никто не скажетъ, что христіане не поклоняются Св. Троицѣ, мусульмане не признаютъ Мухаммеда пророкомъ только потому, что въ этихъ двухъ молитвахъ нѣтъ указаній на эти догматы.

упоминаемыя г. Егiазаровымъ на стр. 175 священныя книги езидовъ — *Замбуръ*[1]) и *Постановленія Шейхъ-Адэ*. Надежды на это впрочемъ мало.

За очеркомъ г. Егiазарова слѣдуютъ «Замѣтки о турецкихъ езидахъ Ю. С. Карцева» и «Извлеченіе изъ замѣтокъ г. Сiуффи объ езидахъ». Ю. С. Карцевъ, бывшій русскій вице-консулъ въ Мосулѣ, и г. Сiуффи, французскій консулъ тамъ-же, пользуются оба мѣстными источниками и ихъ сообщенія во всемъ существенномъ сходятся. Г. Сiуффи имѣетъ предъ своимъ русскимъ коллегой то большое преимущество, что онъ знакомъ съ восточными языками и дольше жилъ на мѣстѣ. Ю. С. Карцевъ, по этому, не избѣгнулъ нѣкоторыхъ крупныхъ ошибокъ. Такъ мы читаемъ, напримѣръ, на стр. 251: «*Езиды утверждаютъ, что Шейхъ-Адэ выходецъ изъ Дамаска. Но ни характеръ дѣятельности, ни способъ рѣчи его не обличаютъ въ немъ араба. Въ тѣ времена Багдадъ и Дамаскъ, какъ резиденціи калифовъ, служили центромъ просвѣщенія*».

Не слишкомъ-ли это смѣло сказано? Багдадъ и Дамаскъ никогда, какъ извѣстно, не были одновременно резиденціями халифовъ, и какой-такой критерій нашелъ нашъ дипломатъ, чтобы такъ рѣшительно говорить о способѣ рѣчи и характерѣ дѣятельности Шейхъ-Адэ какъ не подходящихъ арабу?

«*На самомъ-же дѣлѣ, Шейхъ-Адэ, происходилъ изъ Хекьяри, но родился въ Сиріи, въ селѣ Бекдаръ, возлѣ Бальбека. Принадлежалъ онъ, вѣроятно, къ аширэту Адэйя, отчего и получилъ названіе Адэ*»[2]).

Селеніе, гдѣ родился Шейхъ-Адэ, называлось не Бекдаръ, а Бейтъ-Фаръ. Звали его *Адій*, изъ чего курды сдѣлали *Адэ*. Онъ былъ святой мужъ и его ученики или приверженцы по его имени назывались *Адавійя*, какъ бы «Адійцы» или «Адэйцы». Вотъ что говоритъ въ дѣйствительности Ибн-Халликанъ, какъ совершенно опредѣленно переводитъ Сiуффи[3]). Не угодно-ли далѣе обратить вниманіе на слѣдующее мѣсто (стр. 252):

Какъ-бы то ни было, но изъ всего изложеннаго видно, что Шейхъ-Адэ былъ курдъ, и что ему приходилось отстаивать вѣрованія родного аширэта отъ посторонняго нравственнаго давленія. Особенно могло поразить Шейхъ-Адэ обыкновеніе мусульманъ ссылаться постоянно, во время диспутовъ, на священныя книги. Не отъ этого-ли езиды относятся враждебно къ писанному слову»?

Все это совсѣмъ праздныя разсужденія. — Тамъ-же, гдѣ нашъ дипломатъ ограничивается простой передачей сообщенныхъ ему легендъ

---

1) Т. е. вѣроятно زبور.

2) Выноска: *Арабскій писатель Кази-Ахмедъ-Ибн-Халликанъ.*

3) Journal As. 1885, t. V, p. 78.

и сказаній, его очеркъ читается съ интересомъ и конечно заслуживаетъ вниманія изслѣдователя особенно потому, что онъ кое въ чемъ дополняетъ свѣдѣнія г. Сіуффи. Что же касается сего послѣдняго, то его заслуги вполнѣ справедливо оцѣнены г. Егіазаровымъ въ предисловіи къ «Извлеченію» (стр. 264—266), при чемъ однако тутъ-же вкралась весьма крупная ошибка или описка. Именно г. Егіазаровъ на стр. 265 приписываетъ г-ну Сіуффи мнѣніе, что Шейхъ-Адэ жилъ въ VI вѣкѣ *нашей эры*. Читай: въ VI вѣкѣ *гиджры*. Вообще же приходится жалѣть, что г. Егіазаровъ не счелъ возможнымъ прямо перевести обѣ статьи г. Сіуффи, а предпочелъ сдѣлать «извлеченіе», которое не только не замѣняетъ подлинника, но не совсѣмъ вѣрно резюмируетъ его или даже искажаетъ. Особенно неудачно переданы историческія свѣдѣнія о Шейхъ-Адэ, выбранныя г. Сіуффи изъ арабскихъ историковъ. У г. Сіуффи свѣдѣнія 3 ар. авторовъ сообщаются отдѣльно, у г. Егіазарова они являются уже слитыми въ одинъ разсказъ, при чемъ происходятъ удивительныя вещи: оказывается напримѣръ (стр. 277), что Шейхъ-Адэ «*родился въ области Хакьяри, въ деревнѣ Бейтъ-Фаръ; первая была подвластна Мосулу, а вторая Баальбеку*».

Если бы мы сказали, что кто нибудь родился въ тверской губерніи, въ деревнѣ Царское Село и что первая была подвластна Москвѣ, а вторая С.-Петербургу—то мы выразились бы приблизительно такъ, какъ г. Егіазаровъ заставляетъ выражаться г-на Сіуффи и его арабскіе источники. На самомъ же дѣлѣ одинъ изъ трехъ арабскихъ историковъ, приводимыхъ г-номъ Сіуффи, говоритъ, что Шейхъ-Адэ родился въ Бейт-Фарѣ, что̀ въ округѣ Бальбека, второй сообщаетъ, что онъ былъ изъ Бальбека а, по другимъ, изъ Хаурана, и третій — что онъ происходилъ изъ Бальбека.

Разсказывая объ отшельнической его жизни и его усердномъ подвижничествѣ, г. Егіазаровъ говоритъ (стр. 278): «*когда онъ, во время молитвы, падалъ ницъ или припадалъ къ землѣ, мозгъ его, приходя въ столкновеніе со стѣнками черепа, производилъ шумъ, подобный тому, который происходитъ отъ кремня, катящагося по каменистой сухой мѣстности*». Я не имѣю подъ рукой того неизданнаго арабскаго автора, изъ котораго г. Сіуффи взялъ это извѣстіе; но французскій переводъ все таки звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ русскій, а именно . . . lorsqu'il se prosternait (en priant), on entendait, d'après cet auteur, le bruit que faisait son cerveau en se heurtant intérieurement contre les parois du crâne, et qui ressemblait au bruit produit *par des cailloux qu'on remue dans une citrouille desséchée* [1]).

---

1) Journal As. 1885, t. V, p. 80. — Курсивъ рецензента.

Нельзя сказать, чтобы русскій переводъ подчеркнутыхъ словъ соотвѣтствовалъ подлиннику: сухая тыква не есть «каменистая сухая мѣстность» и «кремень, катящійся по ней» равнымъ образомъ существуетъ только въ представленіи русскаго переводчика, а не въ его французскомъ подлинникѣ.

Не менѣе странно, что по г. Егіазарову Шейхъ-Адэ (тамъ-же) «побывавъ у знаменитыхъ шейховъ..... удалился въ хакьярскія горы и тамъ построилъ для себя келью....» и затѣмъ «послѣ смерти знаменитаго шейха, останки его погребены были въ Хакьяри въ той самой кельѣ, гдѣ онъ провелъ *всю жизнь свою»* [1]).

Такого вопіющаго противорѣчія опять-таки нѣтъ у г. Сіуффи, который просто говоритъ, что шейхъ былъ погребенъ dans sa cellule [2]).

Хуже всего однакоже то, что г. Егіазаровъ ни единымъ словомъ не указываетъ, гдѣ кончаются извлеченія г. Сіуффи изъ арабскихъ историковъ и гдѣ начинаются сообщенія со словъ мосульскихъ знакомыхъ г-на Сіуффи. Такимъ образомъ русскій читатель вынесетъ убѣжденіе, что арабскіе историки говорятъ все то, что у г-на Егіазарова читается на стр. 278 (начиная со словъ: Область Хакьяри) и 279, о дѣятельности Шейхъ-Адэ, между тѣмъ какъ все это — устныя преданія езидовъ и у г-на Сіуффи строго отдѣлено отъ извлеченій изъ арабскихъ историковъ. Есть еще и другія недоразумѣнія въ переводѣ, о которыхъ мы не будемъ распространяться, но мы не можемъ не указать нѣсколько невнимательнаго отношенія къ транскрипціи восточныхъ именъ, встрѣчающихся у г-на Сіуффи. Не надо быть оріенталистомъ, чтобы не передавать французское «ech-Chahrazouri» черезъ «эль-Хагразури» (стр. 278), «Moussa», «Moussafer», «Yassîn» черезъ Мусса, Муссаферъ, Яссинъ (стр. 278, прим. *), «Khatib» черезъ «Кятибъ» (ibid.), «Nasser» черезъ «Насръ» (стр. 286 и чаще). Да проститъ намъ почтенный С. А. Егіазаровъ то, что мы не можемъ отнестись къ его «извлеченію» изъ статей г-на Сіуффи съ такимъ-же уваженіемъ, какъ къ его собственнымъ изслѣдованіямъ. Но въ интересахъ будущихъ русскихъ изслѣдователей езидовъ и езидизма мы должны были указать, что статьи г-на Сіуффи *должны быть ими прочтены непремѣнно въ подлинникѣ.*

Подробное оглавленіе, предпосланное тексту на стр. I—V—на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ, при чемъ послѣдній мѣстами очень сильно пострадалъ (sourie! tribue! revenues! *révération* des morts! la transgression = грѣхопаденіе!!) Для кого и ради чего сочиняется такое истинно варварское нарѣчіе? **В. Р.**

1) Курсивъ рецензента.
2) Journal As., l. c., p. 79.

167. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. Выпускъ двѣнадцатый. Тифлисъ 1891. II + II + 144 + 106 + 2 + VII + 46 + 299 стр. 8°.

168. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ тринадцатый. Тифлисъ 1892. VI+XL+152+343 стр. 8°.

169. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ четырнадцатый. Тифлисъ 1892. V + 262 + 209 стр. 8°.

Изданія Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа, посвященныя всестороннему изслѣдованію и описанію быта, языковъ, старины — «живой» и мертвой — по истинѣ неисчерпаемо богатаго въ научномъ отношеніи Кавказа слѣдуютъ другъ за другомъ съ поразительной быстротой и аккуратностью. Въ своей совокупности они уже и теперь представляютъ крайне цѣнный вкладъ въ науку и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ современной исторіи русскаго просвѣщенія. Нельзя относиться иначе какъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и съ искренней симпатіей къ этому неуклонному стремленію Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа привлекать и учащихъ и, въ извѣстной мѣрѣ, также и учащихся къ научнымъ занятіямъ, каждаго именно въ той сферѣ, которая ему особенно близка, либо географически, либо по существу. Это стремленіе, принесшее уже обильные плоды, обѣщаетъ еще болѣе богатые результаты въ будущемъ, и намъ сдается, что эти результаты будутъ благотворны не только въ смыслѣ накопленія полезнаго научнаго матеріала, но и въ смыслѣ педагогическомъ и вообще культурномъ и государственномъ. Кавказъ, правда, представляетъ необыкновенно выгодную почву для изслѣдованія, благодаря удивительно разнообразному и пестрому своему населенію, но не мало вѣдь интереснаго матеріала дали бы и другія области обширнѣйшей имперіи въ Азіи и Европѣ, и мы не теряемъ надежды, что это хорошее дѣло Кавказскаго Учебнаго Округа найдетъ подражателей также и внѣ Кавказскаго Округа и что со временемъ явятся другіе подобные «Сборники матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ» разныхъ Учебныхъ Округовъ.

Изъ лежащихъ въ настоящее время предъ нами послѣднихъ трехъ выпусковъ «Сборника», двѣнадцатый, подъ редакціей Л. Г. Лопатинскаго, весь посвященъ кабардинцамъ. Онъ раздѣленъ на два отдѣла. *Первый* содержитъ: 1) «Замѣтку о народѣ адыге вообще и кабардинцахъ въ частности» (стр. 1—10), 2) «Кабардинскія преданія, сказанія и сказки, записанныя по русски» (стр. 11—145), 3) «Кабардинскіе тексты» съ подстрочнымъ и вольнымъ переводами (стр. 1—82 новой пагинаціи), 4) «Объ-

яснительный словарь къ текстамъ (стр. 83—104), 5) «Замѣтку о кяхскомъ нарѣчіи адыгскаго языка» и пр. (стр. 105—106), и 6) Этнографическую карту Кабарды. За каждымъ изъ сообщаемыхъ преданій, сказаній и пр. слѣдуютъ «Замѣтки», въ которыхъ редакторъ приводитъ свѣдѣнія о томъ, гдѣ и кѣмъ данное сказаніе записано или сообщено, даетъ указанія на литературу, отмѣчаетъ параллели и т. п. «Замѣтка» (стр. 71—77) къ сказкѣ о Красавицѣ-Еленѣ» принадлежитъ перу проф. Всев. Ѳ. Миллера.

Второй отдѣлъ содержитъ, кромѣ предисловія (стр. I—III): 1) «Краткую кабардинскую грамматику» (стр. 1—10 о звукахъ и удареніи, стр. 11—46 о формахъ), 2) «Русско-кабардинскій словарь» (подъ новой пагинаціей стр. 1—184), и 3) «Указатель» кабардинскихъ словъ (стр. 185—299). Въ работахъ по словарю и грамматикѣ Л. Г. Лопатинскому помогали два молодыхъ кабардинца, Т. Кашежевъ и П. Тамбіевъ. — При обработкѣ и составленіи перваго отдѣла кромѣ этихъ двухъ лицъ, еще оказывали содѣйствіе В. Х. Кусиковъ (см. стр. 81 текстовъ) и К. Атажукинъ (см. предисловіе).

Тринадцатый выпускъ состоитъ изъ большаго числа короткихъ статей частью археологическаго, частью этнографическаго характера. Редакторомъ его былъ А. Богоявленскій; археологическій матеріалъ былъ приготовленъ къ печати и просмотрѣнъ Е. Г. Вейденбаумомъ, и кромѣ того редакція при изданіи помѣщенныхъ въ выпускѣ грузинскихъ и армянскихъ текстовъ пользовалась содѣйствіемъ Ѳ. Д. Жорданія, И. З. Татіева и А. Г. Карагёзова, а по изданію и переводу татарскихъ текстовъ Сафаръ-Али-бекъ-Велибекова и Шерифъ-бекъ-Мирзаева (см. предисловіе XXV).

Самъ редакторъ г. А. Богоявленскій въ весьма обстоятельномъ предисловіи прекрасно оріентируетъ читателя въ массѣ предлагаемаго матеріала, распредѣляя его по группамъ этнографическимъ или географическимъ и давая необходимыя литературныя указанія. Первый отдѣлъ выпуска содержитъ: 1) «Памятники древности города Самшвилде» — С. Мажникова (стр. 3—13), 2) «Пещера св. Оганеса» — Н. Ѳедорова (стр. 14—17), 3) «Дольмены близъ станицы Даховской» — В. Ильина (стр. 18—19), 4) «Древнія гробницы на рѣкѣ Индышъ» — І. Хурумова (стр. 20), 5) «Квирильское ущелье» — Ѳ. Хускивадзе [1] (стр. 21—41),

---

1) Приводится между прочимъ нѣсколько грузинскихъ надписей равно какъ и приписокъ на рукописяхъ Кацхинскаго монастыря, Мгвимевской дѣвичьей пустыни и Джручскаго монастыря. Въ библіотекѣ послѣдняго очень много рукописей. — Интересно было бы узнать, существуетъ ли имъ опись?

6) «Село Касапетъ» — Г. Израелова (стр. 42—58), 7) «Село Татевъ»— Н. Григорова (стр. 59—125), 8) «Гошунъ-Дашъ» — Е. Меликъ-Шахназарова (стр. 126—127), 9) «Самсарскія пещеры» — Ив. Синакоева (стр. 128—130); къ статьѣ приложенъ снимокъ съ древне-грузинской надписи (церковными заглавными буквами) и замѣтка къ ней — Ѳ. Д. Жорданія (стр. 130—132), 10) «Могильникъ Челишъ-Кивъ» — В. Долбежева (стр. 133—140), 11) «Памятники древности въ окрестностяхъ селенія Башъ-Шурагелъ» — Гр. Бунятова (стр. 141—147), 12) «Монастырь св. Ѳомы» — А. Туманова (стр. 148—152). *Второй* отдѣлъ выпуска содержитъ: 1) «Встрѣча Новаго года у имеретинъ» — В. Ломинадзе (стр. 3—8), 2) «Поѣздка въ Рачу» — Ш. Ломинадзе [1]) (стр. 9—23), 3) «Рачинскія сказки» — Его-же (стр. 24—31), 4) «Изъ абхазскихъ народныхъ преданій и повѣрій» — В. Гарцкіи (стр. 32—43), 5) «Изъ грузинской народной словесности», преданія и пр. записанныя Д. Хахановымъ, Гр. Апшинашвили, Д. Думбадзе и А. Микеладзе (стр. 44—70), 6) «Гурійскія легенды» — Ф. Мгеладзе (стр. 71—74), 7) «Армянскія сказки, преданія и легенды» записанныя А. Мирзоевымъ, Г. Осиповымъ, І. Новрузовымъ, А. Бабаляномъ и Г. Израеловымъ (стр. 75—140), 8) «Скупой богачъ (осетинская сказка)» — А. Кайтмазова (стр. 141—144), 9) «Изъ дагестанскихъ нравовъ» — А. Мамедова и Л. Ханагова (стр. 145—155), 10) «Преданія и легенды, записанныя въ городѣ Баку» [2]) — А. Бабалянца (стр. 156—166), 11) «Шахъ-Аббасъ и Фараджъ» — Н. Кіясбекова (стр. 167—172), 12) «Ашикъ-Керибъ» — Махмудбекова (стр. 173—229 [3]), 13) «Татарскія пѣсни» — М. Куліева (стр. 230—234) и А. Исмаилова (стр. 234—237 [4]), 14) «Селеніе Ивановка» — Н. Калашева (стр. 238—288), 15) «Русская сказка и легенда», записанныя въ урочищѣ Манглисъ — А. Валенича (стр. 289—294), 16) «Татарскія сказки и преданія», записанныя въ Елисаветпольской губерніи И. Эфендіевымъ, Мусой Куліевымъ, Азадомъ Аслановымъ, Османомъ Гаибовымъ, Б. Насиръ-Султановымъ и Мкртычемъ Сарксянцемъ (стр. 295—322), 17) «Армянская сказка о семи братьяхъ» — Т. Юзбашева (стр. 323—329), 18) «Легенды о Соломонѣ Мудромъ» — А. Мирзоева и Г. Парадова (стр. 330—333), 19) «Ки-

---

1) На стр. 19—20 текстъ грузинской народной пѣсни «Кведрула».

2) Замѣтимъ кстати, что легенда о праотцѣ нашемъ Авраамѣ не только «очевидно» мусульманскаго происхожденія, какъ констатируетъ редакторъ (предисл. XXI), но въ главныхъ чертахъ прямо взята изъ Корана; см. гл. **21**, 53 и сл. и комментаріи къ этимъ стихамъ.

3) Съ приложеніемъ текста 87 пѣсенъ عاشق غريب (стр. 215—29).

4) Съ приложеніемъ текста (стр. 230—37).

литъ» — Як. Пасхалова [1]) (стр. 334—343). — Къ выпуску приложены 14 таблицъ рисунковъ.

Четырнадцатый выпускъ вышелъ подъ редакціей М. Завадскаго и «посвященъ исключительно кавказскимъ горцамъ, описанію нравовъ, обычаевъ и словеснымъ ихъ произведеніямъ». Онъ раздѣленъ, какъ и предъидущіе на два отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ: 1) «Очеркъ быта кавказскихъ горцевъ» — А. Лилова (стр. 1—57 [2]), 2) «По истокамъ Кубани и Терека» — В. Я. Тепцова (стр. 59—212) съ примѣчаніями Н. Я. Динники, 3) «Краткія свѣдѣнія о с. Варташенъ и его жителяхъ» — М. Бежанова (стр. 213—262). Въ селеніи Варташенъ живутъ рядомъ съ армянами, татарами и евреями — удины, остатки нѣкогда болѣе многочисленнаго племени, которые сохранили много разныхъ старинныхъ любопытныхъ обычаевъ. Г. редакторъ обѣщаетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ издать нѣкоторые удинскіе тексты и небольшой удинско-русскій словарь, составленный имъ при содѣйствіи братьевъ Бежановыхъ.

Второй отдѣлъ даетъ тексты абхазскіе, аварскіе, хюркилинскіе и кюринскіе: 1) «Сказка (абхазская) о 4 братьяхъ» — сообщ. К. Мачаваріяни (стр. 1—8). Текстъ съ подстрочнымъ и вольнымъ переводами и грамматическими и лексическими примѣчаніями [3]), 2) «12 цудахарскихъ пѣсенъ» — сообщ. Б. Далгатъ (стр. 9—72). Текстамъ съ подстрочнымъ и вольнымъ переводами предпослано описаніе хюркилинской азбуки и замѣчаніе о характерѣ пѣсенъ (стр. 9—18), 3) «Аварскія сказки» — сообщ. Біакай Абдулаевъ (стр. 73—134) съ подстрочнымъ и вольнымъ переводами и 4) «Кюринскіе тексты» (пословицы, сказки и анекдоты) — сообщ. кн. Ліонидзе и Б. Султановъ (стр. 135—202). Текстамъ предпосланъ грамматическій очеркъ М. Завадскаго (по Услару) при содѣйствіи кн. Ліонидзе и 2 природныхъ кюринцевъ.

Всѣ три тома изданы одинаково опрятно, и корректура, на сколько мы могли судить о ней при бѣгломъ просмотрѣ русскаго текста, продержана тщательно. Въ интересахъ облегченія ссылокъ было бы желательно, чтобы пагинація въ каждомъ томѣ была одна, или-же, если это слиш-

---

1) Килитъ—деревушка въ Эриванской губерніи. Населеніе ея говоритъ, кромѣ татарскаго «еще на особенномъ, никому не понятномъ нарѣчіи». Къ сожалѣнію поѣздка г. Пасхалова не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, такъ какъ только съ большимъ трудомъ удалось выспросить у килитцевъ небольшое число словъ и двѣ фразы. Между словами есть нѣкоторыя, явно заимствованныя изъ персидскаго. Къ нимъ надо причислить еще и слово *Гарибани* чужеземецъ.

2) Эта статья служитъ продолженіемъ статьи того же автора и подъ тѣмъ-же заглавіемъ въ 5-мъ выпускѣ «Сборника».

3) Примѣчанія составлены М. Завадскимъ при содѣйствіи г. Аджамова.

комъ неудобно въ виду одновременнаго печатанія двухъ отдѣловъ, чтобы для одного изъ нихъ была принята весьма удобная система пагинаціи съ нулемъ: 01, 02, 03 и т. д. Тогда для каждаго выпуска было бы достаточно трехъ пагинацій[1]): *римской* (для предисловія), *арабской съ нулемъ* для 1-го отдѣла и *безъ нуля* для 2-го отдѣла, ссылаться было бы весьма удобно и не было бы никакихъ лишнихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ и опечаткамъ при цитатахъ.

В. Р.

170. Предварительный отчетъ объ экспедиціи въ Хинганъ въ 1891 г. Генеральнаго Штаба Полковникъ Путята. СПБ. Военная Типографія. 1892. 34 стр. 8°.

Экспедиція, состоявшая изъ самого г. Путяты, въ то время нашего военнаго агента въ Тянь-цзинѣ, поручика 5-го Сибирскаго линейнаго баталіона А. И. Бородовскаго и переводчика при Южно-уссурійскомъ коммисарѣ г. Моссина при двухъ казакахъ и одномъ слугѣ китайцѣ, выступила изъ Тянь-цзина 5/17 мая, вернулась въ него 13/25 сентября (1891 г.). Такимъ образомъ она была окончена въ 4 съ небольшимъ мѣсяца. За это время участники ея прошли черезъ Великую стѣну подъ Тѣ-мынь-гуанемъ и, достигши Пинъ-цюань-чжоу, повернули на городъ Жехэ, отсюда направились въ Вэйчанскій паркъ[2]) и достигли мѣстечка Тунцзяинцза[3]), резиденціи бельгійскаго миссіонера (père de Beulle). Здѣсь экспедиція раздѣлилась. Бородовскій съ Моссинымъ остались для сбора зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій, самъ-же Путята направился черезъ Вэйчанское плато въ хошунъ Баринь, гдѣ вслѣдствіе подозрительности населенія успѣлъ только достигнуть до урочища Цаганъ-Соборга; поэтому онъ, пересѣкши Хинганъ черезъ перевалъ Кэркынъ-дабанъ, вышелъ въ хошунъ Бага-Узумчинъ, опредѣлилъ астрономическое положеніе монастыря Энцигенъ-сумэ, чѣмъ связалъ свои работы съ работами бр. Гарнакъ; затѣмъ вторично пересѣкъ Хинганъ черезъ болѣе южный перевалъ Хабидо-дабанъ, долиной р. Цаганъ-Мурень вышелъ въ населенное китайцами урочище Бейча и черезъ долину Вилянгоу вернулся въ Тунцзяинцза. Отсюда экспедиція въ полномъ составѣ направилась къ Долонъ-нору, но по срединѣ раздѣлилась и г. Путята повернулъ къ исто-

---

1) Двѣнадцатый выпускъ съ 3 раза начинающимся счетомъ римскихъ и 4 раза начинающимся счетомъ арабскихъ цифръ пагинаціи является весьма неудобнымъ и можно быть увѣреннымъ, что ссылки на статьи, въ немъ помѣщенныя, всегда будутъ невѣрны.

2) Вэйчанъ значитъ «мѣсто для облавы»; это заповѣдные лѣса для императорской охоты, охраняемые особымъ отрядомъ.

3) Сохраняемъ вездѣ правописаніе автора.

камъ р. Шара-Мурень и только черезъ Осотэ-Курень вышелъ на Долонъ-норъ. Вторично пересѣкъ хребетъ Иншань онъ уже черезъ Душикоу. Между тѣмъ г. Бородовскій со всѣмъ тяжелымъ багажемъ экспедиціи прослѣдовалъ черезъ Калганъ, и черезъ 12 дней экспедиція соединилась въ Пекинѣ, а 13 сентября вернулась въ Тянь-цзинъ. Изъ этого сухаго перечня мѣстностей, пройденныхъ экспедиціей, уже можно видѣть, какой большой интересъ представляетъ она для изученія Хинганскаго хребта и въ особенности его пересѣченія съ Иншанемъ. Поэтому надо съ нетерпѣніемъ ждать появленія въ печати полнаго описанія результатовъ, добытыхъ г. Путятой. Его экспедиція, кромѣ того, должна пролить свѣтъ и на характеръ дѣятельности такъ называемыхъ ма-цзѣй «конныхъ разбойниковъ» или хунъ-ху-цзы и ихъ происхожденіе. Эти разбойники, немало тревожащіе и администрацію Маньчжуріи, несомнѣнно состоятъ тамъ главнымъ образомъ изъ хищниковъ (тайныхъ искателей золота) и браконьеровъ. Страшны они именно своей массой, когда мѣшаютъ ихъ промыслу. Всѣ же разсказы про грабежи ими путниковъ должны быть отнесены къ вымысламъ трусливыхъ китайскихъ возчиковъ, боязливость которыхъ заставляетъ ихъ видѣть во всякомъ встрѣчномъ хунъ-ху-цзы (въ чемъ я самъ убѣдился, проѣзжая почти одновременно съ этой экспедиціей по Маньчжуріи). Заявленія же администраціи о небезопасности дорогъ отъ хунхузъ имѣютъ съ одной стороны цѣлью напугать европейскихъ путешественниковъ, съ другой показать ея бдительность: въ Маньчжуріи достаточно быть пойману въ уединенномъ мѣстѣ съ оружіемъ, чтобы быть казнену въ качествѣ хунъ-ху-цзы (разбойника). Таковы въ большинствѣ случаевъ всѣ казнимые въ Маньчжуріи[1]). Между тѣмъ по временамъ являются цѣлыя шайки, рѣшающіяся даже нападать на города, и до сихъ поръ остается совершенно открытымъ вопросомъ, что это за шайки: хищники ли, потревоженные въ своемъ промыслѣ, или скопища недовольныхъ мѣстными порядками. Вотъ экспедиція г. Путяты, бывшая, по его словамъ, въ томъ районѣ, гдѣ эти ма-цзѣй или хун-ху-цзы очень многочисленны и гдѣ они вскорѣ послѣ окончанія его экспедиціи (осенью 1891 г.) произвели большую рѣзню, и можетъ пролить свѣтъ на этотъ вопросъ. Написанъ отчетъ очень живо и содержательно. Видно, что авторъ старался разобраться въ путаницѣ разнорѣчивыхъ мнѣній объ мѣстностяхъ, пройденныхъ экспедиціей. Нельзя только согласиться съ нимъ въ объясненіи невѣрности наибольшей высоты Хингана, опредѣленной

1) При мнѣ въ Гиринѣ за разъ отрубили голову 14 хунхузамъ, изъ нихъ только двое имѣли около 30 лѣтъ, остальные всѣ были въ возрастѣ около 20 лѣтъ и даже менѣе. Всѣ они были именно только захвачены въ уединенномъ мѣстѣ и при нихъ нашли оружіе.

императоромъ Канъ-си въ 15.000 футовъ, между тѣмъ какъ анероидъ автора далъ только 6600 футовъ. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что футъ императора Канъ-си былъ меньше нынѣшняго именно вдвое. Правда, величина фута въ Китаѣ различна, но разница вездѣ не велика. Гораздо проще объяснять дѣло или ошибкой (можетъ быть и умышленной) составителя описанія путешествія императора Канъ-си, или, что̀ гораздо естественнѣе, ошибкой самого Канъ-си при измѣреніи. Вѣдь даже и въ настоящее время, напримѣръ, для Маньчжуріи можно указать ошибки путешественниковъ, которые, измѣряя путь при посредствѣ одометра, даютъ вмѣсто 10 верстъ 40 и на оборотъ, или изъ двухъ названій одной мѣстности дѣлаютъ двѣ мѣстности.

А. О. И.

171. Руководство къ изученію японскаго языка. Составилъ бывшій членъ русской миссіи въ Японіи, іеромонахъ Димитрій Смирновъ. СПБ. 1890. 6 + XVI + 3 стр. таблицъ + 419 стр. Цѣна 5 руб. сер.

Уже прочитавши одно предисловіе, всякій невольно получитъ довольно невыгодное представленіе объ этомъ трудѣ. Начать съ того, что онъ есть результатъ полуторагодичнаго пребыванія въ Японіи, а за такое короткое время не только «невозможно изучить языкъ, подобный японскому, въ совершенствѣ», какъ говоритъ авторъ, а даже и познакомиться съ нимъ сколько-нибудь сносно. Между тѣмъ авторъ, начавъ свой трудъ еще въ Японіи въ 1881 г. «безъ всякой поддержки и даже при неодобреніи со стороны членовъ нашей Духовной Миссіи, окончилъ его уже здѣсь спустя четыре года по прибытіи въ Россію, когда всѣ связи съ Японіею были порваны»[1]). При такомъ положеніи дѣла, кажется намъ, было недостаточно признаться въ предисловіи, что трудъ «можетъ быть не чуждъ нѣкоторыхъ своихъ недостатковъ», а надо было серьезно подумать, стоитъ ли «предлагать общественному вниманію» свои такъ сказать ученическія замѣтки по японскому языку. Не проще ли было бы, если ужъ авторъ захотѣлъ обогатить русскую науку руководствомъ къ изученію японскаго языка, взять какое-нибудь иностранное руководство[2]) и перевести его на русскій языкъ. Вѣдь все равно, помимо указаній японскихъ учителей, трудъ автора не самостоятеленъ и представляетъ компиляцію изъ нѣкоторыхъ, указанныхъ и

---

1) См. предисловіе, XV.

2) Напримѣръ, B. H. Chamberlain. A Handbook of colloquial Japanese, второе изданіе котораго вышло въ 1889 г. Авторъ его уже порядочное время состоитъ профессоромъ японскаго языка и литературы въ Токіо.

авторомъ въ концѣ предисловія, сочиненій на англійскомъ языкѣ. Это особенно относится ко введенію.

Между тѣмъ авторъ захотѣлъ иначе и рѣшилъ выпустить какъ бы самостоятельное руководство. Что же вышло? Много въ немъ цѣннаго матеріала (сообщеннаго автору учителями-японцами и заимствованнаго имъ изъ упомянутыхъ выше сочиненій), но освѣщеніе этого матеріала слабо; видно, что онъ не прочувствованъ и не продуманъ; прочитавшій это руководство получитъ самое смутное понятіе объ японскомъ языкѣ и никогда по этому руководству не научится японскому языку. Между тѣмъ стоитъ только прочитать въ началѣ предисловія, какъ безпощадно относится авторъ ко всему, что вышло до него на русскомъ языкѣ относительно японскаго языка. Тутъ уже видна полная несостоятельность автора: у него на одной доскѣ поставлены «Вокругъ свѣта»—Путевыя впечатлѣнія Скальковскаго, «Вдоль по Японіи» Шестунова и т. д., Японско-русскій словарь Гошкевича, «Краткій Русско-Японскій Словарь» Сутковаго 2-го и «Японскій Переводчикъ» (изданіе Главнаго Штаба). Изъ всѣхъ этихъ сочиненій авторъ приводитъ цѣлыми страницами ошибки и опечатки. Только относительно словаря Гошкевича онъ довольствуется приведеніемъ отзыва г. Сутковаго 2-го, что этотъ словарь оказался ему безполезнымъ, такъ какъ онъ не зналъ японскаго языка, а японцы не могли его употреблять по незнанію русскаго. Отзывъ довольно рѣшительный, но совершенно непонятный. Въ словарѣ Гошкевича дѣйствительно не приведено русской транскрипціи, но вѣдь научиться читать по японски дѣло двухъ, трехъ часовъ. За словаремъ Гошкевича во всякомъ случаѣ остается то достоинство, что, благодаря знанію китайскаго языка, онъ могъ вѣрно опредѣлять значеніе словъ. Кромѣ того знаніе китайскаго языка помогало Гошкевичу понимать многія явленія японскаго языка, тожественныя съ таковыми же въ китайскомъ. Ничего подобнаго мы не видимъ у г. Смирнова. Его руководство немногимъ только выше сочиненій, подобныхъ «Японскому переводчику» или «Русскому Меццофанти».

А. О. И.

172. Очерки Кореи. Составлено по запискамъ М. А. Поджіо. СПБ. 1892 г. XVI + 4 + 391 стр. Съ приложеніемъ карты. Цѣна 2 р. 50 к.

Изданію предпослано короткое введеніе «отъ издателей»[1]) о жизни автора, затѣмъ небольшое предисловіе автора о цѣляхъ, которыя онъ пре-

1) Собственно издателемъ былъ, судя по надписи на экземплярѣ библіотеки СПБ. университета, г. Ласточкинъ.

слѣдовалъ въ своемъ трудѣ, и объ источникахъ, которыми онъ пользовался для его составленія [1]). Далѣе на 391 страницѣ очень живо описывается географическое положеніе Кореи, ея государственное устройство, судопроизводство, сословія, воспитаніе, семейный бытъ, общественная и домашняя жизнь, религія, промышленность и торговля. Предпослѣдняя глава посвящена исторіи христіанства въ Кореѣ. Въ приложеніи приведены трактаты Кореи съ Японіей, Китаемъ и Россіей. Все это, въ связи съ хорошимъ изложеніемъ, дѣлаетъ книгу очень интересной и полезной. Къ несчастію, она является посмертнымъ изданіемъ [2]), причемъ переписанный нá чисто оригиналъ, приготовленный для печати, былъ утерянъ. Пришлось возстановлять сочиненіе по уцѣлѣвшимъ черновымъ отрывкамъ. Это, конечно, не могло не отозваться на сочиненіи.

Сказалось это прежде всего въ транскрипціи собственныхъ именъ. Вообще авторъ пишетъ ихъ по корейскому произношенію, какъ напр. вмѣсто Ляо-дунъ — Леа-тунгъ. Между тѣмъ на стр. 31 находимъ И-чжеу (по корейски Ы-цю), на стр. 9 Ри-менъ считается китайскимъ названіемъ города Инъ-чіунъ. Встрѣчаются мѣстами ошибки и неточности. Напр. на стр. 77 время существованія династіи Мингъ (т. е. Минъ) обозначено съ 1368 г. по 1664, а на стр. 140 съ 1368 по 1615, между тѣмъ какъ она существовала по 1644 г. когда была низвержена нынѣшней дай-цинской династіей (а не въ 1636 г., какъ сказано ошибочно на стр. 280); подъ упоминаемымъ на стр. 187 и 197 «тýди» собственно разумѣется не могильный камень, а духъ земли, въ которой похороненъ покойникъ. Точно также фраза (на стр. 32) «послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій» не соотвѣтствуетъ словамъ Кигоро (стр. 32) «исполнивъ церемоніи», подъ которыми разумѣется то почтеніе, которое оказывается привезенному указу. Изъ неловкихъ выраженій укажемъ слѣдующія. Говоря про обычай корейцевъ 14 числа 1-го мѣсяца выкидывать на дорогу соломенное чучело, одѣтое въ платье человѣка, чтобы введенная въ заблужденіе судьба послала всѣ предназначенныя человѣку бѣдствія на чучело, авторъ говоритъ слѣдующее (стр. 271): «существуетъ убѣжденіе, что все то, что случится съ чучеломъ, должно непремѣнно произойти съ хозяиномъ платья ... и что такимъ образомъ человѣку удается отвратить ... опасность на цѣлый годъ»... Точно также на стр. 276 находимъ: «Кромѣ этихъ миѳическихъ животныхъ... надо еще упомянуть о нѣкоторыхъ, играющихъ немаловажную

1) Списокъ ихъ приложенъ вслѣдъ за предисловіемъ. При чтеніи самаго труда видно, что авторъ главнымъ образомъ пользовался произведеніями гг. Дмитревскаго и Ch. Dallet.

2) Авторъ умеръ въ 1889 г.

роль въ суевѣріяхъ корейцевъ». Между тѣмъ передъ этимъ говорится (кромѣ драконовъ, феникса и кирина) про черепаху и тигра, а ниже о каменныхъ львахъ и чудовищной птицѣ *финъ-сай*, своею тѣнью отравляющей пищу.

Подобныя мелочи, конечно, не умаляютъ нисколько достоинства книги и она, повторяемъ опять, является очень интересной и содержательной.

А. О. И.

173. Черная Вѣра или Шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова. (Съ портретомъ и біографіей). Издано на средства частныхъ жертвователей въ пользу Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Подъ редакціей Г. Н. Потанина. СПБ. 1891. XL+128 стр. 8°.

«Намѣреніе издателя», читаемъ мы въ предисловіи, «вначалѣ было перепечатать только одну статью Банзарова «Черную вѣру», приложивъ къ ней біографію этого замѣчательнаго бурята. Имѣлось въ виду отчасти доставить лицамъ, занимающимся миѳологіей и фольклоромъ сибирскихъ инородцевъ, возможность вновь пріобрѣтать статью Банзарова, которая стала библіографической рѣдкостью; но главная цѣль была напомнить бурятамъ объ ихъ замѣчательномъ соплеменникѣ, а также и русской публикѣ объ этомъ одинокомъ случаѣ, оставшемся въ продолженіи 30 лѣтъ безъ повторенія».

Не знаемъ, оцѣнятъ-ли по справедливости буряты съ одной стороны и русская публика съ другой благородный починъ Г. Н. Потанина, но русскіе оріенталисты и фольклористы во всякомъ случаѣ, въ этомъ мы ни минуты не сомнѣваемся, встрѣтятъ эту книгу съ живѣйшей признательностью, которая подобаетъ какъ лицамъ — въ томъ числѣ одинъ образованный бурятъ — пожертвовавшимъ денежныя средства, такъ и заслуженному ученому и искреннему другу нашихъ сибирскихъ инородцевъ, взявшему на себя редакцію. Получивъ возможность нѣсколько расширить изданіе противъ первоначальнаго плана, Г. Н. Потанинъ даетъ намъ 1) «Очеркъ жизни и дѣятельности Дорджи Банзарова» (стр. IX—XXXIV), составленный главнымъ образомъ на основаніи извѣстной статьи П. С. Савельева; 2) письмо И. С. Сельскаго къ П. С. Савельеву: «Подробности о сибирской жизни и послѣднихъ дняхъ Банзарова» (стр. XXXV—XXXVII; 3) «Списокъ сочиненій Банзарова въ хронол. порядкѣ» (стр. XXXVIII—XL) и затѣмъ 4) перепечатку слѣдующихъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ статей и замѣтокъ

Банзарова: «Черная вѣра или Шаманство у монголовъ» (стр. 1—46), «Пайзе или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ» (стр. 47—64), «О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій» (стр. 65—69), «О происхожденіи имени Монголъ» (стр. 70—76), «О происхожденіи слова Чингисъ» (стр. 77—79) «О названіи Эргэнэ-Хонъ» (стр. 80—81), «Объ Ойратахъ и Уйгурахъ» (стр. 82—87), «Объясненіе монгольской надписи на памятникѣ князя Исунке, племянника Чингисъ-хана» (стр. 88—105), «Замѣчаніе о монголизмахъ въ ярлыкѣ Тохтамышъ-Хана» (стр. 122—123).

Кромѣ того перепечатаны письма Банзарова (стр. 106—121) и все изданіе снабжено двумя прекрасными указателями: собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ, и предметнымъ спеціально къ статьямъ «Черная вѣра», «Пайзе» и «О восточныхъ названіяхъ русскихъ вооруженій».

В. Р.

174. Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 г.г. Архимандрита Палладія, съ введеніемъ доктора Е. В. Бретшнейдера и замѣчаніями профессора, чл.-сотр. А. М. Позднѣева. СПБ. 1892. X+238 стр. 8°. Съ приложеніемъ маршрутной карты Восточной Монголіи, составленной Е. В. Бретшнейдеромъ. (Отд. оттискъ Тома XXII, № 1, Записокъ И. Р. Геогр. Общ. по Общей Географіи).

Когда является книга, содержащая «Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи» о. архимандрита Палладія, историческое обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ маршрутовъ по восточной Монголіи Е. В. Бретшнейдера и подробный комментарій къ дорожнымъ замѣткамъ Палладія А. М. Позднѣева, тогда рецензентъ находится въ весьма пріятномъ положеніи: онъ въ сущности совершенно обезоруженъ, ибо съ одной стороны имя о. Палладія служитъ ручательствомъ цѣнности «Дорожныхъ Замѣтокъ», а съ другой нельзя, конечно, найти болѣе компетентныхъ толкователей и цѣнителей этихъ замѣтокъ чѣмъ Е. В. Бретшнейдеръ и А. М. Позднѣевъ.

На долю критики неспеціалиста остается только внѣшняя сторона изданія и тутъ рѣчь наша тоже будетъ коротка. Оно вышло подъ редакціей барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена и представляется намъ вполнѣ безукоризненнымъ. Корректура образцово-тщательная и приложенный въ концѣ указатель превосходенъ. Барону Ѳ. Р. также принадлежитъ починъ и планъ всего изданія: имъ-же розысканъ въ архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ дневникъ Палладія за 1847 годъ.

Мы не сомнѣваемся, что эта услуга, оказанная наукѣ, будетъ по достоинству оцѣнена ученымъ міромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволимъ себѣ высказать

пожеланіе, чтобы научныя сокровища, схороненныя въ архивѣ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ въ видѣ консульскихъ донесеній изъ разныхъ странъ Востока за первую половину текущаго столѣтія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сохраненіе ихъ въ тайнѣ больше не требуется политическими соображеніями, были систематически извлекаемы изъ архивной пыли и издаваемы въ свѣтъ въ столь-же образцовой формѣ какъ дорожникъ знаменитаго нашего синолога. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ этимъ способомъ пріобрѣло бы себѣ полное право на признательность ученаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ поставило бы тѣмъ скромнымъ труженикамъ, которые на востокѣ, подчасъ среди крайне тяжелыхъ условій, работали на пользу и славу далекой родины, самый достойный и вполнѣ заслуженный ими памятникъ.

В. Р.

175. Das Mujmil et-târîkh-i ba'dnâdirîje des Ibn Muhammed Emîn Abu'l-Hasan aus Gulistâne. [Fasc. I. Geschichte Persiens in den Jahren 1747—1750]. Nach der berliner Handschrift herausgegeben und mit einer Einleitung und mit Indices versehen von Oscar Mann. Leiden. Brill, 1891. 48+۷۲ стр. 12°.

Изданіе историческихъ замѣтокъ современника, обнимающихъ событія всего 3-хъ лѣтъ, сдѣлано добросовѣстно: текстъ по единственной рукописи Берлина правиленъ, читается свободно и снабженъ указателями именъ собственныхъ, географическихъ и этнографическихъ. Въ предисловіи излагаются біографическія свѣдѣнія объ авторѣ записокъ и выясняется ихъ общее значеніе и сравнительное на ряду съ другимъ еще неизданнымъ источникомъ, имѣющимся также въ одной рукописи مجمع التواريخ Халиля (Pertsch, Handschr. d. Berlin. Kgl. Bibl., p. 425). Намъ кажется, что цѣну «Târîkhi ba'dnâdirîje», которую г. Маннъ называетъ «крайне интересной» и которая въ нѣкоторой части есть дословная переписка Исторіи Надира Мехди-Хана—такъ что автору быть самостоятельнымъ остается въ очень немногомъ,—ближе всего можно было бы опредѣлить, выяснивъ, какой новый доселѣ неизвѣстный историческій матеріалъ она собою представляетъ, или въ какой зависимости къ этому «крайне интересному» труду стоятъ общія уже изданныя персидскія исторіи, какъ روضة الصفاى ناصرى Риза Кули Хана или تاريخ منتظم ناصرى Мухаммедъ Хасанъ Хана, т. е. пользовались ли имъ послѣдніе, какъ источникомъ, и если пользовались, то въ какой степени. Объ этомъ у г. Манна не сказано ни

слова; остается надѣяться, что вопросъ этотъ будетъ выясненъ въ послѣдующемъ выпускѣ, такъ какъ настоящій значится первымъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что нѣкоторымъ указаніемъ на значеніе записокъ Эмина можетъ служить то обстоятельство, что для «контроля» ихъ съ пользою могутъ быть употреблены труды европейскихъ путешественниковъ Hanway, Niebuhr, Olivier, которыхъ Darstellungen, говоритъ Маннъ, — намъ давно извѣстныя, добавимъ мы — bieten uns wenig Neues (стр. 19). Отмѣчая нѣкоторыя особенности въ языкѣ Эмина, г. Маннъ могъ бы отмѣтить слово مال въ заглавіи на стр. ٣٧—ذكر سلطنت ابراهيم خان و مال كار او, которое употреблено совершенно такъ, какъ въ самомъ обыденномъ разговорномъ языкѣ: подобнаго примѣра въ литературномъ языкѣ пока указать еще нельзя. Въ заключеніе замѣтимъ, что транскрибированіе въ заглавіи и предисловіи «baʿdnâdirije» вмѣсто «baʿdnâdirijjé» слѣдуетъ считать за корректорскій недосмотръ.

В. Ж.

176. P. G. v. Möllendorff. Praktische Anleitung zur Erlernung der hochchinesischen Sprache. 2-te Auflage. Shanghai. 1891. VII+178 стр. 8°.

Настоящее руководство имѣетъ цѣлью облегчить изученіе того разговорнаго языка образованнаго сословія, со знаніемъ котораго можно объѣхать всю китайскую имперію, съ увѣренностью, что вездѣ тебя поймутъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною уже было разобрано въ этихъ-же Запискахъ[1]) сочиненіе подобнаго рода, именно «I. Haas. Deutsch-Chinesisches Conversationsbuch», но настоящее сочиненіе должно быть предпочтено послѣднему. Дѣло въ томъ, что руководство Haas'а, хотя и составлено по Edkins'у, хотя и снабжено многочисленными примѣчаніями, но назначено главнымъ образомъ для лицъ, занимающихся торговлей въ Китаѣ (съ этою цѣлью подобраны и фразы, къ этой цѣли направлены главнымъ образомъ и всѣ примѣчанія и приложенія). Руководство же Möllendorff'а не носитъ этого спеціальнаго характера и преслѣдуетъ одну только цѣль: научить разговорному языку образованнаго сословія; далѣе, транскрипція въ немъ болѣе понятна и пригодна, и, наконецъ, выборъ фразъ (въ 50 §§—Abschnitt) болѣе подходящій для желающаго вникнуть въ духъ китайскаго разговорнаго языка. Конечно, и это руководство не лишено нѣкоторыхъ недостатковъ (свойственныхъ, впрочемъ, всѣмъ сочиненіямъ подобнаго рода): имъ можно пользоваться, только имѣя подъ руками китайскаго учителя. Помощь послѣд-

1) Т. II, стр. 163—164.

няго нужна не только для того, чтобы научиться правильно произносить отдѣльныя слова съ соблюденіемъ ударенія [1]), но главное, чтобы умѣть произносить слова въ связи, во фразѣ, гдѣ уже отдѣльныя ударенія теряются. Правило же относительно сложныхъ словъ, помѣщенное авторомъ на стр. 153 [мелкимъ шрифтомъ . . . . «въ сложныхъ словахъ, выражающихъ одно понятіе, удареніе обыкновенно падаетъ на первое слово, (а второе теряетъ свое удареніе); въ сложныхъ же словахъ, въ которыхъ каждое сохраняетъ свое значеніе, удареніе падаетъ большею частію на второе, но и первое сохраняетъ свое (allerdings zuweilen modificirten) удареніе»] всетаки довольно неопредѣленно.

Въ концѣ (со стр. 153) помѣщенъ нѣмецко-китайскій перечень словъ (по предметамъ) [2]) и небольшая библіографія (I: пособія для изученія китайскаго разговорнаго языка образованнаго класса, II: китайскія сочиненія, по стилю близко подходящія къ этому языку, III: сочиненія о Китаѣ, IV: сочиненія о письменномъ китайскомъ языкѣ).

Издано сочиненіе весьма тщательно. Въ китайскихъ текстахъ мною замѣчены только двѣ опечатки, которыя кстати исправляю: на стр. 37, 2 столбецъ, 2 стр. сн. напечатано 潮 hu^2 вмѣсто 湖 hu^2; на стр. 176, 1 ст., 5 стр. сн. напечатано 憧 得 $tung^3$ teh^2 вмѣсто 懂 得.

А. О. И.

177. A. Rea. List of ancient monuments selected for conservation in the Madras Presidency in 1891. Madras 1891. (Archeological Survey of Southern India). Published by order of Government. 28 стр. in fol.

Просвѣщенное правительство индійскихъ владѣній Ея Британскаго Величества неустанно печется о научномъ изученіи Индіи; признавая большую важность вещественныхъ памятниковъ для изученія исторіи страны, оно всячески заботится о сохраненіи и изслѣдованіи этихъ памятниковъ, доказательствомъ чему служатъ прекрасныя и многочисленныя изданія различныхъ Surveys. Отъ времени до времени завѣдующіе извѣстнымъ Survey печатаютъ списокъ тѣхъ памятниковъ, которые предполагается сохранять отъ разрушенія; такъ какъ обычай этотъ, какъ намъ кажется, безусловно заслуживаетъ подражанія, то мы и позволяемъ себѣ

1) Для упражненія въ этомъ помѣщена таблица въ 400 словъ, которыя, подъ руководствомъ учителя, нужно произносить подъ всѣми удареніями. Дѣло очень трудное, даже и для природнаго китайца.

2) Въ тамож. отдѣлѣ удержаны англійскіе термины.

указать здѣсь на подобное изданіе, напечатанное въ Мадрасѣ въ 1891. «Списокъ памятниковъ старины, избранныхъ для сохраненія въ Мадрасскомъ президентствѣ», составленъ г. A. Rea, которому индійская археологія обязана рядомъ интереснѣйшихъ открытій; раздѣленъ списокъ на 9 группъ:

1. Буддійскіе остатки древности отъ 250 г. д. Р. Хр.—500 г. п. Р. Хр.
2. Пещеры и зданія временъ династіи Pallava, 500—700 п. Р. Хр.
3. Храмы временъ династій Coḷa и Pāṇḍya, 11 в. по Р. Хр. и слл.
4. Храмы временъ династіи Cālukya, 12—14 вв.
5. Джайнскіе храмы 14 в. и слл.
6. Позднѣйшіе дравидскіе храмы: 15 в. и слл.
7. Военное зодчество.
8. Гражданское зодчество.
9. Остатки христіанскихъ древностей.

Далеко не всѣ памятники старины вошли, какъ замѣчаетъ авторъ, въ этотъ списокъ; причина тому весьма простая: они и до сихъ поръ служатъ предметами поклоненія и почитанія народа, который и находитъ самъ средства для ихъ сохраненія, дѣлая такимъ образомъ излишнимъ правительственное содѣйствіе.

Списокъ заключаетъ въ себѣ 108 №№; свѣдѣнія о каждомъ памятникѣ расположены по слѣдующимъ рубрикамъ: названіе округа, талука, деревни; названіе памятника; причина, почему онъ долженъ быть сохраненъ; указаніе на то, къ какой изъ 9 группъ относится памятникъ; предположенія о способѣ сохраненія памятниковъ, a) находящихся въ вѣдѣнія правительства, b) въ вѣдѣніи частныхъ учрежденій или лицъ; особыя замѣчанія. Къ списку приложенъ рядъ интересныхъ замѣтокъ о способахъ сохраненія древностей и отличный алфавитный указатель.

Кончаемъ нашу замѣтку объ этомъ полезномъ изданіи индійскаго правительства пожеланіемъ, чтобы и у насъ учрежденія, завѣдующія сохраненіемъ памятниковъ старины, приступили къ систематическому составленію и изданію подобныхъ же «Списковъ».

С. О.

178. الجداول المرضيه في تاريخ الدول الاسلاميه. Каиръ 1306. ٢٣٠ стр. 4°.

Плодъ пера السيّد احمد بن زيني دحلان, эти хронологическія таблицы образуютъ собою сводъ родословныхъ мусульманскихъ династій вплоть до 1300 года Гиджры; отлитографированы онѣ въ Каирѣ въ 1306 г. Онѣ даютъ намъ на 230 страницахъ въ четвертую долю листа самыя разнообразныя свѣдѣнія о возникновеніи державныхъ домовъ и о судьбахъ правителей

ислама до нашихъ дней. Украшенная бытовыми картинами, испещренная кое-какими сообщеніями о различныхъ толкахъ ислама, о духовной и изящной литературѣ, кое-гдѣ усѣянная любопытными стихами, книга есть настоящая, маленькая сокровищница жизни мусульманскихъ народовъ.

Авторъ воспользовался наилучшими источниками. Ибнъ-эль-Асиръ, Ибнъ-Хальдунъ, Ибнъ-Халликанъ, ас-Соютій, и т. д. служили ему надежными путеводителями. Но онъ (или его писецъ) позволяетъ себѣ нѣкоторыя вольности съ падежами и даже съ правописаніемъ въ собственныхъ именахъ; не всегда вѣрно приводитъ названія сочиненій, изъ которыхъ онъ черпалъ свои данныя; по временамъ опускаетъ обозначеніе года, то по незнанію, то по небрежности; не даетъ себѣ труда согласовать выводы своихъ источниковъ и доходитъ до изумительныхъ противорѣчій, которыя въ сущности легко бы устранить, хоть бы помощью удобнаго قيل, иногда даже до несообразностей; идетъ, по отношенію къ извѣстнымъ царствованіямъ, прямо въ разрѣзъ съ показаніями нумизматики, которая, разумѣется, для него не существуетъ, и, наконецъ, впадаетъ часто въ ненужныя повторенія. Если прибавимъ еще скудость свѣдѣній о Персіи и Средней Азіи послѣ нашествія монголовъ, о татарахъ, объ Индустанѣ и т. под., внезапное обрываніе нити іеменскихъ правителей, поверхностное изученіе испанскихъ удѣльныхъ княжествъ, и, въ другой области мышленія, полное отсутствіе ссылокъ на различныя мѣста книги, гдѣ говорится объ одномъ и томъ же лицѣ или событіи, а равно недостаточность перечня династій по главамъ, мы исчерпаемъ списокъ погрѣшностей и слабостей ученаго шейха. Онѣ, можетъ быть, и къ лучшему [1]): читателю приходится слѣдить за каждымъ словомъ, свѣрять и сличать годы, имена, источники на каждомъ шагу; составлять указатели и разрѣшать сомнѣнія. Какъ бы то ни было, книга читается съ удовольствіемъ и, дополненная и исправленная каждымъ въ области своихъ изслѣдованій, можетъ служить ему полезною настольною книгою.

Д. Г.

Могильна, 30 Сентября 1892 г.

179. Catalogue of oriental coins in the British Museum. Vol. X. Additions to the Oriental collection 1876—1888. By Stanley Lane-Poole. Part. II: Additions to vols. V—VIII. London, 1890. XVI+206+CCLXXI стр. 8⁰, съ 13 табл. (Pl. XXI—XXXIII) фототип. рис.

---

1) [Но всё таки весьма желательно, чтобы книгъ такого рода выходило по возможности меньше. В. Р.].

180. Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque Nationale. Publié par ordre du Ministre de l'instruction publique et des beaux arts par M. Henri Lavoix, conservateur du département des médailles, pierres gravées et antiques. Espagne et Afrique. Paris, 1891. XLVII + 571 стр. больш. 8°, съ 14 табл. фототип. снимковъ.

181. D. Juan de Dios de la Rada y Delgado. Catálogo de monedas arabigas españolas que se conservan en el Museo Arqueológico Nacional. Madrid, 1892. XXIV + 264 стр. 8°.

Вслѣдъ за вышедшею въ 1889 году 1-ою частью «Дополненій къ Каталогу восточныхъ монетъ Британскаго Музея» (см. Зап. Вост. Отд. V, 125—129) не замедлила появиться на слѣдующій годъ и 2-ая часть, изданная такъ-же тщательно и умѣло, какъ предыдущая; одна половина ея содержитъ описаніе болѣе 600 мусульманскихъ монетъ различныхъ династій испанскихъ, сѣверо-африканскихъ, южно-аравійскихъ (іеменскихъ и хадрамаутскихъ), монголо-татарскихъ, бухарскихъ, хокандскихъ, хивинскихъ и турецкихъ, 1 суданской и 3 занзибарскихъ; другую половину занимаетъ общій указатель ко всѣмъ 10-ти томамъ Каталога, состоящій изъ 3-хъ отдѣловъ: хронологическаго, географическаго и историческаго. Не входя въ подробный разборъ книги, ограничусь только краткими замѣтками относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, по которымъ я расхожусь съ почтеннымъ авторомъ. Такъ напр. предложенное г. Ленъ-Пулемъ (стр. 93—94) чтеніе بل عطها на двухъ хулагуидскихъ динарахъ съ именами Менгу-Кана и Абаги, по моему мнѣнію (судя по рис. на табл. XXVII-ой), слѣдуетъ замѣнить изреченіемъ: زيدت عظمتهما 1) «да возрастетъ величіе обоихъ», а фразу لا عبادة بالاسلام на джагатайской монетѣ 727 года (стр. 127 и табл. XXIX)—словами لا عبارة الا بالعدل. Слѣдующая за нею джагатайская монета чеканена не Карарустемомъ (такого султана между Джагатаидами не было), а Казантимуромъ (قزان تمر), и не въ مدينة الفارس, а въ مدينة الرجال ترمذ, т. е. въ г. Термедзѣ. Слово اكمو на монетахъ Сююртгатмыша и Тимура (стр. 142—1446 и 14) слѣдуетъ читать اكمنو (монг. *угэ-ману* «слово наше», какъ это уже объяснено пок. Савельевымъ въ его Мон. джуч., джагат. и пр., подъ № 336), а سيورد, какъ читаетъ Ленъ-Пуль на монетѣ Улугбека (стр. 154), не иное что́, какъ سيوزوز, т. е. тюркскій переводъ монгольскаго اكمنو. Имя монетнаго двора на хулагуидскомъ дирхемѣ Газана (стр. 100, № 114p) либо نوقان либо توقات: а динаръ, изд. на табл. XXVIII и опис. на стр. 102, подъ № 128[1], битъ въ извѣстномъ г. Хитѣ (هيت) на

1) Подобнымъ-же образомъ (زيد عطها, عدله), можетъ быть, слѣдуетъ читать благочестивое пожеланіе на атабековой монетѣ 656 года и нѣкоторыхъ хулагуидскихъ монетахъ, о которыхъ мною говорено въ IV-мъ томѣ Зап. Вост. Отд., стр. 314—315.

Евфратѣ. Вмѣсто البازار الاردو на дирхемѣ 713 г. (стр. 104, № 146[g]) слѣдуетъ, можетъ быть, читать فى بازار الاردو (=اردو بازار). Очень интересны загадочныя золотыя монеты (VIII-го столѣтія гиджры) какихъ-то عز الحق قطب الحق والدين محمد بن كرمان и والدين كرمان بن محمود (стр. 179—181, табл. XXXII), но онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приписаны Ширваншахамъ, какъ это сдѣлано Л.-Пулемъ. Два экземпляра такихъ-же монетъ, находящіеся въ Импер. Эрмитажѣ, внѣшнимъ видомъ своимъ напоминаютъ патанскіе динары.

Упомянутая въ заголовкѣ книга г. Лавуа, составляющая продолженіе разсмотрѣннаго мною въ III-мъ томѣ Зап. Вост. Отд. (стр. 142—145) Каталога мусульманскихъ монетъ въ Парижской Національной Библіотекѣ, посвящена описанію 1106 монетъ различныхъ мусульманскихъ династій, царств. въ Испаніи съ 150 до 614 и въ Сѣв. Африкѣ съ 174 до 1287 г. гиджры (за исключеніемъ Фатимидовъ), и 27 подражаній испанскимъ динарамъ. Весьма точному описанію монетъ предшествуетъ сжатый, но мастерски составленный историко-нумизматическій очеркъ, изъ котораго позволю себѣ привести характерную замѣтку о выпущенныхъ (въ концѣ XII-го столѣтія) кастильскимъ королемъ Альфонсомъ VIII-мъ толедскихъ червонцахъ съ арабскими надписями и христіанскими изреченіями, чеканенныхъ въ подражаніе эльморавидскимъ динарамъ и мѣтко прозванныхъ г-мъ Лавуа «боевою монетою» (monnaie de combat) въ виду того, что они являются «актомъ религіознаго состязанія, манифестомъ политической борьбы». На эльморавидскомъ динарѣ значится мусульманская дата и надпись: «Али, сынъ Юсуфа, повелитель правовѣрныхъ», на альфонсовомъ червонцѣ выставлены такъ называемая сафарская эра и надпись «Альфонсъ, сынъ Санча, повелитель православныхъ»; на первомъ проповѣдуется, что «нѣтъ божества, кромѣ Аллаха, и Мухаммедъ ниспосланъ Аллахомъ», на второмъ: «во имя Отца и Сына и Св. Духа, Богъ единъ»; на первомъ является: «повелитель правовѣрныхъ имамъ Абдуллахъ, аббасидъ», на второмъ: «имамъ церкви Мессіи папа римскій»; первый гласитъ: «кто добивается другого исповѣданія, кромѣ ислама, отъ того оно не будетъ принято (Богомъ) и на томъ свѣтѣ онъ будетъ въ числѣ погибшихъ» (Коранъ III, 79), второй: «кто будетъ вѣровать и креститься спасенъ будетъ» (Еванг. отъ Марка XVI, 16). Итакъ, дѣйствительно, «prince contre prince, pouvoir contre pouvoir, foi contre foi».

Особеннаго вниманія заслуживаетъ отдѣлъ идрисидскихъ монетъ, отличающійся цѣлымъ рядомъ не встрѣчавшихся до сихъ поръ именъ варварійскихъ монетныхъ дворовъ: متغرة, وجتة, تاجرجرا, وورزيغة, ورغة, وطيط, واطيل, يكرهان, العلية (не слѣдуетъ-ли читать الغانة?) и البصرة (можетъ быть пра-

вильнѣе المهدية). Встрѣчавшееся уже прежде на идрисидскихъ монетахъ имя города برعة (такъ читалось оно до сихъ поръ со словъ пок. Френа, см. Bullet. scientif. IV, стр. 309), г. Лавуа справедливо, кажется (судя по приведеннымъ имъ даннымъ), предлагаетъ читать ترغة. Подтвердить правильность остальныхъ, указанныхъ выше, чтеній его я не берусь, какъ за отсутствіемъ такихъ монетъ въ нашихъ русскихъ коллекціяхъ, лишающимъ меня возможности провѣрить его транскрипцію, такъ и за неудовлетворительностію приложенныхъ къ его книгѣ снимковъ. Высказанная г-мъ Лавуа догадка (стр. XXII), что два, неразъясненныя еще до сихъ поръ, слова مصفا حرق, встрѣчающіяся на нѣкоторыхъ хамданидскихъ дирхемахъ, значатъ مصفا حرق «*affiné au feu*», вѣроятно, будетъ одобрена только поклонниками теоріи помѣщенія на мусульманскихъ монетахъ разныхъ, болѣе или менѣе замысловатыхъ, выраженій относительно доброкачественности, полновѣсности и легальности монетъ. Слова بلاعى на аглебидскихъ (стр. 360 и 362) и تمليج[1]) на эльморавидскихъ монетахъ (стр. 71 — 73 и 84 — 85) г. Лавуа правильно принялъ за имена личныя, вопреки мнѣнію одного изъ поборниковъ упомянутой теоріи, проф. Карабачека, который принимаетъ ихъ за рекомендательныя выраженія, утверждая, что первое значитъ بلا غى «*sine errore* или *sine vitio*», а второе должно читаться بمتع[2]) и означаетъ приблизительно то же, что بجدو («*in Fülle*, *Reichlichkeit*»), ошибочно прочтенное проф. Штиккелемъ такимъ образомъ вмѣсто личнаго имени يحيى. Для лицъ, скептически относящихся къ пользѣ изученія мусульманскихъ монетъ, считаю нелишнимъ привести еще заключительныя слова изъ предисловія г. Лавуа. «La monnaie apporte du moins, au milieu de ces hésitations, (противорѣчій лѣтописцевъ, ошибокъ переписчиковъ и проч.) la sécurité de ses documents. Elle détermine les noms propres, elle précise les événements, elle fixe les dates. Les textes connus, elle les contrôle, quand elle ne présente pas elle-même l'intérêt d'un texte inédit, contemporain et irréfutable».

---

1) Только вм. تمليج «*Темлиджъ*» (такъ читаютъ это имя и Ленъ-Пуль, и Кодера, и Лавуа) слѣдуетъ читать تمليخ «*Темлихъ*», какъ это предлагалъ уже Дози въ своихъ Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen âge. 3-e édit. Leyde, 1881, II, p. 432 — 436. Такъ читалъ это имя и пок. А. Мюллеръ, въ изданномъ имъ соч. Ибнъ-Аби-Усейбіи (Königsberg, 1884, II, p. ٢٤٥), въ біографіи محمد بن تمليخ.

2) «Eine Erklärung, говоритъ онъ, der unbestimmten kufischen Züge ممع, etwa als Personenname, ist hier *schlechterdings unmöglich*, und der Zusammenhang, in welchen die *einzig annehmbare* Combination بمتع mit der Gewichtsbeschaffenheit der Münze gebracht wird, ist in diesem Falle noch wahrscheinlicher, da das Verbal-Adjectiv ماتع desselben Stammwortes von Dschauhari und Firûzâbâdi in der Bedeutung *praeponderans*, *abundans* ausdrücklich auf das *Gewicht* bezogen wird». См. Wien. Num. Zeitschr. I, 147—148.

Слова, которыми начинается предисловіе къ третьему изъ вышепоименованныхъ сочиненій, т. е. Каталогу арабо-испанскихъ монетъ Мадридскаго Археологическаго Національнаго Музея: «la publicación de catálogos es en los Museos el complemento de su existencia», должны служить девизомъ каждаго музея, въ вѣдѣніи котораго находятся пригодные для науки матеріалы и притомъ такіе важные, какъ о томъ свидѣтельствуетъ г. Дельгадо. Вотъ почему изданіе означеннаго каталога, даже при относительной бѣдности заключающихся въ немъ новыхъ данныхъ, заслуживаетъ живѣйшей признательности со стороны заинтересованныхъ этимъ лицъ. Описанныя въ немъ 756 монетъ обнимаютъ періодъ времени отъ 1-ой четверти VIII-го вѣка или начала появленія чеканившихся въ Испаніи латино-арабскихъ монетъ, до конца XV-го столѣтія нашего лѣтосчисленія, или времени чеканки послѣднихъ эльмохадскихъ мѣдныхъ монетъ въ Гранадѣ. Каталогъ подраздѣленъ на слѣдующіе 6 отдѣловъ: 1) монеты латинскія и латино-арабскія; 2) монеты умейядскія, до вступленія на престолъ Абдуррахмана III-го; 3) монеты остальныхъ испанскихъ Умейядовъ, до 405-го года гиджры; 4) монеты Хаммудидовъ, Аббадидовъ, царей Бадахосскихъ, Зейридскихъ, Альмерійскихъ, Толедскихъ, Валенсійскихъ, Сарагосскихъ, Леридскихъ, Калатаюбскихъ, Денійскихъ, Тортозскихъ и нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ властителей; 5) монеты Эльморавидовъ и 6) монеты Эльмохадовъ. Къ сожалѣнію, не всегда обозначенъ вѣсъ монетъ; не указана также величина ихъ.

В. Т.

182. Eugène Burnouf. Ses travaux et sa correspondance. Par J. Barthélemy-Saint Hilaire. Paris. 1891. XIII + 158 стр. 8°.

Въ этой книгѣ перепечатаны 4 статьи изъ «Journal des Savants», посвященныя Е. Бюрнуфу. Первыя двѣ появились въ 1852 г., скоро послѣ смерти Бюрнуфа, двѣ послѣднія въ 1891 г. по поводу изданной его дочерью «Correspondance d'Eugène Burnouf». Авторъ ихъ одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ французскихъ ученыхъ, Бартелеми-Сэнтъ Илэръ, интимный другъ Бюрнуфа въ юности и въ зрѣлые годы. Первыя двѣ статьи даютъ оцѣнку трудовъ Бюрнуфа, послѣднія рисуютъ намъ человѣка. Незнакомымъ съ восточной филологіей и лингвистикой, быть можетъ, покажется, что перепечатаніе этихъ четырехъ статей не достаточно мотивировано; такимъ критикамъ мы посовѣтовали бы прочитать ихъ. Тогда они убѣдятся, что маститый французскій ученый былъ глубоко правъ, соединивъ статьи, посвященныя памяти великаго своего друга, въ одно цѣлое и сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ болѣе доступными ученому міру. И онъ правъ не только съ точки зрѣнія *француз-*

скаго патріота [1]), желающаго содѣйствовать увѣковѣченію памяти одного изъ самыхъ великихъ сыновъ Франціи, но также и съ точки зрѣнія «филологическаго патріота», если позволено такъ выразиться. Филологи-оріенталисты второй половины 19-го вѣка почитаютъ въ лицѣ Бюрнуфа одного изъ отцовъ своей науки, и едва-ли не самаго крупнаго ея представителя. Е. Бюрнуфъ, какъ ученый, стоитъ на почти недосягаемой высотѣ: въ немъ въ удивительной степени соединялась глубина мысли съ ясностью изложенія, геніальность съ трудолюбіемъ, строгость метода съ самостоятельностью, и именно поэтому его творенія имѣли такое громадное, плодотворнѣйшее значеніе въ исторіи нашей науки и всегда останутся предметомъ удивленія и благоговѣйнаго изученія. Какъ человѣка, мы его до сихъ поръ знали мало. Изъ его корреспонденціи, анализованной его другомъ, мы выносимъ отрадное впечатлѣніе, что его душа была столь же чиста, какъ великъ былъ его геній.

Е. Бюрнуфъ умеръ слишкомъ рано для науки, для своей семьи, для своихъ друзей и почитателей. Но за то его жизнь была плодотворна и счастлива. Вотъ какъ ее резюмируетъ его другъ (стр. 120): En résumé, quoiqu'il soit mort trop tôt, bien peu d'hommes auront été plus heureux que lui, dans son père, dans sa famille, dans ses amis, dans ses travaux. Il a laissé une mémoire impérissable, et il a prouvé une fois de plus que la science peut s'allier à la vertu, et que la modestie n'empêche pas la gloire.

Къ концу книги приложена подробная библіографія всѣхъ изданныхъ и неизданныхъ трудовъ Бюрнуфа (стр. 121 — 158).

В. Р.

183. Edward Granville Browne, M. A., M. R. A. S. The Bábís of Persia. I. Sketch of their History, and Personal Experiences amongst them. II. Their Literature and Doctrines (Journal of the R. Asiat. Soc. of Gr. Britain and Ireland. 1889. Vol. XXI [New Series], pp. 486—526 и 881—1009).

184. Idem. A Traveller's Narrative written to illustrate the Episode of the Báb, edited in the Original Persian and translated into English with an Introduction and Explanatory Notes. 2 vol. Cambridge 1891. LIII + 2 непагинир. + 447 pp. 8° и ۲۱۱ стр. фотолитогр. перс. текста.

185. Idem. Some Remarks on the Bábí Texts edited by Baron Victor Rosen in vol. I and VI of the Collections Scientifiques de l'Institut des

---

1) См. предисл. VII.

Langues Orientales de St. Pétersbourg (Journal of the R. As. Soc. of. Gr. Br. & I. 1892. Vol. XXIII [New Series], pp. 259 — 335).

186. Idem. Catalogue and description of 27 Bâbî Manuscripts (Ibid. p. 433—499 и 637—710).

Посѣтителямъ засѣданій Восточнаго Отдѣленія И. Р. Арх. Общ. имя молодого англійскаго ученаго E. G. Browne'a весьма уже извѣстно, да и внимательнымъ читателямъ «Записокъ В. О.» оно не можетъ быть чуждо, такъ какъ въ нихъ упоминалось не разъ мимоходомъ. Но при большомъ интересѣ, который представляетъ бабизмъ какъ въ научномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, мы считаемъ своей обязанностью здѣсь вкратцѣ указать на всѣ до сихъ поръ появившіеся труды Browne'a, дабы всѣ, которые у насъ по той или другой причинѣ интересуются новѣйшимъ бабизмомъ, знали, откуда о немъ можно черпать надежныя и полныя свѣдѣнія, и не принимали бы за таковыя являющіяся отъ времени до времени въ разныхъ газетахъ мимолетныя и легковѣсныя сообщенія. Мы надѣемся, что нашъ уважаемый сотрудникъ Ал. Григ. Туманскій, который почти одновременно съ Browne'омъ и совершенно независимо отъ него въ Асхабадѣ проникъ въ главныя тайны новаго бабизма, въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ обогатитъ русскую ученую литературу подробнымъ изложеніемъ новобабидской вѣры и исторіи, но *до* появленія его изслѣдованія труды Броуна останутся *единственнымъ* надежнымъ источникомъ и навсегда сохранятъ свою первостепенную важность не только въ силу новизны сообщенныхъ въ нихъ фактовъ, но и въ силу умѣлаго и основательнаго ихъ освѣщенія и тщательной ихъ обработки.

Статья «the Bábís of Persia» распадается на двѣ части. Въ первой авторъ даетъ отчетъ о своемъ путешествіи въ Персію въ 1887 — 88 гг. и о первыхъ знакомствахъ съ бабидами, и затѣмъ вкратцѣ разсказываетъ исторію Баба и бабидовъ до новѣйшаго времени, согласно съ новыми, добытыми имъ, матеріалами. Вторая же часть анализируетъ ученіе Баба, Яхъи Субх-и-Эзеля и Беhа́уллаха и обозрѣваетъ бабидскую литературу, опять съ помощью тѣхъ же матеріаловъ.

Пишущему эти строки необыкновенная цѣнность новооткрытыхъ фактовъ и матеріаловъ должна была сразу броситься въ глаза потому, что онъ самъ въ 1877 и 1886 годахъ, при описаніи бабидскихъ рукописей Учебн. Отд. Вост. Языковъ при Аз. Департаментѣ, много и тщетно старался отыскать ключъ къ уразумѣнію этихъ загадочныхъ писаній и, какъ оказалось изъ изслѣдованій Броуна, мѣстами впалъ въ немалыя ошибки. Если теперь, въ концѣ 1892 года, эта первая работа болѣе не сохраняетъ уже того изъ ряда вонъ выходящаго интереса, то это объясняется именно

тѣмъ, что самъ авторъ очень скоро получилъ возможность весьма значительно пополнить свои матеріалы и свѣдѣнія и не откладывалъ обнародованія новыхъ результатовъ въ долгій ящикъ. Тѣмъ не менѣе однако эта первая работа сохраняетъ все еще извѣстное значеніе и не можетъ быть оставлена безъ вниманія и теперь.

A Traveller's Narrative etc. — по времени вторая работа Броуна — есть изъ четырехъ до сихъ поръ вышедшихъ его трудовъ самый капитальный. Убѣдившись изъ разспросовъ въ Персіи и изъ корреспонденціи съ бабидами въ томъ, что главы обѣихъ сектъ, на которыя распались бабиды послѣ кончины перваго Баба, еще живы и что Субх-и-Эзель живетъ на Кипрѣ, а Беhауллахъ въ Аккѣ, E. G. Browne, понятно, возгорѣлъ желаніемъ познакомиться съ ними лично. Не надо забывать, что помимо великой важности такого личнаго знакомства съ двумя ересіархами для правильнаго пониманія современнаго необабизма, оно представлялось еще и потому существенно необходимымъ, что отъ нихъ лично и отъ лицъ, ихъ окружающихъ, можно было ожидать самыхъ капитальныхъ сообщеній о самомъ Бабѣ, котораго они были вѣрными учениками, и котораго жизнь и протекла, такъ сказать, на ихъ глазахъ. Счастье и здѣсь помогло молодому ученому; поѣздка и въ Кипръ къ Субх-и-Эзелю и въ Акку къ Беhа́уллаху увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ, и однимъ изъ его плодовъ является A Traveller's Narrative etc. Оно состоитъ изъ двухъ томовъ. *Первый* даетъ намъ фотолитографическое изданіе одной бабидской рукописи, которая была подарена E. G. Browne'у въ Аккѣ по приказанію самого Беhа́уллаха, *второй* даетъ введеніе, переводъ съ примѣчаніями, и 26 частью весьма длинныхъ экскурсовъ. Во введеніи авторъ описываетъ свою поѣздку въ Кипръ и Акку и свои встрѣчи и бесѣды съ двумя ересіархами. Оба они рисуются весьма симпатичными красками. Какъ человѣкъ, Субх-и-Эзель едва-ли не заслуживаетъ бо́льшаго сочувствія, но умственное превосходство надъ нимъ его счастливаго соперника Беhа́уллаха не подлежитъ сомнѣнію. Превосходная организація беhа́йцевъ, которая весьма наглядно является изъ разсказа E. G. Browne'a, краснорѣчиво говоритъ о крупныхъ дарованіяхъ Беhа́уллаха и его ближайшихъ сотрудниковъ. Послѣднія страницы введенія посвящены короткой характеристикѣ того сочиненія, которое затѣмъ предлагается намъ въ переводѣ.

Сочиненіе это озаглавлено مقالهٔ شخصی سیّاح که در قضیّهٔ باب نوشته است, т. е. «Разсказъ путешественника, написанный о дѣлѣ Ба̂ба». Авторъ его, какъ впослѣдствіи удалось узнать E. G. Browne'у [1]) — старшій сынъ Беhа́-

1) См. Catal. and description etc., p. 664.

уллаха, Аббâсъ-Эфенди, нынѣшній глава беhâийцевъ. Подъ маской безпристрастнаго анонима онъ излагаетъ сперва вкратцѣ исторію Баба и затѣмъ подробно исторію Беhâуллаха до 1887 года приблизительно. Это есть такъ сказать оффиціозная исторія бабизма съ точки зрѣнія Беhâуллаха. E. G. Browne прекрасно резюмируетъ этотъ характеръ сочиненія на стр. XLV — XLVI, и прибавляетъ нѣкоторыя замѣчанія объ особенностяхъ его языка.

Переводъ «разсказа путешественника» занимаетъ страницы 1—169 и отличается высокими достоинствами. При большой близости къ тексту и точности онъ все же читается очень легко. Сохраняя въ значительной степени восточный колоритъ подлинника, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ кажется намъ весьма изящнымъ. Стр. 174—425, слѣдовательно бо́льшая половина тома, заняты экскурсами (Notes). Первый (стр. 175—210) даетъ весьма полный обзоръ восточныхъ и европейскихъ источниковъ и пособій по исторіи бабизма. Особенной благодарности тутъ заслуживаетъ подробное описаніе всего относящагося къ Бабу и бабидамъ матеріала въ двухъ большихъ персидскихъ лѣтописяхъ Нâсих-ут-теварûх и Роузет-ус-Сафâ-и-Нâсири. Нѣсколько короче затѣмъ резюмируется содержаніе Тарих-и-джедûд Манукчія и Кисас-ул-уламâ (стр. 173—199). Къ библіографіи европейскихъ книгъ о бабизмѣ (стр. 200—211) я могу только прибавить, и то съ чужихъ словъ[1]), одну итальянскую книгу: Mich. Lessona. I Babi. Torino, Loescher 1881 г., чисто компилятивнаго характера.

Остальные экскурсы посвящены преимущественно разъясненію и всестороннему освѣщенію тѣхъ сторонъ, которыя въ силу вышеуказаннаго направленія «Разсказа путешественника» въ немъ совершенно обойдены или изложены слишкомъ кратко или же тенденціозно. «Путешественникъ» совершенно отодвигаетъ на задній планъ самого Баба, который у него всюду является только предвѣстникомъ, приготовлявшимъ почву для Беhâуллаха, излагаетъ подвиги и страданія первыхъ бабидовъ только очень коротко или совсѣмъ замалчиваетъ, а соперника Беhâуллаха, Субх-и-Эзеля, изображаетъ въ весьма непривлекательномъ видѣ, и въ изложеніи мотивовъ раскола ему приписываетъ всю вину. Экскурсы Browne'а тутъ-то и являются настоящей сокровищницей всевозможныхъ дополненій и поправокъ и вообще даютъ поразительную массу новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ какъ изъ устныхъ и письменныхъ сообщеній дѣйствующихъ лицъ, такъ и изъ рукопис-

---

1) Именно молодаго итальянскаго оріенталиста, д-ра L. Bonelli въ Неаполѣ, также занимающагося бабизмомъ, и весьма любезно сообщившаго мнѣ для просмотра вывезенныя имъ изъ Константинополя бабидскія рукописи.

ныхъ сочиненій обоихъ соперниковъ. Въ подробности я здѣсь входить не могу. Укажу только, какъ на самый капитальный, на экскурсъ объ Субх-и-Эзелѣ (*Note* W. Mirza Yaḥyâ «Subḥ-i-Ezel» and the Cyprus exiles, стр. 349—390). Подробнѣйшій указатель (стр. 428—447) заключаетъ всю книгу, которую вообще слѣдуетъ признать превосходной работой.

Двѣ послѣднія статьи E. G. Browne'a носятъ болѣе спеціальный характеръ и мы можемъ поэтому ограничиться немногими замѣчаніями. Статья «Some remarks etc.» даетъ отчетъ объ изданныхъ пишущимъ эти строки въ VI томѣ «Collections Scientifiques etc.» бабидскихъ текстахъ и сопровождаетъ ихъ цѣнными дополненіями и разъясненіями. Особенно важны замѣчанія о тожествѣ تفسير سورة يوسف съ قيوم الاسماء, соображенія хронологическія о времени и мѣстѣ составленія سورة الملوك и нѣкоторыхъ другихъ «откровеній» Beháуллаха и извлеченія изъ هشت بهشت (стр. 296—97). Въ концѣ приложены два бабидскія стихотворенія (одно приписывается Набилю, другое неизвѣстнаго автора) въ текстѣ и переводѣ.

«A Catalogue and Description of 27 Bábí Manuscripts» наконецъ содержитъ подробное, удовлетворяющее всѣмъ научнымъ требованіямъ, описаніе богатой коллекціи рукописей, которую Browne'у удалось собрать. Онъ ихъ раздѣляетъ на четыре группы, сообразно съ ихъ происхожденіемъ: 1) Рукописи, пріобрѣтенныя въ Персіи между февралемъ и августомъ 1888 г. Ихъ онъ обозначаетъ буквами BBP. 2) Рукописи, полученныя изъ Фамагусты отъ Субх-и-Эзеля. Почти всѣ эти рукописи списаны рукой самого Субх-и-Эзеля для E. G. Browne'a, что придаетъ имъ конечно еще особенную цѣнность. Онѣ обозначаются буквами BBF. 3) Рукописи, добытыя въ Аккѣ въ апрѣлѣ 1890 г., или присланныя изъ Акки начиная съ этого времени. Всѣ онѣ даны или присланы были Броуну тремя сыновьями Beháуллаха— Аббâсомъ-Эфенди, Бедіуллахомъ и Зіâуллахомъ. Обозначаются буквами BBF. 4) Рукописи, полученныя отъ одного ученаго эзелійца, Шейха А., живущаго въ Константинополѣ и пользующагося безусловнымъ довѣріемъ Субх-и-Эзеля. Обозначаются буквами BBC.

Легко понять какое громадное значеніе для изслѣдованія бабизма имѣетъ эта коллекція рукописей. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ является обиліе въ ней сочиненій эзелійскихъ и между ними настоящей жемчужиной слѣдуетъ считать рукописи BBC 1 и 2, подробно описанныя на стр. 685—97 [1]), т. е. два тома هشت بهشت'а, сочиненія, дающаго, такъ

1) Отмѣтимъ кстати одну ошибочную коньектуру на стр. 689: стоящее въ текстѣ قاطيغورياس совершенно правильно. Разумѣется ученіе о категоріяхъ. Пиѳагоръ فيثاغورس, какъ исправляетъ Browne, тутъ не при чемъ.

сказать, ключъ ко всѣмъ тайнамъ старо-бабидскаго міровоззрѣнія и бабидской терминологіи. Судя по описанію и приведеннымъ выдержкамъ оно просто неоцѣнимое пособіе для уразумѣнія самыхъ корней ученія Баба.

Въ настоящее время счастливый обладатель всѣхъ этихъ сокровищъ систематически работаетъ надъ изданіемъ и переводомъ (полномъ или сокращенномъ) важнѣйшихъ памятниковъ новой вѣры.

Мы привѣтствовали появленіе первыхъ статей молодаго англійскаго коллеги съ искренней радостью и усмотрѣли въ нихъ залогъ будущихъ его успѣховъ[1]. Послѣдующіе его труды болѣе чѣмъ оправдали наши надежды. Пожелаемъ же ему отъ всей души силы и досуга для продолженія начатаго дѣла. Работы предстоитъ еще очень и очень много, но цѣль достойна труда. Въ этомъ мы вполнѣ согласны съ заключительными словами описанія 27 бабидскихъ рукописей (стр. 706): «Much work remains to be done ere we can venture to generalize with perfect safety on the relations, affinities, and tendencies of the Bábí movement, but that that work is well worth the doing, I, for my part, do not for a moment doubt».

В. Р.

187. Hā-shang-rgyal-po and Ug-ṭad, a Dialogue. From the Tibetan. By Karl Marx, Missionary at Leh, Ladakh. J. B. A. S. vol. 60. pp. 37—46. (1891).

Переведенный г. Марксомъ съ тибетскаго діалогъ ничто иное какъ передѣлка разсказа изъ Ганджура, давно уже извѣстнаго и въ текстѣ и переводѣ, которые были изданы академикомъ Шифнеромъ[2]. По всей вѣроятности теперь, со смертью миссіонера Маркса[3], будетъ трудно узнать, гдѣ и когда составлена эта любопытная передѣлка каноническаго буддійскаго текста; не можемъ однако не высказать пожеланія, чтобы *редакція Журнала Бенгальскаго Азіатскаго Общества* сообщила какія нибудь свѣдѣнія о «діалогѣ», если таковыя найдутся въ бумагахъ ея покойнаго со-

1) См. Collections Scientifiques etc. VI, p. 141 — 142.

2) Миссіонеру, живущему за предѣлами цивилизованнаго міра, вполнѣ простительно не знать объ отдѣльныхъ, спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, но нѣсколько удивительно игнорированіе работъ Шифнера со стороны ученаго общества, столь много сдѣлавшаго за послѣднее время для изученія именно тибетской литературы. Текстъ съ латинскимъ переводомъ изданъ въ 1875 г. подъ заглавіемъ: Bharatae responsa tibetice cum versione latina; нѣмецкій переводъ помѣщенъ въ работѣ: Mahâkâtjâjana und König Tschaṇḍa-Pradjota. Ein. Cyclus buddhistischer Erzählungen. Mém. Ac. Sc. St.-Pétersb. VII s. t. XXII, № 7, стр. 53 сля. (1875).

3) См. прим. къ статьѣ покойнаго: Three Documents relating to the History of Ladakh: Tibetan Text, Translation and Notes. J. B. A. S. vol. 60. pp. 97—135 (за 1891 г.; напеч. 1892).

трудника: для вопроса о распространеніи буддійскихъ легендъ чрезвычайно важны свѣдѣнія о передѣлкахъ каноническихъ текстовъ, такъ какъ эти передѣлки и составляютъ, очевидно, въ большинствѣ случаевъ, переходъ къ народнымъ пересказамъ.

С. О.

188. Gedichte und Fragmente des 'Aus Ibn Ḥajar. Gesammelt, herausgegeben und übersetzt von Dr. Rudolf Geyer. Wien 1892. 107 + ٢٩ pp. 8° [= Sitzungsber. d. phil.-hist. Cl. d. Kais. Acad. d. Wiss. in Wien. Band CXXVI. 13-te Abhandung].

Аус-ибн-Хаджаръ—одинъ изъ знаменитыхъ арабскихъ поэтовъ конца шестаго вѣка и начала седьмаго. Объ его жизни мы знаемъ ровно столько-же, сколько о большинствѣ его современниковъ, то есть очень мало. Древніе арабскіе литераторы и критики считаютъ его однимъ изъ выдающихся поэтовъ доисламскаго времени и его стихи часто цитуются какъ содержащіе образцовыя поэтическія описанія и сравненія или удачныя сентенціи. Но всѣ эти преимущества и заслуги въ одинаковой мѣрѣ принадлежатъ также и множеству другихъ, столь-же древнихъ поэтовъ, такъ что, строго говоря, мы не видимъ особенной причины, почему д-ръ Гейеръ посвятилъ свои труды именно ему, предпочтительно передъ другими. Если мы къ этому еще прибавимъ, что до сихъ поръ не отъисканъ сборникъ его стихотвореній, и что послѣднія собраны издателемъ такъ сказать по одиночкѣ изъ очень большого числа разныхъ арабскихъ сочиненій, то выборъ д-ра Гейера станетъ еще непонятнѣе. Мы далеки отъ мысли поставить молодому ученому въ упрекъ этотъ выборъ: то отсутствіе систематичности и методичности въ изученіи арабской литературы и въ работахъ по изданію ея памятниковъ, на которое указалъ В. Альвардтъ еще въ 1859 году[1], въ значительной мѣрѣ существуетъ и теперь еще[2]), хотя, благодаря *особенно* стараніямъ голландской школы арабистовъ, оно начинаетъ уступать болѣе правильнымъ взглядамъ. Неудивительно поэтому, если молодыя силы иногда продолжаютъ впадать въ тѣ-же самыя ошибки, которыхъ не избѣгали ихъ предшественники. Есть затѣмъ и еще соображеніе, которое не только смягчаетъ строгость приговора, но и превращаетъ упрекъ почти

1) Chalef el ahmar's Qasside, p. 442—45.

2) Причиной этого печальнаго явленія слѣдуетъ считать главнымъ образомъ ту служебную роль, которую арабская филологія все еще играетъ въ ряду другихъ наукъ. На нее большею частью всё еще смотрятъ какъ на поставщицу разныхъ фактическихъ свѣдѣній для исторіи другихъ народовъ, политической или культурной.

въ похвалу. Отъискиванiе такихъ разбросанныхъ цитатъ заставляетъ внимательно просматривать[1]) массу сочиненiй самаго разнообразнаго характера, между прочимъ и такихъ, которыя безъ этой цѣли можетъ быть долго или даже совсѣмъ не привлекали-бы вниманiя, и тѣмъ самымъ значительно расширяетъ горизонтъ молодого ученаго. Сознанiе, что при систематической эксплоатацiи этихъ сочиненiй въ одномъ какомъ нибудь направленiи всегда можно ожидать также и болѣе или менѣе полезныхъ научныхъ результатовъ, поддерживаетъ интересъ и въ концѣ концовъ молодой ученый изъ такого эксперимента самъ вынесетъ очень много пользы и при умѣломъ веденiи дѣла окажетъ и наукѣ извѣстную услугу. Мы думаемъ, что приблизительно такiя соображенiя на этотъ разъ руководили д-ромъ Гейеромъ при выборѣ. Это предположенiе подтверждается еще тѣмъ, что первая его работа, Das Kitâb al-wuḥûš von Al-'Aṣmaʿî etc. Wien 1888, заслуживаетъ полнѣйшаго одобренiя, какъ со стороны выбора темы, такъ и исполненiя.

Установивъ такимъ образомъ нашу точку зрѣнiя на причины, побудившiя издателя выбрать именно Аус-ибн-Хаджара для такого опыта возстановленiя цѣлаго дивана изъ разбросанныхъ цитатъ отдѣльныхъ его стиховъ или болѣе или менѣе значительныхъ отрывковъ, мы можемъ перейти къ оцѣнкѣ полученныхъ результатовъ и примѣненнаго метода. Изъ просмотрѣнныхъ издателемъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненiй[2]) ему удалось собрать 440 стиховъ Аус-ибн-Хаджара, распредѣляющихся между 49 пiесами весьма различной длины. Большею частью это лишь короткiе отрывки, но попадаются и нѣкоторыя болѣе или менѣе законченныя касиды, какъ №№ IV, XXIII, XXXI и можетъ быть и XVI, XVIII, XX, XXX и XXXII[3]). Не всѣ однакоже пiесы или стихи всѣми источниками приписываются нашему поэту. Есть между ними такiе, которые въ однихъ сочиненiяхъ цитуются какъ стихи Ауса, въ другихъ приписываются другимъ. За вычетомъ такихъ сомнительныхъ стиховъ остается 400, которые издатель считаетъ несомнѣнно принадлежащими Аусу. Если бы отыскался цѣлый сборникъ стихотворенiй Ауса, то едва ли бы онъ прибавилъ *много* къ собраннымъ д-ромъ Гейеромъ пiесамъ. Дошедшiе до насъ диваны доисламскихъ поэтовъ рѣдко содержатъ бóльшее число стиховъ. Такимъ образомъ, благодаря трудамъ издателя, фигура излюбленнаго имъ поэта становится

1) Указатели имѣются только въ изданныхъ въ Европѣ сочиненiяхъ. Въ восточныхъ изданiяхъ ихъ нѣтъ. Только для «Хизâнат-ал-Эдеб» мы имѣемъ по крайней мѣрѣ указатель цитованныхъ поэтовъ, благодаря И. Гвиди, который его составленiемъ оказалъ большую услугу наукѣ.

2) Списокъ ихъ занимаетъ страницы 13—22.

3) См. стр. 12.

болѣе опредѣленной и можетъ теперь считаться настолько-же освѣщенной, какъ фигуры тѣхъ древнихъ поэтовъ, въ родѣ ан-Нâбиги, Имрулькейса и другихъ, которыхъ диваны сохранились и уже изданы и переведены. Что касается пріемовъ работы, то въ общемъ о нихъ ничего кромѣ хорошаго сказать нельзя. Они совершенно на высотѣ современныхъ требованій нашей науки. Равнымъ образомъ, кажется мнѣ, въ общемъ весьма удовлетворителенъ и переводъ. Самъ д-ръ Гейеръ смотритъ на свою работу и ея результаты съ весьма похвальной и искренней скромностью (см стр. 12. «Sie ist genau genommen nur eine Sammlung gesichteten Materials, der kritische Apparat für eine künftige, auf einer erst aufzufindenden wirklichen Diwânvorlage beruhenden Ausgabe») и вездѣ тщательно отмѣчаетъ темныя или сомнительныя для него мѣста текста или свою неувѣренность въ правильности принятаго имъ перевода или чтенія.

Въ частности мы желали бы указать на слѣдующее: въ спискѣ источниковъ конечно указанъ большой словарь Лисâн-ал-арабъ (на стр. 17), но авторъ оговаривается, что онъ могъ пользоваться только томами III — XIV этого капитальнаго труда. Остальныхъ 8 томовъ его онъ не имѣлъ подъ рукой: доступный ему экземпляръ вѣнской университетской библіотеки былъ тогда еще не полонъ. Это обстоятельство должно было, на нашъ взглядъ, побудить д-ра Гейера немного отложить свое изданіе. Торопиться было незачѣмъ. Правда, Тâдж-ал-арўсъ, который былъ доступенъ д-ру Гейеру въ полномъ экземплярѣ, въ весьма значительной степени въ зависимости отъ Лисâна, но послѣдній все-таки не рѣдко даетъ такіе матеріалы, которые авторъ Тâджа *не* счелъ нужнымъ перенести въ свою компиляцію. Такимъ образомъ *будущій* издатель дивана Ауса всё таки долженъ будетъ просмотрѣть эти 8 томовъ Лисâна, не бывшихъ доступными первому издателю. Это лишаетъ работу д-ра Гейера одного, по крайней мѣрѣ, важнаго преимущества, именно полноты въ одномъ извѣстномъ направленіи, въ данномъ случаѣ полноты относительно показаній изданныхъ лексикографовъ. Между тѣмъ подобныя подготовительныя работы, на нашъ взглядъ, тѣмъ важнѣе, чѣмъ полнѣе и систематичнѣе въ нихъ обслѣдована одна какая нибудь сторона. Мы охотно промѣняли бы половину всѣхъ собранныхъ д-ромъ Гейеромъ изъ всевозможныхъ сочиненій стиховъ за *безусловно* полный и надежный списокъ стиховъ, встрѣчающихся въ изданныхъ или вообще доступныхъ однихъ только лексикографическихъ трудахъ арабовъ[1]). Не трудно показать даже безъ спеціальнаго изслѣдованія, котораго я, разумѣется, не

1) Такъ напр. была бы весьма желательна эксплоатація лейденскаго экземпляра Джамһары Ибн-Дурейда и полнаго экземпляра Муджмила Ибн-Фâриса.

могъ дѣлать, что въ томахъ Лисана, не бывшихъ доступными издателю, встрѣчаются фактическія, цѣнныя указанія или разъясненія.

Стихотвореніе XXVIII, по словамъ издателя, который очевидно опирается на Тâдж-ал-арŷсъ X, 203, относится къ битвѣ при جبلة. Лисâнъ XIX, 173 подробнѣе: وقال بنو عامر لمّا قتلوا بنى تميم يوم جبلة لم يبق منهم الّا شلو اى بقيّة فغزوهم يوم ذى لَجَب فقتلتهم تميم وقال اوس بن حجر فى ذلك الخ

Это преданіе о послѣдовавшемъ послѣ битвы при جبلة пораженіи Амиритовъ Темимитами важно еще и для правильнаго пониманія стиховъ 25—29 стихотворенія XLIII (ср. стр. 93).

XLIII, стихъ 4 Лисâнъ I, 341 читаетъ فخالخلها вм. احلحلها [1]) д-ра Гейера и فحلحلها или فجاجلها Тâджа, и на поляхъ мы находимъ слѣдующую глоссу издателя: قوله فخالخلها كذا فى بعض النسخ بخاءين معجمتين وفى شرح القاموس بمهملتين وبمراجعة المحكم يظهرلك الصواب والنسخة التى عندنا منه مخرومة

XXIII, 5 переведенъ весьма неудачно; примѣчаніе (стр. 58, прим. 9) нисколько не разъясняетъ его и въ «Nachtrag» (стр. 107) самъ д-ръ Гейеръ признаетъ, что «der Sinn dieses Verses ist unsicher». Но отчего же д-ръ Гейеръ только *цитуетъ* Тâдж-ал-арŷсъ X, 44 и не воспользовался хорошимъ чтеніемъ его يُبْلِيك вм. ينبيك, взятаго изъ не имѣющаго никакого особаго авторитета сочиненія Абкâріуса? Тâджъ въ добавокъ даетъ короткое объясненіе, тоже оставленное безъ вниманія издателемъ Ауса. Лисâнъ и на этотъ разъ гораздо обстоятельнѣе и даетъ даже два толкованія арабскихъ филологовъ, тоже повидимому затруднявшихся пониманіемъ этого стиха. Вотъ, что мы читаемъ въ Лисâнѣ, XVIII, 93:

وقول اوس بن حجر

كانّ جديد الخ

اى يحلف لك التهذيب يقول كانّ جديد ارض هذه الدار وهو وجهها لما عفا من رسومها و امّحى من آثارها حالف تقىّ اليمين يحلف لك انه ما حل بهذه الدار احد لدروس معاهدها ومعالمها وقال ابن السكيت فى قوله يبليك عنهم اراد كانّ جديد الارض فى حال ابلائه اياك اى تطييبه اياك حالف تقىّ اليمين. Это объясненіе даетъ всё-таки болѣе удовлетворительный смыслъ и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ упоминанія.

---

1) Кстати сказать, эта коньектура повидимому вызвана только желаніемъ найти связь между стихами 3 и 4. Но стихъ 4 могъ принадлежать и другой касидѣ съ тою же рифмой и того-же размѣра.

XXIV, 1 д-ръ Гейеръ переводитъ: «Graue (Wölfe) der Nacht (sind sie); so oft die Nacht ihnen dunkelt, *ist schmachvoller Weise bei ihren Nachbarinnen Zusammenkunft in Scharen*». Текстъ стиха взятъ изъ одного Тâджа X, 364. Еслибъ издатель обождалъ пополненія вѣнскаго экземпляра Лисâна, то онъ въ немъ (XX, 191) нашелъ бы прекрасное и несомнѣнно единственно правильное чтеніе دُلُوفٌ вм. وَلْفٌ Тâджа, которое просто — опечатка. Тогда переводъ подчеркнутыхъ нами словъ втораго полустишія гласилъ бы такъ: «.... они подкрадываются[1]) съ позорными предложеніями къ своимъ сосѣдкамъ».

XXIV, 2. Въ Лисâнѣ XVII, 122 мы находимъ интересную глоссу издателя: قوله والفارسيّة فيهم الخ كذا فى الاصل والجوهرى والمحكم والذى فى التهذيب فيكم وفككم بالكاف قال الصغانى الرواية بالكاف لا غير. Рѣшительное заявленіе ас-Сагâнія тѣмъ важно, что онъ имѣлъ предъ собою диванъ Ауса, какъ мы увидимъ ниже.

XXIX, 22 Въ Лисâнѣ XVIII, 245 читается второе полустишіе такъ:

ليعقره فى رميه حين يُرْسِل

XLVIII, 1 долженъ быть вычеркнутъ изъ стиховъ Аус-ибн-Хаджара, ибо этотъ стихъ цитуется въ Лисâнѣ XIV, 284 и тамъ приписывается другому Аусу اوس بن مغراء السعدى. Это еще лишнее доказательство того, что Тâджемъ надо пользоваться осторожно и кромѣ того нѣсколько подрываетъ теорію высказанную д-ромъ Гейеромъ на стр. 92, 2—4.

XL, 2 цитуется также[2]) въ Тâджѣ VII, 367 и Лисâнѣ XIII, 343 какъ принадлежащій ан-Намир-ибн-Таулабу. Такимъ образомъ принадлежность обоихъ стиховъ Аусу становится болѣе чѣмъ сомнительной, и если мы еще прибавимъ, что въ Китâб-ал-Агâни XIX, 161, строка 2—4 приводятся три стиха ан-Намира того-же размѣра и съ тою-же риѳмой и что въ сочиненіи ал-Айнія, напечатанномъ на поляхъ Хизâнат-ал-Эдеб'а I, 575, напечатана вся касида ан-Намира, въ которой красуются и тѣ самые два стиха, которые д-ръ Гейеръ принялъ въ свой сборникъ стихотвореній Ауса, то останется только сказать, что въ *этомъ* случаѣ издатель не принялъ всѣхъ нужныхъ мѣръ для «kritische Sichtung» матеріала и слишкомъ поспѣшно рѣшилъ отдать предпочтеніе показанію аз-Замахшарія предъ ал-Бекріемъ[3]).

---

1) См. Тâджъ s. v. دلف VI, 109 или Лисâнъ, XI, 5.

2) Съ варіантомъ الابهما вм. الايهما.

3) Изъ этихъ 2 авторовъ взялъ эти стихи д-ръ Гейеръ.

Одинаково сомнительнымъ является также авторство Ауса относительно піесы XLIV, но тутъ издатель не имѣлъ повода сомнѣваться, а мои сомнѣнія основываются на томъ, что въ моемъ распоряженіи находится списокъ съ кэмбриджскаго фрагмента того сочиненія ал-Джâхиза (كتاب الحيوان), изъ котораго д-ръ Гейеръ взялъ эти два стиха. При сличеніи оказалось, что въ кэмбриджской рукописи въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ читается слѣдующее (Ms. Cambr., л. 29[a]).

.... وكذلك اولاد اليرابيع يقال ادراص و دروص وقال اوس بن حجر

ودّ ابو ليلى طفيل بن مالك * بمنعرج السوبان لو يتقصّع

قال و اليرابيع ضرب من الفار قال ويقال نفّق اليربوع ينفّق تنفيقا اذا عمل النافقاء

وهى احدى مجاحره ومحافره وهى النافقاء والقاصعاء والدامّاء والراهطاء وقال الشاعر

فما أُمُّ الرُّدَيْن وان ادلّت * بعالمة باخلاق الكرام

اذا الشيطان قصّع فى قفاها * تنفّقناه بالحِيَل التوَّام

Все подчеркнутое нами пропущено въ вѣнской рукописи, благодаря чему два стиха неизвѣстнаго поэта оказались приписанными Аусу. Кэмбриджская рукопись вообще гораздо древнѣе и лучше вѣнской, такъ что мы имѣемъ полное право предположить, что и въ этомъ случаѣ кэмбриджскій текстъ предпочтительнѣе. Чтеніе بالحِيَل التوَّام тоже явно вѣрнѣе стоящаго въ вѣнскомъ экземплярѣ بالحبل القوام. Весьма кстати это самое мѣсто кэмбриджскаго экземпляра даетъ намъ еще и прекрасное чтеніе стиха XVII, 7, который д-ру Гейеру былъ извѣстенъ только изъ ал-Бекрія. Чтеніе فودّ (и потомъ разумѣется طفيلُ بنُ) весьма просто разрѣшаетъ вопросъ (см. стр. 48 во введеніи къ XVII) о томъ, кто былъ Абу Лейла. Абу Лейла — тотъ же Туфейл-ибн-Мâликъ.

Лучшее чтеніе даетъ кэмбриджскій списокъ ал-Джâхиза также и въ цитованномъ на стр. 30, прим. 4, мѣстѣ, а именно во 2-ой строкѣ فى الغيث вм. невѣроятнаго فى البعث. Кстати замѣтимъ, что приведенное въ томъже примѣчаніи мнѣніе автора Тâджа (VI, 140[1]) قلت وهو موجود فى ديوانيهما едва-ли слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что самъ авторъ Тâджа имѣлъ предъ собою диваны Ауса и ʿАбида. Это есть по всей вѣроятности lapsus

1) IV, 140 — опечатка.

memoriae знаменитаго лексикографа; я полагаю, что онъ нашелъ эту фразу готовой у ас-Сага̂нія въ ʿОба̂бѣ. Я думаю такъ потому, что нахожу въ драгоцѣнномъ спискѣ مجمع البحرين ас-Сага̂нія, принадлежащемъ библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета, списанномъ съ автографа и снабженномъ на поляхъ глоссами изъ того-же автографа, слѣдующую глоссу подъ словомъ هدب, гдѣ цитуется стихъ IV, 12: القصيدة التى منها هذا البيت تروى لعبيد بن الابرص ولاوس بن حجر وقد وجدتها فى ديوانى شعرهما. Значитъ, вся касида ходила то какъ произведеніе одного поэта, то какъ произведеніе другаго, какъ впрочемъ думаетъ также и д-ръ Гейеръ. Что ас-Сага̂ній имѣлъ предъ собою диванъ Ауса, выходитъ также изъ нашей рукописи подъ корнемъ قرع, гдѣ приводится стихъ IV, 15, съ глоссой ويروى لاوس بن حجر ايضا وهو موجود فى ديوانى شعرهما, и подъ ضجر, гдѣ по поводу цитованнаго въ Сиха̂хѣ подъ именемъ Ауса стиха XII, 34 въ глоссѣ замѣчается: لاوس بن حجر ولاوس بن مغراء لكلّ واحد منهما قصيدة على هذا الوزن والروىّ وليس البيت فى واحدة منهما.

X, 5. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы при переводѣ принять предложенное въ Кита̂б-ал-Адда̂д'ѣ толкованіе слова ثعلب, или по крайней мѣрѣ мотивировать отступленіе. Д-ръ Гейеръ переводитъ: «[...sah man] 5 ..einen (vom Blute) rothen, kraushärigen (Mann), über welchem die Geier (kreisen), *in dessen Eingeweiden der Fuchs* (*wühlt*), *einen todwunden*». Но кто видѣлъ когда-либо во время битвы лисицу, «роющуюся во внутренностяхъ» раненаго? Переводя-же согласно объясненію автора Кита̂б-ал-Адда̂да, мы получимъ «..... подъ мышкой котораго (торчитъ) отломанный верхній кусокъ древка копья».

Сомнительнымъ кажется мнѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и текстъ этой піесы, но я ограничусь лишь приведеніемъ стиховъ 4—6 въ текстѣ кэмбриджскаго списка ал-Джа̂хиза (л. 90[a]):

بكلّ مكان ترى شطبةً * مولّيةً ربّها مُسْبَطِرْ[1])
واحمرَ جعدًا عليه النسو * رُ وفى ضِبْنه ثعلبٌ منكسرْ
وفى صدره مثل جَيْبِ القنا * يشقّق حينًا وحينًا تَهِرْ[2])

По поводу XX не лишнимъ было бы прибавить, что мнѣніе, что эта піеса приписывается также Бишр-ибн-Аби-Ха̂зиму, авторомъ Та̂джа при-

---

1) Это безусловно лучше вѣнскаго مسلطر.

2) تهرْ конечно хуже вѣнскаго يهرْ, но القنا и يشقّق заслуживаютъ, можетъ быть, вниманія.

водится изъ ас-Сагâнiева العباب. Это показанiе Тâджа подтверждается нашимъ спискомъ ас-Сагâнiя, въ которомъ подъ словомъ تلب читается глосса والقصيدة التى منها هذا البيت تروى لبشر بن ابى خازم ولاوس بن حجر.

Переводъ XXVIII, 3 .... «Fürwahr dem Schrei ist der Schnabel ebenbürtig» кажется мнѣ весьма сомнительнымъ въ виду той связи, въ которой этотъ стихъ приводится у ал-Джâхиза[1]). Д-ръ Гейеръ сдѣлалъ бы хорошо, еслибъ пропечаталъ это мѣсто ал-Джâхиза. Вотъ оно, согласно тексту кэмбриджскаго списка (л. 76[ab]):

وفى باب آخر يقول اوس بن حجر وذلك انه ليس فى الارض جَمَلٌ هاج واخرج شقشقته الّا عدل به الى احد شقّى حنكه و الثور اذا عدا عدل بلسانه عن شقّ شماله الى يمينه وقال عبدة بن الطبيب

مستقبل الريح يهفو وهو مبترك * لسانه عن شمال الشدق معدول

وقال اوس بن حجر

او سرّكم فى جُمادى ان يصالحكم * اذا الشقاشق معدول بها الحنك

Едва-ли въ этой связи переводъ д-ра Гейера можетъ быть защищенъ.

XXIX, 2. Измѣненiе чтенiя Тâджа جنان въ اجنان — не мотивировано. Стихъ вполнѣ правиленъ, если читать جِنّان (множ. отъ جانّ).

Приведенное на стр. 86, прим. 1 мѣсто ал-Джâхиза въ кэмбриджскомъ спискѣ звучитъ такъ (л. 80[a]): وقال اوس بن حجر

فباكـرن جَوْنًا للعلاجيم فوقه * مجالس غَـرْقَى لا يحلّأُ ناهله

جون قال يريد غديرًا كثير الماء قال واذا كثر الماء وكثر عمقه اسودّ فى العين و العلاجيم الضفادع السود وجعلها غرقى يقول هى فيما شآءت من الماء كقولك فلان فى خير غامر من قِبَل فلان وجعل لها مجالس حول الماء وفوقه لان هذه الاجناس التى تعيش فى الماء وليست بسمك اكثر حالاتهنّ اذ لم تكن سمكًا خالصًا ان تظهر على شطوط المياه الخ

Въ заключенiе я позволю себѣ привести еще нѣсколько стиховъ, приписываемыхъ Аусу, на которые я случайно натолкнулся.

1) Въ كتاب الموازنة بين ابى تمّام والبحترى للآمدى, изд. въ Константинополѣ въ 1287 г. г., на стр. 43 قول اوس

اقـول بمـا صبت عـلى غمامتى * ودهرى وفى حبل العشيرة احطب

1) У другихъ авторовъ онъ не цитуется.

2) Abû Hanîfa ad-Dînaweri. Kitâb al-Aḫbâr aṭ-Tiwâl. Publié par V. Guirgass, Leide 1888, p. 197: قال اوس بن حجر

اذا الحـــرب حلّت ساحة الحىّ اظهرت * عيوب رجـال يُعجبونك فى الامـــن
ولـلحـرب اقـوام يُحـامـون دونـهـا * وكم قد ترى من ذى رُواءٍ ولا يُغْنى[1]

3) Ал-Джâхизъ كتاب البيان والتبيين рук. Библіотеки СПБ. Университета № 255, л. 164ᵇ:

وذكروا ان حزن بن الحارث احد بنى العنبر ولد محجنًا فولد محجن شعيب بن سهم فاغير على ابله فاتى اوس بن حجر يستنجده فقال له اوس اوحين من ذلك اُحضِض لك قيس بن عاصم وكان يقال انّ حزن بن الحارث هو حزن بن منقر فقال اوس

سائل بـهـا مولاك قيس بن عاصم * فمولاك مولى الـسَـوْءِ ان لـم يغيّر
لعمرك ما ادرى امِـنْ حزنَ محجن * شعيب بـن سهم ام لحزن بن منقر
فـمـا انـت يا مولى المُضَيَّع حقّه * ومـا انـت بالجار الضعيف المستّر

فسعى قيس فى ابله حتى ردّها عن آخرها

Тамъ-же, л. 30ᵇ, цитуются XXXII, 5 и 10. Въ послѣднемъ стихѣ второе полустишіе гласитъ:

ام من لاشعث ذى هدمين طملال

съ объясненіемъ: هدمين ثوبين خلقين يقال ثوب اهدام اذا كان خلقا.

Тамъ-же, л. 30ᵇ, цитуются стихи изъ элегіи на смерть Фудâлы (№ III), а именно

وقال ايضا فى فضالة بن كلدة

الهفا عـــلى حسن آلائه * على الجابر الحىّ و الحارب
ورقبته حـتـمـات الـمـلـو * ك بين السرادق والحاجب

ورقبته اى انتظاره اذن الملوك وجعله بين السرادق والحاجب ليدلّ على مكانته من الملك

ويكفى المقالة اهل الرجال * غـيـر مصيب ولا عائب

[1] У Абу-Ханифы другихъ стиховъ Ауса нѣтъ.

И вслѣдъ за этимъ мы читаемъ وانشد ايضا

وخـصـم غـضـاب ينفضون رؤسهم * اولى قدم فى الشغب صهب سبالها
ضربت لهم ابـط الشمال فاصبحت * يــردّ غـواة آخـريـن نـكالـهـا

ابط الشمال يعنى القواد لانه يكون فى تلك الناحية

Хотя выраженіе وانشد ايضا допускаетъ и другое толкованіе, но въ виду размѣра, риѳмы и смысла весьма возможно, что эти два стиха принадлежатъ къ піесѣ XXXV изданія д-ра Гейера.

Мы надѣемся, что молодой вѣнскій арабистъ обогатитъ научную литературу еще многими прекрасными изданіями и изслѣдованіями. У него есть всѣ данныя для того, чтобы стать достойнымъ преемникомъ Альвардта и Торбеке въ области изученія древнеарабской поэзіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ да будетъ намъ позволено выразить желаніе, чтобы его труды преимущественно были направлены на изданіе древнѣйшихъ *дивановъ* съ одной стороны и древнѣйшихъ же сохранившихся филологическихъ *монографій* съ другой. Намъ кажется, что это больше соотвѣтствуетъ теперешнему состоянію нашей науки. Собраніе же отрывковъ можно смѣло предоставить будущимъ поколѣніямъ арабистовъ.

В. Р.

189. Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux Arabes publiés dans l'Europe chrétienne de 1810 à 1885 par Victor Chauvin, professeur à l'université de Liége. I. Préface. — Table de Schnurrer. — Les Proverbes. Liége. Impr. H. Vaillant-Carmanne. 1892. CXVII+72 стр. 8°.

Начиная со временъ Шнуррера арабисты были лишены всякихъ сколько нибудь сносныхъ библіографическихъ пособій для своей спеціальности. Между тѣмъ при быстромъ развитіи какъ всѣхъ другихъ, такъ и этой отрасли востоковѣдѣнія, пробѣлъ этотъ становился все болѣе и болѣе чувствительнымъ. Bibliotheca Orientalis Ценкера восполнила его только въ весьма незначительной степени, такъ какъ въ ней совсѣмъ оставлена въ сторонѣ вся громадная журнальная литература. Только за самое послѣднее время, благодаря библіографическимъ трудамъ І. Клатта и А. Мюллера арабисты, какъ и всѣ другіе оріенталисты получили возможность слѣдить за движеніемъ научной литературы. Нельзя поэтому не привѣтствовать съ искреннѣйшей радостью книгу профессора В. Шовэна въ Люттихѣ, заглавіе которой выписано выше. Первый выпускъ, лежащій передъ нами, содержитъ: 1) предисловіе, стр. I—XXXIX, 2) указатель къ Bibliotheca arabica Шнуррера (XLI—CXVII) и 3) первую часть самой библіографіи, посвященную пословицамъ. Въ предн-

словіи авторъ высказываетъ свои взгляды на задачи и значеніе библіографіи вообще, указываетъ на методъ и пріемы, которые должны господствовать въ ней, даетъ оцѣнку своихъ предшественниковъ, т. е. Шнуррера, Ценкера и А. Мюллера, и наконецъ излагаетъ планъ своей собственной работы. Всѣ эти соображенія и разсужденія отличаются замѣчательной ясностью и по истинѣ освѣжающимъ здравымъ смысломъ, и заслуживаютъ безусловнаго одобренія. Какъ опытный библіографъ, авторъ составилъ и самое заглавіе своего сочиненія такъ, чтобы сразу было видно, чего читатели могутъ ожидать въ его книгѣ: они *въ правѣ* ожидать въ ней *систематическаго* перечня арабскихъ или относящихся къ арабамъ сочиненій, напечатанныхъ въ христіанской Европѣ отъ 1810 — 85 гг., понимая слово «ouvrage» въ самомъ широкомъ смыслѣ, включающемъ также и статьи, замѣтки, критики, рецензіи. На самомъ дѣлѣ читатель найдетъ въ ней гораздо больше. Дѣло въ томъ, что авторъ, будучи вынужденнымъ внѣшними[1]) условіями отказаться отъ систематическаго описанія такъ называемыхъ «восточныхъ изданій» (т. е. изданій, появившихся въ Турціи, Азіи и Африкѣ), всё-таки счелъ возможнымъ помѣщать о нихъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя ему были доступны и которыхъ, конечно, оказалась масса. Равнымъ образомъ онъ не исключалъ также и тѣхъ дополненій или поправокъ къ Шнурреру, которыя онъ по пути находилъ. Наконецъ онъ принялъ также и такія явившіяся послѣ 1885 года изданія, которыя имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ сочиненіямъ, прямо входящимъ въ планъ библіографіи. Всѣ эти, въ общемъ весьма значительныя, добавленія помѣщены подъ строкой въ видѣ примѣчаній. Такимъ образомъ богатство свѣдѣній получается поразительное. Но и этимъ еще не исчерпываются всѣ заслуги книги В. Шовэна. Обращаясь къ самой библіографіи, т. е. къ первому, единственному пока появившемуся отдѣлу ея, посвященному пословицамъ, мы сейчасъ же видимъ, какъ широко авторъ понимаетъ свою задачу: онъ тщательнымъ образомъ слѣдитъ за всѣми нитями, которыя соединяютъ арабскую литературу съ средневѣковой еврейской и европейской[2]), такъ что напр. въ слѣдующихъ выпускахъ, которые будутъ посвящены Калилѣ, Антару, Локману, Варлааму, 1001 ночи, Синдбаду и пр., мы можемъ ожидать полной библіографіи этихъ знаменитыхъ сочиненій. Такимъ образомъ библіографія г. Шовэна пріобрѣтаетъ большое значеніе далеко за предѣлами собственно арабской филологіи.

---

1) Именно невозможностью видѣть и описывать *de visu* сколько нибудь значительное число такихъ изданій въ Люттихѣ.

2) Ср. напр. p. 23 и сл.

Авторъ говоритъ (p. XXXI), что трудъ этотъ, надъ которымъ онъ работалъ 20 лѣтъ, въ рукописи совершенно готовъ. Судя по первому выпуску, онъ исполненъ добросовѣстно. Онъ *долженъ* поэтому стать настольной книгой для всякаго арабиста и гебраиста и для всѣхъ оріенталистовъ такъ или иначе заинтересованныхъ въ арабской средневѣковой литературѣ. Вполнѣ обязательнымъ является пріобрѣтеніе ея для всякой университетской или другой большой библіотеки и весьма не лишней она будетъ въ библіотекѣ изслѣдователя вообще средневѣковой исторіи и литературы. Авторъ печатаетъ книгу на свой счетъ, цѣна назначена умѣренная — 50 сантимовъ за 1 печатный листъ въ 16 стр. 8°. Листовъ будетъ по приблизительному разсчету отъ 100 — 130, такъ что все сочиненіе будетъ стоить отъ 50 — 65 франковъ. Но оно будетъ выходить выпусками, что значительно облегчитъ пріобрѣтеніе. Пожелаемъ же, чтобы авторъ нашелъ достаточное число подписчиковъ и чтобы печатаніе могло продолжаться безостановочно. Окончаніе его обогатитъ научную литературу капитальнымъ произведеніемъ, за которое автора нельзя не благодарить самымъ искреннимъ образомъ[1]).

1) Довольно большое число мелкихъ погрѣшностей и нѣкоторые крупные промахи, которые отмѣчаетъ д-ръ А. Фишеръ въ своей рецензіи на книгу В. Шовэна въ Centralblatt für Bibliothekswesen за 1892 г. — я пользуюсь отдѣльнымъ оттискомъ, обязательно сообщеннымъ мнѣ В. В. Бартольдомъ—не умаляютъ общаго значенія труда бельгійскаго ученаго. Если онъ приметъ во вниманіе замѣчанія рецензента и свою рукопись подвергнетъ еще разъ тщательному просмотру, то слѣдующіе выпуски, конечно, явятся въ болѣе совершенномъ видѣ также и относительно частностей.

В. Р.

Мусульманскія печатныя изданія въ Россіи за 1891 годъ [1]).

ایمان رسالەسی См. дальше: الفبا رسالەسی صبیلر اوچون

کتاب مستطاب شرف مآب اوراد فتحیّه.— از مصنفات قطب الاقطاب حضرت میر سید علی همدانی *A.-T.* Унв. 24 стр. 8° .... 5.000 экз.

ایمان رسالەسی. الله تعالی‌ننك برلکینه ایمان کیلترمك روشی و هم اعتقاد و عبادت قیلوننك روشلری.— الفبا رسالەسی صبیلر اوچون— صبیلر اوچون امتحان رسالەسی *T.* Унв. 65 — 16° .... 4.800 —

باقرغان کتابی *T.* Унв. 80 — 8° .... 12.000 —

بدء المعارف قراتی و فهمی آسان و حفظ واعتقادی لازم اولان علم التوحید و الصفات رسالەسیدر.— معارف اسلامیەدن جزء ثانی در.— علما ثقاتنك صواب کورمکلریله ایکنچی مرتبه طبع ایدلدی *T.* Унв. 16 — 8° .... 6.000 —

پندنامهٔ عطار *П.-T.* Унв. 92 — 4° .... 2.400 —

تاریخ شجرهٔ ترك ابو الغازی بهادر خان بن عرب محمد خان الجنکیزی الخوارزمی‌ننك تالیفیدر ترکی لسانی‌ننك قزان مسلمانلاری لغتی اوزره عبد العلام فیض خان اوغلی‌ننك اجتهادیله هجرة ننك ۱۳۰۸ سنەسنده یازلمشدر *T.* Унв. 226 — 8° .... 1.200 —

(التثبیت عند التبییت) ارجوزة للسیوطی ذکر فیها فتنة القبور و ما یتعلق بها فی مائة و ثلثة و سبعین بیتا و شرحها جماعة من العلماء (کشف الظنون) *A.* Унв. 20 — 8° .... 2.400 —

1) См. Зап. В. О. т. VI, 389—396. Система условныхъ сокращеній въ настоящій разъ соблюдена прежняя.

T. تربيه كتابى عبد القيوم ملا عبد الناصر اوغلىننك تصنيفى در
Унв. 32 — 4° . . . . 1.000 экз.

تعبيرنامه ينابع ترجمه‌سى T. Унв. 51 — 8° . . . . 3.000 —

تعلم الصلوة A. Унв. 48 — 8° . . . . 10.000 —

كتاب جامع الرموز من تصنيفات العالم الربانى و العامل الصمدانى
المولى شمس الدين محمد القهستانى من علماء الدولة الشيبكى A.
Чрк. 455 + 391 in-fol. . . . . 1.500 —

الجزء الثالث و الرابع من كتاب جامع الرموز و غواص البحرين A.
Унв. 712 in-fol. . . . . 2.200 —

جدول (Таблица степеней родства съ обозначеніемъ правъ на
извѣстныя доли наслѣдства) A.-T. Вчс. 1 листъ . . . . 10.000 —

خاصية دعاء قرنجه A.-T. Вчс. 1 — 4° . . . . 60.000 —

حسن المشرب فى صرف لسان العرب T. Унв. 156 — 8° . . . . 4.800 —

هذا كتاب حلية المصلى T.-A. Чрк 48 — 8° . . . . 3.000 —

خواجه نصرالدين .— مشهور و معروف خواجه نصرالدين لطائف ايلان
فروزه سلطان ايله راز زنهان حكايرلرى (sic) O. Чрк. 32 — 8°. . 5.000 —

دعاء سيفى خاصيتلرى برلان A.-T. Унв. 32 — 16° . . . . 5.000 —

دعاء قدح النور و تفسير ابجد A.-T. Унв. 16 — 16° . . . . 20.000 —

رد نامه П.-T.-A. Вчс. 16 — 16° . . . . 15.000 —

هذه الرسالة الباهرة الزاهرة الفائقة الموسومة بالطريقة المثلى و العقيدة
الحسنى من تأليف استاذى و مولاى و ملاذ استاذ الاساتذة سلطان
المحققين و برهان المدققين شهاب الدين بن بهاء الدين المرجانى A.
Чрк. 15 — 8° . . . . 1.800 —

الرسالة الخالدية فى الرابطة النقشبندية للشيخ الامام والقطب الهمام
مولانا خالد البغدادى النقشبندى العثمانى قدس الله سره A. Унв.
29 — 8°. . . . . 1.400 —

رسالة عزيزه شرح ثبات العاجزين T. Чрк. 296 — 8°. . . . . 4.000 —

سواد خوان .— صبيان اوچون سواد تعليمنى و تعليمننك بعض اصولنه
تنبيه‌نى و برنچه فوائدنى مشتمل اولان (سواد خوان) نامنده بر رسالة
لطيفه در خدمة دينيه اولق امليله عالم جان بن محمد جان بارودى
ترتيب ايدن معارف اسلاميه‌ننك جزء اولى در T. Унв. 24 — 8°. 5.000 —

سور من القران *A.* Чрк. 16 — 16⁰. . . . . 18.000 экз.
هذه شجرة مباركة اصلها آدم عليه السلام و ثمرها نبينا المعظم و رسولنا المكرم الخ *A.-O.* Чрк. 1 листъ . . . . 3.000 —
شمايل (Молитвы съ изображеніями священныхъ реликвій). *T.-A.* Унв. 1 листъ. . . . . 10.000 —
صبيلر اوجون امتحان رسالهسى См. выше: ايمان رسالهسى.
صَدْ پَنْدْ سُودْ مَند براى فرزند خردمند حضرت لقمان حكيمكا رحمه الله منسوب اولان ديانت واخلاقده فائدهلى اولان يوز سوزنى ترجمه ايدلدى و آنكا حكماء فرسدن بزرجمهرننك حكمة نافعهسنى ضم ايدلدى حفظ ايتدروب اوقوتولسه اخلاقده و هم فارسيغه صبيانغه آشنالق تحصيلنده فائده ايدر عالم جان بارودى *T.* Унв. 19 — 8⁰. 2.400 —
عبرت نامه كتابى عرب عبارتيله مؤلف نصايح كتابندن قزانى تركى تلنه ترجمه قلنمش وعظ و نصيحتلرى حاوى كتابدر *T.* Унв. 40 — 8⁰ . . . . 16.000 —
غواص البحرين См. выше: الجزء الثالث و الرابع من كتاب جامع الرموز
فتاوى البزازية للشيخ الامام حافظ الدين محمد بن محمد بن شهاب المعروف بابن البزاز الكردرى الحنفى المتوفى سنة ٨٢٧ سبع و عشرين وثمانمائة و هو كتاب جامع لخص فيه زبدة مسائل الفتاوى و الواقعات من الكتب المختلفة و رجح ما ساعده الدليل و ذكر الائمة ان عليه التعويل الخ *A.* Вчс. 473 + 551 in-fol. . . . . 1.500 —
فضائل الشهور *T.* Чрк. 64 — 8⁰ . . . . 14.300 —
فوايض الاطفال *T.* Унв. 28 — 16⁰. . . . . 10.000 —
قرآن تهليللارى و دعاء عجايب الاستغفار و صلوات شريف و باشقه شريف دعالار *A.-T.* Чрк. 16 — 16⁰. . . . . 3.900 —
Idem. Унв. 16 — 16⁰ . . . . 20.000 —
قرق حديث كتابى *A.* Чрк. 8 — 16⁰. . . . . 4.000 —
قرق وزير قصهسى عثمانلى تلندن ترجمه قيلنوب قزانده دورتنجى مرتبه باصلدى (عبد القيوم عبد الناصر اوغلوننك ترجمانندندر) *T.* Унв. 165 — 8⁰ . . . . 1.200 —
(قصص الانبياء ربغوزى) بو قصص الانبيا كتابى رباط اوغوزىنينك

قاضیسی برهان الدین اوغلی ناصر الدین تصنیفی دور *T.* Унв. 555 — 8° . . . . 3.000 экз.

کتاب قصهٔ حضرت یوسف علیه السلام *T.* Чрк. 64 — 8° . . . . 17.000 —

قصه صنوبر بن خرشید شاه *T.* Вчс. 48 — 4° min. . . . . 2.400 —

قصهٔ طاهر *T.* Унв. 48 — 16° . . . . 2.400 —

بو رسالهکا نام قواعد الاسلام *T.* Унв. 65 — 16° . . . . 1.000 —

قواعد الاعراب و العوامل مع شرحهما الذی هو مفید للمبتدئین و هدیة الصبیان و رسالة تصرفات و العوامل مزینا هوامشها بحاشیة معینة للمعلمین و مذیلا بحلی التراکیب *A.* Унв. 169 — in-fol. . . . . . 2.400 —

(بکر منچی‌یل) کالیندار ۱۸۹۲ نچی یلغه لویلی کبیسه یلی ۳۶۶ کون بکرمنچی مرتبه باصدرادر عبد القیوم ملا عبد الناصر اوغلی *T.* Унв. 48 — 8° . . . . 2.000 —

کالیندار ۱۸۹۲ نچی یل اوچون کبیسه یلی بو کالیندارننك چقغاننه ایکنچی یل زویه اویازی چوکری آلان قریه‌سنده امام جامع و مدرس شهاب الدین عبد العزیز اوغلی رحمة الله اوغلی‌ننك تصنیفی *T.* Вчс. 52 — 8° . . . . 1.000 —

کتاب الصلوة اوچون تتمة بلدة قزانده خادم العلم عالم جان بن محمد جان البارودی ترتیب کردهسی اولان معارف اسلامیه‌دن جزء سادس در *T.* Унв. 24 — 8° . . . . 5.000 —

کعبهٔ شریف (Рисунокъ Каабы). Унв. 1 листъ . . . . 15.000 —

کیسك باش کتابی *T.* Чрк. 16 — 16° . . . . 13.000 —

کتاب اللباب مع الارجوزة *A.* Унв. 32 — 8° . . . . 10.000 —

ماهیة التصوف للشیخ ابی سعید الخادمی. См. выше: الرسالة الخالدیة.

کتاب مستطاب محمدیه از تصنیفات قطب العارفین محمد چلبی *O.* Унв. 366 — in-fol. . . . . 3.300 —

مختصر ایمان *T.* Чрк. 16 — 16° . . . . 14.000 —

کتاب مختصر الوقایة فی مسائل الهدایة للفاضل العلامة صدر الشریعة عبید الله بن مسعود بن تاج الشریعة *A.* Унв. 192 — in-fol. . . 3.000 —

کتاب المعاملات معارف اسلامیه‌دن جزء تاسع در بلدة قزانده خادم العلم عالم جان بن محمد جان البرودی‌ننك کتب معتبرهکا مراجعتله اولان ترتیبی در *A.-T.* Унв. 47 — 8°. . . . . 5.000 —

ملا جامی علی الكافیه... فان شرح الكافیة الحاجبیة المسمی بالفوائد الضیائیة للفاضل الكامل السامی مولانا نور الدین عبد الرحمن بن احمد الجامی قدس سره العالی المتوفی بهراة سنه ۸۹۹ كتاب شریف و تألیف لطیف مفید فی حل متنه مغن عن سائر شروحه *А.* Вчс. 228 — in-folio . . . . 2.000 экз.

ملحمه *Т.* Вчс. 181 — 8⁰. . . . . 1.300 —

مهر شریف *А.-Т.* Чрк. 1 листъ. 18.000 —

هذا كتاب مهمة المسلمین ترجمه قیلندی امام غزالی حضرتلرینینك احیاء علوم الدین كتابندن *Т.* Унв. 48 — 8⁰. . . . . 9.600 —

نمونه یاكه انموذج روس تلی ننك اوقو قاعدەلرین و دخی صرف و نحو قاعدەلرین مشتمل بر رساله در برمقدمه و بش باب اوزه (sic) عبد القیوم عبد الناصر اوغلی ننك تصنیفی در (= «Образецъ русско-татарской грамматики, по методѣ арабской грамматики. Составилъ Насыровъ»). *Т.-Р.* Унв. 184 — 8⁰ . . . . . 1.200 —

نمونهٔ حساب بلدة قزانده خادم العلم عالم جان بن محمد جان البارودی ترتیبی در *Т.* Унв. 24 — 8⁰ . . . . 3.500 —

رسالهٔ نور نامه یعنی حضرت رسول علیه السلام نوری ننك یاراتلوی وخاصیتلارینی بیان ایدر *Т.-А.* Чрк. 15 — 8⁰ . . . . 14.700 —

هفتیك شریف *А.* Чрк. 16⁰. . . . . 20.000 —

В. Смирновъ.

СПБ. 23 мая 1892.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сергѣй Георгіевскій. Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ. (Съ таблицами китайскихъ іероглифовъ). Спб. 1892. XIV + 117 стр. 8° + XV табл. литограф. Цѣна 1 р.

Е. А. Маловъ. Миссіонерство среди мухаммеданъ и крещеныхъ татаръ. Сборникъ статей каѳедральнаго протоіерея — —. Посвящается моей дорогой «Alma Mater» — казанской Духовной Академіи, въ день ея пятидесятилѣтняго юбилея, 27 сентября 1892 года. Казань 1892. 462 стр. 8°.

Евг. Ламанскій. Индія. I О неурожаяхъ въ Индіи. II Современная Индія. Съ картою желѣзныхъ дорогъ въ Индіи. Экономическій этюдъ — —. Спб. 1893. X+VII+441 стр. 8°.

В. Межовъ. Библіографія Азіи. Указатель книгъ и статей объ Азіи на русск. яз. и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ, касающихся отношеній Россіи къ азіатскимъ государствамъ. Томъ I. Востокъ вообще. Китай, Манджурія, Монголія, Джунгарія, Корея, Тибетъ, Японія, Индо-Китай, Индія, Персія, Белуджистанъ, Турція, Аравія, Авганистанъ, Среднеазіатскія ханства и русскія владѣнія въ Средней Азіи. (Издано на средства Главнаго Штаба). Составилъ — —. Спб. 1891. II+230 стр. 8°. Томъ II. Инородцы финскаго, татарскаго и монгольскаго происхожденія, обитающіе въ Россіи. Кавказскіе инородцы. Спб. 1892. (Содержитъ стр. 231—389, продолженіе перваго тома и VII+48 стр. втораго).

Всев. Миллеръ. Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка. Введеніе, тексты и словарь. Спб. 1892. IV + IV + 90 стр. больш. 8°. Цѣна 80 коп. [Изд. И. Акад. Наукъ].

Н. П. Остроумовъ. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Выпускъ второй. Народныя сказки сартовъ. Съ четырьмя рисунками. Ташкентъ 1892 [1]). XVI + 176 стр. 8°. Цѣна 1 р. 20 к.

В. В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій — —. Выпускъ пятый. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialekte von Dr. W. Radloff. Fünfte Lieferung. Спб. 1892. Столб. 1281—1600. Цѣна 1 р. [Изд. И. Акад. Наукъ].

Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. I. Предварительный отчетъ о результатахъ снаряженной съ Высочайшаго соизволенія Импер. Академіей Наукъ экспедиціи для археологическаго изслѣдованія бассейна рѣки Орхона. В. В. Радлова. Съ приложеніями. Спб. 1892. 113 стр. 8°. Цѣна 80 коп. [Изд. И. Акад. Наукъ. Содержитъ: В. В. Радлова. Предварительный отчетъ, стр. 1 — 12; письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова, стр. 13 — 23; предварительный отчетъ поѣздки изъ Эрденп-Цзу въ Кяхту С. М. Дудина, стр. 24 — 27; предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ по рр. Толѣ, Орхону и въ южномъ Хангаѣ, Н. М. Ядринцева, стр. 27 — 40; предварительный отчетъ члена Орхонской экспедиціи Н. П. Левина, стр. 41 — 50; отчетъ экспедиціи на Орхонъ, совершенной въ 1889 г. по порученію Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. Н. М. Ядринцева, стр. 51 — 113].

В. В. Радловъ. Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ древностей Монголіи, изданный по порученію Императорской Академіи Наукъ — —. Спб. 14 стр. больш. folio и 64 табл.

П. Шубинскій. Очерки Бухары. Спб. 1892. 107 + II стр. 8°.

Н. М. Ядринцевъ. Сибирь какъ колонія въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Изд. второе, испр. и доп. Изд. Сибирякова. Спб. 1892. XVI + 720 стр. Цѣна 4 р.

Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. Tome X. Livr. 2. (Avec 2 Planches). St. P. 1892. Pages 173 — 436. [Содержитъ: C. Salemann. Noch einmal die Seldschukischen Verse, p. 173 — 245; C. Salemann et S. Oldenburg. Böhtlingk's Druckschriften, p. 247 — 256; W. Radloff. Eine neue Methode zur Herstellung von Abklatschen von Steininschriften,

---

1) Такъ на заглавномъ листѣ. На оберткѣ поставлено 1893.

p. 257 — 270; C. Salemann. Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen, p. 271—292; Dr. O. von Lemm. Koptische apokryphe Apostelacten II. (Mit 2 Tafeln), p. 293 — 386; W. Radloff. Ueber eine neu aufgefundene uigurische Inschrift, p. 387 — 389; Dr. W. Radloff's Vorläufiger Bericht über die Resultate der mit Allerhöchster Genehmigung von der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften ausgerüsteten Expedition zur archaeologischen Erforschung des Orchon-Beckens. Aus dem Russischen übersetzt von O. Haller, p. 391 — 436].

Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise en 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors 1892. 2 + XLIV + 48 p. fol. и 3 + 66 табл. и 1 карта.

ИСПРАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Страница. Строка.

84 24 E. Sachau, въ Arabische Volkslieder aus Mesopotamien (Philos. u. Histor. Abh. d. kgl. Akad. d. Wiss. zu Berlin, a. d. J. 1889, Berlin 1890), говоритъ (стр. 4—5): Die Araber sind dem quantitirenden Princip zu aller Zeit treu geblieben. Sie massen und messen die Silben nach Länge und Kürze.... Für das innere Leben des Verses ist aber nicht mehr Länge und Kürze allein massgebend, sondern diese werden... einer höheren Instanz unterordnet: dem Gesetz der Dipodie... Die Dipodie hat zwei Accente, einen Haupt- und einen Neben-Accent... Es ist das Verdienst Guyard's auf dies Gesetz, das der arabischen Metrik wesentlich andere Wege als diejenigen, welche die classische wandelt, angewiesen hat, zuerst aufmerksam gemacht zu haben.

Такое платоническое признаніе заслуги покойнаго Guyard'a не много значитъ, такъ какъ Westphal, который столь охотно говоритъ о диподіи, продолжаетъ видѣть въ арабскихъ стихахъ простые греческіе (ямбы, анапесты и др.) метры [Allgemeine Metrik d. indog. u. sem. Völker, Berlin 1893, p. 478—485] по общепринятому шаблону произвольной замѣны короткихъ долгими и наоборотъ.

34 *вмѣсто:* St. *читай:* S.

85 13 » , въ 1825 г., » въ 1825 г.

20 » и вмѣсто » и, вмѣсто

86 10 четыре года.—Статья закончена мною лѣтомъ 1891 г.

12—13 *вмѣсто:* но не провелъ *читай:* но безъ доведенія

93 17 *вычеркни:* но,

Страница.	Строка.				
93	18	*вмѣсто:*	моменть	*читай:*	моментъ
96	11	»	сомнѣнія	»	сомнѣнія,
98	17	»	напр.,	»	, напр.:
100	23	»	sâlimun	»	sâlimun,
101 пр. 4)	стр. 5	»	съ нимъ; отсюда	»	съ нимъ. Мы видимъ подобное явленіе безъ перемѣщенія ударенія въ
104	4	»	когда	»	, когда
	13			*Нужно читать:*	eľ-yĕ́du или, скорѣе, eľ-yĕ́du. Ср. мое замѣчаніе на стр. 108 относительно ударенія; здѣсь рѣчь идетъ объ акцентахъ. El можетъ получать подъ-удареніе.
109	2	*вмѣсто:*	другіе,	*читай:*	другіе;
	13	»	но если	»	но, если
110	1—5				См. страницу 115, прим. 2)
111	20	*вмѣсто:*	...ـُوا	*читай:*	ـُو[نَ]
113 прим. 1)					Нечего смущаться появленіемъ הִפְעִיל=أَفْعَلَ въ יַשְׁקִיט: если глагольный видъ иной, то форма одинакова и процессъ тотъ же; יִשְׁמוֹר=يَسْمُرُ, יַשְׁקִיט=يُسْقِطُ.
114 прим. 1)	стр. 10	*вмѣсто*:	Metrik.	*читай:*	Metrik
	20	*вмѣсто:*	, кстати	»	, кстати,
	27	»	eircumcid*a*t	»	circumcid*a*t
121	6	»	مفاعتلن	»	مفاعلتن
122	5	»	представляемъ	»	предоставляемъ
прим. 1)	стр. 6	»	злѣя,	»	змѣя,
123	18	»	خبن)	»	خبن);
	25	»	Verse	»	Fusse
128	*ult.*	»	Fr. 70—71;	»	(Fr. 70—71);
131	11	»	Асмасій	»	Асмаʿій
132	4	»	مفتَعِلُ	»	مفتَعِلُنْ
	16				Еще одинъ примѣръ даетъ Камиль эль-Мобарреда, изд. Wright'a, стр. 731 въ стихѣ Аус-ибн-Хаджара (въ новоизданныхъ Ged. u. Fragm. d. 'Aus ibn Ḥajar,

Страница. Строка.

ges., her. u. übers. v. D-r. R. Geyer, Wien 1892, 1-е полустишіе стиха 20 піесы ٢٠, стр. ١٣):

وذاتُ هِدْمٍ عارٍ نَواشِرُها
مفا علن مفْ عولاتُ مستفعلن

136 прим. 2) — У Fr. описка или опечатка во 2-мъ стихѣ Мотенеббія; надо читать غَلْبَة.

137 24 — Этотъ стихъ по подбору образовъ, по всей вѣроятности принадлежалъ сатирѣ. — Во всемъ диванѣ Мотенеббія, по тщательной провѣркѣ, оказалось одно только стихотвореніе написанное مُجْتَثّ'омъ (Диванъ, изд. Dieterici, стр. ٧٢٣ — ٧٢٤), злая сатира въ 39 стихахъ, изъ которой Fr. 278—279 привелъ начало, разобранное нами на стр. 136—137.

139 7—8 — Невозможность исчезаетъ, если мы рѣшаемся ввести مفعولن какъ разновидность فاعلن, о чемъ была рѣчь на стр. 130—131.

139, *ult.*—140, 1 — Выставляя فاعلةْ въ концѣ стиха, мы имѣемъ въ виду напирать на происхожденіе своеобразнаго ضرب-а и значеніе каждой составной части ритма; но, разъ не будетъ уже вопроса о методѣ, мы безъ зазрѣнія совѣсти замѣнимъ его черезъ فاعلاتن, точно такъ какъ мы въ بسيط ввели مفعولن, не настаивая на مستفعلن—разновидности مستفعلن. Благодаря подобнымъ передѣлкамъ, мы остаемся вѣрными принципу давать стопамъ имена, почерпнутыя изъ свода грамматическихъ формъ языка, но отнюдь не отступаемъ отъ занятыхъ нами позицій.

140, *ult.*—141, 1 — Этотъ анекдотъ разсказанъ въ Агани, изд. Бул., въ 5-й книгѣ на стр. 61. Тамъ-же, посл. строка, надо читать وهو الذى يقول ذهبتو (а не ذهبت).

142 прим. а) *вмѣсто*: собою о *читай*: собою O

143 5 » do-re ♯ » do-re ♭

» do♯-la » fa♯-la

144 24—25 — Тактъ $^2/_2$ есть, разумѣется, только разновидность $^4/_4$ и носитъ характерное названіе alla breve.

Страница.	Строка.				
144	41	*вмѣсто:*	положеніемъ	*читай:*	положеніямъ
	прим. б)		Здѣсь говорится объ уничтоженіи удареній, не въ словахъ (удлиняются вѣдь помощью синкопы исключительно слоги съ удареніемъ), а въ мелодіи.		
148	19	*вмѣсто:*	التحة	*читай:*	المحة. Любезно доставленный профессоромъ de Goeje точный снимокъ съ подлежащаго мѣста лейденской рук. оправдываетъ Козегартена, хотя послѣдній напрасно прибавилъ діакритическія точки; но вмѣсто المحة необходимо читать أَلمِحَة, такъ какъ членъ здѣсь немыслимъ, и такъ какъ здѣсь требуется слово выражающее чрезвычайную быстроту[1]).
150	7	*вмѣсто:*	гдѣ	*читай:*	, гдѣ
152	4		Цифру 1) надо перенести къ слову والمنزدف.		
157	прим. 3)	*вмѣсто:*	ал-	*читай:*	эль-

1) Я предпочелъ бы читать просто لمحة В. Р.